

*По благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II*

ПРЕПОДОБНЫЙ

СИМЕОН
НОВЫЙ БОГОСЛОВ

ТВОРЕНИЯ

ТОМ 3

Божественные
гимны

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

1993

БОЖЕСТВЕННЫЕ
ГИМНЫ
ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Переводъ съ греческаго

съ изображеніемъ св. Отца, вступительной статьей, предисловіемъ къ гимнамъ ученика преп. Симеона Никиты Стибата.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія И. И. Иванова.
1917.

О гимнахъ преп. Симеона Новаго Богослова.

Читателямъ, интересующимся духовною литературой, давно уже пзвѣстны слова или бесѣды преп. Симеона Новаго Богослова, переведенныя на русскій языкъ епископомъ Теофаномъ и изданныя въ двухъ выпускахъ Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ; между тѣмъ гимны преп. Симеона доселѣ оставались у насъ непереведенными и неизвѣстными. Въ греческомъ изданіи твореній Симеона Новаго Богослова ¹⁾ слова и главы, которыя именно всѣ сполна и переведены еп. Теофаномъ, составляютъ первую часть книги; во второй же значительно меньшей части помѣщены гимны преп. Симеона, написанные въ поэтической, стихотворной формѣ. Настоящій переводъ и имѣеть цѣлю дать возможность русскимъ читателямъ ознакомиться съ этимъ, другимъ родомъ произведеній преп. Симеона Новаго Богослова—его Божественными гимнами, не менѣе интересными и примѣчательными, чѣмъ изданныя ранѣе въ русскомъ переводѣ слова св. Отца.

Подлинность гимновъ преп. Симеона доказывается изъ житія его, изъ древнихъ рукописей и на основаніи тождества идей, заключающихся въ словахъ Симеона и въ гимнахъ.

¹⁾ Это изданіе озаглавлено такимъ образомъ: *Τὸ ὅσιον καὶ Θεοφόρον πατὴρ ἐμῶν Σιμεὼν τοῦ νέου Θεολόγου τὰ ἐδριάζόμενα, διηρημένα εἰς δύο: ὃν τὸ πρῶτον περιέχει λόγους τοῦ ὁσίου λίαν ψυχοφελείς μεταφρασθέντας εἰς τὴν κοινὴν διὰλεκτον παρὰ τοῦ παροισιολογιατάτου πνευματικοῦ κυρίου Μοννοῦ Ζαγοραίου, τοῦ ἐνασκήσαντος ἐν τῇ νήσῳ Πιπέρι, τῇ κεκλιμένῃ ἀπὸ τῆς ἀγίας Ὁροῦς· τὸ δὲ δευτέρον περιέχει ἑτέροισι λόγοις αὐτοῦ διὰ στίχων πολιτικῶν πάνυ ὠφελίμους μετ' ἐπιμελείας πολλῆς διορθωθέντα, καὶ τὸν πρῶτον τόποις ἐκδοθέντα εἰς κοινὴν τῶν ὁμοδόξων ὠφέλιαν. Ἐνετειχον. 1790.* Второе точно такое же греческое изданіе твор. Симеона НБ. вышло въ Сѣврѣ 1886.

Въ житіи преп. Симеона Новаго Богослова, написанномъ ученикомъ его Никитою Стиватомъ, неоднократно говорится, что Симеонъ, занимаясь писательствомъ, слагалъ исполненные любви Божественныя гимны (*τῶν θεῶν ὕμνων τοὺς ἔρωτας*), составлялъ экзегетическія, катехизическія и другія слова, писалъ аскетическія главы, посланія и пр.¹⁾ Въ разныхъ библиотекахъ существуетъ немало рукописныхъ кодексовъ 12, 13, 14 и позднѣйшихъ вѣковъ, въ которыхъ или особо или на ряду со словами Симеона помѣщаются и Божественныя гимны, написанныя именемъ преп. Симеона, игумена монастыря св. Маманта, или Новаго Богослова²⁾. Сличеніе содержанія гимновъ и словъ Симеона показываетъ, что въ нихъ развиваются однѣ и тѣ же какъ общія или основныя, такъ и частныя идеи. Къ первымъ должно быть отнесено ученіе Симеона о Богѣ, какъ свѣтѣ, являющемся вѣрующему въ непосредственномъ созерцаніи, и его ученіе о томъ, что для спасенія необходимо еще здѣсь на землѣ воспринять внутрь царствіе Божіе—благодать Св. Духа и опытно познать и ощутить ее умомъ и чувствомъ. Кромѣ этихъ главныхъ идей, слова и гимны Симеона совпадаютъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ, именно въ ученіи о непостижимости Божества, о челоувѣкѣ, какъ образѣ Божіемъ, о будущемъ судѣ, о плачѣ и слезахъ и пр.³⁾.

Хотя въ словахъ и гимнахъ преп. Симеона содержится одно и то же ученіе, но между ними однако замѣчается и немалая разница. Слова Симеона представляютъ собою по преимуществу бесѣды или поученія, составленныя для на-

1) Въ имѣющемся у автора этихъ строкъ рукописномъ житіи преп. Симеона НБ. (копия съ кодекса Афонск. Пантелеимонова монастыря № 764—№6271 въ каталогѣ Ламброса т. II, стр. 428) на стр. 26 читаемъ: *ἀποστολικῆς ἀξιώσεως δωρεᾶς, τοῦ λόγου τῆς διδασκαλίας φημι, ὄργανον ἦν καὶ ὄρατο τοῦ Πνεύματος μυστικῶς κρούμενον ἀνοθεῖν καὶ πῆ μὲν τῶν θεῶν ὕμνων τοὺς ἔρωτας ἐν ἀμέτρον μέτρον συνέταξε: πῆ δὲ τοὺς λόγους τῶν ἐξηγήσεων ἐν αὐκνότητι ἐγραφε νοημάτων καὶ ποτε μὲν τοὺς κατηγορικοὺς συνεγράφετο λόγους: ποτε δὲ τῶν ἐπιστελλῶν ἐξάκουστος πᾶσιν ἐγένετο.* О гимнахъ въ нашемъ рукописномъ житіи Симеона говорится еще на стр. 91 и 118. См. также К. Holl: *Enthusiasmus und Bussgewalt beim Griechischen Mönchtum.* Leipzig 1898 s. 27.

2) Эти кодексы указаны выше на стр. XXV въ примѣчаніи первомъ.

3) Ср. особенно слово 45 и гимнъ 58; слова 60—61 и 34 гимнъ; 89 слово и гимны: 2, 17, 46 и 51; слова: 86, 90—92 и гимны: 3, 32, 40 и пр.

III

рода или для однихъ монаховъ и большею частію, вѣроятно, произнесенныя въ храмѣ; тогда какъ гимны суть не что иное, какъ келейныя записки или дневники Симеона, въ которыхъ онъ описывалъ свои видѣнія и созерцанія и изливалъ чувства любви, благоговѣнія и благодарности къ Богу. Слова Симеона излагаютъ его ученіе, его богословскіе и аскетическіе взгляды; гимны же изображаютъ намъ самую душу Симеона, ея чувства и переживанія. Поэтому гимны преп. Симеона наиболѣе характерны не для его богословской системы, не для его ученія, а для личности Симеона, для его настроенія, для его мистики. Гимны Симеона Новаго Божьего Слова вскрываютъ предъ нами какъ бы ту лабораторію, въ которой изготовлены и сложились глубокіе и оригинальные взгляды этого св. Отца.

Чистосердечное исповѣданіе своихъ грѣхопадений и немощей, описаніе необычайныхъ созерцаній и откровеній, какихъ сподобился Симеонъ, и благодареніе Богу за воспринятые отъ Него дары и благодѣянія—таково общее содержаніе гимновъ преп. Симеона. Являясь лирическимъ изліяніемъ религиозныхъ чувствъ св. Отца, почти всякій гимнъ Симеона начинается обращеніемъ къ Богу и имѣетъ форму благоговѣйнаго размышленія или бесѣды души съ Богомъ, въ которой преп. Симеонъ излагаетъ предъ Богомъ свои тревоги и недоумѣнія и, предлагая вопросы, получаетъ на нихъ отвѣты отъ Бога и разъясненія, или же просто форму молитвы, преисполненной глубочайшаго сокрушенія, смиренія и пламенной любви къ Богу, молитвы, въ которой Симеонъ, исповѣдая дивныя пути Промысла Божія въ своей жизни, возсылаетъ Богу хвалу и благодареніе за всѣ Его милости и которую заканчиваетъ обычно прошеніемъ или мольбою о спасеніи и помилованіи. Четыре гимна, помѣщенные въ греческомъ изданіи въ концѣ (52-й, 53, 54 и 55), могутъ быть названы молитвами въ тѣсномъ смыслѣ; двѣ послѣднія изъ нихъ получили у насъ и у грековъ даже обще-церковное употребленіе ¹⁾, какъ лишенныя специально біографиче-

¹⁾ Мы разумѣемъ „молитву ко св. Троицѣ“ и „молитву ко Господу нашему І. Х. о св. причащеніи“, которыя вошли въ послѣдованіе ко св. причащенію, особенно вторая. См. примѣчанія къ этимъ молитвамъ на стр. 245 и 250 настоящ. перевода гимновъ.

скихъ чертъ своего автора и образцовыя по силѣ и глубинѣ чувства.

Помимо такового общаго характера и содержанія, въ гимнахъ преп. Симеона можно различать и нѣкоторые частныя элементы: богословско-догматическій, нравственно-аскетическій и историко-біографическій. Такъ въ нѣкоторыхъ гимнахъ св. Отець затрогиваетъ темы догматическаго или вообще богословскаго характера, трактуя, напримѣръ, о непостижимости Божества (41 и 42 гимнъ), о св. Троицѣ (36, 45 и др. гимны), о Божественномъ свѣтѣ и его дѣйствіяхъ (40 и 37 гимнъ), о твореніи міра (44 гимнъ), объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ (34 и 43 гимнъ), о крещеніи, причащеніи и священствѣ (3, 9, 30 и 38 гимны), о страшномъ судѣ, воскресеніи и будущей жизни (42, 46 и 27 гимны) и пр. Сравнительно немногіе гимны представляютъ нравственныя предписанія общаго характера—для всѣхъ вѣрующихъ, или частнаго—для монаховъ (таковы гимны: 13, 18—20 и 33). Есть гимны, имѣющіе и историческую цѣнность: въ одномъ, напримѣръ, изъ гимновъ (50-мъ) преп. Симеонъ даетъ подробную характеристику разныхъ классовъ современнаго ему общества, особенно высшаго и низшаго духовенства, въ другомъ гимнѣ (37-мъ) рисуетъ духовный обликъ своего старца, Симеона Благовѣйнаго или Студита. Наконецъ, есть гимны, въ которыхъ заключаются указанія на нѣкоторые факты изъ жизни самого Симеона Новаго Богослова (см. 26-й, 30, 32, 35, 53 и др. гимны). Въ этомъ случаѣ особенно примѣчательнъ 39 гимнъ, гдѣ преп. Симеонъ говоритъ объ отношеніи къ нему родителей, братьевъ и знакомыхъ и о дивномъ водительствѣ Промысла Божія въ его жизни. Впрочемъ вышшняго, фактическаго матеріала для біографіи преп. Симеона въ гимнахъ сообщается весьма мало, черты же и событія, касающіяся внутренней жизни Симеона, разсѣяны едва ли не по всѣмъ гимнамъ.

Это именно и является, можно сказать, общею основою, общимъ фономъ или канвою для всѣхъ гимновъ Симеона, т. е. то, что всѣ они изображаютъ внутреннюю жизнь св. Отца, его переживанія, мысли, чувства, видѣнія, созерцанія и откровенія, то, что продумано, прочувствовано, выстрадано, увидѣно и дознано имъ на непосредственномъ, живомъ и постоянномъ опытѣ. Въ гимнахъ преп. Симеона нѣтъ и тѣни

чего-либо искусственного, выдуманного, сочиненного или сказанного для прикрасы; всё его слова идутъ прямо изъ души, отъ сердца и вскрываютъ, насколько возможно, его сокровенную жизнь въ Богѣ, высоту и глубину его мистическихъ переживаній. Гимны Симеона суть плодъ самаго непосредственнаго духовнаго опыта, плодъ живѣйшаго религиознаго чувства и чистаго, святаго вдохновенія.

Созерцающаго Бога то внѣ себя, какъ пресладкій Божественный свѣтъ, то внутри себя, какъ незаходимое солнце, непосредственно бесѣдуя съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, и получая отъ Него откровенія чрезъ Духа Святаго, отдѣляясь отъ видимаго міра и становясь на грани настоящаго и будущаго ¹⁾, восхищаемый на небеса, въ рай и бывая внѣ тѣла, горя внутри пламенемъ Божественной любви и слыша, наконецъ, въ глубинѣ души повелительный голосъ записать и повѣдать о своихъ дивныхъ созерцаніяхъ и откровеніяхъ, преп. Симеонъ невольно брался за перо и въ поэтической, вдохновенной формѣ излагалъ свои мысли, чувства и высокія переживанія. Необычайность созерцаній, сила чувства и полнота счастья и блаженства въ Богѣ не давали Симеону возможности молчать и заставляли писать. „И хотѣлъ я, говорить оны, молчать (о если бы я могъ!), но страшное чудо возбуждаетъ сердце мое и отверзаетъ оскверненныя уста мои. Говорить и писать даже и не хотящаго меня заставляеть Тотъ, Кто возсіялъ нынѣ въ моемъ мрачномъ сердцѣ, Кто показалъ мнѣ дивныя дѣла, которыхъ не видѣли очи, Кто снисшелъ въ меня“ ²⁾ и пр. „Внутри меня, пишетъ Симеонъ въ другомъ гимнѣ, горитъ какъ бы огонь, и я не могу молчать, не вынося великаго бремени даровъ Твоихъ. Ты, сотворившій птицъ, щебечущихъ разными голосами, даруй, просить далѣе св. Отецъ, и мнѣ недостойному слово, дабы всѣмъ письменно и не письменно повѣдалъ я о томъ, что Ты содѣлалъ на мнѣ по безпредѣльной

¹⁾ См. особенно гимны: 1, 2, 4, 6, 13, 21, 39, 46 и др. Въ греческ. изд. твор. Симеона НБ. (здѣсь и далѣе вездѣ цитируемъ второе изданіе *év Σόφφ* 1886) *μέρος II, λόγος I, σελίς*. 32 (маленькая цифра внизу означаетъ столбецъ); *λ. 2, σ. 71—2; λ. 4, σ. 131; λ. 6, σ. 131—2; λ. 13, σ. 212; λ. 21, σ. 321; λ. 39, σ. 591—2; λ. 46, σ. 692*. Въ настоящ. русск. переводѣ см. стр. 19—20, 29—30, 42—43, 46—47, 70, 98—99, 176—177, 211—212 и др.

²⁾ 27 гимнъ, въ греческ. изд. *μ. II, σ. 392*; въ русск. переводѣ стр. 118.

милости и по одному челоуколюбію Твоему. Ибо прѣвыше ума, страшно и велико то, что подалъ Ты мнѣ страннику, неучоному, нищему“ ¹⁾ и пр. Вообще преп. Симеонъ неоднократно заявляетъ въ гимнахъ, что онъ не можетъ выносить молчанія и предать забвенію то, что ежедневно и ежечасно въ немъ видится и совершается ²⁾. Если такъ, то на гимны преп. Симеона нельзя смотрѣть какъ на одно лишь свободное поэтическое творчество писателя; въ нихъ нужно видѣть нѣчто большее. Самъ преп. Симеонъ даръ „пѣть... гимны, новыя вмѣстѣ и древніе, Божественныя и сокровенныя“, сознавалъ въ себѣ, какъ благодатный даръ новыхъ языковъ, ³⁾ т. е. онъ видѣлъ въ этомъ дарѣ нѣчто подобное древнимъ первохристіанскимъ глоссолаліямъ. Поэтому Симеонъ смотрѣлъ на себя, лишь какъ на орудіе, и свое духовное дарованіе не считалъ чѣмъ-либо особеннымъ. „Уста мои, Слово, пишетъ онъ, говорятъ то, чему наученъ я, равно и гимны и молитвы я воспѣваю тѣ, которые давно уже написаны пріавшими Духа Твоего Святаго“ ⁴⁾.

Преп. Симеонъ хотѣлъ повѣдать въ гимнахъ о дивныхъ дѣлахъ милости и благодати Божіей, явленныхъ въ немъ и на немъ, несмотря на всю его грѣховность и недостойнство. Съ полной откровенностію, не щадя своего самолюбія, св. Отецъ обнажаетъ въ гимнахъ всѣ свои духовныя немощи и страсти, прошлыя и настоящія, грѣхи дѣломъ и мыслию, безпощадно бичуя и окалявая себя за нихъ ⁵⁾. Съ другой стороны, онъ совершенно неприкровенно описываетъ и тѣ видѣнія и откровенія, какихъ онъ сподоблялся отъ Бога, и ту славу и обоженіе, которыхъ удостоился по благодати Божіей ⁶⁾. Представляя зрѣлище души, то кающейся и со-

¹⁾ 39 гимнъ, въ греческ. изд. с. 58; въ русск. перев. стр. 172.

²⁾ См. еще въ греческ. изд. м. II, л. 8, с. 152; л. 21, с. 32; л. 32, с. 46; л. 47, с. 75. Въ русскомъ переводѣ см. гимны: 8, 21, 32 и 56; стр. 54, 99, 137 и 256.

³⁾ См. 49 гимнъ, въ греческ. изд. с. 752—761; въ русск. перев. стр. 225.

⁴⁾ 9 гимнъ, въ греческ. изд. с. 172; въ русск. перев. стр. 59; ср. 56 гимнъ, стр. 254.

⁵⁾ См. гимны: 2, 8, 31, 36, 39 и др.; въ греческ. изд. сс. 52, 142—151, 451—2, 522—531, 572—581; въ русск. перев. стр. 24, 50—51, 135—136, 155—156, 171 и др.

⁶⁾ См. особенно гимны: 1, 7, 27, 28, 32, 40, 58 и др.; въ греческ. изд.

крушающейся о своих паденіяхъ, то возвѣщающей всѣмъ дивныя милости и благодѣянія Божіи, гимны преп. Симеона являются какъ бы его автобіографическими записками, и въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить лишь съ „Исповѣдью“ бл. Августина, которая написана послѣднимъ также съ цѣлю исповѣданія грѣховъ своихъ и прославленія Бога ¹⁾ и является, съ одной стороны, какъ бы публичнымъ покаяніемъ Августина, а съ другой—гимномъ хвалы и благодаренія Богу за его обращеніе. Гимны преп. Симеона это тоже исповѣдь души, только написанная не въ такой формѣ, не въ формѣ послѣдовательной автобіографіи, а въ формѣ отрывочныхъ діалоговъ, молитвъ и размышленій ²⁾. То и другое произведеніе даютъ исторію двухъ душъ, проникнутыхъ глубочайшимъ сознаніемъ своей грѣховной испорченности и порочности, воодушевленныхъ благоговѣйными чувствами любви и благодарности къ Богу и исповѣдующихся какъ бы предъ лицомъ и въ присутствіи Самого Бога. „Исповѣдь“ бл. Августина это—неподражаемое и безсмертное произведеніе по силѣ вѣры и необычайной искренности и глубинѣ чувства. Однако, если имѣть въ виду тѣ идеи и чувства, которыя запечатлѣны преп. Симеономъ въ его гимнахъ, то ихъ должно поставить даже выше „Исповѣди“ Августина.

Августинъ—мужъ великой вѣры; онъ живетъ вѣрою и надеждою и преисполненъ любви къ Богу, какъ своему Творцу и благодѣтелю, какъ къ небесному Отцу ³⁾, Который озарилъ его свѣтомъ Своего познанія и, послѣ многолѣтняго рабства страстямъ, изъ тьмы грѣховной призвалъ въ этотъ чудный Свой свѣтъ ⁴⁾. Но преп. Симеонъ стоитъ выше Ав-

ол. 31—42, 141, 391, 421—2, 461, 592; въ настоящ. переводѣ стр. 19—21, 48, 118, 123—124, 137—138, 177—178, 261 и др.

¹⁾ Confessionum liber. I, c. 6; *ibid.* c. 13; I, X, c. 2. 3. 4. MP. lat. t. XXXII, coll. 664—665, 671, 779—781. Въ русск. перев. твор. ч. I (изд. 2-е Кіевъ 1901), стр. 8, 19, 269—273.

²⁾ И наоборотъ—многія главы въ „Исповѣди“ Августина представляють собою не что иное, какъ восторженные гимны, таковы: кн. I, гл. 1, 4—5, кн. IV, гл. 12; кн. V, гл. 1; кн. VIII, гл. 1; кн. X, гл. 1, 6, 22, 27, 29 и др.

³⁾ Confession. liber I, c. 1; *ibid.* c. 15; I, II, c. 1; *ibid.* c. 10; I, VI, c. 5; I, IX, c. 10; I, X, c. 1; *ibid.* c. 43; I, XI, c. 29; I, XII, c. 16 etc. MP. coll. 661, 672, 675, 682, 725, 774—775, 779, 808—810, 825, 834. Русск. перев. стр. 2: 21, 29, 44, 133, 256—258, 269, 321, 365, 391 и др.

⁴⁾ Confession. I, VII, c. 10; I, XIII, c. 12; I, IX, c. 4; I, X, c. 27. MP. coll. 742, 762, 768, 795. Русск. перев. стр. 180—181, 231, 243, 298.

густина: онъ превзошелъ не только чинъ вѣры и надежды, не только рабскій страхъ, но и сыновнюю любовь къ Богу. Не созерцая только предъ очами Божественный Свѣтъ, но и имѣя Его внутри своего сердца, какъ неизреченное сокровище, какъ всего Творца и Царя міра и самое царство небесное, онъ недоумѣваетъ, во что ему еще вѣрить и на что еще надѣяться ¹⁾. Преп. Симеонъ любитъ Бога не потому только, что онъ позналъ Его и чувствуетъ сыновнюю любовь и благодарность къ Нему, но и потому, что онъ непосредственно созерцаетъ предъ собою Его неизъяснимую красоту. „Не видите ли, друзья, восклицаетъ Симеонъ, каковъ и сколь прекрасенъ Владыка! О не смежайте очей ума, взирая на землю!“ ²⁾ и пр. Душа преп. Симеона, какъ невѣста, уязвлена любовію къ своему Божественному Жениху—Христу и, не будучи въ состояніи всецѣло узрѣть и удерживать Его, истаяваетъ отъ скорби и любви къ Нему и никогда не можетъ успокоиться въ поискахъ Возлюбленнаго своего, наслаждаться созерцаніемъ красоты Его и насытиться любовію къ Нему, любя Его не мѣрою любви доступной человѣку, но превышеестественною любовію ³⁾. Преп. Симеонъ стоитъ гораздо ближе къ Богу, нежели Августинъ: онъ не только созерцаетъ Бога, но и имѣетъ Его въ сердцѣ и собесѣдуетъ съ нимъ, какъ другъ съ другомъ, и получаетъ отъ Него откровеніе неизреченныхъ таинствъ ⁴⁾. Августина поражаетъ величіе Творца, Его превосходство надъ тварями, какъ неизмѣнимаго и вѣчнаго Вѣгтя надъ бытіемъ условнымъ, временнымъ и смертнымъ, и это сознаніе неизмѣримаго превосходства Творца отдѣляетъ Августина отъ Бога

¹⁾ См. гимны: 2, 21, 39, 53 и др.; въ греческ. изд. со. 61—2, 311, 591, 820; въ русск. перев. стр. 26, 97, 175—176, 244; ср. слово 91, вып. II, стр. 500 (по 2-му изд. Москва 1890).

²⁾ 20 гимнь, въ греческ. изд. с. 300; въ русск. перев. стр. 94; ср. 42 гимнь, стр. 104.

³⁾ См. гимны: 7, 21, 22, 41, 49, 52 и др.; въ греческ. изд. со. 132, 302—311, 331, 341—2, 622, 761, 812; въ русск. перев. стр. 47, 95—96, 102, 105, 190 (ср. 43 гимнь, стр. 224), 225 (ср. 47 гимнь, стр. 229), 242 и др.

⁴⁾ Гимны: 6, 37, 39, 46; въ греческ. изд. со. 131—2, 541, 572, 692; въ настощ. перев. стр. 46—47, 160, 176, 211—212; см. еще гимны: 33, 40 и др., гдѣ абстрактивно излагаются бесѣды преп. Симеона съ Богомъ.

IX

почти непроходимую гранью ¹⁾. И преп. Симеонъ сознаеть это превосходство Творца надъ тварями, но его поражаетъ не столько неизмѣняемость и вѣчность Божества, сколько Его непостижимость, неуловимость и неизреченность. Идя въ богопознаниіи еще далѣе Августина, онъ видитъ, что Божество превышаетъ представленіе не только человѣческое, но и невещественныхъ умовъ, что Оно превыше даже самой сущности, какъ пресущественное, и что самое уже бытіе Его непостижимо для тварей, какъ несозданное ²⁾. Однако Симеонъ, несмотря на это и сознавая притомъ гораздо глубже Августина свою грѣховность и испорченность, настолько глубоко, что считаетъ себя хуже не только всѣхъ людей, но и всѣхъ животныхъ и даже бѣсовъ ³⁾, несмотря на все это, преп. Симеонъ по благодати Божіей видитъ себя превознесеннымъ на высоту величія, созерцаетъ себя въ непосредственной близости къ Творцу, какъ бы другимъ Ангеломъ, синомъ Божіимъ, другомъ и братомъ Христовымъ и Богомъ по благодати и усыновленію ⁴⁾. Видя всего себя обоженнымъ, украшеннымъ и во всѣхъ своихъ членахъ блистающимъ Божественною славою, Симеонъ исполняется страхомъ и благоговѣніемъ къ себѣ самому ⁵⁾ и съ дерзновеніемъ говоритъ: „Мы дѣлаемся членами Христовыми, а Христось нашими членами. И рука у меня несчастнѣйшаго и нога моя—Христось. Я же жалькій—и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя весь Христось... двигаю ногою, и вотъ она блистаетъ, какъ и Онъ“ ⁶⁾. Августинъ далеко не поднялся до такой высоты, и вообще въ его „Исповѣди“

¹⁾ Confession. I. I, c. 4; *ibid.* c. 6; I. VII, c. 15; I. VIII, c. 3; I. XI, c. 10, 11, 13, 14; *ibid.* c. 29; *ibid.* c. 31; I. XII, c. 15; *ibid.* c. 28 etc. MP. coll. 692—663, 664—665, 744, 752, 814—815, 825, 826, 832, 841—842. Русск. перев. стр. 3—4; 7—8, 9, 185, 206, 336—340, 365, 369, 386, 409.

²⁾ См. особенно гимны: 16, 36, 37, 42, 47, 52; въ греческ. изд. ст. 261, 521, 532, 641—651, 722, 812; въ русск. перев. стр. 81—82, 154, 157, 195—199, 220, 242; см. также гимны 58 и 59, стр. 259 и 272.

³⁾ См. гимны: 2, 31, 39; въ греческ. изд. ст. 52, 442, 591; въ настоящ. перев. стр. 24, 132, 175.

⁴⁾ Гимны: 31, 39, 49 и др.; въ греческ. изд. ст. 451, 591—2, 761; въ русск. перев. стр. 133—134, 175—176, 225—226 и др.

⁵⁾ 28 гимнь, въ греческ. изд. ст. 412; въ русск. перев. стр. 123—124.

⁶⁾ 58 гимнь, стр. 261; подлинн. текстъ его см. въ приложеніи I; латинск. перев. MP. gr. t. CXX Divinorum amorum c. XV. col. 532B.

нѣтъ и рѣчи о тѣхъ высокихъ созерцаніяхъ и о томъ обоженіи, какнхъ сподобился преп. Симеонъ¹⁾.

Въ концѣ концовъ объ „Исповѣди“ бл. Августина и о Божественныхъ гимнахъ преп. Симеона должно сказать, что автобіографія западнаго учителя превосходитъ характеризующее произведеніе восточнаго Отца своею стройностію и, пожалуй, литературнымъ изяществомъ²⁾ (хотя и гимны преп. Симеона далеко не лишены своего рода поэтической красоты), но силою религіознаго чувства, глубиною смиренія и высокою своихъ созерцаній и обоженія, изображенныхъ въ гимнахъ, преп. Симеонъ далеко превосходитъ бл. Августина въ его „Исповѣди“. Въ послѣднемъ произведеніи нарисованъ, можно сказать, тотъ идеаль святости, до котораго могло когда-либо достигнуть западное христіанство; тогда какъ въ Божественныхъ гимнахъ преп. Симеона Новаго Богослова данъ еще болѣе высокій идеаль святости, свойственный и сродный нашему восточному Православію. Августинъ, какимъ онъ представляется по его „Исповѣди“, это—человѣкъ безспорно святой, мыслящій, говорящій и живущій вполне по-христіански, но все же еще не отрѣшившійся совершенно отъ земнаго мудрованія и не свободный отъ узъ плоти. Преп. же Симеонъ—не только святой, но и во плоти небожитель, едва касающійся стопами земли, умомъ же и сердцемъ витающій въ небесахъ; это небесный человѣкъ и земной Ангелъ, не только отрѣшившійся отъ всякаго плотскаго мудрованія, но и отъ земныхъ мыслей и чувствъ, не удерживаемый по временамъ даже и узами плоти, не только освятившійся душою, но и обожившійся тѣломъ. У Августина, при всей нравственной безупречности его духов-

1) Насколько чужда и неприемлема для всего западно—христіанскаго мышленія идея о всецѣломъ обоженіи человѣка, развиваемая Симеономъ и далѣе въ вышецитированномъ 58 гимнѣ, можно видѣть уже изъ того, что весьма значительная часть этого гимна совершенно опущена латинскимъ переводчикомъ, который въ сдѣланномъ имъ по этому случаю примѣчаніи говоритъ между прочимъ: *Porro apud Symeonem sequebatur hic disputatio de membris nostris in membra Christi transformatis, deque Christi membris in nostra conversis, quam silentio praetermittendam, Latinisque auribus non satis dignam censuimus.* MP... col. 531D, adnotatio 19.

2) Языкъ Августина въ „Исповѣди“ при своей сжатости отличается необычайною игривостію, частыми метафорами, антитезами и пр.

наго облика, мы видимъ еще весьма много сроднаго намъ: земнаго, вещественнаго, плотнаго, человѣческаго; тогда какъ преп. Симеонъ поражаетъ насъ своею отрѣшенностью отъ міра, отъ всего земнаго и человѣческаго, своею одухотворенностью и недозыгаемою, какъ кажется намъ, высотой совершенства.

Объ „Исповѣди“ бл. Августина много написано и сказано одобрительнаго и похвального не только на западѣ, но и у насъ въ Россіи. О Божественныхъ же гимнахъ преп. Симеона Новаго Богослова никто почти ничего не сказалъ и не написалъ, и не только у насъ, но и на западѣ. Аллѣцій находятъ въ гимнахъ преп. Симеона особенное благочестіе, пылныя цвѣты, которыми душа-невѣста желаетъ украсить, и благоуханія, превосходящія всякія ароматы; о Богѣ въ нихъ говорится, по его словамъ, не только назидательно, но и усладительно, хотя нерѣдко болѣе въ изступленіи ¹⁾. „Увлекательныя гимны (Симеона), въ которыхъ онъ изобразилъ свои стремленія и свое счастье, писать Голль, по своей непосредственной силѣ далеко превосходятъ все, что когда-либо произвела греческая христіанская поэзія“ ²⁾. Богъ почти и все, что можно найти о гимнахъ преп. Симеона въ западной литературѣ. Но къ характеристикѣ ихъ сказать этого было бы слишкомъ мало. Для того, чтобы лучше отбѣнить содержаніе и достоинства Божественныхъ гимновъ преп. Симеона, мы пытались сравнить ихъ съ замѣчательнѣйшею во всей міровой литературѣ автобіографіею—„Исповѣдію“ бл. Августина. Но преп. Симеонъ даетъ въ гимнахъ не автобіографію своего земнаго существованія, а скорѣе описаніе своихъ небесныхъ восхищеній въ рай, въ неприступный свѣтъ—это обиталище Бога, и повѣствованіе о тѣхъ Божественныхъ созерцаніяхъ, неизреченныхъ глаголахъ и сокровенныхъ таинствахъ, которыя онъ сподобился тамъ видѣть, слышать и познать. Въ гимнахъ преп. Симеона слышится не голосъ смертнаго человѣка, говорящаго о земномъ и по-земному, но скорѣе голосъ бессмертной и обоженной

¹⁾ Leo Allatius: De Symeonum scriptis=MP. gr. t. CXX Symeon Iunior, Notitia, col. 310A.

²⁾ Herzog—Hauck: Realencyklopädie b. 19 Leipzig 1907 s. 219.

ХП

души, вѣщающей о жизни сверхземной, равноангельной, небесной и Божественной.

Гимны преп. Симеона это—повѣсть души, говорящей не совсѣмъ обычною человѣческою рѣчью, а или покаянными вздохами и стонами или радостными восклицаніями и ликованиями; повѣсть, написанная не чернилами, а скорѣе слезами, слезами то скорби и сокрушенія, то—радости и блаженства въ Богѣ; повѣсть, записанная не на свиткѣ только, но глубоко начертанная и запечатлѣнная въ умѣ, сердцѣ и волѣ ея автора. Гимны преп. Симеона изображаютъ исторію души, отъ тьмы грѣховъ восшедшей къ Божественному свѣту, изъ глубины паденія поднявшейся до высоты обоженія. Гимны преп. Симеона это лѣтопись души, повѣствующей о томъ, какъ она очистилась отъ страстей и пороковъ, убѣдилась слезами и покаяніемъ, всецѣло соединилась съ Богомъ, увеѣстилась Христу, приобщилась Его Божественной славы и въ Немъ нашла упокоеніе и блаженство. Въ гимнахъ преп. Симеона описано и запечатлѣлось какъ бы дыханіе или трепетное біеніе души чистой, святой, безстрастной, Божественной, души, уязвленной любовію ко Христу и истаявающей отъ нея, воспламененной Божественнымъ огнемъ и горящей внутри, непрестанно жаждущей воды живой, ненасытно алчущей хлѣба небеснаго, постоянно влекущейся горѣ, къ небу, къ Божественному свѣту и къ Богу.

Авторъ Божественныхъ гимновъ—не человѣкъ, сѣдящій въ доли земной и поющій скучныя пѣсни земли, но какъ бы орелъ, то высоко парящій надъ земными высотами, едва касаясь ихъ крыльями, то далеко улетающій въ необозримую заоблачную синеву небесъ и оттуда приносящій небесные мотивы и пѣсни. Какъ Моисей съ горы Синая или какъ какой-либо небожитель съ высоты небесъ, преп. Симеонъ вѣщаетъ въ своихъ гимнахъ о томъ, что не видится тѣлесными очами, не слышится чувственными ушами, не обнимается человѣческими понятіями и словами и не вмѣщается разсудочнымъ мышленіемъ; но что превышаетъ всякія представленія и понятія, всякій умъ и рѣчь и что познается только опытомъ: созерцается мысленными очами, воспринимается духовными чувствами, познается очистившимся и облагодатствованнымъ умомъ и выражается въ словахъ только отчасти. Преп. Симеонъ пытался сказать въ гимнахъ

ХІІІ

и что о порядкахъ не земного бытія и земныхъ отношеній, а о потустороннемъ, горнемъ мірѣ, куда онъ проникалъ отчасти, еще живя на землѣ во плоти, о Бытіи безусловномъ, вѣчномъ, Божественномъ, о жизни безстрастныхъ и равноангельныхъ мужей и безплотныхъ силъ, о жизни духоносцевъ, о вещахъ небесныхъ, таинственныхъ и неизреченныхъ, о томъ, чего око не видѣло, ухо не слышало и что на сердце человѣческое не всходило (I Кор. 2, 9), и что поэтому совершенно непостижимо для насъ, изумительно и странно. Преп. Симеонъ своими гимнами отрываетъ нашу мысль отъ земли, отъ видимаго міра и возводитъ ее на небеса, въ какой-то иной міръ, потусторонній, невидимый; изводитъ ее изъ тѣла, изъ обыденной обстановки грѣховной, страстной человѣческой жизни и возноситъ въ область Духа, въ невѣдомую намъ область какихъ-то иныхъ явленій, въ благодатную атмосферу чистоты, святости, безстрастія и Божественнаго свѣта. Въ гимнахъ Симеона раскрываются предъ читателемъ какъ бы тѣ глубины Божественнаго вѣдѣнія, которыя испытуетъ лишь Духъ Божій и заглянуть въ которыя, даже на мгновеніе, не безопасно для ограниченнаго и слабого человѣческаго мышленія. Въ Божественныхъ гимнахъ преп. Симеона такая отрѣшенность отъ міра, такая одухотворенность, такая глубина духовнаго вѣдѣнія, такая головокружительная высота совершенства, до которыхъ едва ли когда еще достигалъ человѣкъ.

Если таково содержаніе гимновъ Симеона, если въ нихъ такъ много необычнаго для насъ и непонятнаго, то отсюда для читателя гимновъ является двойная опасность: или совершенно не понять преп. Симеона, или худо его понять и перетолковать. Нѣкоторымъ изъ читателей многое въ гимнахъ, несомнѣнно, покажется страннымъ и непонятнымъ, невѣроятнымъ и невозможнымъ, а кое-что—даже соблазномъ и безуміемъ. Таковымъ читателямъ преп. Симеонъ можетъ представиться по гимнамъ какимъ-то обольщеннымъ и изступленнымъ мечтателемъ. Этимъ читателямъ считаемъ долгомъ сказать слѣдующее: сфера познанія какъ вообще человѣческаго, такъ и тѣмъ болѣе всякаго частнаго лица слишкомъ ограничена и узка; человѣкъ можетъ постигнуть лишь то, что доступно его тварной природѣ, что вмѣщается въ

рамки пространственно-временныхъ отношеній, т. е. нашего настоящаго земнаго бытія. Кромѣ того, для каждаго отдѣльнаго человѣка ясно и понятно лишь то, что онъ испыталъ и позналъ на своемъ личномъ маленькомъ опытѣ. Если такъ, то всякій сомнѣвающийся и невѣрующій въ правѣ сказать о непонятномъ и чудесномъ для него явленіи лишь слѣдующее: это непонятно *для меня и въ настоящее время*, и только. Непонятное для частнаго опыта одного лица, быть можетъ, понятно другому въ силу его личнаго опыта; и невѣроятное для насъ въ настоящую минуту, быть можетъ, станетъ для насъ доступнымъ и возможнымъ когда-либо въ будущемъ. Чтобы не оказаться во власти гнетущаго сомнѣнія и невѣрія или не остаться съ тупымъ самодовольствомъ мнимаго мудреца-всезнайки, всякій человѣкъ долженъ слишкомъ скромно думать какъ о себѣ, такъ и о сферѣ человѣческаго познанія вообще, и своего крохотнаго опыта отнюдь не обобщать до общечеловѣческаго и универсальнаго.

Христіанство, какъ благовѣстіе о царствіи Божіемъ, о царствіи небесномъ на землѣ, всегда было и будетъ соблазномъ и юродствомъ для плотяного мудрованія и для языческой мудрости міра сего. Объ этомъ давно сказано и предсказано еще Самимъ Христомъ и Его Апостолами ¹⁾. И преп. Симеонъ Новый Богословъ, который, по его словамъ, старался лишь обновить въ людяхъ евангельское ученіе и евангельскую жизнь ²⁾ и который въ своихъ гимнахъ лишь вскрылъ тѣ глубокія тайны, которыя сокрыты и таятся въ боголюбивой душѣ и вѣрующемъ сердцѣ человѣка, также неоднократно повторяетъ, что тѣ вещи, о которыхъ онъ пишетъ въ гимнахъ, не только невѣдомы людямъ грѣшнымъ, одержимымъ страстями ³⁾, но и вообще непостижимы, неизреченны, невыразимы, неописуемы, неизобразимы, превосходятъ всякій умъ и слово ⁴⁾ и что, будучи отчасти и

¹⁾ Мѣ. 11. 25—27; 13, 11—15; Иоан. 14. 16—17; I Кор. 1, 18—25; 2, 4—15 и пр.

²⁾ Цитирован. греческ. изд. твор. Симеона НВ. *м.* 1, *л.* 97, *с.* 501; *л.* 89, *с.* 510; русск. перев. Слова преп. Симеона вып. II, изд. 2-е М. 1890, стр. 458 и 477.

³⁾ 34 гимнъ, въ греческ. изд. *м.* II, *с.* 501—2; въ настоящ. перев. стр. 148—149.

⁴⁾ Гимны: 27, 32, 40, 41 и др.; въ греческ. изд. *м.* II, *с.* 391, 461, 602—611, 631; въ русск. перев. стр. 117, 137, 183, 192.

для него самого непонятны ¹⁾, онъ заставляютъ его трепетать въ то время, когда онъ пипеть и говорить о нихъ ²⁾. Мало того, преп. Симеонъ какъ бы самъ предупреждаетъ своихъ читателей, когда заявляетъ, что безъ опыта невозможно познать тѣхъ вещей, о которыхъ онъ говоритъ ³⁾, и что кто попытался бы вообразить и представить ихъ въ умѣ, тотъ обольщенъ былъ бы своимъ воображеніемъ и собственными фантазіями и далеко удалился бы отъ истины ⁴⁾. Равно и ученикъ Симеона Никита Стпѣатъ въ своемъ предисловіи къ гимнамъ, которое въ настоящемъ переводѣ предпослано гимнамъ, говоря, что высота богословія Симеона и глубина его духовнаго вѣдѣнія доступны лишь мужамъ безстрастнымъ, святымъ и совершеннымъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ предостерегаетъ духовно неопытныхъ читателей отъ чтенія гимновъ, дабы вмѣсто пользы они не получили вреда ⁵⁾.

Всякій благоразумный читатель, думаемъ, согласится съ нами, что мы либо совершенно чужды духовнаго опыта, либо слишкомъ несовершенны въ немъ, а признавъ себя таковыми и все же желая ознакомиться съ гимнами преп. Симеона, будемъ вмѣстѣ съ читателемъ, помнить, что мы своимъ разсудочнымъ мышленіемъ не можемъ понять и представить себѣ того, что совершенно недомысленно и сверхразсудочно, поэтому не будемъ и пытаться проникнуть въ заповѣдную и чуждую намъ область; но будемъ крайне осторожны и внимательны, чтобы своими знаменными, земными представленіями не ошошлить какъ-либо тѣхъ картинъ и образовъ, какіе рисуетъ преп. Симеонъ въ своихъ гимнахъ, чтобы не набросить земной тѣни на кристалльную чистоту

1) Такъ, напр., преп. Симеонъ говорить, что хотя онъ и видѣлъ Бога, созерцалъ Божественный свѣтъ, но способъ созерцанія оставался для него непонятнымъ. Гимнь 1, с. 4; 6 гимнь, с. 132; въ русск. перев. стр. 21, 47; ср. стр. 112.

2) Гимны 38, 39; въ греческ. изд. сс. 561, 591; въ русск. перев. стр. 166, 176.

3) Гимнь 22, с. 332—341; гимнь 41, с. 631—2; въ русск. перев. стр. 103—104, 192—194; ср. гимнь 59, стр. 269—270.

4) 8 гимнь, с. 162—171; въ русск. перев. стр. 56—57.

5) Предлагаемъ читателямъ особенно внимательно прочесть то, что Никита говорить въ началѣ и въ концѣ предисловія, на стр. 1—3 и 9—12.

души св. Отца, на его святую и безстрастную любовь къ Богу, и не понять грубо-чувственно тѣхъ выраженій и словъ, какія оны нашель для своихъ возвышеннѣйшихъ мыслей и чувствъ въ крайне бѣдномъ и несовершенномъ языкѣ чело-вѣческомъ. Не будемъ, читатель, по причинѣ своего маловѣрія и невѣрія отрицать дивныя чудеса въ жизни тѣхъ, которымъ, по словамъ Христа, своею вѣрою возможно и горы передвигать (Мѣ. 17, 20; 21, 21) и творить даже нѣчто большее того, что совершилъ Христосъ (Іоан. 14, 12); не будемъ своею собственною нечистотою и порочною пятнать ту ослѣпительную бѣлизну безстрастія, которой достигъ преп. Симеонъ и подобные ему духоносные мужи. Единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы хотя сколько-нибудь понять высокія созерцанія и необычайныя переживанія преп. Симеона, является для читателя путь духовнаго опыта или точнѣйшее соблюденіе всѣхъ тѣхъ предписаній, какія даетъ самъ преп. Симеонъ какъ въ своихъ словахъ, такъ отчасти и въ Божественныхъ гимнахъ. Доколѣ всѣ эти предписанія самымъ тщательнымъ образомъ не выполнены нами, согласимся, читатель, что мы съ вами не въ правѣ судить такого великаго мужа, каковымъ былъ преп. Симеонъ Новый Богословъ, и по крайней мѣрѣ не будемъ отрицать возможности всего того невѣроятнаго и чудеснаго, что найдемъ въ его гимнахъ.

Для читателей, не чуждыхъ духовнаго опыта и знакомыхъ съ явленіями такъ называемой духовной прелести, при чтеніи гимновъ преп. Симеона можетъ возникнуть недоумѣніе другого рода. Преп. Симеонъ такъ неприкровенно описываетъ свои видѣнія и созерцанія ¹⁾, такъ дерзновенно поучаетъ рѣшительно всѣхъ ²⁾, такъ самоувѣренно говоритъ о себѣ, что онъ воспринялъ Духа Святаго и что его устами говорить Самъ Богъ ³⁾, такъ реально изображаетъ свое собственное обоженіе ⁴⁾, что для читателя естественно подумать: не прелесть ли все это? не слѣдуетъ ли считать всѣ эти со-

1) См. особенно гимны: 23, 27, 31, 32, 40, 46 и др.

2) См. 50 гимнь.

3) 50 гимнь, с. 77; 51 гимнь, с. 80; въ русск. перев. стр. 230, 238; ср. гимнь 49, стр. 225; ср. 89 слово, выш. II, стр. 473.

4) См. особенно гимны: 1, 7, 28, 58 и др.; въ греческ. изд. сс. 31—42, 140, 413—2; въ русск. перев. стр. 19—22, 48, 123—124, 261.

зерцанія и откровенія Симеона, всѣ его вдохновенныя слова и рѣчи прелестными, т. е. дѣломъ не подлиннаго христіанскаго опыта и истинно духовной жизни, но явленіями призрачными, ложными, представляющими собою признаки обольщенія и неправильнаго духовнаго дѣланія? И въ самомъ дѣлѣ не находился ли авторъ предлагаемыхъ въ переводѣ гимновъ въ прелести? вѣдь онъ самъ говоритъ, что нѣкоторые считали его при жизни гордецомъ и прельщеннымъ ¹⁾.—Нѣтъ, отвѣчаемъ, не находился, и по слѣдующимъ основаніямъ. Въ гимнахъ преп. Симеона поражаетъ не только высота его созерцаній и откровеній, но и глубина его смиренія и самоуничженія. Преп. Симеонъ постоянно обличаетъ и укоряетъ себя за свои прошлыя и настоящія грѣхи и проступки; особенно безпощадно онъ бичуетъ себя за грѣхи юности, съ поразительной откровенностью исчисляя всѣ свои пороки и преступленія ²⁾; съ такою же откровенностію онъ сознается въ тѣхъ мельчайшихъ прираженіяхъ тщеславія и гордости, которыя вполнѣ естественны были у Симеона въ то время, когда онъ за свою святую жизнь и ученіе сталъ пользоваться всеобщею славой и извѣстностію и своими бесѣдами привлекалъ къ себѣ весьма многихъ слушателей ³⁾. Описывая свои необычайныя созерцанія, преп. Симеонъ въ то же время восклицаетъ: „Кто я, о Боже и Творче всего, и что я сдѣлалъ вообще доброе въ жизни... что Ты прославляешь меня презрѣннаго такою славой?“ ⁴⁾ и пр. Вообще всѣ гимны Симеона отъ начала и до конца пропитаны глубочайшимъ самоукореніемъ и смиреніемъ. Постоянно называя себя странникомъ, нищимъ, неученымъ, жалкимъ, презрѣннымъ, мытаремъ, разбойникомъ, блуднымъ, сквернымъ, мерзкимъ, нечистымъ и пр. и пр. ⁵⁾, преп. Си-

¹⁾ Гимнъ 51, ст. 80; въ русск. перев. стр. 237—238; ср. слово 67, въ греческ. изд. м. I, ст. 501; въ русск. перев. вып. II, стр. 459.

²⁾ См. выше на стр. VI примѣчаніе пятое.

³⁾ 36 гимнъ, ст. 522—531; въ русск. перев. стр. 155—156; ср. гимнъ 9, стр. 59—61.

⁴⁾ 58 гимнъ, стр. 258; подлинный греческ. текстъ этого гимна см. въ приложеніи I; латинск. перев. MP. gr. t. CXX *Divinorum amorum* с. XV col. 530A.

⁵⁾ См. особенно гимны: 8, 9, 31, 39 и мн. др.; въ греческ. изд. ст. 142—151, 182, 451—2, 572—581, 581, 591; въ русск. перев. стр. 50—51, 61—62, 135—136, 171, 172, 175.

мощь говорить, что онъ совершенно недостойнъ жизни, что онъ недостойно взираетъ на небо, недостойно попираетъ землю, недостойно смотритъ на ближнихъ и бесѣдуетъ съ ними ¹⁾. Говоря, что онъ сдѣлался весь грѣхомъ ²⁾, преп. Симеонъ обаяваетъ себя послѣднимъ изъ всѣхъ людей, даже болѣе того—онъ не считаетъ себя и человѣкомъ ³⁾, но худшимъ всѣхъ тварей: гадовъ, звѣрей и всѣхъ животныхъ, даже худшимъ самихъ бѣсовъ ⁴⁾. Такая непожатная намъ глубина смиренія является показателемъ необычайной высоты совершенства, но она отнюдь немалодина у человѣка прельщеннаго.

Преп. Симеонъ, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, никогда не желалъ и не искалъ той Божественной славы и тѣхъ великихъ даровъ, какихъ сподобился отъ Бога, но, вспоминая грѣхи свои, искалъ лишь отпущенія и прощенія ихъ ⁵⁾. Мало того, еще находясь въ мѣрѣ, преп. Симеонъ отъ души возненавидѣлъ мірскую славу и бѣгалъ всѣхъ тѣхъ, кто говорили ему о ней ⁶⁾. Но когда впоследствии эта слава вопреки желанію его пришла къ нему, преп. Симеонъ молилъ Бога такимъ образомъ: „Не дай мнѣ, Владыко, суетной славы міра сего, ни богатства гнущаго... ни высокаго престола, ни начальства... ⁷⁾ соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, дабы и я также сдѣлался смиреннымъ и кроткимъ; и... благоволи мнѣ оплакывать одни только грѣхи свои и имѣть попеченіе объ одномъ праведномъ судѣ Твоемъ...“ ⁸⁾. Жизнеописатель Симеона и ученикъ его Никита Стискавъ говоритъ о преп. Симеонѣ, что у него была великая

¹⁾ Гимны: 31, 33, 54 и др.; въ греческ. изд. *с.* 451, 471, 831; въ русск. перев. стр. 133, 135, 139, 247; ср. гимнь 8, стр. 51.

²⁾ Гимнь 30, *с.* 431; гимнь 31, *с.* 451; въ русск. перев. стр. 129, 135.

³⁾ Гимнь 53, въ греческ. изд. *с.* 822; въ русск. перев. стр. 244.

⁴⁾ См. выше на стр. IX примѣчаніе третье.

⁵⁾ Слово 90; въ греческ. изд. *д.* I, *с.* 514; въ русск. перев. Слова вып. II, стр. 494.

⁶⁾ 39 гимнь, въ греческ. изд. *д.* I, *с.* 581; въ настоящ. русск. перев. стр. 172—174.

⁷⁾ Изъ житія преп. Симеона извѣстно, что патриархъ Сергій общалъ однажды подъ извѣстнымъ условіемъ поставить Симеона на одну изъ видныхъ митрополій, отъ чего Симеонъ наотрѣвъ отказался. Въ нашей рукописной копій житія *с.* 85 и слѣд.: въ цитированномъ соч. Нолл'я *с.* 22.

⁸⁾ 52 гимнь, *с.* 812; въ русск. перев. стр. 242—243.

забота и постоянное попеченіе о томъ, чтобы его подвиги оставались ни для кого неизвѣстными ¹⁾. Если же Симеонъ предлагалъ иногда въ бесѣдахъ ради назиданія слушателей уроки и примѣры изъ своей жизни и собственнаго опыта, то никогда не говорилъ о себѣ прямо, а въ третьемъ лицѣ, какъ о комъ-то другомъ ²⁾. Только въ четырехъ словахъ, помѣщенныхъ въ греческомъ изданіи и русскомъ переводѣ послѣдними (89-мъ, 90, 91 и 92), преп. Симеонъ, возсылая Богу благодареніе за всѣ Его благодѣянія къ нему, ясно говоритъ о бывшихъ ему видѣніяхъ и откровеніяхъ. Въ одномъ изъ этихъ словъ онъ замѣчаетъ: „Я ничего не писалъ съ тѣмъ, чтобы себя показать. Не даѣ Богъ... Но, помня дарованія, какія даровалъ Богъ мнѣ недостойному, благодарю и славлю Его, какъ благоутробнаго Владыку и благодѣтеля... и, чтобы не скрывать таланта, который Онъ мнѣ далъ, подобно худому и неключимому рабу, проповѣдую милость Его, исповѣдую благодать, всѣмъ показываю сдѣланное Имъ мнѣ добро, чтобы подвигнуть тѣмъ и васъ словомъ ученія—восподвизаться получить и себѣ то, что получилъ я“ ³⁾. Въ послѣднемъ же изъ указанныхъ словъ читаемъ: „Это пожелалъ я написать вамъ, братія мои, не для того, чтобы стяжать славу и быть прославленнымъ отъ людей. Да не будетъ! Ибо такой человѣкъ безуменъ и чуждъ славы Божіей. Но написалъ для того, чтобы вы увидѣли и познали безмѣрное человѣколюбіе Божіе“ и пр. „Се, говорить далѣе Симеонъ въ самомъ концѣ слова, открылъ я вамъ таинства, которыя были сокрыты во мнѣ; ибо вижу, что близокъ конецъ жизни моеи“... ⁴⁾ Изъ

¹⁾ *Πολλή γὰρ ἡ φρονίτις ἦν αὐτῷ*, говоритъ Пикьята о Симеонѣ, *καὶ ἡ ἀκριβεία διαπαντός, τοῦ μὴ παρὰ τινος γνωσθῆναι ποτε τὴν ἐργασίαν αὐτοῦ...* о. 98 нашей рукописной копии житія.

²⁾ См. слова 56 и 86, а также послѣднюю изъ главъ Симеона НБ. (въ греческ. изд. *μ. I, σ. 5541—2*; русск. перев. вып. II, стр. 569—570) и сравни житіе преп. Симеона хотя бы въ сокращенномъ новогреческомъ переводѣ, помѣщенномъ въ началѣ первой части цитируемаго греческ. изданія твореній Симеона *σσ. 21—2, 42, 52*. Русскій переводъ этого сокращеннаго житія Симеона НБ. (также въ свою очередь съ сокращеніями) имѣется въ изд. Оптиной Пустыни М. 1856; см. въ немъ стр. 5—7, 14—15, 18.

³⁾ Слово 89, въ греческ. изд. *μ. I, σ. 5071—2*; въ русск. перев. вып. II, стр. 470—471; ср. слово 90, стр. 489—490.

⁴⁾ Слово 92, въ греческ. изд. *μ. I, σσ. 5252, 5261—2*; въ русск. перев. вып. II, стр. 505, 506—507.

этого послѣдняго замѣчанія св. Отца видно, что четыре указанных слова Симеона написаны и сказаны имъ, очевидно, незадолго до смерти.

Что же касается гимновъ преп. Симеона, то едва ли при жизни его они были извѣстны многимъ, исключая развѣ только нѣкоторыхъ, весьма немногихъ гимновъ. Гимны преп. Симеона, какъ выше было замѣчено, являются не чѣмъ инымъ, какъ его мемуарамы или келейными записками, написанными, вѣроятно, большею частію въ то время, когда преп. Симеонъ удалился на безмолвіе—въ затворъ. Преп. Симеонъ писалъ свои гимны не почему-либо другому (о чемъ также сказано выше), какъ потому, что не могъ умолчать о своихъ чудесныхъ видѣніяхъ и созерцаніяхъ, не могъ не излить хотя бы въ книгѣ или на свиткѣ волновавшихъ и переполнявшихъ его душу мыслей и чувствъ. Никита Стиѣать пишетъ въ житіи Симеона, что св. Отецъ еще при жизни повѣдалъ ему, какъ ближайшему ученику, все свои тайны и передалъ все свои писанія съ тѣмъ, чтобы онъ обнаруживалъ ихъ впоследствии ¹⁾. Если Никита, выпуская гимны преп. Симеона, счелъ нужнымъ написать къ нимъ особое предисловіе съ предостереженіемъ духовно неопытнымъ читателямъ, то отсюда съ несомнѣнностію слѣдуетъ заключить, что гимны преп. Симеона при жизни его оставались неизвѣстными и впервые опубликованы были лишь по смерти Симеона ученикомъ его.

Въ Божественныхъ гимнахъ Симеона описываются такія видѣнія и откровенія, какія сравнительно рѣдко встрѣчаются въ писаніяхъ другихъ отцовъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что ихъ не было и въ жизни другихъ св. подвижниковъ; подобныхъ видѣній и откровеній сподоблялись, безъ сомнѣнія, и другіе угодники, только преп. Симеонъ по данному ему дарованію повѣдалъ о своихъ созерцаніяхъ и переживаніяхъ съ необычайной ясностію, откровенностію и подробностію, тогда какъ другіе святые или совсѣмъ умолчали о своихъ духовныхъ переживаніяхъ или повѣдали только весьма немногое. Однако несомнѣнно и то, что преп. Симеонъ удостоился нѣкоторыхъ необычайныхъ дарованій

¹⁾ Въ нашей рукописной копіи житія Симеона со. 114—115; въ русск. переводѣ житія стр. 52—53 (вышецитированнаго изд.).

и созерцаній, какихъ удостоивались далеко не всё подвижники. Если преп. Симеонъ въ своихъ гимнахъ такъ увѣренно говорить о себѣ и такъ смѣло обличаетъ всѣхъ, то это потому, конечно, что обильно воспринятая имъ благодать Божія и необычайно реальное чувство необманчивости своихъ переживаній, подтверждаемое многолѣтнимъ подвижническимъ опытомъ св. Отца, сообщали ему и великое дерзновеніе и давали право говорить именно такимъ образомъ, подобно тому, какъ говорилъ о себѣ и ап. Павелъ ¹⁾.

Обо всемъ этомъ свидѣлствуютъ такія, напримѣръ, сильныя мѣста изъ гимновъ и словъ преп. Симеона: „Хотя и говорить, писать Симеонъ, что я, рабъ Твой, прельщаюсь, но я никогда не повѣрю, видя Тебя. Бога моего, и созерцая пречистое и Божественное лицо Твое, и воспринимая отъ него Твои Божественныя озаренія, и будучи просвѣщаемъ Духомъ въ умныхъ очахъ своихъ“²⁾. Или еще: „я съ дерзновеніемъ, говорить Симеонъ, возмашаю, что если я не мудрствую и не говорю, что говорятъ и мудрствуютъ Апостолы и св. отцы, если не повторяю только Божіихъ словесъ, сказанныхъ во св. Евангеліи..., да будетъ на мнѣ анагема отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа чрезъ Духа Святаго..., и вы не заткните только уши свои, чтобъ не слышать словъ моихъ, но побейте меня камнями и убейте, какъ нечестиваго и безбожнаго“³⁾. Въ гимнахъ преп. Симеона для насъ очень много чудеснаго, необычайнаго и даже невѣроятнаго и страннаго; но это потому, что сами мы далеки отъ царствія Божія и ни въ понятіяхъ своихъ, ни въ жизни не усвоили юродства христіанской проповѣди, но и мыслимъ и живемъ полуязычески.

Наконецъ, какъ на послѣднее доказательство того, что видѣнія и созерцанія Симеона не были прелестными, укажемъ на чудеса его и на прославленіе. Еще при жизни преп. Симеонъ дѣлалъ предсказанія и совершилъ нѣсколько чудесныхъ исцѣленій, равно какъ и вскорѣ же по смерти имъ совершенно немало разнаго рода чудесъ. Всѣ эти предсказанія и чудеса преп. Симеона весьма подробно описаны въ

¹⁾ 1 Кор. 2, 16; 7, 40 и пр.; ср. 89 слово Симеона, вып. II, стр. 475.

²⁾ 51 гимвъ, въ греческ. изд. *д.* II, с. 801; въ настонац. перев. стр. 238.

³⁾ 89 слово, въ греческ. изд. *д.* I, с. 5102; въ русск. перев. вып. II, стр. 477.

житіи его ¹⁾, въ которомъ повѣствуется и объ открытіи мощей преп. Симеона; это послѣднее произошло черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Преподобнаго ²⁾. Все это въ совокупности взятое увѣряетъ насъ въ томъ, что преп. Симеонъ отнюдь не находился въ прелести, но что его видѣнія и созерцанія и всѣ духовныя переживанія суть подлинно-благодатная жизнь во Христвъ, подлинно-христіанская мистика, а его рѣчи и ученіе, содержащіяся какъ въ словахъ, такъ и въ гимнахъ, естественное выраженіе и плодъ истинно-духовной христіанской жизни. Преп. Симеонъ не только самъ чуждъ былъ духовной прелести, но и другихъ училъ и учитъ распознавать ее и бѣгать. Умудренный долгимъ опытомъ и будучи тонкимъ знатокомъ духовнаго дѣланія, преп. Симеонъ въ словѣ „о трехъ образахъ вниманія и молитвы“ указываетъ правильныя и неправильныя способы молитвеннаго дѣланія. Въ этомъ словѣ Симеонъ самъ сообщаетъ точныя признаки прелести и говоритъ о разныхъ видахъ ея ³⁾. Послѣ этого подозревать Симеона Новаго Богослова въ прелести теряются всякія основанія.

1) Въ нашей рукописной копіи житія см. 93—110, 112—114, 123—137; въ сокращенномъ новогреческ. переводѣ житія см. 161—191, 192, 211—23 и въ русск. переводѣ этого послѣдняго стр. 40—50, 52, 57—64.

2) „По прошествіи тридцати лѣтъ, говорится въ житіи преп. Симеона, послѣ кончины этого славнаго Отца, по пророчеству его, открываеся обрѣтеніе священныхъ останковъ его... Итакъ, по окончаніи пятаго индикта, въ 6560 году неожиданно износятся [попыля] всякой благодати и благоуханія останки его... освящающіе чрезъ прикосновеніе и лобызаніе“. Подлинный текстъ этого мѣста въ нашей рукописной копіи житія (с. 112) читается такимъ образомъ: *...τρίσχητα χρόνων μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ ἀσκήτου τούτου πατρός διελληθέντων, κατὰ τὴν προφητείαν αὐτοῦ, προμηνύεται ἡ ἀνακμιδὴ τῶν ὀστέων τούτου λειψάνων... Τότεν καὶ τῆς πέμπτῆς τελειώσεως ἰνδικίου κατὰ τὸ 5 φ' ξ' ἔτος, ἀνακομίζονται ἀπροσδοκῆτως τὰ πάσης χάριτος καὶ ἐνώδιας αὐτοῦ λείψανα... τῇ προσφάσει καὶ τῷ ἀσπασμῷ ἀγιάζοντες*. Въ новогреч. переводѣ житія см. с. 192 и въ русскомъ 51—52 стр. О церковномъ прославленіи преп. Симеона по смерти свидѣлствуетъ, кромѣ того, неоднократное упоминаніе въ житіи (главнымъ образомъ въ описаніи посмертныхъ чудесъ его) о гробницѣ мощей Симеона, о праздникѣ въ честь его, объ иконѣ его и пр.

3) См. греческ. изд. твор. Симеона НБ. т. I, л. 68, особенно см. 3642—3651; въ русск. переводѣ Слова вып. II, стр. 160—181.

Божественные гимны преп. Симеона написаны, как выше замѣчено, въ поэтической, стихотворной формѣ ¹⁾, однако не въ формѣ античной, классической поэзіи. Древніе греки точно наблюдали въ стихахъ количественность, т. е. долготу и краткость слоговъ; но въ позднѣйшія времена у грековъ строгое соблюденіе количественности стало упускаться изъ виду. Въ 10 вѣкѣ въ Византіи возникли, очевидно изъ народной поэзіи, такъ называемые политическіе стихи ²⁾, въ которыхъ мы и видимъ пренебреженіе количественности; въ этихъ стихахъ строка за строкой наблюдается лишь одно и то же число слоговъ и извѣстное направленіе удареній. Самымъ употребительнѣйшимъ стихомъ такого рода является 15-слоговой ямбическій, пронесенный, вѣроятно, какъ думаютъ, изъ подражанія восьмистопному (т. е. 16-слоговому) ямбу или трохею. Менѣе употребителенъ 12-слоговой политическій стихъ. Политическіе стихи получили свое названіе оттого, что они сдѣлались въ Византіи гражданскими—общедоступными и общеупотребительными (*πολιτικός*—гражданскій, публичный) въ противоположность классической поэзіи, которая и у грековъ впоследствии стала доступною лишь немногимъ. Этого рода стихи, употреблявшіеся въ греческой литературѣ въ произведеніяхъ, рассчитанныхъ на общенародное употребленіе, до настоящаго времени во всѣхъ греческихъ странахъ являются почти единственнымъ стихотворнымъ разбромъ народныхъ пѣсень ³⁾. Преп. Симеонъ писалъ свои гимны, за исключеніемъ немногихъ, именно такими, политическими стихами ⁴⁾, которые въ его время вошли уже во всеобщее употребленіе. Изъ 60 данныхъ въ на-

¹⁾ Въ за исключеніемъ *Ἀρχὴ τῶν θεῶν ὕμνον* или введенія, написаннаго прозою.

²⁾ Императоръ Константинъ Порфирородный (царств. 912—959) въ сочиненіи о церемоніяхъ Византійскаго двора приводитъ между прочимъ народную весеннюю пѣсню, представляющую собою политическіе стихи въ 15 слоговъ. См. Krumbacher: *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*... München 1897, s. 255.

³⁾ О политическихъ стихахъ см. Krumbacher цитир. соч. s. 650—651; а также МР. гр. т. СХХ. Symeon Junior, *Notitia*, col. 305. ABCD.

⁴⁾ Никита говоритъ въ житіи преп. Симеона, что онъ писалъ гимны *ἰσόμετρον μέτρον*, т. е. безъ соблюденія количественности слоговъ. См. выше на стр. II примѣчаніе первое.

стоящемъ переводѣ гимновъ Симеона огромное большинство написано типичнымъ 15-слоговымъ политическимъ стихомъ, значительное меньшинство—12-слоговымъ стихомъ (всего 14 гимновъ) и лишь 8 гимновъ записаны восьмистопнымъ ямбомъ ¹⁾.

Если гимны Симеона написаны въ поэтической, стихотворной формѣ, то въ нихъ нельзя искать ни догматической точности въ изложеніи истинъ вѣры, ни вообще строго относиться къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ автора. Гимны преп. Симеона это—лирическія изліянія его глубоко-религіозныхъ чувствъ, а не сухое и спокойное изложеніе христіанскаго вѣрученія и правоученія. Въ гимнахъ преп. Симеонъ выражается свободно, непринужденно, какъ лирикъ—поэтъ, а не какъ догматистъ, преслѣдуя не только ясность и точность мысли, но и красоту формы. Такъ какъ Симеону нужно было придать своимъ мыслямъ стихотворную форму и постоянно приходилось высчитывать число слоговъ въ стихѣ и наблюдать извѣстный ритмъ въ удареніяхъ, то поэтому въ гимнахъ мы не вездѣ встрѣчаемъ полное, ясное и отчетливое изложеніе мыслей. Въ словахъ или бесѣдахъ Симеонъ выражается обычно болѣе просто, болѣе ясно и опредѣленно; поэтому гимны преп. Симеона и слѣдуетъ слышать съ его словами.

Въ каталогахъ и описаніяхъ различныхъ библиотекъ гимны преп. Симеона Новаго Богослова встрѣчаются въ довольно

1) Есть еще нѣсколько гимновъ: 12-й, 39 и 45, написанныхъ наполовину 12-слоговыми, а наполовину 15-слоговыми политическими стихами; 59-гимнъ также хотя написанъ 12-слоговымъ политическимъ стихомъ, но въ концѣ его насчитывается по 15 слоговъ въ стихѣ. Приводимъ ниже образцы тѣхъ стихотворныхъ размѣровъ, которыми преп. Симеонъ писалъ свои гимны.

15-слоговой политическій стихъ.

*Σὺ μὲ γινώσκεις, ὦ Χριστέ, πάσης παρανομίας
Ἐργάτην, ἀλλὰ καὶ καθὼν ὄντως παντοίων σκευός...* (3-й гимнъ)

12-слоговой политическій стихъ.

*Δίδου μοι, Χριστέ, καταφιλεῖν σοὺς πόδας,
Δίδου μοι τὰς σὰς κατασπάσσειν χεῖρας...* (8-й гимнъ)

8-стопный ямбъ.

*Πῶς ὑμνήσω, πῶς δοξάσω, πῶς ἀξίως εὐφημήσω
Τὸν πολλὰ παραδραμόντα ἀμαρτήματα Θεὸν μου...* (2-й гимнъ).

древнихъ рукописяхъ, начиная съ 12 вѣка и позднѣе; такія рукописи имѣются въ Парижской національной библіотекѣ, Венеціанской, Патмосской, Баварской и др.¹⁾ Для насъ доступны были рукописи Аѳонскихъ монастырей, наиболѣе цѣнныя изъ которыхъ, мы здѣсь и укажемъ. Не говоря о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ отрывки изъ гимновъ Симеона²⁾, каковыя греческія рукописи имѣются и въ нашей Синодальной библіотекѣ³⁾, назовемъ тѣ Аѳонскія рукописи, въ которыхъ имѣются собранія гимновъ преп. Симеона. Такова Діонисіатская рукопись № 220 (въ каталогѣ Ламброса т. I, № 3754), заключающая въ себѣ, вмѣстѣ съ житіемъ и словами преп. Симеона и 12 гимновъ его, преимущественно нравственно-аскетическаго и назидательнаго содержанія, и нѣсколько отрывковъ изъ другихъ гимновъ; но рукопись эта не древняя—17 вѣка, и помѣщенные въ ней гимны всѣ имѣются въ печатномъ греческомъ изданіи. Подобное же собраніе гимновъ числомъ 11 мы нашли въ двухъ рукописяхъ Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря № 157^a и 158 (каталогъ Ламброса т. II, №№ 5664 и 5665), которыя еще менѣе цѣнны,

¹⁾ См. Paris. № 242 кодексъ 12 вѣка (каталогъ Omont'a т. I), гимны Симеона здѣсь значатся cum notis musicis; Paris. Suppl. gr. № 103 код. 14 в. (тогъ же каталогъ т. III); Marcian. № 494 код. 13 в.; Moïnac. № 177 код. 16 в. и № 526 код. 15 в. (каталогъ Hard't'a т. II и V) и др.

²⁾ Таковы Аѳонскія рукописи, стоящія въ каталогѣ Ламброса подъ №№ 89, 4677, 4833, 5457, 5665 и др.

³⁾ Такъ въ рукописи № 419 (по описанію Владиміра), листъ 308 об. имѣется небольшой отрывокъ изъ 59 гимна (по нашему счету) и тамъ же на листѣ 365 об.—366 въ прозаической формѣ переписаны и сведены въ одно первая половина 19-го и вторая 18 гимна; въ рукоп. № 423, л. 223 предъ словомъ Симеона о трехъ образахъ вниманія и молитвы помѣщена аниграмма въ стихахъ, находящаяся въ нашемъ переводѣ подъ именемъ 60 гимна; наконецъ, въ рукоп. № 434, л. 379 об. плохую греческою скорописью переписанъ маленький 5 гимнь. Что же касается до рукописей №№ 306 и 307, представляющихъ собою своеобразные богослужебныя сборники Аѳонскаго инока Фикары, въ которыхъ, судя по описанію, нужно бы ожидать чего-либо изъ гимновъ или о гимнахъ преп. Симеона, то въ этихъ рукописяхъ содержится лишь нѣсколько маленькихъ отрывковъ изъ главъ, а не изъ гимновъ Симеона: въ первой рукописи одинъ отрывокъ (л. 158 об.), а во второй три отрывка (л. 259 об.), въ конкъ говорится о необходимости славословить и благодарить Бога.

какъ принадлежащія 13 вѣку. Весьма цѣнною оказалась для насъ рукопись того же монастыря № 670 (въ каталогѣ Ламброста т. II, № 6177), не сама по себѣ, такъ какъ она совсѣмъ позднѣйшаго времени—19 вѣка, а какъ копія Патмосскаго кодекса 14 вѣка № 427, содержащаго въ себѣ почти исключительно одни творенія Симеона Нового Богослова ¹⁾. Эта Патмосская рукопись и названная копія ея содержатъ въ большей части гимны преп. Симеона, которымъ предпослано предисловіе къ гимнамъ ученика Симеонова Никиты Стивата и полное оглавленіе гимновъ числомъ 58. Указанное число гимновъ, надо полагать, является наиболѣе полнымъ собраніемъ ихъ, такъ какъ въ тѣхъ описаніяхъ рукописей, гдѣ показано число гимновъ преп. Симеона, оно является значительно меньшимъ ²⁾, и такъ какъ Алляціи, ознакомившейся съ гимнами Симеона по западнымъ рукописямъ, указываетъ ихъ не болѣе, не менѣе, какъ тоже 58, и въ томъ же порядкѣ, что и въ Патмосской рукописи ³⁾. Вотъ эту-то копію Патмосскаго кодекса мы и воспользовались для своего перевода, которую постоянно и цитируемъ въ примѣчаніяхъ къ гимнамъ (для краткости называя ее просто Патмосскою рукописью). Къ сожалѣнію, въ ней, какъ и въ самомъ Патмосскомъ кодексѣ, уцѣлѣли не всѣ гимны, а лишь первыхъ 35 или даже 34, прочіе же не сохранились за утратою конца кодекса. Однако эта утрата не столь существенна и важна, въ виду того, что всѣ утраченные гимны Патмосской рукописи, начиная съ 35-го и до конца, въ подлинномъ текстѣ имѣются въ греческомъ изданіи твореній Симеона, за исключеніемъ лишь одного 53 гимна, который, къ сожалѣнію, такъ и остался для насъ неизвѣстнымъ ⁴⁾. Однако слѣдуетъ замѣтить, что и Патмосская рукопись даже въ цѣломъ ея видѣ не даетъ намъ еще полнаго числа всѣхъ написанныхъ

1) См. *Saxmelionos: Patmoskē bibliothēkē* с. 188—9.

2) Такъ, напр., въ код. Монас. № 526 указано лишь 37 гимновъ Симеона; см. каталогъ Hardt'a т. V, стр. 316.

3) См. *MP. gr. t. CXX. Symeon Iunior, Notitia* (Leo Allatius de Symeonum scriptis) coll. 300—305.

4) Въ Патмосской рукоп. и у Алляціи приведено лишь заглавіе этого гимна; вотъ оно: *Κατὰ διάλεκτον Θεοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς τῶν λόγων ὁ Λόγος, καὶ ὅπως ὑπο τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐλλαμπόμενος ὁ Θεὸς οὗτος Πατὴρ ὀμίλει Θεῷ, καὶ ὑπ' ἐκείνου ἐμοσταγωγείτο τὰ θεῖά τε καὶ ἀνθρώπινα.*

преп. Симеономъ гимновъ: одинъ изъ панегиристовъ Симеона говоритъ о немъ, что онъ составилъ стиховъ числомъ 10752¹⁾, между тѣмъ какъ общая сумма стиховъ, заключающихся въ 60 переведенныхъ нами гимнахъ равняется, по нашему подсчету, приблизительно десяти тысячамъ; значитъ, свыше семисотъ или около восьмисотъ стиховъ Симеона остаются для насъ неизвѣстными.

Переводить гимны преп. Симеона на русскій языкъ намъ пришлось первоначально съ латинскаго ихъ перевода по Патрологіи Миня (ser. gr. t. CXX coll. 507—602), перевода, сдѣланнаго Понтаномъ и содержащаго въ себѣ 40 главъ или гимновъ²⁾. Печатное греческое изданіе твореній Симеона Новаго Богослова, заключающее въ себѣ во 2-й части подлинный текстъ 55 гимновъ, мы впервые могли увидѣть и приобрѣсти лишь на Афонѣ. Сличивъ свой переводъ съ подлиннымъ текстомъ гимновъ и исправивъ его, мы оставили почти всѣ имѣющіеся въ латинскомъ переводѣ гимны въ той же внѣшней формѣ, въ какой перевели ихъ съ латинскаго, т. е. въ прозаической (такъ какъ по-латински они переведены прозою). Тѣ же гимны, которые пришлось переводить прямо съ подлинника, мы сочли болѣе удобнымъ перевести постишно³⁾; отсюда у насъ вполне естественно получилось неоднобразіе внѣшней формы перевода, какового впрочемъ и нельзя было избѣжать, такъ какъ изъ латинскаго перевода приходилось дѣлать вставки и добавленія къ подлинному тексту⁴⁾. Эти вставки и добавленія въ нашемъ переводѣ взяты обычно въ скобахъ и отмѣчены въ примѣча-

1) См. въ Патрологіи Миня Notitia о Симеонѣ НБ. col. 309С.

2) Эти 40 главъ представляютъ переводъ собственно 38 гимновъ, такъ какъ первая глава является переводомъ *Ἀρχὴ τῶν θεῶν διῶνον* или введенія, написаннаго прозою, а послѣдняя 40 глава—переводомъ 91-го слова Симеонова.

3) Такая форма все же ближе, думается, передастъ подлинникъ, чѣмъ сплошныя строки прозы; въ постишномъ переводѣ для читателя яснѣе виденъ нерѣдкій въ стихахъ параллелизмъ выраженій, повтореніе однихъ словъ, опущеніе другихъ и другія особенности поэтической рѣчи.

4) Вставки и добавленія въ латинскомъ переводѣ произошли оттого, что переводчикъ передавалъ иногда подлинникъ болѣе пространно и описательно, а иногда, разумѣется, отъ тѣхъ разночтеній, вставокъ и пропусковъ, которые имѣлись въ его греческомъ оригиналѣ.

ніяхъ подъ строкою, равно какъ и то, чего нѣтъ въ латинскомъ переводѣ по сравненію съ нашимъ греческимъ текстомъ, мы также старались отмѣчать подъ строкою. Круглыми скобами () отмѣчены въ настоящемъ переводѣ не только заимствованія изъ латинскаго перевода, но и тѣ слова и выраженія, которыхъ хотя и нѣтъ въ греческомъ текстѣ, но которыя непосредственно въ немъ подразумѣваются или скрыты въ значеніи греческихъ словъ; въ прямыхъ же скобахъ [] мы ставили слова, внесенныя по необходимости для ясности и смысла рѣчи и которыя, отсутствуя въ подлинникѣ, могутъ быть подразумѣваемы только съ наибольшею вѣроятностію.

Въ основу настоящаго русскаго перевода гимновъ положенъ подлинный греческій текстъ ихъ имѣющійся въ греческомъ изданіи твореній Симеона Новаго Богослова ¹⁾. Но такъ какъ это изданіе является весьма несовершеннымъ по множеству опечатокъ и другимъ упущеніямъ, то при переводѣ намъ немало помогъ латинскій текстъ гимновъ ²⁾; но несравненно большую услугу оказала намъ копія Патмосской рукописи: сличая имѣющійся въ ней текстъ гимновъ съ печатнымъ греческимъ текстомъ, мы, во-первыхъ, исправляли по ней его корректурныя ошибки ³⁾, нерѣдко

¹⁾ Мы пользовались вторымъ изданіемъ, выпущеннымъ въ Сѣвѣ 1886. Гимны отпечатаны въ немъ (какъ и въ первомъ изданіи) во второй части въ два столба, съ особымъ счетомъ страницъ.

²⁾ Который въ свою очередь далеко не свободенъ отъ опечатокъ: см., напр., coll. 532B, 538B, 570D, 577D, 579C etc.

³⁾ Корректировать свой переводъ гимновъ мы могли не только благодаря латинскому переводу и Патмосской рукописи, но и чрезъ посредство стараго славянскаго перевода гимновъ, имѣющагося въ одной изъ рукописей бібліотеки Московскаго епархіальнаго дома, указанной намъ однимъ лицомъ (которому мы выражаемъ здѣсь искреннюю благодарность) въ то время, когда нашъ переводъ гимновъ былъ оконченъ уже и наполнену приготовленъ къ печати. Въ этой рукописи, датированной 1835 годомъ, помѣщенъ переводъ 55 гимновъ, отпечатанныхъ въ греческомъ изд. твор. Симеона НБ., точная копія перевода, находящагося въ рукописи (1834 г.) Моск. Синодальной бібліотеки Симоновскаго собранія № 28 (см. Н. Поповъ: Рукописи М. С. Б. вып. II М. 1910 стр. 32—38). Хотя содержащійся въ этихъ рукописяхъ переводъ гимновъ представляетъ слишкомъ уже дословную передачу греческ. текста, все же мы, сличая съ нимъ при печатаніи свой переводъ гимновъ, кое-гдѣ избѣжали неправильностей и ошибокъ.

дѣлая при этомъ предпочтеніе ея тексту предъ печатнымъ, а во-вторыхъ, заимствовали изъ нея отсутствующіе въ греческомъ изданіи стихи, а иногда и цѣлыя большія вставки ¹⁾, что все также отмѣчено при переводѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Кроме того, изъ Патмосской рукописи нами переведено предисловіе къ гимнамъ преп. Симеона, написанное ученикомъ его Никитою Стиватомъ, которое въ греческомъ изданіи твореній Симеона напечатано не въ подлинникѣ, а на новогреческомъ діалектѣ, и еще три гимна: 57, 58 и 59, два изъ которыхъ имѣются въ латинскомъ переводѣ, а одинъ—послѣдній нигдѣ не напечатанъ. Подлинный текстъ предисловія Никиты Стивата, трехъ указанныхъ гимновъ и еще одного маленькаго—самаго послѣдняго 60-го гимна, взятаго изъ Аѳонской Ксенофской рукописи 14 в. № 36 (см. каталогъ Ламброста т. I, № 738), напечатанъ при настоящемъ переводѣ въ приложеніи I (которое, равно какъ и приложеніе II имѣются не при всѣхъ экземплярахъ настоящаго изданія). Такимъ образомъ то, что переведено здѣсь на русскій языкъ, но доселѣ не было издано въ печати, все это и дано въ подлинномъ текстѣ, какъ первое приложеніе къ настоящему изданію.

Четыре послѣдніе въ нашемъ переводѣ гимна: 57—60 не вошли въ греческое изданіе твореній Симеона ²⁾ по весьма понятнымъ причинамъ: 57 гимнъ—частнаго характера и, несомнѣнно, написанъ преп. Симеономъ по поводу смерти одного изъ близкихъ къ нему лицъ; въ 58 гимнѣ высказываются, и при томъ весьма откровенно, очень смѣлыя мысли о всецѣломъ обоженіи человѣка, которыя однако тѣсно связаны со всею богословскою системою преп. Симеона и находятъ для себя параллели и въ другихъ мѣстахъ его твореній ³⁾; 59 гимнъ есть не что иное, какъ пространное посланіе, только написанное стихами по одному частному случаю

¹⁾ См. 40-й гимнъ, въ настоящ. переводѣ стр. 180, примѣчаніе 1-е; 49 гимнъ, стр. 226, примѣчаніе 1-е и др.

²⁾ 56-й гимнъ отпечатанъ въ греческомъ изданіи, только какъ вторая половина 47 гимна; см. примѣчанія на стр. 223, 252—253 настоящ. перевода.

³⁾ См., напр., 45 слово Симеона; въ греческ. изд. *μέρος* I, σσ. 2[52—218, 221—2; въ русск. перев. вып. I, изд. 2-е М. 1892, стр. 383—386, 394—396.

въ жизни преп. Симеона¹⁾, и скорѣе походить на богословскій трактатъ, чѣмъ на гимнь; 60 же гимнь есть собственно небольшая эпиграмма къ одному изъ словъ преп. Симеона. Хотя всѣ эти гимны и не вошли, говоримъ, въ греческое изданіе твореній Симеона Новаго Богослова, однако въ подлинности ихъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Гимны 57 и 58 имѣются не только въ Патмосской рукописи, но указаны и Алліаціемъ въ полномъ оглавленіи гимновъ Симеона и существуютъ, кромѣ того, и въ латинскомъ переводѣ среди другихъ гимновъ Симеона²⁾. Что 59 гимнь написанъ именно преп. Симеономъ—объ этомъ со всею очевидностію говоритъ житіе его, въ нѣкоторыхъ спискахъ котораго онъ цѣликомъ даже и помѣщается³⁾. Наконецъ, 60 гимнь съ именемъ Симеона Новаго Богослова имѣется во многихъ рукописяхъ, въ которыхъ онъ помѣщенъ обычно при извѣстномъ словѣ Симеона „о трехъ образахъ вниманія и молитвы“⁴⁾. Кромѣ того, нужно сказать, что во всѣхъ этихъ гимнахъ развиваются излюбленныя идеи Симеона Новаго Богослова.

Скорѣе, думается, можно сомнѣваться въ подлинности 54 гимна, представляющаго собою молитву ко Св. Троицѣ. Эта молитва въ славянскомъ переводѣ имѣется въ нѣкоторыхъ старыхъ рукописныхъ⁵⁾ и въ старопечатныхъ слѣдованныхъ

1) См. въ настоящ. перев. примѣчаніе первое на стр. 265. Чтобы вполнѣ понять это посланіе, нужно знать житіе преп. Симеона, въ особенности отношеніе къ нему адресата этого посланія, то, что предшествовало написанію посланія и что было впоследствии.

2) См. MP. gr. t. CXX. Symeon Iunior: Divinotum amotum c. X и XV, coll. 521 и 529—533; ср. Notitia col. 301AB.

3) Онъ помѣщенъ, напримѣръ, въ выщептированной нашей рукописной копіи житія преп. Симеона, снятой съ рукописи Афонск. Павтеленмонова монастыря № 764 (въ катал. Ламброса т. II, № 6271).

4) Эти рукописи (не всѣ еще) указаны въ примѣчаніи второмъ на стр. 279 настоящ. перевода.

5) См., напримѣръ, псалтирь съ воззѣданіемъ Московск. Синодальной библіотеки № 406 (описаніе Горскаго и Невоструева, отд. III, ч. 1, стр. 421) или псалтирь фундаментальной библіотеки М. Д. Академіи № 9 (описаніе архимандрита Леониды вып. II, стр. 316 сл.), въ которой Симеонъ Метафрастъ смѣшивается съ Симеономъ ИВ. (см. листы 838, 839 об.). Въ этой послѣдней псалтири особенно слѣдуетъ отмѣтить то, что молитва ко Св. Троицѣ: „О Отче, Сыне и Душе“... помѣщена въ ней непосредственно за молитвой ко причащенію: „Отъ скверныхъ устенъ“... несомнѣнно при-

псалтиряхъ, но не съ именемъ Симеона Новаго Богослова, а—Симеона Метафраста. Вотъ одно основаніе. Другимъ основаніемъ къ тому, чтобы сомнѣваться въ принадлежности этой молитвы Симеону Новому Богослову, можетъ служить то, что она хотя и написана политическими стихами (въ 12 слоговъ), но имѣеть довольно своеобразную, не встрѣчающуюся въ другихъ гимнахъ Симеона форму, состоящую въ неоднократномъ повтореніи одного и того же стиха въ началѣ молитвы и въ постоянномъ параллелизмѣ весьма многихъ выраженій и словъ во всемъ почти дальнѣйшемъ текстѣ молитвы. Однако ни то, ни другое основаніе не являются достаточными для отрицанія подлинности этого Симеонова гимна или молитвы. Какимъ образомъ эта молитва могла быть ошибочно надписана именемъ Симеона Метафраста, объ этомъ сказано нами въ примѣчаніи къ ней (на стр. 245). Въ данномъ же мѣстѣ въ пользу принадлежности указанной молитвы Симеону Новому Богослову присоединимъ еще слѣдующее: точный анализъ содержанія данной молитвы показываетъ, что она отъ начала и до конца состоитъ не только изъ мыслей, но и выраженій, особенно характерныхъ именно для Симеона Новаго Богослова,¹⁾ и не содержитъ въ себѣ почти ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что сказано въ прочихъ гимнахъ Симеона.

Въ качествѣ второго приложенія къ настоящему переводу гимновъ Симеона предлагается (имѣющійся не при всѣхъ экземплярахъ) предметный указатель, но не къ однимъ гимнамъ, а вмѣстѣ и къ словамъ преп. Симеона, которыя пере-

надлежащей Симеону НВ, но объ эти молитвы, не только первал, во и вторая ошибочно приписаны тамъ Симеону Метафрасту.

¹⁾ Такъ, напр., Симеонъ въ этой молитвѣ называетъ Бога „красотою многолюбезною, не имѣющею насыщенія“, „Свѣтомъ трисойннымъ“, „трисвѣтлымъ и единымъ Царемъ“, просить себя „дождей слезъ“, обзываетъ себя „нечистымъ и непотребнымъ, лукавымъ и сквернымъ, помраченнымъ и оскверненнымъ“ и пр. Предлагаемъ также сравнить въ этой молитвѣ на стр. 245 строку 4-ю, 7 и 9 отъ начала молитвы и соответствующія ей мысли и фразы на стр. 61—62 настоящ. перевода; на стр. 246 строки 9—8 отъ конца и ниже и стр. 50—51; на стр. 247 строки 5—8 отъ начала и стр. 133, 135, 244; на той же 247 стр. строки 6—3 отъ конца и стр. 135; на стр. 248 строку 12-ю сверху и дальнѣйшія и стр. 75, 134; на той же 248 стр. строки 4—1 отъ конца и стр. 139—140 и пр.

ведены на русскій языкъ еп. Теофаномъ и изданы въ двухъ выпускахъ, такъ какъ при этихъ послѣднихъ никакого указателя не имѣется ¹⁾. Предлагаемъ читателямъ предварительно просмотрѣть помѣщенные въ концѣ книги поправки, касающіяся главнымъ образомъ перевода ²⁾, и сдѣлать соотвѣтствующія исправленія въ текстѣ книги.

Иеромонахъ Пантелеимонъ.

¹⁾ Такимъ образомъ прилагаемый при настоящемъ изданіи указатель можетъ быть названъ указателемъ ко всемъ существующимъ въ русскомъ переводѣ твореніямъ Симеона Нового Богослова. Въ немъ, правда, не цитируется двадцать словъ преп. Симеона, изданныхъ Оптиною Пустынью, но почти всѣ эти слова имѣются въ числѣ 92 словъ, изданныхъ въ двухъ выпускахъ.

²⁾ Весьма немало неправильностей и неточностей перевода указано особенно въ предисловіи къ гимнамъ Никиты Стивата; всѣ онѣ замѣчаны были при печатаніи подлиннаго греческаго текста предисловія и при сличеніи его съ отпечатаннымъ уже переводомъ предисловія.

Никиты Стивата, монаха и пресвитера Студійскаго монастыря, на книгу божественныхъ гимновъ преподобнаго Отца нашего Симеона ¹⁾.

Весьма возвышенное, поднимающееся превыше чувствъ (содержаніе) того, что написано здѣсь, и высота богословія и глубина непосредственнаго знанія его не для всѣхъ, думаю, понятна и доступна, потому что, будучи озарена божественными отблесками непреступнаго свѣта превыше всякаго человѣческаго разумѣнія, она требуетъ для постиженія предлагаемыхъ вещей таковыхъ, которые, благодаря здравому разуму, обладаютъ крѣпкими душевными чувствами, чрезъ дыханіе Духа окрылены умомъ къ высотѣ и имѣютъ ясный образъ мыслей, весь всецѣло обращенный къ небесамъ и проникающій въ глубины Божіи. Поэтому я, воздавая должное почтеніе учителю (своему) ²⁾, счелъ весьма благовременнымъ, очень полезнымъ и пригоднымъ предупредить тѣхъ, которые пожелали бы разумомъ склониться сюда, дабы

¹⁾ Предлагаемая статья есть не что иное, какъ предисловіе къ гимнамъ преп. Симеона Новаго Богослова, написанное ученикомъ его Никитою Стиватомъ. Подлинный текстъ его, съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ, заимствованъ изъ рукописи бібліотеки русскаго монастыря св. великомуч. Пантелеимона на Афонѣ № 670, стр. 63—79 (см. каталогъ Ламброса т. II, стр. 412). Рукопись же эта представляетъ собою новѣйшую копию, сдѣланную въ концѣ прошлаго столѣтія, съ кодекса 14 в., находящагося въ бібліотекѣ Патмосскаго монастыря св. ап. Іоанна Богослова за № 427 (см. каталогъ Саккеліона стр. 188—189). Это предисловіе Никиты Стивата извѣстно было по другимъ спискамъ и западнымъ авторамъ. См. МР. gr. t. CXX. Nicetas Pectoratus. Notitia p. 845 Notitia altera p. 847. Въ новогреческомъ переводѣ оно помѣщено въ изданіи твор. преп. Симеона НБ: *Τῶ δότῳ καὶ θεοφόρῳ πατρὸς ἡμῶν Σιμεῶν τοῦ νέου θεολόγου τὰ εὐρησάμενα διηρημένα εἰς δύο. Ἐν Σύρῳ 1886. σσ. 24—27.*

²⁾ Т. е. Симеону Н. Б.

и́которые, худо, разумѣтся, и безъ опыта воспринимающіе божественныя, сверхчувственныя вещи, по неопытному наблюденію глубинъ Духа и имѣя умъ необученный упражненіемъ въ божественныхъ вещахъ, не причинили самимъ себѣ вреда отъ этихъ вещей вмѣсто пользы.

Итакъ, должно знать, что кто предпочитаетъ склониться къ писаніямъ богослововъ, привлекаемый къ этому любовью къ чтенію, тотъ прежде всего, будучи вѣрнымъ, долженъ тѣломъ и духомъ убѣждать міра и всего вообще находящагося въ мірѣ, стряхнувши съ себя временное наслажденіе удовольствіями,—положить, слѣдовательно, доброе основаніе на твердомъ камнѣ вѣры чрезъ дѣланіе и соблюденіе заповѣдей Христовыхъ и на немъ искусно созидать домъ добродѣтелей; совлечься ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотяхъ его, и облечься въ здраваго, обновляемаго во Христа, достигши, конечно, возможно высокаго совершенства, пришедши въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Должно же ему еще предочиститься, предосвѣтиться и просвѣтиться Духомъ; прежде уарѣть всякую тварь чистымъ окомъ ума, научившись прежде предугадывать вдали слова и движенія ея; стать внѣ видимыхъ низменныхъ пещей, т. е. превыше всякой плоти и чувства. Потомъ, ясно открывши уста, силою привлечь благодать Духа, и исполнившись оттуда благъ свѣта, соразмѣрно очищенію, внятно богословствовать о бывшихъ въ немъ свыше священныхъ отображеніяхъ. И такимъ образомъ, имѣя какъ бы дальновидный умъ, склониться предъ тѣмъ, что написано здѣсь. Я говорю о сощипеніи, принадлежащемъ возвышеннѣйшему и богословнѣйшему уму блаженнѣйшаго и треплаженнаго отца Симеона. Поэтому кто влечется еще внизъ грудью и чревомъ, т. е. земными помыслами и вещественными пожеланіями своими, будучи связанъ узами обольщающаго мірскаго чувства, кто нечистъ и сильно поврежденъ въ чувствахъ ума, того мы предупреждаемъ, чтобы онъ не дерзалъ читать написанное здѣсь, дабы, смотря на лучи солнца съ гноемъ на глазахъ, не былъ онъ ослѣпленъ, потерявъ и то слабое зрѣніе очей (какое имѣлъ). Ибо прежде должно очиститься отъ всякой болѣзни и нечистоты помысловъ, и такимъ образомъ приблизиться къ чистому и сверхбезпредѣльному, въ безпредѣльность свѣтящему солнцу и бесѣдовать

съ нимъ,—какъ къ тому, которое сообразно намъ является чувственнымъ образомъ, такъ и къ Солнцу правды и посылаемымъ отъ Него разумнымъ и мысленнымъ лучамъ, потому что изслѣдовать глубины Духа свойственно только тѣмъ, которые освѣщены съ вершины, конечно, очищенія невещественнымъ свѣтомъ Божиимъ и стяжали совершенно просвѣщенный умъ вмѣстѣ и душу. Прочимъ же весьма полезно и прилично бить себя въ грудь, испрашивая милости свыше.

Итакъ, могущему вѣрно изучить слова этого божественнаго Отца и изслѣдовать ихъ глубину должно съ разумѣніемъ смотрѣть на его изступленіе и обоженіе, какъ онъ, будучи какъ бы внѣ плоти и тѣла и всякаго чувства, восхищаемъ былъ духомъ отъ земли къ небесамъ и къ Богу, чуднымъ образомъ удостоивался божественныхъ откровеній и видѣлъ въ себѣ дѣйствія божественнаго Свѣта, богоприлично дѣйствовавшія въ немъ; какъ онъ, одержимый любовію (*ἔρωτι*) къ Богу, какъ бы уязвленный ею, призывалъ и называлъ Его различными божественными наименованіями, подражая въ этомъ великому Діонисію и подобнымъ образомъ совосхищаемый съ нимъ отъ земли. Такъ какъ и въ послѣднемъ было то же самое: испытывая дѣйствія божественнаго Свѣта, этотъ высокоумный мужъ, подобно ему ¹⁾, славно воспѣвалъ Бога, какъ виновника всѣхъ вещей, многоименно отъ всѣхъ имѣющихъ (въ Немъ) причину вещей называя Его „то благимъ, то прекраснымъ, то мудрымъ, то возлюбленнымъ, то Богомъ боговъ, то Господомъ господей, то Святымъ святыхъ, то вѣчнымъ, то сущимъ и виновникомъ вѣковъ, то подателемъ жизни, то премудростию, то умомъ, то Словомъ, то вѣдущимъ, то содержащимъ всѣ сокровища всякаго знанія, то силою, то сильнымъ, то Царемъ царствующихъ, то ветхимъ деньми, то нестарѣющимся и неизмѣннымъ, то спасеніемъ, то правдою, то освященіемъ, то искупленіемъ, то по величію превосходящимъ все, то являющимся въ тонкомъ дыханіи вѣтра, въ душахъ и тѣлахъ, и въ тѣхъ, въ коихъ Самъ Онъ пребываетъ, равно какъ на небѣ и на землѣ, будучи всегда и вездѣ Самому Себѣ тождественнымъ (*καὶ ἄμα ἐν ταῦτῳ τὸν αὐτόν*), находясь въ мірѣ и будучи премірнымъ, пренебеснымъ, пресущественнымъ,

¹⁾ Т. е. Симеону.

являясь солнцемъ, звѣздою, огнемъ, водою, дыханіемъ росы, облакомъ, камнемъ и скалою,—всѣмъ существующимъ и будучи ничѣмъ изъ существующаго“¹⁾). Отсюда и самъ великій въ божественныхъ вещахъ Діонисій въ сочиненіи „О божественныхъ именахъ“, подобно изступленію въ Богѣ этого божественно-великаго (*Θεοπέδιου*) Отца, какъ бы свидѣтельствуя ему чрезъ свои писанія, говоритъ совершенно то же: „Итакъ, Причинѣ всего, существующей превыше всего, прилична и безыменность и все то, чему принадлежать существующія имена, дабы она точно была царемъ всего сущаго, и около нея было все и отъ нея, какъ причины, начала и конца, зависѣло, и сама она, по реченію, была „всяческая во всѣхъ“ (1 Кор. 15, 28); и по справедливости воспѣвается основаніе (*ἀπόστασις*)²⁾ всего“... И немного спустя: „все въ ней просто и неограниченно предшествовало существующему, по причинѣ всесовершенныхъ добротъ одной ея—всевиновной Премудрости (*προνοίας*), которая отъ всѣхъ существующихъ вещей соотвѣтственнымъ образомъ воспѣвается и именуется. Поэтому богословы чтутъ не одни эти божественныя наименованія, замѣтствованныя отъ частныхъ промыслительныхъ дѣйствій ея, совершенныхъ уже или еще предусматриваемыхъ, но и отъ такихъ божественныхъ явленій, просвѣщавшихъ таинниковъ и пророковъ, какія когда-либо были въ священныхъ храмахъ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Сообразно тѣмъ или другимъ причинамъ и силамъ они именуютъ вышеобразную и вышеимянную Благость, прилагая къ ней образы и подобія человѣка, или огня, или янтаря, воспѣвая глаза ея и уши, лицо и волосы, руки и хребетъ, крылья и плечи, задняя и ноги, пририсовывая къ ней вѣнки и сѣдалища, кубки и чаши и нѣкоторыя другія таинственныя изображенія“³⁾).

Да, этотъ божественный мужъ (Симеонъ), вконецъ очистившись душою, о чемъ громче сильнозвучащей трубы вопіють уже писанія его, удостоился великихъ откровеній,

¹⁾ Dionysii Areopagitae: De divinis nominibus c. 1, § VI. MP. gr. t. III, col. 596BC. Это мѣсто начинается у Діонисія такъ: *καὶ ὅταν αὐτοὶ τῶν πάντων αἴτιον οἱ θεόσοφοι πολυωνύμως ἐκ πάντων τῶν αἰτιατῶν ἠμῶσιν ὡς φησὶν, ὡς καλόν* etc.

²⁾ Въ текстѣ соч. Діонисія лучшее чтеніе: *ἀποστάσις*—созидательница.

³⁾ De divin. nomin. c. 1, §§ VII—VIII, coll. 597AB.

неизреченных созерцаний, таинственной бесѣды и божественныхъ гласовъ, свыше чуднымъ образомъ провозглашенныхъ ему,—вкратцѣ сказать, удостоился апостольской благодати, весь возжегшись отъ Божественнаго Духа, отъ божественнаго огня. Поэтому, и не вкусивъ вполнѣ внѣшняго знанія наукъ, краснорѣчіемъ словъ, обиліемъ (божественныхъ) именъ и разсудительностію онъ выше всякаго ритора и мудреца возвысился до высоты премудрости, какъ постигъ мудрый въ божественныхъ вещахъ и богословъ весьма свѣдущій въ догматахъ. И не диво. „Ибо премудрость Божія, по словамъ Премудраго, по чистотѣ своей сквозь все проходитъ и проникаетъ. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліаніе славы Вседержителя... Она—одна, говоритъ онъ, но можетъ все и, пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ и, переходя изъ рода въ родъ въ святыхъ души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ; ибо Богъ никого не любитъ, кромѣ живущаго съ премудростію“ (Прем. Сол. 7, 24—25. 27—28). По этой причинѣ, возжелавъ премудрости, онъ возлюбилъ доброту ея, и возлюбивъ по Соломону, взыскавъ трудами любомудрія и подвижничества, и обрѣлъ ее. Найдя же, умножилъ со слезами и не безъ труда, поэтому и дано было ему разумніе. Онъ призвалъ ее съ твердою вѣрою, и сошелъ на него Духъ премудрости; отсюда онъ въ продолженіе всей жизни имѣлъ отъ нея неусыпаемый безыскусственный свѣтъ. А чрезъ него и пришли къ нему все вмѣстѣ блага жизни вѣчной и неисчислимое богатство премудрости и свѣдѣнія. Подлинно, безхитростно научившись отъ Бога неизреченнымъ таинствамъ, онъ безъ зависти сообщилъ о нихъ всѣмъ чрезъ свои писанія для духовной радости вмѣстѣ и пользы. Онъ не уподобился неразумному рабу, скрывшему данный ему отъ Бога талантъ, но, какъ вѣрный домоправитель, благо-разумно не зарылъ, по писанному, богатства неисчерпаемой мудрости, которое получили отъ Бога. „Безъ хитрости, говоритъ онъ, я научился, и безъ зависти преподаю, не скрываю богатства ея“ (Прем. Сол. 7, 13) ¹⁾. Поэтому языкъ его—раз-
женное серебро, душа его полна правды, уста его, какъ истин-

¹⁾ Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно, одно мѣсто изъ 89 слова прор. Симеона НБ. См. „Слова“ его въ русск. перев. вып. II (по втор. изд.), стр. 478—479.

наго праведника, вѣдали возвышенныя рѣчи, и гортань его изливала благодатныя токи и неизреченную Божию премудрость. Происходило же это отъ великаго поистинѣ смиренномудрія его и чистоты. „Ибо уста смиренныхъ, говоритъ Соломонъ, поучаются премудрости; и въ добромъ сердцѣ мужа почиетъ премудрость, въ сердцѣ же неразумныхъ она не познается“ (Притч. 11, 2; 14, 33). Будучи дѣйствительно исполненъ смиренномудрія, онъ непрестанно имѣлъ сердечное попеченіе о премудрости Божіей, которая, по сказанному, познается вообще смиренными сердцемъ, а не неразумными мудрецами міра. И свѣтъ Божій поистинѣ всегда былъ дыханіемъ его. Имѣя послѣдній въ умѣ, какъ бы свѣтильникъ, онъ говорилъ и весьма ясно со знаніемъ писалъ о томъ, что умно, какъ оракуль, видѣли очи его. Я тѣ говорю, говоритъ онъ, что видѣли очи мои¹⁾. И говоря это, онъ весьма ясно отъ существующихъ вещей воспѣвалъ Божество, какъ являющееся общимъ достояніемъ для всего сущаго. Такъ какъ „благо вообще не пребываетъ несообщимымъ ничему изъ существующаго, какъ говоритъ великій въ божественныхъ вещахъ Діонисій, но оно само по себѣ постоянно благоприлично является въ то время, когда освѣтитъ²⁾ сверхсущественный свѣтъ чрезъ соотвѣтствующія озаренія каждой изъ существующихъ вещей, и къ возможному созерцанію себя, сообщенію и уподобленію простираетъ умныя токи, какъ обычно ему и священноприлично ниспадающіе“³⁾.

Итакъ, слѣдуя во всемъ предшествовавшимъ ему богословамъ, Симеонъ не изслѣдовалъ въ гимнахъ и священно-благоговѣйныхъ размышленіяхъ того, что сокровенно въ Божествѣ превыше ума и естества, какъ говоритъ о богословахъ Діонисій, а всецѣло почитая неизрѣченныя таинства благоразумнымъ молчаніемъ, въ священныхъ помышленіяхъ простирался къ озарявшимъ его лучамъ. И ими обильно просвѣщаемый и освѣщаемый, проникался отъ нихъ премирными образами и впечатлѣніями для богочащныхъ и богоприличныхъ гимновъ и священныхъ пѣснопоевій, дѣ-

1) Таковъ общій духъ ученія преп. Симеона, который весьма часто въ своихъ словахъ и гимнахъ ссылается на свой непосредственный опытъ.

2) *idobscat*—описка, вмѣсто *idobscat*, какъ стоитъ въ текстѣ De divin. nomin.

3) De divin. nomin. c. 1, § II, col. 588CD.

лался способнымъ къ созерцанію даруемаго чрезъ нихъ соотвѣтственно его состоянію богоначального Свѣта и съ любовію (*ἐρωτικῶς*) воспѣвалъ благоподателя Господа, какъ виновника всякаго священноначалія и свѣтоявленія ¹⁾. Таковъ древній видъ проявленія родоначальной Премудрости. Ибо свыше нисходящая благодать Духа, которая сопребывала съ древними вѣрными мужами, издревле любомудрствовавшими отеческою философіею, возбуждала такимъ образомъ умы ихъ къ исполненнымъ любви (*ἐρωτικῶς*) божественнымъ гимнамъ и разнаго рода стихословіямъ. Чрезъ это она дивнымъ образомъ показывала ихъ для современниковъ поэтами—составителями пѣсней, гимновъ и божественныхъ мелодій. Они же обычно содѣлывались таковыми и премудро достигали этого не отъ обученія познаніямъ и совершеннаго упражненія въ наукахъ, но отъ философіи, которая изслѣдуетъ свойства души, отъ высшаго подвижничества и храненія главныхъ добродѣтелей. Кто расположенъ къ сказанному, тотъ пусть убѣдится въ томъ изъ письменнаго документа, обратившись къ Филону Іудею, какъ-то къ сочиненію его, написанному такимъ образомъ: „О жизни созерцательной или о молящихся“ ²⁾; изъ него онъ узнаетъ достовѣрность нашихъ словъ. Для подтвержденія сказаннаго мы возьмемъ отсюда нѣкое краткое изреченіе, гдѣ онъ такъ говоритъ: „Такимъ образомъ, они не созерцаютъ только возвышенные предметы наблюденіемъ чистаго ума, но и составляютъ въ различныхъ стихахъ и мелодіяхъ пѣсни и гимны, необходимо начертанные наиболѣе священными числами“ ³⁾.

Итакъ, что богоглаголиво воспѣто этимъ Отцомъ въ божественныхъ наименованіяхъ, то говоритъ и Діонисій великій, посвященный въ таинства божественныхъ реченій. Но всякое какъ бы сказать священное пѣснословіе богослововъ, вырабатывающее выразительныя божественныя наименованія для благодѣтельнаго проясненія Божественной природы, никто

¹⁾ Ibid. § III, col. 539B. Взято съ нѣкоторыми измѣненіями, вставками и перестановками.

²⁾ Другое написаніе того же соч. Филона (т. е. „О жизни созерц.“) читается собственнo: *Ἰκέται ἢ πρὸς ἀρετῶν*, т. е. умоляющіе или о добродѣтеляхъ.

³⁾ См. стр. 65—66 въ изд. Philo: About the contemplative life. Oxford 1895.

не обрѣтеть безъ душевнаго, разумѣтся, усилія и не изслѣдовавъ божественныхъ Писаній чистымъ умомъ. Да и тотъ же самый Отець ¹⁾, будучи весьма твердо увѣренъ относительно нашихъ словъ, такъ ясно прибавляетъ въ пользу сказаннаго, говоря въ другой разъ: „Боговидные умы, подражая Ангеламъ, насколько возможно, и соединяясь ²⁾ съ ними, т. е. съ божественными ангельскими силами (такъ какъ у обоженныхъ умовъ во время прекращенія всякой умственной дѣятельности бываетъ такое же единеніе съ пребожественнымъ Свѣтомъ, какъ и у тѣхъ), воспѣвають его совершеннѣйшимъ образомъ чрезъ обнаженіе отъ всѣхъ существующихъ вещей. Это поистинѣ—умы сверхъестественно озаренные по причинѣ блаженнѣйшаго единенія съ нимъ, потому что онъ есть виновникъ всего существующаго, самъ же—ничто изъ существующаго, какъ сверхъестественно изытый отъ всего“ ³⁾. Итакъ, зная это, божественный отецъ Симеонъ, какъ премудрый богослозь, воспѣвалъ Божественную, сверхъестественную природу то какъ безымянную, то какъ причину всякаго имени именуемаго, богословствуя о ней, какъ о безымянно пребывающей превыше всего. Съ одной стороны, собирая изъ различныхъ богословскихъ ученій, то, что является предметомъ настоящаго сочиненія, и пользуясь для своихъ цѣлей ⁴⁾ сказаннымъ, какъ бы нѣкоторымъ образомъ, онъ выступилъ на путь развитія умныхъ божественныхъ наименованій. Съ другой стороны, разсматривая богозрящимъ умомъ богоявленные образы и созерцаія, удостовѣряемый божественнымъ преданіемъ Апостола, онъ приложилъ „святая святымъ“. И свящепно усмотрѣнныя имъ божественныя видѣнія онъ безъ зависти показалъ тѣмъ, которые волею судьбы слѣдовали за нимъ, какъ первый—вторымъ и слабѣйшимъ, соразмѣрно съ ихъ состояніемъ, преподавъ по достоинству священные предметы созпательно и всецѣло участвующимъ въ священническомъ совершенствѣ. „Шутокъ же и насмѣшекъ не посвященныхъ въ таинства тѣхъ пред-

¹⁾ Т. е. Діонисій.

²⁾ По смыслу и согласно съ текстомъ *De divin. nomin.* должно читать *ενοούμενοι*, вмѣсто *πρωοούμενοι*.

³⁾ *De divin. nomin.* с. 1, § V, col. 593BC.

⁴⁾ Буквально: для цѣлей въ отношеніи къ тому.

метовъ онъ удалялся, лучше же сказать тѣхъ самыхъ людей, когда нѣкоторые оказывались таковыми, будучи самъ свободенъ отъ такого богоборчества“¹⁾. Правда, это удаленіе онъ позволялъ себѣ дѣлать не для многихъ, пока былъ и являлся въ живыхъ, хотя и довѣрялъ тому великому Діонисію, который такъ пишетъ къ Тимоѳею: „Смотри, говоритъ, какъ бы не обратитъ тебѣ въ посмѣшище Святое Святыхъ. Будь же богобоязливъ и таинства Божіи почитай умнымъ и незримымъ вѣдѣніемъ, храня эти не подлежащія сообщенію и непорочныя таинства отъ несовершенныхъ и священноприлично сообщающа ихъ однимъ только посвященнымъ изъ іереевъ со священнымъ просвѣщеніемъ. Такъ предало намъ—богопочитателямъ богословіе“²⁾. Поэтому и мы, научившись у него этому и зная высоту и глубину и широту его мудрости, чрезъ сказанное и настоящее (свое) слово отлучаемъ совершенно тупыхъ и не посвященныхъ въ таинства, не желая износить имъ этихъ предметовъ, и ясно раскрывая ихъ однимъ тѣмъ, разумѣется, которые имѣютъ упи священно отверстыми по причинѣ попеченія ихъ о нравахъ и о божественномъ разумѣніи, просто сказать—святимъ по жизни и высшему вѣдѣнію. Вѣдь этого и божественный Павелъ желаетъ, пиша такъ къ Тимоѳею: „сія предаждь вѣрнымъ челоувѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити“ (2 Тим. 2, 2).

Итакъ, восшедшіе отъ любомудреннаго дѣянія къ созерцацію и пришедшіе въ глубину богословскихъ мыслей пусть съ вѣрою обратятся къ этому ислѣдованіемъ души, и я вполне увѣренъ, они трижды получаютъ великую пользу. Прочіе же, умъ которыхъ разсѣянъ по многимъ разнымъ предметамъ и омраченъ тьмою невѣдѣнія, которые не знаютъ, что означаютъ иногда дѣяніе и созерцаціе и откровеніе божественныхъ таинъ, тѣ пусть воздержатся отъ чтенія здѣсь написаннаго. Ибо имѣющіе умъ, не вмѣщающій возвышенныхъ рѣчей и откровеній, попираютъ обычно и оскверняютъ божественные предметы, не будучи въ состояннй воз-

¹⁾ Съ незначительными измѣненіями взято у Діонисія: De divin. nomin. c. 1, § VIII, col. 597C.

²⁾ Dionysii Areopagitae: De eccles. hierarch. c. 1, § 1. MP. gr. t. III, col. 372A.

вести взоръ ни къ чему изъ того, что превышаетъ насъ. Тогда какъ до ангельской жизни всякая душа, будучи безсмертной и умной, возвышается не иначе, какъ хорошо, наконецъ, очистившись помощію Божественной силы, согласно словамъ священнотайника Діонисія, который говоритъ такимъ образомъ: „Подобно тому, какъ въ нѣкоторомъ кругѣ¹⁾ бываетъ неблуждающее тѣло, такъ и для нея самой (т. е. души) во всякомъ кругообразномъ движеніи и единовидномъ собраніи отънѣ умныхъ силъ ея проявляется богодарованный ей благодѣтельный законъ (*αὐτῆς ἡ θεία δωρομένη ἀγαθή*), который, обращая ее отъ многихъ внѣшнихъ предметовъ и собирая сначала въ себя саму, а затѣмъ въ состояніе простоты, соединяетъ чрезъ соединенныя воедино ангельскія силы²⁾. Ибо³⁾ чрезъ нихъ, какъ добрыхъ руководителей, души съ ихъ добрыми свойствами вслѣдъ за священными и святыми умами возводятся къ тому же самому благодѣтельному закону всѣхъ вещей, и соотвѣтственно очищенію ихъ,⁴⁾ приобщаются изливаемымъ отсюда⁵⁾ озареніямъ, по мѣрѣ силы обильно участвуя въ дарѣ Добровиднаго“. Не думаю, чтобы справедливо было возвышенныя созерцанія ея (т. е. души) подвергать опасности и исполненное любви богословствованіе передавать недовѣрчивому слабому слуху, заткнутому отъ зависти и невѣрія, или лучше сказать, душамъ, покрытымъ густою тьмою невѣрія и попираемымъ лошакими и ослами или драконами и змѣями, нечистыми, говорю, и гибельными страстями, потому что святыя предметы несообщими для

¹⁾ Т. е. атмосферѣ или планетной системѣ.

²⁾ De divin. nomin. с. IV, § IX, col. 705A. Никита Стватъ нѣсколько передѣлываетъ это мѣсто, которое у Діонисія читается въ переводѣ такъ: „Движеніе же души—кругообразное состоитъ во вхожденіи ея отънѣ въ себя саму и въ единовидномъ собраніи умныхъ силъ ея, которое, будучи даровано ей какъ бы неблуждающее тѣло въ нѣкоемъ кругѣ, обращаетъ ее отъ многихъ внѣшнихъ предметовъ и собираетъ сначала въ себя саму, а затѣмъ въ состояніе простоты, соединяя соединенными воедино силами“.

³⁾ Дальнѣйшія слова, взятая изъ того же сочиненія Діонисія, только въ другомъ мѣстѣ—нѣсколько выше: с. IV, § II, col. 696С, Никита приводитъ также не дословно, а съ нѣкоторыми измѣненіями и со значительнымъ пропускомъ въ началѣ.

⁴⁾ У Діонисія здѣсь не *ἐν αὐτῆς*, а *σφῶν*.

⁵⁾ Т. е. отъ того закона, или лучше самого законодателя—Бога.

всѣхъ, ведущихъ жизнь собакообразную и свинообразную. Таковыми они не даются, какъ оракулы; имъ, конечно, и не бросаютъ жемчужинъ слова. Восходящимъ же чрезъ крайнюю чистоту до подобнаго состоянія святости, предметы эти сообщаемы бывають съ несказаннымъ и божественнымъ наслажденіемъ для нихъ, и такъ какъ они суть ясныя свѣты и порожденія Божественнаго огня, то и усваиваются направленною къ нимъ мудростію и возвышенностію. Да будетъ такъ.

Послѣ же того, какъ поистинѣ божественная и чистѣйшая душа наставника нашего возвысилась до таковой высоты и удостоилась такихъ видѣній и такой благодати рыбарей—Апостоловъ, достигши, благодаря ясности огненного ума своего, того благодѣтельнаго закона всѣхъ вещей; теперь всѣ души праведныхъ, восходя на ту же высоту, обильно пріобщаются озареніемъ ея. О чемъ во всеуслышаніе вѣщаютъ творенія его: изліянія любви (*ἔρωτες*) въ его божественныхъ гимнахъ, какъ не о томъ, что святая душа его растворилась съ Тѣмъ, Кто святъ по природѣ, и съ древними святыми, какъ свѣтъ со свѣтомъ, огонь съ огнемъ и лучъ съ солнцемъ, какъ вторичное съ первичнымъ, какъ образъ и подобіе со своимъ Первообразомъ и самою Истиною? Какъ не воспѣть гимнами ту душу, которая, будучи достойна всякихъ гимновъ и похвальныхъ словъ, превосходить ихъ и всякую славу земную вмѣстѣ и человѣческую? Да падеть же зависть, всегда завидующая добру, и да будетъ восхваленъ Симеонъ, весьма достойный гимновъ и всякихъ хваленій. Ради этого и мы со священными свидѣтельствами наиболѣе пространно изложили это слово, направленное противъ порицателей святыхъ¹⁾. Вѣдь если эти откровенія и голоса не суть гласы Божіи и души обожившейся, бывшей внѣ всякаго мірскаго чувства и всецѣло святой, то едва ли что-либо другое изъ дѣлъ человѣческихъ, совершаемыхъ нами со всякимъ усердіемъ, можетъ показаться вполне возможнымъ для Бога и похвальнымъ для людей, хотя для высшей Божіей мудрости и знанія и это не является славнымъ и знаменитымъ.

¹⁾ Здѣсь въ нашей рукописи описка: можно читать не *ἀπὸ κατηρέων*, а *ἀποκατηρέων*. Такъ, по крайней мѣрѣ, читалъ это слово Л. Аллаций. См. Nicetas Pectoratus. Notitia altera. МР. gr. t. CXX, p. 849.

Итакъ, эти (строки) къ исполненнымъ любви божественнымъ гимнамъ учителя предложены нами ради одержимыхъ завистию къ добру, невѣріемъ и невѣдѣніемъ, чтобы тѣ, которымъ попадутся они, или пусть сдѣлаются сперва лучшими по самому намѣренію, ставъ выше зависти и клеветы, дабы прославить, насколько возможно, того, кто славилъ Бога дѣяніемъ и словомъ и созерцаіемъ, освятивъ въ своихъ членахъ то имя, которое превыше всякаго имени, или, какъ не вкусившіе (духовныхъ) благъ и совершенно не вмѣщающіе, по причинѣ присущей имъ тупости, возвышенныхъ созерцацій, пусть и въ руки не берутъ этихъ гимновъ и не изслѣдуютъ съ любопытствомъ того, что написано здѣсь.

Начало божественныхъ гимновъ, т. е. введение ¹⁾.

Приди, Свѣтъ истинный. Приди, жизнь вѣчная. Приди, сокровенная тайна. Приди, сокровище безымянное. Приди, вещь неизреченная. Приди, лицо непостижимое. Приди, непрестанное радованіе. Приди свѣтъ невечерній. Приди, всѣхъ хотящихъ спастися истинная надежда. Приди, лежащихъ возстаніе ²⁾. Приди, мертвыхъ воскресеніе. Приди, могучій: все всегда дѣлающій, преобразующій и измѣняющій однимъ хотѣніемъ. Приди, невидимый, совершенно неприкосновенный и неосязаемый. Приди, всегда пребывающій неподвижнымъ и ежечасно весь передвигающійся и приходящій къ намъ, во адѣ лежащимъ, — Ты превыше всѣхъ небесъ пребывающій. Приди, имя превозделѣнное и постоянно провозглашаемое, сказать же, что именно — Ты, или узнать, каковъ Ты и какого рода, намъ совершенно невозможно. Приди, радость вѣчная. Приди, вѣнокъ неувядающій. Приди, великаго Бога и Царя нашего порфира. Приди, поясъ кристалловидный и драгоценными камнями усѣянный. Приди, подножіе непрístupное ³⁾. Приди, царская багряница и поистинѣ самодержавная десница. Приди

¹⁾ Взято изъ той же рукописи Патмосской библіотеки (для собственно копій ея), откуда я предисловіе Никиты Стратата. Стр. 93—96. Въ латинскомъ переводѣ гимновъ Симеона это первая глава, надписанная: *Precatio mystica, qua Spiritus sanctus invocatur*. *MP. gr. t. CXX. Symeonis Junioris: Divinorum amorum, sive sacrarum commentationum, liber singularis c. 1, coll. 507—510.* Впрочемъ, едва ли эта молитва обращена только къ Духу Святому, такъ какъ св. Отецъ заканчиваетъ ее славосло лемъ всей Св. Троицы. Настоящее введеніе въ гимны написано прозою, тогда какъ самые гимны Симеона—въ стихахъ.

²⁾ Въ латинск. переводѣ этой фразы нѣтъ.

³⁾ Буквально: подошва, сандалій, обувь.

Ты, котораго возлюбила и любить несчастная душа моя. Прииди одинъ къ одному. потому что я одинъ, какъ Ты видишь. Прииди, отдѣлившій меня отъ всѣхъ и содѣлавшій на землѣ одинокимъ. Прииди, самъ содѣлавшійся желаніемъ во мнѣ и сдѣлавшій, чтобы я желалъ Тебя, совершенно неприступнаго. Прииди, дыханіе и жизнь моя. Прииди, утѣшеніе смиренной души моей. Прииди, радость и слава и безпрестанная утѣха моя. Благодарю Тебя, что Ты, сущій надъ всѣми Богъ, сдѣлался единымъ духомъ со мною неслитно, испредложно, неизмѣнно, и Самъ сталъ для меня всѣмъ во всемъ: пищею неизреченной, совершенно даромъ доставляемой, постоянно приливающейся въ устахъ души моей и обильно текущей въ источникъ сердца моего, одѣяніемъ блистающимъ и демоновъ попадающимъ, очищеніемъ омывающимъ меня непрестанными и святыми слезами, которыя присутствіе Твое даруетъ тѣмъ, къ которымъ приходишь Ты. Благодарю Тебя, что Ты сдѣлался для меня днемъ невечернимъ и солнцемъ незаходимымъ—Ты, не имѣющій, гдѣ сокрыться, и все вмѣстѣ наполняющій славою Твоею. Вѣдь Ты никогда ни отъ кого не скрывался, но мы, не желая прийти къ Тебѣ, сами скрываемся отъ Тебя. Да и гдѣ Ты сокроешься¹⁾, гдѣ не имѣющій мѣста упокоенія Твоего? или зачѣмъ бы Ты скрылся, никого рѣшительно (*τὸν πάντων τὰ*) не отвращающійся, никѣмъ не гнушающійся? Итакъ, вселись во мнѣ иишѣ, Владыка, и обитай и пребывай во мнѣ рабъ Твоемъ. Блаже, нераздѣльно и неразлучно до смерти, дабы и я во исходѣ моемъ и по исходѣ въ Тебѣ находился, Благои, и соцарствовалъ съ Тобою—Богомъ, сущимъ надъ всѣми. Останься, Владыка, и не остави меня одного, чтобы враги мои, всегда ищущіе поглотить душу мою, предя и найдя Тебя, пребывающимъ во мнѣ, совершенно убѣжали и не укрѣпились противъ меня, увидѣвъ Тебя, крѣпчайшаго всѣхъ, упокоивающимся внутри, въ домѣ смиренной души моей. Ей, Владыка, какъ вспомнилъ Ты меня, когда я былъ въ мірѣ, и не знавшаго Тебя Самъ избралъ меня, отдѣливъ отъ міра и предъ лицомъ славы Твоей поставивъ; такъ и иишѣ чрезъ обитаніе Твое

¹⁾ По смыслу и согласно съ латинскимъ переводомъ здѣсь должно стоять именно второе лицо, а не первое, какъ въ греческ. рукописномъ текстѣ.

во мнѣ соблюди меня всегда внутри стоящимъ и неподвижнымъ. Дабы, непрерывно созерцая Тебя, я мертвый жилъ, и имѣя Тебя, я всегда бѣдный былъ богатъ и богаче всѣхъ царей, и ѣдя и пия Тебя, и ежечасно облакаясь въ Тебя, я нынѣ и въ будущемъ наслаждался неизреченными благами. Ибо Ты—всякое благо и всякая утѣха, и Тебѣ подобаеъ слава святой и единосущной и животворящей¹⁾ Троицѣ, во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ почитаемой, познаваемой, поклоняемой и служимой всѣми вѣрными, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

I.

О томъ, что божественный огонь Духа, коснувшись душъ, очистившихся слезами и покаяниемъ, охватываетъ ихъ и еще болѣе очищаетъ; освѣщая же помраченные грѣхомъ части ихъ и врачуя раны, онъ приводитъ ихъ къ совершенному исцѣленію, такъ что онъ влистають²⁾ божественной красотой³⁾.

Поистинѣ Божество есть огонь, какъ сказалъ Владыка, такъ какъ Онъ пришелъ, чтобы низвести его... (Лук. 12, 49). Но на какую землю, скажи мнѣ?—На людей, конечно, земное мудрствующихъ. О томъ, что Онъ хотѣлъ и хочетъ воз-

¹⁾ Въ латинск. переводѣ нѣтъ этого слова.

²⁾ Въ Патмосской рукописи (собственно въ копіи ея), вмѣсто *ελαστροδαινειν*, какъ въ греческомъ печатномъ изданіи, читается *ελευστροδαινειν*.

³⁾ Такъ какъ настоящій переводъ гимновъ преп. Симеона сдѣлать по греческому печатному (второму) изданію его твореній, то и порядокъ гимновъ здѣсь удержанъ тотъ же, что въ этомъ изданіи, которое полностью озаглавлено такимъ образомъ: *Τὸ βιβλίον καὶ θεοφάνου πατρὸς ἡμῶν Σιμεῶν τοῦ κείνου θεολόγου τὰ εὐρισκόμενα διηρημένα εἰς δύο, ὃν τὸ πρῶτον περιέχει λόγους τοῦ βίου καὶ ψυχολογίας, μεταφρασθέντας εἰς τὴν κοινὴν διέλεκτον πρὸς τὸ πανοσιολογιώτατον κυρίον Διονυσίου Ζαχαράτου... τὸ δὲ δεύτερον περιέχει ἑτέρους λόγους αὐτοῦ διὰ σιγῶν πολιτικῶν καὶν ὠφελίμων, κατὰ πρῶτον ἐκδοθέντας. Ἐν Σύρῳ 1886.* Вторая часть этого изданія начинается именно съ этого гимна, помѣщенного какъ *λόγος πρῶτος*, с. 1—5. Въ Патмосской же рукописи это 30-е слово, а въ латинскомъ переводѣ, принадлежащемъ Понтану и подъ именемъ *Divin. atagogia*... помѣщенномъ въ СХХ т. греческ. серіи *Patrologia* Мина, настоящій гимнъ является 21 главою.

жечься во всѣхъ, послушай, чадо, ¹⁾ и познай глубину божественныхъ таинствъ. Итакъ, какого рода этотъ Божественный огонь? Не считаешь ли ты его видимымъ, тварнымъ или уловимымъ?—Онъ отнюдь не таковъ. Если бы ты былъ посвященъ въ его тайну, то достовѣрно бы зналъ, что онъ неудержимъ, несотворенъ, невидимъ, безначаленъ и нематериаленъ, совершенно неизмѣненъ, равно какъ неопикуемъ, неугасимъ, безсмертенъ, совершенно неуловимъ, будучи внѣ всѣхъ тварей: вещественныхъ и невестественныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, безтѣлесныхъ и тѣлесныхъ, земныхъ и небесныхъ,—внѣ всѣхъ ихъ пребываетъ онъ по природѣ, по сущности и, разумѣется, по власти. Итакъ, скажи мнѣ, въ какое вещество ввергается онъ? — Въ души, преимущественно имѣющія главнѣе всего (*ἀρω*) милость (*ἐλάσιον*) и прежде этого и вмѣстѣ съ этимъ вѣру и дѣла, ее подтверждающія. Когда приобрѣтены бываютъ эти добродѣтели, тогда какъ въ свѣтильникѣ, полный елея и пакли, Владыка ввергаетъ огонь, котораго мiръ не видѣлъ и не можетъ видѣть. Мiромъ же я называю находящихся въ мiрѣ и мiрское мудрствующихъ. Подобно тому, какъ свѣтильникъ возжигается тогда (я говорю въ чувственныхъ образахъ), когда прикасается къ огню; такъ, духовно разумѣй, и божественный огонь, прикасаясь къ душамъ, воспламеняетъ ихъ. Прежде чѣмъ прикасается, какъ онъ можетъ возжечь? а прежде чѣмъ не будетъ вверженъ, какъ прикасается? Понстннъ никакъ не можетъ. Когда же свѣтильникъ горитъ и ясно всѣхъ освѣщаетъ, не погаснетъ ли онъ, если не станетъ елея?

Но ²⁾ обрати вниманiе на нѣчто другое—важнѣйшее, что болѣе всего меня утрапаетъ. Въ то время, когда свѣтильникъ мой ярко горитъ при изобилiи елея и пакли, мышь или какое-либо другое животное, придя, опрокидываетъ свѣтильникъ или, вылизавъ мало-по-малу, уничтожаетъ элей и съѣдаетъ паклю,—и лампада угасаетъ. Еще удивительнѣе

¹⁾ Изъ этого обращенiя видно, что св. Отецъ писалъ этотъ гимнь въ видѣ посланiя къ нѣкому лицу. Въ латинскомъ переводѣ онъ и надписанъ въ началѣ: *Ad quendam discipulum*—къ нѣкому ученику.

²⁾ Подраздѣленiя въ гимнахъ заимствованы главнымъ образомъ изъ издавiя Мiня PG. t. CXX, гдѣ имѣются 40 гимновъ Симеона въ латинскомъ переводѣ.

то, что когда пакля, называемая фитилемъ, вся погружается въ елей, тогда огонь тотчасъ угасаетъ,—и свѣтильникъ мой, переставъ свѣтить, дѣлается совершенно темнымъ. Подъ свѣтильникомъ разумѣй душу мою, подъ елеемъ—добродѣтели, фитиль же—это умъ мой. Появляясь въ немъ, божественный огонь освѣщаетъ душу вмѣстѣ и весь домъ тѣла моего и находящихся въ домѣ, т. е. мысли и намѣренія. Такъ бываетъ, когда огонь этотъ свѣтитъ. Если же появится зависть, или злопамятство, или славолюбіе, или какаѣ-либо другая похоть нѣкоего удовольствія или страсти и опрокинетъ свѣтильникъ, т. е. (доброе) расположеніе души моей, или вылижетъ елей, говорю, добродѣтелей. умъ же мой, который, какъ я сказалъ, поистинѣ есть фитиль, имѣющій въ себѣ ярко свѣтящій божественный свѣтъ, либо весь поглотитъ дурными мыслями, либо весь погрузитъ въ елей, т. е. когда умъ, помышляя о своихъ добродѣтельныхъ дѣяніяхъ, впадетъ въ самомиѣніе и ослѣпнетъ,—если отъ одной изъ этихъ причинъ или отъ чего-либо другого свѣтильнику моему случится угаснуть, то, скажи мнѣ, гдѣ тогда будетъ огонь, или что сдѣлается съ нимъ? останется ли онъ въ свѣтильникѣ или исчезнетъ изъ него? О неразуміе, о безуміе! Какъ можно допустить, чтобы свѣтильникъ возжегся безъ огня, или огонь остался въ немъ безъ вещества? Вѣдь огонь всегда ищетъ и стремится охватить вещество. Но наше дѣло, конечно, —изготовлять это вещество и исполнѣ охотно представлять самихъ себя въ качествѣ свѣтильниковъ съ елеемъ—украшенныхъ всякими добродѣтелями, фитиль же ума держать прямо, чтобы онъ, коснувшись огня и мало-по-малу возжегшись, оставался въ такомъ состояніи у тѣхъ, которые стяжали послѣдній. Иначе вѣдь этотъ огонь (пусть никто не обольщается)—невидимъ, недержимъ и совершенно неуловимъ, потому что онъ, какъ сказалъ я, пребываетъ внѣ всѣхъ тварей; неуловимо же уловимымъ дѣлается онъ чрезъ неизреченное соединеніе и описуемымъ точно также въ неописуемомъ образѣ.

Не изслѣдуй же этого вовсе ни на словахъ ни въ мысляхъ; но проси ниспослать тебѣ тотъ огонь, который научаетъ и ясно показываетъ стяжавшимъ его все это и еще болѣе таинственные вещи неизреченнымъ образомъ. Внимай же, чадо, этимъ сокровеннѣйшимъ таинствамъ, если желаешь.

Когда божественный огонь возсіяетъ, какъ сказалъ я, и прогонитъ рой страстей, и домъ души твоей очиститъ, тогда онъ смѣшивается съ нею безъ смѣшенія и соединяется несказанно, существенно, съ сущностью ея, весь со всею совершенно, и мало-по-малу озаряетъ ее, дѣлаетъ огнемъ, просвѣщаетъ, и при томъ какъ?—такъ какъ и сказать я не могу. Тогда двое, душа съ Творцомъ дѣлаются едино, и въ душѣ пребываетъ Творецъ, одинъ съ одною весь Тотъ, Кто дланію Своею содержитъ всю тварь. Не сомнѣвайся, Онъ весь съ Отцомъ и Духомъ вмѣщается въ одной душѣ и душу внутри Себя (*ἐν τοῖς ἐκείνου*) объемлетъ. Разумѣй, смотри, внимай этому... Я вѣдь сказалъ тебѣ, что душу содержитъ внутри Свѣтъ нестерпимый и неприступный для ангеловъ, опять же и Самъ въ душѣ обитаетъ, отнюдь не сожигая ее. Позналъ ли глубину таинствъ?—человѣкъ, малый среди видимыхъ вещей, тѣнь и прахъ, имѣетъ внутри себя Бога всего, на одномъ перестѣ Котораго повѣшена тварь, и отъ Котораго всякій имѣетъ бытіе, жизнь и движеніе. Отъ Него—всякій умъ, душа и разумъ разумныхъ существъ, неразумныхъ же—дыханіе. Оттуда же происходитъ бытіе всѣхъ животныхъ, какъ одаренныхъ умомъ, такъ и одаренныхъ чувствами. Имѣющій Его, кто бы онъ ни былъ, и носящій внутри себя, и созерцающій красоту Его какъ стерпитъ онъ пламя желанія (*πόθος*)? какъ снесетъ огонь любви? какъ не источитъ горячихъ слезъ отъ сердца? какъ повѣдаетъ чудеса эти? какъ исчислить то, что совершается въ немъ? какъ и умолчить совершенно, будучи принуждаемъ говорить? Ибо онъ видитъ себя во адѣ, благодаря сіянію, говорю, свѣта. Никто вѣдь изъ сѣдящихъ тамъ не можетъ познать себя прежде озаренія Божественнымъ свѣтомъ; но всѣ они находятся въ невѣдѣніи о томъ мракѣ, тлѣнии и смерти, коими одержимы. Однако душа та, говорю я, видитъ просвѣтъ (*ἐνθα λάμπει*) и понимаетъ, что вся она находилась въ страшнѣйшей тѣмѣ, подъ крѣпчайшею стражей глубочайшаго невѣдѣнія. Тогда видитъ она, что все то мѣсто, гдѣ она заключена, есть болото, наполненное нечистыми ядовитыми гадами. Себя же саму она видитъ связанной и скованной узами по рукамъ вмѣстѣ и по ногамъ, изсохшей и загрязненной, вмѣстѣ съ тѣмъ израбленной укушеніями змѣй и что плоть она носитъ вспухшую и со множествомъ червей. Видя

это, какъ не содрогнется она? какъ не восплачетъ? какъ не вскричитъ, горячо каясь и прося исторгнуть ее отъ тѣхъ страшныхъ узъ? Всякій, кто бы дѣйствительно увидѣлъ это, и возстеналъ бы, и взрыдалъ, и пожелалъ бы послѣдовать источнику свѣта—Христу.

Итакъ, когда я дѣлаю то, что сказала, и припадаю къ Источнику свѣта (хорошо внимаю словамъ моимъ), Онъ касается руками моихъ узъ и ранъ, и гдѣ прикоснется рукою или приблизится перстомъ, тамъ тотчасъ разрѣшаются узы, черви вымираютъ, исчезаютъ раны, и вмѣстѣ съ ними спадаетъ грязь и мелкія пятна плоти моей. Все это стягивается и заживаетъ такъ хорошо, что на мѣстѣ раны совершенно не видно бываетъ рубца, но скорѣе Онъ содѣлываетъ то мѣсто блистающимъ, подобно божественной рукѣ Своей,— и дивнымъ чудомъ бываетъ тогда плоть моя! Не только, говорю, существо души, но также и члены тѣла моего, приобщившись божественной славы, блистаютъ божественнымъ свѣтомъ. Видя, какъ это совершилось надъ частію тѣла моего, какъ не пожелаю я и не стану молить о томъ, чтобы и все мое тѣло избавилось отъ золь и точно также получило то здравіе и ту славу, о какихъ я сказала? И когда я дѣлаю это, лучше же, и еще горячѣе молюсь, и когда соразмѣрно чудесамъ изумляюсь, благій Владыка, передвигая Свою руку, касается прочихъ частей тѣла моего; и я вижу, какъ онѣ такимъ же образомъ, какъ раньше сказано, очищаются и облекаются въ божественную славу. Итакъ, лишь только я очистился и освободился отъ узъ, Онъ подаетъ мнѣ божественную руку, поднимаетъ изъ болота, весь, обнимая меня, падаетъ на шею и (увы мнѣ! какъ я стерплю это) безпрестанно цѣлуетъ меня ¹⁾. Когда же я весь изнемогъ и лишился силъ (горе мнѣ, какъ напишу я это), Онъ беретъ меня на плечи,— о любовь, о благодать!.. изводитъ изъ ада, отъ земли и изъ мрака, и вводитъ меня въ иной либо міръ, либо воздухъ, чего вообще я не могу выразить. Я знаю только, что свѣтъ

¹⁾ Здѣсь не мѣшаетъ припомнить то мѣсто изъ „словъ“ преп. Симеона, гдѣ онъ говоритъ о Христѣ, что „рука, перстъ, уста, очи Его—свѣтъ, гласъ Его—свѣтъ.. дѣлованіе Его—свѣтъ, доброта—свѣтъ“ и т. д. Слова въ русск. перев. вып. II, сл. 62, стр. 107. Въ другомъ мѣстѣ св. Отецъ называетъ объятія Христа невидимыми и цѣлованіе неизреченнымъ. Слова вып. I, сл. 52, стр. 490.

меня и носить, и содержать, и возводить къ великому Свѣту, коего великое божественное чудо совершенно не въ силахъ, думаю, изречь или высказать другъ другу даже ангелы. Когда я былъ тамъ, Онъ снова показалъ мнѣ то, скажу тебѣ, что находится во свѣтѣ, лучше же, что отъ свѣта, далъ мнѣ уразумѣть то дивное возсозданіе, которымъ Самъ возсоздалъ меня, избавилъ меня отъ тлѣнія и всего меня освободилъ отъ смерти съ ощущеніемъ этого, даровалъ мнѣ безсмертную жизнь, отдѣлилъ меня отъ тлѣннаго міра и присушихъ міру вещей, облекъ меня въ цвѣщественную и свѣтовидную одежду, надѣлъ также обувь, перстень и вѣнецъ—все нетлѣнное, вѣчное, необычайное для здѣшнихъ вещей, сдѣлалъ меня неощутимымъ, неосязаемымъ и—о чудо!—невидимымъ подобно тѣмъ невидимымъ (вещамъ), съ которыми соединилъ меня.

Итакъ, сдѣлавъ меня такимъ и такимъ образомъ, Создатель ввелъ меня въ чувственное и тѣлесное жилище, заключивъ меня въ немъ и запечатавъ. Низведя же въ чувственный и видимый міръ, Онъ опять опредѣлилъ жить и сопробывать мнѣ, освободившемуся отъ тьмы, съ пребывающими во тьмѣ, т. е. запереться съ тѣми, которые находятся въ болотѣ, лучше же, учить ихъ, приводя въ познаніе того, какими ранами они обложены и какими узами держимы. Заповѣдавъ мнѣ это, Онъ удалился. Итакъ, будучи оставленъ одинъ, въ прежней, говорю, тьмѣ, я исдоволенъ былъ тѣми неизреченными благами, которыя Онъ даровалъ мнѣ, всего меня обновивъ, всего обезсмертивъ ¹⁾ и Христомъ сдѣлавъ, но лишившись Его, забылъ о всѣхъ тѣхъ благахъ, о которыхъ сказалъ и (коихъ) считалъ себя лишеннымъ. Поэтому, какъ прикованный къ одру прежнихъ болѣзней, я терзался, и сидя внутри своего жилища, какъ бы заключенный въ грабѣ или въ бочкѣ, плакалъ и сильно рыдалъ, совершенно ничего внѣ себя не видя. Ибо я искалъ Того, Кого возжелалъ, Кого возлюбилъ, красотою Котораго былъ уязвленъ; возжегшись, я горѣлъ и весь пламенѣлъ. Итакъ, когда я такимъ образомъ проводилъ жизнь, такъ плакалъ, истаявая отъ слезъ, и какъ бы бичуемый, вопилъ отъ

¹⁾ Въ Патмосской рукописи здѣсь вставлено еще: всего меня обоготворявъ—*δλον με θεοποιήσας*.

сильной боли, Онъ, услыша мой вопль, приклонился съ недомысленной высоты, и увидѣвъ меня, сжалился, и снова сподобилъ меня увидѣть Его—невидимаго для всѣхъ, насколько доступно то человѣку. Увидѣвъ Его, я весьма удивился, будучи запертъ въ жилищѣ, и заключенъ въ бочкѣ, и находясь среди тьмы, т. е. чувственного неба и земли, потому что самъ я—тьма. Такъ какъ всѣхъ людей, мысли которыхъ прилѣпляются къ чувственнымъ предметамъ, эти послѣдніе покрываютъ густою тьмою.

Однако, находясь среди этихъ предметовъ, я, какъ скажешь, умно увидѣлъ Того, Кто и прежде былъ и нынѣ пребываетъ внѣ всѣхъ вещей; и удивился, изумился, утрапился и возрадовался, размышляя о чудѣ, какъ я, находясь среди всѣхъ вещей, вижу пребывающаго внѣ всего,—одинъ вижу Того, Кто меня видитъ, не зная, гдѣ Онъ, сколь великъ и какого рода, или каковъ Тотъ, Кого я вижу, или какъ я вижу, или что вижу. Однако, видя это видѣніе, я плакалъ, что совершенно не могъ ни знать, ни помыслить или сколько-нибудь уразумѣть тотъ способъ, какъ я Его вижу и какъ Онъ меня видитъ. Итакъ, я снова увидѣлъ Его внутри своего жилища—бочки, что Онъ весь внезапно пришелъ, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и безъ смѣшенія смѣшался со мною, какъ огонь въ желѣзѣ и какъ свѣтъ въ стеклѣ. Онъ и меки едѣлалъ какъ бы огнемъ, показалъ какъ бы свѣтомъ, и я сталъ тѣмъ самымъ, что видѣлъ предъ этимъ и созерцалъ вдали, не зная, какъ выразить тебѣ тотъ невѣроятный способъ. Ибо я и тогда не могъ познать и теперь совершенно не знаю, какъ Онъ вошелъ и какъ соединился со мною. Будучи же соединенъ съ Нимъ, какъ я изъясню тебѣ, кто Тотъ, Который соединился со мною, и съ кѣмъ я взаимно соединился. Божь и трепещу, какъ бы, въ случаѣ разскажу я, а ты не повѣришь, не знаешь ты, братъ мой, по невѣдѣнію въ богоустройство и не погубилъ свою душу. Сдѣлаю если я и Тотъ съ Кѣмъ соединился я, стали едино, то какъ назову я себя?—Богомъ, Который двоякъ по природѣ и единъ по простаси, такъ какъ Онъ двоякимъ меня едѣлалъ. Сдѣлавъ же двоякимъ, Онъ двоякое поэтому и имя, какъ видишь, мнѣ далъ. Смотри различіе: я—человѣкъ по природѣ и Богъ по благодати. Видишь, о какой я говорю бла-

годати?—о томъ единеніи, которое бываетъ съ Нимъ чувственнымъ образомъ и умнымъ, существеннымъ и духовнымъ. Объ умномъ единеніи я говорилъ уже тебѣ разнообразно и разносторонне; чувственнымъ же—я называю то, которое бываетъ въ таинствахъ. Очистившись покаяніемъ и потоками слезъ и приобщаясь обоженнаго тѣла, какъ самого Бога, я и самъ дѣлаюсь Богомъ чрезъ неизреченное соединеніе. Итакъ, вотъ таинство: душа и тѣло (повторяю отъ великой и чрезмѣрной радости) въ двухъ сущностяхъ бываютъ едино, т. е. едино и два они бываютъ, приобщаясь Христа и пия Его кровь; соединяясь съ Богомъ моимъ обоими сущностями и природами также, они дѣлаются Богомъ по причастію. Поэтому одноименно и называются именемъ Того, Кого существенно приобщились. Вѣдь уголь называютъ огнемъ, и черное желѣзо, когда оно раскалено въ огнѣ, кажется какъ бы огнемъ. Итакъ, чѣмъ предметъ кажется, тѣмъ и называется: кажется огнемъ, огнемъ и называется. Если ты не опознаешь себя таковымъ, то не отказывайся, по крайней мѣрѣ, довѣрять тѣмъ, которые говорятъ тебѣ объ этихъ вещахъ. Но отъ всего сердца своего взыщи, и получишь жемчужину, или каплю, или какъ бы горчичное зерно, какъ искру—божественное сѣмя.

Но какъ ты будешь искать то, о чемъ я говорю тебѣ?—Внимаи и тщательно исполняи, и ты вскорѣ найдешь. Возьми ясный образъ камня и желѣза, потому что въ нихъ заключена, конечно, природа огня, хотя она совершенно не видна. Однако, сталкиваясь другъ съ другомъ, они испускаютъ одну за другой огненные искры, но, показываясь въ своемъ прежнемъ видѣ, все же не зажигаютъ, доколѣ не коснутся вещества. Когда же съ послѣднимъ соединится самая малая вышедшая изъ нихъ искра, то она мало-по-малу зажигаетъ вещество, испускаетъ вверхъ пламя и освѣщаетъ домъ, прогоняя тьму и давая возможность видѣть всѣхъ находящихся въ домѣ. Видѣлъ ли диво? Итакъ, скажи мнѣ, какъ камень и желѣзо, прежде чѣмъ много разъ не столкнутся, могутъ испустить искры¹⁾? Безъ искры же какъ вещество можетъ само собою зажечься? а прежде чѣмъ не возжеться, какъ оно станетъ свѣтить или какъ тьму прогнать, давая тебѣ возмож-

¹⁾ Въ Патмосской рукоп. здѣсь стоитъ единственное число—искру.

ность видѣть?—Никоимъ образомъ, скажешь ты мнѣ, конечно, невозможно этому быть. Такъ старайся же такимъ образомъ дѣлать и ты, и получишь. Что, говорю, получишь?—искру божественной природы, которую Творецъ уподобилъ многоцѣнной жемчужинѣ и горчичному зерну. Но что же должно тебѣ, говорю, дѣлать?—Терпѣливо внимай, чадо. Пусть будетъ у тебя душа и тѣло вмѣсто камня и желѣза, умъ же, какъ самодержавный властитель страстей, пусть упражняется въ добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и богоугодныхъ мысляхъ; со- держа умными руками тѣло, какъ камень, душу же, какъ желѣзо, пусть онъ влечетъ ихъ и силою принуждаетъ къ этимъ дѣяніямъ, потому что царство небесное силою берется (Мѣ. 11, 12). Но о какихъ дѣяніяхъ я говорю тебѣ?—о бдѣ- ніи и постѣ, горячемъ покаяніи, печали и потокахъ слезъ, неусыпной памяти смертной, безпрестанной молитвѣ и тер- пѣннн всевозможныхъ находящихъ искушеній. Прежде же всего этого—о молчаніи, глубокомъ смиреніи, совершен- номъ послушаніи и отсѣченіи своей воли. Упражняясь въ такихъ и таковыхъ дѣяніяхъ и будучи всегда занята ими, душа дѣлаетъ прежде всего умъ твой способнымъ къ воспріятію озареній. Но послѣднія скоро угасаютъ, потому что умъ не утончился еще настолько, чтобы тотчасъ возжи- гаться. Когда же божественный лучъ коснется и сердца, тогда и его освѣтитъ, и умъ очиститъ и на высоту подниметъ и, возведя на небо, соединитъ съ божественнымъ свѣтомъ.

Прежде чѣмъ ты не сдѣлаешь того, о чемъ говорю я, какъ, скажи мнѣ, можешь ты очиститься? а прежде нежели очистишься, какъ умъ твой можетъ воспринять божествен- ные озаренія? Какимъ образомъ, скажи мнѣ, и откуда иначе божественный огонь можетъ упасть въ твое сердце и воз- горѣться въ немъ, и его возжечь и воспламенить и соеди- нить и сочетать съ Богомъ, сдѣлавъ твореніе нераздѣль- нымъ съ Творцомъ?—Никоимъ образомъ, скажешь ты мнѣ, этого не можетъ быть ни съ кѣмъ ни изъ рожденныхъ, ни изъ имѣющихъ родиться. Что слѣдуетъ затѣмъ, не спраши- вай... Ибо если соединишься со Свѣтомъ, то Онъ Самъ всему научитъ тебя, и все откроетъ и покажетъ, сколько полезно тебѣ научиться, потому что иначе невозможно тебѣ посредствомъ словъ научиться тому, что находится тамъ. Господу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

II.

О томъ, что СТРАХЪ РАЖДАЕТЪ ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ ЖЕ, БУДУЧИ БОЖЕСТВЕННЫМЪ И СВЯТЫМЪ ДУХОМЪ, ИСКОРЕНЯЕТЪ ИЗЪ ДУШИ СТРАХЪ И ОСТАЕТСЯ ВЪ НЕЙ ОДНА ¹⁾).

Какъ воспую я, какъ прославлю, какъ достойно восхваляю Бога моего, препобѣдившаго множество грѣховъ моихъ? какъ вообще я воззрю на высоту? ²⁾ какъ возведу очи, какъ открою уста, Отче? какъ двигну губами своими, какъ протяну руки свои къ высотѣ небесной? какія слова я найду, какія изреченія употреблю? какъ дерзну говорить я? какъ стану просить отпущенія безмѣрныхъ паденій и многихъ прегрѣшеній моихъ?—Поистинѣ я совершилъ дѣла, превышающія всякое прощенье. Ты знаешь, Спаситель, о чемъ говорю я. Противоестественными дѣлами я превзошелъ всякое естество и явился худшимъ безловесныхъ: всѣхъ животныхъ морскихъ и всѣхъ скотовъ земныхъ. Преступивъ Твои заповѣди, я поистинѣ сдѣлался хуже гадовъ и звѣрей ³⁾. Итакъ, осквернивъ свое тѣло и душу, какъ явлюсь я къ Тебѣ? какъ воззрю на Тебя? какъ вообще посмѣю, несчастный, стать предъ лицомъ Твоимъ? какъ не убѣгу отъ славы Твоей и блистающаго свѣта Св. Твоего Духа? какъ не пойду одинъ я во тьму, содѣлавъ дѣла тьмы и будучи отлученъ отъ сонма святыхъ? какъ я, несущій отсюда уже отъ дѣлъ своихъ осужденіе, стерплю тогда гласъ Твой, отсылающій меня во тьму? Весь дрожа и трепеща, одержимый страхомъ и ужасомъ, я взываю къ Тебѣ: знаю, Спаситель, что никто другой не согрѣшилъ предъ Тобою, какъ я, ни дѣяній такихъ не сотворилъ, какія именно я, несчастный, содѣлалъ, будучи виновникомъ гибели для другихъ.

¹⁾ Въ П. р. (или П. к.—такъ мы будемъ далѣе обозначать Патмосск. рукоп. или собственно копію ея), равно какъ и въ л. п. (т. е. въ латин. переводѣ) этотъ гимнъ стоитъ подъ номеромъ 17.

²⁾ Въ л. п. нѣтъ этой фразы.

³⁾ Чтобы избѣгать повтореній, слова: *ἐπὲρ τῆν ἀλόγων φύσιν* оставляемъ безъ перевода.

Но съ другой стороны я знаю и то и увѣренъ, Боже мой, что ни великость преступленій, ни множество грѣховъ, ни постыдность дѣяній никогда не превзойдутъ многого, лучше же премногого человѣколюбія Твоего и того превышающаго умъ и слово милосердія Твоего, которое ты обильно изливаешь на горячо кающихся грѣшниковъ, очищая и просвѣщая ихъ, безъ зависти содѣлывая причастниками свѣта ¹⁾ и общниками Божества Своего и (что чудно для ангеловъ и для человѣческихъ мыслей) часто бесѣдуя съ ними, какъ съ истинными друзьями Твоими ²⁾.

О благодать безпредѣльная, о любовь неизреченная! Поэтому я и припадаю къ Тебѣ, горячо взывая: какъ принялъ Ты блуднаго сына и блудницу, пришедшихъ къ Тебѣ, такъ прими, Милостиве, и меня, отъ души кающагося... Вмѣнявъ, Христе мой, капли слезъ моихъ какъ бы въ источники всегда текущіе, омой ими душу мою, омой и скверны тѣла моего, которыя—отъ страстей. Очисти и сердце мое отъ всякаго лукавства, потому что оно есть корень и источникъ грѣха. Лукавство есть сѣмя лукаваго сѣятеля; а гдѣ оно есть, тамъ и произрастаетъ, и поднимается вверхъ, и производитъ весьма много вѣтвей лукавства и злобы. Его-то корни изъ глубины исторгнувъ, Христой мой, и очистивъ ниву души и сердца моего, всади въ нихъ страхъ Твой, Милостиве. Дай ему укорениться и хорошо взойти, дабы онъ высоко возросъ на стражѣ заповѣдей Твоихъ, ежечасно возвращаемый умноженіемъ слезъ и слезныхъ потоковъ, будучи орошаемъ которыми, онъ все болѣе растетъ и поднимается вверхъ. Соразмѣрно страху и вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и смиреніе, отъ смиренія же исчезаютъ всѣ страсти, а съ ними прогоняется и полчище демоновъ. Всѣ же прочія добродѣтели вокругъ этой царицы добродѣтелей являются какъ бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу. Когда онѣ бывають собраны вмѣстѣ и соединены другъ съ дружкой, тогда

¹⁾ Въ II. р. или только въ концѣ ея (которою мы пользовались) здѣсь опущенъ, очевидно, цѣлый листъ по недосмотру переписчика до словъ: „Устремивъ взоръ на одинъ цвѣтъ“...

²⁾ Ср. въ греческ. изданіи твор. Симеона НБ. *μέρος II, λογ. 55: εὐχή τῆς Ἀγίας Μεταλήψεως* с. 842, т. е. 55 гимнъ настоящаго перевода.

среди нихъ, какъ древо при исходищахъ водъ (Псал. 1, 3), произрастаетъ страхъ, насажденный Тобою, и мало-по-малу показываетъ необычайный для меня цвѣтъ. Необычайный, сказала я, потому что всякая порода рождаеть по роду своему, и сѣмя всѣхъ деревьевъ въ каждомъ изъ нихъ бываетъ по роду его. Страхъ же Твой показываетъ и цвѣтъ необычайной породы и плодъ также необычный и неподходящій къ нему. Такъ какъ страхъ естественно полонъ унынія и стяжавшихъ его безпрестанно печалить, дѣлая ихъ какъ бы рабами, заслужившими многихъ ударовъ, которые съ часу на часъ ожидаютъ посѣченія смерти, видя косу ея и не зная только послѣдняго момента. Не имѣя ни надежды ни полной увѣренности въ совершенномъ помилованіи, они дрожатъ и трепещутъ конца, томясь неопредѣленностію и постоянно ожидая окончательнаго судебнаго приговора ¹⁾. Итакъ, тотъ цвѣтъ, который приноситъ страхъ, неизяснимъ по виду и еще болѣе неизяснимъ по образу, потому что, расцвѣтая, онъ бываетъ видимъ, но тотчасъ же исчезаетъ, что не естественно и не послѣдовательно, но вопреки естеству природы превосходить всякую природу. Между тѣмъ цвѣтъ кажется столь прекраснымъ, что превосходить всякое слово и увлекаетъ весь умъ мой къ созерцанію себя, не позволяя ему помнитъ ничего внушаемаго страхомъ, но производитъ у меня тогда забвеніе всѣхъ этихъ вещей, и вскорѣ... улетаетъ. Дерево же страха снова бываетъ безъ цвѣта; когда же я, отдавшись печали, воздыхаю и горячо зываю къ Тебѣ, снова вижу цвѣтъ на вѣтвяхъ дерева. Устремивъ взоръ, о Христе мой, на одинъ цвѣтъ, я не вижу тогда дерева, но все болѣе и болѣе расцвѣтающій цвѣтъ, который, привлекающая всего меня къ себѣ любовію, переходитъ въ плодъ любви и исчезаетъ. Плодъ же этотъ не терпитъ, чтобы его носило дерево страха, но когда вполне созрѣетъ, тогда кажется однимъ безъ дерева, потому что въ любви совершенно нѣтъ страха, однако безъ страха этотъ плодъ не можетъ родиться въ душѣ.

Поистинѣ это есть чудо, превосходящее слово и всякую мысль, что дерево, воздѣлываемое съ помощію труда, даетъ

¹⁾ Здѣсь пришлось отступитъ отъ дословнаго перевода, такъ какъ онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ.

цвѣтъ и приноситъ плодъ, плодъ же его, искореняя все дерево, остается одинъ самъ по себѣ. Какимъ образомъ плодъ бываетъ безъ дерева,—я совершенно не могу изъяснить. Между тѣмъ любовь остается и пребываетъ безъ страха, который породилъ ее; поэтому она подлинно есть всякая радость, и того, кто приобрѣлъ ее, исполняетъ радости и веселія, изводя его чувствомъ внѣ міра, чего совершенно не въ состояніи произвести страхъ, потому что, пребывая среди видимыхъ и чувственныхъ вещей, какъ онъ можетъ удалить отъ нихъ того, кто имѣетъ его, и чувствомъ сочетать всего его съ невидимымъ? ¹⁾ Цвѣтъ же и плодъ, рождаемый страхомъ, пребывая внѣ міра, способенъ и умъ восхищать и душу съ нимъ поднимать и уносить внѣ міра. Но какъ любовь уноситъ ихъ внѣ міра,—мнѣ бы хотѣлось, говоришь, точно знать? Ясно выразить это, какъ я говорилъ уже, невозможно; однако внимай, и я скажу тебѣ.

Любовь эта есть Божественный Духъ. Объ этомъ говорили тѣ (ученики) ²⁾, когда для нихъ сталъ невидимъ Владыка. Она есть тотъ всесовершающій и просвѣщающій Свѣтъ, который былъ въ нихъ ³⁾. Однакоже этотъ Свѣтъ не отъ міра, ни вообще что-либо изъ міра и не тварь, такъ какъ Онъ несозданный и пребываетъ внѣ всѣхъ тварей, какъ нетварный среди тварныхъ вещей. Разумѣй, что я говорю тебѣ, чадо. Ибо Онъ отдѣленъ отъ нихъ. Несозданный же никоимъ образомъ не можетъ сдѣлаться тварью. Но если бы пожелалъ, то и это Ему возможно сдѣлать, потому что Слово содѣйствіемъ Духа и благоволеніемъ Отца дѣйствительно сдѣлалось неизмѣнно совершеннымъ человѣкомъ. Будучи по природѣ Богомъ несозданнымъ, Оно неизреченнымъ образомъ сдѣлалось сотвореннымъ, и обоживъ воспринятое, въ двухъ дѣйствованіяхъ и двухъ также воляхъ показало мнѣ двойное чудо: видимаго и невидимаго, держамаго и недержимаго,

¹⁾ Отрицательный отвѣтъ здѣсь слишкомъ ясенъ, чтобы его требовалось еще приводить. Поэтому слѣдующую фразу: *ὅπως ὁδοιμαῖς λαχύσει* мы оставляемъ безъ перевода, какъ сдѣлано и въ латинск. переводѣ.

²⁾ Здѣсь разумѣются Лука и Клеопа. Примѣч. греческ. изд. Преп. Симеонъ, очевидно, имѣетъ въ виду Лук. 24, 31—32.

³⁾ Когда сердце учениковъ Христовыхъ чрезъ Духа Святаго воспламенилось любовію къ Господу, тогда-то и открылись у нихъ очи къ познанію Его.

явившагося какъ тварь среди всѣхъ тварей, а не случайно и призрачно ставшаго тварью, какъ думали нѣкоторые. Оно совершенно не было призрачнымъ, но, находясь среди чувственныхъ тварей, Слово было видимо соединеннымъ съ воспринятымъ, какъ тварь. Воспринявъ же тварь и скрывая или возводя ее на высоту въ славу Свою—это лице Его, славу, превосходящую наше разумѣнiе, Оно тогда внезапно сокрылось ¹⁾. Ибо Творецъ всего, будучи невмѣстимъ для всѣхъ тварей, какъ Богъ все наполняющій, какъ иначе могъ бы сокрыться? Или ты станешь переставлять Владыку съ одного мѣста на другое и будешь утверждать, что Онъ такимъ образомъ скрылся отъ взоровъ св. Апостоловъ? ²⁾ Прочь, чтобы по невѣдѣнiю не впасть тебѣ въ богохульство.

Если же угодно, то слушай о дѣйствiяхъ любви, и ты узнаешь, какимъ образомъ она является выше всего. Чего именно всего? Но развѣ ты не слыхалъ словъ Апостола (I Кор. 13, 1—3), что имѣть любовь выше, нежели говорить языками ангельскими и всѣми человѣческими, имѣть всю вѣру, такъ что и горы переставлять, обладать всякимъ вѣдѣнiемъ и знать глубину таинствъ, расточить все богатство и самому сдѣлаться нищимъ и даже тѣло предать за Христа на сожженiе? Любовь настолько выше всего этого, что безъ нея ни одна изъ этихъ добродѣтелей, ни все онѣ вмѣ-

¹⁾ Рѣчь идетъ о вознесенiи Христа. Въ л. п. здѣсь вставлено слѣдующее поясненiе: *hoc illi dicebant evanuisse Dominum; sed rem ex se metientes plane*—они говорили объ этомъ, какъ объ исчезновенiи Господа, судя, конечно, о дѣлѣ по своей мѣркѣ.

²⁾ Вознесенiе Христа должно быть понимаемо сообразно съ Его божественной природой; это ясно изъ предшествующихъ словъ: „Ибо Творецъ всего, будучи невмѣстимъ для всѣхъ тварей, какъ Богъ все наполняющій, какъ иначе могъ бы сокрыться?“ Слѣдовательно, когда Христосъ исчезалъ отъ взоровъ присутствовавшихъ, какъ Богъ, Онъ не двигался пространственно (*localiter*), хотя, какъ человѣкъ, пространственно двигался; о чемъ и Симеонъ свидѣлствуетъ, когда о вознесенiи Христа пишетъ такимъ образомъ: „Воспринявъ же тварь (свое человѣчество, разумѣется) и скрывая или возводя ее на высоту въ славу Свою (вотъ пространственное движенiе Христа, какъ человѣка), Оно (Слово) тогда внезапно сокрылось“. Это примѣч. взято изъ изданiя Мина и принадлежитъ латинск. переводчику, только цитаты изъ Симеона исправлены въ немъ по подлинному тексту.

ствъ совершенно не принесутъ никакой пользы стяжавшему ихъ. Поэтому кто лишень и любви и всѣхъ названныхъ добродѣтелей, то гдѣ онъ, скажи мнѣ, окажется? что будетъ дѣлать? какъ дерзнетъ вопрошающимъ его назвать себя вѣрнымъ? Итакъ, внимаи словамъ моимъ с любви. Сижу ли я въ келли ночью или днемъ, любовь невидимо и невѣдомо соприсутствуетъ мнѣ. Будучи внѣ всѣхъ тварей, но въ то же время и со всѣми, она есть огонь и свѣтъ (*αἴγλη*), она бываетъ облакомъ свѣта и дѣлается солнцемъ. Итакъ, какъ огонь, она согрѣваетъ душу мою и воспламеняетъ сердце, возбуждая въ нихъ желаніе и любовь къ Творцу. Когда же я воспламеняюсь душою и дѣлаюсь подобнымъ огню, она, какъ свѣтоносное сіяніе, вся лѣтаетъ вокругъ меня, испуская въ душу мою блестящіе лучи, и просвѣщая умъ мой и дѣлая его зрячимъ, показываетъ его способнымъ къ высотѣ созерцанія. Это именно и есть то, что я назвалъ раньше цвѣтомъ страха. Видя этотъ Свѣтъ и исполнившись несказанной радости, я недолго однако радовался тому, что видѣлъ, такъ какъ, принесши мнѣ божественную радость, Онъ удалился, совосхитивъ съ Собою умъ мой, и чувство, и всякое мірское желаніе. Послѣдовавъ за Нимъ, умъ мой хотѣлъ уловить явившійся мнѣ Свѣтъ, но не нашель его тварнымъ и не могъ оказаться совершенно внѣ тварей, чтобы уловить этотъ несозданный и неуловимый Свѣтъ. Однако умъ мой все обѣщель, пытаясь увидѣть Его: обыскалъ воздухъ, обернулся по небу, исходилъ, кажется, въ поискахъ бездны и концы міра; но ничего во всемъ этомъ не нашель, такъ какъ все это—тварное. Поэтому я плакалъ, печалился и сгораль внутренно, и будучи въ изступленіи какъ бы безчувственнымъ, проводилъ такъ жизнь. Послѣ же Онъ пришелъ, когда захотѣлъ, и спустившись въ видѣ свѣтлаго облака на мою голову, весь, казалось, осылъ и заставлялъ меня, бывшаго въ изступленіи, кричать. Однако, опять улетѣвъ, Онъ оставилъ меня одного; когда же я тщательно началъ искать Его, то снова всего Его внезапно нашель въ себѣ и узналъ, увидѣвъ внутри своего сердца, поистинѣ какъ свѣтило или какъ дискъ солнца. Явившись такимъ образомъ и будучи ясно узнавъ мною, Онъ обратилъ въ бѣгство толпу демоновъ, прогналъ робость, внушилъ мнѣ мужество и, обнаживъ умъ мой отъ мірскаго чувства, облекъ

меня въ одежду умнаго чувства. Отлучивъ же меня отъ видимаго и сочетавъ съ невидимымъ, Онъ далъ мнѣ видѣть Несотвореннаго и радоваться тому, что я отдѣлился отъ вещей тварныхъ, видимыхъ и скорогибнущихъ и соединился съ Несотвореннымъ, Нетлѣннымъ, Безначальнымъ и для всѣхъ Невидимымъ. Ибо это есть любовь.

Потечемъ же, вѣрные, ревностно на трудъ, поспѣшимъ, нерадивые, пробудимся, лѣнивые, чтобы, обладая любовію, намъ еще въ большей степени сдѣлаться ея причастниками, и перейдя такимъ образомъ отсюда и будучи съ нею и внѣ видимыхъ вещей, съ нею же предстать Творцу и Владыкѣ. Дабы въ противномъ случаѣ, оказавшись безъ нея, т. е. безъ любви, среди видимыхъ вещей и среди тварей, не были мы оставлены, какъ твари, въ огнѣ и тартарѣ и страшныхъ мученійхъ. Если бы можно было спастись безъ нея, о Христе мой, то какимъ образомъ?—Нѣтъ, нѣтъ, это никоимъ образомъ невозможно. Если мы отдѣлимся отъ свѣта, то какъ избѣжимъ тьмы? если лишимся радости, то какъ освободимся отъ печали? оказавшись внѣ брачнаго чертога, какъ мы будемъ внутри его сорадоваться съ находящимися тамъ? будучи извержены изъ царствія, отъ Твоего, говорю, Спасителя, взора, какое иное возможемъ мы найти спасеніе, какое утѣшеніе, или въ какомъ иномъ мѣстѣ? Поистинѣ и совершенно невозможно найти такого мѣста, хотя бы нѣкоторымъ неразумно и представлялось оно. Ибо неразумень тотъ, кто говорить о немъ.

Но, быть можетъ, кто-либо, возражая, скажетъ неразумно: какъ внѣ царства небснаго, внѣ чертога и сонма праведниковъ не будетъ иного мѣста спасенія или упокоенія?—Неразумный, говорить любовь, не слыхалъ ли ты, что праотецъ твой Адамъ, преступивъ одну заповѣдь въ раю, обнажился отъ божественной славы и вмѣстѣ съ Евой былъ немедленно изгнанъ изъ рая, получивъ вмѣсто наслажденія ¹⁾ жизнь, исполненную потовъ, и праведный приговоръ отъ Бога жить и

¹⁾ Въ П. р. здѣсь нѣсколько иначе: *Ὁ τὸν θάνατον ἀδελῶς ἐναπέτεκεν ἐδάεως, καὶ τὸν ἰδρώτων ἕμεοντα, καὶ πόρον, οἱ μοι βίον*—что жалкимъ образомъ тотчасъ же породило смерть и жизнь, увы мнѣ! полную потовъ и трудовъ. Латинск. переводчикъ, очевидно, имѣлъ у себя это послѣднее чтеніе.

умирать. Такъ, полагай, будетъ и во время суда съ тѣмъ, кто дѣйствительно окажется обнаженнымъ отъ божественной славы, какъ и Адамъ ¹⁾. Первой же изъ всѣхъ добродѣтелей, царицей и госпожей поистинѣ является любовь. Она всѣмъ имъ глава, одежда и слава. Безъ главы же тѣло мертво и бездушнo. Равно и тѣло безъ одежды не будетъ ли нагимъ? Такъ и добродѣтели безъ любви тщетны и бесполезны; такъ обнаженъ отъ божественной славы и тотъ, кто не имѣетъ любви, и хотя бы онъ имѣлъ всѣ добродѣтели, предстанетъ обнаженнымъ и, не снося наготы своей, пожелаетъ лучше скрыться, такъ какъ вмѣстѣ со стыдомъ онъ будетъ имѣть и осужденіе и услышитъ отъ Судии всѣхъ: не вѣмъ тя. Пришедши на землю, Творецъ воспринялъ душу и плоть, намъ же далъ Божественнаго Духа, Который есть любовь. Итакъ, если хочешь и желаешь получить Божественнаго Духа, совершенно вѣруй въ Бога, отрекись также отъ себя самого, безъ колебанія возьми крестъ на плечи и умри, чадо, произволеніемъ, чтобы сдѣлаться тебѣ причастникомъ жизни безсмертной. Да не обольстятъ тебя обманщики своими лживыми рѣчами о томъ, что (не отнынѣ еще, а только) по смерти умирающіе получаютъ жизнь, дабы, повѣривъ, ты не вознерадѣлъ и не лишился причастія жизни.

Внимай словамъ Божиимъ, внимай Апостоламъ и учителямъ Церкви. О чемъ Христосъ ежечасно взываетъ?—Рѣки божественнаго источника воды вѣчно живой истекутъ изъ чрева вѣрующихъ въ Меня (Іоан. 7, 38). Говоря это, что Онъ называетъ водою, какъ не благодать Духа? Онъ же ублажаетъ чистыхъ сердцемъ (Мѡ. 5, 8), говоря, что они здѣсь узрятъ Бога. И всѣ Апостолы и учителя взываютъ, что отсюда еще должно воспринять какъ Духа Святаго, такъ и самого Христа, если только мыжелаемъ спастись. Послушай гласа Владыки, послушай словъ Слова, какъ изъясняетъ Онъ царство небесное, которое отсюда еще должны воспри-

¹⁾ Въ л. п. это мѣсто передано болѣе пространно слѣдующимъ образомъ: „Такъ полагай и о будущемъ времени, когда будетъ производиться судъ; потому что кто въ дѣйствительности будетъ обнаженъ отъ божественной славы, какъ и Адамъ, тотъ немедленно будетъ изгнанъ изъ рая и, разумѣется, изъ царства небеснаго и небеснаго чертога, хотя бы онъ и грѣха не имѣлъ, но предсталъ пустымъ и отъ добродѣтелей“. МР. gr. t. СХХ, col. 538С.

нять люди, говоря, что оно подобно многоцѣнной жемчужинѣ (Мѡ. 13, 45). Слыша о жемчужинѣ, что ты подразумѣваешь? скажешь ли, что это камень или вообще нѣчто держимое и сколько-нибудь видимое? Прочь отъ богохульства, ибо это—мысленная жемчужина. А тотъ купецъ, который нашель ее, скажи теперь, какъ онъ нашель ее? Если она недержима и невидима, то гдѣ онъ нашель ее, какъ увидѣль,—научи меня? какъ, все продавъ, купилъ то, чего не могъ ни видѣть, ни въ рукахъ держать, ни вложить въ нѣдро? Одною вѣрою, конечно, и надеждою онъ такъ былъ настроенъ, какъ если бы имѣль ее,—отвѣтишь ты. Но не сказалъ Владыка, какъ ты полагаешь, что онъ въ надеждѣ нашель ее, въ надеждѣ восприняль и продалъ имущество. Зачѣмъ тебѣ заблуждаться, зачѣмъ опираться на пустыя надежды ¹⁾? Ты изобличаешь себя самого, что не желаешь искать, не желаешь найти, не желаешь продать своего имущества и взять царство небесное, которое находится внутри тебя, если ты пожелаешь, какъ сказалъ Владыка.

Но, быть можетъ, ты—нищій и не имѣешь ни золота, ни имѣній, ни богатства; и услыша, что та безцѣнная жемчужина покупается продажею всего имущества, скажешь, какимъ образомъ я—неимущій буду имѣть возможность приобрести эту божественную и прекрасную жемчужину? Поэтому прошу тебя благоразумно послушать. Если бы ты обладалъ всѣмъ міромъ и тѣмъ, что въ мірѣ, и расточилъ, все это раздалъ сиротамъ и вдовицамъ и нуждающимся нищимъ и самъ бы сдѣлался нищимъ, и помыслилъ бы, что ты уплатилъ совершенно равную цѣну, говоря: дайте мнѣ жемчужину, потому что я все свое отдалъ; то тотчасъ бы услышалъ въ отвѣтъ отъ Владыки: что это все ты называешь своимъ? Нагимъ ты вышелъ изъ чрева матери твоей и на-

¹⁾ Латинск. переводъ настоящаго гимна сдѣланъ, вѣроятно, съ болѣе пространной редакціи, такъ какъ мы читаемъ въ немъ: „Зачѣмъ вы заблуждаетесь? зачѣмъ опираетесь на пустую надежду и другимъ, глупе, конечно, вѣрующимъ, желаете приготовить гибель, а себѣ великое мученіе? Но Онъ внушаетъ тебѣ, чтобы ты прежде нашель жемчужину, и когда увидишь, что она необыкновенно и безконечно драгоценна, тогда уже, продавъ все, купишь ее. Ты возражаешь: „въ надеждѣ“, и тѣмъ показываешь, что не желаешь искать“ и пр. col. 539CD.

гимъ, конечно, опять пойдешь въ могилу; что же, неразумный, ты называешь своимъ? Ты совершенно безчувственъ, не воспринялъ ты царствія и не получишь жемчужины. Если бы ты совершенно расточилъ все имущество твое, если бы весьма обнищалъ и приступилъ, говоря: воззри, Спасителю, на сердце и душу сокрушенную, ужасно мучимую и сильно палимую; воззри, Владыко, на меня обнаженнаго, недоумѣвающего, чуждаго всякой добродѣтели и не имущаго, что дать въ выкупъ за Тебя, Слове, и помилуй меня, едине неалобиве Боже мой! Ибо что достойное найду я въ мірѣ, о Боже мой, что могъ бы я дать въ цѣну за Тебя, сотворившаго все? Ибо что дала Тебѣ блудница, что предложилъ разбойникъ? или какое богатство блудный сынъ принесъ Тебѣ, Христе мой?—если скажешь это, то услышишь: да, они принесли Мнѣ дары, подлинно принесли Мнѣ богатство: отдавъ, что имѣли, они получили жемчужину, превосходнѣйшую цѣлаго міра. Если угодно, это и ты принеси Мнѣ, и, конечно, получишь... Приступи съ этимъ ко Мнѣ, и Я тотчасъ покажу тебѣ ту жемчужину, которую получили они. Если ты отдашь и самую душу, не думай и не считай, что ты уплатилъ нѣчто совершенно достойное. Ибо Я имѣю, конечно, власть, имѣю и жемчужины, которыя если бы весь міръ воспринялъ и съ этимъ міромъ міриады иныхъ міровъ, то изъ Моихъ сокровищъ не убудетъ ни одной даже жемчужины; и если ты приступишь ко Мнѣ, какъ приступила блудница, то Я и тебѣ дамъ даръ, какъ ей даровалъ. Такъ тебѣ Богъ скажетъ и научить, какъ приступилъ къ Нему разбойникъ и блудница, прославляемые въ мірѣ, и какъ былъ принять блудный сынъ, лишь только обратился. Разбойникъ же вѣрою спасся, хотя онъ и много зла сдѣлалъ. И праведно, потому что въ то время, когда всѣ Меня отрицались, всѣ соблазнялись, когда Я висѣлъ на деревѣ, онъ одинъ исповѣдалъ Меня Богомъ и Царемъ и отъ всего сердца воззвалъ ко Мнѣ, какъ къ безсмертному. Потому онъ прежде всѣхъ и получилъ царствіе. А любовь блудницы? какая рѣчь представить ее? Нося ее въ сердцѣ, она приступила ко Мнѣ, какъ къ Богу и Владыкѣ всего видимаго и невидимаго, и принесла ее такъ щедро, какъ никто до тѣхъ поръ. Видя послѣднюю, Я принялъ ее и не взялъ отъ нея ту любовь; но, давъ ей жемчужину, оставилъ ей также и любовь, лучше

же—еще болѣе возжегъ, превративъ ее въ великій пламень, и опустилъ ее, какъ честнѣйшую дѣву. Ибо вдругъ весь законъ, какъ стѣну, прешедши или, какъ лѣстницу, всѣ добродѣтели превоспедши, она достигла конца закона, который есть любовь, и ушла отъ Меня, невредимо храня ее до смерти. Подобнымъ же образомъ и блудный сынъ, обратившись отъ всего сердца, нелицемѣрно раскаялся, и хотя былъ прежде сыномъ Моимъ, пришелъ ко Мнѣ не какъ сынъ, но просилъ Меня сдѣлаться какъ бы однимъ отъ намниковъ Моихъ. И не устами только говорилъ онъ, но и душою, и дѣлами показывалъ то, что говорилъ на словахъ. Смирение его подвигло Меня къ состраданію: тотчасъ же обогативъ его, Я немедленно прославилъ его, такъ какъ видѣлъ его отъ всей души пришедшимъ ко Мнѣ, что онъ въ сердцѣ вспять совершенно не отвращался, какъ это дѣлаютъ многіе. Итакъ, кто бы не приступилъ ко Мнѣ такимъ образомъ, нелицемѣрно повергшись гредо Мною (да слышитъ всякое созданіе), Я тотчасъ же приму его. Но если бы кто захотѣлъ хитростію получить Мою благодать и пришелъ бы лицемѣрно, имѣя внутри злобу или полагаясь на свои дѣла, будучи одержимъ надменностію или завистью; тотъ совершенно не будетъ имѣть части со Мною. Это тебѣ и всѣмъ Богъ черезъ насъ ежечасно возвѣщаетъ.

Если угодно, я и другими (доводами) ясно докажу тебѣ, что здѣсь еще должно тебѣ воспринять все царство небесное, если ты желаешь войти въ него по смерти. Послушай Бога, опять говорящаго тебѣ въ притчахъ. Чему уподоблю царство небесное? Внимай, оно подобно зерну горчичному, которое человекъ нѣкій, взявъ, посѣялъ на полѣ своемъ; и оно взошло и поистинѣ сдѣлалось великимъ деревомъ (Мѣ. 13, 31). Итакъ, скажи, слушатель, что такое зерно это? что ты думаешь о немъ? скажи откровенно; въ противномъ случаѣ я скажу и возвѣщу истину. Зерномъ, конечно, Онъ называлъ тебѣ царство небесное. Зерно же это есть благодать Божественнаго Духа. А поле—сердце каждаго изъ людей, куда воспринявшій Духа ввергаетъ его внутрь, скрывая во внутреннѣйшихъ частяхъ, чтобы никто не видѣлъ его, и хранить его со всякою тщательностію, дабы оно выросло и, сдѣлавшись деревомъ, поднялось къ небу. Итакъ, если ты говоришь, что не здѣсь, но послѣ смерти получать

царство небесное всё, горячо желающіе его, то ты извращаешь слова Спасителя и Бога нашего. Ибо если ты не воспримешь зѣрна горчичнаго, о которомъ сказалъ Онъ, если не посѣешь его на полѣ своемъ, то останешься вове безъ сѣмени. Если же ты и воспринялъ сѣмя, но заглушишь его терніями, или отдашь зерно на расхищеніе птицамъ, или оставишь свое поле по нерадѣнію безъ орошенія, и сѣмя твое не взойдетъ, не выростетъ и не принесетъ плода; то, скажи мнѣ, какая тебѣ будетъ польза отъ этого сѣмени? Когда же въ иное время, если не теперь, ты получишь это сѣмя?—Послѣ смерти, говоришь. Но ты уклоняешься отъ естественнаго порядка: на какомъ полѣ, спрошу я тебя, ты скроешь тогда зерно это? какими трудами будешь воздѣлывать его, чтобы оно выросло? Поистинѣ, братъ, ты полонъ заблужденія и совершенно оболыщенъ. Ибо это время есть время трудовъ, а будущее—время вѣнцовъ. Здѣсь ты долженъ получить себѣ залогъ, сказалъ Владыка; здѣсь долженъ воспринять печать. Если ты благораазуменъ, то отсюда возжги свѣтильникъ души твоей, прежде чѣмъ не наступитъ тьма, и не затворены будутъ врата дѣланія. Здѣсь Я бываю для тебя жемчужиной и покупаюсь. Здѣсь Я являюсь для тебя пшеницей и какъ бы зерномъ горчичнымъ. Здѣсь бываю для тебя закваской и заквашиваю смѣшеніе твое. Здѣсь Я являюсь для тебя водою и огнемъ улаждающимъ. Здѣсь бываю для тебя и одеждою, и пищею, и всякимъ напиткомъ, если ты желаешь. Такъ говоритъ Владыка. Итакъ, если отъ здѣшнихъ вещей ты познаешь Меня таковымъ и такимъ образомъ, то и тамъ также будешь имѣть Меня, и Я неизреченнымъ образомъ сдѣлаюсь для тебя всѣмъ. Если же отойдешь отсюда, не вѣдая дѣйствій Моей благодати, то и тамъ найдешь во Мнѣ только безжалостнаго судію. О Христе мой и Боже мой, не осуди меня тогда и не подвергни наказанію много согрѣшившаго предъ Тобою, но прими меня, какъ одного изъ послѣднихъ наемниковъ Твоихъ, и сподоби отнынѣ послужить Тебѣ, Спасителю мой, и получить Божественнаго Твоего Духа—залогъ царствія, и тамъ насладиться славою чертога Твоего, созерцая Тебя, Боже мой, во вѣки вѣчныя. Аминь.

III.

О томъ, что Духъ Святой пребываетъ въ тѣхъ, которые сохранили чистымъ святое крещеніе, отъ осквернившихъ же его Онъ отступаетъ ¹⁾).

Ты знаешь во мнѣ, о Христе, дѣлателя всякаго беззаконія и поистинѣ сосудъ всевозможныхъ пороковъ, что знаю и я, и исполненъ позора и стыда; мною овладѣла гнетущая печаль и сердце мое одержимо несносною тугою. Но таинственно воссіявшій мнѣ свѣтъ лица Твоего прогналъ помыслы, изгладилъ тугу и низвелъ радость въ смиренную душу мою. Итакъ, я и хотѣлъ бы, Христе, печалиться, но печаль не пристаётъ ко мнѣ. Печалюсь же я скорѣе о томъ, чтобы за эту радость не погибнуть и не лишиться мнѣ несчастному будущей радости. Но не лиши меня ея, Владыко, никогда, ни нынѣ, ни въ будущемъ вѣкѣ, Царю мой! Ибо созерцаніе лица Твоего есть радость: не Ты ли, Боже мой, являешься всякимъ и единственнымъ благомъ? Но, доставляя видящимъ Тебя всякое благо, Ты исполняешь имъ по причастію и общенію тѣхъ, на которыхъ зриаешь, не тѣхъ, которые говорятъ объ этомъ, увы! какъ только о будущемъ, но тѣхъ, которые и нынѣ, находясь въ тѣлѣ, являются достойными Тебя, т. е. очистившихся чрезъ покаяніе. Ты и Самъ видишь ихъ и имъ даешь ясно видѣть Тебя, отнюдь не въ привидѣніи или воображеніи ума, и не одной только памятью, какъ думаютъ нѣкоторые, но самую истинную божественнаго и страшнаго дѣла, во исполненіе поистинѣ божественнаго домостроительства. Ибо Ты творишь тогда единеніе разстоящаго, будучи Богомъ спасенія для всѣхъ грѣшниковъ.

Ибо принявшіе крещеніе Твое отъ младенчества и недостойно его прожившіе всю жизнь будутъ имѣть большее осужденіе, нежели некрещенные, какъ поругавшіе, по словамъ Твоимъ (Евр. 10, 29), святую одежду Твою. И Ты, Спа-

¹⁾ Въ л. п. нѣтъ этого гимна. Равно и П. р. не сохранила намъ его, такъ какъ конецъ ея утраченъ (начиная съ 35 гимна). Изъ оглавленія гимновъ въ названномъ кодексѣ видно, что настоящій гимнъ долженъ бы находиться въ немъ на 55-мъ мѣстѣ.

сителю, хорошо зная это, даровалъ намъ для вторичнаго очищенія покаяніе, запечатлѣвъ его благодатію Духа, которую впервые мы получаемъ въ крещеніи. Такъ какъ Ты не сказалъ, что благодать подается только чрезъ воду, но скорѣе чрезъ Духа и призываніе Троицы. Итакъ, когда мы крещаемся, будучи нечувствующими дѣтми, какъ несовершенные, мы и благодать принимаемъ несовершеннымъ образомъ, получая только разрѣшеніе отъ перваго преступленія. Ради этого одного, думаю, Ты и повелѣлъ, Владыко, совершать эту божественную купель, чрезъ которую крещаемые входятъ внутрь виноградника, получая искупленіе отъ тьмы, ада и смерти, и совершенно освобождаясь отъ тлѣнія. Виноградникъ же, думается мнѣ, есть рай, изъ котораго ниспали мы, опять воззванные въ него. И какимъ былъ тогда Адамъ до грѣхопаденія, такими дѣлаются и всѣ сознательно крестившіеся, кромѣ тѣхъ, которые по нечувствію не приняли умнаго чувства, производимаго дѣйствіемъ нисходящаго Духа. Подобнымъ же образомъ всѣ мы, какъ Адамъ, получаемъ и заповѣди для дѣланія и храненія ихъ. Эти заповѣди, понимаемая духовно, составляютъ духовный и божественный законъ, который посредствомъ тѣла чрезъ дѣланіе исполняется тѣлесно. Такъ какъ человѣкъ двоякъ, то онъ нуждается и въ двоякомъ законѣ. Если бы онъ не вознерадѣлъ, то и отъ добра не отпалъ бы. Ибо душа одна не можетъ дѣлать добра; но и тѣло, если оно совершаетъ дѣла безъ божественнаго вѣдѣнія, не лучше рабочаго вола или вьючнаго животнаго.

Итакъ, воззванные чрезъ крещеніе Твое въ виноградникъ Твой, т. е. въ рай, и вступивъ въ него, содѣлавшіеся совершенно безгрѣшными и святыми, подобно тому, какимъ былъ первозданный Адамъ, затѣмъ вознерадѣвшіе о такомъ спасеніи и несказанномъ промысленіи Твоемъ, содѣлавшіе дѣла худшія, нежели Адамъ, презрѣвъ человѣколюбіе Твое и не разсуждая о купели крещенія чрезъ Божественнаго Духа—этомъ дѣлѣ страшнаго домостроительства Твоего, какъ могутъ они вмѣстѣ съ грѣхами своими удержать за собою и пребываніе внутри рая, что по мнѣнію многихъ возможно? Какъ будутъ допущены въ него тѣ святые, которые вновь осквернились ¹⁾, осквернивъ, Христе мой, хитонъ Твой

¹⁾ и не покаются, разумѣется. Вѣдь раньше св. Отецъ упоминалъ о покаяніи, которое дано намъ для вторичнаго очищенія.

пороками? Да и возможно ли допустить, чтобы Ты, чистый и святой, хоть сколько-нибудь могъ обитать внутри ихъ грязныхъ сердець? Прочь, сказалъ Богъ, да не будетъ онъ ¹⁾ чадомъ Моимъ.

Ибо тебѣ извѣстно ²⁾, что и ты крестился, но потомъ осквернился, какъ грѣшилъ ты, будучи отрокомъ, какъ неразумно заблуждался. Ты знаешь, сколько ты плакалъ, сколько сокрушался, какъ ты отрекся затѣмъ отъ всего міра, будучи едва отмоленъ молитвами отца твоего Симеона ³⁾. Сначала умнымъ только образомъ чрезъ умное чувство Я удостоилъ тебя голоса, а потомъ и луча, и послѣ этого человѣколюбно явился тебѣ, какъ свѣтъ. Затѣмъ, принявъ видъ малаго огневиднаго облака, сѣдьящаго вверху на головѣ твоей, Я доставилъ тебѣ одно только созерцаніе образа и слезы отъ изумленія съ великимъ умиленіемъ. Я погасилъ страсть плоти и мракъ головы твоей, такъ что отъ нихъ произошла, какъ ты знаешь, запахъ сожженного въ огнѣ мяса ея. Ты совершенно забылъ о тѣхъ бѣдствіяхъ послѣ этого и о той тѣснотѣ, какую пришлось тебѣ претерпѣть тогда. Но Я, какъ Богъ всевѣдущій, знаю, ту вѣру и то смиреніе, какія ты имѣлъ къ отцу твоему, и то совершенное отреченіе воли твоей, которое вмѣняется у Меня и есть мученичество. Ибо не имѣющій собственной воли совершенно умираетъ и обрѣгается въ Моей волѣ, потому что онъ живетъ во Мнѣ. Итакъ, вслѣдствіе того, что ты былъ почти таковымъ, и онъ ⁴⁾ ежедневно понуждалъ Меня, благого по природѣ, своими слезами, Я началъ, какъ ты знаешь, чаще являться тебѣ, мало-по-малу очищая душу твою покаяніемъ и сжигая находящееся въ тебѣ вещество страстей—эти не плотскія или вещественныя, но невещественныя тернія, какъ бы мрачныя тучи, какъ бы густую мглу и тьму. Послѣ того какъ ты просвѣтился, разумѣется, постомъ и трудами бдѣнія, молитвы и всякаго злостраданія и

1) Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что Симеонъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ.

2) Продолжая и далѣе вести рѣчь какъ бы отъ лица Божія, преп. Симеонъ припоминаетъ здѣсь важнѣйшія событія изъ своей жизни.

3) Преп. Симеонъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ своего духовнаго отца—Симеона Благоговѣйнаго.

4) Т. е. Симеонъ Благоговѣйный.

омылся безпрестанными горячими слезами въ молитвѣ, въ пищѣ и еще болѣе въ питіи, Я едва содѣлалъ тебя удобовмѣстимымъ сосудомъ; и не только удобовмѣстимымъ, но и очищеннымъ въ огнѣ, чтобы пребывать тебѣ въ немъ (внимай) неопалимымъ. Сдѣлавъ тебя, такимъ образомъ, такимъ, какъ ты видѣлъ тогда, летавшій вокругъ тебя и окружавшій тебя Свѣтъ, будучи самъ по природѣ неприступенъ, весь вошелъ въ тебя и чуднымъ образомъ измѣнилъ тебя прекраснымъ измѣненіемъ.

Итакъ, если ты не всѣми твоими дѣлами будешь служить Ему, (т. е.) Мнѣ, но поды нѣкоторымъ предлогомъ или безъ предлога допустишь въ сердцѣ хотя малый непріязненный помысль противъ кого-либо и выразишь его словомъ или только худо подумаешь о немъ, и если при этомъ горячо, со слезами не раскаяешься, удаливъ отъ себя покаяніемъ непріязненный помысль, а равно и всякое дурное расположеніе сердца, то этотъ Свѣтъ не будетъ пребывать въ тебѣ, потому что Онъ есть Божественный Духъ, сопрывающій со Мною и Отцомъ, какъ Мнѣ единосущный; но тайно и внезапно улетитъ отъ тебя, какъ зашедшее солнце, и скрывшись какъ бы во мгновеніе ока, перестанетъ быть видимымъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ можетъ Онъ пребывать въ душѣ совершенно не очищенной и не пришедшей въ чувство покаянія? Или какъ могла бы снести природу огня нестерпимаго та душа, которая исполнена тернія страстей и грѣха? какъ бы она вмѣстила сущность совершенно невмѣстимую? какъ, будучи тьмою, она соединилась бы со Свѣтомъ неприступнымъ и не исчезла бы отъ Его присутствія?—Нѣтъ, чадо, это никоимъ образомъ и совершенно невозможно, потому что Я удаленъ отъ всѣхъ тварей. Когда же Я—Творецъ всего сдѣлался тварью, то Я только по плоти сталъ подобенъ людямъ, воспринявъ также, подобно имъ, и душу и умъ. Сдѣлавшись же Самъ человѣкомъ, Я не сдѣлалъ тогда чрезъ это всѣхъ людей Богами; но только чрезъ вѣру и соблюденіе Моихъ заповѣдей, чрезъ крещеніе и божественное причастіе страшныхъ таинъ Моихъ Я всѣмъ даю жизнь. Говоря жизнь, Я разумѣю Божественнаго Духа Моего. Однако пусть знаютъ и то имѣющіе въ сердцахъ своихъ Духа Моего сіяющаго, что они имѣютъ, по словамъ ап. Павла, Того, Кто взываетъ къ Отцу Моему и ко Мнѣ, говоритъ чрезъ нихъ: о Авва, Отче

мой! (Рим. 8, 14—15). Ибо такъ какъ они сдѣлались чадами Божіими, то, познавая Меня, съ дерзновеніемъ взирають на Меня и называютъ Меня Отцомъ. Божественный же Духъ къ каждому изъ нихъ, имѣющихъ Его нынѣ, совершенно истинно говорить въ нихъ: о чада, не бойтесь! вотъ Я, какъ видите, внутри васъ нахожусь и сопребываю. Разъ навсегда Я освобождаю васъ отъ тлѣнія и смерти и показываю чадами и друзьями Божіими. Вотъ къмъ Я васъ содѣлалъ! радуйтесь о Господѣ!

Итакъ, пусть это будетъ у людей истиннымъ признакомъ тѣхъ, которые содѣлались сынами Божіими и наслѣдниками и имѣють воспринятаго ими Божественнаго Духа Моего. Отсюда они и христіанами называются не по имени, но дѣйствительно, дѣломъ и истинною. Это достовѣрное и вождѣлѣнное дѣло бываетъ съ тѣми, которыхъ Ты, Христе мой, ясно предвѣдалъ и чрезъ Божественнаго Духа далъ имъ быть сообразными Твоему образу. Для таковыхъ, какъ для званныхъ Тобою въ неизреченную радость, это всегда и вездѣ бываетъ возможно во вѣки. Для всѣхъ же прочихъ это кажется невозможнымъ, для тѣхъ, которые, клевета, совершенно не вѣрятъ этому, и обольщаясь въ собственныхъ мысляхъ, думаютъ успокоиться, безумные, на пустыхъ надеждахъ. Говоря свысока и тонко, выражаясь изысканными словами и толкуя все это въ отношеніи къ тому, что имъ любезно, они совершенно небрегутъ о Твоихъ страшныхъ заповѣдяхъ. Не желая искать Тебя, они мнятъ, что имѣють Тебя; если же признаются, что не имѣють Тебя, то проповѣдуютъ, что Ты совершенно неуловимъ для всѣхъ, и какъ будто никто изъ людей не можетъ видѣть Тебя, и что нѣтъ никого, кто превосходилъ бы ихъ знаніемъ. Поэтому они учатъ, что Ты либо для всѣхъ людей доступенъ и уловимъ, либо совершенно неуловимъ и недоступенъ. Но, какъ омраченные, они и въ томъ и въ другомъ случаѣ ошибаются, не разумѣя вещей Божескихъ и человѣческихъ.

Даруй имъ свѣтъ вѣдѣнія, пошли въ помощь божественный страхъ, дай возстать изъ глубины зломудрія и придти въ сознаніе и чувство того, что они находятся въ ямѣ, сидятъ во тьмѣ, не видя того Божественнаго свѣта, о которомъ они берутся говорить и свидѣтельствовать, не вѣря тому, что и нынѣ есть видящіе Тебя. Если Ты не озаришь ихъ

свѣтомъ Твоимъ, и если они сознательно не увидятъ его, то какъ они вполнѣ повѣрятъ тому, что Ты являешься достойнымъ, собесѣдуешь съ ними и сожителствуешь нынѣ и во вѣки, какъ съ друзьями и вѣрными рабами Твоими, по слову Твоему. Но Ты Богъ вѣрныхъ, а не невѣрныхъ. Поэтому Ты совершенно не зриаешь на нихъ, ибо какъ Ты, Спасителю, покажешь имъ свѣтъ лица Твоего, когда они, отрицаясь Тебя, утверждаютъ, что вѣчный Свѣтъ Твой не свѣтитъ въ душахъ святыхъ?—Никакъ, если они не приобрѣтутъ, по слову Твоему, великой вѣры и не станутъ усердно хранить Твоего божественнаго закона, отдавшись ради Тебя даже до смерти на истинное дѣланіе Твоихъ премудрыхъ заповѣдей. Итакъ, это—спасеніе всѣхъ спасающихся, и нѣтъ иного пути спасенія, какъ сказалъ Ты, о Боже мой! Подай милость, подай милость, Спасе, тѣмъ, которые нуждаются въ Тебѣ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

Кому Богъ является, и кто чрезъ дѣланіе заповѣдей приходитъ въ доброе состояніе ¹⁾).

Какъ, будучи сокрытымъ, Ты видишь и назираешь все? Какъ, нами не видимый, Ты видишь насъ всѣхъ? Но познаешь Ты, Боже мой, не всѣхъ, кого видишь, но, любя, познаешь только тѣхъ, которые Тебя любятъ, и исключительно имъ (однимъ) Самого Себя являешь. Будучи Солнцемъ сокрытымъ для всякой смертной природы, Ты восходишь въ Твоихъ (рабахъ), видимъ бывая ими, и они встаютъ въ Тебѣ, бывшіе прежде омраченными: блудниками, прелюбодѣями, распутниками (*ἀσώτοι*), грѣшниками, мытарями. Чрезъ покаяніе они дѣлаются сынами Твоего Божественнаго свѣта. Въдъ свѣтъ, конечно, рождаетъ свѣтъ: поэтому и они дѣлаются свѣтомъ, чадами Божіими, какъ написано (Пс. 81, 6), и Богами по благодати—тѣ, которые отречутся суетнаго и

¹⁾ Въ П. р. это—8 слово, а въ латинск. перев. 8 глава.

обманчиваго міра, безъ ненависти (*ἀμίσως*) возненавидятъ родителей и братій, считая себя странниками и пришельцами въ жизни; тѣ, которые лишаютъ себя богатствъ и имуществъ, совершенно отвергнувъ пристрастіе къ нимъ; тѣ, которые ради славы небесной отъ души возгнушаются пустой славы и похвалъ людскихъ; тѣ, которые отсѣкли свою волю и содѣлались для пастырей какъ бы незлобивыми овцами; тѣ, которые стали мертвы тѣломъ ко всякому худому дѣянію, до пота трудясь надъ (воздѣлываніемъ) добродѣтелей (*ἰδρώσαντες εἰς ἀρετῶν τοὺς πόρους*) и руководясь въ жизни одною только волею кормчаго, чрезъ послушаніе омертвѣвая и опять же оживая; тѣ, которые, благодаря страху Божию и памяти смертной, по всѣ дни и ночи проливаютъ слезы и умно припадаютъ къ стопамъ Владыки, испрашивая милости и оставленія грѣховъ. Эти чрезъ всякое дѣланіе добра (*τῶν καλῶν*) приходятъ въ доброе состояніе (*οὗτοι ἐν ἔξει γίνονται τοῦ καλοῦ*) и, какъ повседневно плачущіе и усердно (*ἐπιπόνως*) толкущіе, привлекаютъ (къ себѣ) милость. Частыми молитвами, неизглаголанными воздыханіями и потоками слезъ они очищаютъ душу и, видя ея очищеніе, воспринимаютъ огонь любви и огонь желанія—увидѣть ее совершенно очищенной. Но такъ какъ имъ невозможно найти конца свѣта, то очищеніе у нихъ бываетъ безконечнымъ.

Ибо сколько бы ни очистился и ни просвѣтился я жалкій, сколько бы ни увидѣлъ очищающаго меня Духа (Святаго), мнѣ всегда будетъ казаться (только) пачало очищенія и видѣнія, потому что въ безпредѣльной глубинѣ и въ безмѣрной высотѣ кто можетъ найти средину или конецъ? Я знаю, что [свѣта] много, но сколько—не знаю. Сильно желая все большаго, я постоянно воздыхаю о томъ, что мнѣ дано немногое (хотя оно и кажется мнѣ многимъ) въ сравненіи съ тѣмъ, что, какъ я догадываюсь, далеко отстоитъ отъ меня, чего, видя, я вождѣлѣваю и думаю, что ничего не имѣю, такъ какъ, совершенно не ощущая даннаго мнѣ богатства, хотя и вижу Солнце, однако не считаю его таковымъ. Какимъ же это образомъ?—слушай и вѣруй. То, что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо пріятно для чувства; Оно влечетъ душу къ неизреченной и божественной любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горитъ любовію, желая всецѣло имѣть внутри себя то, что является ей, но не

можетъ, и поэтому печалится и (уже) не считаетъ за благо видѣть или ощущать Его. Когда же Видимый мною и никѣмъ невѣстимый, какъ постигъ неприступный, изволить помиловать сокрушенную и смиренную душу мою, тогда какимъ Онъ видится мнѣ, сіяя предъ лицомъ, таковымъ весь во мнѣ зрится блистающимъ, весь исполняя меня смиреннаго всякой радости, всякаго желанія и божественной сладости. Это—внезапное превращеніе и чудная перемѣна, [и вообще] невыразимо (словами) то, что во мнѣ совершается. Вѣдь если бы кто увидѣлъ, что это видимое всѣми солнце сошло внутрь его сердца и все вселилось въ него, и также свѣтило бы; то не помертвѣлъ ли бы онъ отъ чуда и не сдѣлался ли бы безгласнымъ, и не изумились ли бы всѣ это видѣвшіе? Если же кто увидитъ Творца солнца, наподобіе свѣтила свѣтящимъ внутри себя, дѣйствующимъ и говорящимъ, то какъ не изумится и не содрогнется онъ отъ такого видѣнія? какъ не возлюбитъ (своего) Жизнеподателя? Люди любятъ подобныхъ себѣ людей, когда они кажутся имъ нѣсколько лучшими другихъ; Творца же всѣхъ, единого безсмертнаго и всемогущаго, кто, увидѣвъ Его, не возлюбитъ? Если многіе, повѣривъ отъ слуха, возлюбили Его, а святые (даже) и умерли за Него, и (тѣмъ не менѣе) они живы; то приобщившіеся видѣнія Его и свѣта, Имъ познанные и Его познавшіе, какъ они не возлюбятъ Его? скажи, какъ ради Него не будутъ непрестанно плакать? какъ не станутъ презирать міра и того, что въ мірѣ? какъ не отрекутся всякой чести и славы тѣ, которые, ставъ выше всякой славы и чести земной и возлюбивъ Владыку, нашли Того, Кто пребываетъ внѣ земли и всего видимаго, лучше же Того, Кто сотворилъ все видимое, равно какъ и невидимое, и получили безсмертную славу, имѣя въ Немъ безъ недостатка всякое благо? Также и всякое отпущеніе [грѣховъ] и всякое желаніе вѣчныхъ благъ и вещей божественныхъ, какъ богатство нѣкое, они почерпнули изъ того же вѣчно живого источника, обильно насытиться котораго дай и намъ, Владыко, и всѣмъ ищущимъ и горячо любящимъ Тебя, дабы и мы также со святыми Твоими наслаждались вѣчными благами во вѣки вѣковъ. Аминь.

V.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ ПРЕП. СИМЕОНА, ПОКАЗЫВАЮЩІЯ ЕГО ЛЮБОВЬ (*ἔρωτα*) КЪ БОГУ ¹⁾).

Какъ Ты бываешь и огнемъ пылающимъ и водою орошающею?

Какъ Ты и сожигаешь и услаждаешь, и тлѣніе потребляешь?

Какъ людей Богами содѣваешь и тьму въ свѣтъ обращаешь?

Какъ изъ ада возводишь и смертныхъ въ нетлѣніе облакаешь?

Какъ тьму къ свѣту привлекаешь и ночь (дланію) удерживаешь? ²⁾

Какъ Ты сердце озаряешь и меня всего измѣняешь?

Какъ съ людьми соединяешься и сынами Божиими ихъ содѣваешь?

Какъ любовію къ Себѣ возжигаешь и безъ стрѣлы уязвляешь?

Какъ [грѣхамъ] долготерпишь и не тотчасъ воздаешь?

Какъ Ты—Суціей виѣ всѣхъ (вещей) видишь дѣянія всѣхъ?

Какъ вдали отъ насъ пребываешь и дѣло каждого созерцаешь?

Дай рабамъ Твоимъ терпѣніе, да не покроетъ ихъ скорбь.

VI.

Увѣщаніе къ покаянію, и какимъ образомъ воля плоти, сочетавшись съ волею Духа, содѣлываетъ человека богоподобнымъ ³⁾).

Плачу и сокрушаюсь я, когда меня озаряетъ Свѣтъ, и я вижу нищету свою и познаю, гдѣ нахожусь, и въ какомъ брэнномъ мірѣ я—смертный обитаю. Веселюсь же и радуюсь,

¹⁾ Въ П. р. это 6 слово, въ латинск. переводѣ 7 глава.

²⁾ *περιδράσσει*; въ л. п. *quipo concludis*.

³⁾ Въ П. к. и въ латинск. переводѣ этотъ гимнь стоитъ подъ номеромъ 13.

когда помышляю о данномъ мнѣ отъ Бога назначеніи и славѣ, усматривая себя всего украшеннымъ невещественнымъ одѣяніемъ, какъ бы Ангела Господня. Итакъ, радость эта возжигаетъ во мнѣ любовь къ Тому, Кто подаетъ ее и измѣняетъ меня—къ Богу. Любовь же источаетъ слезные потоки и еще болѣе просвѣщаетъ меня. Послушайте вы, согрѣшившіе, какъ и я, противъ Бога, потщитесь и ревностно подвизайтесь въ дѣлахъ [благихъ], чтобы получить вамъ и удержать вещество невещественнаго огня (говоря—вещество, я показаль Божественную сущность) и возжечь умный свѣтильникъ души, дабы содѣлаться солнцами, свѣтящими въ мірѣ и отнюдь невидимыми для живущихъ въ мірѣ, дабы стать какъ бы Богами, содержащими внутри себя всю славу Божию, въ двухъ сущностяхъ, т. е. въ двухъ природахъ, двухъ энергіяхъ и двухъ воляхъ, какъ взываетъ Павелъ (Рим. 7, 14 слѣд.). Ибо одна воля—скоропреходящей плоти, другая—Духа, и иная—души моей. Однакоже я не троякъ, но двоякъ, какъ чловѣкъ: душа моя неизъяснимо связана съ плотью. И все же каждая (изъ частей) требуетъ свойственнаго себѣ, какъ-то [тѣло]—ѣсть, пить, спать, что я называю земными желаніями плоти ¹⁾. Когда же тѣло отдѣлится отъ души, то ничего этого не ищетъ, но бываетъ мертвымъ и безчувственнымъ, наподобіе глины. Всякое же желаніе (воля) души чловѣческой, мнѣ думается, едино. Поэтому кто сочеталь свою волю съ Божественнымъ Духомъ, тотъ содѣлался богоподобнымъ; воспринявъ въ сердцѣ Христа, онъ [поистинѣ] сталъ христіаниномъ отъ Христа, имѣя въ себѣ вообразившимся единаго Христа, совершенно неуловимаго и поистинѣ непреступнаго для всѣхъ тварей. Но, о природа непорочная! сущность сокрытая, чловѣколюбіе для многихъ невѣдомое, милосердіе для неразумно живущихъ невидимое, существо неизмѣнное, нераздѣльное, трисвятое, свѣтъ простой и безвидный, совершенно несложный, безтѣлесный, нераздѣльный и никакою природою неуловимый, какимъ образомъ Ты, о Царю, былъ видимъ, какъ и я, познаваемъ сѣдящими во тьмѣ, носимъ на рукахъ Твоей Святой Матери, связываемъ, какъ

¹⁾ Въ греческ. пад. это мѣсто читается такъ: *ἡ καὶ σαρκὸς βέλγηματα χοικὰ εἶναι λέγω*. Въ П. же к. конецъ читается иначе: *...χοικῆς οἶδα καὶ λέγω*, т. е. каковыя (потребности) я знаю и называю желаніями земной плоти. Латинск. переводъ сдѣланъ согласно этому послѣднему чтенію.

убійца, тѣлесно страдалъ, какъ злодѣй, желая, конечно, меня спасти и въ рай славы опять возвести? Таково Твое домо-строительство, Слово, таково пришествіе, таково благоутробіе Твое и человѣколюбіе, бывшее ради насъ всѣхъ человѣковъ: вѣрныхъ и невѣрныхъ, язычниковъ, грѣшниковъ и святыхъ. Ибо явленіе Твое содѣлалось общимъ для всѣхъ спасеніемъ и искупленіемъ.

Происходящее же сокровенно во мнѣ блудномъ и частнымъ образомъ совершающееся въ извѣстной неизвѣстности, т. е. вѣдомо для меня, невѣдомо же для другихъ, какой языкъ изречетъ? какой умъ изъяснить? какое слово выразить, чтобы и рука моя могла начертать то? Ибо истинѣ, Владыко, страшно и ужасно, и превосходить слово то, что мнѣ видится Свѣтъ, Котораго міръ не имѣетъ, и меня любить Тотъ, Кто не пребываетъ въ этомъ мірѣ, и я люблю Того, Котораго отнюдь нѣтъ среди видимаго. Сидя на ложѣ, я нахожусь внѣ міра, и пребывая въ своей келліи, вижу Того, Кто вѣчно пребываетъ внѣ міра и Кто содѣлался [человѣкомъ въ мірѣ] (*τὸν ἕξωθεν τοῦ κόσμου ὄντα τε καὶ γενόμενον βλέπω*), съ Которымъ я и бесѣдную, дерзко же будетъ сказать—Котораго и люблю (*φιλω*) ¹⁾, и Онъ меня любитъ (*φιλεῖ*). Одно созерцаніе Его служить для меня пищею и прекраснымъ питаніемъ; соединяясь же съ Нимъ, я восхожу выше небесъ, и знаю, что это истинно и достовѣрно бываетъ. Гдѣ же тогда находится это тѣло,—не знаю. Знаю, что пребывающій недвижимымъ нисходитъ (ко мнѣ). Знаю, что [по природѣ] невидимый видится мнѣ. Знаю, что далеко отстоящій отъ всей твари воспринимаетъ меня внутрь Себя и скрываетъ въ объятіяхъ, и я нахожусь тогда внѣ всего міра. Съ другой стороны, и я смертный и ничтожный среди міра внутри себя созерцаю всего Творца міра, и знаю, что не умру, пребывая внутри (самой) Жизни и имѣя всецѣлую,

¹⁾ Понятіе—любить въ греческ. языкѣ выражается глаголами: *ἀγαπᾶω*, *ἐρᾶω*, *φιλέω* и др. И каждый изъ нихъ имѣетъ свой отгвѣнокъ: *ἀγάπη* указываетъ на любовь главнымъ образомъ, какъ на добродѣтель, *ἐρᾶς*—на любовь, какъ на страстное влеченіе, страсть; *φιλέω* же означаетъ любить въ смыслѣ—вести дружбу, имѣть взаимное уваженіе. Первый глаголъ подчеркиваетъ въ любви нравственный элементъ, второй—половой и третій—соціальный. Послѣ этихъ разъясненій смыслъ словъ св. отца вполне понятенъ.

внутри меня возрастающую Жизнь. Она и въ сердцѣ моемъ находится и на небѣ пребываетъ; здѣсь и тамъ Она видится мнѣ въ равной мѣрѣ блистающею. Но могу ли я хорошо уразумѣть, какимъ образомъ это бываетъ? и въ состояніи ли я высказать тебѣ [хотя] то, что разумѣю и вижу? Ибо истинѣ совершенно невыразимо то, чего око не видѣло, ухо не слышало, и что на сердце плотское никогда не всходило (Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9). Благодарю Тебя, Владыко, что Ты помиловалъ меня и далъ мнѣ видѣть это и такимъ образомъ записать, и потомкамъ моимъ повѣдать о Твоемъ человеколюбіи, дабы и нынѣ (этимъ) тайнамъ научались (*μνησθήσιν*) народы, племена и языки, что всѣхъ горячо кающихся Ты милуешь, какъ (помиловалъ) Апостоловъ Твоихъ и всѣхъ святыхъ, благодѣтельствуешь имъ, почитаешь ихъ и прославляешь, Боже мой, какъ взыскующихъ Тебя съ великою любовію и страхомъ, и къ Тебѣ единому взирающихъ— Творцу міра, Которому подобаешь слава и честь, держава и величіе, какъ Царю и Богу и Владыкѣ всего (міра), нынѣ и всегда непрестанно во вѣки вѣковъ. Аминь.

VII.

Согласно съ природою одно только Божество должно быть предметомъ любви и вождельнія; кто приобщился Его, тотъ сдѣлался причастнымъ всѣхъ благъ ¹⁾).

О что это за вещь, сокрытая для всякой тварной природы? что это за свѣтъ мысленный, ни для кого невидимый? что это за великое богатство, котораго никто въ мірѣ вполне не могъ найти или овладѣть имъ всецѣло? Ибо оно неуловимо для всѣхъ и невмѣстимо для міра; оно вождельниче всей вселенной и настолько желанниче вещей видимыхъ, насколько Богъ, создавшій ихъ, превосходише ихъ. Поэтому я уязвленъ любовію къ Нему, и доколѣ не вижу Его, истаяваю внутри, и горя умомъ и сердцемъ, со вздохами хожу туда и сюда, и палимый ищу здѣсь и тамъ, нигдѣ не находя Возлюбленнаго души моей, и часто озираюсь въ надеждѣ, не увижу ли

¹⁾ Въ П. р. это 16 слово, а въ латинск. перев. 16 глава.

моего Желаннаго. А Онъ, какъ невидимый, совершенно не показывается мнѣ. Когда же я, отчаявшись, начинаю плакать, тогда Онъ является мнѣ, и на меня взираетъ Тотъ, Кто все назираетъ. Изумляясь необыкновенной красотѣ (Его), я дивлюсь тому, какъ Творецъ, отверзши небеса, приклоняется и показываетъ мнѣ неизреченную и необычайную славу. Когда же я размышляю о томъ, можетъ ли кто стать еще ближе къ Нему, и какимъ образомъ можно было бы подняться на неизмѣримую высоту,—Онъ Самъ внутри меня является, блистая въ убогомъ сердцѣ моемъ, отовсюду озаряя меня безсмертнымъ свѣтомъ и всѣ члены мои освѣщая лучами. Весь обнимая меня, Онъ всего меня покрываетъ лобзаніемъ (*δλω καταφιλεῖ με*) и всего Себя мнѣ недостойному даруетъ. И я насыщаюсь Его любовію и красотю, и исполняюсь божественнаго наслажденія и сладости. Я дѣлаюсь причастникомъ свѣта и славы: лицо мое, какъ и Возлюбленнаго моего, сіяетъ, и всѣ члены мои дѣлаются свѣтоносными. Тогда я содѣлываюсь красивѣе красивыхъ, богаче богатыхъ, бываю сильнѣйшимъ всѣхъ сильныхъ, болѣе великимъ царей и гораздо честнѣйшимъ чего бы то ни было видимаго, не только—земли и того, что на землѣ, но и неба и всего, что на небѣ, имѣя (въ себѣ) Создателя всего, Которому подобаетъ слава и честь нынѣ и во вѣки. Аминь.

VIII.

О СМиренИи и Совершенствѣ ¹⁾.

Дай мнѣ, Христе, цѣловать Твои ноги,
Дай мнѣ лобызать Твои руки,

¹⁾ Въ л. п. этого гимна совершенно нѣтъ, а въ П. р. онъ является 24 словомъ, которое написано болѣе пространно. Заглавіе его въ русск. перев. читается такимъ образомъ: „Въ чемъ исповѣдываясь письменно въ настоящемъ словѣ, (св. Отецъ) обнаруживаетъ глубину своего смиренія и, продолжалъ, научаешь ему, подражая и въ этомъ достигшему (совершенной) мѣры смиренія и удостоившемуся таковыхъ откровеній въ богословіи Божественному Павлу, который называетъ себя грѣшникомъ и недостойнымъ зваться Апостоломъ“. Это же заглавіе указываетъ и Аллѣцій въ своемъ спискѣ гимновъ Симеона подъ № 24. См. МР. гр. т. СХХ, col. 302АВ. Какъ этотъ гимнъ, такъ и нѣкоторые другіе, преимущественно тѣ, которыхъ нѣтъ въ л. п., переведены нами построчно или

Руки, произведшія меня черезъ слово,
Руки, безъ труда сотворившія все.
Дай мнѣ ненасытно насыщаться ими.
Дай мнѣ видѣть лицо Твое, Слове,
И неизреченной красотой наслаждаться,
И созерцать (Тебя) и радоваться отъ Твоего видѣнія,
Видѣнія неизреченнаго и невидимаго,
Видѣнія страшнаго. Однако дай мнѣ повѣдать
Если не сущность его, то хотя дѣйствія.
Ибо выше природы и всякой сущности
Весь Ты, Самъ Богъ мой и Создатель.
Видится же намъ отблескъ Божественной славы Твоей,
Свѣтъ простой и пріятный,
И Свѣтъ то скрывается, то соединяется
Весь, какъ мнѣ кажется, со всѣми нами—Твоими ра-
бами,

Свѣтъ духовно созерцаемый въ отдаленіи,
Свѣтъ внутри насъ внезапно обрѣтающійся,
Свѣтъ подобный то водѣ текущей, то огню возжига-
ющему—

То сердце, котораго онъ, конечно, коснется.
Имъ, Спасителю мой, какъ позналъ я, охвачена
Бѣдствующая и смиренная душа моя,
Воспламенена и горить....

Ибо огонь, получивъ горючее вещество,
Какъ не возгорится, какъ не истребить (его) ¹⁾,
Какъ не причинить неизбежныхъ страданій
При возженіи? [о немъ] дай мнѣ повѣдать, Спаситель!

Неизреченное видѣніе необычайной красоты
Онъ представляетъ, и увеселяетъ меня, и пламя любви
Нестерпимое возжигаетъ. Какъ я снесу (его)?
Или какъ повѣдаю объ этомъ великомъ чудѣ,
Которое во мнѣ блудномъ бываетъ?
Ибо я не могу выносить молчанія, Боже мой,
И пучиною забвенія покрыть тѣ дѣла,

постышно, при чемъ въ нѣкоторыхъ хотя и немногихъ сравнительно мѣ-
стахъ пришлось сдѣлать перестановку словъ перенося ихъ для ясности
рѣчи изъ строки въ строку.

¹⁾ Этотъ стихъ взять изъ П. р.

Которыя Ты сотворилъ и творишь ежедневно
 Съ тѣми, кто горячо Тебя всегда ищеть
 И въ покаяніи къ Тебѣ прибѣгаетъ.
 Дабы я, подобно сокрывшему талантъ
 Лукавому рабу, не былъ праведно осужденъ.
 Но, открывая, я всёмъ говорю объ этомъ,
 И о Тебѣ и Твоемъ благоутробіи
 Черезъ письма передаю и повѣствую,
 О Боже мой, послѣдующимъ поколѣніямъ.
 Дабы, познавъ великую Твою милость,
 Какую Ты показалъ и показываешь на мнѣ одномъ,
 Прежде блудномъ и нечистомъ,
 Гораздо болѣе всѣхъ согрѣшившемъ,
 Никто не сомнѣвался, но напротивъ возлюбилъ бы (Тебя),
 Не боясь, но радуясь приступилъ бы,
 Не страшась, но тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ,
 Видя море Твоего человѣколюбія.
 Пусть притечетъ онъ, упадетъ и восплачетъ,
 И получить разрѣшеніе прегрѣшеній,
 Говоря въ себѣ: воистину
 Если порочнѣйшаго и вселукаваго этого
 И совершенно заблудшаго помиловалъ Создатель,
 Болѣе всѣхъ людей согрѣшившаго,
 То не тѣмъ ли болѣе Онъ и меня помилуетъ,
 Согрѣшившаго нѣкоторымъ образомъ простительно
 И не всѣ заповѣди преступившаго?
 Итакъ, чтобы знали множество волю монахъ,
 Здѣсь, Слове, я хочу повѣдать не всё, конечно,
 Безчисленные [грѣхи мои], ибо они превосходятъ (чис-
 ломъ) звѣзды,
 Превосходятъ капли дождя, песокъ моря
 И множество волнующихся волнь,
 Но—то именно, что содержитъ книга совѣсти,
 И что заключаютъ хранилища памяти.
 Иное же одинъ только Ты вѣси.
 Я былъ убійцею ¹⁾, послушайте всё,

¹⁾ Души своей, рааумѣется, какъ говорить онъ въ словѣ (т. е. гимнѣ) 39, ибо Отецъ понимаетъ это мысленно (*νοητός*) по причинѣ крайняго смиренія. Это примѣч. взято изъ греческ. изд. *μέρος II, σελίς 14*.

Дабы вы жалостно оплакали меня; а какимъ образомъ—
(Это) я опушу, избѣгая долготы рѣчи.

Я былъ, увѣ мнѣ, прелюбодѣемъ въ сердцѣ,
И содомляниномъ мыслію, ¹⁾ и клятвопреступникомъ
Произволеніемъ, употребителемъ божбы и любостыжа-
телемъ,

Воромъ, лжецомъ, безстыдникомъ и похитителемъ, горе
мнѣ,

Досадителемъ, братоненавистникомъ и большимъ за-
вистникомъ,

Сребролюбцемъ и наглецомъ и всякаго
Другого порока дѣлателемъ.

Ей, повѣрьте, я говорю это истинно,
Не притворно и не съ лукавствомъ.

Итакъ, кто, услышавъ это, не изумится

И не подивится Твоему долготерпѣнію,

Человѣколюбче, и отъ изумленія не скажетъ:

Какъ земля, убѣжавъ, не разступилась, не вынося

На хребтѣ (своемъ) этого несчастнаго,

И живымъ не свела его въ адъ?

Какъ не обрушился сверху ураганъ

И не истребилъ этого преступника?

Какъ не ниспало одновременно небо

И не погасли солнце и звѣзды

Надъ таковымъ презрителемъ?

О долготерпѣніе Твое, Спасителю!—пусть скажетъ онъ
опять—

О благостыня и милосердіе!

Ибо поистинѣ—сверхъ всякаго прощенія

Таковыя дѣянія этого несчастнѣйшаго,

Услыша о которыхъ, всякъ воскликнетъ:

Ужели [Божественная] правда попустила ему жить?

И какъ, будучи праведной, она допустила хотя бы одно

Существованіе его на землѣ живыхъ?

Если же кто заподозреть, что, быть можетъ, я ложь
написаль,

¹⁾ Въмѣсто *γνώμη* въ П. к. стоитъ *ἔργον*—дѣломъ. Кромѣ того, въ П. р. послѣ этого вставленъ еще стихъ: *γέγονα πάρος μέγας καὶ παιδοφθόρος*—я былъ великимъ блудникомъ и дѣторастлителемъ.

То прости ему, какъ милостивый,
Ибо, не вѣдая долготерпѣнія Твоего, Спасителю,
И бездны челоуѣколюбія Твоего,
И услышавъ о непристойности дѣлъ моихъ,
Онъ справедливо вынесъ такое сужденіе,
Говоря: если [Божественная] правда безнаказаннымъ
Оставила его, то нѣтъ, слѣдовательно, суда.
Ты же, Боже мой, такъ какъ [послѣ] будешь судить,
То поэтому нынѣ весьма долготерпишь.
Ибо спасти всѣхъ, конечно, желаешь,
Ожидая покаянія нашего,
Которое—отъ дѣлъ, по снисхожденію Твоему праведному.
Ибо праведному свойственно не поражать падающихъ,
Но скорѣе напротивъ, конечно,—руку [помощи] имъ
простирать,

Что дѣлать Ты, благій мой Владыка,
Никогда не переставалъ и не престанешь.

Жизнь всѣхъ людей есть брань.

Мы же всѣ люди—рабы Твои, Создатель;
Однако малые и великіе—[всѣ] имѣемъ
Враговъ непримиримыхъ (въ лицѣ) князей тьмы.
Поэтому если Самъ Ты не подашь (намъ) скоро руку
[помощи],

Но попустишь имъ укрѣпиться противъ насъ,
То гдѣ будетъ Твоя правда и челоуѣколюбіе?
Ибо (хотя) мы содѣлались рабами его (дѣвола)
По своей волѣ и своему произволенію,
Но Ты Самъ, Боже мой, пришедши, искупилъ насъ
И принесъ къ Отцу Твоему
Въ даръ, каковыми однако ¹⁾ видѣтъ врагъ насъ не
терпитъ,

Не вынося той зависти, какую питаетъ.

Но, какъ левъ, рыкаетъ на насъ,

И ходя и скрежеща зубами,

Упорно ищетъ, кого бы поглотить.

Поэтому если Ты, Христе мой, тѣхъ, которые этимъ не-
укротимымъ звѣремъ

¹⁾ Въ П. р. стоитъ здѣсь не *δμιος*, а *δλωος*; тогда эти слова надо пере-
вести: каковыми видѣтъ насъ врагъ совершенно не терпитъ.

Уязвлены и, принявъ удары
И раны, пребывают лежащими,
Не помилуешь, или лучше—не сжалишься
Ожидая ихъ выздоровленія,
Но поразишь и совѣмъ сокрушишь,
Совершенно умертвивъ таковыхъ;
То это, по моему мнѣнію,—праведно,
Потому что не произвольно они плѣняются,
Но добровольно предаются.
Однако коварный и злохитростный,
Неукротимый и изворотливый звѣрь этотъ,
Какъ бы другъ, притворяется дружественнымъ,
Ища всего меня схватить и уловить.
Показывая мнѣ видимую жизнь,
Онъ лишаетъ меня жизни духовной.
Окрадывая меня чувствомъ въ настоящемъ,
Онъ ¹⁾ отнимаетъ (у меня) и богатство будущаго.
При ви́шнемъ (вѣдь) созерцаніи является одно,
Сокрыто же (въ немъ), Спасителю, другое.
Если же люди, и познавъ это,
Хитро и лицемѣрно притворяются, [что не знаютъ],
То чего не сдѣлаетъ (съ ними) изобрѣтатель зла?
Какъ не обольститъ онъ ихъ и въ особенности юныхъ?
Какъ не прельстихъ тѣхъ, которые незлобивы,
Совершенно неопытны и нелукавы,
Тотъ, кто по произволенію—сатана и лукавый,
И искусный изобрѣтатель всякаго лукавства?
Однако онъ рѣшительно всѣхъ (*ἀπαντας*) прельщаетъ и
уязвляетъ,
И никто не избѣжалъ отъ его рукъ,
Или стрѣлъ, не отвѣдавъ въ нихъ заключеннаго
Яда, и не ушелъ (отъ него) неуязвленнымъ.
Всѣ мы согрѣшили и лишены,
Христе, Твоей неизреченной и божественной славы,
И умоляемъ Тебя туе спасти (насъ)
И оправдать благодатію и милостію,
Которою Ты излилъ нынѣ на меня изобильно,
О чемъ я не облѣнюсь говорить и писать.

¹⁾ Этого стиха нѣтъ въ II. р.

Ибо какъ я, о Боже мой, могу покрыть молчаніемъ
То, что бываетъ ежечасно
И совпадаетъ во мнѣ несчастномъ?
Ибо поистинѣ оно неизреченно,
Непостижимо и превосходить умъ и слово.
И какъ я выскажу или какъ изъясню это?
Но, не вынося молчанія, теперь же начну свою рѣчь.

Ты—одинъ Богъ безначальный, несозданный,
Въ Сынѣ и Духѣ—Троица Святая.
Ты—непостижимъ, неприступенъ,
Создатель видимой и умопостигаемой
Твари, и Господь, и Владыка,
Ты—превыше небесъ
И всего, что на небѣ,
Одинъ Творецъ неба и обладатель,
Одинъ носящій все Твоимъ повелѣніемъ
И волею одною все содержащій.
Тебя окружаютъ тьмы Ангеловъ
И тысячи тысячъ Архангеловъ,
Престоловъ, неисчислимыхъ господствъ,
Херувимовъ, Серафимовъ и
Многоочитыхъ силъ, началъ и властей
И многихъ другихъ слугъ и друзей.
Ты имѣешь славу препрославленную,
Такъ что безъ страха возрѣтъ на нее не посмѣетъ
Никто изъ нихъ, о Боже мой,
Не въ состояніи будучи снести явленія
И свѣтблистанія лица Твоего.
Ибо какъ созданіе возможетъ Создателя
Всецѣло узрѣть или всецѣло постигнуть?
Никимъ образомъ, полагаю, это невозможно.
Но поскольку изволить Творецъ,
(Постольку) Онъ является и видится тому, кому Онъ
пожелаетъ,

И познается, и тварь Его познаетъ,
И Онъ видится, и она Его видитъ,
Насколько дано ей отъ Творца видѣть.
Ибо если твари Тобою, Боже мой, произведены,
То отъ Тебя онѣ имѣютъ и бытіе и возможность
Видѣть и служить Тебѣ безпорочно.

Итакъ, Ты вверху пребываешь превыше всѣхъ началъ,
Которыя окружаютъ Тебя—Бога моего.
Мы же внизу находимся въ глубочайшемъ рвѣ,
(Которымъ я называю не видимый міръ,
Но поистинѣ тьму грѣха)
Рвѣ порочности и омраченія,
Въ ямѣ и рвѣ ужасно глубокомъ,
Надъ которымъ солнце не всходило свѣтитъ.
Ибо внѣ этого видимаго міра
И міра будущаго есть (только) ночь грѣха;
И погружающихся въ нее неразумно
Она какъ нынѣ содержитъ, такъ и по смерти также
Будеть держать узниками во вѣки вѣковъ.
Изъ нихъ я первымъ, о Христе мой, являюсь.
Объятый ею и въ нее низведенный,
Въ преисподней глубинѣ ся
Находясь, я воззвалъ: помилуй меня
Ты, Который пріобщился золь моихъ ¹⁾.
Ибо я позналъ, куда чрезъ нихъ я низведенъ.
Оттого я и плакалъ, потоки слезъ
Изъ очей моихъ проливая усердно,
И каился отъ всего своего сердца,
И взывалъ воздыханіями неизглаголаннми.
И Ты съ несказанной высоты услышалъ меня,
Лежавшаго въ преисподней глубинѣ
Тьмы безграничной и безпредѣльной,
И оставивъ окружающія Тебя силы,
Пройдя все видимое [пространство],
Ниспелъ туда, гдѣ былъ я лежавшій.
Озаривъ меня тотчасъ, Ты прогналъ тьму,
И воздвигши божественнымъ Твоимъ вдохновеньемъ,
Поставилъ меня на стопы Твоихъ повелѣній.
Очаровавъ меня красотою Твоею и любовью,
Ты уязвилъ меня и совершенно всего измѣнилъ.
Увидѣвъ Твой ликъ, я убоился,
Хотя онъ и показался мнѣ милостивымъ и доступ-
нымъ.

¹⁾ *ὅτι ἐπιγνώσει γυρονῶς τὸν κακὸν μου*, т. е. (передавая свободно) сдѣлался человѣкомъ, воспринялъ человеческую плоть и си немощи.

Иаумила же и поразила меня
Красота Твоя, о Троица Боже мой!
Ибо одинъ образъ (*χαράκτηρ*) трехъ въ каждомъ,
И три лица составляютъ едино—Бога моего,
Который называется Духомъ и Богомъ всѣхъ.
Итакъ, когда Ты явился мнѣ несчастнѣйшему,
Какъ могъ я не дрогнуть и не спуститься
Еще ниже того, гдѣ былъ я,
Тьмою опять покрывшись,
Дабы сокрыться отъ Тебя, всѣмъ нестерпимаго?
Но я сдѣлалъ это изъ робости.
Ты же, Боже мой, напротивъ обнималъ меня,
Напротивъ цѣловалъ и заключалъ въ объятія—
Въ лоно славы Твоей, Боже мой,
И въ края одежды Твоихъ,
Всего меня вводя и покрывая Твоимъ свѣтомъ,
И заставляя забыть (все) видимое
И недавно одержавшія меня бѣды.
О глубина таинствъ и высота славы!
О восхожденіе, обоженіе и богатство!
О несказанная свѣтлость повѣствуемаго!
Кто возможетъ постигнуть (это) изъ словъ?
Или уразумѣть величіе той славы?
Ибо если кто не видѣлъ того, чего око не видѣло,
И не слышалъ того, чего ухо не слышало,
И что на сердце человѣческое не всходило,
Тотъ какъ повѣритъ нищущему объ этомъ?
А если бы и повѣрилъ, то какъ чрезъ (одно) слово
Можетъ онъ увидѣть ¹⁾ то, чего око не видѣло?
Какъ посредствомъ слуха вмѣстить то,
Чего никогда не слыхало ухо людское,
Чтобы и уразумѣлъ онъ хорошо тѣ вещи
И могъ обнять мыслию то,
Красота чего неизъяснима для видящихъ,
И видъ пребываетъ безвиднымъ,
И что непостижимо для всѣхъ,
Кому видится? Какъ, повторяю тебѣ,

¹⁾ Въ П. р. здѣсь вставлены слѣдующ. слова: или постигнуть величіе славы? Ибо кто не видѣлъ того, чего око и пр.

Кто-либо, воображая это помысломъ,
Не удалился бы далеко отъ истины ¹⁾,
Обольстившись воображеніемъ и фантазіями
И ложные образы измышленій
Ума своего рисуя и видя?
Ибо какъ адъ и тамошнія муки
Всякъ представляетъ такъ, какъ желаетъ,
Но каковы онѣ, никто рѣшительно не знаетъ;
Такъ, пойми меня, и блага оныя,
Небесныя, для всѣхъ непостижимы
И незримы, только тѣмъ однимъ они вѣдомы
И видимы, которымъ Богъ откроетъ,
По мѣрѣ достоинства каждаго:
По мѣрѣ вѣры, надежды и любви,
И храненія заповѣдей Господнихъ,
Или иначе—по мѣрѣ нищеты духовной.
Эта мѣра—совершенная, не малая и не великая,
Которыя Богу ненавистны, и въ этомъ нѣтъ неправды,
Такъ какъ онѣ совершенно неправыя.
Ибо малой мѣрѣ недостаетъ праведности
По нерадѣнію или небреженію,
И основательно и справедливо она является только
негодной.

Та же мѣра, которая не мала, но велика,
Ведетъ къ безумію того, кто ее имѣетъ,
Вредя и всѣмъ другимъ, кто къ ней тяготѣетъ.
Правая мѣра есть мѣра смиренія,
Чтобы, не отчаяваясь въ себѣ совершенно,
Не считать никого въ мірѣ
Худшимъ себя въ непристойныхъ дѣяніяхъ;
И поэтому плакать всегда и рыдать
И все видимое презирать.
Ибо это—признакъ той печали,
Которая—по Бозѣ и бываетъ отъ души.
Если же кто прилѣпляется къ чему-либо изъ видимаго,

¹⁾ Въ этихъ словахъ преп. Симеона можетъ прочесть себѣ предостереженіе тотъ, кто бы попытался расцѣплять духовный опытъ св. Отца, его видѣнія и откровенія, по мѣрѣ обыкновенныхъ разсудочныхъ понятій.

Тотъ не позналъ себя еще чувствомъ,
И не воспринялъ въ сердцѣ страха
Суда Божія и вѣчнаго огня,
И не стяжалъ совершеннаго смиренія.
Поэтому-то онъ и лишается видѣнія
И дара тѣхъ благъ,
Которыхъ не видѣло никакое человѣческое око.

Потщимся же всѣ пріобрѣсти смиреніе—
Несказанную красоту (*τὴν ἀνώδυτον χάριν*) нашихъ душъ,
Для которой нѣтъ имени, и (только) по опыту
Она вѣдома тѣмъ, кто стяжалъ ее.
Кротокъ и смиренъ сердцемъ Христосъ;
И тотъ, кто имѣетъ Его обитателемъ, знаетъ,
Что чрезъ Него онъ получилъ и смиреніе,
Лучше же, что смиреніе—это Самъ Онъ.
Душа же, которая ищетъ человѣческой славы,
Такового смиренія совершенно не вѣдаетъ.
Даже тотъ, кто имѣетъ хотя нѣкоторое самолюбіе,
Какъ можетъ удержать въ себѣ это смиреніе?
Никимъ образомъ, конечно... Увы мнѣ несчастнѣйшему!
Тщеславному и горделивому,
Ни одной добродѣтели не стяжавшему
И въ безчувствіи проводящему всѣ
Дни моей настоящей жизни.
Кто не восплачетъ обо мнѣ и весьма не поспѣуетъ?
Такъ какъ, бѣжавъ міра и сущихъ въ мірѣ,
Я чувствомъ не удалился отъ міра;
Облекшись въ монашескую схиму,
Я, какъ мірянинъ, люблю (все) мірское:
Богатство и славу, удовольствія и утѣхи;
На плечахъ крестъ Христовъ я ношу,
Поношеніе же креста понести
Вовсе не хочу и отрицаюсь,
Но связываюсь со славными,
Желая и самъ быть съ ними прославленнымъ.
О злключеніе! о безчувствіе! Двойного осужденія я
достоинъ...

Ибо много нагрѣшивъ въ прежней жизни,
Я общался какъ должно покаяться,
Но и нынѣ явился преступникомъ, неблагодарнымъ

За всё тѣ блага, которыя получилъ я отъ Бога,
И оказался нарушителемъ обѣтовъ
И недостойнымъ всякаго человѣколюбія.

Но, о Боже мой, единый всемилостивый!
Скоро потщись и обрати меня снова
Къ покаянію, слезамъ и плачу,
Дабы я омылся и, очистившись, увидѣлъ
Ясно возсіявшую во мнѣ Твою славу,
Которую даруй мнѣ нынѣ и во вѣки,
Непрестанно словословящему Тебя,
Творца вѣковъ и Владыку.

IX.

Кто живетъ, не вѣдая еще Бога, тотъ есть мертвый
среди живущихъ въ познаніи Бога; и кто недостойно
причащается (св.) Таинъ, для того неумовимо бываетъ
божественное тѣло и кровь Христова ¹⁾).

Нынѣ, о Владыко, среди живыхъ я пребываю, какъ мерт-
вый, и среди мертвыхъ, какъ живой, я—несчастный болѣе
всѣхъ людей, на землѣ живущихъ, которыхъ создалъ Ты,
Боже мой. Вѣдь быть мертвымъ среди живущихъ по Тебѣ
свидѣтельствуешь, конечно, обо мнѣ, что я хуже не полу-
чившихъ бытія (*μη κτισθέντων*). Жить же неразумною и
скотоподобною жизнью невѣдущихъ Бога подобно тому, какъ
если бы жить среди мертвыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не
подобно? и какъ не то же? хотя мнѣ и кажется, что я знаю
Тебя и вѣрую (въ Тебя), и воспѣваю и призываю Тебя. Ибо
(только) уста мои, Слове, говорятъ то, чему научень я, равно
и гимны и молитвы я воспѣваю тѣ, которые давно уже напи-
саны пріявшими Духа Твоего Святаго. [Между тѣмъ] говоря
это и думая ²⁾, что я нѣчто великое сдѣлалъ, я не чувствую
и не понимаю того, что какъ дѣти, учась, [часто] не сознають
силы реченій; такъ и я, проводя время въ молитвахъ, (че-
тніи) псалмовъ и (составленіи) гимновъ, и воспѣвая Тебя,
единаго благоутробнаго (Владыку), не воспринимаю чув-
ствомъ Твоей славы и свѣта. И подобно тому какъ еретики,

¹⁾ Въ П. к. это 26 слово. Въ л. же п. оно отсутствуетъ.

²⁾ Въ данномъ случаѣ мы слѣдуемъ чтенію П. р., гдѣ прибавлено:
καὶ δοξῶν, каковыхъ словъ нѣтъ въ печатномъ греческ. изд.

многому научившись, мнать, что познали и знают Тебя, мнать, несчастнѣйшіе, что и видятъ Тебя, Боже мой; такъ и я, произнося много молитвъ и псалмопѣній однимъ языкомъ своимъ, положимъ же, что и сердцемъ, на основаніи этого полагаю, что обладаю высшею степенью вѣры, думаю, что воспринялъ всякое познаніе истины и ни въ чемъ болѣе не нуждаюсь; на основаніи того же я заключаю, что вижу Тебя, Свѣтъ міра—Спасителю, и говорю, что имѣю Тебя, и Ты сопребываешь со мною. Воображая, что приобщаюсь Твоей Божественной природы, я противъ себя же подыскиваю выдержки и реченія. (Такъ) отыскавъ изъ Писанія, я привожу (слѣдующее) свидѣтельство, говоря: Господь ска- залъ, что ядущіе Его плоть и піющіе Его кровь въ Немъ пребываютъ, равно и Онъ Самъ, Владыка, въ нихъ обитаетъ (Іоан. 6, 56). Итакъ, говоря это, я утверждаю, что въ удержи- момъ [видѣ] тѣла Неуловимый пребываетъ, какъ улови- мый, и совершенно Невидимый, какъ видимый и держимый. Но я несчастный не понимаю того, что [только] въ тѣхъ, въ которыхъ Ты изволишь, въ чувственномъ, держимомъ и ви- димомъ Ты, Создатель, пребываешь, какъ чувственный держимый и видимый. Въ нечистыхъ же, каковъ я, или лучше (сказать) недостойныхъ Ты, обоготворяя чувствен- ное Твое тѣло и кровь ¹⁾ и (дѣлая его) совершенно недержимымъ и неуловимымъ, неизмѣнно измѣняешь его, вѣрнѣе же — поистинѣ претворяешь въ духовное и невидимое, какъ нѣкогда, дверемъ затвореннымъ, Ты вошелъ и вышелъ (Іоан. 20, 19—26) и [въ другой разъ] сдѣлался невидимъ на глазахъ учениковъ ²⁾ во время преломленія хлѣба (Лук. 24, 30—31). Такъ и нынѣ [въ таинствѣ Евхаристіи] хлѣбъ Ты со- дѣлываешь тѣломъ Твоимъ духовнымъ. А я думаю, что, дѣла- ясь причастникомъ Твоей плоти и приобщаясь Тебя, я [всегда] удерживаю Тебя, хотѣлъ ли бы Ты или не хотѣлъ, и во- ображаю, Христе мой, что бываю какъ бы святымъ, наслѣд- никомъ Божиимъ и Твоимъ сонаслѣдникомъ и братомъ, и при- частникомъ вѣчной славы. Итакъ, не ясно ли отсюда, что я

¹⁾ Т. е. обоготворяя только евхаристическій хлѣбъ и вино, а не прича- щавшихся ихъ.

²⁾ Въ греческ. текстъ стоятъ *ἐκ τῶν μαθητῶν...* (*τῶν μαθητῶν*). Мысль св. Отца здѣсь очень прозрачна, но лучше, думается, передать ее не бук- вально: не изъ рукъ учениковъ, а: на глазахъ учениковъ.

являюсь совершенно безчувственнымъ и не понимаю, очевидно, того, о чемъ пою и воспѣваю, что говорю и о чемъ всегда размышляю. Ибо если бы вполнѣ разумѣлъ, то зналъ бы, конечно, и то, что Ты, Боже мой, для того непреложно сдѣлался человѣкомъ, чтобы, воспринявъ меня, всего обоготворить, а не для того, чтобы Ты, какъ человѣкъ, пребывалъ въ тучной плоти, и чтобы, будучи, какъ Богъ, по природѣ совершенно недержимымъ, нетлѣннымъ и неуловимымъ, Ты держимъ былъ въ тлѣнии. Если бы я зналъ, что тѣло Твое Божественное неуловимо, и вѣрилъ, что кровь Твоя святая для меня недостойнаго поистинѣ является огнемъ неприступнымъ; то я приобщался бы изъ со страхомъ и трепетомъ, очищая себя слезами и воздыханіями. Но я сижу нынѣ во тьмѣ, обольщенный невѣдѣніемъ и будучи одержимъ, несчастный, совершеннымъ безчувствіемъ.

Однако я прошу и умоляю Тебя, припадая (къ Тебѣ) и лица Твоей милости: Воззри на меня, Всецарю мой, и нынѣ, какъ нѣкогда, покажи благоутробіе и состраданіе Твое, яви непамятозлobie на мнѣ—мытарѣ, или лучше—всеблудномъ, согрѣшившемъ предъ Тобою сверхъ всякой природы разумныхъ и бессловесныхъ существъ. Ибо хотя и всѣ беззаконія содѣлалъ я въ жизни, но Тебя Бога (Отца) исповѣдую Творцомъ всего, Тебя Сына Божія почитаю единосущнымъ (Отцу), рожденнымъ отъ Него прежде всѣхъ вѣковъ, въ послѣднія же времена—отъ Св. Дѣвы Богородицы Маріи рожденнымъ, какъ младенца, и содѣлавшимся человѣкомъ, ради меня пострадавшимъ, распятымъ и погребенію преданнымъ, въ третій день воскресшимъ изъ мертвыхъ и восшедшимъ во плоти туда, откуда Ты не отлучался. Итакъ, за то, что я такимъ образомъ вѣрую и поклоняюсь Тебѣ, и уповаю, что Ты Христе, паки приидешь судить всѣхъ и воздать каждому по достоинству, пусть вѣра вмѣсто дѣлъ вмѣнится мнѣ, Боже мой; не взыщи (съ меня) дѣлъ, совершенно оправдывающихъ меня, но вмѣсто всего пусть эта вѣра будетъ достаточной для меня. Пусть она защититъ, пусть она оправдаетъ меня и покажетъ причастникомъ вѣчной Твоей славы ¹⁾. Ибо

¹⁾ Вышеприведенныя слова, начиная отсюда: „Пусть вѣра вмѣсто дѣлъ вмѣнится мнѣ“ и пр. дословно читаются въ восьмой утренней молитвѣ

вѣрующій въ Меня, сказалъ Ты, о Христе мой, живъ будетъ и не увидитъ смерти во вѣки (Іоан. 11, 25—26). Итакъ, если вѣра въ Тебя спасаетъ отчаянныхъ, то вотъ я вѣрую,—спаси меня ¹⁾, озаривъ Твоимъ Божественнымъ свѣтомъ: явившись, Ты просвѣтишь, Владыко, во тьмѣ и сѣни смертной держимую душу мою. Даруй мнѣ умиленіе, (какъ) питіе Твое жителное, питіе увеселяющее душевныя и тѣлесныя чувства мои, питіе всегда меня радующее и подающее мнѣ жизнь, которой не лиши меня, Христе, смиреннаго странника, всё упованія на Тебя возложившаго.

Х.

Исповѣданіе, соединенное съ молитвой, и о сочетаніи Духа Святаго съ безстрастіемъ ²⁾.

„Се удалихся, Человѣколюбче, и водворихся въ пустыни“ (Псал. 54, 8); я сокрылся отъ Тебя, пресладкаго Владыки, окутанный ночью житейскихъ заботъ. Много уязвленій и ранъ я отъ нихъ потерпѣлъ, много ударовъ въ душѣ я песу, возвратившись [изъ міра], и въ скорби и тугѣ сердечной взываю: Помилуй, сжался надо мною преступнымъ, о Врачу душелюбивый и единъ щедролубивый! Ты, туне врачующій больныхъ и израненныхъ, уврачуй (и мои) струпы и раны. Источая слей Твоей благодати, помажь мои язвы и изгладь раны. Стягни и скрѣпи мои ослабленные члены. Уничтожь всё шрамы мои и всего меня совершенно здоровымъ содѣлай, Спасителю, какъ прежде, когда не было на мнѣ никакой скверны, ни струпа, ни опухоли, ни пятна; но (во мнѣ) было спокойствіе и радость, миръ и кротость, святое смиреніе и долготерпѣніе, свѣтъ (*ὁ φωτισμός*) добрыхъ дѣлъ ³⁾, терпѣніе и совершенно непобѣдимая сила [внутри]; а

(Многоязычїе и всемыслїе Боже мой...) съ соблюденіемъ замѣчательной точности славяноск. перевода.

¹⁾ И эти дальнѣйшія слова мы буквально читаемъ въ той же молитвѣ; только они поставлены тамъ выше предыдущихъ. На основаніи этихъ буквальныхъ выдержекъ слѣдуетъ заключить, что авторомъ названной прекрасной молитвы является или непосредственно самъ пр. Симеонъ НБ., или она составлена кѣмъ-либо изъ его словъ, взятыхъ изъ 9 гимна.

²⁾ Въ л. п. это 33 глава. П. же к. не сохранилъ этого гимна, но въ полномъ оглавленіи гимновъ (которое сохранилось въ названномъ кодексѣ) онъ значится подъ номеромъ 46-мъ.

³⁾ Ср. Мѡ. 5, 16.

отсюда великое утѣшеніе въ повседневныхъ слезахъ, отсюда веселіе въ сердцѣ моемъ, какъ бы источникъ, безпрестанно текло и струилось, являясь (для меня) медоточивымъ потокомъ и питіемъ радованія, постоянно находящимся въ моихъ умныхъ устахъ. Отсюда же всякое здравіе и чистота, отсюда избавленіе отъ страстей и суетныхъ помысловъ, отсюда [наконецъ] молніезрачное безстрастіе, которое, всегда мнѣ со-
 пребывая, слюбилось (*συγγύητο*) со мною (духовно разумѣй это, читатель, дабы тебѣ не оскверниться постыдно), доставляя мнѣ несказанное удовольствіе отъ (своего) присутствія и безмѣрное желаніе [духовнаго] брака—сочетанія съ Богомъ. Когда же я приобщился его, то сдѣлался безстрастнымъ, воспламенился удовольствіемъ, возгорѣлся желаніемъ его, и приобщившись свѣта, подлинно содѣлался свѣтомъ, ставъ выше всякой страсти и будучи свободнымъ отъ всякаго порока. Ибо къ свѣту безстрастія не приближается страсть, какъ къ солнцу—тѣнь, или тѣма къ свѣту. Но сдѣлавшись и будучи таковымъ, я возгордился, Владыко, такъ какъ понадѣялся на себя, и увлекшись попеченіемъ о чувственныхъ вещахъ и житейскими заботами, палъ, несчастный, и охладѣвъ, сдѣлался чернымъ, какъ желѣзо; (сверхъ того еще) ¹⁾ долгое время лежа, я ржавчину принялъ. Посему взываю къ Тебѣ, Человѣколюбче, прося о томъ, чтобы мнѣ снова очиститься и быть возведену къ прежней добротѣ (*καλλος*), и свѣта Твоего насладиться нынѣ и всегда во все вѣки. Аминь.

XI.

О томъ, что для всякаго человѣка, досаждаемаго и злостраждущаго ради заповѣди Божіей, (само) это безчестіе за заповѣдь Божию является славой и честію; и діалогъ (разговоръ) ко своей душѣ, научающій неисчерпаемому богатству Духа ²⁾.

Дай мнѣ, Христе, то чувство, которое однажды Ты мнѣ даровалъ. Осѣни меня имъ, Спасителю, и всего меня внутри

¹⁾ Въ л. п. *insuper*.

²⁾ Въ л. п. это 35 глава. Въ П. же р. этотъ гимнъ по оглавленію долженъ быть 48, но онъ также утраченъ.

его сокрой, не попуская мірскому чувству ни приближаться ко мнѣ, ни входить въ меня, ни уязвлять всего меня, смиреннаго раба Твоего, котораго Ты одинъ помиловалъ. Ибо мірское чувство, внезапно вкравшись въ похвальную заботу (*τῆ μερίμνῃ καλῇ*), тотчасъ производитъ въ жалкой душѣ моей дурныя желанія. Ибо оно показываетъ мнѣ славу, напоминаетъ о богатствѣ, побуждаетъ приближаться къ царямъ, говоря, что это—большое счастье. Итакъ, отъ этихъ мыслей, какъ отъ вѣтра надувается мѣхъ, и огонь разгорается въ пламя, такъ и душа та, надмеваясь, дѣлается напыщенной и сильно разсѣивается отъ желанія славы, богатства и разслабляющаго покоя—вещей, долу влекущихъ. (Тогда) она вмѣстѣ съ пользующимися славой и (сама) стремится быть въ славу, со знаменитыми—казаться знаменитой и съ богатыми владѣть богатствомъ. И ту, которую Ты прославилъ Твоимъ неизреченнымъ свѣтомъ, которую Самъ Ты одѣлъ Твоею несказанною славой и показалъ (образомъ) Твоей Божественной свѣтлости ¹⁾, мірское чувство, плѣнивъ умъ ея и показывая ей царей, напоминая о славу и предлагая богатства міра сего, побуждаетъ въ одномъ воображеніи страстно желать всего этого.

О помраченіе и ослѣпленіе! о суетные помыслы, грязныя намѣренія и безчувственная воля! ибо, оставивъ созерцаніе неизреченнаго и нетлѣннаго, я думаю и помышляю о земномъ. Развѣ цари не умираютъ, и слава не переходитъ? развѣ богатство не разсѣивается, какъ пыль отъ вѣтра? развѣ тѣла не истлѣваютъ въ могилахъ? и земными имуществами развѣ не будутъ владѣть другіе (господа), послѣ нихъ—иные, а за тѣми (еще) иные? И кому, скажи мнѣ, душа (моя), раньше принадлежало это богатство? или кто въ (этомъ) мірѣ могъ приобрѣсти хотя малую вещь, которую и по смерти такъ же, какъ при жизни, онъ взялъ бы съ собою? никого, конечно, ты рѣшительно не можешь мнѣ указать, кромѣ милостивыхъ, которые, ничего не стяжавъ, все раздали по рукамъ бѣднымъ. Ибо они-то и являются надежными обладателями разданныхъ (имуществъ), съ тѣхъ поръ какъ отдали ихъ въ руки

¹⁾ ...παρέδειξας λαμπρότητα σου θεῶν; въ л. п.: quam tu exemplum claritatis et fulgoris tui exhibuisti.

Владыки. Всѣ же прочіе, которые откладывають (и копятъ) богатства, суть нищіе и даже хуже всѣхъ нищихъ, ибо нами, какъ выброшенная падалъ, они (повергаются) въ могилы, будучи и въ настоящей жизни несчастными и въ будущей—странниками (и припельцами) ¹⁾. Итакъ, что же хорошаго видя въ этихъ вещахъ, ты, душа моя, услаждаешься? или что изъ нихъ ты считаешь достойнымъ того, чтобы сдѣлать его предметомъ своихъ желаній?—Ничего, конечно, ты не можешь сказать (на это), ничего не (можешь) отвѣтить.

Горе умножающимъ богатства и собирающимъ сокровища. Горе желающимъ воспринимать славу отъ людей. Горе тѣмъ, которые связываются съ богатыми, но не возжелѣвають славы Божіей и богатства Его, и (не ищутъ того), чтобы съ Нимъ только однимъ пребывать. Ибо суетенъ міръ, и все, что въ мірѣ—суета суетъ, такъ какъ все пройдетъ; одинъ только Богъ всегда будетъ пребывать вѣчнымъ и негнѣннымъ, и съ Нимъ будутъ тѣ, которые нынѣ взыскали Его, и Его одного вмѣсто всего возлюбили. Горе тогда будетъ тѣмъ, которые любятъ нынѣ міръ сей, потому что они осудятся за то на вѣки. Горе, душа, жаждущимъ славы человѣческой, потому что они лишатся тогда славы Божіей. Горе, душа, собравшимъ богатства, потому что они возжелаютъ тамъ получить каплю (воды). Горе, душа, возлагающимъ надежды на человѣка, потому что вмѣстѣ со смертію его (рушатся) и надежды ихъ, и они окажутся безнадежными. Горе, душа, тѣмъ, которые здѣсь имѣютъ упокоеніе, потому что тамъ они воспримутъ вѣчную муку.

Повѣдай (мнѣ), душа моя, о чемъ ты печалишься? чего изъ вещей этой жизни желаешь? Скажи мнѣ, и я покажу тебѣ необходимость и пользу каждой изъ нихъ ²⁾. А ты уразумѣй и познай, что добраго есть въ каждой вещи. Скажи: ты желаешь пользоваться славой и похвалами?—такъ послушай, что такое честь, и что безчестіе. Честь состоитъ въ томъ, чтобы почитать всѣхъ, Бога же прежде всего, и заповѣди Его стяжавать себѣ, какъ богатство, прѣтерпѣвая ради нихъ обиды, злословія и поношенія всякаго рода. Ибо

¹⁾ ξένοι; въ л. п.: hospites ac peregrini.

²⁾ ἐνός ἐκάστου χρείαν; въ л. п.: necessitatem et usum.

когда ты, душа, предпримешь какое-либо дѣло ради чести и славы Божіей, и за него нанесутъ тебѣ обиды и униженія, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что {здѣсь-то}, конечно, и придетъ къ тебѣ слава Божія: тогда тебя восхвалятъ всѣ Ангелы, такъ какъ ты почтила Бога, Котораго и они прославляютъ. Ты хочешь, душа моя, владѣть одеждами и богатствомъ?—слушай, я покажу тебѣ сейчасъ вѣчное богатство. Капая со слезами, презирай все, будь нищею духомъ и сердцемъ, будь нестяжательной въ деньгахъ и странницей въ мірѣ, будь противницей своихъ противныхъ желаній и, (упокоеваясь) въ волѣ единого Владыки твоего, ревностно послѣдуй стопамъ Его. И тогда Онъ, замедливъ въ шестви, позволитъ тебѣ жалкой уловить Себя. Ты же, увидѣвъ Его, возопи и громко воскликни. И Онъ, обернувшись, милостивымъ окомъ взглянетъ на тебя, и дастъ тебѣ немного посмотрѣть на Себя, и скрывшись отъ очей твоихъ, опять оставитъ тебя. Тогда ты, бѣдная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить (себѣ) смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки съ пресладкимъ Владыкой. Онъ же, видя тебя въ крайней нуждѣ и весьма постоянною въ плачѣ и сѣтованіи, опять внезапно явится и озаритъ тебя, опять покажетъ тебѣ неисчерпаемое богатство—неувядающую славу Отчаго лика, и исполнивъ радости, возвеселитъ тебя, какъ и прежде, и такимъ образомъ преисполненною радости оставитъ тебя. Та же радость, которая бываетъ отъ мірскихъ словъ и помысловъ, мало-по-малу оставитъ тебя и придетъ къ тебѣ печаль. И такъ снова, какъ и прежде, ты горько восплачешь, и рыдаешь, и взыщешь Его—Виновника веселія, Подателя радости, Который есть прочное и поистинѣ всегда пребывающее богатство. Когда Онъ будетъ такъ испытывать твое произволеніе, смотри, душа, не ослабѣй, не обратись вспять, не говори: доколѣ Онъ будетъ для меня неуловимъ? не говори: зачѣмъ, являясь, Онъ тотчасъ же снова скрывается? и доколѣ вмѣсто милосердія Онъ будетъ доставлять мнѣ (одни) труды? Не говори: какъ могу я находиться въ такомъ напряженіи до смерти? и не облянись, о душа, искать Владыку! но, какъ предавшая себя однажды на смерть (и посвятившая Богу) ¹⁾, не отвѣдывай

¹⁾ et consecraris—это вставка изъ л. и.

послабленія (и покоя) ¹⁾, не ищи ни славы, ни тѣлеснаго утѣшенія, ни расположенія сродниковъ. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; какъ начала, лучше же—теча еще усерднѣе, потщись всегда уловлять Владыку, взяться за Него. И хотя бы тысячи разъ Онъ исчезалъ и столько же разъ являлся тебѣ, дѣлаясь неумовнимымъ, (только) такимъ путемъ Онъ будетъ удержанъ тобою. Десятки тысячъ разъ, лучше же доколѣ ты вообще дышешь, еще усерднѣе ищи Его и бѣги къ Нему. Ибо Онъ не оставитъ тебя и не забудетъ тебя; но являясь тебѣ понемногу все болѣе и болѣе и чаще пребывая съ тобою, душа, Владыка, когда ты очистишься, наконецъ, осіяніемъ свѣта, Самъ, придя, весь возобитааетъ въ тебѣ, и съ тобою будетъ пребывать Тотъ, Кто міръ сотворилъ; и ты будешь обладать истиннымъ богатствомъ, котораго міръ не имѣетъ, но (только)—небо и тѣ, которые вписаны тамъ. Если этого тебѣ возможно достигнуть, то—скажи—чего еще бѣльшаго ты желасшь?

Скажи, душа неблагодарная, неразумная, скажи, смиренная душа моя, что—болѣе этого на небѣ или на землѣ, чего тебѣ слѣдовало бы искать? Творецъ неба и Владыка земли и всего, что на небѣ, и что есть въ мірѣ, Онъ, будучи одинъ Создатель, Судія и Царь, Самъ обитааетъ въ тебѣ, весь открываясь тебѣ, весь освѣщая тебя свѣтомъ, и показывая (тебѣ) красоту лица (Своего), и давая тебѣ (возможность) яснѣе видѣть Его, и содѣлывая тебя участницей собственной славы, — скажи, что иное превосходишь этого?—Ничто, конечно, ты мнѣ отвѣтишь. И же снова скажу: Удостоившись такой славы, зачѣмъ ты, о душа, все еще стремишься къ землѣ? зачѣмъ обольщаешься здѣшними вещами? получивъ нетлѣнное, зачѣмъ ты льнешь къ тлѣнному? нашедши будущее, зачѣмъ прилѣпляешься къ настоящему? Старайся, душа, постоянно обладать ими, вся прилѣпись къ нимъ, душа моя, чтобы и по смерти ты находилась въ тѣхъ вѣчныхъ благахъ, которыя пріобрѣла ты отсюда, и съ ними предстала бы Творцу и Владыкѣ, радуясь съ Нимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

1) *quietem*; въ л. п.: *quietem et remissionem*.

ХП.

О томъ, что желаніе и любовь къ Богу превосходятъ всякую любовь и всякое человѣческое желаніе; умъ же очищающихся. погружаясь въ свѣтъ Божій, весь овозождается, и потому называется умомъ Божиимъ ¹⁾.

Красота Твоя, Владыко Христе, неизяснима, зракъ несравнимъ, великолѣпіе неизреченно и слава превышаетъ умъ и слово. Твой нравъ, Твоя благодать и кротость превосходятъ помышленія всѣхъ земнородныхъ. Поэтому и желаніе и любовь къ Тебѣ препобѣждаютъ всякую любовь и желаніе смертныхъ. Ибо насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнѣе и любовь къ Тебѣ, которая затемняетъ всякую человѣческую любовь, отвращаетъ отъ любленія плотскихъ наслажденій и скоро прогоняетъ всѣ похоти. Ибо похоть страстей поистинѣ есть тьма, и совершеніе постыдныхъ грѣховъ—глубокая ночь; влеченіе (*δ ἔρως*) же и любовь къ Тебѣ, Спасе, есть свѣтъ. Поэтому, возсіявая въ боголюбивыхъ душахъ, она тотчасъ прогоняетъ тьму страстей и (чувственныхъ) наслажденій и водворяетъ день безстрастія. О дивное ²⁾ и нежданное дѣло всевышняго Бога! О сила (*virtus*) таинствъ, сокровенно совершающихся! Ты даруешь намъ и преходящее и вѣчное, Ты даешь земное съ небеснымъ и настоящее съ будущимъ, какъ Создатель всего, имѣющій власть надъ земнымъ и небеснымъ. Итакъ, зачѣмъ же мы, несчастные, любимъ людей болѣе, чѣмъ Тебя, и жалкимъ образомъ служимъ имъ болѣе, чтобы получить отъ нихъ ничтожную и непрочную награду? Мы предаемъ имъ наши души и тѣла, дабы они пользовались ими, какъ ничтожными и отвергнутыми сосудами, и хотя мы Твои члены—Владыки всего, святые, говорю, члены святаго Господа, Который ни отъ кого независимъ въ Своей власти, не страшимся добровольно предлагать ихъ сквернымъ демонамъ для постыднѣйшаго грѣха. Итакъ, кто изъ вѣрныхъ рабовъ

¹⁾ Въ л. п. это 26 глава; въ П. же р. этотъ гимнъ утраченъ, но въ оглавленіи значится, какъ 39 слово.

²⁾ Начиная отсюда и до конца отдѣла (до новой строки), переводъ сдѣланъ съ латинскаго; въ греческ. же печатномъ текстѣ этой части гимна мы не находимъ.

Твоихъ удержится отъ слезъ? кто не оплачетъ также нашей своенравной дерзости? кто не возблагодаритъ предъ таковымъ долготерпѣніемъ Твоимъ, Боже? кто не вострепещетъ воздаянія на Божественномъ судѣ, т. е. нестерпимаго и во вѣки неугасимаго огня геенскаго, гдѣ плачь, и скрежетъ зубовъ, и скорбь неутѣшная, и невыразимая мука?

Но ¹⁾, о Солнце, (этого видимаго нами) солнца, и луны, и звѣздъ, и свѣта, и всей природы Создателю, сокрой меня отъ нихъ во свѣтъ Твоемъ, чтобы я, созерцая въ немъ одного Тебя, Слове, не видѣлъ міра и того, что въ мірѣ; но, и видя, былъ какъ бы невидящимъ, и слыша, какъ бы не слыпалъ. И какъ бываетъ съ сѣдящими во тьмѣ житейскихъ удовольствій и тьмѣ славолюбія: видя, они не видятъ Твоей Божественной славы, и слыша, совершенно не разумѣютъ Твоихъ заповѣдей и повелѣній; такъ будетъ и со мною во свѣтъ Твоемъ, когда я [и видя] не буду видѣть міра и того, что въ мірѣ. Ибо кто, видя Тебя и чувствуя себя озареннымъ Твоею славою и Божественнымъ Твоимъ свѣтомъ, не измѣнился умомъ, душею и сердцемъ, и не удостоился всевластно, Спасителю, видѣть иначе и слышать такимъ же образомъ? Ибо умъ, погружаясь въ Твой свѣтъ, просвѣтляется и дѣлается свѣтомъ, подобнымъ славы Твоей, и называется Твоимъ умомъ; (такъ какъ) удостоившійся содѣлаться таковымъ удостоивается тогда и умъ Твой имѣть и дѣлается съ Тобою безраздѣльно единымъ. И какъ не будетъ онъ все видѣть и слышать безстрастно, какъ Ты? содѣлавшись Богомъ [по благодати], какъ пожелаетъ онъ чего-либо вообще чувственнаго, какой-либо скоропреходящей и тлѣнной вещи, либо иной, суетной славы—тотъ, кто содѣлался преныше всего этого и выше всякой видимой славы? Ибо какъ тотъ, кто сталъ преныше всего видимаго и приблизился къ Богу, лучше же кто самъ наименовался Богомъ, захотѣлъ бы искать славы или роскоши отъ долу лежащихъ? Ибо онѣ поистинѣ для него—позоръ и поношеніе, уничиженіе и безчестіе. Слава же для него и утѣха и богатство—Богъ Троица и (все) Божіе и Божественное, Крему подобаетъ всякая слава, честь и держава всегда, нынѣ и во всѣ вѣки. Аминь.

¹⁾ Отсюда и далѣе имѣется и греческ. подлинный текстъ.

ХІІІ.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ДАРЫ БОЖІИ, И КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ ОУЦЪ, ПИШУЩЕМЪ ЭТО, ДѢЙСТВОВАЛЪ ДУХЪ СВЯТЫЙ. ТАКЖЕ НАСТАВЛЕНІЕ, ИЗРЕЧЕННОЕ ОТЪ (ЛИЦА) БОЖІЯ О ТОМЪ, ЧТО ДОЛЖНО ДѢЛАТЬ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СПАСЕНІЕ СПАСАЮЩИХСЯ ¹⁾).

Опять мнѣ свѣгнѣть свѣтъ, опять я вижу его ясно. Опять Онъ отверзаетъ (мнѣ) небеса и разсѣкаетъ (тьму) ночи, опять производитъ все ²⁾, опять видится одинъ только Онъ. Опять Онъ ставитъ (*ποιεῖ*) меня внѣ всего видимаго и отдѣляетъ также отъ всего чувственнаго. Опять превышнѣ всѣхъ небесъ, Котораго никто изъ людей никогда не видѣлъ, не разверзая небесъ, не разгоняя ночи, не разнимая ни воздуха, ни кровли дома, нераздѣльно весь со мною жалкимъ бываетъ, внутри моеи келліи, внутри ума моего. Въ то время ³⁾, когда все остается, какъ и было, ко мнѣ въ среду сердца моего (о досточтимое таинство) ниспадаетъ (*illabitur*) свѣтъ и поднимаетъ меня превыше всего. И не смотря на то, что я нахожусь среди всего [окружающаго], Онъ ставитъ меня внѣ всего, не знаю, не внѣ ли также и тѣла. Дотогѣ я понстиѣвъ весь нахожусь тамъ, гдѣ одинъ простой свѣтъ, созерцая который, и я также становлюсь простымъ по незлобію. Таковы необычайныя дѣла чудесъ Твоихъ, Христе мой; таковы дѣла могущества Твоего и челоуѣколюбія, которыя Ты совершаешь въ насъ недостойныхъ. Потому-то я, одержимый страхомъ Твоимъ, и трепещу, и постоянно беспокоюсь, и сильно крушусь о томъ, что я воздамъ Тебѣ или что принесу за столь великіе дары (Твоего) благоутробія, за тѣ безчисленные дары, которые Ты излилъ на меня;

¹⁾ Въ л. п. 27 глава; въ П. к. этотъ гимнъ также значится только въ главлепціи, какъ 40 слово.

²⁾ Т. е., очевидно, то, о чемъ преп. Симеонъ говорилъ и писалъ раньше въ другихъ гимнахъ. Латинск. переводъ въ данномъ случаѣ сдѣланъ, быть можетъ, по другому чтенію, такъ какъ эта фраза переведена словами: *Kursum reteggit et ostendit omnia.*

³⁾ Этотъ періодъ до слѣдующей точки взять изъ л. п.; въ печатномъ греческомъ текстѣ его нѣтъ.

ничего же не находя въ себѣ, (такъ какъ) ничего [собственно] моего нѣтъ въ жизни, но все Тебѣ служить, все—дѣло рукъ Твоихъ, я еще больше стыжусь (и весьма терзаюсь) ¹⁾, Спасителю, (желая) знать, что должно мнѣ дѣлать, чтобы послужить и благоугодить Тебѣ, дабы въ день судный оказался мнѣ, Спасителю, неосужденнымъ предъ Твоимъ страшнымъ судилищемъ.

Послушай, что тебѣ дѣлать, всякъ, желающій спастись, и прежде всѣхъ ты, вопрошающій Меня. Думай, что нынѣ ты умеръ, что нынѣ ты отрекся и оставилъ весь міръ, покинувъ друзей, сродниковъ и всякую суетную славу; вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отбросивъ попеченіе о дольнихъ предметахъ, возьми крестъ на плечи, крѣпко его привяжи и до конца (жизни) переноси труды искушеній, боли скорбей и гвозди печалей, принимая (ихъ) съ величайшею радостію, какъ вѣнецъ славы. Ежечасно пронзаемый остріями обидъ и жестоко побиваемый камнями всякаго рода безчестія, проливая слезы вмѣсто крови, ты будешь мученикомъ. Переноса съ великою благодарностію поруганія и заушенія, ты сдѣлаешься причастникомъ Божества Моего и славы. А если ты самъ себя покажешь послѣднимъ изъ всѣхъ, рабомъ и слугою, то послѣ Я сдѣлаю тебя первымъ изъ всѣхъ, какъ общалъ Я. Если ты возлюбишь враговъ и всѣхъ ненавидящихъ тебя, и будешь отъ души молиться за обидящихъ тебя и благотворить имъ по силѣ твоей, то поистинѣ ты станешь подобнымъ Всевышнему Отцу твоему; и стяжавъ отсюда чистоту сердца, ты узришь въ немъ Бога, Котораго никто никогда не видѣлъ. Если же случится тебѣ потерпѣть гоненіе за правду, тогда радуйся, потому что царство небесное стало твоимъ. А что болѣе этого? Это и многое другое, заповѣданное Мною, дѣлай и другихъ учи, и ты и всѣ прочіе, вѣрующіе въ Меня, [такъ поступайте], если хотите спастись и водворяться со мною во вѣки вѣковъ. Если же вы отрекаетесь и отвергаетесь, считая позоромъ и безчестіемъ терпѣть все это, (быть презираемыми) ²⁾ и положить души свои за заповѣди Мои, то зачѣмъ стремитесь узнать, какъ вамъ должно спастись (и черезъ какія дѣянія можно сдружиться (consociemini) со Мною)? ³⁾ зачѣмъ же и Богомъ

¹⁾ ²⁾ ³⁾ Слова эти, поставленные въ скобкахъ, взяты изъ л. п.

вашимъ Меня называете? зачѣмъ и себя также неразумно считаете вѣрующими въ Меня? Вѣдь Я ради васъ все это претерпѣлъ добровольно: будучи распятъ на крестѣ, Я умеръ смертію злодѣевъ, и Мои поношенія и позорная смерть сдѣлались славою міра, жизнью, свѣтомъ, воскресеніемъ мертвыхъ, похвалою всѣхъ вѣрующихъ въ Меня, стали одѣяніемъ безсмертія и истиннаго обоженія для всѣхъ вѣрныхъ. Поэтому тѣ, которые подражаютъ честнымъ страданіямъ Моимъ, сдѣлаются также и причастниками Божества Моего и наслѣдниками царства Моего, стѣнутъ общниками неизреченныхъ и невыразимыхъ благъ и будутъ вѣчно пребывать со Мною. О прочихъ же кто не восплачетъ и не возрыдастъ? кто не прольетъ слезъ отъ жалости сердца? кто не оплачетъ великаго ихъ безчувствія? Ибо, оставивъ жизнь и ужаснымъ образомъ отторгшись отъ Бога, они сами себя предали смерти. Отъ части ихъ избави меня, Владыко всяческихъ, и сподоби мнѣ ничтожному и послѣдному изъ рабовъ Твоихъ сдѣлаться причастникомъ непорочныхъ страстей Твоихъ, дабы, какъ сказалъ Ты, Боже, я сталъ и причастникомъ славы и наслажденія благъ Твоихъ, Слово, нынѣ, правда, какъ бы въ гаданіи, образъ или зеркалъ, „тогда же я познаю, якоже и познанъ быхъ“ (1 Кор. 13, 12).

XIV.

Тѣ, которые отсюда уже чрезъ причастіе Духа Святаго сочетались съ Богомъ, и по преставленіи изъ сей жизни, будутъ тамъ сопребывать съ Нимъ во вѣки. Если же нѣтъ, то противоположное будетъ съ тѣми, которые являются иными ¹⁾.

Начало жизни у меня есть конецъ, и конецъ—начало. Я не знаю, откуда прихожу, не знаю, гдѣ нахожусь, и не вѣдаю, жалкій, куда опять пойду. Я раждаюсь (какъ) земля отъ земли и (какъ) тѣло отъ тѣла, будучи, конечно, отъ тлѣннаго тлѣннымъ и всецѣло смертнымъ. Малое время я провожу на землѣ, живя во плоти, и умираю, и переходя

¹⁾ Въ л. п. 29 глава; въ П. к. и этотъ гимнъ утраченъ, въ оглавленіи же онъ занимаетъ 42 мѣсто.

изъ этой жизни, начинаю жить другою. Тѣло я оставляю въ землѣ, имѣющее (нѣкогда) воскреснуть и жить безконечною жизнію во вѣки. Итакъ, призри нынѣ, Боже, нынѣ сжался, едине [Милостиве], нынѣ помилуй меня. Вотъ сила моя оставила (меня), я приблизился къ старости — предверію смерти. Грядетъ князь міра, имѣющій испытать постыдныя и скверныя дѣла и дѣянія мои; предстоятъ палачи, свирѣпо глядя на меня и ожидая повелѣнія схватить и увлечь въ бездну ада несчастную душу мою. Итакъ, Ты, по естеству благоутробный и одинъ человѣколюбивый и всемилостивый Господи, помилуй меня тогда: не помяни беззаконій моихъ и не остави меня; не дай мѣста противъ меня коварному врагу моему, который ежечасно угрожаетъ мнѣ, рыча на меня, скрежеща зубами и говоря: На что ты уповаешь? какъ надѣешься избѣжать отъ рукъ моихъ, такъ какъ, оставивъ меня и презрѣвъ мои заповѣди, ты присоединился ко Христу? Но ты никоимъ образомъ не избѣжишь. Ибо куда ты уйдешь? Ты отнюдь никогда не можешь ускользнуть отъ меня, изгнавшаго Адама и Еву изъ рая, содѣлавшаго Каина братоубійцей, во время потопа въ конецъ обольстившаго всѣхъ (смертныхъ) своими прелестями и жалкимъ образомъ низвергшаго въ заблужденіе и въ ужасную смерть, прельстившаго Давида къ прелюбодѣянью и убійству, поднявшаго войну противъ всѣхъ святыхъ и многихъ (изъ нихъ) умертвившаго, — и ты ли, немощнѣйшій, думаешь и надѣешься совершенно избѣжать меня? Слыша это, Владыко и Боже мой и Создателю, Творче и Судіе мой, имѣющій власть надъ душою и тѣломъ моимъ, какъ Создатель того и другого, я жалкій ужасаюсь и весь дрожу и трепещу. А онъ, коварный, упрекая, говоритъ мнѣ, Христе мой: Вотъ ты не бодрствуешь и не воздерживаешься, вотъ ты не стяжалъ молитвы, не творишь поклоновъ, не показываешь тѣхъ трудовъ, которые ты нѣкогда началъ, — и за это одно я разлучу тебя отъ Христа и возьму съ собою въ неугасимый огонь. Я же, какъ Ты вѣдаешь, Владыко, никогда не полагалъ спасенія души своей въ дѣлахъ своихъ и дѣянїяхъ, но къ Твоему милосердію прибѣгъ, уповая, что Ты туне спасешь меня, какъ всемилостивый, и помилуешь, какъ Богъ, подобно тому, какъ нѣкогда — блудницу и блуднаго сына, сказавшаго: „согрѣшилъ я“. Съ такою вѣрою при-

текъ я, съ такимъ упованіемъ пришелъ, съ такою надеждою приступилъ къ Тебѣ, Владыко. И нынѣ (молю) да не хвалится онъ предо мною, рабомъ Твоимъ, говоря: Гдѣ твой Христосъ, гдѣ твой Заступникъ? не Самъ ли Онъ предалъ тебя въ мои руки?—Ибо если, обольстивъ, онъ возьметъ меня въ плѣнъ, то не моему произволению и небреженію это припишетъ, но свалитъ все на Тебя, оставившаго меня, говоря такимъ образомъ: Смотри, тотъ, на кого ты уповалъ, смотри, къ кому ты приступилъ, смотри, о комъ ты думалъ, что Онъ благоволитъ къ тебѣ и любитъ тебя, о комъ хвалился, что Онъ имѣетъ тебя братомъ и другомъ, сыномъ и наслѣдникомъ,—какъ Онъ оставилъ тебя и предалъ въ мои руки—врага твоего, сверхъ ожиданія измѣнивъ тебѣ и вдругъ возненавидѣвъ тебя?

Итакъ, слыша это, не оставь меня, Спасителю, не поступи стать мнѣ поношеніемъ Твоимъ, Боже мой, Царю и Господи, нѣкогда исторгшій меня изъ тьмы, изъ рукъ и пасти его и поставившій свободнымъ во свѣтъ Твоемъ. Ибо, видя тебя, я уязвляюсь въ глубинѣ сердца, и не будучи въ состояннн взираеть на Тебя, не (могу однако) выносить и того, чтобы не видѣть Тебя: красота Твоя неприступна, видъ неподражаемъ и слава несравненна. Да и кто когда-либо видѣлъ Тебя? или кто могъ увидѣть Тебя всего—Бога моего? Ибо какое око въ состояннн узрѣтъ *все* (или универсъ)? ¹⁾ какой умъ могъ бы постигнуть сущаго превыше всего, или объять, или весь окинуть Его всего и увидѣть содержащаго все, виѣ всего пребывающаго и являющагося всѣмъ, все наполняющаго и опять того самаго, Кто весь виѣ (всего) существуетъ неизреченнымъ образомъ? И однако я вижу Тебя, какъ солнце, созерцаю, какъ звѣзду, усматриваю, какъ свѣтильникъ, возженный внутри сосуда, и ношу въ нѣдрѣ, какъ жемчужину. Но такъ какъ Ты не открываешься болѣе, такъ какъ не всего меня дѣлаешь свѣтомъ и Себя не всего (мнѣ) показываешь, каковъ и сколь великъ Ты, то я думаю, что вовсе не имѣю Тебя—жизнь мою; но безнадежно плачу, какъ бы нѣкто, ставшій изъ богатыхъ нищимъ и изъ знаменитыхъ безславнымъ. Видя это, врагъ говоритъ мнѣ: не спасись тебѣ. Ибо вотъ ты отпалъ и ошибся въ (своихъ)

¹⁾ Въ греческ. текстѣ *τὸ πᾶν*; въ латинск.—*omne seu universum*.

надеждахъ, такъ какъ не имѣешь, какъ нѣкогда, дерзновенія къ Богу. Не удостоивая его отвѣта чрезъ слово, я дую (на него), и онъ тотчасъ исчезаетъ. Такъ, прошу и молю Тебя, Владыко, будь благоутробенъ ко мнѣ, Спасителю мой, и тогда, когда душа моя выйдетъ изъ тѣла моего, чтобы однимъ дуновеніемъ могъ я посрамить имѣющихъ набѣжать на меня, раба Твоего, [демоновъ], и защищаемый свѣтомъ Духа Твоего, невредимо перешелъ бы и сталъ предъ судилищемъ Твоимъ, имѣя сопребывающую мнѣ Божественную благодать Твою, Христе, всего меня покрывающую и являющую непостыднымъ. Ибо кто дерзнетъ предъ Тобою явиться, не будучи облеченъ въ нее? или можетъ ли кто бы то ни было воззрѣть на нестерпимую славу (Божію), не имѣя ее внутри и не будучи ею просвѣщеннымъ? Ибо какъ человѣкъ можетъ увидѣть славу Божію и низкая природа человѣческая—природу Божества? Вѣдь Богъ—не созданный, мы же всѣ создаши. Онъ—нетлѣнный, мы—тлѣніе и прахъ. Онъ есть духъ, превышій всякаго духа, какъ Творецъ духовъ и Владыка, мы—плоти земныя и существа земновидныя. Онъ—Творецъ всего, безначальный и непостижимый, мы—черви и вмѣстѣ грязь и пепель. И кто изъ насъ возмогъ бы когда-либо увидѣть Его чрезъ собственную силу и дѣйствіе, если бы Самъ Онъ не послалъ Своего Божественнаго Духа и, сообщивъ чрезъ Него немощной (нашей) природѣ крѣпость, силу и мощь, не содѣлалъ бы человѣка способнымъ видѣть Его Божественную славу? Ибо иначе никто изъ людей не увидитъ, и не можетъ увидѣть Господа, грядущаго во славу. И такимъ образомъ неправедные будутъ отдѣлены отъ праведныхъ, и грѣшники и всѣ тѣ, которые не будутъ имѣть въ себѣ свѣта отсюда, покроются тьмою. Тѣ же, которые соединились съ Нимъ чрезъ (содѣланныя) здѣсь (дѣла) ¹⁾, и тогда таинственно и пренескренно сочетаются съ Богомъ, и никогда не будутъ отлучены отъ общенія съ Нимъ. Но тѣ, которые отошли (отсюда) удаленными отъ Его свѣта, какъ или какимъ образомъ тогда (съ Нимъ) соединятся?—хотѣлъ бы я научиться у васъ, или васъ научить.

Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ, соединился съ людьми,

¹⁾ *ex tōis φδς;* въ л. п.: *ex his quae hic egerunt.*

и приобщившись человечества, преподаль всемъ вѣрующимъ въ Него и показывающимъ вѣру отъ дѣль причастіе Божества Своего. Итакъ, спасутся, сказалъ Онъ, только эти одни, приобщившіеся Божества Его, какъ и Самъ Онъ, Творецъ всего, приобщился нашей природы, какъ свидѣтельствуеть Павелъ, что Церковь Христова—Владычнее и Божественное тѣло безъ пятна вмѣстѣ и порока, и безъ всякой морщины, каковыми должны быть вѣрные; глава же (тѣла)—Христось (Ефес. 5, 27). Итакъ, если это будетъ, какъ, очевидно, и есть, то кто, будучи нечистымъ, посмѣеть тогда прикоснуться къ Нему, или кто недостойный прилѣпится къ Нему? Ибо если и теперь грѣшники извергаются изъ Церкви и совершенно исключаются отъ общенія, лучше же лишаются созерцанія вещей божественныхъ, не будучи святыми, то какъ тогда, увѣ мнѣ, они соединятся со всенепорочнымъ тѣломъ Божиимъ и содѣлаются членами Христовыми, будучи запятнанными (и нечистыми)? ¹⁾

Невозможно это, братіе, и никоимъ образомъ не будетъ. Отдѣленные же отъ Божественнаго тѣла, т. е. отъ Церкви и лика избранныхъ, скажи, куда они пойдутъ? въ какое царство? въ какомъ мѣстѣ, скажи, они надѣются вселиться? Ибо рай, конечно, и лоно Авраамово, и всякое мѣсто упокоенія принадлежитъ спасающимся. А спасающіеся, конечно, суть святые все, какъ свидѣтельствуеть и учить все Божественное Писаніе. Ибо „многи—обители“, но внутри чертога (Іоан. 14, 2). Подобно тому вѣдь, какъ—одно небо и на немъ звѣзды, различающіяся другъ отъ друга честію и славою; такъ существуетъ и одинъ чертогъ и одно царство. Но и рай вѣдь, и градъ святой, и всякое мѣсто упокоенія есть одинъ только Богъ. Ибо какъ въ этой жизни человѣкъ, не пребывающій въ Богѣ, и Богъ въ немъ, не имѣеть покоя; такъ и послѣ смерти внѣ Его одного, полагаю, не будетъ ни упокоенія, ни мѣста совершенно свободнаго отъ печали, въздыханія и скорби.

Поэтому потщимся, братіе, потщимся прежде смерти при-

¹⁾ Эти слова Симеона должно относить не ко всемъ грѣшникамъ, но только къ отлученнымъ отъ Церкви. Ибо иные хотя бы и весьма великіе грѣшники, явные ли то, или тайные, повстинѣ находятся въ Церкви, только бы однако они не отверглись вѣры. Примѣч. латинск. переводчика.

лѣпиться къ Богу, Творцу всѣхъ, Который ради насъ несчастныхъ приклонилъ небеса и сошелъ на землю (Псал. 17, 10), сокрылся отъ Ангеловъ, и вселившись во чревѣ Святой Дѣвы, неизмѣнно и неизреченно воплотился и произошелъ отъ Нея для спасенія всѣхъ насъ. Спасеніе же наше состоитъ именно вотъ въ чемъ, какъ мы часто говорили и нынѣ снова скажемъ, не сами, впрочемъ, отъ себя, но отъ устъ Божіихъ. Явился великій Свѣтъ будущаго вѣка, на землю сошло царство небесное; лучше же (сказать) пришелъ Царь всѣхъ вышнихъ и нижнихъ, восхотѣвъ уподобиться намъ, дабы всѣ мы, приобщившись Его, какъ бы свѣта, явились вторыми свѣтами, подобными первому (Свѣту), и содѣлавшись причастниками царства небеснаго, были общниками славы (Его) и вмѣстѣ наслѣдниками вѣчныхъ благъ, коихъ никто никогда не видѣлъ. Эти же блага, какъ я увѣренъ, вѣрую и говорю суть Отецъ, Сынъ и Духъ Святой—Троица Святая. Это источникъ благъ, это жизнь (всего) существующаго, это утѣха и упокоеніе, это одѣяніе и слава, это радость неизъяснимая и спасеніе всѣхъ приобщившихся Его неизреченнаго осіянія и чувствующихъ, что имѣютъ общеніе съ Нимъ. Послушайте, вѣдь потому Онъ и Спасителемъ называется, что доставляетъ спасеніе всѣмъ, съ которыми соединился. Спасеніе же есть избавленіе отъ всѣхъ золь и вѣчное обрѣтеніе въ Немъ всѣхъ благъ, дарующее вмѣсто смерти ¹⁾ жизнь, вмѣсто тьмы свѣтъ, вмѣсто рабства страстямъ и постыднѣйшимъ дѣяніямъ совершенную свободу—всѣмъ соединившимся со Христомъ—Спасителемъ всѣхъ, которые приобрѣтаютъ тогда всякую радость неотъемлемую, всякое веселіе и всякое радованіе. Тѣ же которые совершенно удалены отъ Него и не взыскали Его, или не соединились съ Нимъ и не избавились отъ рабства страстямъ и смерти, цари ли то, князья или вельможи, хотя бы они думали и полагали, что утѣшаются, радуются и наслаждаются благами, но они никогда не будутъ обладать тою совершенно неизреченною и неизъяснимою радостью, которую имѣютъ рабы Христовы, свободные отъ всѣхъ неумѣстныхъ пожеланій удовольствій и славы. Ее никогда не познаетъ, не пойметъ и не увидитъ никто изъ тѣхъ, которые преискренно и

¹⁾ Буквально: отъ смерти—*ἀπὸ θανάτου* и т. д.

горячо не прилѣпились ко Христу и въ неизреченномъ соединеніи не растворились съ Нимъ, Которому подобають слава, честь, хвала и всякое пѣніе (*ὕμνος*) отъ всей твари и (всякаго) дыханія во вѣки. Аминь.

XV.

БЛАГОДАРЕНІЕ ЗА ИЗГНАНІЕ И СКОРБИ, КОТОРЫЯ ПРЕТЕРПѢЛЪ (СВ. ОТЕЦЪ) ВО ВРЕМЯ ГОЦЕНІЯ НА НЕГО. ¹⁾

Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя, единый Сердцевѣдче, Царю праведный, всемилостивый, благодарю Тебя, безначальный и всемогущій Слове. ²⁾ сошедшій на землю и воплотившійся Боже мой, содѣлавшійся тѣмъ, чѣмъ не былъ—человѣкомъ подобнымъ мнѣ, безъ измѣненія, скоропрехожденія и всякаго грѣха, дабы, пострадавъ, будучи безстрастнымъ, неправедно отъ беззаконныхъ, даровать мнѣ осужденному безстрастіе чрезъ подражаніе страстямъ Твоимъ, Христе мой. Итакъ, праведень судъ Твой и вмѣстѣ повелѣніе (Твое), которое Ты повелѣлъ соблюдать намъ, Всемилостиве. Оно состоитъ въ подражаніи смиренію Твоему, дабы подобно тому, какъ самъ Ты пострадалъ, будучи безгрѣшенъ, такъ и мы, согрѣшившіе, переносили бы все: искупленія, и гоненія, и бѣшенія, и скорби, и наконецъ, (даже самую) смерть отъ беззаконныхъ ³⁾. Ибо Ты слышалъ (о Себѣ), что Ты бѣснуешься, Тебя считали обольстителемъ, безбожникомъ, противникомъ Богу и преступникомъ закона. Схваченный, какъ преступникъ, и связанный, Ты ведень былъ одинъ, когда всѣ ученики (Твои) и друзья оставили Тебя; Ты предстоялъ предъ судьей, какъ осужденный, Слове, и принялъ приговоръ, вынесенный имъ противъ Тебя. За то, что промолвилъ, Ты подвергся заушенію отъ раба, и за то, что молчалъ, немедленно осужденъ былъ на смерть. Ибо слова Твои

¹⁾ Въ л. п. этому гимну соответствуетъ 23 глава; въ П. же к. опъ такъ же, какъ и предыдущіе гимны, только числится въ оглавленіи, какъ 36 слово.

²⁾ Въ л. п. эта фраза опущена.

³⁾ По л. п.: и, наконецъ, даже самую смерть, нанесенную намъ беззаконными.

были мечемъ для беззаконныхъ, и молчаніе ¹⁾ (Твое), Царю, было причиною осужденія. Поэтому неправедные, не вынося Тебя одного видѣть праведнаго, предали Тебя позорнѣйшей смерти. Потомъ Ты бѣгъ былъ по главѣ, увѣчанъ терціями, облеченъ въ багряную хламиду, (заплеванъ въ лицо, увь мнѣ, ²⁾) и поруганъ отъ беззаконныхъ, слыша насмѣшливое: „радуйся, царю іудейскій!“ ³⁾ Ты понесъ крестъ на плечахъ и, приколоченный на немъ, вознесенъ былъ, Боже мой. Ты привожденъ былъ руками и ногами, напоенъ оцтомъ и пронзенъ копіемъ въ ребро Твое, Всемилостиве. Не вынося этого, земля поколебалась отъ страха и скоро отдала (заключенныхъ) въ ней мертвенцовъ. Солнце, видя Тебя, въ кровь превратилось, и луна тогда мракомъ покрылась; и завѣса храма тогдашняго надвое раздралась сверху до низу. Ничего изъ этого совершенно не уразумѣли тѣ беззаконники, но и къ лежащему во гробѣ приставили стражей и запечатали камень, думая (такимъ образомъ) удержать Тебя. Но Ты, Владыко, воскресъ Своею силою, оставивъ преступникамъ печати цѣлыми (и невредимыми). Ангелы же, пришедши, отвалили камень, поразивъ страхомъ стругущихъ тамъ. Но и (тогда даже), совершенно не желая хотя сколько-нибудь уразумѣть, они остались ослѣпленными умомъ и имѣя окамененное сердце до смерти. Итакъ, что же великаго для меня, если и я пострадаю, какъ Самъ Ты, Владыко, будучи безгрѣшенъ, пострадалъ за міръ, дабы спасти міръ, — я (говорю), весьма много согрѣшившій отъ юнаго возраста и проигнѣвавшій Тебя, Христе, дѣлами и словами. Поистиннѣ же велико для меня, лучше же превыше всякой славы, такъ какъ дѣлаешь меня причастникомъ Твоей неизреченной славы, это—причастіе страдающимъ, подражаніе дѣламъ (Твоимъ) и смиреніе Твое, которое доставляетъ обоженіе съ разумнѣемъ проходящимъ его. Благодарю Тебя, Владыко, за то, что я страдаю

¹⁾ Этой фразы нѣтъ въ л. п.

²⁾ Слова въ скобкахъ изъ л. п.

³⁾ Слѣдуемъ здѣсь л. п., гдѣ читается: *rex iudaeorum*, а не греческ. тексту: *βασιλεὺς τῆς ἰβραήλ*. Предлогъ *ἐν* съ даннымъ случаемъ является совершенно неумѣстнымъ, потому что такъ насмѣхались надъ Христомъ языческіе „воини пгемоновы“ (Мѡ. 27, 27—29), а не евреи, которымъ напротивъ было крайне неприятно наименованіе Христа царемъ (Іоан. 19, 14—15. 21).

болѣе неправедно. Если же—праведно, то да будетъ мнѣ (это), Христе, во искупленіе грѣховъ и въ очищеніе отъ безчисленныхъ прегрѣшеній моихъ. И не попусти, Владыко, чтобы мнѣ причинены были когда-либо страданія, или искушенія, или скорби сверхъ силу; но всегда подавай мнѣ и облегченіе, Боже мой, и силу, чтобы я могъ понести скорби. Ибо Ты, Милостиве, изначала являешься подателемъ благъ для тѣхъ, которые отъ души принадлежатъ ко Твоей державѣ, по достоинству вѣры и дѣлъ и благихъ надеждъ подавая дарованія и всякіе дары Божественнаго и поклоняемаго Твоего Духа, нынѣ и присно и всегда, во вѣки вѣковъ. Аминь.

XVI.

Всѣ святые, будучи озаряемы, просвѣщаются и видятъ славу Божию, насколько возможно человѣческой природѣ видѣть Бога ¹⁾ ²⁾.

Возри свыше, Боже мой, и благоволи явиться (мнѣ) и собесѣдовать нищему. Отверзи небеса и покажи мнѣ свѣтъ Твой, или лучше отверзи умъ мой, и какъ иѣкогда, (такъ) и нынѣ, войдя внутрь меня, говори чрезъ нечистый языкъ мой (и опровергни ложь) тѣхъ, которые говорятъ, что нынѣ нѣтъ никого, кто бы разумно видѣлъ Бога, и до этого времени никого не было, кромѣ Апостоловъ. Но и тѣ даже не видѣли, говорятъ они, ясно Бога, Отца Твоего, уча, что Онъ пребываетъ невидимымъ для всѣхъ, равно и незримымъ, и приводя изреченіе возлюбленнѣйшаго ученика Твоего Іоанна, говорящаго, что Бога никогда никто изъ людей не видѣлъ

¹⁾ Въ л. п. 22 глава; въ П. же р. это 35 слово, сохранившееся только отчасти, такъ какъ на немъ обрывается цитируемый нами кодексъ Патмосск. бібліотеки (№ 427).

²⁾ Вмѣсто *Θεόν ὁραῖν* въ концѣ заглавія, въ л. п. читается: *eam... vidēri*—видѣть ее, т. е. славу Божию. И въ П. р. въ двухъ мѣстахъ заглавія есть незначительныя разности: вмѣсто *Ἅγιοι* читается *Ἄγγελοι* и вмѣсто *ὡς ἐφικτόν*—*ὡς δεῦτόν*. Съ такими же разночтеніями оглавленіе этого гимна читалъ и Алліцій. См. МР. гр. т. СХХ, col. 303. Последнее разночтеніе не имѣетъ существеннаго значенія; но первое, когда вмѣсто—всѣ святые читать—всѣ Ангелы, болѣе, кажется, отвѣчаетъ содержанію гимна. Однако тогда вмѣсто *ἀνθρώπων φύσει* слѣдовало бы читать—*κτιστῆ φύσει*.

(Иоан. 1, 18; I Иоан. 4, 12). Ей, скажи скоро, Христе мой, (что мнѣ дѣлать) ¹⁾, дабы я не казался для неразумныхъ болтуномъ. Пиши, сказалъ Онъ, что Я буду говорить, пиши и не бойся. Я—Богъ прежде всѣхъ дней, временъ и лѣтъ и даже прежде всѣхъ вѣковъ, прежде всѣхъ тварей, видимыхъ и умопостигаемыхъ, превыше ума и слова, превыше всякаго понятія, Я былъ одинъ съ однимъ единственно и (со Мною не было) ничего (не только) изъ видимаго, но даже и изъ невидимаго. Поистинѣ Я былъ прежде, чѣмъ произошелъ ²⁾. Я одинъ—песозданный со Отцомъ и Духомъ Моимъ, Я есмь одинъ безначальный отъ безначальнаго Отца моего. Никто ни изъ Ангеловъ, ни изъ Архангеловъ, ни изъ другихъ чиновъ никогда не видѣлъ ни природы Моей, ни Самого Меня—Творца всецѣло, каковъ Я есмь, но они видятъ одинъ только лучъ славы и (нѣкое) изліяніе свѣта Моего, и обожаются ³⁾. Ибо подобно тому какъ зеркало, воспринимающее солнечные лучи, или какъ хрусталь, освѣщенный въ полдень, такъ и они всѣ воспринимаютъ лучъ Божества Моего. Всего же Меня увидѣть еще не удостоился никто ни изъ Ангеловъ, ни изъ людей, ни изъ святыхъ силъ. Ибо Я—внѣ всего, и для всѣхъ невидимъ. Однако не изъ зависти, конечно, къ нимъ ⁴⁾ (Я не даю) имъ видѣть Себя, и не потому скрываюсь и не являюсь, чтобы Я былъ некрасивъ, но потому, что не нашлось еще никого достойнаго Божества Моего, и потому, что невозможно для твари быть равною Творцу. Да это имъ и не полезно. Видящіе же малое отраженіе свѣта (Моего) таинственно научаются тому, что Я подлинно есмь, и познаютъ, что Я—Богъ, произведшій ихъ, и въ изумленіи и страхѣ прославляютъ Меня и служатъ. Ибо невозможно, чтобы Богъ произвелъ другую природу равномошную Творцу и однородную съ Нимъ, потому что совершенно невозможно созданію быть единосущнымъ Создателю. Ибо какъ созданіе можетъ когда-либо уравниваться съ Несозданнымъ? Ты при-

¹⁾ Слова въ скобкахъ изъ л. п.

²⁾ *ἦν πρὸ τοῦ γενέσθαι ὄντως*; въ л. п.: *antequam nascerer*—прежде чѣмъ родился, т. е. родился, какъ человѣкъ; прежде чѣмъ воплотился.

³⁾ *...καὶ θεοβοῦται*; такъ читается и въ П. р. Но лагивск. переводчикъ читалъ, очевидно, *καὶ θεοβοῦσιν*, и потому перевелъ: *contemplanturque*.

⁴⁾ Здѣсь гимнъ прекращается въ П. к.; этимъ же заканчивается и послѣдній сохранившійся листъ кодекса.

знаешь какъ это, такъ (не станешь отрицать) также и того, что созданія ниже Того, Кто всегда существуетъ, безначаленъ и несотворенъ, и настолько различаются (отъ Него), насколько колесница и пила—отъ изготовившаго ихъ (мастера). Итакъ, какъ колесница можетъ уразумѣть того, кто сдѣлалъ ее, или какъ пила, скажи мнѣ, познаетъ того, кто движетъ (ею), если изготовившій ихъ не дастъ имъ знанія и не вложитъ въ нихъ зрѣнія, что невозможно для всѣхъ сотворенныхъ? Итакъ, рѣшительно никто ни изъ людей, ни изъ Ангеловъ не получилъ власти давать другимъ дыханіе или доставлять имъ жизнь. Господь же всѣхъ, одинъ имѣющій власть и могущество, какъ источникъ жизни, производитъ одушевленные существа, какія, конечно, пожелаетъ, и какъ Художникъ и Владыка, каждому даруетъ то, что восхочетъ и изволитъ. Ему слава и держава нынѣ и во вѣки. Аминь.

XVII.

Соединеніе Всесвятаго Духа съ очищенными душами происходитъ съ яснымъ чувствомъ, т. е. сознаниемъ; и въ которыхъ (душахъ) это бываетъ, тѣ Онъ содѣлываетъ подобными Себѣ, свѣтовидными и свѣтомъ¹⁾.

Невидимый весьма далеко отстоитъ отъ видимаго
И отъ тварей—Тотъ, Кто произвелъ ихъ исперва,
Равно отъ тлѣннаго—Нетлѣнный и отъ тьмы свѣтъ.
Смѣшеніе этихъ (природъ) произошло тогда, когда Богъ
сошелъ (на землю).

Ибо тогда разстоящія (естества) соединилъ мой Спаситель.

Но слѣпые не видятъ этого единенія, и мертвые
Говорятъ, что совершенно не чувствуютъ его,
А думаютъ, что живутъ и видятъ, о кратінее безуміе!
Не вѣруя, они говорятъ, что никто опытно этого
Не позналъ или не ощутилъ, (т. е.) не видѣлъ чувственнымъ образомъ;

Объ этомъ же мы только слышимъ и научаемся словами.
Но, о Христе мой, научи меня, что сказать имъ на это,

¹⁾ Въ П. р. этотъ гимнъ уцѣлѣлъ подъ именемъ 34 слова; но въ л. п. его нѣтъ.

Дабы отъ великаго невѣдѣнія и невѣрія
Исторгнуть ихъ, и дать имъ видѣть Тебя—Свѣтъ міра.
Послушайте, отцы, божественныхъ словесъ и уразумѣйте,
И вы познаете то единеніе, которое бываетъ съ созна-
ніемъ,

И чувствомъ, конечно, и опытомъ, и зрѣніемъ.

Богъ—невидимъ, мы же, конечно, видимы.

Итакъ, если Самъ Онъ соединяется волею съ чувстви-
тельными (существами),

Ты не сознательно ли должно происходить соединеніе
обоихъ?

Если же ты утверждаешь, что это бываетъ безъ созна-
нія и чувства,

То это, конечно, соединеніе мертвыхъ, а не жизни съ
живыми.

Богъ (есть) Творецъ тварей, твари же—это мы.

Если же Богъ—Творецъ снизошелъ къ твари

И соединился, и тварь сдѣлалась какъ Творецъ;

То истиннѣ она въ истинномъ созерцаніи должна
ощутить,

Что тварное неизреченно соединилось съ Творцомъ.

Если же мы не допускаемъ этого, то погибла вѣра,

И совершенно исчезла надежда на будущее.

Не будетъ (тогда) ни воскресенія, ни всеобщаго суда,

Такъ какъ мы твари, какъ говоришь ты, безчувственно

Соединяемся съ Творцомъ, ничего не помышляя въ
сознаніи.

И Богъ (тогда) страдаетъ чрезъ тебя, какъ будто Онъ
не есть

Жизнь, и соединяясь съ нами, не сообщаетъ намъ жизни.

Творецъ опять нетлѣннѣнъ, твари же тлѣнны.

Ибо, согрѣшивъ, не только тѣло одно,

Но и самыя души ¹⁾ онѣ подвергли тлѣнію.

По этой причинѣ мы и тѣломъ и душою

Тлѣнны, какъ тлѣніемъ духовной (*νοητοῦ*) смерти

И грѣха всѣ вмѣстѣ одержимые.

Итакъ, если Нетлѣнный по природѣ соединился со
мною тлѣннымъ,

¹⁾ Въ П. р. τὰς ψυχὰς αὐτῶν (вмѣсто αὐτὰς)—души свои.

То поистинѣ будетъ одно изъ двухъ, о чемъ я хочу
сказать тебѣ:

Либо меня Онъ измѣнить и содѣлаеть нетлѣннымъ,
Либо Нетлѣнный измѣнится въ тлѣніе, и такимъ обра-
зомъ

Я, быть можетъ, не уразумѣю того, что Онъ пострадалъ
И сдѣлался мнѣ подобнымъ. Если же я стану

Весь нетлѣннымъ изъ тлѣннаго, прилѣпившись къ Не-
тлѣнному,

То какъ бы я не почувствовалъ (этого)? какъ бы самымъ
опытомъ

Не позналъ я, чѣмъ стану, ставъ тѣмъ, чѣмъ не былъ?

Ибо кто говоритъ, что Богъ, соединяясь съ людьми,

Не сообщаетъ имъ божественнаго нетлѣнія,

Но скорѣе Самъ поглощается ихъ тлѣніемъ,

Тотъ учитъ о гибели Негиблущаго

И богохульствуетъ, самъ совершенно отпадая отъ жизни

Если же это невозможно, то прими лучше другое
(положеніе),

И прежде конца потщись приобщиться нетлѣнія.

Богъ есть свѣтъ, мы же находимся во тьмѣ.

Или вѣрнѣе сказать—мы сами тьма.

Не обольщайтесь, Богъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не
свѣтитъ,

Кромѣ тѣхъ однѣхъ душъ, съ которыми Онъ соеди-
нится прежде конца.

Для другихъ же если и возсіяетъ, какъ изрекли про-
повѣдники [истины],

То явится для нихъ какъ огонь, совершенно непри-
ступный,

Имѣющей испытать, каково дѣло каждаго,

И снова удалится отъ нихъ, какъ отъ недостойныхъ;

Они же воспріимутъ достойное мученіе.

При всемъ томъ здѣсь и тамъ Свѣтъ для душъ одинъ
и тотъ же;

Мы же, имѣя непросвѣщенные души, являемся тьмою.

Итакъ, если тотъ Свѣтъ, что для душъ, соединится съ
моею душою,

То онъ либо погаснетъ и сдѣлается тьмою,

Либо душа моя, просвѣтившись, будетъ какъ свѣтъ.

Ибо когда свѣтъ возжигается, тьма тотчасъ убѣгаетъ.
Таково вѣдь свойство и чувственнаго свѣта.
Если же этотъ произведенный свѣтъ ¹⁾ совершаетъ въ
тебѣ то,
Что и очи твои просвѣщаетъ, и душу увеселяетъ,
И даетъ тебѣ видѣть, чего ты прежде не видѣлъ;
То чего не содѣлаетъ, возсіявъ въ душѣ (твоей), Тво-
рецъ его.
Сказавшій: да будетъ свѣтъ, и онъ тотчасъ произошелъ?
Итакъ, какъ тебѣ кажется, если Онъ умно возсіяетъ въ
твоемъ сердцѣ
Или въ умѣ, какъ молнія или какъ великое солнце ²⁾;
То что Онъ можетъ сдѣлать душѣ озаренной? ³⁾
Не просвѣтитъ ли ее и не дастъ ли (ей)
Точно познать того, Кто Онъ есть?
Ей, вопстину такъ бываетъ и такъ совершается,
Такъ открывается благодать Духа,
И чрезъ Него и въ Немъ—и Сынъ со Отцомъ.
И (таковой человѣкъ) видитъ Ихъ, насколько возможно
(ему) видѣть,
И тогда отъ Ихъ тому, что касается Ихъ, онъ неиз-
реченно
Научается, и вѣщаетъ, и всѣмъ другимъ (то) описы-
ваетъ.
Излагая богоприличные догматы, какъ всѣ
Предшествовавшіе Святые Отцы учатъ;
Ибо такимъ образомъ они божественный символъ сло-
жили.
Сдѣлавшись таковыми, какъ мы сказали, они
Вѣщали и говорили съ Богомъ и о Богѣ.
Ибо кто богословствовалъ о Троицескомъ единствѣ,
Или кто низложилъ ереси, не сдѣлавшись таковымъ?
Или кто былъ названъ святымъ, не приближившись
Святаго
Духа?—Никто никогда; такъ какъ мысленный Свѣтъ
ощутительно

¹⁾ Въ II. р. *τὸ φῶς τὸ αἰσθητὸν*—чувственный свѣтъ.

²⁾ Въмѣсто *μέγας* въ II. к. читается *ἰμείρας*, т. е. какъ солнце днемъ.

³⁾ Въ II. р. не *τῇ ἐλλαμφρέσει*, но *τῇ ἐλλάμψει*, т. е. чрезъ озареніе.

Обыкновенно приходитъ къ тѣмъ, къ которымъ Онъ
прибудетъ.

Говорящіе же, что они приобщаются Его безъ чувства,
Сами себя въ дѣйствительности называютъ безчув-
ственными.

А мы (называемъ) ихъ мертвыми, лишенными жизни,
Хотя они и мнятъ, что живутъ. О обольщеніе! о безуміе!

Но, о Свѣте, возсіяй въ нихъ, возсіяй, чтобы, увидѣвъ
(Тебя),

Они дѣйствительно убѣдились, что Ты воистину—свѣтъ,
И тѣхъ, съ которыми Ты соединяешься, уподобляешь
Себѣ и содѣлываешь какъ бы свѣтомъ.

О чадо ¹⁾, Я всегда сію предъ лицомъ вѣрныхъ,
Но они не хотятъ (Меня) видѣть, или лучше закры-
ваютъ глаза,

Не желая воззрѣть на Меня,
И отвращаютъ лица въ другую сторону.
Вмѣстѣ съ ними и Я поворачиваюсь, становясь предъ
ними,

Но они снова бросаютъ взоръ въ другую сторону,
И [такимъ образомъ] совершенно не видятъ свѣта лица
Моего.

Одни изъ нихъ покрываютъ лица покрывами,
Другіе же убѣгаютъ прочь, совершенно ненавидя Меня.
Итакъ, что дѣлать мнѣ съ ними?—Я совершенно недо-
умѣваю.

Ибо спасти ихъ безъ (ихъ) воли и по принужденію—
Это показалось бы скорбнымъ для не желающихъ спа-
стись.

Вѣдь добро воистину будетъ добромъ (только) по волѣ,
Безъ воли же добро не будетъ добромъ.

Поэтому желающихъ и Я вижу и (ими) видимъ бываю,
И дѣлаю ихъ сонаслѣдниками царствія Моего.

Не желающихъ же Я оставляю съ ихъ желаніемъ въ
мірѣ семъ.

И они сами прежде суда бывають своими судіями,

¹⁾ Здѣсь, понятно, св. Отецъ пишетъ какъ бы отъ лица Духа Святаго или Христа—мысленнаго Свѣта, обращающагося къ пр. Симеону съ от-
вѣтомъ.

Такъ какъ въ то время, когда сіялъ Я—Свѣтъ непри-
ступный,
Они одни сами себѣ причинили тьму,
Не желая видѣть Свѣта и оставшись во тьмѣ.

XVIII.

Алфавитъ въ двустисіяхъ ¹⁾, побуждающій и наста-
вляющій недавно удалившагося отъ міра восходить
къ совершенству жизни ²⁾.

Началомъ (*Ἀρχή*) положивъ Христа и горячую вѣру,
удались, такимъ образомъ, отъ міра.

Бѣгаи (*Βάδιζε φεύγων*) сродниковъ и друзей,
ибо это для новоначальныхъ полезно.

Свободный (*Γυμνός*) отъ (всего) вещественнаго, при-
ступи къ Невещественному,
ибо ничего большаго ты не найдешь себѣ въ помощь.

Малодупіе (*Μειλίαν*) всякое отъ себя отбросивъ
(вѣдь ты прибѣгъ ко всемогущему Владыкѣ),

Надежду (*Ἐλπίδα*) же лучше несомнѣнную воспринявъ
(ибо Онъ печется даже о малыхъ птичкахъ),

Иго (*Ζυγόν*) легкое Господне понеси
(ибо велико воздаяніе будущее),

Насъ (*Ἠμᾶς*) всѣхъ смертныхъ туне спасающее [иго]
(ибо мы искуплены Божественною кровію)

И Богами (*Θεούς*) являющее силою Призывающаго,
ибо таково воплощеніе Владыки,

Дабы ты дѣломъ (*Ἐν ἔργῳ*) позналъ конецъ дѣлъ,—
то, что предивнѣе всего видимаго ³⁾.

Хорошее (*Καλόν*) для тебя приобрѣтеніе—отсѣченіе воли:
оно покажетъ тебя мученикомъ въ совѣсти.

Слова (*Λόγους*) Отца твоего (духовнаго) и повелѣнія
исполняй,

¹⁾ Букально: двойной алфавитъ—*διπλοῦς*. Такъ этотъ гимнъ названъ потому, что каждое двустисіе въ немъ начинается съ особой буквы алфавита по порядку; начальныя же буквы всѣхъ 24 двустисій составляютъ полный греческ. алфавитъ.

²⁾ Въ П. к. это 5 слово; въ л. же п. 6 глава, которая, весьма понятно почему, не названа алфавитомъ, а просто: *Præscriptioes, quibus tyro monachus etc.*

³⁾ Т. е. обоженіе человѣка чрезъ воплощеніе Сына Божія.

ибо они непреткновенно наставляют тебя на путь

Даже до (*Μέχρι*) смерти; велика высота этого [подвига];
но Богъ ¹⁾ явно ради тебя и это содѣлалъ.

Считай (*Νόμιζε*) себя худшимъ всѣхъ
(это сдѣласть тебя первымъ во царствіи),

Странникомъ (*Ξένος*), нищимъ и низшимъ другихъ;
велики эти (добродѣтели), если исправишь (ихъ).

Ты весь (" *Όλος*) будешь [тогда] подражателемъ Владыки,
а что выгле этого?

Всякаго (*Πάντα*) исправляетъ повседневный плачь:
вѣдь онъ слаще пищи и питья:

Познанію преходящаго (*Ρεόντων*) и пребывающаго онъ
научаетъ,

ибо прежде всего отъ міра удаляетъ.

Упражняйся въ безмолвіи (*Σιωπήν*), хранящемъ (все)
это,

ибо оно посягаетъ всевозможные безполезные корни.

Память (*Τήν μνήμην*) смертную постоянно имѣй,
ибо она есть виновница смиренія.

Отсюда (" *Υφ' ὧν*) очистившись и просвѣтившись серд-
цемъ

(о чудо, для всѣхъ искомое!),

Ты свѣтъ (*Φῶς*) Божественный удостоишься ясно
увидѣть;

вѣдь онъ есть невещественный лучъ (*βέλος*) отъ Невеще-
ственного.

Христось (*Χριστός*) же есть совершенная любовь;
имѣющій Его по усыновленію Богомъ является.

Души (*Ψυχάς*), ищущія Его, Онъ просвѣщаетъ;
онѣ одиѣ живы будутъ—никто не прельщайся.

О (*Ἔω*) любовь Боготворящая, которая есть Богъ ²⁾—
даръ таинственно подаваемый достойнымъ; ³⁾

Она—(нѣчто) изумительное и вещь не легко обрѣ-
таемая.

1) Въ П. р. *Χριστός*, а не *θεός*.

2) Въ П. р. не *θεός οὐρα*, но *θεοῦ οὐρα*, т. е. Богу присущая.

3) *ἁπλῶν μυστικῶς δωρούμενον ἀξίους*—строка эта взята пѣз П. р.

XIX.

НАСТАВЛЕНІЕ МОНАХАМЪ, НЕДАВНО ОТРЕКШИМСЯ МІРА И ТОГО, ЧТО ВЪ МІРѢ; И О ТОМЪ, КАКУЮ ДОЛЖНО ИМѢТЬ ВЪРЪ КЪ ОЦУ СВОЕМУ (ДУХОВНОМУ) ¹⁾.

Оставь весь міръ и то, что въ мірѣ, одинъ блаженный плачь восприми, оплакивай только ²⁾ свои злыя дѣянія, потому что они лишили тебя Творца всѣхъ—Христа и (сообщества) святыхъ (Его). Кромѣ этого, ни о чемъ другомъ не заботься. Даже тѣло твое да будетъ для тебя какъ бы чужимъ. Смотри внизъ, какъ осужденный и ведомый на смерть, всегда воздыхай изъ глубины сердца. Лицо свое омывай однимъ только слезами. Ноги же, текшія на худыи (дѣла), отнюдь не омывай водою. А руки твои пусть будутъ у тебя согбенными; къ Богу безстыдно не простирай ихъ, которыя ты часто употреблялъ для грѣха. Дерзкій языкъ по возможности сдерживай (ибо онъ весьма проворенъ на грѣхъ), потому что изъ-за него одного многіе даже изъ великихъ (людей), сбившись съ праваго пути, потеряли царство небесное. Прежде же этого загради свои уши, чтобы не слышать ничего постыднаго и суетнаго; тогда, быть можетъ, ты и языкомъ овладеешь. Слушай только наставленія отца твоего (духовнаго), давай ему смиренныя отвѣты и, какъ Богу, открывай свои помыслы, ничего не скрывая даже до (грѣховныхъ) прираженій; ничего не дѣлай безъ его воли: не спи, не ѣшь и не пей. И когда благовременно ты это соблюдаешь, то не станешь мнить, что совершилъ что-либо великое; ибо (хотя) и посѣялъ ты въ потъ и трудъ, но плода трудовъ своихъ ты еще не собралъ. Поэтому не обольщайся и не думай ³⁾, что нашелъ (искомое), прежде чѣмъ не стяжалъ ты душевныхъ очей и ушей сердца твоего не очистилъ слезами своими, омывъ ихъ отъ нечистоты, и (прежде чѣмъ) не сталъ видѣть и слышать духовно ⁴⁾, и не

¹⁾ Въ П. р. слово 4; въ л. п. 5 глава.

²⁾ Въ П. р. вмѣсто *дѣловъ* читается *рѣва...* (*прорудѣна*)—плачь объ одномъ...

³⁾ Въ П. р. *дѣсанъ обрѣтѣна*, т. е. (не обольщайся), что ты обрѣлъ славу.

⁴⁾ Дальнѣйшія фразы до словъ: „Видѣть же такимъ образомъ“... взяты только изъ л. п.

началь чувствами внутри измѣняться. Ибо многое ты увидишь, чего невозможно высказать, и гораздо больше еще услышишь, и притомъ необычайнаго, чего языкомъ не сможешь выразить. Видѣть же такимъ образомъ есть чудо изъ чудесъ ¹⁾. Такой (человѣкъ) ничего плотскаго никогда не помышляетъ, землю же онъ понираваетъ, какъ бы шествуя по воздуху, и все видитъ даже до безднъ, вникая во всѣ творенія; онъ познаетъ Бога и, пораженный страхомъ, какъ Творцу, поклоняется (Ему) и прославляетъ (Его). А великое дѣло познать (Его) власть и могущество, хотя всѣ думаютъ, что знаютъ это; однако, не сомнѣвайся, весьма многіе обольщаются. Это знаютъ одни только просвѣщенные, всѣ же другіе (о ужасное невѣдшіе!) омрачены еще большею тьмою, чѣмъ демоны.

Но, о Господи и Творче всѣхъ! Ты, создавшій меня изъ земли смертнымъ существомъ и почтившій богатію безсмертія, даровавшій мнѣ жизнь, и рѣчь, и движеніе, и (возможность) прославлять Тебя — Владыку всяческихъ, Самъ, Владыко, дай мнѣ несчастному, припадая къ Тебѣ, просить (себѣ) полезнаго. Ибо не знаю я ни того, какъ въ этотъ міръ я пришелъ, ни того, что такое здѣсь то, что (люди) считаютъ существующимъ. Не могу сказать я, о Боже мой, что такое зрѣніе мое и что такое видимые (мною) предметы. Какъ осветились мы всѣ люди, и не имѣемъ правильнаго сужденія о сущемъ? Вчера пришелъ я (сюда), завтра отойду, а думаю, что буду существовать здѣсь безсмертно. Предъ всѣми исповѣдую Тебя Богомъ моимъ, дѣлами же отрицаюсь Тебя повседневно (Тит. 1, 16). Учю, что Ты — Творецъ всего, и однако усиливаюсь имѣть все независимо отъ Тебя. Ты царствуешь надъ вышними и нижними, и одинъ только я не трепещу противиться Тебѣ. Дай мнѣ безпомощному, дай мнѣ несчастнѣйшему отвергнуть всякій порокъ души, которую, увы мнѣ, умаляютъ вмѣстѣ и сокрушаютъ гордость и пустая надменность. Даруй (мнѣ) смиреніе, дай руку помощи, очисти скверну души моей и подай мнѣ покаинныя слезы, слезы желанныя, слезы спасительныя, слезы

¹⁾ Въ л. п. эта мысль пложена пространнѣе: „Итакъ, чудная и удивленія достойная вещь — слышать духовно и видѣть также духовно, (это) величайшее изъ чудесъ“.

очищающія мракъ ума моего и снова содѣвающія меня (яснымъ) и свѣтлымъ, желающимъ видѣть Тебя—Свѣтъ міра, Свѣтъ очей моихъ, моихъ (говорю)—мня жалкаго, имѣющаго сердце исполненное житейскихъ зель, многихъ скорбей и неприязни къ тѣмъ, которые причинили мнѣ изгнаніе ¹⁾, лучше же сказать къ моимъ благодѣтелямъ, владыкамъ и поистинѣ друзьямъ моимъ. За зло воздай имъ, Христе мой, благами вѣчными, богатыми и божественными, которыя на вѣки вѣковъ Ты уготовалъ вседѣлвающимъ Тебя и отъ души любящимъ.

XX.

Каковымъ должно быть монаху, и какое его дѣланіе, или прѣспѣваніе и восхожденіе ²⁾.

Содѣлай домъ души твоей палатою въ жилище Христу—Царю всяческихъ—каплями слезъ твоихъ, воплями, рыданіями, колѣнопреклоненіями и частыми вздохами, если желаешь, о монаше, быть поистинѣ монахомъ (*μονάζων*). И тогда ты не будешь и одинокимъ (*μονάζων*), такъ какъ будешь со-пребывать съ Царемъ, и одинокимъ будешь подобно намъ, какъ отдѣлившійся отъ людей и всего міра; это, конечно, и (значитъ) монахъ (*μονάζων*). Соединившись же съ Богомъ и Царемъ, ты не одинокимъ (*ὄν μονάζων*) сдѣлаешься, но сопричтенъ ко всемъ святымъ, сталъ сожителемъ Ангеловъ, совесельникомъ праведниковъ и поистинѣ сонаслѣдникомъ всѣхъ небожителей. Итакъ, какимъ образомъ ты одинокъ, когда ты имѣешь жительство тамъ, гдѣ соборъ мучениковъ и преподобныхъ, гдѣ ликъ пророковъ и божественныхъ Апостоловъ, гдѣ безчисленное множество праведныхъ, іерарховъ, патріарховъ и прочихъ святыхъ? Имѣющій же (еще) Христа живущимъ въ себѣ какъ можетъ быть названъ единственнымъ, скажите мнѣ? Вѣдь со Христомъ моимъ сопребываетъ Отецъ и Духъ. Какъ же одинокъ (*μονάζων*) тотъ, кто съ тремя соединенъ, какъ съ однимъ? Соединившійся съ Богомъ не—одинъ, хотя бы онъ и одинокъ былъ,

¹⁾ Ближе: сочинили или разыграли драму моего изгнанія—*τὸν δραματοποιῶν τῆς ἐμῆς ἐξορίας*. Объ изгнаніи Симеона см. въ житіи его.

²⁾ Въ II. к. 27 слово; въ л. п. 18 глава.

хотя бы сидѣлъ въ пустынѣ или находился въ пещерѣ. Если же кто не обрѣлъ Его, не позналъ, не воспринялъ Его всего—воплощеннаго Бога Слова, тотъ совершенно, горе мнѣ! не сдѣлался монахомъ; поэтому онъ-то и есть одинъ, (какъ) отдѣленный и разлученный отъ Бога. Также каждый изъ насъ порознь и всѣ мы (люди такого духа) ¹⁾ отдѣлены, конечно, отъ другихъ людей, и являемся сирыми и разединенными, хотя намъ и кажется, что мы имѣемъ единеніе чрезъ сожитіе и сообщаемся другъ съ другомъ во многочисленныхъ собраніяхъ. Ибо духомъ и тѣломъ мы отдѣлены (другъ отъ друга), и что это вѣрно, показываетъ смерть, разлучая каждаго отъ сродниковъ и друзей и принося забвеніе всѣхъ нынѣ любимыхъ. Такъ и ночь, и сонъ, и дѣла житейскія естественно расторгаютъ единеніе многихъ. Кто же чрезъ добродѣтель сдѣлалъ келлію свою небомъ, тотъ, и сидя въ ней, созерцаетъ и видитъ Творца неба и земли, и поклоняется (Ему), всегда сопребывая со Свѣтомъ незаходимымъ, Свѣтомъ невечернимъ, Свѣтомъ непреступнымъ, отъ Котораго онъ никомъ образомъ не отлучается и вовсе не удаляется ни днемъ ни ночью, ни въ пищѣ ни въ питіи, ни даже во снѣ, либо въ пути, или при перемѣнѣ мѣста, но какъ живой, такъ и мертвый, говоря же яснѣе—совершенно вѣчно сопребываетъ съ Нимъ душою. Ибо какъ невѣста разлучится отъ жениха, или мужъ отъ жены, съ которой онъ сочетался однажды? Законодатель, скажи мнѣ, не соблюдеть ли закона? Сказавшій: „и будетъ два въ плоть едину“ (Быт. 2, 24) какъ Самъ не станетъ съ нею (душою) совершенно (единнымъ) духомъ? Ибо жена въ мужѣ, и мужъ въ женѣ, и душа въ Богѣ, но и Богъ въ душѣ—соединяется и познается во всѣхъ святыхъ.

Такъ соединяются съ Богомъ тѣ, которые, очищая чрезъ покаянiе свои души въ этомъ мірѣ и удаляясь отъ другихъ, дѣлаются монахами. Они воспринимаютъ умъ Христовъ, т. е. совершенно нелживыя уста и языкъ, посредствомъ котораго бесѣдуютъ съ Отцомъ Вседержителемъ и всегда вопіютъ: о Отче, Всецарю и Творче всѣхъ! Келлія у нихъ есть небо, а (сами) они являются солнцемъ, и въ нихъ пребываетъ Свѣтъ незаходимый и Божественный, Ко-

¹⁾ Это поясненіе взято изъ л. н., гдѣ вставлено: qui hoc animo sumus.

торый просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ сей и рождающагося отъ Духа Святаго (Іоан. 1, 9). Итакъ, въ нихъ нѣтъ ночи, но какимъ образомъ—я не могу тебѣ сказать. Ибо я дрожу, пиша тебѣ это, и помышляя, трепещу; но я изъясняю тебѣ, какъ и какимъ образомъ живутъ служащіе Богу и Его одного, вмѣсто всего, взыскавшіе и обрѣтшіе, Его одного возлюбившіе, съ Нимъ однимъ соединившіеся и содѣлавшіеся монахами, какъ одни—съ Однимъ, (хотя бы они и остались среди большого собранія народа) ¹⁾. (Ибо поистинѣ тѣ суть монахи и одни только тѣ уединяющіеся) ²⁾, которые (пробываютъ) съ однимъ Богомъ и одни въ Богѣ ³⁾, обнажившіеся отъ всевозможныхъ помышлений и помысловъ и созерцая одного только Бога въ умѣ безмысленномъ (*ἀνενοήτως*), утвердившемся во свѣтѣ, подобно тому какъ стрѣла въ стѣнѣ, или звѣзда на небѣ, или не знаю, какъ (иначе еще) сказать. Однако они живутъ въ (своихъ) келліяхъ, какъ въ нѣкоемъ свѣтломъ чертогѣ, и думаютъ, что пребываютъ на небѣ, или же ⁴⁾ и поистинѣ (тамъ) пребываютъ. Смотри, не окажись невѣрующимъ. Ибо они не находятся на землѣ, хотя и держимы землею, но живутъ во свѣтѣ будущаго вѣка, въ которомъ витаютъ и шествуютъ Ангелы, которымъ восхищаются начала и власти, и укрѣпляются всѣ престолы и господства. Ибо хотя Богъ почиваетъ во святыхъ (Своихъ), но и святые въ Богѣ и живутъ и движутся ⁵⁾, ходя во свѣтѣ, о чудо, какъ бы по твердой землѣ, какъ Ангелы и сыны Вышняго. Послѣ смерти они будутъ Богами, сопребывающими съ Богомъ, съ Тѣмъ, Кто по естеству Богъ,—тѣ, которые уподобились Ему по усыновленію. Нынѣ же они въ томъ только Ему уступаютъ, что удерживаются тѣломъ, будучи, увы мнѣ, покрываемы и окутываемы имъ,

1) Взято изъ л. н.: *quavis in frequenti populo sint relictī.*

2) Оттуда же.

3) *Οἱ μετὰ μόνον τοῦ Θεοῦ καὶ ἐν Θεῷ δὲ μόνον*—такъ читается эта фраза въ П. р.; въ печатномъ же греческ. текстѣ она опущена, очевидно, просто по недосмотру.

4) Если принять чтеніе П. к., гдѣ вмѣсто *ἢ* стоитъ *εἰ*, то эту фразу надо передать въ видѣ условнаго предложія: если же поистинѣ они живутъ тамъ, то смотри и пр.

5) Въ П. к. вмѣсто *κινῶνται* читается *κοιμῶνται*, т. е. и живутъ и познаются.

какъ узники въ темницѣ, которые хотя и видятъ солнце и лучи его, проникающіе чрезъ скважину, но всего его не могутъ созерцать или видѣть, вышедши изъ темницы, или, выглядывая, свободно смотрѣть на воздухъ. И вотъ это-то и печалитъ ихъ (и сокрушаетъ), что они не видятъ всего Христа, хотя и всего видятъ, и что не могутъ избавиться отъ узъ тѣла, хотя и освободились отъ страстей и всякаго пристрастія; но освободившись отъ многого, они удерживаемы бываютъ однимъ. Ибо тотъ, кто связанъ многими узами, не надѣется разрѣшиться отъ нихъ; а кто смогъ разорвать весьма многія изъ узъ, а (все еще) удерживается однимъ (чѣмъ-нибудь), тотъ скорбитъ еще болѣе прочихъ и всегда усердно ищетъ избавиться (также) и отъ того, чтобы явиться свободнымъ, дабы ходить, радуясь, и поспѣшно направиться къ тому, кого онъ возлюбилъ и ради кого стремился разрѣшиться отъ узъ. Итакъ, будемъ и мы всѣ искать Того одного, Кто можетъ освободить насъ отъ узъ; Его-то и возлюбимъ, Того, красота Котораго изумляетъ всякій умъ, поражаетъ всякое сердце, уязвляетъ (всякую) душу и, вознося (какъ бы на крыльяхъ) къ любви, тѣсно связываетъ и соединяетъ съ Богомъ на вѣки.

Ей, братія мои, теките къ Нему дѣянiями. Ей, други, станьте и не отставайте. Не прекословьте намъ, обольщая себя самихъ. Не говорите, что невозможно воспринять Божественнаго Духа. Не говорите, что возможно спастись и безъ Него. Не говорите поэтому и того, что кто-либо дѣлается причастникомъ Его въ невѣдѣніи. Не говорите, что Богъ не бываетъ видимъ людьми. Не говорите, что люди не видятъ Божественнаго свѣта, или что это невозможно въ настоящее время. Никогда, друзья, это не было невозможнымъ, но и весьма даже возможно для желающихъ, для тѣхъ исключительно, которые, проводя жизнь въ очищенiи отъ страстей, содѣлали чистыми умныя очи. Для прочихъ же грѣховная скверна постигъ (бываетъ) слѣпотою, которая и здѣсь и тамъ лишитъ ихъ Божественнаго свѣта и, не обольщайтесь, пошлетъ ихъ въ огонь и во тьму. Не видите ли, друзья, каковъ и сколь прекрасенъ Владыка! О не смежайте (очей) ума, взирая на землю! О не поработайтесь заботами о земныхъ дѣлахъ и имуществвахъ и желанiемъ славы, оставляя этотъ Свѣтъ жизни вѣчной. Ей,

други, придите и вознесемъ вмѣстѣ со мною, не тѣломъ, но умомъ, душою и сердцемъ, въ смиреніи и сокрушеніи сердца взывая къ щедролюбивому и единому Человѣколюбцу Богу; и Онъ непременно услышитъ и помилуется, Онъ непременно откроется и явится, и покажетъ намъ Свой ясный свѣтъ. Зачѣмъ вы, жалкіе, лѣвнители и нерадѣете? Зачѣмъ предпочитаете покой тѣла и славу, безчестную и безславную, пустую и суетную? Зачѣмъ добродѣтельную жизнь называете (праздною и) беззаботною?—Не такъ это, братія, не такъ, не обольщайтесь. Но какъ проводящіе (свѣтскую) жизнь, имѣющіе женъ и дѣтей и домогашіеся богатства и временной славы стараются и стремятся удовлетворить свои желанія; такъ и всякій кающійся и служащій Богу долженъ стараться и всегда заботиться о томъ, чтобы покаеніе его было благопріятнымъ и служеніе благоугоднымъ и совершеннымъ. Тогда, совершенно присвоившись чрезъ нихъ Богу, онъ всецѣло соединяется (съ Нимъ) и видитъ Его въ лицо, и получаетъ дерзновеніе къ Нему соразмѣрно тому, поскольку старается исполнять Его волю, которую и мы да сподобимся сотворить и получить милость со всѣми святыми нынѣ, насколько возможно въ семь вѣкѣ, тамъ же мы примемъ всего Христа и всего Божественнаго Духа со Отцомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXI.

Объ умномъ откровеніи дѣйствій Божественнаго свѣта и объ умномъ и Божественномъ дѣланіи добродѣтельной жизни ¹⁾.

Оставьте меня одного заключеннымъ въ келліи; отпустите меня съ однимъ Человѣколюбцемъ - Богомъ; отступите, удалитесь, позвольте мнѣ умереть одному предъ (лицомъ) Бога, создавшаго меня. Никто пусть не стучится (ко мнѣ) въ дверь и не подаетъ голоса; пусть никто изъ сродниковъ и друзей не посѣщаетъ меня; никто пусть не отвлекаетъ насильно мою мысль отъ созерцанія благаго и прекраснаго Владыки; никто пусть не даетъ мнѣ пищи и не приприситъ питья; ибо довольно для меня умереть предъ (лицомъ) Бога моего, Бога

¹⁾ Въ П. р. 28 слово; въ л. п. 19 глава.

милостиваго и челоуѣколюбиваго, сошедшаго на землю призвать грѣшниковъ и ввести ихъ съ Собою въ жизнь Божественную. Я не хочу болѣе видѣть свѣтъ міра сего, ни самого солнца, ни того, что находится въ мірѣ. Ибо я вижу Владыку моего и Царя, вижу Того, Кто поистинѣ есть Свѣтъ и Творецъ всякаго свѣта. Вижу источникъ всякаго блага и причину всего. Вижу то безначальное Начало, отъ котораго произошло все, чрезъ которое все оживляется и исполняется пищи. Ибо по Его желанію все приходитъ въ бытіе и дѣлается видимымъ и по волѣ Его все (исчезаетъ и) прекращается. Итакъ, какъ же я, оставивъ Его, выйду изъ келліи? Оставьте меня, я буду рыдать и оплакивать тѣ дни и ночи, которые я потерялъ, когда смотрѣлъ на міръ сей, смотрѣлъ на это солнце и на этотъ чувственный и мрачный свѣтъ міра, который не просвѣщаетъ душу, безъ котораго живутъ въ мірѣ и слѣпые также очами, которые, преставившись (отсюда), будутъ такими же, какъ и зрячіе нынѣ. Въ этомъ свѣтѣ и я, прельщаясь, всячески увеселяясь, совершенно не помышляя, что есть иной Свѣтъ, Который, какъ сказано, есть и жизнь и причина бытія какъ того, что существуетъ, такъ и того, что будетъ, конечно, существовать. Итакъ, я былъ какъ бы безбожникомъ, не вѣдая Бога моего. Нынѣ же, когда Онъ по неизреченному благоутробію благоволилъ стать видимымъ для меня несчастнаго и открыться, я увидѣлъ и позналъ, что Онъ воистину есть Богъ всѣхъ, Богъ, Котораго никто изъ людей въ мірѣ не видѣлъ. Ибо Онъ—внѣ міра, внѣ свѣта и тьмы, внѣ воздуха и внѣ всякаго чувства. Поэтому и я, видя Его, сталъ превыше чувствъ. Итакъ, вы, находящіеся во власти чувствъ, позвольте мнѣ не только запереть келлію и сидѣть внутри ея, но даже, вырвыши подъ землею яму, скрыться (въ ней). Я буду жить тамъ внѣ всего міра, созерцая безсмертнаго Владыку моего и Создателя; я хочу умереть изъ—за любви (къ Нему), зная, что я не умру. Итакъ, какую пользу принесъ мнѣ міръ? и что приобретаютъ нынѣ тѣ, которые пахотятся въ мірѣ?—Поистинѣ ничего, но нагими вселившись во гробахъ, они нагими и воскреснутъ, и всѣ восплачутъ о томъ, что, оставивъ истинную жизнь, свѣтъ міра,—оставивъ Христа, говорю, они возлюбили тьму, и въ ней предпочли ходить всѣ тѣ, которые не восприняли Свѣта, возсіявшаго въ мірѣ, Кото-

раго міръ не вмѣщаетъ и не можетъ видѣть (Іоан. 3, 19 и слѣд.). Поэтому оставьте и отпустите меня одного, умоляю,— плакать и искать Его, чтобы Онъ богато дарованъ былъ мнѣ и изобильно явился. Ибо Онъ не только видимъ бываетъ и созерцается, но и преподается, и обитаетъ, и пребываетъ, являясь какъ бы сокровищемъ, скрытымъ въ нѣдрѣ. Носящій его веселится и видящій его радуется¹⁾, (думая, что хотя оно и сокрыто, но видится всѣми; однако оно не видится ясно и неприкосновенно для всѣхъ). Его ни воръ не можетъ отнять, ни разбойникъ похитить, хотя бы онъ и умертвилъ того, кто его носитъ. Напрасно бы онъ трудился, если бы, желая отнять его, осмотрѣлъ кошелекъ, обыскалъ одежды и развязалъ поясъ, свободно ища его. Если бы (даже), распоровъ животъ, онъ оцупалъ внутренности, то (и тогда) никоимъ образомъ не могъ бы найти его или взять. Ибо оно невидимо и не держимо руками, неосвязаемо и вмѣстѣ вполне осязаемо. Однако оно и руками держимо бываетъ только тѣхъ, которые достойны, (недостойные же, прочь удалитесь) и лежитъ на ладони, и какъ нѣчто, о чудо! и какъ не нѣчто, ибо имени оно не имѣетъ. Итакъ, пораженный и желая удержать его, я думаю сжимая руку, что имѣю его и держу; но²⁾ оно ускользнуло, будучи никоимъ образомъ не удержимо моею рукою; огорченный, я разнялъ пясть руки своей и снова увидѣлъ въ ней то, что и прежде видѣлъ... О неизреченное чудо! о чудное таинство!

Зачѣмъ всѣ мы все маемся? зачѣмъ обольщаемся? Будучи почтены словомъ съ умнымъ чувствомъ, зачѣмъ мы льнемъ къ этому безчувственному свѣту? Имѣя совершенно невещественную и безсмертную душу, зачѣмъ мы заглядываемся на эти вещественные и тлѣнные (предметы)? Зачѣмъ мы удивляемся, будучи совершенно безчувственны, и какъ слѣпцы, предпочитаемъ тяжелый (слитокъ) желѣза и этотъ большой (кусокъ) тѣста небольшому (количеству) золота или драгоценной жемчужинѣ, какъ вещамъ безцѣннымъ, и не ищемъ малаго горчичнаго зерна, которое драгоценнѣе и превосходнѣе всѣхъ тварей и вещей, какъ видимыхъ такъ и невидимыхъ? Почему мы не отдаемъ всего и не приобретаемъ

¹⁾ То, что далѣе, поставленное въ скобкахъ изъ л. п.

²⁾ Въ л. п. нѣтъ дальнѣйшихъ фразъ до словъ: „я снова увидѣлъ“...

его, и отчего готовы остаться въ жизни, не стяжавъ его? Повѣрьте, что лучше многократно умирать, если бы это было возможно, только бы приобрѣсти его—это малое, говорю, зерно.

Горе тѣмъ, которые не имѣютъ его всѣяннымъ въ глубинѣ души своей, ибо они сильно взалчутъ. Горе тѣмъ, которые не видѣли, чтобы оно проросло въ нихъ, такъ какъ они будутъ стоять, какъ деревья безъ листьевъ. Горе тѣмъ которые не вѣруютъ слову Господню, что оно дѣлается деревомъ и пускаетъ вѣтви, и не ищутъ прилежно чрезъ храненіе ума повседнежнаго приращенія этого малого зерна; такъ какъ въ воздѣлываніи его они останутся ни съ чѣмъ, какъ тотъ рабъ, который свой талантъ зарылъ неразумно (Мѣ. 25, 25). Однимъ изъ таковыхъ являюсь и я, повседневно нерадѣющій.

Но, о нераздѣльная Троица и несліянная Единица! о Свѣтъ ¹⁾ тріипостасный, Отче, Сыне и Душе, о Начало начала и власть безначальная, о Свѣтъ неизмененный, какъ совершенно безымянный, и съ другой стороны многоименный, какъ все совершающій, о единая слава, начальство, держава и царство, о Свѣтъ [существующій] какъ единая воля, разумъ, совѣтъ и сила, помилуй, сжался надо мною сокрушеннымъ. Ибо какъ мнѣ не сокрушаться, какъ не печалиться, когда я легкомысленно презрѣлъ столь великую благость и милосердіе Твое, безразсудно, несчастный, и нерадиво ходя путемъ Твоихъ заповѣдей? Но и нынѣ, Боже мой, благоутробно сжался и помилуй меня, возгрѣй ту теплоту сердца моего, которую погасилъ покой жалкой плоти моей, сонъ, сытость чрева и неумѣренность въ винѣ. Все это совершенно погасило пламень души моей и иссушило живой источникъ слезъ. Ибо теплота рождаетъ огонь, огонь же этотъ обратно—теплоту, и изъ обоихъ возжигается пламя, [и является] источникъ слезъ. Пламя производитъ потоки (слезъ), а эти потоки пламя; къ нимъ возводило меня старательное упражненіе въ Божественныхъ Твоихъ заповѣдяхъ. Съ другой стороны соблюденіе предписаній, при содѣйствіи покаянія, ставило меня на границѣ между (*ἐν μέσῳ*) настоящимъ и будущимъ. Поэтому, оказавшись внезапно внѣ видимыхъ

¹⁾ Этихъ словъ до: „о Свѣтъ неизмененный“ нѣтъ въ л. п.

вещей, я впалъ въ страхъ, видя, откуда я исторгнутъ. А будущее я видѣлъ весьма далеко, и когда я хотѣлъ его уловить, (у меня) возгорѣлся огонь любви, и мало-по-малу неизъяснимымъ образомъ превратился для зрѣнія въ пламя, сперва (только) въ умъ моемъ, а потомъ и въ сердцѣ. Это пламя Божественной любви обильно источало (во мнѣ) слезы, и вмѣстѣ съ ними доставляло мнѣ невыразимое услажденіе. Итакъ, когда я, увѣренный въ себѣ, что пламя нискимъ образомъ не погаснетъ (вѣдь оно горитъ хорошо, говорилъ я), и вознерадѣвъ, неразумно поработился ску и насыщенію чрева, и давъ (себѣ) послабленіе, сталъ побольше употреблять вина, не допьяна напиваясь, однако досыта; немедленно угасла (во мнѣ) любовь въ сердцѣ—это страшное чудо, то пламя, которое, достигая до небесъ, хотя и сильно во мнѣ горѣло, однако не сожигало находящагося въ нѣдрахъ (моихъ) сѣноподобнаго вещества, но все его, о чудо, превращало въ пламя; и сѣно, прикасаясь къ огню, совершенно не сгорало, но напротивъ огонь, охватывая собою сѣно, соединялся (съ нимъ), и все его сохранялъ невредимымъ.

О сила Божественнаго огня, о чудное дѣйствіе! Ты, отъ одного страха лица Твоего разрушающій скалы и холмы, какъ Ты, Христе Боже мой, смѣливаешься съ сѣномъ, всецѣло Божественною сущностью, Ты—живущій во свѣтѣ совершенно нестерпимомъ, Боже мой? Какимъ образомъ, пребывая неизмѣннымъ и совершенно неприступнымъ, Ты сохраняешь вещество этого сѣна неопалимымъ, и ¹⁾ [въ то же время], сохраняя неизмѣннымъ, все его измѣняешь? И оно, оставаясь сѣномъ, есть свѣтъ, свѣтъ же тотъ не есть сѣно; но Ты, будучи свѣтомъ, неслиянно соединяешься съ сѣномъ, и сѣно, неизмѣнно измѣнившись, дѣлается, какъ свѣтъ. Я не выношу (того, чтобы) покрыть молчаніемъ чуда Твоего; я не могу не говорить о Твоемъ домостроительствѣ, которое Ты содѣлалъ со мною распутнымъ и блуднымъ, и не могу удержаться, чтобы не рассказывать всѣмъ, Искупителю мой, о неисчерпаемомъ богатствѣ Твоего человѣколюбія. Ибо я хочу, чтобы весь міръ почерпалъ отъ него, и чтобы никто не оставался совершенно лишеннымъ его. Но прежде, о Всецарю, возсіяй во мнѣ снова,

¹⁾ Дальѣйшаго предложенія нѣтъ въ л. п.

вселися и просвѣти смиренную душу мою; ясно покажи мнѣ ликъ Божества Твоего и весь невидимо явися мнѣ, о Боже мой. Ибо Ты не весь видишься мнѣ, хотя и весь являешься мнѣ. Будучи весь неуловимъ, Ты желаешь и бываешь для меня уловимымъ; будучи невмѣстимъ во вселенной, Ты поистинѣ дѣлаешься какъ бы малымъ въ рукахъ моихъ, и вращаемый въ устахъ моихъ, видишься сверкающимъ, какъ свѣтовидный сосецъ и сладость, о чудное таинство! Такъ и нынѣ дай мнѣ Себя, чтобы я насытился Тебя, чтобы поцѣловалъ и облобызалъ Твою неизреченную славу, свѣтъ лица Твоего, и наполнился (ихъ) и преподаль тогда и всѣмъ прочимъ, и преставившись, пришелъ къ Тебѣ весь прославленный. Сдѣлавшись отъ свѣта Твоего и самъ свѣтомъ, я (таковымъ) предстану Тебѣ, и тогда избавлюсь отъ этихъ многихъ золь и освобожусь отъ страха, такъ чтобы опять уже не измѣняться. Ей, дай мнѣ и это, Владыко, ей, даруй мнѣ (также) и это, туне все прочее мнѣ недостойному даровавший. Вѣдь это нужнѣе всего, это и есть все. Ибо хотя и нынѣ Ты видишься мнѣ, хотя и нынѣ Ты благоутробенъ (ко мнѣ), и просвѣщаешь меня, и таинственно обучаешь, и покрываешь, и хранишь державною Твоею рукою, и соприсутствуешь (мнѣ), и демоновъ въ бѣгство обращаешь и дѣлаешь невидимыми, и все мнѣ покоряешь, и все доставляешь мнѣ, и всѣхъ благъ исполняешь меня, о Боже мой; но отъ этого не будетъ мнѣ никакой пользы, если Ты не дашь мнѣ непостыдно пройти врата смерти. Если князь тьмы, придя, не увидитъ сопребывающую мню (Твою) славу, и не будетъ, омраченный, совершенно посрамленъ, бывъ опаленъ Твоимъ неприступнымъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ нимъ и всѣ сопротивныя силы не обратятся въ бѣгство, увидѣвъ (во мнѣ) знакъ печати Твоей, и я, уповая на Твою благодать, не преиду совершенно безтрепетно, и не припаду (къ Тебѣ), и не сокрушу ихъ; то какая мнѣ польза отъ того, что нынѣ во мнѣ совершается?—Поистинѣ никакой, но (это) возжжетъ для меня еще большій огонь. Ибо, надѣясь быть причастникомъ (Твоихъ) благъ и вѣчной славы, и рабомъ Твоимъ и другомъ, если сразу я лишусь всего и Тебя Самого ¹⁾, Христе мой; то какъ мученіе то не будетъ

¹⁾ καὶ σοῦ αὐτοῦ—такъ читается въ П. р.; въ печатномъ же текстѣ—безъ αὐτοῦ.

для меня болѣе тяжкимъ, чѣмъ невѣрнымъ, которые ни Тебя не познали, ни свѣта Твоего возсіявшаго не увидѣли, ни сладости Твоей не насытились? Если же мнѣ придется получить тотъ залогъ, достигнуть тѣхъ наградъ и почестей, которыя обѣщаль Ты, Христе, увѣровавшимъ въ Тебя, то и я тогда (также) блаженъ буду, и восхваляю Тебя—Сына со Отцомъ и Духа Святаго, единаго воистину Бога во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXII.

Божественныя вещи ясны (и открыты) однимъ только тѣмъ, съ которыми чрезъ причастіе Духа Святаго весь со всѣми соединился Богъ ¹⁾).

Скажи, откуда приходишь Ты и какъ входилъ внутрь келліи, отовсюду запертой? Вѣдь это—нѣчто необычное, превышающее умъ и слово. А то, что Ты весь внезапно внутри меня бываешь и свѣтишь, будучи видимъ свѣтообразнымъ, какъ полная свѣта луна,—это, Боже мой, изумляетъ меня и дѣлаетъ безгласнымъ. Знаю, что Ты—Тотъ, Кто пришелъ просвѣтить сѣдящихъ въ тѣмѣ (Лук. 1, 79), и ужа-саюсь, и лишаюсь мыслей и рѣчи, такъ какъ вижу необычайное чудо, превосходящее всякую тварь, всякую природу, всякое слово. Однако я повѣдаю нынѣ всѣмъ то, что Ты даруешь мнѣ сказать.

О всякій родъ людской! цари и князья, богатые и бѣдные, монахи и міряне, и всякій языкъ земнородныхъ, послушайте нынѣ меня, (намѣревающагося) говорить о величїи чело-вѣколюбїа Божїа ²⁾. Я согрѣшилъ предъ Нимъ, какъ никто другой въ мірѣ. Пусть не подумаетъ кто-либо, что я говорю это по смиренїю. Ибо поистинѣ я согрѣшилъ болѣе всѣхъ людей, я содѣлалъ, говоря тебѣ кратко, всякое грѣховное и злое дѣяніе. Однакоже Онъ призвалъ меня и тотчасъ, какъ я знаю, услышалъ. Но къ чему, полагалъ бы ты, Онъ при-звалъ меня? къ мірской ли славѣ, или къ роскоши и упо-коенїю? къ богатству ли, или къ дружбѣ князей, или къ чему-либо изъ того, что мы видимъ здѣсь въ жизни?—

¹⁾ Въ П. р. 29 слово; въ л. п. 20 глава.

²⁾ Въ П. р. *ἀκούσατε λαοὶν* и пр. и затѣмъ прибавлено: *διηγομένω*, т. е. внимайте говорящему и повѣствующему и пр.

Прочь клевета! Напротивъ къ покаянію Онъ, говорю я, призвалъ меня, и я тотчасъ послѣдовалъ зовущему Владыкѣ. Итакъ, за бѣгущимъ и я бѣжалъ, за текущимъ и я оиать¹⁾ гнался, какъ за зайцемъ—собака. Когда же Спаситель далеко ушелъ отъ меня и скрылся, я не предался отчаянію и, какъ потерявшій Его, не обратился вспять, но, сидя на томъ мѣстѣ, гдѣ я находился, плакалъ и рыдалъ, призывая скрывшагося отъ меня Владыку. Итакъ, когда я такъ бился и вопилъ, Онъ, весьма близко приблизившись ко мнѣ, сталъ для меня видимъ. Видя Его, я вскочилъ, стремясь ухватиться за Него. Но Онъ скоро убѣжалъ. Я побѣжалъ быстрѣе, и потому успѣлъ неоднократно уловить край (одежды) Его. Онъ немного остановился, (чему) я чрезвычайно обрадовался. И (снова) Онъ улетѣлъ, и я снова погнался. Такимъ образомъ, хотя и ушелъ приходившій и скрылся явившійся²⁾, но я отнюдь не обратился вспять, не облѣнился и не ослабилъ бѣга, никоимъ образомъ не считая Его за обманщика или искушителя моего; но всѣми силами своими и способностями сталъ искать Того, Кого (уже) не видѣлъ, осматривая пути и заборы, не явится ли Онъ (мнѣ) гдѣ-либо. Обливаясь слезами, я спрашивалъ о Немъ всѣхъ, нѣкогда видѣвшихъ Его. Но кого (это), предполагаешь ты, я говорю—спрашивалъ? Думаешь ли, что я (разумѣю) мудрецовъ и знатоковъ міра сего?—Конечно, нѣтъ; но—Пророковъ, Апостоловъ и Отцовъ, поистинѣ мудрыхъ, стяжавшихъ всю ту премудрость, которая есть Самъ Христосъ—Божія Премудрость. Итакъ, со слезами и великою скорбью сердца я упрашивалъ ихъ сказать мнѣ, гдѣ они нѣкогда видѣли Его, или въ какомъ мѣстѣ, или какъ и какимъ образомъ. (Выслушавъ) отвѣтъ ихъ ко мнѣ, я побѣжалъ изо всей силы, совершенно не спалъ, но насилывалъ себя самого; посему и увидѣлъ Желаннаго моего; но Онъ видѣлся мнѣ недолго. Увидѣвъ Его, я быстро, какъ выше сказалъ, погнался. Итакъ, когда Онъ увидѣлъ, что я все вмѣнилъ въ ничто, и даже все, что въ мірѣ, съ самимъ міромъ, говорю, и всѣхъ находящихся въ мірѣ (людей) отъ души съ чувствомъ считаю какъ бы несуществующими, и

¹⁾ Въ П. р. вмѣсто *οὐκ* стоитъ здѣсь *αὐ*.

²⁾ *Κρητομένου φατομένου*—этихъ словъ нѣтъ въ П. р.

что чрезъ такое настроеніе я отдѣлился отъ міра; то весь всему мнѣ даль увидѣть Себя, весь со всѣмъ мною соединился—Тотъ, Кто пребываетъ внѣ міра, Кто носитъ міръ со всѣмъ находящимся въ мірѣ и рукою одною содержитъ видимое съ невидимымъ. Итакъ, Онъ, послушайте, встрѣтившись, напелъ меня; откуда же и какъ Онъ пришелъ, я не знаю. Ибо какъ могъ я знать, откуда Онъ — здѣсь или откуда пришелъ Онъ, когда никто изъ людей никогда ни видѣлъ Его ни позналъ, гдѣ Онъ находится, гдѣ пасеть (*ποιμαίνει*), гдѣ почиваетъ? Ибо Онъ совершенно не видится, совершенно не постигается, обитаетъ же въ неприступномъ свѣтѣ, и есть Свѣтъ тріипостасный, неизреченнымъ образомъ [пребывающій] въ неограниченныхъ пространствахъ — неограниченный Богъ мой, одинъ Отецъ, (одинъ) также Сынъ съ Божественнымъ Духомъ, едино — три, и три — одинъ Богъ неизъяснимо. Ибо слово не въ состояніи выразить неизъяснимое, ни умъ—ясно постигнуть.

Вѣдь я едва ли могу изъяснить тебѣ (хотя) нѣсколько то, что въ насъ есть: но ни я, ни кто-либо другой не возможно изъяснить тебѣ того, какимъ образомъ Богъ—внѣ всего по Своей сущности, природѣ, силѣ и славѣ, и какъ Онъ вездѣ во всемъ, въ особенности же во святыхъ обитаетъ и вселяется въ нихъ разумно и существенно, будучи Самъ совершенно пресущественъ; какъ въ (человѣческихъ) внутренностяхъ содержится Тотъ, Кто всю тварь содержитъ; какъ Онъ сіяетъ въ сердцѣ плотяномъ и грубомъ; какъ внутри его находится и внѣ всего пребываетъ и Самъ все наполняетъ,—сіяетъ и ночью и днемъ, и не видится. Уразумѣешь ли все это, скажи мнѣ, умъ человѣческой, или возможно ли тебѣ высказать?—Конечно, нѣтъ. Ни Ангель, ни Архангель не изъяснилъ бы тебѣ этого, не будучи въ состояніи изложить то словесно. Одинъ только Духъ Божій, какъ Божественный, знаетъ это и вѣдаетъ, будучи одинъ соестественъ и сопрестоленъ и собезначаленъ Богу и Отцу. Поэтому кого Онъ озаритъ и съ кѣмъ взаимно сочетается обильно, тѣмъ все показываетъ неизреченнымъ образомъ, дѣломъ, говорю тебѣ, все это (показываетъ). Ибо подобно тому, какъ слѣпой если прозреть, то видитъ, во-первыхъ, свѣтъ, а затѣмъ во свѣтѣ, дивно сказать,—и всякую тварь; такъ и озаренный въ душѣ Божественнымъ Духомъ, лишь

только причащается свѣта и дѣлается свѣтомъ, видитъ Свѣтъ Божій и Бога, конечно, Который показываетъ ему все, лучше же, что Онъ повелѣваетъ, что изволить и хочетъ. Кого Онъ просвѣщаетъ озареніемъ, тѣмъ даетъ видѣть то, что—въ Божественномъ Свѣтѣ; и просвѣщаемые видятъ то по мѣрѣ любви и храненія заповѣдей, и посвящаются въ глубочайшія и сокровенныя Божественныя таинства. Подобно тому, какъ если бы кто, держа въ рукѣ своей свѣтильникъ, или въ предшествіи другого, держащаго свѣтильникъ, вошелъ въ темный домъ и самъ увидѣлъ то, что находится внутри дома; такъ и ясно озаренный лучами умнаго Солнца видитъ невѣдомое всѣмъ прочимъ и говорить (о томъ),—не о всемъ, впрочемъ, но о томъ (только), что можетъ быть высказано рѣчью. Ибо кто когда-либо возможетъ изъяснить то, что находится тамъ, каково оно, сколь велико и какого рода, когда оно непостижимо и невидимо для всѣхъ? Ибо кто уразумѣетъ видъ безвиднаго, количество не имѣющаго количества и красоту недомысленнаго? какъ измѣритъ, какъ вообще возможетъ высказать (то)? какими словами опишетъ образъ того, что лишено образа? Никакъ, конечно,—скажешь ты мнѣ. Но это знаютъ только тѣ одни, которые видятъ.

Поэтому посрѣдствомъ не словами, но дѣлами възыскать то, чтобы увидѣть и научиться богатству Божественныхъ таинствъ, которое даруетъ Владыка трудолюбиво възыскующимъ и явно стяжавшимъ забвеніе всего міра и тѣхъ вещей, которыя въ немъ. Ибо възыскующій ихъ вселушевымъ произволеніемъ какъ поистинѣ не забудетъ всѣхъ здѣшнихъ (вещей) и, стяжавъ (себѣ) умъ, обнаженный отъ нихъ и отъ всего внѣшняго, не окажется вскорѣ единымъ? Единый Богъ, видя его содѣлавшимся ради Него единымъ и отречшимся міра и того, что въ мірѣ, Единый найдя одного, соединяется съ нимъ. О страшное домостроительство! о неизреченная благодать! Что (слѣдуетъ) потомъ, не спрашивай, не изслѣдуй, не разыскивай. Ибо если никто не можетъ исчислить множество звѣздъ, капли дождя, или песокъ, да и прочихъ тварей (не можетъ) изречь или уразумѣть величіе и красоту, природу, положеніе и причины ихъ; то какъ бы возмогъ онъ изречь благоутробіе Творца, являемое Имъ душамъ святыхъ, съ которыми Онъ соединится? Ибо чрезъ соединеніе съ Собою Онъ совершенно обожаетъ ихъ. По-

этому кто хочет повѣдать тебѣ объ обоженной душѣ, объ ея нравахъ, природѣ, расположеніи, образѣ мыслей и о всемъ, что ей свойственно, то [это все равно, что] онъ, не знаю, какою рѣчью, пытается представить тебѣ, что есть Богъ. Не позволительно же этого доискиваться тѣмъ, которые находятся въ мірѣ или живутъ по плоти, но это воспринимается одною вѣрою; имъ должно подражать житію всѣхъ святыхъ, слезами и покаяніемъ и прочей строгостью жизни, и подвизаться въ перенесеніи искушеній, дабы стать внѣ міра, чего мы выше коснулись, и обрѣсти, какъ сказалъ я, все безъ исключенія ¹⁾. Найдя же, они ужаснутся и изумятся, и обо мнѣ несчастнѣйшемъ усердно помолются, дабы и я не лишился того, но получилъ бы то самое, что получить я желалъ и желаю, и (этимъ) желаніемъ (всякое другое) желаніе ослабляю и притупляю. Я слышалъ нѣкогда, что желаніе возжигаетъ желаніе, и огонь питаетъ пламя; во мнѣ же не такъ бываетъ, но я не могу сказать, какимъ образомъ превосходство любви угашаетъ любовь мою ²⁾.

Ибо я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжалъ любви къ Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу, дивное дѣло, я теряю (даже) и ту любовь къ Богу, какую имѣлъ. Подобно тому какъ сребролюбецъ, обладающій сокровищемъ, думаетъ, что совершенно ничего не имѣетъ, потому что не все имѣетъ, хотя онъ и обладаетъ множествомъ золота; такъ, безъ сомнѣнья, думаю, бываетъ въ этомъ (случаѣ) и со мною несчастнымъ. Такъ какъ я не люблю, какъ хочу и насколько, конечно, хочу; то и думаю, что я насколько даже не люблю. Итакъ, любить, насколько мнѣ хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу (естество) любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается (даже) и той силы, какую имѣла, и живая любовь дивнымъ образомъ умираетъ. Ибо тогда напротивъ она оживаетъ ³⁾ во мнѣ и разцвѣтаетъ. А какъ она расцвѣтаетъ, я не нахожу примѣровъ, чтобы изъяснить

¹⁾ Въмѣсто *παραλείπω* въ П. к. читается *παραλλάττω*—непреложно.

²⁾ Въ первомъ случаѣ преп. Симеонъ разумѣетъ, конечно, любовь къ Богу, а въ послѣднемъ плотскую, страстную любовь.

³⁾ Ср. II Кор. 12, 9—10... «егда бо немощствую, тогда силенъ есмь».

тебѣ. Одно только скажу тебѣ, что всякъ безсиленъ выразить это словами. Тотъ, Кто есть единый Богъ и воистину податель таковыхъ благъ, да дастъ всѣмъ, чрезъ покаяніе взыскающимъ ихъ, плачущимъ и рыдающимъ, и добрѣ очищающимся, вкусить ихъ, содѣлавшись еще отсюда причастниками (ихъ) съ чувствомъ, и отойти съ ними и въ нихъ упокоиться, и вѣчной жизни насладиться, и чрезъ нихъ оказаться общниками неизреченной славы во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXIII.

Озареніемъ Духа Святаго прогоняется въ насъ все страстное, какъ тьма отъ свѣта; когда же Онъ сокращаетъ лучи Свои, мы подвергаемся нападению страстей и злыхъ помысловъ ¹⁾).

Свѣтъ Твой, Христе мой, озаряя меня, оживляетъ и возрождаетъ, ибо видѣть Тебя есть жизнь и воскресеніе. Но какъ (происходить) дѣйствія Твоего свѣта—я сказать не могу. Однако я (самимъ) дѣломъ позналъ и знаю, Боже мой, что хотя бы я (находился) въ болѣзни, въ скорбяхъ или печаляхъ, хотя бы содержимъ былъ въ узахъ и въ темницѣ, и (томимъ) голодомъ, хотя бы объять былъ, Христе мой, еще болѣе тяжелыми и ужасными (обстоятельствами); свѣтъ Твой, возсіявъ, все это прогоняетъ, какъ тьму, и Божественный Духъ Твой внезапно дѣлаетъ то, что я бываю въ покоѣ и свѣтѣ и въ наслажденіи свѣтомъ. Я знаю, что скорби суть какъ бы дымъ, помыслы—тьма, искупенія—стрѣлы, заботы—мракъ, страсти же—звѣри, отъ которыхъ Ты, Слове, нѣкогда освободилъ и избавилъ меня, мало-по-малу озаривъ меня Твоимъ Божественнымъ свѣтомъ. И нынѣ, хотя я нахожусь среди всего этого, Ты, Христе Боже мой, хранишь меня неуязвимымъ, покрывая Твоимъ свѣтомъ. Но такъ какъ я весьма часто претыкаюсь, ежечасно согрѣшая, такъ какъ превозношусь и прогнѣвляю Тебя, то нуждаюсь въ благоутробномъ Твоемъ наказаніи, Христе мой, дѣйствіе котораго сильно ощущаю въ себѣ, чрезъ удаление покрывающаго меня

¹⁾ Въ л. п. 36 глава; въ П. р. этотъ гимнъ не сохранился, въ оглавленіи же гимновъ, имѣющемся въ этой рукописи, онъ числится, какъ 51 слово.

Божественнаго свѣта. Ибо какъ по захожденіи солнца наступаетъ ночь и тьма, и всѣ звѣри выходятъ на добычу, такъ и когда свѣтъ Твой перестаетъ покрывать меня, тотчасъ (окутываетъ) меня житейская тьма, покрываетъ море помысловъ, звѣри страстей свѣдаютъ меня, и я уязвленъ бываю стрѣлами всевозможныхъ помысловъ. Когда же, движимый состраданіемъ, Ты опять сжалишься (надо мною) и услышишь мои плачевные вопли, и вонмешь воздыханіямъ, и примешь слезы, и восхощешь призрѣть на смиреніе мое— того, кто согрѣшилъ непростительно; то видимъ бываешь вдали, какъ восходящая звѣзда, и мало-по-малу расширяешься (не Ты самъ такъ измѣняешься, но умъ раба Твоего къ зрѣнію открываешь) постепенно все болѣе и болѣе, и видишься, какъ солнце. Ибо когда убѣгаетъ и исчезаетъ тьма, я думаю, что приходишь Ты—вездѣсущій. Когда же Ты, Спасителю, всего меня окружишь, какъ и прежде, когда всего меня покроешь и всего обнимешь; тогда я освобождаюсь отъ золь, избавляюсь отъ тьмы, искушеній, страстей и всевозможныхъ помысловъ, и исполняюсь благодати и веселія, наполняюсь радости и песказаннаго благодушія, видя страшныя таинства и необычныя чудеса, видя то, чего ни око человѣческое не видѣло и не могло бы видѣть, ни ухо—слышать, и что на сердце смертныхъ отнюдь не восходило (I Кор. 2, 9). Отъ этого я сильно изумляюсь и прихожу въ изступленіе, и совершенно отчуждаюсь всего, что—на землѣ, непрестанными гласами восхваляя Тебя, Боже мой, и замѣчая въ себѣ самомъ необычайное измѣненіе и (необычайный) способъ заступленія всемогущей руки: какъ озареніемъ и явленіемъ одного свѣта Твоего Ты прогналъ всякую печаль, исторгнулъ (меня) изъ міра и, таинственно соединившись со мною, немедленно возстановилъ меня на небѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, ни слезъ, ни змѣя, жалящаго въ пята, и показалъ мнѣ нетрудною и безскорбною ту жизнь, которая для всѣхъ людей противна, тѣсна, съ трудомъ проходима, или вѣрнѣе сказать непроходима, Ибо кто изъ людей когда-либо могъ или возможетъ быть на небѣ, съ тѣломъ или безъ тѣла, и на какихъ крыльяхъ (туда) возлетитъ?

Илія взять былъ на огненной колесницѣ, и прежде него Енохъ—не на небеса, а въ (нѣкое) другое мѣсто, (хотя) и

не самъ по себѣ, однакоже былъ предложенъ. Но что—это (въ сравненіи) съ тѣмъ, что бываетъ въ насъ? да и возможно ли вообще, скажи мнѣ, сравненіе тѣни съ истиною, или духа служебнаго и рабскаго съ Духомъ владычественнымъ, вседѣтельнымъ и Божественнымъ, утверждающимъ и укрѣпляющимъ всякую тварную сущность? Ибо все прочее суть твари, а Онъ одинъ—Творецъ, какъ нераздѣльный отъ Отца и Сына также. Сии три суть Богъ, ибо Троица—единъ Богъ. Она осуществовала все, Она саздала все, Она сотворила въ мірѣ по плоти для спасенія нашего Слово и Сына Отчаго, нераздѣльнаго отъ Отца и Духа. Онъ же воплотился поистинѣ чрезъ нѣитіе Духа и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, человѣкомъ подобнымъ мнѣ, кромѣ грѣха и всякаго беззаконія, Богомъ вмѣстѣ и человѣкомъ видимымъ для всѣхъ, имѣя Своего Божественнаго Духа соприсущаго (Ему) по естеству, Которымъ Онъ мертвыхъ оживлялъ, слѣпымъ отвѣрзалъ очи, прокаженныхъ очищалъ, бѣсовъ изгонялъ. Претерпѣвъ крестъ также и смерть и воскресши Духомъ, Онъ вознесся во славу и обновилъ путь на небеса всѣмъ несомнѣнно вѣрующимъ въ Него; и Всесвятаго Духа обильно излилъ на всѣхъ, показывающихъ вѣру отъ дѣлъ, и нынѣ обильно изливаетъ Его на таковыхъ. Чрезъ Него Онъ обожаетъ тѣхъ, съ которыми тѣсно сочетался, неизмѣнно измѣняетъ ихъ, показывая изъ людей чадами Божиими, братьями Спасителя, сонаслѣдниками Христу, Богу же наслѣдниками, Богами, пребывающими съ Богомъ въ Духѣ Святсмъ, хотя и связанныхъ одною только плотию, но духомъ свободныхъ, которые легко совосходятъ со Христомъ на небеса и стяжали тамъ полное гражданство въ созерцаніи благъ, коихъ не видѣли очи.

Итакъ, что такое огненная колесница, восхитившая Илію, и что такое предложеніе Еноха по сравненію съ этимъ? Я думаю, что какъ море, раздѣленное нѣкогда жезломъ, и манна, сошедшая съ неба, суть только образъ, и все это были символы истины: море—крещенія, манна же—Спасителя; такъ и то суть образъ и символы этого, имѣющаго несравненное превосходство и славу, поскольку несотворенное по природѣ превосходитъ сотворенное. Ибо манна, называемая хлѣбомъ и пищею ангельскою (Псал. 77, 24—25; Исх. 16, 4), которую люди тѣ ѣли тогда въ пустынѣ, прекрати-

лась и исчезла, и они всё, бывшие ее, умерли, не приобщившись жизни. Плоть же Владыки моего, будучи обоженной и полною жизни, всёх ядущихъ (ее) содѣлываетъ причастниками жизни и дѣлаетъ безсмертными. Не проводитъ ихъ Искупитель міра и чрезъ пучину морскую и не переселяетъ изъ Египта въ другую страну, опять приносящую людямъ тлѣнные плоды, не повелѣваетъ намъ даже и странствовать въ продолженіе сорока лѣтъ, дабы получить обѣтованную землю: но крестившихся съ несомнѣнною вѣрою и причащающихся вмѣстѣ съ тѣмъ плоти и крови Его вскорѣ возводитъ отъ смерти къ жизни, отъ тьмы къ свѣту и отъ земли на небеса. Сволькши меня сперва тлѣнія и смерти и всего меня освободивъ съ ощущеніемъ и познаніемъ [того], Онъ—что поразительнѣе всего—показалъ меня новымъ небомъ и (Самъ)—Творецъ всего вселился въ меня, чего не сподобился никто изъ древнѣйшихъ святыхъ. Ибо вѣкогда Онъ говорилъ чрезъ Божественнаго Духа и силою Его творилъ чудеса; существенно же Богъ никонимъ образомъ ни съ кѣмъ не соединился, прежде чѣмъ Христосъ Богъ мой не сдѣлался человѣкомъ. Ибо, воспринявъ тѣло, Онъ далъ (намъ) Своего Божественнаго Духа, и чрезъ Него существенно соединяется со всѣми вѣрными, и это единеніе бываетъ неразлучнымъ.

Увы мнѣ! (ибо я тяжело вздыхаю о заблужденіи людей) какъ мы не вѣримъ Христу? какъ не послѣдуемъ (за Нимъ)? какъ не желаемъ той жизни? какъ не вождедѣваемъ богатства Его некрадомаго и нетлѣннаго, ни нестарѣющей славы, ни (вѣчнаго) пребыванія съ Нимъ? какъ, прилѣпляясь къ тлѣнному, мы думаемъ спастись, не любя Христа болѣе (всего) видимаго и не надѣясь быть съ Нимъ по смерти, но оставаясь безчувственнѣе полѣньевъ и камней? Но, о Христе мой, избавь меня отъ этого (добровольнаго) безумія и научи любить Тебя—жизнь всёхъ вѣрныхъ. Ибо Тебѣ со Отцомъ и Божественнымъ Твоимъ Духомъ, какъ Царю и Творцу всёхъ, Богу и Владыкѣ, подобаетъ слава и хвала, честь и поклоненіе нынѣ и всегда во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXIV.

О томъ, что иногда и учитель, заботясь объ исправленіи ближняго ¹⁾, увлекаемъ бываетъ въ находящуюся въ томъ слабость страсти ²⁾.

Помилуй меня, Господи, помилуй меня, единый
Спасителю, отъ младенчества меня покрывшій,
Премного мнѣ, сознательно согрѣшившему,
Своею благостію все милосердно простившій,
Исторгшій меня отъ ужаснаго и суетнаго міра,
Отъ сродниковъ и друзей, и непристойныхъ удовольствій,
Удостоившій меня находится здѣсь, какъ бы на горѣ,
И показать мнѣ дивную Свою славу, Боже мой,
Исполнившій меня Божественнаго Твоего Духа, Христе
мой,

И всего меня насытившій духовнымъ просвѣщеніемъ.
Ты Самъ нераскаивную (неизмѣнную) благодать Твою,
Боже мой,

Подай мнѣ рабу Твоему, наконецъ, всецѣло.
Не отними (ее), Владыко, не отвратись, Создателю,
И не презри (меня), Ты однажды поставившій меня
предъ лицомъ Твоимъ,

Учинившій между рабами Твоими, запечатлѣвшій
Печатію Твоей благодати и Своимъ меня наименовавшій.
Не отвергни меня снова, не сокрой снова
Свѣта лица Твоего; и меня покроетъ тьма,
Поглотить бездна и раздавить небо,
Превыше котораго Ты возвелъ меня, Спасе мой,
И съ Ангелами, лучше же съ Тобою — Творцомъ всего
Сопребывать удостоилъ, и сорадоваться съ Тобою,
И видѣть несравненную славу лица Твоего,
И досыта наслаждаться неприступнымъ свѣтомъ,
И радоваться и веселиться неизреченнымъ веселіемъ
Черезъ сожитіе, Владыко, съ Твоимъ несказаннымъ
свѣтомъ.

¹⁾ Въ П. р. это мѣсто читается безъ тѣхъ опечатокъ, которыя допущены въ наданномъ греческ. текстѣ, именно; *διὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἐπιμελλας*.

²⁾ Въ П. р. этотъ гимнъ не сохранился, такъ какъ по оглавленію онъ долженъ быть 49 словомъ; нѣтъ его и въ л. п.

Наслаждаясь неизреченнымъ тѣмъ свѣтомъ,
Я веселился и радовался съ Тобою, Творцомъ и Соз-
дателемъ,
Созерца я неизъяснимую красоту лица Твоего.
Когда же я снова низвелъ умъ свой на землю,
То, просвѣщенный Тобою, Владыко, не смотрѣлъ на
мїръ сей,

Ни на вещи, находящіяся въ мїрѣ.
Но былъ превыше страстей и заботъ,
И вращаясь въ (житейскихъ) дѣлахъ и обличая зло,
Не приобщался, какъ прежде, человѣческимъ злобамъ.
Замедливъ же среди нихъ, предпочелъ ихъ (всему)
прочему,

И связавшись, Владыко, съ любителями словопренїи,
Въ надеждѣ исправленїя причастился злобы
И тьмы, увы мнѣ! и страстей приобщился безумно,
И схваченный (этими) дикими звѣрями, бѣдствую (нынѣ).
Ибо желая другихъ избавить вреда отъ нихъ,
Я самъ первый сдѣлался добычею звѣрей.

Но, предваривъ, сжался, но, ускоривъ, избави
Того, кто попалъ къ нимъ ради Тебя, Человѣколюбче.
Ибо по заповѣди Твоей я положилъ, Милостиве,
Душу свою несчастнѣйшую за братїи своихъ.
Итакъ, хотя я уязвленъ, но Ты можешь уврачевать
меня, Спасе

Хотя я несчастный взятъ врагами плѣнникомъ,
Но Ты Самъ, какъ сильный и крѣпкій,
Можешь избавить (меня) одною Твоею волею;
Хотя я схваченъ челюстями и лапами звѣрей,
Но когда Ты явишься, они тотчасъ умрутъ, и я живъ буду.
О великій въ щедротахъ и неизреченный въ милости!
Сжался и помилуй меня падшаго.

Я опустилс я въ колодезь, (чтобы) избавить ближняго,
И вмѣстѣ съ нимъ и самъ палъ; правосудный Спасителю,
Не оставь меня до конца лежащимъ во рву.
Подлинно знаю я повелѣнїе Твое, всемилостивый Боже
мой,

Что должно непременно избавлять брата отъ
смерти

И отъ уязвленїя грѣхомъ, но чрезъ грѣхъ

Не погибнуть съ нимъ, что и случилось со мною несчастнымъ.

Я палъ по легкомыслію, понадѣявшись на себя самого
И его даже избавить и себя также,
А если нѣтъ, то ожидать вверху и оплакивать павшаго,
И сколько есть силы, бѣжать отъ паденія съ нимъ.

Но и нынѣ возстави и возведи изъ пропасти
И постави меня, Христе, на камнѣ заповѣдей Твоихъ,
И снова покажи мнѣ свѣтъ, котораго мѣръ сей не
вмѣщаетъ,

Но (который) внѣ міра, и видимаго свѣта, и воздуха
Чувственнаго, и неба, и всего чувственнаго
Содѣлываетъ, Спасителю мой, созерцающаго его.
И тотъ внѣ ли тѣла, или совершенно въ тѣлѣ,
Не зная, Боже, въ тотъ часъ,
Думаю же, что будучи тогда какъ бы невещественнымъ
свѣтиломъ,

И сіяя красотою умнаго Солнца,
Не можетъ чувственно видѣть своего свѣта,
Но видитъ только Его одного—незаходимое Свѣтило,
Созерцая неизъяснимую красоту Его славы,
И сильно изумляясь, не можетъ познать
И уразумѣть этого способа созерцанія,
Какимъ образомъ или гдѣ, неизъяснимо существуя,
Онъ видится, и желая [обитать] во святыхъ, ограни-
чивается.

Но (вотъ) это знаемъ всѣ мы, посвященные въ тако-
вые таинства,

Что постигнѣ внѣ міра тогда
Бываемъ и пребываемъ, доколѣ видимъ то,
И снова находимся въ тѣлѣ и въ мѣрѣ.
Вспоминая же о радости, и о томъ свѣтѣ,
И о сладостномъ наслажденіи, плачемъ и сѣтуемъ;
Подобно тому какъ грудное дитя, видя мать
И вспоминая о сладости молока, кричитъ и плачетъ,
Доколѣ, схвативъ [грудь], досыта не насосется его.
Этого и мы нынѣ просимъ, объ этомъ умоляемъ Тебя
И припадаемъ, (чтобы) получить то неотъемлемо, Спа-
сителю,

Дабы мы и нынѣ питались, Всемилостиве, отъ этого

Хлѣба, умно нисходящаго съ неба
И сообщающаго жизньъ всѣмъ причащающима (его),
И отходя и совершая шествіе къ Тебѣ,
Имѣли бы (его) спутникомъ, и помощникомъ, и изба-
вителемъ,
И съ нимъ и чрезъ него приведены были бы къ Тебѣ,
Спасителю.

Онъ и на страшномъ судѣ грѣхи наши
Покроетъ, Владыко, чтобы не открылись они
И не были явны для всѣхъ Ангеловъ и людей.
Но да будетъ онъ намъ и свѣтоноснымъ одѣяніемъ,
И славою, и вѣнцомъ во вѣки вѣковъ.

XXV.

Кто отъ всей души возлюбилъ Бога, тотъ ненавидитъ
міръ ¹⁾.

Я объять тѣню, (но) и истину вижу.
Это—ничто иное, какъ твердая надежда.
Какая же это надежда?—та, которую не видѣли очи.
А она что такое?—та жизнь, которую всѣ любятъ,
Но что такое эта жизнь, какъ не Богъ—Творецъ всего?
Его-то и возлюби, а міръ сей возненавидь.
Міръ—смерть, ибо имѣетъ ли онъ что-либо непрехо-
дящее (и нетлѣнное)?

XXVI.

О томъ, что лучше быть хорошимъ пасомымъ, чѣмъ
быть пастыремъ надъ не желающими; ибо не будетъ
никакой пользы тому, кто, стараясь другихъ спасти,
самъ себя погубитъ чрезъ предстояние надъ
ними ²⁾.

Скажи, Христе, рабу Твоему, скажи, Свѣтъ міра, скажи,
знаніе всей (вселенной), скажи, Слово—Премудрость, все

¹⁾ Въ л. п. этотъ маленькій гимнъ извѣстенъ, какъ предпоследняя 39 глава *Divinogimn alogimn*... И по оглавленію гимновъ въ П. р. онъ я тамъ также является предпоследнимъ 57 словомъ, которое, конечно, не сохранилось.

²⁾ Въ л. п. 30 глава; въ П. же р. этотъ гимнъ извѣстенъ только по оглавленію, какъ 43 слово.

предузнающая, все предувѣдѣвшая и насъ безъ зависти научающая полезному. Скажи и научи и меня, Спасе, спасительнымъ путемъ Твоей воли и Божественныхъ (Твоихъ) повелѣній. Скажи и не презри меня, и не сокрой, о Боже мой, отъ недостойнаго раба Твоего Божественной Твоей воли. Скажи мнѣ, Человѣколюбче—Спасителю, что лучше предъ Тобою, что изъ двухъ благоугодно Тебѣ: нести ли мнѣ попечение о монастырскихъ дѣлахъ и безкорыстно заботиться о тѣлесныхъ потребностяхъ, взыскивая за все со враждою и ссорою, или всегда пребывать въ одномъ безмолвіи и хранить невозмутимымъ умъ и сердце, воспринимая озаренія Твоей благодати, и всегда быть озаряемымъ въ душевныхъ чувствахъ и, таинственно оглашаясь Божественными глаголами, другихъ кротко учить и самому также учиться. Ибо кто учить (другихъ), тотъ и себя (также) учить тому же, и первый, конечно, долженъ и творить то. Итакъ, изъ этихъ двухъ (положеній), скажи мнѣ, о Боже мой и Создателю, какое лучше и полезнѣе для меня и какое благоугодно и совершенно предъ Тобою? о не скрой (этого) отъ меня, всемилолюбивый Слово!

Выслушай, о чемъ спрашиваешь, и запиши, что услышишь. Я Богъ пребезначальный, Я по естеству Владыка, Царь небесныхъ и преисподнихъ, и всѣ (даже) не хотящія являются Моиими рабами. Ибо Я Творецъ всѣхъ, Судія и Владыка, и нынѣ есмь и буду во вѣки вѣковъ. Но не желающаго Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служеніе повинующихся (Мнѣ) было свободнымъ и самопроизвольнымъ, совершалось со страхомъ и любовію. Ибо Я желаю, чтобы таковы были рабы Мои, токовы наемники, таковы и друзья Мои. Прочихъ же Я не позналъ, и ими не познавъ. Поэтому жестокимъ, безжалостнымъ и несправедливымъ называютъ Меня и говорятъ обо Мнѣ сыны неправды. Итакъ, тѣ, которые Меня оскорбляютъ, Меня злословятъ, Меня поносятъ, какъ тебѣ они покорятся, или какъ, скажи мнѣ, примутъ тебя (въ качествѣ) учителя? какъ волки сочтутъ тебя пастыремъ, или какъ, будучи (дикими) звѣрями, они послѣдуютъ твоему голосу? Уйди, бѣги и удались отъ среды таковыхъ. Ибо довольно для тебя, если ты и себя самого спасешь. Въдь если бы ты спасъ міръ, а себя погубилъ, то какая тебѣ польза отъ міра, тобою спасеннаго? Я не хочу, чтобы

ты былъ пастыремъ надъ кѣмъ-либо изъ не желающихъ. Посмотри, это и Я сохранилъ въ мѣрѣ. Ибо для желающихъ Я—Пастырь и Владыка, для прочихъ же Я—Творецъ, конечно, и Богъ по естеству, но никоимъ образомъ не Царь и не Вождь (и Начальникъ) тѣхъ, которые не взяли креста (своего) и Мнѣ не послѣдуютъ, ибо они суть чада, рабы и сосуды діавола. Виждь страшное таинство, виждь безчувствіе, и оплакивай ихъ, если можешь, (хоть) ежечасно. Ибо, призванные изъ тьмы къ невечернему свѣту, отъ смерти къ жизни, изъ ада на небеса, отъ временнаго и тлѣннаго къ вѣчной славѣ, они гнѣваются и неистовствуютъ противъ наставниковъ, затѣвая противъ нихъ всевозможныя козни и предпочитая умереть, чѣмъ уйти отъ тьмы и дѣль тьмы и послѣдовать за Мною. Скажи, какъ ты будешь ихъ пастыремъ? какъ будешь игуменствовать надъ ними? ну какъ, скажи Мнѣ, ты станешь руководить тѣми, которые добровольно перебѣгаютъ въ огонь, присоединяясь ко врагу и съ нимъ усердно творя противное Моимъ повелѣніямъ? Какъ ты будешь пасти ихъ, какъ овецъ: какъ, скажи Мнѣ, поведешь на пажити заповѣдей Моихъ и къ водѣ хотѣній Моихъ? (какъ) изведешь ихъ на мысленныя горы таинственныхъ созерцаній Моей неизреченной славы, ради которой видящіе ее презираютъ земную славу, и забывая все чувственное, все это считаютъ какъ бы тѣнью и дымомъ? Скажи, какъ соперника ты приобрѣтешь себѣ защитникомъ? какъ враждебнаго тебѣ противника ты убѣдишь быть твоимъ другомъ? Ибо скорѣе друзья легко дѣлаются врагами, найдя незначительный поводъ; но враги нелегко могутъ стать друзьями, хотя бы они и облагодѣтельствованы были и получили почетные и большіе дары. Имѣя въ сердцѣ скрытый ядъ, они, уловивъ удобное время, внезапно изbleвываютъ его, и не трепещутъ немилосердно и безжалостно убивать своихъ благодѣтелей. О крайнее безуміе! Таковыя суть подражатели Кална, они—хуже Ламеха, они единоправны Сауду, подражатели Іудеевъ, соревнователи Іуды и наслѣдники (его) удавленія. Если надъ такими ты ищешь игуменства, то смотри, куда низойдешь ты; ибо они не обратятся, куда бы ты пожелать, но принудятъ и тебя идти своимъ путемъ и прежде нихъ впасть въ погибель, спустившись еще ниже (ихъ) на дно ада, такъ какъ ты имѣешь ихъ, конечно, послѣдующими за

тобою (позади себя). Если же ты не захочешь вполне уподобиться имъ, не желая присоединиться къ ихъ замысламъ и приобщиться злымъ дѣламъ ихъ, то будешь имѣть возмущеніе, брань и непримиримую войну. Что же будетъ отсюда, или что случится съ тобою и что приобретешь ты?—Послушай, и Я скажу тебѣ кратко. Прежде всего ты совершенно не можешь (тогда) быть рабомъ Моимъ, ибо Я никоимъ образомъ не хочу, чтобы рабъ Мой сварился. Пытая необузданную ненависть къ тебѣ, они явно и тайно будутъ стремиться къ тому, чтобы убить тебя, и когда они будутъ (позваны) на судъ, ты дашь отчетъ. Ибо смерть твоя не принесетъ никакой пользы прочимъ, какъ Моя смерть была жизнью міра. Но и для нихъ ты сдѣлаешься причиною осужденія и самъ безъ дерзновенія отойдешь изъ сей жизни. Итакъ, лучше быть пасомымъ, а отнюдь не пастыремъ надъ таковыми; но всего лучше заботиться о своихъ и молиться за нихъ и за всѣхъ людей, дабы всѣ обратились и пришли къ познанію [истины], и желающихъ изъ нихъ учить и наставлять (началамъ благочестія)¹⁾. Дѣлать же то, чему учишь, не принуждай ихъ, но возвѣщай имъ слова Мои и увѣщавай соблюдать ихъ, такъ какъ они доставляютъ жизнь вѣчную. Сами же слова эти предстанутъ (имъ), когда Я прииду судить, и каждого изъ нихъ будутъ судить по достоинству. И ты не будешь отвѣтственнымъ, и останешься совершенно неосужденнымъ, такъ какъ не скрылъ сребра словесъ Моихъ, но сколько самъ получилъ, (столько) и уплатилъ всѣмъ. Это угодно Мнѣ, это по заповѣди Моей было дѣломъ Апостоловъ и учениковъ Моихъ: проповѣдать Меня Богомъ во всей вселенной, научить Моей волѣ и Моимъ повелѣніямъ и оставить записаннымъ (то) человѣческому (роду). Такъ дѣлать и учить и ты подвизайся. Не желающимъ же совершенно слушать словъ Моихъ говори такъ, какъ и Я отвѣтилъ сказавшимъ нѣкогда: „жестоко есть слово сіе, и кто можетъ его послушати“ (Іоан. 6, 60). Я именно сказалъ: такъ если не хотите, идите и дѣлайте каждый, что хотите, все предоставивъ ихъ власти и произволению,—избрать смерть или жизнь. Ибо никто никогда не сталъ добрымъ непроизвольно, ни невѣрный, не хотя, не будетъ вѣрнымъ,

¹⁾ *...καὶ κατηξίν;* въ л. п. ac pietatis rudimentis imbuerе.

ни миролюбецъ никогда не будетъ боголюбецъ, ни худой безъ воли не перемѣнитъ своихъ мыслей и не сдѣлается совершенно добрымъ. Ибо никто не сталъ злымъ по природѣ, но по произволению и намѣренію (каждый) можетъ сдѣлаться, если желаетъ, какъ злымъ, такъ и добрымъ; если же не желаетъ, то никоимъ образомъ и не будетъ. Никто въ мірѣ, не хотя, не совершилъ добродѣтели; никто, не хотя, не спасается. Болѣе объ этомъ не спрашивай. Старайся же и себя самого спасти и слушающихъ тебя, если только найдешь на землѣ человѣка, имѣющаго уши слышать и повинующагося словамъ твоимъ.

Такъ я и сотворю, Владыко, какъ Ты повелѣлъ мнѣ. Но даруй мнѣ, недостойному рабу Твоему, помощь Твою (и благодать Твою) ¹⁾, о Господи и Боже мой, дабы я всегда прославлялъ Тебя и воспѣвалъ державу Твою непрерывными гласами во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXVII.

О Божественномъ озареніи и просвѣщеніи Духомъ Святымъ; и о томъ, что Богъ есть единственное мѣсто, въ которомъ всѣ святые по смерти имѣютъ упокоеніе; отпавшій же отъ Бога (нигдѣ) въ другомъ мѣствѣ не будетъ имѣть упокоенія въ будущей жизни ²⁾.

Что это за страшное таинство, которое во мнѣ совершается? (его) ни слово не въ состояніи высказать, ни жалкая рука моя—начертать (письменами) въ похвалу и славу Того, Кто превыше похвалы ³⁾ и превыше слова. Вѣдь если совершающееся нынѣ во мнѣ блудномъ неизреченно и неизглаголанно, то какимъ образомъ, скажи мнѣ, Тотъ, Кто есть Податель и Виновникъ этого, можетъ нуждаться въ томъ,

¹⁾ tuam gratiam; въ наданномъ же греческ. текстѣ этого нѣтъ.

²⁾ Въ П. к. это 1 слово; а въ л. п. 2 глава. Въ рукописной копіи Патмосскаго кодекса (которую мы и имѣемъ въ виду, когда цитируемъ Патмосскій кодексъ или рукопись) этотъ гимнъ, равно какъ и введеніе въ гимны: *Ἀρχὴ τῶν θεῶν ἑμῶν* переписаны въ видѣ прозы, хотя первый написанъ политическими стихами, ямбомъ въ 7½ стопъ (въ 15 слоговъ), и въ такомъ видѣ напечатанъ въ томъ греческ. наданіи, которымъ мы пользуемся.

³⁾ Въ П. р. опущено: *τοῦ ὄντος ἑλὲρ ἑλισσῶν*.

чтобы воспринимать отъ насъ похвалу или славу? Ибо не можетъ быть прославленъ Тотъ, Кто (уже) прославленъ, подобно тому какъ не можетъ освѣтиться или не можетъ заимствовать свѣта то солнце, которое мы видимъ въ этомъ мѣрѣ. Оно освѣщаетъ, но не освѣщается, изливаетъ свѣтъ, но не получаетъ, такъ какъ имѣетъ (свѣтъ), который изъ начала получило отъ Творца. Итакъ, если Богъ, Создатель всего, сотворившій солнце, сотворилъ его безъ недостатка, такъ чтобы оно свѣтило обильнымъ свѣтомъ и никоимъ образомъ не нуждалось въ чемъ-либо другомъ бѣльшемъ; то какъ бы могъ получить славу отъ меня ничтожнѣйшаго (Самъ) Творецъ солнца, Который совершенно (ни въ чемъ) не нуждается и, какъ всемогущій, (однимъ) мановеніемъ и волею все исполняетъ всякими благами? Между тѣмъ и языкъ мой затрудняется въ словахъ, и умъ мой (хотя) и видитъ совершающееся, но не можетъ изъяснить. Онъ видитъ и хочетъ высказать, но не находитъ словъ, потому что созерцаетъ невидимое, совершенно безвидное, совершенно простое, несложное и по величинѣ безпредѣльное. Ибо онъ не видитъ никакого ни начала, ни конца, ни середины совершенно не замѣчаетъ; и какъ онъ выскажетъ то, что видитъ? Видится же, думаю я, (нѣчто) совокупно-цѣлое (*ἀναξαρταὶ οὐρανοῦ λόγος*), но никоимъ образомъ не въ (самой) сущности (своей), а чрезъ причастіе. Вѣдь отъ огня ты (огонь) возжигаешь и всецѣло огонь получаешь. И хотя онъ (остается) недѣлимымъ и неоскудѣвающимъ, какъ и прежде; однако сообщаемое отдѣляется отъ перваго, и такъ какъ оно есть нѣчто тѣлесное, то раздѣляется на много свѣтильниковъ. То же, какъ (нѣчто) духовное и неизмѣримое, пребываетъ совершенно недѣлимымъ и несѣкомымъ. Ибо, будучи сообщаемо, оно не раздѣляется на многія (части), но и остается недѣлимымъ, и во мнѣ бываетъ, восходя во мнѣ, внутри моего жалкаго сердца, какъ солнце или дискъ солнца, шаровидный и свѣтовидный, ибо оно—пламя. Не знаю, какъ сказано, что мнѣ сказать онемъ. И хотѣлъ я молчать (о если бы я могъ!), но страшное чудо возбуждаетъ сердце мое и отверзаетъ оскверненныя уста мои. Говорить и писать даже и не хотящаго меня заставляетъ Тотъ, Кто возсіялъ нынѣ въ моемъ мрачномъ сердцѣ, Кто показалъ мнѣ дивныя (дѣла), которыхъ не видѣли очи, Кто снис-

шелъ въ меня, какъ послѣдняго изъ всѣхъ, Кто показалъ меня сыномъ и ученикомъ Апостола ¹⁾, меня (говорю), которымъ обладалъ страшный драконъ — челоуѣкоубійца, (меня) прежняго дѣлателя и слугу всякаго беззаконія.

Предвѣчное Солнце, воасіявшее во адѣ напослѣдокъ и озарившее и мою омраченную душу, даровавшее мнѣ не вечерній день (что невѣроятно для подобныхъ мнѣ нерадивыхъ и лѣнивыхъ) ²⁾, исполнившее нищету мою всякими благами, Ты Само даруй мнѣ и слово и рѣчь, (чтобы) повѣдать всѣмъ о Твоихъ чудодѣйствіяхъ, которыя Ты и нынѣ творишь съ нами—Твоими рабами, дабы и спящіе во тьмѣ лѣности и утверждающіе, что грѣшникамъ невозможно спастись и быть помилованными, какъ (спаслись и помилованы) Петръ и прочіе Апостолы, святые, преподобные и праведные, познали и уразумѣли, что для Твоей благодати это легко было, и есть, и будетъ; дабы и мнящіе, что имѣють Тебя—Свѣтъ всего міра, и (однако) говорящіе, что не видятъ Тебя, не живутъ во свѣтѣ, не просвѣщаются и не созерцають Тебя непрестанно, Спасителю, познали, что Ты не возсіалъ въ ихъ умѣ, не вселился въ ихъ нечистое сердце, и они напрасно утѣшаются пустою надеждою, думая по смерти увидѣть Твой свѣтъ. Ибо залогъ (этого) отсюда еще и печать (Твоя) здѣсь, конечно, отъ Тебя, Спасе, дается деснымъ овцамъ. Въдь если смерть каждаго есть заключеніе (жизни), и послѣ смерти для всѣхъ равно наступить (состояніе) бездѣятельности, и никто не возможетъ сотворить ничего ни добраго, ни злого, то каждый, конечно, каковымъ окажется (тогда), Спасителю мой, такимъ и будетъ. Это-то и устрашаетъ меня, Владыко; это заставляетъ меня трепетать; это истаяваетъ всѣ мои чувства. Какъ слѣпецъ, умерши и преставившись туда, не увидитъ уже солнца чувственнымъ образомъ, хотя по воскресеніи онъ снова получить свѣтъ очей; такъ и тотъ, кто умереть, имѣя ослѣпленный умъ, не узритъ Тебя, Боже мой, умное Солнце, но, отойдя изъ тьмы, переселится во

¹⁾ Пр. Симеонъ говоритъ здѣсь о духовномъ отцѣ своемъ—Симеонѣ Благоговѣнномъ, какъ это видно изъ житія Симеона НВ. (разумѣемъ полный текстъ житія).

²⁾ Этого вводнаго предложенія нѣтъ въ л. п.

тѣму, и на вѣки будетъ удаленъ отъ Тебя. Никто изъ людей, вѣрующихъ въ Тебя, Владыко, никто изъ крестившихся въ Твое имя не стерпитъ этой великой и ужасной тяготы разлученія отъ Тебя, Благоутробне, потому что это страшная скорбь, ужасная, нестерпимая и вѣчная печаль. Ибо что можетъ быть хуже разлученія отъ Тебя, Спасителю? что же мучительнѣе того, чтобы разлучиться отъ Жизни и жить тамъ наподобіе мертваго, лишившись жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ быть лишеннымъ и всѣхъ благъ, потому что удаляющійся отъ Тебя лишается всякаго блага? Ибо тогда будетъ не такъ, какъ теперь на землѣ. Вѣдь нынѣ невѣдущіе Тебя наслаждаются здѣсь тѣлесно и веселятся, скача, какъ неразумныя (животныя). Имѣя то, что далъ Ты въ наслажденіе жизни, и на это одно только взирая, они думаютъ, что такъ будетъ и по исходѣ души изъсей жизни. Но худо загадываютъ, худо мудрствуютъ утверждающіе, что они (хотя и не съ Тобою, но въ упокоеніи будутъ, (для котораго) они уготовляютъ и нѣкое мѣсто—о безуміе!—непричастное ни свѣта ни тьмы, находящееся внѣ царствъ свѣта и внѣ геенны, вдали и отъ чертога и отъ огненнаго мученія. Въ него эти несчастные и желаютъ придти, говоря, что они не нуждаются въ Твоей вѣчной славѣ или царствѣ небесномъ, но будутъ въ упокоеніи. О (каково) помраченіе ихъ! о невѣдѣніе! о жалкое состояніе и пустыя надежды! Нигдѣ объ этомъ не написано, такъ какъ нигдѣ этого не будетъ. Но содѣлавшіе божественныя (дѣла) будутъ находиться во свѣтѣ (будущихъ) благъ, а дѣлатели зла во тьмѣ наказаній. Посрединѣ же будетъ страшная пропасть, раздѣляющая однихъ отъ другихъ, какъ Самъ Ты открылъ, уготовавшій это (Лук. 16, 26). Ибо эта (пропасть) посрединѣ будетъ ужаснѣе всякой пытки и муки для человѣка, попадающаго (въ нее), для того, кто несчастнымъ образомъ стремглавъ летитъ и низвергается въ (эту) бездну мученій¹⁾ и хаосъ гибели, откуда трудно взойти находящимся въ мукахъ, чтобы перейти на землю праведныхъ. (Поэтому) они предпочитаютъ ужаснымъ образомъ въ огнѣ обратиться въ пепель, чѣмъ ввергнуть себя въ эту страшную пропасть. Итакъ, желающіе быть тамъ по смерти достойны многихъ слезъ и рыданій,

¹⁾ Въ П. р. и въ л. п. это слово стоитъ во множ. числѣ.

такъ какъ, будучи совершенно безчувственны, подобно бесловеснымъ скотамъ, они сами себя накликаютъ (погибель) и сами себя прельщаютъ.

Ты, Христе,—царство небесное, Ты—земля кроткихъ, Ты рай зелёньющій, Ты чертогъ Божественный, Ты неизреченная таинница, Ты (общая) для всѣхъ трапеза, Ты хлѣбъ жизни, Ты питіе совершенно новое, Ты и чаша воды и вода жизни, Ты для каждаго изъ святыхъ свѣтильникъ неугасимый, Ты и одѣяніе, и вѣнецъ, и раздаватель вѣнцовъ, Ты радость и упокоеніе, Ты утѣха и слава, Ты веселіе, Ты и радованіе. И благодать Всесвятаго Духа Твоего, Боже мой, подобно солнцу, воасіяетъ во всѣхъ святыхъ; и среди нихъ возсіяешь Ты—неприступное Солнце; и всѣ они будутъ озаряемы по мѣрѣ вѣры и дѣлъ, надежды и любви, очищенія и просвѣщенія отъ Духа Твоего, единый долготерпѣливый Боже и Судіе всѣхъ, для которыхъ въ различныя обители и мѣста вмѣняются (различныя) степени свѣтлости и степени любви, и наоборотъ степень созерцанія Тебя (каждымъ) будетъ (степенью) величія его, славою, наслажденіемъ и честію—для различія чудныхъ обителей и жилищъ. Это и есть различныя палаты, это „обители многи“, это блестящая одежды высокихъ достоинствъ, разнообразнѣйшіе вѣнцы, (драгоценныя) камни и жемчуги, неувядающіе цвѣты, имѣющіе чудный видъ, это—одры и ложа, столы и престолы,—и всѣмъ, что только есть пріятнѣйшаго для наслажденія, было, и есть, и будетъ созерцаніе одного Тебя. Итакъ, если не видящіе Твоего свѣта, какъ сказано (выше), и Тобою не видимые, но удаленные отъ Тебя лишаются созерцанія Тебя, заключающаго всё блага, то гдѣ они найдутъ упокоеніе? гдѣ (найдутъ) безпечальное мѣсто? гдѣ вселятся они, не содѣлавшись правыми? ибо „правіи вселятся съ лицемъ Твоимъ“ (Псал. 139, 14), потому что Ты вообразился въ ихъ правомъ сердцѣ, и они съ образомъ Твоимъ, Христе мой, обитаютъ въ Тебѣ.

О чудное дѣло! о дивный даръ благостыни!—люди бывають во образъ Бога, и въ нихъ воображается Тотъ, Кто для всѣхъ невмѣстимъ,—Богъ неизмѣнный и непреложный по естеству, Который благоволитъ обитать во всѣхъ достойныхъ, дабы каждый имѣлъ внутри всего Царя, и самое царство, и все относящееся къ царству, и блисталь свѣтлѣе

лучей этого видимаго солнца, подобно тому какъ возсіялъ воскресшій Богъ мой. И предстоя Тому, Кто такъ ихъ прославиль, они пребудутъ въ изумленіи отъ преизбытка славы и непрерывнаго возрастанія [въ нихъ] Божественной свѣтлости. Ибо преспѣванію во вѣки не будетъ конца, такъ какъ остановка (или замедленіе) въ возрастаніи положить конецъ Безконечному, (внесетъ) постиженіе совершенно Непостижимаго, и Невмѣстимаго всѣми сдѣлаетъ (предметомъ) пресыщенія. Но полнота и слава свѣта Его будетъ бездной преспѣванія и началомъ безъ конца. Какъ имѣющіе Бога вообразившимся внутри, они [святые] предстоятъ Тому самому, Кто блистаетъ неприступнымъ (свѣтомъ): такимъ образомъ конецъ въ нихъ является началомъ славы; излагая же яснѣе свою мысль, [скажу] въ концѣ они будутъ имѣть начало и въ началѣ конецъ. Совершенно [абсолютно] Полный, согласись со мною, не нуждается въ прибавленіи, и текущіе за Безконечнымъ не достигаютъ конца. Ибо если пройдетъ это видимое небо и земля и все, что на землѣ (разумѣй, о чемъ я сказалъ); то [возможно ли] будетъ уловить мѣсто, гдѣ ты найдешь конецъ, не говорю тѣлесный, но возможешь ли ты [хотя бы] умомъ объять полноту безтѣлеснаго міра? Онъ же не міръ есть, но воздухъ, какъ прежде [было], и не воздухъ, но невыразимое пространство, которое называется „все“ (универсъ) ¹⁾ и есть совершенно безконечная бездна, отовсюду съ разныхъ сторонъ равно цѣлостная, и это „все“ наполнено Божественнымъ Божествомъ. Итакъ, дѣлающіеся причастными Его и въ Немъ обитающіе какъ могутъ всего Его объять, чтобы (даже) пресытиться (Имъ)? или какъ, скажи мнѣ, они достигнутъ конца Безконечнаго?—Невозможно (это) и совершенно неосуществимо. Такая мысль совершенно не можетъ и въ [умѣ] придти святымъ, ни здѣсь во плоти сущимъ, ни туда въ Богѣ представившимся. Ибо, покрываясь свѣтомъ Божественной славы, осіяваясь и сіяя, и наслаждаясь этимъ, они съ полной и всецѣлой увѣренностью поистинѣ знаютъ, что совершенствованіе ихъ будетъ безконечнымъ и преспѣваніе въ славѣ—вѣчнымъ. Гдѣ же будутъ стоять, удивляюсь я, отпадающіе отъ Бога и далеко отстоящіе отъ Того, Кто вездѣ находится? И поистинѣ, братіе, это—

¹⁾ τὸ πᾶν—universum; ср. I Кор. 15, 28.

чудо, исполненное великаго ужаса, и чтобы хорошо уразумѣть его и не впасть въ ересь, какъ бы не довѣряя глаголамъ Божественнаго Духа, требуется разсужденіе ума просвѣщеннаго. Хотя и они будутъ находится внутри „всего“, но поистинѣ внѣ Божественнаго свѣта и внѣ Бога. Ибо подобно тому, какъ (слѣпцы), не видящіе сіяющаго солнца, хотя и всецѣло, со всѣхъ сторонъ бывають освѣщаемы (имъ), однако являются внѣ свѣта, будучи удалены отъ него чувствомъ и зрѣніемъ; такъ и Божественный свѣтъ Троицы есть во „всемъ“, но грѣшники, заключенные во тьмѣ, и среди (него) не видятъ (его) и совершенно не имѣють божественнаго (познанія) и чувства; но опаляемые и осуждаемые своею (собственною) совѣстію, они будутъ имѣть неизреченное мученіе и невыразимую скорбь во вѣки.

XXVIII.

Исполненныя любви къ Богу слова Отца показываютъ здѣсь, какое измѣненіе произошло въ немъ, какъ онъ, вконецъ очистившись, соединился съ Богомъ и изъ какого какимъ сталъ. Къ концу онъ, богословствуя, говоритъ (еще) и объ Ангелахъ¹⁾.

О какъ безмѣрно благоутробіе Твое, Спасителю! Какъ Ты удостоилъ меня содѣлаться членомъ Твоимъ, (меня) нечистаго, погибшаго и блуднаго? и какъ облекъ меня въ свѣтлѣйшую одежду, блистающую сіяніемъ безсмертія и содѣвающую свѣтомъ всѣ мои члены? Ибо пречистое и Божественное тѣло Твое все блистаетъ огнемъ Божества Твоего, растворившись и неизреченно смѣшавшись [съ Нимъ]. Итакъ, Ты и мнѣ даровалъ его, Боже мой, ибо нечистая и тлѣнная сія хранина (тѣла моего) соединилась съ пречистымъ Твоимъ тѣломъ, и кровь моя смѣшалась съ кровію Твоею; знаю, что я соединился и съ Божествомъ Твоимъ, и содѣлался тѣломъ Твоимъ чистѣйшимъ, членомъ Твоимъ блистающимъ, членомъ поистинѣ святымъ, членомъ свѣтлымъ, прозрачнымъ²⁾ и сіяющимъ. Я вижу красоту (Твою), вижу

¹⁾ Въ П. р. 2 слово; въ л. п. 3 глава.

²⁾ Въ П. р. вмѣсто *διανυτός* стоятъ *δι' αὐτῆς*, т. е. и черезъ Него (Божество) сіяющимъ.

сіяніе, (какъ) въ зеркалѣ, вижу свѣтъ благодати Твоей, и изумляюсь неизреченному [чуду] свѣта, прихожу въ изступленіе, замѣчая себя самого, изъ какого какимъ—о чудо—я сталъ, и страшусь, и стыжусь себя самого, и какъ бы Тебя Самого почитаю и боюсь, и совершенно недоумѣваю въ заботѣ о томъ, гдѣ бы мнѣ сѣсть, и къ кому приблизиться, и гдѣ склонить эти члены Твои, для какихъ дѣлъ и дѣяній мнѣ употребить ихъ—эти страшныя и Божественныя (члены). Дай мнѣ, о Творче, и Создателю, и Боже мой, и говорить и дѣлать то, о чемъ говорю я. Ибо если я не исполняю на дѣлѣ того, о чемъ говорю, то я сталъ мѣдью громко и всуе звенящей (I Кор. 13, 1) и не чувствующей звука ударовъ. Но непусти и не оставь, и не дай, Спасителю мой, заблуждаться мнѣ жалкому, нищему и странному, должному Тебѣ десять тысячъ талантовъ (Мѣ. 18, 24). Но какъ нѣкогда, такъ и нынѣ, Слове, содѣлай: ибо тогда отъ наслѣдія и всей земли отеческой, отъ отца, братьевъ, матери, своихъ и чужихъ, и всѣхъ другихъ сродниковъ и друзей Ты отдѣлилъ меня, Спасе, грѣшника и худшаго всѣхъ ихъ, воспринялъ въ пречистыя Твои объятія—явившагося неблагодарнымъ за Твои благодѣянія; такъ и нынѣ помилуй меня, Милостиве, такъ и даже болѣе умилосердись ко мнѣ, о Боже мой, и охраняй меня, и обуздывай (неправыя) движенія духа моего, и содѣлай меня способнымъ долготерпѣливо переносить всякое искушеніе и печаль житейскую, и что я самъ себя причиняю (своимъ) худымъ мудрованіемъ, чѣмъ искушаетъ меня завистливый бѣсовскій родъ, и что дѣломъ и словомъ причиняютъ мнѣ немощныя изъ этихъ братій моихъ. Увы и горе мнѣ! такъ какъ члены мои губятъ меня, и чрезъ нихъ же опять я страдаю, влекомя бывая ногами—я, которому главою предназначено быть. Ходя босыми ногами, я искололъ ихъ терніемъ, и сильно страдаю, не вынося боли. Одна изъ ногъ моихъ идетъ впередъ, другая напротивъ обращается назадъ; онѣ тащатъ и влечатъ меня туда и сюда, я спотыкаюсь и падаю внизъ. Итакъ, я не могу (уже) слѣдовать за всѣми. Худо—лежать, но и ходить такъ еще хуже, нежели лежать, ибо (это) поистинѣ ужасно, такъ какъ превосходитъ всякія иныя несчастія. Дай мнѣ, Господи, сокрушеніе и плачь и сподоби во мракѣ сей жизни, въ этомъ мірѣ—юдоли скорби поработать

Тебѣ и добрѣ послужить и святыя заповѣди Твои сохранить. Благодарю Тебя, что Ты далъ мнѣ жить, и знать Тебя, и поклоняться (Тебѣ), Боже мой. Ибо это есть жизнь, (чтобы) знать Тебя единого Бога, Создателя и Творца всѣхъ, нерожденнаго, несозданнаго, единого безначальнаго, и Сына Твоего, отъ Тебя рожденнаго (Іоан. 17, 3), и исходящаго (отъ Тебя) Всесвятаго Духа ¹⁾—всехвальную Троичную Единицу, Которой поклоняться и благочестно служить—превосходнѣе всякой иной славы, назвалъ ли бы ты земную (славу) или небесную.

Ибо что есть слова Ангеловъ, Архангеловъ, Господствъ, Херувимовъ и Серафимовъ и всѣхъ прочихъ небесныхъ воинствъ, (что есть слава ихъ), или свѣтъ безсмертія, или радость, или сіяніе жизни невещественной, какъ не единый свѣтъ Св. Троицы, нераздѣльно тройко раздѣляемый, который единъ въ трехъ лицахъ (*χαρακτήρισί*) и недовѣдомо познаваемъ, поскольку Онъ хочетъ. Ибо невозможно, чтобы тварь такъ знала Творца всего, какъ Онъ Самъ Себя знаетъ по естеству; по благодати же видятъ Его и разумѣютъ

¹⁾ Καὶ τὸν σὸν ὕλον ἀπὸ σοῦ γεννηθέντα, καὶ ἐκπορευτὸν τοῦ Πανάρχου Πνεύματος. Ученіе объ исхожденіи Духа Святаго высказано здѣсь нѣсколько неполно, такъ какъ пр. Симеону при стихотворной формѣ гимна приходилось въ данномъ случаѣ считаться съ требованіями метрики. Тѣмъ не менѣе на основаніи раастановки словъ это мѣсто можно перевести не иначе, какъ въ православномъ смыслѣ. Между тѣмъ Понтанъ даетъ такой переводъ этого мѣста: et Filium ex te genitum, et procedentem ex utroque Spiritum sanctissimum. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ явное искаженіе подлиннаго греческ. текста латинск. переводчикомъ подъ влияніемъ римско-католич. ученія—filioque. Но у нашего св. Отца нѣтъ никакихъ намековъ на послѣднее. Пр. Симеонъ въ своихъ бесѣдахъ или словахъ весьма ясно учитъ объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца. См. греч. изд. твор. Симеона НБ. ἐν Σόφῳ 1888 μ. I, λ. 57 σ. 294; λ. 61 σ. 320; λ. 62, σσ. 324, 325; λ. 80 σ. 438. Р. п. „Слова“ пр. Симеона Н. Б. вып. II М. 1890 стр. 46, 49, 103, 105, 331 и др. Важнѣе въ данномъ случаѣ сослаться на гимны пр. Симеона, для которыхъ имѣется печатный подлинный текстъ. Но и въ гимнахъ совершенно ясно выражено православное ученіе объ исхожденіи Духа Святаго, напр. въ 34 гимнѣ читаемъ: ...ἐκ Πατρὸς τὸ Πνεῦμα, μᾶλλον δ' ἐν Πατρὶ καὶ μένει καὶ προέρχεται ἀφ' ὧσως. Даже и Понтанъ не рѣшился извратить этого мѣста въ латинск. переводѣ. См. послѣдній у MP. gr. t. CXX Div. amor. c. XXXI, col. 578D. Въ 42 гимнѣ пр. Симеонъ пишетъ: Εὶ ὁ Πατὴρ γὰρ ἐν σοὶ, καὶ σὺ ἐν τῇ Πατρὶ σου, καὶ ἐξ αὐτοῦ τὸ Ἅγιον προέρχεται σου Πνεῦμα... Цитир. греч. изд. μ. II σσ. 492 и 632. См. еще 59 гимнъ въ настоящемъ переводѣ и подлинный текстъ къ нему въ приложеніи I.

всѣ Ангелы и всякая тварная природа, не постигая, но разумѣя, поскольку Свѣтъ этотъ пожелаетъ быть познаннымъ или явиться слѣпымъ, а также и видящимъ, конечно. Ибо и глазъ безъ свѣта не видитъ, но зрѣніе онъ получаетъ отъ свѣта, такъ какъ онъ имъ произведенъ. Назовешь ли ты тѣлесное или безтѣлесное, найдешь, что все Богъ сотворилъ, что на небесахъ (о чемъ бы ты не услышалъ), что на землѣ и что въ безднахъ. И для всего этого единою жизнью и славой, единымъ желаніемъ и единымъ царствомъ, богатствомъ, радостію, вѣнцомъ, побѣдой ¹⁾, миромъ и всякимъ инымъ благолѣпіемъ является познаніе Начала и Причины, отъ Которой все произведено и произошло. Она есть составленіе вышняго и нижняго. Она—упорядоченіе всего умопостигаемаго, Она — уясненіе ²⁾ всего видимаго. Ее имѣли крѣпкимъ стояніемъ Ангелы, обогатившіеся еще большимъ познаніемъ и страхомъ, когда они увидѣли паденіе сатаны и прельщенныхъ съ нимъ самомяннѣемъ. Ибо которые только забыли Ее, тѣ и пали, поработившись превозношеніемъ; тѣ же, которые напротивъ имѣли Ее въ разумъ, возвысились страхомъ и любовію, прилѣпившись ко Владыкѣ своему. Поэтому познаніе власти (Господней) умножило (въ нихъ) также и любовь, такъ какъ они увидѣли еще болѣе блистательный и яснѣйшій свѣтъ Св. Троицы; а это опять отражало всякую иную мысль и дѣлало неизмѣнными тѣхъ, которые, получивъ въ началѣ измѣняемую природу, пребываютъ на высотѣ небожителей.

XXIX.

Содѣлавшійся причастникомъ Духа Святаго, будучи восхищаемъ Его свѣтомъ или ³⁾ силою, возвышается надъ всеми страстями, не терпя вреда отъ приближенія ихъ ⁴⁾.

О Боже и Господи Вседержителю! кто насытится Твоей невидимой красотой? кто наполнится Твоей необъятностью?

¹⁾ Въ П. р. стоитъ не *νίκος*, но *νίκος*, и въ л. п.—*victoria*.

²⁾ Въ П. к. вмѣсто *διήλσις* читается *δοῦλοσις*—подчиненіе; въ л. п., согласно последнему чтенію, стоитъ также *subjectio*. Но первое чтеніе болѣе, кажется, отвѣчаетъ контексту рѣчи.

³⁾ Въ П. р. здѣсь стоитъ *καί*—и силою.

⁴⁾ Въ П. к. и въ л. п. этотъ гимнъ извѣстенъ какъ 9 слово или глава.

кто ¹⁾, (хотя бы) и достойно ходилъ Онъ въ заповѣдяхъ Твоихъ, увидить свѣтъ лица Твоего? (Нѣчто) великое, дивное и совершенно невозможное—чтобы живущій въ этомъ тяжеломъ и мрачномъ мѣрѣ унесся съ тѣломъ изъ міра. О чудное таинство! Кто преступилъ своей плоти преграду? кто, пройдя мракъ тлѣнія, скрылся (отсюда), оставивъ весь мѣръ? О убожество (нашего) познанія и рѣчи! ²⁾ Ибо гдѣ скрылся тотъ, кто, пройдя этотъ мѣръ, унесся за предѣлы всего видимого?—скажи, мудрость мудрецовъ отвергнутая, чтобы не сказать—обращенная Богомъ въ безуміе, какъ говоритъ Павелъ (I Кор. 1, 19—20) и всякій рабъ Божій. Онъ мужъ желаній Духа; онъ, приближаясь тѣломъ къ тѣлу, духомъ можетъ свягъ быть. Ибо внѣ міра и этихъ тѣлъ нѣтъ желанія плотской страсти, но—нѣкое безстрастіе, которое кто возлюбилъ, тотъ чрезъ эту любовь приобрѣлъ жизнь. Ибо хотя бы ты видѣлъ его ведущимъ себя непристойно и какъ бы прибѣгающимъ къ (такого рода) дѣйствіямъ, знай, что это тѣло онъ мертвымъ содѣлалъ, не говорю (тѣломъ) безъ души, чрезъ которую оно движется, но—безъ злой похоти. Ибо наслажденіе прекраснымъ безстрастіемъ и тотъ свѣтъ, который изъ-за него неизреченнымъ образомъ любитъ меня, приводя въ изступленіе весь умъ мой, восхищаетъ его и, держа обнаженнымъ невещественною рукою, не попускаетъ мнѣ отпасть отъ любви къ нему (свѣту) или допустить (въ умѣ) страстный помысль, но безпрестанно цѣлуетъ (меня); и эта любовь воспламеняетъ душу мою, и нѣтъ во мнѣ иного чувства. Ибо насколько чистѣйшій хлѣбъ дороже и слаще помета, настолько и несравненно болѣе горнее превосходить дальнее для тѣхъ, которые хорошо отвѣдали (его). Устыдись, мудрость мудрецовъ, поистинѣ лишенная вѣдѣнія. Ибо простота нашихъ рѣчей (самымъ) дѣломъ обладаетъ истинною мудростію, приближающею къ Богу и поклоняющею Тому, отъ Кого дается всякая жизненная премудрость, чрезъ которую я возсоздаюсь и обожаюсь, созерцая Бога во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Въ II. р. не *τις*, а *πῶς*—какимъ образомъ, достойно ходя и пр.

²⁾ *Βαβαί ὑπόσεως καὶ λόγων ἐπιτελείας*; въ л. п. *Parae, quam facilis ista cognitio, et non subtilis oratio*—о какъ легковѣсно это познаніе и какъ не точна (наша) рѣчь!

XXX.

БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ ЗА ДАРЫ, КОТОРЫХЪ (СВ. ОТЕЦЪ) УДОСТОИЛСЯ ОТЪ НЕГО. И ¹⁾ о томъ, что достоинство священства и ²⁾ игуменства страшно даже ³⁾ для Ангеловъ ⁴⁾.

Я не могу, Владыко, говорить, хотя бы и хотѣлъ. Ибо что вообще скажу я, будучи нечистъ и въ помыслахъ, и въ дѣйствіяхъ, и во всѣхъ представленіяхъ? Однако уязвленный душою и горя внутри, я хотя нѣчто желаю сказать Тебѣ, о Боже мой. Ибо я вижу всего себя, и Ты, какъ Богъ мой, вѣдаешь, что я отъ (самаго) рожденія осквернилъ всѣ тѣлесныя и душевныя члены свои, будучи весь грѣхомъ ⁵⁾.

Усматривая милость и человѣколюбіе и многія Твои благодѣянія, которыя Ты содѣлалъ на мнѣ, я становлюсь безгласнымъ и едва не мертвѣю, и постоянно тужу и печалюсь, несчастный, такъ какъ я недостойнъ всѣхъ (Твоихъ) благъ. Когда же, придя въ себя, я восхожу, Христе, помыслить въ умѣ о множествѣ ⁶⁾ грѣховъ своихъ и о томъ, что я не сдѣлалъ въ жизни ни одного добраго (дѣла), но вмѣсто наказанія и праведанго Твоего гнѣва, который я долженъ былъ бы понести, какъ много разъ огорчившій Тебя, Ты напротивъ удостоилъ меня нынѣ столь великихъ благъ; то прихожу въ отчаяніе и боюсь суда Твоего, такъ какъ (донныѣ) я повседневно грѣхи (къ грѣхамъ) прилагаю; и трепещу, чтобы ве-

^{1) 2) 3)} Въ печатномъ греческ. текстѣ адѣсь вездѣ стоятъ частица *η*, но въ П. р. вездѣ *καί*; и въ л. п. въ первомъ и второмъ случаѣ *ας*, а въ третьемъ *quoque*.

⁴⁾ Въ П. р. и въ л. п. этотъ гимнь стоитъ подъ номеромъ 14-мъ.

⁵⁾ Латинск. переводчикъ дѣлаетъ къ этому мѣсту примѣчаніе, гдѣ, приводя параллели изъ псал. 37, 4. 8, замѣчаетъ, что пр. Симеонъ говорить это по смиренію и по скромности; затѣмъ изъясняетъ, въ какомъ смыслѣ человѣкъ можетъ быть названъ весь грѣхомъ, т. е. гиперболически; и, наконецъ, дѣлаетъ предостереженіе противъ возможныхъ попытокъ обосновать на этомъ нареченіи св. Отца ученіе о ненаглядности первороднаго грѣха даже послѣ крещенія. Мы не вполнѣ раздѣляемъ неглубокія мысли автора примѣчанія, поэтому и не приводимъ его сполна.

⁶⁾ Въ данномъ случаѣ мы слѣдуемъ чтенію П. р. и л. п.; но въ греческомъ печатномъ текстѣ вмѣсто *πληθῆ* читается *πάδη τῶν κακῶν μου* — о алыхъ страстяхъ своихъ.

ликаго милосердія и человѣколюбія Твоего Ты не обратишь (мнѣ) въ ярость бѣльшаго наказанія, такъ какъ, благодѣтельствуемый (Тобою), я тѣмъ болѣе являюсь неблагодарнымъ къ Тебѣ, будучи злымъ рабомъ у Тебя—благаго Владыки. Поэтому всему прочему, что служило къ терпѣнію, доставляя мнѣ надежду жизни вѣчной, я много (разъ) радовался, какъ Тебѣ одному вѣдомо, уповая чрезъ то на благость и милосердіе Твое. Ибо для того Ты, Христе мой, и взялъ меня отъ всего міра и отдѣлилъ отъ всѣхъ сродниковъ и друзей, чтобы помиловать и спасти меня. Увѣряемый въ этомъ Твоею благодатію, я имѣлъ ненасытную радость и твердую надежду. О двухъ же этихъ послѣднихъ, которымъ Ты, Царю мой, благоволилъ быть во мнѣ, я не знаю, что мнѣ сказать. Онѣ и душу мою и умъ лишаютъ слова, и останавливаютъ дѣйствія и всякія мысли, и даже отягощаютъ величіемъ славы Твоей, едва не убѣждая меня, Спасителю мой, [такъ] упраздниться, чтобы ничего не говорить, ничего не дѣлать, ничего изъ этихъ (вещей) не касаться.

И я самъ недоумѣваю, удивляюсь и печалюсь, какъ я несчастный согласился служить и литургисать при такихъ неизреченныхъ (таинствахъ), на которыя Ангелы трепещутъ взирать безъ страха, (чего) убоялись пророки, услыша о непостижимомъ (дѣлѣ) славы и вмѣстѣ домостроительства, (о чемъ) Апостолы, мученики и множество учителей вопіютъ и взываютъ, что они недостойны открыто проповѣдывать (о томъ) всѣмъ находящимся въ мірѣ. Какъ же я погибшій и блудный, какъ я презрѣнный удостоился стать игуменомъ братій, священнодѣйствователемъ Божественныхъ таинствъ и служителемъ пречистой Троицы? Ибо когда полагается хлѣбъ и вливается вино въ знаменованіе ¹⁾ плоти и крови Твоей, Слово, тогда тамъ бываешь Ты Самъ—Богъ мой и Слово, и они поистинѣ дѣлаются тѣломъ Твоимъ и кровію, наитіемъ Духа и силою Вышняго; и мы дерзаемъ касаться Бога неприступнаго, лучше же—обитающаго во свѣтѣ неприступномъ—не только для этой тлѣнной человѣческой природы, но и всѣмъ умнымъ воинствамъ Ангеловъ. Итакъ,

¹⁾ *Εἰς ὄνομα τῆς σῆς σαρκός;* въ л. п. ad corpus et sanguinem tuum. conficiendum.

это неизреченное, это сверхъестественное дѣло и предпріятіе, для совершенія котораго я поставленъ, внушаетъ мнѣ также созерцать предъ очами смерть ¹⁾. Поэтому, оставивъ радости, я объять бываю трепетомъ, такъ какъ знаю, что ни мнѣ, ни кому-либо другому невозможно литургисать достойно и проводить въ тѣлѣ жизнь какъ бы ангельскую, лучше же сверхъангельскую, дабы, какъ показало это слово и содержать (Божественная) истина, и по достоинству стать ближайшимъ (къ Богу самихъ) Ангеловъ, какъ прикасающемуся руками и вкушающему устами Того, Которому они предстоятъ со страхомъ и трепетомъ.

А какая душа понесетъ судъ надъ братіями, надъ которыми я поставленъ быть пастыремъ? какой умъ будетъ въ состояніи неосужденно испытывать мысли каждаго (изъ нихъ) въ отдѣльности и всѣ свои (обязанности) нести безъ опущенія, избавляя себя [въ то же время] отъ осужденія ихъ? Я не думаю, чтобы это какимъ-либо образомъ возможно было для людей. Итакъ, я убѣждаюсь и хочу лучше быть ученикомъ, служба волѣ одного и слушаю словъ его, (чтобы) за одно это и отчетъ отдать, чѣмъ служить правамъ и волямъ многихъ, испытывать ихъ мысли, изслѣдовать намѣренія и еще глубже изслѣдовать ихъ дѣйствія и помыслы, потому что и меня ожидаетъ судъ, и я долженъ дать отвѣтъ за грѣхи тѣхъ, пасти которыхъ по неизреченнымъ судьбамъ Божиимъ изъ всѣхъ избранъ я одинъ. Ибо каждый будетъ судиться и дать, конечно, отчетъ въ томъ, что онъ самъ сдѣлалъ добраго или злаго. Я же одинъ за каждаго воздамъ отвѣтъ. И какъ я хочу спастись или быть помплованнымъ, когда я даже для спасенія своей жалкой души не могу показать никакого дѣла? Ибо ²⁾ вполнѣ будь увѣренъ, что я не имѣю, что сказать, такъ какъ никогда не сдѣлалъ ни малаго, ни великаго дѣла, чрезъ которое могу избавиться отъ вѣчнаго огня. Но, о челоуѣколюбивый и благоутробный Спасителю, дай мнѣ смиренному Божественную силу, такъ чтобы я разумно чрезъ слово пасъ тѣхъ братій, которыхъ Ты далъ мнѣ, паставляя (ихъ) на пажити Божественныхъ Твоихъ законовъ, и возво-

¹⁾ Ср. I Кор. 11, 26.

²⁾ Въ л. н. опущены дальнѣйшіе два стиха до словъ: „чрезъ которое могу“...

диль бы въ обители горняго царствія спасенными, цѣлыми, невредимыми, блистающими красотою добродѣтелей и достойными поклонниками страшнаго престола Твоего. И меня также недостойнаго воспринми отъ міра, хотя и покрытаго многими грѣховными язвами, но однако вмѣстѣ съ тѣмъ и служителя и непотребнаго раба Твоего, и къ ликамъ избранныхъ, имиже вѣси судьбами, вмѣстѣ съ учениками моими сопричти, дабы мы все вмѣстѣ видѣли славу Твою Божественную и наслаждались неизреченными благами Твоими, Христе. Ибо Ты—наслажденіе, утѣха и слава горячо любящихъ Тебя во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXXI.

О бывшемъ св. Отцу видѣннн Божественнаго свѣта, и какъ Божественный свѣтъ не объемлетъ тьмою въ тѣхъ, кто, изумляясь величію откровеній, помнитъ и человѣческую немощь и ¹⁾ осуждаетъ себя самого ²⁾.

Какъ опишу я, Владыко, видѣніе лица Твоего?
Какъ расскажу о несказанномъ созерцаніи красоты
(Твоей)?

Какъ звуки рѣчи вмѣстятъ Того, Кого міръ не вмѣщаетъ?

Какъ могъ бы кто-либо изречь человѣколюбіе Твое? ³⁾

Сидя при свѣтѣ свѣтящаго мнѣ свѣтильника,

Освѣщающаго мракъ ночи и тьму,

И думалъ, что нахожусь во свѣтѣ, внимая чтенію,

Изслѣдуя, каковы реченія и наблюдая (ихъ) сочетанія.

Итакъ, когда я, занимался этимъ,

Ты внезапно явился вверху гораздо большимъ солнца

И возсіялъ съ небесъ (даже) до сердца моего.

Все же прочее стало казаться мнѣ какъ бы густою
тьмою.

Свѣтлый же столпъ посрединѣ, разсѣкши весь воздухъ,
Прошелъ съ небесъ даже до меня жалкаго.

¹⁾ Въ П. р. здѣсь καί, а не η̄, какъ въ печатномъ греческ. текстѣ.

²⁾ Въ П. р. 25 слово; въ л. п. этого гимна нѣтъ.

³⁾ Въ П. р. читается πῶς τις, а не πᾶς τις.

Тотчасъ же забылъ я о свѣтѣ свѣтильника,
Выпустилъ изъ памяти, что нахожусь внутри жилища,
А сидѣлъ я въ мысленномъ воздухѣ тьмы,
Даже и о самомъ тѣлѣ я совершенно забылъ.
Я говорилъ Тебѣ и нынѣ говорю изъ глубины своего
сердца:

Помилуй меня, Владыко, помилуй меня, единый
Спасителю, никогда отнюдь не послужившаго Тебѣ,
Но прогнѣвляющаго Тебя отъ юнаго возраста.
Я испыталъ всякій плотской и душевный порокъ
И содѣлалъ грѣхи непристойные и безмѣрные,
Хуже всѣхъ людей, хуже всѣхъ безсловесныхъ,
Гадовъ и звѣрей всѣхъ превзойдя.
Итакъ, необходимо, чтобы Ты показалъ Твою милость
на мнѣ,

Болѣе всѣхъ согрѣшившемъ безумно.
Ибо не требуютъ, какъ Самъ Ты, Христе, сказалъ,
Здравые врачества, но болящiе (Мѣ. 9, 12).
Поэтому, какъ на многоболѣзненнаго и нерадящаго,
Излей, на меня, Слове, столь великую Твою милость.

Но, о игра свѣта! о движенiя огня!
О круги пламени, во мнѣ несчастномъ
Производимые Тобю и Твоею славою.
Подъ славою же я разумѣю и называю Духа Твоего
Святаго, соестественнаго и равночестнаго (Тебѣ),
Слове,

Однороднаго, единославнаго и одного единосушнаго
Отцу Твоему и Тебѣ, Христе, Боже всѣхъ.
Поклоняясь Тебѣ, благодарю, что Ты сподобилъ меня
Хотя нѣсколько познать силу Божества Твоего.
Благодарю, что Ты Самъ сѣдѣющему во тьмѣ
Открылся мнѣ, возсіялъ и удостоилъ меня видѣть
Этотъ свѣтъ лица Твоего—для всѣхъ нестерпимый.
Я пребывалъ, (какъ) знаю, сѣдѣющимъ во тьмѣ,
Но и среди нея ко мнѣ, покрытому тьмою,
Явился Ты—Свѣтъ, всего меня просвѣтилъ всѣмъ свѣ-
томъ (Своимъ),
И я сдѣлался свѣтомъ во (время) ночи, являясь (имъ)
среди тьмы.

Ни тьма не объяла всего свѣта Твоего,

И свѣтъ не прогналъ видимой тьмы,
Но они (были) вмѣстѣ несліянными и совершенно раз-
дѣльными,

Далеко другъ отъ друга, какъ и слѣдуетъ—отнюдь не
растворившимся.

Однако въ одномъ и томъ же [мѣстѣ] они наполняютъ,
какъ я думаю, все [пространство].

Такимъ образомъ я нахожусь во свѣтѣ, будучи среди
тьмы,

И наоборотъ я пребываю во тьмѣ среди свѣта:

Вотъ—и среди свѣта, вотъ и—среди тьмы.

И кто, спрашиваю я, дастъ мнѣ во тьмѣ и среди (тьмы)
найти свѣтъ,

Воспріятія котораго она не вмѣщаетъ? ибо какъ тьма
вмѣститъ

Внутри свѣтъ, не убѣжавъ, но оставшись среди

Свѣта тьмою? О страшное чудо, видимое

Двойко, двойными очами, тѣлесными и душевными.

Послушай теперь о страшныхъ (вещахъ) двоякаго
Бога ⁴⁾ (я говорю о тебѣ) ⁵⁾,

Бывшихъ и для меня, двоякаго, какъ человѣка.

Онъ (Сынъ Божій) воспріять плоть мою и далъ мнѣ
Духа,

И я сдѣлался Богомъ по благодати Божественной,

Сыномъ по усыновленію, однако (сыномъ) Божиимъ. О
(высокое) достоинство! о слава!

Какъ человѣкъ, я печалюсь и считаю себя самого
несчастливымъ;

И помышляя о своей немощи, въздыхаю,

Будучи совершенно недостойнъ жизни, какъ хорошо я
знаю.

Уповаю же на благодать Его и размышляю

О той добрѣтѣ, какую Онъ даровалъ мнѣ, я радуюсь,
видя (ее).

Итакъ, съ одной стороны, какъ человѣкъ, я не умѣю
созерцать ничего Божественнаго,

Будучи совершенно отдѣленъ отъ невидимаго;

¹⁾ т. е. обоженного человѣка, очевидно.

²⁾ т. е., слушатель или читатель.

Съ другой стороны, вижу, что чрезъ синоположеніе я
сдѣлался Богомъ,
И бываю причастникомъ (того), что неприкосновенно.
Какъ человѣкъ, я не имѣю ничего возвышеннаго и
Божественнаго,

А какъ помилованный нынѣ благодію Божіею,
Имѣю [въ себѣ] Христа ¹⁾—Благодѣтеля всѣхъ.
Поэтому я снова припадаю (къ Тебѣ), Владыко, моля
(о томъ),

Чтобы мнѣ отнюдь не лишиться надежды моей на Тебя,
И пребыванія [съ Тобою], и чести, славы и царствія.
Но какъ нынѣ Ты сподобилъ меня, Спасителю, видѣть
Тебя,

Такъ и по смерти дай мнѣ видѣть Тебя,
Не говорю, насколько (видѣть), но милостиво и благо-
утробно [воззри тогда],
Благоутробне, милостивымъ Твоимъ окомъ, какъ и нынѣ
взираешь на меня,

Исполняя меня Твоей радости и Божественной сладости.
Ей, Творче и Создателю мой, покрой меня рукою Твоею,
И не остави меня, и не памятозлобствуй,
Не поставь (въ осужденіе), Владыко, великой неблаго-
дарности моей.

Но сподоби меня даже до кончины во свѣтъ Твоемъ
Нелѣпно ходить путемъ заповѣдей Твоихъ,
И въ него—во свѣтъ рукъ Твоихъ, Всемилостиве,
Предать духъ свой, избавляя меня, Слове, отъ враговъ,
Тьмы, огня и вѣчныхъ мученій.

Ей, великій въ щедротахъ и неизреченный въ милости,
Сподоби въ руки Твои предать душу мою,
Какъ и нынѣ я нахожусь въ рукъ Твоей, Спасе.
Итакъ, да не возбранитъ грѣхъ пути моему,
Да не отторгнетъ онъ, да не отлучитъ меня отъ руки
Твоей.

Но да посрамится страшный князь—душетлитель,
Видя меня находящимся въ Твоей длани, Владыко,
Какъ и нынѣ онъ не смѣетъ приблизиться ко мнѣ,
Видя меня покрываемымъ Твоею благодатію.

¹⁾ Τὸν Κύριον прибавлено въ П. р.

Не осуди меня, Христе, во адъ и не отрини,
Не сведи душу мою во глубину смерти,
Такъ какъ я дерзаю именовать Твое имя,
Нечистый, мерзкій и совершенно оскверненный.
Да не разверзется земля и да не поглотитъ, Слове,
меня преступника,
Совершенно недостойнаго ни жить ни пользоваться
рѣчью.
Да не спидеть огонь на меня и да не пожретъ меня
внезапно,
Такъ что я не буду имѣть возможности сказать даже:
Господи, помилуй.
О великій въ милосердіи и по естеству Человѣколю-
бецъ!
Не види въ судъ со мною.
Ибо что вообще я провѣщаю [на судѣ], будучи (весь)
грѣхомъ?
Да и могъ ли бы я хотя нѣчто сказать [въ свое оправ-
даніе], осужденный (уже),
Отъ чрева матери своей безмѣрно предъ Тобою со-
грѣшившій
И донныѣ пребывающій безчувственнымъ къ Твоему
долготерпѣнію,
Тьмочисленно низведенный во глубину ада
И извлеченный оттуда Твоею Божественною благостію,
Члены и плоть души и тѣла своего
Осквернившій, какъ никто другой изъ живущихъ на
свѣтѣ,
Неистовый и безстыдный любитель удовольствій,
Злой и лукавый отъ душевной порочности
И ни одной Твоей, Христе, заповѣди отнюдь не со-
блюшій?
Что скажу я въ свою защиту, что отвѣчу Тебѣ,
Съ какою душою снесу Твои обличенія, о Боже мой,
Когда Ты обнажишь мои беззаконія и злодѣянія?
О бессмертный Царю! не покажи ихъ всѣмъ,
Такъ какъ я трепещу, помышляя о дѣлахъ моей юности.
Говорить (о нихъ) было бы ужасно и постыдно,
Такъ какъ если бы Ты пожелалъ открыть ихъ предъ
всѣми,

То стыдъ мой будетъ хуже всякаго мученія.
Ибо кто, увидя мое сладострастіе и распутство,
Кто, увидя нечистыя объятія и постыдныя мои дѣянія,
Которыми я и нынѣ оскверняю себя, принимая ихъ въ
умѣ,

Не ужаснется, весь не содрогнется
И не воззоветъ, тотчасъ отвративъ очи
И говоря: смерть всескверному этому!
Повели, Владыко, связать этого несчастнаго по рукамъ
и ногамъ

И вскорѣ же ввергнуть во мрачный огонь,
Чтобы не смотрѣть на него намъ, вѣрнымъ рабамъ Твоимъ.
(Ибо) поистинѣ—достойно, Владыко, поистинѣ праведно.
(Такъ) всѣ они скажутъ, и Ты Самъ сотворишь (это),
И я распутный и блудный буду вверженъ въ огонь.
Но Ты, пришедшій спасти блудниковъ и блудницъ,
Не посрами меня, Христе, въ день судный,
Когда ¹⁾ Ты поставишь овецъ Твоихъ одесную Себя,
А меня и козлищъ ошуюю Себя.
Но свѣтъ (Твой) пречистый, свѣтъ лица Твоего
Да покроетъ дѣла мои и наготу души моей,
И да облечетъ меня въ свѣтлую (одежду), дабы я со
дерзновеніемъ
Непостыдно сопритченъ былъ къ деснымъ овцамъ
И съ ними славилъ Тебя во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXXII.

Здѣсь Отецъ съ изумленіемъ рассказываетъ о томъ,
какъ онъ видѣлъ Бога, подобно апостоламъ Стефану
и Павлу ²⁾.

Что это за новое чудо, которое и нынѣ бываетъ? Богъ и
нынѣ желаетъ быть видимымъ для грѣшниковъ—Тотъ, Кто
нѣкогда, сокрывшись, восшелъ горѣ и возсѣлъ на небесахъ
на Отчемъ престолѣ. Ибо Онъ скрылся отъ взоровъ Боже-

¹⁾ Въ П. р. бгъ.

²⁾ Этотъ гимнъ имѣется и въ П. к. и въ л. п.: въ первомъ, какъ 11 слово,
а въ последнемъ какъ 11 глава.

ственныхъ Апостоловъ, и послѣ того одинъ только Стефанъ, какъ мы слышали, видѣлъ отверзшіяся небеса и сказалъ тогда: я вижу Сына, стоящаго одесную славы Отца (Дѣян. 7, 55—56), и тутъ же, какъ изрекшіи хулу, были побиты камнями самими законоучителями; и (хотя) умеръ по закону природы, но (пребываетъ) живымъ во вѣки. Однако онъ именно былъ Апостоломъ, весь освященъ былъ и преисполненъ Всесвятаго Духа. Съ другой стороны то было начало проповѣди, (когда) было множество невѣрныхъ, которые, увѣровавъ во Христа чрезъ Апостоловъ, получали благодать, которая есть даръ вѣры. Но что нынѣ значить это необычайное дѣло, которое во мнѣ происходитъ? что бы могло значить то страшное и изумительное (явленіе), которое совершается нынѣ? что это за образъ человѣколюбія, являемый теперь? необычайное богатство благодати? иной источникъ милости, гораздо болѣе (обильный), чѣмъ существовавшіе древле? Ибо многіе были помилованы Божественнымъ человѣколюбіемъ, но они и сами привносили нѣчто свое: вѣру и другія добродѣтели и благопріятныя дѣянія. Я же, помышляя о томъ, что лишень всего этого, ужасаюсь и не могу сносить того, что во мнѣ блудномъ отъ утробы (матери) содѣлываетъ Богъ, (однимъ) словомъ создавшій всю тварь. Если я боюсь даже помыслить о томъ, то какъ опишу то словесно? (Ибо ¹⁾ какая рука послужить этому дѣлу? какая трость начертить?) какое слово могло бы выразить, какой языкъ высказать, какія уста изрекутъ то, что видится во мнѣ происходящимъ и совершающимся цѣлый день? Ибо и въ самой ночи и въ самой тьмѣ я съ трепетомъ вижу Христа, Который отверзаетъ мнѣ небеса, Самъ склоняется (оттуда) и видится мнѣ вмѣстѣ съ Отцомъ и Духомъ—Свѣтомъ трисвятымъ. (Итакъ) одинъ въ трехъ, и въ одномъ три (именно ²⁾ Свѣтъ есть, конечно, и одинъ Свѣтъ—три), Свѣтъ, Который озаряетъ душу мою свѣтлѣе солнца и просвѣщаетъ мой омраченный умъ. Вѣдь если бы умъ мой видѣлъ, то видѣлъ бы отъ начала. Но, повѣрьте, я былъ слѣпъ и не видѣлъ, и потому чудо тѣмъ болѣе меня изумляетъ, когда Онъ и око ума

¹⁾ Это и слѣдующее предложеніе взяты изъ л. п.

²⁾ Слова въ скобкахъ изъ л. п.

моего какъ-то отверзаетъ и какъ-то даетъ видѣть, и (Самъ) есть видимый? Ибо Самъ Онъ свѣтомъ во свѣтѣ является видящимъ; и наоборотъ видящiе во свѣтѣ Его видятъ, ибо видящiе видятъ во свѣтѣ Духа; и видящiе въ Немъ созерцаютъ и Сына. А кто удостоился видѣть Сына, тотъ видитъ (также и) Отца. Созерцающiй же Отца видитъ Его, конечно, съ Сыномъ, что и нынѣ, какъ сказано, во мнѣ совершается. Я и неумышленное нѣсколько уразумѣваю и, поражаясь великимъ изумленiемъ и одержимый страхомъ, созерцаю нынѣ вдали тѣ красоты, которыя незримы по причинѣ неприступнаго свѣта и нестерпимой славы.

Между тѣмъ я вижу одну только каплю изъ океана, но какъ въ каплѣ обнаруживается вся (совокупность) вода, какого онѣ качества и вида, какъ по краю каймы (видна) вся ткань, или какъ говорятъ, по когтямъ (видно) звѣря, (что) левъ; такъ и я, объемля цѣлое въ маломъ, вижу Самого Христа и Бога моего и поклоняюсь Ему. Нѣкоторымъ же утѣшенiемъ для ума моего служило (уже) то, что я, дабы не быть опаленнымъ и сожженнымъ, „яко воскъ отъ (лица) огня“, по слову пророка (Ис. 67, 3), находился вдали отъ неприступнаго огня и стоялъ среди тьмы, окутанный ею; поэтому, выглядывая, какъ бы чрезъ малую скважину, я ощущалъ головокруженiе. Живя въ этой (тьмѣ) и занимаемая (ею) умъ, а думая, что я словно смотрю на небо, и трепеща, чтобы (огонь), приблизившись болѣе, не пожралъ меня, я обрѣлъ Того самаго, Кого видѣлъ вдали, Кого видѣлъ и Стефанъ въ отверзтыхъ небесахъ, и (Кого) опять Повелъ увидѣвъ впоследствии, былъ ослѣпленъ (Дѣян. 9, 8),— (Его-то) всего поистинѣ, какъ огонь, я обрѣлъ въ глубинѣ своего сердца. Итакъ, пораженный чудомъ и сильно трепеща, я пришелъ въ иступленiе, весь разслабѣвъ и сдѣлавшись совершенно безпомощнымъ. И не вынося нестерпимой славы, въ ночь этихъ ощущенiй, я обратился въ бѣгство, и подавленный помыслами, скрылся въ нихъ, какъ бы войдя въ гробъ, и приваливъ вмѣсто камня это тягчайшее тѣло, я покрылся (имъ) и скрылся въ своемъ мнѣнiи отъ Вездѣсущаго, отъ Того, Кто нѣкогда воскресилъ меня мертваго и погребеннаго. Ибо, трепеща и не въ состоянiи будучи видѣть Его славу, я предпочелъ войти и пребывать въ могилѣ (и

обитать съ мертвыми, живя и самъ въ могилѣ¹⁾, нежели быть сожженнымъ и совершенно погибнуть. Сидя тамъ, мнѣ блудному должно, конечно, безпрестанно рыдать и плакать о томъ, что я потерялъ Возлюбленнаго и сдѣлался лежащимъ въ могилѣ. Но, живя подъ землею, (какъ) мертвый и камнемъ покрытый, я нашелъ жизнь въ Самомъ Богѣ—жизни Подателѣ, Которому подобаеъ слава и честь нынѣ и во вѣки.

XXXIII.

Благодареніе Богу за бывшія отъ Него благодѣянія; и просьба научить, ради чего содѣлавшимся совершенными попускается (терпѣть) искушенія отъ бѣсовъ; и объ отрекающихся отъ міра—наставленіе, изреченное отъ (лица) Божія²⁾.

Ты, создавшій меня, Боже мой, знаешь нищету мою, вѣдаешь сиротство, знаешь одиночество, видишь немощь мою, и безсиліе мое не невѣдомо (говорю) Тебѣ, но Ты видишь и знаешь все. Воззри на сердце смиренное и сокрушенное, воззри на меня, въ отчаяніи приближающагося къ Тебѣ, Боже мой, и подай свыше благодать Твою, подай Духа Твоего Божественнаго, подай Утѣшителя, пошли, Спасе, какъ обѣщаль Ты, ниспошли и мнѣ нынѣ, сѣдящему въ горницѣ, поистинѣ, Владыко, превыше всѣхъ земныхъ вещей и вѣ всего міра, нищему Тебя и чающему Духа Твоего. Итакъ, не медли, Благоутробне, не презри (меня), Милостиве, не забуди ищущаго Тебя съ жаждущей душою, не лиши жизни недостойнаго ея, не возгнушайся и не оставь меня, Боже. (Въ качествѣ) ходатая я представляю благоутробіе Твое, предлагаю милосердіе и приношу Тебѣ человѣколюбіе Твое. Я не понесъ трудовъ, не содѣлалъ дѣлъ правды, никогда не сохранилъ ни одной изъ Твоихъ заповѣдей; но блудно провелъ всю свою жизнь. Однако Ты не презрѣлъ меня, но Самъ, взыскавъ, обрѣлъ (меня), возвратилъ заблудшаго отъ пути заблужденія, и возложивъ, Хри-

¹⁾ Эти слова въ скобкахъ изъ л. п.

²⁾ Въ л. п. 28 глава; въ П. р. этотъ гимнъ утраченъ, такъ какъ по оглавленію онъ долженъ быть 41 словомъ.

сте, на пречистыя Твои плечи, чрезъ свѣтъ благодати Твоей понесъ меня, Милостиве, совершенно не давъ мнѣ почувствовать утомленія; но, какъ бы упокоевающемуся на колесницѣ, даль мнѣ легко пройти по неровнымъ путямъ, доколѣ не возвратилъ въ ограду овецъ Твоихъ и не присоединилъ и учинилъ съ рабами Твоими. Проповѣдуя милосердіе Твое, восхваляю благоутробіе и съ благодареніемъ дивлюсь богатству благодати Твоей. Но будучи, какъ сказано, призванъ Тобою, Боже мой, и являясь нынѣ всецѣло, какъ полагаю, рабомъ (Твоимъ), (устремленный къ свѣту и прилѣпившійся къ Тебѣ ¹⁾), объятый желаніемъ къ Тебѣ и связанный любовью, я недоумѣваю, изумляюсь и не могу понять, почему скорбь (и теперь) касается жалкой души моей, отчего вкрадывается печаль и всего меня волнуетъ, почему скорбь о земномъ лишаетъ меня Твоей сладости, Боже мой, и различаетъ отъ радости. Зачѣмъ Ты, Блаже, оставляешь меня, столь (глубоко) падшаго и согрѣшившаго, или чѣмъ прогнѣвавшаго Тебя болѣе, Христе мой, чтобы я еще сильнѣе печалился, чѣмъ прежде, когда душа моя была одержима страстями? Скажи и научи меня нынѣ глубинѣ судебъ Твоихъ, скажи, Владыко, и не возгнушайся меня говорящаго, (хотя) и недостойнъ я,—Ты нѣкогда раздѣлявшій трапезу съ грѣшниками и блудницами и свечерявшійся съ блудниками и мытарями. На это Владыка мой отвѣтилъ и сказалъ:

Взявъ тебя на руки, какъ младенца, Я унесъ тебя отъ міра; ты знаешь, конечно, о чемъ Я говорю. Я всего тебя со всѣми членами пеленалъ и вскармливалъ молокомъ, превосходящимъ (всякую) пищу и питье, ибо (дѣла) Мои совершенно неизреченны и неизъяснимы. Я отдалъ тебя воспитателю (ты знаешь, о комъ говорю Я), и онъ усердно ухаживалъ за тобою, какъ за малымъ мальчикомъ, растущимъ съ часу на часъ, и какъ должно воспиталъ. (Потомъ) ты сдѣлался уже отрокомъ, а также, разумѣется, и юношей; но тебѣ самому не безвѣдомо, какъ Я всегда былъ съ тобою, совозрасталъ въ тебѣ и (отовсюду) покрывалъ Тебя, доколѣ ты благополучно не миновалъ всѣхъ возрастовъ. Итакъ, будучи нынѣ не маловозрастнымъ, но напротивъ сдѣлавшись поистинѣ мужемъ совершеннымъ и склоняясь уже къ ста-

¹⁾ Слова въ скобкахъ. изъ л. п.

рости, какъ ты хочешь, чтобы и теперь тебя держали на рукахъ, какъ ребенка? какъ просишь, чтобы тебя снова пеленали и носили? какъ (хочешь) питаться молокомъ и находиться подъ пѣстуномъ? не краснѣешь ли ты, говоря это, скажи Мнѣ? Будучи мужемъ, самъ служи другимъ и воспитывай, заботясь обо всемъ, что (служить) къ ихъ возрастанію. Врагамъ сопротивляйся, и будучи поражаемъ, и (самъ) поражай. Ты понимаешь, о какихъ врагахъ говорю Я тебѣ— о полчищахъ бѣсовъ. Начинай бить (ихъ) безощадно; падая, снова вставай, и на стрѣлы (противниковъ) взаимно отвѣчай стрѣлами, не щадя стрѣляющихъ и злоумышляющихъ противъ тебя. Но когда они (пытаются) уязвить тебя отчаяніемъ, сами пусть будутъ уязвлены (твоєю) надеждою, какъ бы пущенною тобою (стрѣлою). Віющіе тебя гнѣвомъ, какъ кулаками, и возбуждающіе къ ярости, будучи поражаемы въ лицо твоею кротостію, пусть будутъ отброшены далеко прочь отъ твоего жилища. Вѣдь развѣ ты, какъ сказалъ Я, ребенокъ или мальчикъ? развѣ душа твоя и нынѣ безсильна? развѣ умъ твой и нынѣ слабъ для сопротивленій? Ты умѣешь и убѣгать отъ враговъ и напротивъ побѣждать ихъ. Ибо ты, и сражаясь, имѣешь Меня помощникомъ и защитникомъ, и въ бѣгствѣ находишь во Мнѣ крѣпкій и державный покровъ. О чемъ же изъ земныхъ вещей ты печалишься? о какой изъ нихъ, скажи Мнѣ?—о золотѣ, или серебрѣ, или о драгоценныхъ камняхъ? но что свѣтлѣ Меня? или что сіяетъ яснѣе? или какой камень, какъ Я, совершенно неоцѣнимъ? Не лишеніе ли имѣній, или нужда въ хлѣбѣ, или недостатокъ въ винѣ совершенно смущаютъ тебя? И какой есть иной рай, кромѣ Меня? или земля дольнихъ и переходящихъ (вещей) подобна землѣ кроткихъ? А какой хлѣбъ или (какое) вино въ мірѣ можно изготовить (такіе), какъ благодать Моя, какъ Божественный Духъ, какъ хлѣбъ жизни, который, (т. е.) тѣло и кровь Мою, Я подаю ядущимъ Меня съ чистымъ сердцемъ, несомнѣнною вѣрою, со страхомъ и трепетомъ, и піющимъ умно и чувственно? Какая утѣха, какая радость, какая слава на землѣ, скажи Мнѣ, больше того, чѣмъ видѣть Меня одного, чѣмъ созерцать Меня одного, какъ бы въ зеркалѣ и гаданіи, и видѣть одно только сіяніе славы Моей и чрезъ него научатся этому и большому того, (чѣмъ) точно знать, что Я—Богъ и Созда-

тель всего, и разумѣть, что человѣкъ, сѣдящій въ глубочайшемъ рвѣ, примирень со Мною¹⁾, и превзойдя чинъ наемника и рабскій страхъ, непосредственно, какъ другъ съ другомъ, бесѣдовать со Мною, безъ труда служа Мнѣ, съ любовію угождая и приближаясь ко Мнѣ чрезъ послушаніе заповѣдямъ.

Я говорю не (о дѣяніяхъ) тѣхъ, которые наемнически служатъ Мнѣ и рабски опять же приходятъ ко Мнѣ, но о дѣяніяхъ друзей, знаемыхъ и сыновъ Моихъ, каковыя, запиши кратко, суть слѣдующія: считать себя ничтожнѣе всѣхъ въ мірѣ, поистинѣ худшимъ не только сподвижниковъ и мірскихъ людей, но (даже) и язычниковъ, незначительное нарушеніе одной малѣйшей заповѣди считать отпаденіемъ отъ жизни вѣчной, на малыхъ дѣтей смотрѣть, какъ на совершенныхъ мужей, и (почитать) и кланяться (имъ), какъ (людямъ) знаменитымъ, слѣпымъ также отдавать честь, потому что Я вижу дѣйствія всѣхъ людей. Ради Меня и это (также) дѣлать, что опять запиши: совершенно не имѣть въ сердцѣ противъ кого-либо даже легкаго возбужденія или малаго подозрѣнія, изъ состраданія молиться отъ души и со скорбію сердца за всѣхъ согрѣшающихъ противъ тебя, равно и противъ Меня отваживающихся на то же, со слезами прося объ ихъ обращеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ благословлять проклинающихъ тебя и хвалить постоянно злословящихъ тебя по зависти, обижающихъ считать какъ бы благодѣтелями, объ упрямыхъ же и не повинующихся тебѣ плакать и безпрестанно рыдать, какъ о совершенно отвергающихъ Меня—своего Владыки, не переставая (однако) увѣщавать ихъ. Ибо „пріемляй васъ Мене пріемлетъ“, сказалъ Я (Мѡ. 10, 40); и „слушай васъ Мене слушаетъ“, конечно (Лук. 10, 16). Кто же не внимаетъ со трепетомъ словамъ и увѣщаніямъ вашимъ и не исполняетъ ихъ (даже) до смерти, тотъ не пріобщится и Моей вѣчной славы, не будетъ учинень со Мною, распятымъ на крестѣ и бывшимъ послушнымъ Отцу (даже) до смерти, таковой не будетъ поставлень одесную и не сдѣлается сонаслѣдникомъ тѣхъ, которые сами себя распяли. Впрочемъ, не переставай увѣщавать ихъ, не переставай

¹⁾ Въ л. п. *mesum in gratiam restitutum* — возстановленъ со Мною въ благодать.

оплакивать, не переставай искать спасенія ихъ, чтобы если они послушаютъ (тебя) и обратятся, ты имѣлъ ихъ, какъ братій, пріобрѣтя (въ лицѣ ихъ) члены свои, и привелъ бы ихъ (ко Мнѣ, какъ) послушныхъ и сродныхъ, дабы и Я чрезъ тебя воспринялъ ихъ и прославилъ, и съ тобою, какъ даръ, принесъ ко отцу Моему. Если же они не отрекутся своей воли и не презрять душу своихъ, какъ сказалъ Я, если не сдѣлаются мертвыми для своихъ желаній, живя въ этой жизни по твоей волѣ и чрезъ твою волю исполняя Мою; то (и тогда) ты не потеряешь своей награды и не лишишься ея, но вмѣсто одной Я воздамъ тебѣ двойную награду, такъ какъ хотя они и не слушали тебя, ты (однако) не пересталъ говорить, но скорѣе (согласился) быть ненавидимымъ, отвергаемымъ и презираемымъ ими, какъ и Я нѣкогда былъ и нынѣ есмь ненавидимъ ими и имъ подобными.

Чрезъ такія дѣла Я желаю, чтобы Мнѣ служили; чрезъ такія и имъ подобныя и ты старайся угождать Мнѣ, ибо Я весьма радуюсь имъ. Не желай лучше быть празднымъ и отнюдь не предпочитай чего-либо другого въ мірѣ пользы души своей. Ибо какую пользу получить тотъ, кто пріобрѣтеть міръ, или находящихся въ немъ наставить и научить, и всѣхъ спасеть, если самъ не спасется? Итакъ, кто это, или какимъ образомъ, спасая другихъ, не спасется, но погубить, несчастный, душу свою?—Тотъ, кто разоряетъ заповѣдь Мою—Владыки всѣхъ и, какъ бы попирая и обходя ее, нарушаетъ законы Мои и преступаетъ повелѣнія. Находясь внѣ двора заповѣдей (Моихъ) и внѣ ограды ихъ, если онъ и спасетъ міръ и живущихъ въ мірѣ, то (и тогда) будетъ чуждъ Мнѣ и далекъ отъ овецъ Моихъ, въ особенности же какъ разорившій ограду двора и давшій овцамъ выходъ не черезъ единственную дверь, а звѣрямъ—неправый входъ; онъ понесетъ невыразимое мученіе за всѣхъ овецъ и будетъ разсѣченъ надвое, и (преданный) огню и тартару, будетъ, несчастный, добычею червей. Ибо это сказалъ Отецъ чрезъ Сына, и изрекъ Духъ, Который есть уста Владыки. Ангелы, услышавъ, восхвалили (непрестанными ¹⁾ гласами, праведники, присоединились) и сказали: праведенъ судъ Твой и

¹⁾ Эти слова въ скобкахъ взяты изъ л. п.

незасорно рѣшеніе, ибо безпристрастно судить Ты, о Боже всемилостивый. Въ самомъ дѣлѣ какъ всецѣло явится Твоимъ сонаслѣдникомъ и сообщникомъ тотъ, кто не оставилъ своей воли и (воли) того, кто замѣняетъ лицо Твое, какъ Твоей Владычней, не предпочелъ и не соблюлъ неприкосновенно, какъ Самъ Ты, Милостиве, соблюлъ (волю) Отца Твоего, въ особенности же кто обѣщался до смерти ни въ чемъ не творить своей воли, не прилѣпляться и не предпочитать плоти и крови, т. е. сродства и естественныхъ связей, (врожденной) любви ¹⁾, (снова) связывающей находящихся на землѣ съ тѣмъ, отъ чего они отрелись, и всецѣло обращающей ихъ вспять?

Мученики возгласили: поистинѣ праведный судъ. Ибо когда кто охотно предалъ себя на мученичество, тотъ отнюдь не долженъ даже на краткое (время) внимать голосу сродниковъ, жены и дѣтей, которые, ирдя, (начинаютъ) съ плачемъ говорить слѣдующее: не жаль ли тебѣ дѣтей своихъ? и ты, безсердечный, не пожалѣешь вдовства жены своей? ни нищета ихъ не приклоняетъ тебя къ состраданію? и о погибелѣ ихъ ты не подумаешь и не пожалѣешь? Итакъ, оставляя (дѣтей) сирыми, странниками и нищими и жену свою вдовою, ты предпочитаешь спасти себя одного? и какъ же ты не будешь осужденъ болѣе, чѣмъ убійца, такъ какъ, оставивъ всѣхъ насъ на погибель, ты ищешь спасенія только своей души?—Къ (такимъ) воплямъ (говорю) онъ совершенно не (долженъ) приклонять слуха и (даже) за дары убѣгать отъ узъ и затвора или, чрезъ отреченіе отъ Тебя, Христе, освобождать себя отъ нихъ; какъ умершій уже, (онъ долженъ) оставаться въ испытаніяхъ и пребывать въ заключеніи, голодѣ и жаждѣ, не вспоминая о своихъ вещахъ и имѣніяхъ и не позволяя уму своему, если возможно, даже на краткое (время) удаляться изъ заключенія, но, созерцая въ немъ Тебя, Владыко всѣхъ; и чрезъ созерцаніе (безпрестанно) устремляя къ Тебѣ мысли, (даже) до смерти твердо держаться одной любви къ Тебѣ. А на тѣхъ и смотрѣть даже совершенно не долженъ онъ, которые, уклоняясь и отвергаясь Тебя, возвращаются на первую блевотину, къ прежнимъ

¹⁾ *στοργή*—здѣсь разумѣется главнымъ образомъ любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ.

дѣйствіямъ, къ заботамъ о земныхъ вещахъ, о женѣ и дѣтяхъ, и не подѣ какимъ предлогомъ не связываться этимъ, ибо онъ не владѣеть уже болѣе своею душою. Поэтому многіе рабы Твои, когда Ты отверзалъ заключенія ихъ и совершенно разрѣшалъ тѣлесныя узы, отнюдь не хотѣли уходить прочь и бѣжать; но оставались, будучи какъ бы связанными. Такъ и нынѣ, Спасителю, есть въ мірѣ такіе, которые, отрекаясь міра ¹⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ сродниковъ, друзей и прочихъ (людей) и всѣхъ вещей въ мірѣ, а прежде всего этого своей воли, совершенно не имѣютъ уже болѣе власти надъ собою, но хотя и не бываютъ возвращаемы игуменами (пользоваться ею), однако должны хранить договоръ съ Тобою—Владыкой. Ибо не людямъ, но Богу они обѣщались хранить послушаніе и покорность къ игуменамъ и ко всѣмъ вмѣстѣ съ ними подвижающимся въ обители братіямъ. Поэтому они должны жить въ монастырѣ, какъ бы на уединенномъ островѣ, находящемся среди моря, считая, что весь міръ сталъ для нихъ совершенно недоступнымъ, словно вокругъ всего монастыря ихъ утверждена великая пропасть, такъ что ни находящіяся въ мірѣ не (могутъ) перейти въ монастырь, ни живущіе на островѣ—переправиться къ тѣмъ, которые—тамъ, и съ пристрастіемъ глядя (на нихъ), удерживать въ сердцѣ или въ умѣ воспоминанія о нихъ; но, какъ мертвые къ мертвымъ, они, и обладая чувствомъ, должны относиться къ нимъ безъ ощущенія, дѣлаясь (такимъ образомъ) поистинѣ какъ бы добровольно закланными агнцами.

Услышавъ эти всесвятія слова мучениковъ, исполненныя вождельнія и любви ко Владыкѣ, Херувимы восхвалили (Господа) и въ страхѣ сказали: слава Тебѣ, Царю, слава Тебѣ, Всемилостиве, показавшій на землѣ мучениковъ безъ тиранновъ (и гонителей), которые чрезъ одну любовь къ Тебѣ ежечасно предають себя на мученія. Понстинѣ, сказалъ опять Отецъ чрезъ Сына и (привосокупилъ) Духъ, (любящіе Бога всѣмъ сердцемъ и) постоянно пребывающіе (въ любви къ Нему одному) ²⁾ и ежечасно умирающіе своею волею—эти суть и искренніе друзья (Мои) и сонаслѣдники, они—и мученики по одному произволенію, безъ скобленія, безъ

¹⁾ Этого придаточнаго предложенія нѣтъ въ л. п.

²⁾ Всѣ эти слова въ скобахъ ваяты изъ л. п.

виселиць, костровъ и котловъ, безъ сожиганія огнемъ и разсѣканія мечами. На это премірныя чины всѣ вмѣстѣ съ ликованіемъ воскликнули: праведенъ судъ Твой, Всемилостиве; да напишется онъ и да занечатлѣтся нынѣ и во вѣки.

XXXIV.

Что значить выраженіе „по образу“, и справедливо человекъ признается образомъ Божиимъ¹⁾. И о томъ, что любящій враговъ, какъ благодетелей, является подражателемъ Бога, а потому, содѣлавшись причастникомъ Духа Святаго, онъ бываетъ Богомъ по усыновленію и по благодати, будучи познаваемъ одними тѣми, въ которыхъ дѣйствуетъ (тотъ же) Духъ Святыи²⁾.

Слава, пѣніе, хвала и благодареніе приведшему всю тварь изъ небытія въ бытіе, однимъ словомъ и волею Своею, Богу всяческихъ, въ Троицѣ ипостасей и во единомъ существѣ поклоняемому. Ибо единъ Богъ—Троица Святая, пресущественная сущность, единая въ трехъ лицахъ и трехъ ипостасяхъ, неразлучныхъ и нераздѣльныхъ, одно естество, одна слава, одна сила и одна также воля. Она одна (есть) Творительница всего. Она, образовавъ всего меня изъ глины и давъ душу, поселила меня на землѣ и дала смотрѣть на свѣтъ, а въ немъ видѣть и этотъ чувственный міръ, солнце, луну, говорю, звѣзды, небо и землю, море и все, что есть среди нихъ. Она дала мнѣ и умъ и слово. Но будь внимателенъ къ (нашему) слову. Итакъ, по образу Слова намъ дано слово (т. е. разумъ), ибо словесные—отъ Слова, безначальнаго, несозданнаго, неуловимаго и Бога моего. Понетинѣ по образу (Его) душа всякаго человекъ—словесный образъ Слова. Какимъ образомъ?—скажи мнѣ и научи меня. Внимаи самому слову. Богъ Слово отъ Бога и совѣченъ Отцу и Духу. Такимъ же

¹⁾ Вмѣсто *тоѡ Θεοѡ* въ II. р. читается *тоѡ πρωτοτύπου*—Первообраза, съ чѣмъ согласенъ и л. п.

²⁾ Въ л. п. 31 глава; въ II. к. этотъ гимнъ извѣстенъ только по заглавію, какъ 44 слово.

образомъ и душа моя является по образу Его. Ибо, обладая умомъ и словомъ, она имѣетъ ихъ по существу нераздѣльными и несліянными, равно и единосушными. Эти три ¹⁾ суть одно въ соединеніи, но вмѣстѣ и въ раздѣленіи, будучи всегда и соединены и раздѣлены, (ибо они соединяются несліянно и раздѣляются нераздѣльно) ²⁾. Если ты удалишь одно изъ трехъ, то вмѣстѣ удалишь, конечно, и всѣхъ. Ибо душа неразумная и безсловесная равна будетъ (души) безсловесныхъ; но и безъ души не можетъ существовать ни умъ, ни слово. Итакъ, по образу точно также помышляй и о Первообразѣ. Безъ Духа не будетъ ни Отца, ни Слова Его. Отецъ же есть Духъ, и Сынъ Его—Духъ, хотя Онъ и облеченъ въ плоть; и обратно, Духъ есть Богъ, ибо по естеству и по существу оба они ³⁾ суть едино, подобно тому какъ умъ, душа и слово. Но Отецъ [однакожь] неизреченно родилъ Слово. И подобно тому какъ умъ—отъ души моей, лучше же въ душѣ моей, такъ и Духъ отъ Отца, лучше же въ Отцѣ и пребываетъ и исходитъ (отъ Него) неизъяснимымъ образомъ. И опять подобно тому какъ умъ мой всегда рождаетъ слово, произнося и испуская (его) и дѣлая извѣстнымъ для всѣхъ, однако не отдѣляется отъ него, но и рождаетъ слово и внутри его содержитъ; такъ, разумѣй, и Отецъ родилъ Слово, потому что Онъ вѣчно рождаетъ; отъ Сына же никоимъ образомъ не отдѣляется Отецъ Его, но видится въ Сынѣ, и Сынъ въ Немъ пребываетъ.

Этотъ вѣрный образъ, хотя онъ и не ясенъ, показало (и изобразило) наше слово; но ты никогда его не увидишь и не уразумѣешь, если прежде не очистишь свой образъ и не омоешь отъ скверны, если не извлечешь его, засыпаннаго страстями, и не отрешь совершенно, и не разоблачишь также, и не убѣлишь, какъ снѣгъ. Когда же сдѣлаешь это, хорошо себя очистивъ, и станешь совершеннымъ образомъ, то Первообраза (еще) не увидишь и не уразумѣешь, если Онъ не откроется Тебѣ чрезъ Духа Святаго, ибо всему научаетъ Духъ, въ неизреченномъ свѣтѣ сіяющей. (Насколько ⁴⁾ возмож-

¹⁾ т. е. душа, умъ и слово.

²⁾ Слова эти взяты изъ л. п.

³⁾ т. е. Богъ и Духъ.

⁴⁾ Слова эти въ скобахъ взяты изъ л. п.

но уразумѣть мысленное), Онъ умно покажетъ тебѣ все мысленное, насколько можешь ты видѣть, насколько доступно для человѣка, по мѣрѣ душевнаго очищенія твоего; и ты уподобишься Богу тщательнымъ подражаніемъ дѣлами: цѣломудріемъ ¹⁾ и мужествомъ, но (вмѣстѣ съ тѣмъ) и чело-вѣколюбіемъ, терпѣніемъ искушеній и любовью ко врагамъ. Ибо въ томъ и состоитъ чело-вѣколюбіе, чтобы ты благотвори-тельствовалъ врагамъ и любилъ ихъ, какъ друзей и какъ истинныхъ благотвори-телей, чтобы молился за всѣхъ обиж-ающихъ тебя и имѣлъ сердечную любовь равно ко всѣмъ, и добрымъ и злымъ, и за всѣхъ повседневно полагалъ душу свою, за спасеніе, говорю, быть можетъ, одного или, если возможно, то и всѣхъ.

Это содѣлаетъ тебя, чадо, подражателемъ Владыки и покажетъ истиннымъ образомъ Создателя, подражателемъ во всемъ Божественному совершенству. Создатель же—внимаи, о чемъ я буду говорить тебѣ—пошлетъ тогда (тебѣ) Божественнаго Духа (не другую душу ²⁾, отличную отъ той, кото-рую ты имѣешь, но) вдохнетъ въ тебя, говорю, Духа отъ Бога, и Онъ вселится и будетъ существенно обитать, и про-свѣтитъ, и содѣлаетъ свѣтлымъ, и всего (тебя) переплавитъ, тлѣнное обезтлѣнивъ и вновь переплавивъ, говорю, обвет-шавшую храмину души твоей. Вмѣстѣ съ нею Онъ и все тѣло (твое) совершенно обезтлѣнитъ и содѣлаетъ тебя Бо-гомъ по благодати, подобнымъ Первообразу. О чудо! о таин-ство—невѣдомое для всѣхъ одержимыхъ страстями: невѣ-домое сластолюбцамъ, невѣдомое славолюбцамъ, невѣдомое гордымъ, поистинѣ невѣдомое гнѣвливымъ, невѣдомое зло-памятнымъ, невѣдомое плотолюбцамъ, невѣдомое сребро-любцамъ, невѣдомое завистливымъ, невѣдомое всѣмъ зло-язычнымъ, невѣдомое лицемѣрамъ, невѣдомое чревоугодни-камъ, невѣдомое тайноядцамъ, пьянцамъ и блудникамъ, невѣдомое празднословамъ, невѣдомое сквернословамъ, не-вѣдомое безпечнымъ, невѣдомое лѣнивымъ, невѣдомое не-радящимъ о ежечасномъ покаяніи, невѣдомое не плачу-щимъ постоянно и повседневно, невѣдомое непокорнымъ, не-

¹⁾ σοφροσύνη, т. е. цѣломудріемъ въ собственномъ смыслѣ, вначе ска-зать здравомысліемъ.

²⁾ Слова въ скобахъ взяты изъ л. п.

вѣдомое прекословамъ (невѣдомое живущимъ въ свое удовольствіе и по своимъ правиламъ, невѣдомое мнящимся быти нѣчто, когда они—ничто (Галат. 6, 3), невѣдомое величающимся и радующимся высокому росту или крѣпости тѣла, красотѣ или какому бы то ни было иному украшенію, невѣдомое не взыскавшимъ чистоты сердца)¹⁾, невѣдомое не просящимъ съ теплотою сердечною и съ пламенною ревностію воспріятія Божественнаго Духа, невѣдомое не вѣрующимъ, что Онъ и нынѣ подается желающимъ и ищущимъ воспріять Божественнаго Духа, ибо невѣріе не допускаетъ и отгоняетъ Божественнаго Духа. Кто не вѣруетъ, тотъ и не проситъ, не просящій не воспринимаетъ, а кто не воспринялъ (Духа Святаго), тотъ мертвъ; о мертвомъ же кто не восплачетъ, такъ какъ онъ, будучи мертвъ, думаетъ, что живъ? Мертвые мертвыхъ никоимъ образомъ, конечно, не могутъ ни видѣть, ни оплакивать; живые же, видя ихъ, оплакиваютъ. Ибо они видятъ необычайное диво: умерщвленныхъ—живыми и даже ходящими, слѣпыхъ—мнящихъ, что они видятъ, и поистинѣ глухихъ—думающихъ, что они прекрасно слышатъ. Но живутъ вѣдь они, и видятъ, и слышатъ, какъ скоты, мыслятъ, какъ неразумные, съ чувствомъ безчувственнымъ, въ умерщвленной жизни. Ибо можно жить и не живому, можно и зрячему не видѣть, и слышащему не слышать.

Какъ же это, скажи мнѣ?—скоро скажу. Тѣ, которые живутъ по плоти, тѣ, которые смотрятъ [только] на здѣшніе (предметы) и слушаютъ Божественныя глаголы одними только плотскими ушами,—все они по Духу глухіе, слѣпые и мертвые. Ибо они совершенно не отъ Бога родились, чтобы (могли) и жить; да и Духа они не восприняли, ни очами не прозрѣли, ни Божественнаго Свѣта не видѣли; а такъ какъ Онъ (ничуть) не сотворенный, то они остались и совершенно глухими. Какъ же, скажи мнѣ, таковые называются христіанами? — Послушай Божественнаго Павла, ясно раскрывающаго тебѣ это, лучше же Христа говорящаго: первый человекъ отъ земли созданъ, конечно, перстнымъ, второй же человекъ съ небесъ сошелъ (I Кор. 15, 47). Вни-

¹⁾ Заключенное въ скобахъ взято изъ л. п.; слѣдующія же за этимъ двѣ-три фразы переданы въ л. п. сокращенно.

май сказанному. Итакъ, каковъ первый, перстный, (такowymi) всѣ и рождаются отъ него—перстными. А каковъ Христось, небесный Владыка, (такowymi)—небесными (являются) и всѣ увѣровавшіе въ Него (I Кор. 15, 48), свыше родившіеся и крестившіеся также Духомъ Всесвятымъ. Божественъ — родившій и воистину Богъ, таковы и рождающіеся отъ Него, отъ Бога Боги по усыновленію „и сынове Вышняго вси“ (Псал. 81, 6), какъ говорятъ Божественныя уста. Слышаль ли слова Бога? слышаль ли, какъ Онъ различаетъ вѣрныхъ отъ прочихъ? какъ Онъ далъ рабамъ Своимъ знакъ и примѣту, чтобы они не обольщались рѣчами чуждыхъ учителей? Первый, говорить, отъ земли, такъ какъ онъ созданъ перстнымъ, второй же человекъ, Владыка всѣхъ, сошелъ съ небесъ. Первый своимъ преступленіемъ для всѣхъ людей сдѣлался причиною смерти и тлѣнія. Второй даровалъ міру, да и нынѣ всѣмъ вѣрнымъ подаетъ свѣтъ, жизнь и нетлѣніе. Слышаль ли, что говоритъ тебѣ таникъ небесныхъ (вещей). Слышаль ли Христа, говорящаго чрезъ него и обучающаго людей, каковы увѣровавшіе въ Него и показывающіе вѣру отъ дѣла? Итакъ, послѣ этого (нисколько) не сомнѣвайся, если ты христіанинъ, что каковъ Христось небесный, таковымъ и ты именно долженъ быть. Не будучи же таковымъ, какъ станешь ты называться христіаниномъ? Ибо если каковъ Владыка, (т. е.) небесный, таковы, говорить, и увѣровавшіе въ Него, совершенно небесные (разумѣется); то мудрствующіе о мірскомъ и живущіе по плоти—не отъ Бога Слова, свыше нисшедшаго, но, конечно, отъ перстнаго человека, изъ земли образованнаго. Такъ мудрствуй, такъ будь (настроенъ), такъ вѣруй и ницн того, чтобы и тебѣ стать таковымъ—небеснымъ, какъ сказалъ пришедшій съ небесъ и дающій жизнь міру. Онъ есть хлѣбъ, нисходящій оттуда; ядущіе его отнюдь никогда не увидятъ смерти (Іоан. 6, 33. 50—51). Ибо, будучи небесными, они вѣчно, конечно, пребудутъ совлечшимися тлѣнія, отрясшими смерть, облекшимися же въ нетлѣніе и прилѣпившимися къ жизни; такъ какъ они дѣлаются безсмертными и нетлѣнными, то поэтому и называются небесными. Ибо кто отъ вѣка, изъ сыновъ, говорю, Адамовыхъ, названъ былъ таковымъ, прежде чѣмъ не сошелъ съ небесъ Владыка всѣхъ небесныхъ и земныхъ? Онъ воспринялъ плоть нашу и далъ (намъ) Божественнаго Духа,

какъ мы многократно говорили, и этотъ-то (Духъ), какъ Богъ, все и подаютъ намъ. Что же это все? — то, о чемъ я неоднократно говорилъ ¹⁾, да и теперь скажу.

Онъ [Духъ] бываетъ какъ бы Божественною и свѣтовиднѣйшею купелью; найди достойныхъ, Онъ всецѣло объемлетъ ихъ (и заключаетъ) внутри. Но какъ я изреку это, какъ опять достойнымъ образомъ выскажу то, что бываетъ? Дай мнѣ слово Ты, даровавшій мнѣ душу, Боже мой. (Итакъ), кого Божественный Духъ восприметъ внутрь Себя, тѣхъ Онъ, какъ Богъ, всецѣло возсозидаетъ, возобновляетъ и чуднымъ образомъ дѣлаетъ новою тварью. Какъ и какимъ образомъ?—Подобно тому какъ огонь не перенимаетъ отъ желѣза червоты, но сообщаетъ ему все, что самъ имѣетъ, такъ и Божественный Духъ, совершенно не приобщаясь ихъ нечистоты, какъ нетлѣнный и безсмертный, удѣляетъ (имъ) нетлѣніе и .безсмертіе. Будучи свѣтомъ незаходимымъ, Онъ содѣлываетъ свѣтомъ всѣхъ, въ комъ вселится; являясь жизнью, Онъ всѣмъ имъ подаютъ жизнь. Какъ соестественный Христу и единосущный также, какъ единославный и соединенный съ Нимъ, Онъ и ихъ (также) содѣлываетъ совершенно подобными Христу. Ибо Владыка не завидуетъ тому, чтобы смертные чрезъ Божественную благодать являлись равными Ему, и не считаетъ (Своихъ) рабовъ недостойными уподобиться Ему; но утѣшается и радуется, когда видитъ насъ, проншедшихъ отъ людей, таковыми по благодати, каковыми Онъ былъ и есть по естеству. Такъ какъ Онъ благодѣтель, то хочетъ, чтобы и мы были таковыми, каковъ и Онъ. Ибо если мы не таковы, не въ точности подобны Ему, то какъ соединимся съ Нимъ, какъ сказалъ Онъ? какъ пребудемъ въ Немъ, не будучи таковыми? и какъ Онъ въ насъ пребудетъ, если мы не подобны Ему? Итакъ, точно зная это, потщитесь воспринять Божественнаго Духа отъ Бога, дабы вамъ сдѣлаться таковыми, какихъ показало это слово, — небесными и Божественными, какъ сказалъ Владыка, дабы и царства небеснаго наследниками сдѣлаться на зѣмнѣ. Если же вы не будете или не сдѣлаетесь здѣсь таковыми, небесными, какъ сказалъ я, то какъ думаете оби-

¹⁾ Въ л. в. quae seculo radius ac simplicius epistologavi—то, что я часто нечислялъ въ божье безискусственныхъ и простыхъ (выраженіяхъ).

татъ съ Нимъ на небѣ? какъ (думаете) войти въ царствіе съ небожителями, и воцариться и сопребывать съ Царемъ всѣхъ и Владыкою? Итакъ, ревностно подвизайтесь всѣ, дабы сподобиться намъ быть внутри царства небеснаго и соцарствовать со Христомъ, Владыкою всѣхъ, Которому подобаеъ всякая слава со Отцомъ и Св. Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXXV.

ПРОСИТЕЛЬНАЯ И ВМѢСТЪ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА (СВ. ОТЦА) КЪ БОГУ ЗА ИЗЛИТІЯ НА НЕГО (БЛАГОДѢЯНІЯ) ¹⁾.

Дай мнѣ, Господи, разумѣніе, дай мнѣ вѣдѣніе, научи и меня, Господи, творить Твои заповѣди. Хотя и согрѣшилъ я, какъ человѣкъ, и даже болѣе, чѣмъ человѣкъ, какъ Ты знаешь, но Ты по свойственному Тебѣ, Боже мой, благоутробію помиловалъ меня ницаго и сираго въ мірѣ и селѣлъ, Владыко, то, что одному Тебѣ вѣдомо. Отвѣтивъ и воспринявъ меня, Благоутробне, отъ отца и братьевъ, еродниковъ и друзей, отъ земли происхожденія и родительскаго дома моего, какъ бы изъ мрачнаго Блннста и пренеподнихъ ада (ибо такъ Ты далъ мнѣ худому рабу Твоему помышлять о нихъ и говорить съ разумѣніемъ), и держа Твоею страшною рукою, Ты привелъ меня къ тому, кому благоволилъ стать отцомъ моимъ (на землѣ), и повергнулъ къ стопамъ и объятіямъ его. А онъ привелъ меня къ Отцу Твоему, Христе мой, и чрезъ Духа къ Тебѣ, о Тронца — Боже мой! Когда я съ плачемъ, подобно блудному (сыну), пришелъ (къ Тебѣ), Слово, — какъ Самъ Ты знаешь, такъ какъ Ты научилъ меня, — то Ты и меня (также) не счелъ недостойнымъ называть Твоимъ сыномъ. О недостойныя и нечистыя уста! о бѣдный словами языкъ, затрудняющійся славословить Тебя и благодарить и повѣствовать о Твоихъ благодѣянїяхъ, которыя Ты сотворилъ со мною сирымъ и страннымъ, странникомъ на землѣ! ибо Твои (суть) странники міра. А что Твое и Твоихъ, того ни очи не видятъ, ни языкъ не можетъ изречь, ни міръ — вмѣститъ. Поэтому, Владыко, и ненавиditъ

¹⁾ Въ л. п. 38 глава; въ П. р. этотъ гимнъ не сохранился, въ оглавленіи же онъ указанъ, какъ 56 слово.

насъ мѣръ, гонить, ѣзловить, завидуетъ, неистовствуетъ, убиваетъ и на все способенъ противъ насъ, когда попадаетъ на таковыхъ. Мы же, по благоволенію Твоему смиренныя рабы Твои, въ немощи—сильны, въ бѣдности богаты и во всякой скорби радуемся, будучи внѣ міра. Мы — съ Тобою, Владыко, тѣла же (наши) удерживаютъ мѣръ. Итакъ, обольщается онъ—слѣпой, удерживая одно брѣно, такъ какъ и его не пріобрѣтеть онъ, ибо при послѣдней трубѣ (I Кор. 15, 52) Ты сдѣлаешь, какъ обѣщала, и его духовнымъ, и тогда онъ одинъ съ единомысленными и слѣплыми миролюбцами своими пріобрѣтеть собственное зло.

XXXVI.

Богословіе о единствѣ во всемъ трипостаснаго Божества; и какъ (св. Отець), смиряя себя, (этимъ исповѣданіемъ) посрамляетъ самомнѣше мнѣщихъ о себѣ, что они нѣчто ¹⁾.

Какимъ образомъ, Боже мой, страсти, которыя Ты нѣкогда истребилъ во мнѣ, снова оживаютъ и наполняютъ меня мракомъ и скорбію? страсти (говорю) ирости и гнѣва, отъ которыхъ во мнѣ происходитъ пареніе и помраченіе въ головѣ моей, и которыя ослѣпляютъ мои умныя очи. Ибо они, увы мнѣ, какъ бы принуждены бываютъ закрываться и смежаться, и я лишаюсь Тебя—Свѣта, котораго всякій желаетъ, но многіе взыскуютъ, даже изъ тѣхъ, которые удостоились пріобщиться Твоихъ неизреченныхъ (откровеній), и вѣщественно съ неизреченнымъ чувствомъ причаститься (Твоихъ) страшныхъ и для всѣхъ несказанныхъ таинствъ, и познать невидимую среди видимаго славу и необычайное таинство, въ мѣрѣ содѣланное (только очень немного такихъ, какъ я хорошо знаю, которые пришли въ ясное созерцаніе этого), таинство, содѣланное Тѣмъ, Кто былъ въ началѣ, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца со Духомъ—Сыномъ Божіимъ и Словомъ ²⁾, Свѣтомъ троїственнымъ въ единомъ и единомъ въ трехъ. Ибо оба ³⁾ суть одинъ свѣтъ, Отець, Сынъ и Духъ,

¹⁾ Въ П. р. и въ л. л. этотъ гимнъ помѣщенъ подъ номеромъ 12-мъ.

²⁾ Въ л. л. далѣе слѣдуетъ большой пропускъ за отсутствіемъ въ рукописи, которою пользовался переводчикъ, вырваннаго листа.

³⁾ Т. е. свѣтъ троїственный и единый.

существующій нераздѣльно въ трехъ несліянныхъ лицахъ, которая однако соединена по Божественному естеству, а также началу, славы, силѣ и волѣ. Ибо три видятся мнѣ, какъ бы на одномъ лицѣ два прекрасныхъ ока, неисчисли-
мыхъ свѣта. Какимъ образомъ, скажи мнѣ, очи безъ лица могутъ смотрѣть? а лицо безъ очей не должно, конечно, (и лицомъ) называться, ибо оно лишается главнѣйшаго, или лучше сказать всего. Въдѣ если солнце лишится красоты свѣта, то прежде (всего) само погибнетъ ¹⁾, а потомъ и вся тварь, которой определено получать отъ него освѣщеніе и грѣбіе. Такъ и Богъ среди мыслейныхъ (вещей) если бы лишился одного, Свѣта или Духа, то Отецъ не будетъ болѣе Отцомъ; даже и живимъ бы Онъ не бытъ, отвергнувъ Духа, отъ Котораго всѣмъ подается жизнь и бытіе. Итакъ, да почититъ всякая постанѣ разумная природа (естество), какая (есть) подъ солнцемъ, да и какая пать нимъ, Естество тріностасное, совершенно неизъяснимое. Ибо ни имени Бога, ни естества, ни вида, ни образа, ни ипостаси никто изъ людей не познатъ, чтобы изречь и описать и сообщить прочимъ. Но подобно тому какъ сіяющее солнце, заходя за тучи, ни само не бываетъ видно, ни полнымъ свѣтомъ не свѣтитъ, но непускаетъ находящимся на землѣ пенный свѣтъ; такимъ же образомъ помышляй и о Богѣ, что (когда) Онъ скрывается отъ насъ, всѣхъ насъ содержитъ великая и густая тьма. Но болѣе дивное усматривай, конечно, (вотъ) здѣсь: ибо свѣтъ Божій не умаляется, какъ (свѣтъ) солнца, но свѣтитъ вездѣ и все освѣщаетъ; и (однако) я, (находясь) среди всего, одержимъ бываю тьмою и лишаюсь сотворившаго меня Свѣта. Кто поэтому не восплачетъ обо мнѣ и не возрыдаетъ? кто не воздохнетъ обо мнѣ и не прослезится, что [въ то время какъ] Богъ вездѣ и во всемъ пребываетъ и Самъ весь свѣтъ есть, въ которомъ вовсе нѣтъ ни тѣни перемѣны (Іак. 1, 17), ни наступленія ночи, ни тьма совершенно не бываетъ (для него) препятствіемъ, но (который) разлитъ во всемъ и неприступно сіяетъ, и достойнымъ видимъ бываетъ, (какъ) приступный и уловимый, съ одной стороны, немного, какъ мы сказали, по сравненію со всѣмъ

¹⁾ Въмѣсто *ἀποτλείται* надо читать *ἀπολείται*, какъ читается это слово въ П. р.

сіяніемъ и самимъ Солнцемъ, когда Оно все возсіяетъ, съ другой же—много по отношенію къ самимъ сѣдящимъ во тьмѣ, такъ какъ они удостоились увидѣть малый свѣтъ; я же [между тьмѣ] несчастный предпочитаю тьму и, забываясь о томъ, что во тьмѣ, увеличиваю мракъ, и онъ еще плотнѣе облагаетъ мою презрѣнную душу. Отъ него питаются и оживаютъ во мнѣ страсти, и происходятъ во мнѣ ¹⁾ (звѣри, и рождаются) драконы, гады и змѣи, всегда возмущающіе части (*τὰ μέλη*) души моей. Ибо меня угрожаетъ пустая и суетная слава, вонзая зубы въ мое сердце; за нею на меня изнемогаго и совершенно обезсилѣлаго возстали свирѣпые псы, множество (дикихъ) звѣрей, и найдя меня лежащимъ, сожрали меня. Ибо наслажденія и похвалы (человѣческія) разстроили мозгъ и нервы, отнявъ у меня бодрость и крѣпость души моей. Увы мнѣ! какъ я опишу все?—самоуниженіе и лѣнь, какъ разбойниковъ напавшихъ на меня, (чувственное) удовольствіе и заботу нравиться людямъ, которыя, таща въ противныя стороны, раскитили у меня: одно—цѣломудріе мое и трезвость, а другая—добрыя дѣла и Божественныя дѣянія, которыя, выказывая самихъ себя, содѣлали меня мертвымъ, оставивъ ²⁾ во мнѣ оскверненномъ страшное, удивительное и великое самоуниженіе. Ибо какъ, скажи, не изумительно и не исполнено злобы то, что столько страстей, внезапно напавъ на меня, содѣлали меня обнаженнымъ отъ всякой добродѣтели и мертвымъ? Я же наоборотъ, не зная себя самого и не уразумѣвъ ничего изъ случившагося, ставлю себя выше всѣхъ, и (считаю себя) безстрастнымъ, и святымъ, и премудрымъ богословомъ, и праведникомъ, почитаемымъ всѣми людьми. Но и будучи хвалимъ, какъ достойный похвалъ, я, приглашая всѣхъ, думаю, что снискиваю (отъ нихъ себѣ) честь. Когда же они собираются, я еще болѣе надмеваюсь и часто оглядываюсь, быть можетъ, кто-либо отсутствуетъ, кто не пришелъ и не видитъ меня. И если окажется, что кто-либо пренебрегъ мною, то я злопамятно довошу и злословлю его,

¹⁾ Начиная отсюда, дальнѣйшій текстъ имѣется в вт. л. п., изъ котораго взяты слѣдующія за этимъ слова, поставленныя въ скобкахъ.

²⁾ Этихъ словъ до слѣдующей точки, т. е. конца періода, нѣтъ въ л. п.

чтобы и онъ, услышавъ и не вынося моихъ порицаній, пришелъ, привѣтствовалъ меня и оказался моимъ сторонникомъ, словно и онъ нуждается въ моихъ молитвахъ и любви. И я говорю [тогда] всѣмъ прочимъ: и такой-то посѣщаетъ (меня) и получаетъ (мое) благословеніе и слушаетъ бесѣды и ученіе мое. Увы моей глупости! Итакъ, какъ не вижу я наготы и убожества своего, не чувствую язвъ, не печалюсь и не плачу, и лежу въ больницѣ, не ищу врачеванія, и не призываю врачей, показывая (имъ) свои струны, обнажая предъ ними свои скрытыя страсти, дабы они наложили ланцеты, пластыри и прижиганія, и я мужественно перенесъ бы (ихъ) ради своего уврачеванія? Но я напротивъ повседневно прилагаю (себѣ) язвы.

Но, о Боже мой, сжался надо мною заблудшимъ и страхъ твой насади въ сердцѣ моемъ, чтобы я, благоразумно стянувъ себя (спасительнымъ страхомъ), бѣжалъ міра и возненавидѣлъ его. Не попусти мнѣ, Христе, скитаться среди него, такъ какъ Тебя одного, (доселѣ) еще не любимаго, люблю я, и Твои только заповѣди надѣюсь хранить, [хоти и] весь я въ страстяхъ и не позналъ (еще) Тебя. Ибо кто изъ познавшихъ Тебя нуждается въ мірской славѣ? или кто изъ любящихъ Тебя болѣе (чѣмъ Тебя) възыщетъ того, чтобы либо приглашать (къ себѣ) всѣхъ, либо льстить нѣкоторымъ, либо станеть стараться быть другомъ всѣхъ людей? Этого не дѣлалъ никто изъ истинныхъ рабовъ Твоихъ. И потому-то скорблю и печалюсь я, Боже мой, такъ какъ вижу себя самого поработеннымъ этому, и ни покориться не могу, ни смириться не хочу, ни некаль одной Твоей славы, чрезъ которую мнѣ указывается быть вѣрнымъ и рабомъ Твоимъ, и благодаря которой (особенно въ бѣдности, нищетѣ и трудахъ) я могу быть выше не только вельможъ, но и царей. Итакъ, приклонись на милость къ презрѣнной душѣ моей, Боже и Творче всѣхъ, благобытіе мнѣ даровавший, и дай мнѣ истинное вѣдѣніе, чтобы я благоразумно держался однихъ Твоихъ вѣчныхъ благъ, и славу Твою отъ души возлюбилъ и взыскалъ, отнюдь не заботясь о человѣческой, земной (славѣ), дабы я соединенъ былъ съ Тобою нынѣ и по смерти, и сподобился соцарствовать съ Тобою, Христе, претерпѣвшимъ ради меня позорную смерть и исполнившимъ все домостроительство. И тогда я буду славить всѣхъ

смертных¹⁾. Да будетъ (такъ), Господи, нынѣ и во вѣки
Аминь.

XXXVII.

Ученіе съ богословіемъ о дѣйствіяхъ святой любви,
т. е. самого свѣта Духа Святаго²⁾.

Кто возможеть, Владыко, повѣдать о Тебѣ?
Заблуждаются невѣдущіе (Тебя), ничего совершенно не
зная;

Познавшіе же вѣрою Божество Твое
Великимъ страхомъ одержимы бываютъ и ужасаются
отъ трепета,

Не зная, что сказать имъ (о Тебѣ), ибо Ты—превыше
ума,

И все (у Тебя) недомысленно и непостижимо:

Дѣла, и слава Твоя, и познаніе Твое.

Мы знаемъ, что Ты Богъ, и свѣтъ Твой видимъ,

Но каковъ Ты и какого рода—(этого) никто рѣшительно
не знаетъ.

Однако мы имѣемъ надежду, обладаемъ вѣрою

И знаемъ ту любовь, которую Ты даровалъ намъ,

Безпредѣльную, неизреченную, никоимъ образомъ³⁾ не-
вмѣстимую,

Которая есть свѣтъ, свѣтъ неприступный и все совер-
шающій.

Онъ называется то рукою Твоею, то окомъ,

То пресвятыми устами, то силою, то славою⁴⁾,

То познается, (какъ) лицо наипрекраснѣйшее.

Онъ—солнце незаходимое для высокихъ въ Божествен-
ныхъ (вещахъ),

Онъ—звѣзда вѣчно сіяющая для тѣхъ, которые не вмѣ-
щаютъ (ничего) болѣе.

¹⁾ Въ П. р. стоитъ не *ἀνθρώπων*, какъ въ печатномъ текстѣ, а *ἄσθεν*, въ л. п. также *mortalibus*. Последнее слово дѣйствительно подходит здѣсь болѣе.

²⁾ Въ П. р. это 18 слово; въ л. же п. нѣтъ какъ этого, такъ и даль-
нѣйшихъ шести гимновъ, кончая 43-мъ.

³⁾ Въ П. р. въ *μηδαμῶς*, а *μηδαμῶ*—нигдѣ.

⁴⁾ Этого стиха нѣтъ въ П. р.

Онъ противоположенъ печали, прогоняетъ непріязнь
И совершенно истребляетъ сатанинскую зависть.
Въ началъ онъ умягчаетъ и, очищая, утончаетъ,
Прогоняетъ помыслы и сокращаетъ движенія.
Онъ сокровенно научаетъ смиряться
И отнюдь не позволяетъ разсѣиваться и шататься.
Съ другой стороны, онъ явно отдѣляетъ отъ міра
И производитъ забвеніе всего скорбнаго въ жизни.
Онъ и многообразно питаетъ и жажду утоляетъ,
И силу даруетъ добръ трудящимся.
Онъ погашаетъ раздраженіе и печаль сердечную,
Совершенно не позволяя гнѣваться или возмущаться.
(Когда) онъ убѣгаетъ, уязвленные (имъ) гонятся за нимъ
И съ великою любовію отъ сердца ищутъ его.
(Когда) же онъ возвратится, и явится, и человѣколюбно
возсіяетъ,
То внушаетъ гонящимся уклоняться (отъ него) и сми-
ряться;
И будучи многократно възскуемъ, (любуждаетъ) уда-
ляться отъ страха,
Какъ недостойнымъ такого блага, превосходящаго вся-
кую тварь.
О неизреченный и непостижимый даръ!
Ибо чего (только) не дѣлаетъ онъ и чѣмъ не бываетъ?
Онъ—наслажденіе и радость, кротость и миръ,
Милосердіе неисчетное, бездна благоутробія.
Онъ видится невидимо, вмѣщается невмѣстимо
И содержится въ умѣ моемъ неприкосновенно и не-
осязуемо.
Имѣя его, я не созерцаю, созерцая же, пока онъ не
ушелъ,
Стремлюсь быстро схватить (его), но онъ весь улетаетъ.
Недоумѣвая и воспламеняясь, я обучаюсь просить
И искать (его) съ плачемъ ¹⁾ и великимъ смиреніемъ
И не думать, что сверхъестественное возможно
Для моей силы или старанія человѣческаго,
Но—для благоутробія Божія и безпредѣльной милости.

¹⁾ *μετά κλάδων*; въ П. р. *μετά κλάδων*, т. е. (искать) того, что отно-
сится къ плачу, или просто плача.

Являясь на краткое время и скрываясь, онъ
Одну за одной изгоняетъ страсти изъ сердца.
Ибо челоуѣкъ не можетъ побѣдить страсти,
Если онъ не придетъ на помощь;
И опять же не всѣ отъ разу изгоняетъ,
Ибо невозможно сразу воспринять всего Духа
Челоуѣку душевному и сдѣлаться безстрастнымъ.
Но когда онъ сдѣлаетъ все, что можетъ:
Нестяжаніе, безпристрастіе, удаленіе отъ своихъ,
Отсѣченіе воли и отреченіе отъ міра,
Терпѣніе искушеній, молитву и плачь,
Нищету и смиреніе, насколько есть силы у него;
Тогда на краткое (время) какъ бы тонкій и наимагѣй-
шій свѣтъ,
Внезапно окруживъ умъ его, восхититъ въ изступленіе,
Но, чтобы не умеръ онъ, скоро оставитъ (его),
Съ такою великою быстротою, что ни помыслить,
Ни вспомнить о красотѣ (свѣта) невозможно увидѣвшему,
Дабы, будучи младенцемъ, не вкусилъ онъ пищи му-
жей совершенныхъ
И тотчасъ не расторгся или не получилъ вреда, избле-
вавъ (ее).
Итакъ, оттоѣ (свѣтъ) руководствуетъ, укрѣпляетъ и
наставляетъ;
Когда мы нуждаемся въ немъ, онъ показывается и
убѣгаетъ;
Не тогда, когда мы желаемъ, ибо это (дѣло) совершен-
ныхъ,
Но когда мы находимся въ затрудненіи и совершенно
обесилѣваемъ,
Онъ приходитъ на помощь, восходя издали,
И даетъ мнѣ почувствовать его въ моемъ сердцѣ.
Пораженный и задыхаясь, я хочу удержать его.
Но [вокругъ] все—ночь. Съ пустыми и жалкими руками,
Забывая все, я сижу и влачу,
Не надѣясь въ другой разъ такимъ же образомъ уви-
дѣть его.
Когда, вдоволь наплакавшись, я хочу перестать,
Тогда онъ, придя, таинственно касается моего темени.
И заливаюсь слезами, не зная, кто это;

И [тогда] онъ озаряетъ мой умъ весьма сладостнымъ
свѣтомъ.

Когда же узнаю я, кто это, онъ тотчасъ улетаетъ,
Оставляя во мнѣ огонь Божественной любви къ себѣ,
Который не позволяетъ ни смѣяться, ни смотрѣть на
людей,

Ни принимать (въ себѣ) желанія чего-либо изъ видимаго.
Мало-по-малу чрезъ терпѣнїе онъ разгорается и разду-
вается,

Дѣлаясь великимъ пламенемъ, достигающимъ до небесъ.
Его угашаетъ расслабленіе и развлеченіе домашними
(вещами),

Ибо въ началѣ бываетъ и забота о житейскихъ (дѣ-
лахъ);

Возвращаетъ же молчаніе и ненависть ко всякой славѣ,
Скитаніе по землѣ и поираніе себя, подобно навозу,
Ибо этимъ онъ услаждается и благоволитъ соприсут-
ствовать,

Научая [чрезъ то] всемогущему смиренію.

Итакъ, когда я стяжавоу это и дѣлаюсь смиреннымъ,
Тогда онъ бываетъ неразлученъ со мною:
Бесѣдуетъ со мною, просвѣщаетъ меня, взираетъ на
меня, и я на него взираю.

Онъ и въ сердцѣ моемъ находится и на небѣ пребываетъ.
Онъ изъясняетъ мнѣ Писанія и умножаетъ во мнѣ знаніе,
Онъ научаетъ меня таинствамъ, которыхъ я не могу
изречь.

Онъ показываетъ, какъ онъ восхитилъ меня отъ міра,
И повелѣваетъ мнѣ быть милосерднымъ ко всѣмъ на-
ходящимся въ мірѣ.

Итакъ, меня содержать стѣны и удерживаетъ тѣло,

Но я понстинѣ, не сомнѣвайся, нахожусь внѣ ихъ.

Я не ощущаю звуковъ и не слышу голосовъ.

Я не боюсь смерти, ибо я превзошелъ и ее.

Я не знаю, что такое скорбь, хотя всѣ опечаливаютъ меня.

Удовольствія горьки для меня, всѣ страсти бѣжатъ
[отъ меня],

И я постоянно почью и днемъ вижу свѣтъ.

День для меня является ночью, и ночь есть день.

Я и спать не хочу, ибо это потеря для меня.

Когда же меня окружатъ всякія бѣды
И, казалось бы, низвергнуть и преодѣютъ меня,
Тогда я, внезапно оказываясь съ нимъ (свѣтомъ) внѣ всего
Радостнаго и печальнаго, и мірскихъ наслажденій,
Наслаждаюсь неизреченной и Божественной радостью,
Увеселяюсь красотой его, часто обнимаю его,
Цѣлую и поклоняюсь, питаю великую благодарность
Къ тѣмъ, кто далъ мнѣ (возможность) видѣть то, чего
я желалъ,
И причаститься неизреченнаго свѣта, и сдѣлаться
свѣтомъ,
И дара его приобщиться отселѣ,
И стяжать Подателя всѣхъ благъ,
И оказаться не лишеннымъ и дарованій душевныхъ.
Кто, привлекиши, направилъ меня къ этимъ благамъ?
Кто возвелъ меня изъ глубины мірской прелести?
Кто отдѣлилъ (меня) отъ отца и братій, друзей
И сродниковъ, наслажденій и радостей міра?
Кто показаль мнѣ путь покаянія и плача,
По которому я напелъ день, не имѣющій конца?
(То) былъ Ангелъ, а не человѣкъ¹⁾. Однако то такой
человѣкъ,
Который посмѣвается надъ міромъ и попираетъ дракона,
Присутствія котораго трепещутъ демоны.
Какъ я повѣдаю тебѣ, брате, о томъ, что я видѣлъ въ
Египтѣ,
О совершенныхъ имъ чудесахъ и знаменіяхъ?
Разкажу тебѣ покаместъ одно (вотъ) это, ибо всего
повѣдать я не въ силахъ.
Онъ сошелъ и нашелъ меня рабомъ и пришельцемъ
{въ Египтѣ}].
(Иди) сюда, чадо мое—сказаль онъ—я поведу тебя
къ Богу.
Я же отъ великаго невѣрія отвѣтилъ ему:
Какое знаменіе ты мнѣ покажешь, чтобы увѣрить меня,
Что ты самъ можешь освободить меня изъ Египта
И исхитить изъ рукъ льстиваго фараона,

¹⁾ Здѣсь пр. Симеонъ говоритъ о своемъ духовномъ отцѣ — Симеонѣ Студитѣ или Благоговѣяномъ.

Дабы, послѣдовавъ за тобою, я не подвергся еще большей опасности?

Возвѣги, сказалъ онъ, великій огонь, чтобы я могъ войти въ средину,

И если я не останусь непопаленнымъ, то не послѣдуи мнѣ.

Слова эти поразили меня. Я сдѣлалъ приказанное.

Разжежено было пламя, и онъ самъ сталъ посрединѣ.

Цѣлый и невредимый, онъ и меня (еще) пригласилъ.

Повѣсь, вѣдливо, сказали я, (ибо) я грѣшникъ.

Видя (визъ огня), онъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня.

Отчего ты боишься, сказалъ онъ мнѣ, отчего робѣеешь и трепещеешь?

Велико и страшно это чудо?—большее сего узришь.

И въ ужасѣ, господине, сказали я, и не емѣю приблизиться къ тебѣ,

Не желая оказаться дерзкимъ болѣе огня.

Ибо я вижу, что ты человѣкъ, превосходящій человѣка,

И не дерзую сморѣть на тебя, котораго огонь устыдился.

Прилежши меня ближе, онъ заключилъ меня въ объятія

И снова облебизалъ меня лобзалиемъ святымъ,

Самъ благоухая весь благоуханіемъ безсмертія.

Послѣ этого я повѣрилъ и съ любовію послѣдовалъ за нимъ.

Возжелавъ сдѣлаться рабомъ его одного.

Фараонъ держалъ меня (въ своей власти), и страшные приставники (его)

Принуждали меня заботиться о кирпичахъ и соломѣ.

Я одинъ не могъ убѣжать, такъ какъ не имѣлъ и оружія.

Моисей ¹⁾ молилъ Бога оказать помощь.

Христосъ поражасть Египеть десятиречными язвами.

Но не покорился фараонъ и не освободилъ меня.

Молится отецъ, и Богъ внимлетъ (ему)

И говорить рабу (Своему), чтобы онъ взялъ меня за руку,

Общая (Самъ) идти вмѣстѣ съ нами,

(Дабы) избавить (меня) отъ фараона и отъ бѣдствій египетскихъ.

¹⁾ т. е. духовный отецъ пр. Симеона, о которомъ выше шла рѣчь.

Онь вложилъ дерзновеніе въ сердце мое
И далъ (мнѣ) смѣлость не бояться фараона.

Такъ и сдѣлалъ рабъ Божій:

Держа меня за руку, онъ пошелъ впереди меня,
И такимъ образомъ мы начали совершать путь.

Далъ мнѣ, Господи, по молитвамъ отца моего, разумѣніе
И слово, (чтобы) повѣдать о дивныхъ (дѣлахъ) руки
Твоея,

Которыя Ты сдѣлалъ ради меня заблудшаго и блуднаго,
Рукою раба Твоего изводи (меня) изъ Египта.

Узнавъ о (моемъ) уходѣ, царь египетскій ¹⁾

Пренебрегъ (мною), какъ однимъ, и самъ не выщелъ,
Но послалъ подвластныхъ ему рабовъ.

Побѣжали они и достигли (меня) въ предѣлахъ еги-
петскихъ,

(Но) все возвратились ни съ чѣмъ и разбитыми:

Мечи свои изломали, стрѣлы повитрысали,

Руки ихъ ослабили, дѣйствуя ²⁾ противъ насъ,

И мы остались ни въ чемъ невреданными.

[Среди нами] горѣлъ столпъ огненный, и [надъ нами]
было облако;

И мы одни проходили въ чужой странѣ,

Среди разбойниковъ, среди великихъ народовъ и царей.

(Когда) узналъ и царь о пораженіи людей своихъ,

То пришелъ въ бѣшенство, считая великимъ безчестьемъ

Вать поруганнымъ и побѣжденнымъ однимъ человекомъ.

Запретъ онъ свои колесницы, поднялъ народъ

И погнался самъ съ большимъ хвастовствомъ.

Придя, онъ нашелъ меня одного лежащимъ отъ усталости;

Моисей же бодрствовалъ и бесѣдовалъ съ Богомъ.

Приказалъ онъ связать меня по рукамъ и погамъ,

И, удерживая меня чрезъ мнѣніе, они покушались вязать;

Я же, лежа, смѣялся и, вооружившись молитвою

И крестнымъ знаменіемъ, всехъ ихъ отражалъ.

Не смѣя прикоснуться или приблизиться ко мнѣ,

Они, стоя кое-гдѣ поодаль, думали утратить меня:

¹⁾ Этотъ стихъ взятъ изъ П. р.; въ печатномъ текстѣ онъ опущенъ, вѣроятно по недосмотру.

²⁾ Въ П. р. здѣсь болѣе правильное чтеніе: *евредуѣаи*, а не *евредуѣаи*.

Держа въ рукахъ огонь, они грозили сжечь меня,
Поднимали громкій крикъ и производили шумъ.
Дабы не хвастались они, что сдѣлали нѣчто великое,
Увидѣли они, что и я сдѣлался свѣтомъ, по молитвамъ
отца моего,
И, посрамленные, внезапно (всѣ) вмѣстѣ удалились.
Вышелъ отъ Бога Моисей и, найдя меня дерзновеннымъ,
Обрадованнымъ и трепещущимъ отъ этого чудотворенія,
Спросилъ: что случилось? Я возвѣстилъ ему все это:
Что былъ фараонъ, царь египетскій,
Придя нынѣ съ безчисленнымъ народомъ,
И не могъ связать меня; хотѣли онъ сжечь меня,
И всѣ пришедшіе съ нимъ сдѣлались пламенемъ,
Испуская противъ меня огонь изъ устъ своихъ;
Но такъ какъ они увидѣли, что я сдѣлался свѣтомъ,
по молитвамъ твоимъ,
То превратились всѣ въ тьму; и [звотъ] теперъ я одинъ.
Смотри—отвѣтилъ мнѣ Моисей не будь самонадѣяннымъ,
Не смотри на явное, (тѣмъ) болѣе бойся тайнаго.
Скорѣй! воспользуемся бѣгствомъ, такъ Богъ пове-
лѣваетъ;
И Хриетось вмѣсто насъ будетъ поборать египтянъ.
Пойдемъ, господине,—сказалъ я,—я не разлучусь отъ
тебя,
Не преступлю твоихъ заповѣдей, но всѣ сохраю. Аминь.

XXXVIII.

УЧЕНІЕ СЪ БОГОСЛОВІЕМЪ, ВЪ КОТОРОМЪ (ГОВОРИТСЯ) О
СВЯЩЕНСТВѢ И ВМѢСТѢ О БЕЗСТРАСТНОМЪ СОЗЕРЦАНІИ ¹⁾.

Какъ разскажу я, Владыко, о Твоихъ дивныхъ и
чудныхъ (дѣлахъ)?

Какъ повѣдаю словомъ о глубинѣ судебъ Твоихъ,
Которыя Ты повседневно совершаешь на насъ, рабахъ
Твоихъ?

Какъ презираешь Ты безчисленное множество согрѣ-
шеній моихъ

¹⁾ Въ П. к. 19 слово.

И не вмѣняешь, Владыко, злыхъ дѣяній моихъ?
Но милуешь и питаешь меня, Спасителю мой, просвѣ-
щаешь и покрываешь,
Какъ исполняющаго всѣ Твои заповѣди?
И не только милуешь, но и болѣе того,
Сподобляешь меня предстоять предъ Твоею
Славою и силою и величіемъ,
И изрекая глаголы безсмертія, бесѣдуешь со мною
Немощнымъ и презрѣннымъ и недостойнымъ жиизни?
Какъ просвѣтляешь Ты оскверненную мою душу,
Содѣлывая ее чистымъ и Божественнымъ свѣтомъ?
Какъ дѣлаешь свѣтоносными мои жалкія руки,
Которыя, грѣша, я осквернилъ грѣховными сквернами?
Какъ измѣняешь руки мои блистаіемъ Божества Своего,
Изъ нечистыхъ претворяя ихъ въ святыя?
Какъ очищаешь Ты, Христе, скверный языкъ мой,
Содѣлывая меня причастникомъ вкушенія плоти Твоеей?
Какъ удостоиваешь и (Самъ) меня видѣть и мною быть
видимымъ,
И быть держимымъ руками твоими, Ты—содержацій всю
(вселенную),
Незримый для всѣхъ небесныхъ чиновъ
И неприступный (даже) для Моисея, перваго во про-
рокахъ?
Ибо увидѣть лицо Твое не сподобился ни оцъ,
Ни кто другой изъ людей, дабы не умереть.
Итакъ, какимъ образомъ Тебя непостижимаго и единаго
неизреченнаго,
Тебя для всякаго невѣстимаго и для всѣхъ непри-
ступнаго
И держать, и цѣловать, и видѣть, и вкушать,
И имѣть въ сердцѣ своемъ, Христе, сподобляюсь я,
И остаюсь неопалимымъ, радуясь вмѣстѣ и трепеща,
И воспѣвая великое Твое, Христе, человѣколюбіе?
Итакъ, какъ (люди) слѣпые и плотскіе, невѣдущіе Тебя,
Не чувствуя, лучше же показывая свою
Болѣзнь и помраченіе и всѣхъ благъ
Лишеніе, дерзають говорить:
Какая нужда имѣть человѣку священство,
Если онъ не пріобрѣтаетъ чего-либо одного изъ трехъ:

Либо пищи тѣлесной, либо дохода золота,
Либо (одной) изъ высокихъ и богатыхъ епископскихъ
каедръ?

О помраченіе! о ослѣпленіе! о крайнее безуміе!
О большое несчастіе! о великое невѣдѣніе!
О земныя и пустыя, суетныя слова!
О дерзость! о мудрованіе Іуды предателя!
Ибо какъ тотъ страшную Владычнюю вечерю
И пречистое тѣло вмѣнилъ въ ничто,
И даже лучшими счелъ немного сребрениковъ;
Такъ и эти тлѣнное нетлѣнному и Божественному
Предпочитая, избирають дупевное удавленіе.
Скажите мнѣ, о суетные (люди), если то знаете:
Кто, стяжавъ Христа, станетъ болѣе нуждаться въ иномъ
Какомъ-либо изъ благъ настоящаго вѣка?
Кто, имѣя въ сердцѣ благодать Духа,
Не стяжалъ честную Троицу, въ немъ обитающую,
Просвѣщающую и Богомъ содѣвающую?
Кто, сдѣлавшись Богомъ по благодати (Св.) Троицы
И сподобившись вышней и первой славы,
Счелъ бы что-либо болѣе славнымъ (того),
Чтобы литургисать и видѣть высочайшее Естество,
Все совершающее, неизреченное и неприступное для
всѣхъ?

Или пожелалъ бы чего-либо болѣе блестящаго въ жизни,
Въ этой ли, помысли, кратковременной,
Или въ иной, согласишься со мною, не имѣющей конца?
Если бы звалъ ты сокровенную глубину таинствъ,
То не понудилъ бы меня говорить объ этомъ или писать.
Ибо я трепещу и боюсь, начертывая (нѣчто) Божественное
И (какъ тѣнь) изображая письменами для всѣхъ неиз-
реченнос.

Если бы ты увидѣлъ Христа и получилъ Духа,
И чрезъ Нихъ обоихъ приведенъ былъ бы ко Отцу,
То зналъ бы, что говорю я и о чемъ повѣствую тебѣ,
И что велико и странно, и превыше всякой
Славы и блеска, начальства и власти,
Богатства и могущества и всякаго царства—
Съ чистою совѣстію сердца литургисать
Чистой и святой и непорочной Троицѣ.

Не говори мнѣ о безгрѣшности тѣла
И о тѣхъ дѣйствіяхъ и свидѣтельствахъ, глубины ко-
торыхъ не разумѣешь,
Но (послушай), что сказалъ Богъ чрезъ Апостоловъ,
И чрезъ премудраго и огнеязычнаго Василія,
И чрезъ простыя свидѣтельства Златоустаго Отца,
И чрезъ Григорія, хорошо богословствующаго объ этомъ;
Послушай и увѣрься, каковыиъ долженъ быть
Литургисающій Богу, Творцу всѣхъ;
И отъ твоего благоговѣнія и добродѣтели
Ты подивишься и величію этого достоинства.

Не обольщайтесь, братіе, и отнюдь не дерзайте
Прикоснуться или приступить къ Неприступному есте-
ствомъ.

Ибо кто не отречется міра и того, что въ мірѣ,
И не отвержется души своей и тѣла,
И весь, всѣми чувствами, не сдѣлается мертвымъ,
Ни на что изъ пріятнаго въ мірѣ семь не зирая съ
пристрастіемъ,

Ничего совершенно не желая изъ вещей міра
И не услаждаясь никакими рѣчами человѣческими,
Кто не сдѣлается глухимъ и слѣпымъ для мірскихъ
Дѣлъ и обычаевъ, дѣйствій и словъ,
Хотя и видя то, что оку свойственно видѣть,
Но не позволяя ничему войти внутрь, въ сердце,
И запечатлѣваться въ немъ чертамъ и образамъ этихъ
(предметовъ),

Равно и слушая то, что воспринимаетъ слухъ человѣ-
ческій,
Но пребывая какъ бы бездушнымъ и безчувственнымъ
камнемъ

И не помня ни звуковъ, ни значенія словъ;
Тотъ не можетъ таинственную и безкровную жертву
Приносить чисто по естеству чистому Богу.
Ибо если понстинѣ на дѣлѣ почувствуетъ это,
То удалится отъ всего міра и того, что въ мірѣ,
И познаетъ и повѣритъ мнѣ (въ томъ), о чемъ я снова
хочу писать.

Всякъ, (кто) перешелъ тотъ темный воздухъ, который
Давидъ называетъ стѣною (Пс. 17, 29—30)

И Отцы наименовали моремъ житейскимъ,
 И вступилъ въ пристань,
 Тотъ, прѣдя въ нее, находить всякое благо.
 Ибо тамъ рай, тамъ древо жизни,
 Тамъ сладкій хлѣбъ, тамъ питіе Божественное,
 Тамъ неисчерпаемое богатство дарованій.
 Тамъ кушша горить неопалимая,
 И сапоги на ногахъ монахъ ¹⁾ разуваятся тотчасъ.
 Тамъ разступается море, и я прохожу ²⁾ одинъ
 И вижу въ водахъ враговъ потопляемыхъ.
 Тамъ созерцаю я древо, въ мое сердце
 Звергаемое, и все горькое (въ немъ) претворяется.
 Тамъ обрѣлъ я скалу, медь источающую,
 И оттолкъ душа моя не была скорби причастна.
 Тамъ нашель я Христа—Подателя этихъ (благъ).
 И отъ всей души своей послѣдовалъ за Нимъ.
 Тамъ ѣлъ я манну—хлѣбъ ангельскій,
 И не возжелалъ болѣе ничего человѣческаго.
 Тамъ увидѣлъ я сухой жезлъ Аароновъ процвѣтающимъ,
 И подивился чудодѣйствіямъ Божиимъ.
 Тамъ бесплодную душу свою я увидѣлъ плодоносящую,
 И какъ сухое дерево даетъ прекрасный плодъ.
 Тамъ нечистое и блудное сердце свое
 Я уарѣлъ чистымъ, цѣломудреннымъ и дѣвственнымъ,
 И слышалъ [въ душѣ своей]: радуйся, благодатная ³⁾,
 Ибо Богъ съ тобою и въ тебѣ во вѣки!
 Тамъ услышалъ я [повелѣніе]: омойся въ купели слезъ,
 И сдѣлавъ, увѣровалъ и внезапно прозрѣлъ.
 Тамъ я погребся во гробъ чрезъ совершенное смиреніе,
 И Христось, прѣдя съ безмѣрною милостью,
 Отвалилъ оттуда тяжелый камень пороковъ моихъ
 И сказалъ: сюда гряди какъ бы изъ рова—отъ міра сего!
 Тамъ увидѣлъ я, какъ безстрастно пострадалъ Богъ мой
 И какъ, будучи безсмертнымъ, Онъ сдѣлался мертвымъ

¹⁾ Въ П. р. здѣсь прибавлено *мои*, опущенное въ печатномъ текстѣ.

²⁾ Въ П. р. не *διέρχεται*, а *διέρχεται*.

³⁾ Въ греческ. языкѣ *καρдіа*—сердце женск. рода, поэтому буквальный переводъ этого мѣста безъ сдѣланной вставки былъ бы неудаченъ. Дословно этотъ стихъ нужно бы передать такъ: ...слышающимъ: радуйся, благодатное, т. е. сердце.

И воскресъ отъ гроба, не рушивъ печатей.
Тамъ увидѣль я будущую жизнь и нетлѣніе,
Которое Христосъ даруетъ взыскующимъ Его.
И обрѣлъ царство небесное, внутри меня находящееся,
Которое есть Отець, Сынъ и Духъ—
Божество нераздѣльное въ трехъ лицахъ.
Не предпочевшіе Его всему міру,
Не счевшіе славою, честью и богатствомъ
Одного только поклоненія, служенія и предстоянія (Ему)
Недостойны и этого чистаго видѣнія,
И наслажденія, и радости, и всѣхъ благъ,
Которыхъ не приобщатся не стяжавшіе покаянія,
Если не научатся и не вкусятъ, какъ сказали мы, всего
(этого),
И тщательно не совершать всего того, что сказано
Богомъ моимъ.
И тогда едва кто [достоинъ] съ великимъ страхомъ и
благоговѣніемъ,
Если бы Богъ повелѣлъ, коснуться неприкасаемаго.
Ибо не всѣмъ позволительно служить таковымъ (вещамъ),
Но если (кто) приметъ всякую благодать Духа
И отъ [утробы] матери чистъ будетъ отъ грѣха.
Помимо же повелѣнія отъ Бога и Его избранія,
Удостоверяющаго душу человека чрезъ Божественное
озареніе
И возжигающаго ее желаніемъ Божественной любви,
Неблагоразумно, думается мнѣ, священнодѣйствовать
Божественныя (вещи)
И прикасаться къ неприкасаемымъ и страшнымъ Тайнамъ,
Которымъ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе,
Нынѣ и всегда, непрестанно во всѣ вѣки.

XXXIX.

БЛАГОДАРЕНІЕ И ИСПОВѢДАНІЕ СЪ БОГОСЛОВІЕМЪ, И О
ДАРѢ И ПРИЧАСТІИ СВ. ДУХА ¹⁾.

Ты ради меня явился на землѣ отъ Дѣвы,
Прежде всѣхъ вѣковъ пребывающій невидимымъ,

¹⁾ Въ П. р. это 20 слово.

И содѣлался плотію и человѣкомъ показался,
Неприступнымъ свѣтомъ одѣянный,
И всѣмъ считался ограниченнымъ,
Ты совершенно невмѣстимый,
Котораго никакое слово не въ состояніи выразить.
Умъ же, напрягаясь, схватываетъ (Тебя) чрезъ любовь,
И не можетъ удержатъ, поражаемый страхомъ,
И снова ищетъ, палимый внутри.
Вообразивъ же (Тебя) на мгновение въ сіяніи Твоемъ,
Онъ съ трепетомъ убѣгаетъ и радуется радостію.
Ибо не можетъ человѣческая природа выносить того,
Чтобы ясно созерцать всего Тебя—Христа моего,
Хотя и вѣруемъ мы, что всего Тебя воспринимаемъ
Чрезъ Духа, котораго подаешь Ты, Боже мой,
И пречистую кровь и плоть Твою,
Приобщаясь которыхъ, мы исповѣдуемъ, что держимъ
И вкушаемъ Тебя, Боже, нераздѣльно
И несліянно; ибо Ты не причастенъ
Тлѣнія или скверны, но и мнѣ сообщаешь
Нетлѣнную чистоту Твою, Слове,
И отмываешь скверну пороковъ моихъ,
И прогоняешь мракъ беззаконій моихъ,
И очищаешь позоръ сердца моего,
И утончаешь грубость злобы (моей),
И свѣтомъ творишь меня, прежде омраченнаго,
Содѣлывая меня обоюду ¹⁾ прекраснымъ
И осіявая меня свѣтомъ безсмертія.
И я изумляюсь и возгораюсь внутри,
Желая Тебѣ Самому поклониться.
Когда же я, несчастный, помышляю объ этомъ,
То, о чудо, нахожу Тебя въ себѣ
Пребывающимъ, движущимся, говорящимъ
И дѣлающимъ меня тогда безгласнымъ
Отъ изумленія предъ неприступною славою.
Итакъ, меня обнимаетъ ужасъ и недоумѣніе,
Такъ какъ содержащаго все дланію
Я вижу въ сердцѣ своемъ содержимымъ.
Но, о чудная милость Твоя, Христе мой!

¹⁾ т. е. по душѣ и по тѣлу, внѣ и внутри.

Какъ приближусь къ трапезѣ Твоей?
Какъ буду держать пречистое тѣло Твое,
Имѣя руки совершенно оскверненныя?
Какъ носною Тебя? какъ буду ходатаемъ за другихъ,
Не имѣя ни добрыхъ дѣлъ отъ вѣры,
Ни любви къ Тебѣ, ни дерзновенія,
Но будучи самъ должникомъ, какъ Ты знаешь,
Многими талантами, многими беззаконіями.
Недоумѣваетъ умъ, безсиленъ языкъ,
И никакого слова не нахожу я, Спасителю,
Чтобы повѣдать о дѣлахъ Твоей благодати,
Которыя Ты сотворилъ на мнѣ, рабѣ Твоемъ.
Ибо внутри меня горитъ какъ бы огонь,
И я не могу молчать, не вынося
Великаго бремени даровъ Твоихъ.
Ты, сотворившій птиць щебечущихъ (разными) голосами,
Даруй и мнѣ недостойному слово,
Дабы всею письменному и неписьменному
Повѣдалъ я о томъ, что Ты содѣлалъ на мнѣ
По безиредѣльной милости, Боже мой,
И по одному человѣколюбію Твоему.
Ибо превыше ума, страшно и велико то,
Что подаль Ты мнѣ страннику,
Неученому, нищему, лишенному дерзновенія
И всякимъ человѣкомъ отверженному.

Родители (мои) не питали ко мнѣ естественной любви.
Братья и друзья мои все насмѣхались надо мною;
Утверждая, что любятъ меня, они говорили совер-
шенно ложно.

Сродники, посторонніе и мірскіе начальники
Тѣмъ болѣе отвращались отъ меня, не вынося (меня)
видѣть,
Чѣмъ болѣе [хотѣли] погубить меня со своими беззаконіями.

Часто желалъ я безгрѣшной славы,
Но не нашелъ еще ее въ настоящей жизни.
Ибо мірская слава, какъ я убѣдился,
Безъ (всякаго) другого дѣянія есть (уже) грѣхъ.
Сколько разъ я хотѣлъ быть любимымъ людьми
И стать къ нимъ близкимъ и откровеннымъ,

Но изъ благомыслящихъ никто не терпѣлъ меня.
Другіе же напротивъ желали видѣть и знать меня,
Но я убѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ дѣлателей зла.
Итакъ, все это, Владыко, и иное большее того,
Чего не могу я ни рассказать, ни припомнить,
Ты, промышляя, содѣлалъ на мнѣ блудномъ,
Дабы извлечь меня изъ пропасти и мірской тьмы
И страшной прелести наслажденій сей жизни.
Добрые (люди) бѣгали отъ меня по причинѣ (моего)
внѣшняго вида,

А злыхъ я убѣгалъ по своему произволенію.
Ибо они любили, какъ сказано, мірскую славу и бо-
гатство,

Великолѣпныя одежды и извѣженныя нравы.

[О себѣ] же я не знаю и не вѣдаю, что мнѣ изречь
и сказать Тебѣ,

Ибо боюсь и говорить и писать о таковыхъ (вещахъ),
Чтобы не внасть въ [противорѣчіе] словамъ своимъ
и не согрѣшнить,

И будетъ (тогда) неизгладимымъ ложно написанное.

Когда призывалъ меня кто-либо къ дѣламъ безумія

И грѣхамъ поистинѣ прелестнаго міра сего,

Сердце мое все сжималось внутри

И какъ бы скрывалось, стыдясь себя самого,

Будучи твердо сдерживасмо Твоею, конечно, Божествен-
ною рукою.

Любить и я все прочее житійское,

Что увеселяетъ зрѣніе и улаживаетъ гортань,

И украшаетъ это тлѣнное тѣло;

Но мерзкія дѣянія и сладострастныя желанія

Ты изгладилъ изъ сердца моего, Боже мой,

И ненависть къ нимъ вложилъ въ мою душу.

Хотя произволениемъ своимъ я и прилежалъ къ нимъ,

Но Ты дѣлалъ такъ, что или желанія мои были неис-
полнимы,

Или напротивъ дѣйствія мои нежеланными, [что было]
величайшимъ, конечно, чудомъ.

По Божественному смотрѣнію (Своему) Ты отдѣлилъ
меня отъ всѣхъ:

Отъ царей, князей и богатыхъ міра сего.

Много, много разъ, когда я и склонялся (уже) волею
къ этимъ (вещамъ),
Самъ Ты не попускалъ состояться соизволенію (моему)
на что-либо изъ этого.

Иныхъ, говорившихъ мнѣ о прославленіи и обогащеніи
въ жизни,

Я ненавистію, Владыко, возненавидѣлъ отъ сердца,
Такъ что даже въ бесѣду никогда не вступалъ съ ними;
И (тогда) они напротивъ, взбѣсившись, сильно били
меня палками.

Другіе же укоряли и злословили меня предъ всѣми,
Называя меня дѣлателемъ всякаго беззаконія
И желая отвратить меня отъ праваго пути.

Ибо я избѣгала (этихъ) дѣяній чтобы не быть злосло-
вимымъ,

А они злословили меня, чтобы я пришелъ къ (тако-
вымъ) дѣяніямъ.

Общающимъ же дать (мнѣ) славу міра сего
Ты далъ мнѣ, Спасителю мой, отвѣчать такимъ образомъ:
Если бы ты обладалъ, говорилъ я, всею славою міра,
И на главѣ твоей былъ бы царскій вѣнецъ,
А на ногахъ твоихъ пурпуровая обувь,
И надъ всѣмъ этимъ ты внезапно сдѣлалъ бы меня го-
сподиномъ,

Самъ же сталъ простенкомъ, желая быть рабомъ моимъ;
То къ лукавому мудрованію твоему
И отнюдь не приобщился бы и не снизошелъ въ сей
жизни.

Но какая хартия вмѣстила бы Твои благодѣянія
И великія Твоя блага, которыя Ты содѣлалъ на мнѣ?
Ибо если бы мнѣ даны были тѣмъ языковъ и рукъ,
То (и тогда) я не могъ бы изречь или описать всё,
Потому что ихъ бездна, конечно, по безчисленному
множеству,

И они ведомысленны по величію славы;
И я изнемогаю мыслию и надрываюсь сердцемъ своимъ,
Что не могу повѣдать о тебѣ, Боже мой.

Ибо когда подумаю я несчастный, что сдѣлалъ я,
И сколько (разъ) Ты помогалъ мнѣ, отъ чего избавлялъ
меня

И отъ сколь великихъ бѣдъ, Спасителю мой, человѣко-
любно спасалъ,

Не вспоминая золь, котория я содѣлалъ,

Но, какъ бы сотворившаго много и великаго добра

И чистаго отъ святой матери—купели,

Такъ воспринялъ меня, такъ почтилъ,

Такъ украсилъ меня царскою одеждою;

То весь объять бываю трепетомъ и прихожу въ изсту-
пленіе отъ радости,

Становлюсь безгласнымъ и сильно разслабѣваю,

Такъ какъ Богъ—Творецъ міра данъ мнѣ,

Человѣку мерзкому и отвратительному для всѣхъ

Людей и бѣсовъ, какъ содѣлавшемуся уже

И превзошедшему совершеніемъ непристойнѣйшихъ
дѣлъ

И этихъ (последнихъ). Увы мнѣ постыдному и сквер-
ному! и какъ я буду говорить (еще)?

По безмѣрному благоутробію Ты соединился со мною,
Человѣколюбче,

Великій въ непорочности, (еще) большій святостію,

Несравненный въ могущество и неизобразимый въ славѣ,

И снизошелъ свыше отъ безмѣрной высоты

До послѣднихъ вратъ ада грѣховъ моихъ,

До мрака нищеты моей и ниспадшей (моей) храмины,

Отъ многихъ беззаконій и величайшаго нерадѣнія

Совершенно запущенной и оскверненной,—

Ты, Который сперва воскресилъ меня, долу лежашаго,

И поставилъ на камнѣ Божественныхъ заповѣдей Тво-
ихъ,

И омывъ, очистилъ отъ тины пороковъ моихъ,

И облекъ въ хитонъ свѣтлѣйшій снѣга,

И вымелъ загрязненную храмину

И, войдя (въ нее), сталъ обитать, о Христе Боже мой!

Потомъ Ты содѣлалъ меня престоломъ Божества Твоего,

Жилищемъ неприступной Твоей славы и царства,

Свѣтильникомъ, имѣющимъ внутри неугасимый и Бо-
жественный свѣтъ,

Сосудомъ поистинѣ добраго бисера,

Полемъ, на которомъ скрыто сокровище міра,

Источникомъ, пьющіе изъ котораго никогда не жаждутъ,

И который десятикратно источает весьма (обильную)
воду

И съ вѣрою пьющихъ (ее) содѣлываетъ безсмертными,
Раемъ, имѣющимъ ктому же посреди древо жизни,
И землю, объемлющую Тебя, для всѣхъ невмѣстимаго,
Котораго я взыскалъ нѣкогда отъ всего сердца своего,
Желая всегда слушать Твое слово.

Ибо если и прежде умъ мой не могъ вообразить
Тебя чисто, будучи совершенно оскверненъ,
Ни глаза (не могли) увидѣть, ни слухъ—услышать,
Ни сердце мое воспринять Божественныхъ восхожденій,
Но отъ одного слуха душа моя вся приходила въ изум-
леніе,

Поражаясь страхомъ и трепетомъ;
То и теперь она изумляется, видя Тебя внутри себя
И созерцая Тебя (какъ бы въ зеркалѣ), поскольку да-
ешь Ты ей (видѣть)

Всего (Себя) во всей вселенной и всего внѣ ея,
И напротивъ внутри себя всего (Тебя) усматривая,
Всего неистижимаго въ Божественномъ Божествѣ (Тво-
емъ),

Для всѣхъ невидимаго и сокровеннаго,
Тебя неприступнаго и доступнаго, для кого Ты изволилъ,
Подобно тому какъ Самъ Ты восхотѣлъ челоувѣколюбно
явиться [на землѣ],

(Тебя), для Херувимовъ и Серафимовъ и всѣхъ Ангеловъ
Неприступнаго и страшнаго сіяніемъ Божественнаго
естества,—

Среди людей (видя) доступнымъ, она вся совершенно
приходитъ въ изступленіе.

Но еще болѣе она изумляется Твоей благодати и чело-
увѣколюбію,

Такъ какъ Ты очищаешь нечистыя души, и умъ про-
свѣщаешь,

И обнимаешь земную и вещественную сущность,
И возжигаешь великое пламя Божественной любви,
И, какъ бы огонь, ввергаешь въ меня Божественное
желаніе любви,

И уготовляешь меня достигать до третьяго неба,
И дѣлаешь, Спасителю, (способнымъ) восхищаться въ рай,

Въ которомъ я слышу неизреченные и страшные глаголы,
Коиыхъ невозможно пересказать смертнымъ или повѣ-
дать словесно.

Тебѣ же, Христе, подобають честь, слава и величіе,
И вѣчная держава, (какъ) Владыкѣ всего (міра),
Со Отцомъ и Духомъ—по естеству Пресвятымъ,
Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XL.

Благодареніе съ богословіемъ, и о тѣхъ дѣйствіяхъ,
по которымъ наименована Божественная благодать
Духа ¹⁾.

Что это за новое таинство, Владыко всѣхъ,
Которое Ты показалъ на мнѣ заблудшемъ и блудномъ?
Что это за великое чудо, внутри меня замѣчаемое
И непостижимое, но сокровенное?

Ибо во мнѣ видится какъ бы звѣзда, восходящая вдали,
И содѣлывается опять какъ бы великимъ солнцемъ,
Не имѣющимъ ни мѣры, ни вѣса, ни предѣла вели-
чинѣ (своей),

И становясь малымъ сіяніемъ, снова видится, (какъ)
свѣтъ,

Въ срединѣ сердца моего и во внутренностяхъ моихъ,
Часто обращающійся и сожигающій все,
Что во глубинѣ моихъ внутренностей, и дѣлающій ихъ
свѣтомъ,

И такимъ образомъ любезно учащій и вѣщающій
(Мнѣ), совершенно недоумѣвающему и ищущему на-
ученія:

Я—та звѣзда прекрасная (*γλῶξή*), которая нѣкогда, (какъ)
ты слышалъ,

Взошла отъ Іакова, это Я—не сомнѣвайся.

Я показываюсь тебѣ и солнцемъ, вдали восходящимъ,
Которое для всѣхъ праведныхъ есть свѣтъ

Неприступный въ будущемъ вѣкѣ и жизни вѣчной;

Я и сіяніемъ (также) являюсь и, (какъ) свѣтъ, тобою
созерцаюсь,

¹⁾ Въ II. р. 22 слово.

Неопалимо пожигая страсти сердца твоего,
И росую сладости и Божественной благодати Моей
Омывая скверну твою-и совершенно угашая
Тѣлесные угли грѣховныхъ сластей,
И содѣлывая все то по человѣколюбію Своему,
Что и древле творилъ Я во всѣхъ святыхъ.

Помилуй сѣтующаго, сжался надъ сокрушеннымъ
И не прогнавайся на меня, что я снова хочу сказать:
Какъ ты, совершенно невмѣстимый, звѣдаю отъ Іакова

и являешься

И (даже) доннѣ бываешь для всѣхъ?

Какъ, подобно восходящему солнцу, показываешься Ты,
Нигдѣ не находящійся и вездѣ, и превыше всякой твари,
И проповѣдуемый невидимымъ для всѣхъ?

Какъ и сіяніемъ Ты бываешь, и свѣтомъ мнѣ видишься,
И пожигашь вещество, будучи по существу не веще-
ственнымъ?

Какъ, орошая, Ты омываешь тѣлесную скверну мою,
Весь будучи огнемъ непрístupнымъ и нестерпимымъ
для Ангеловъ?

Какъ обнимаешься тлѣнною сущностью тѣла моего
И безъ смѣшенія смѣшиваешься съ душою человѣческой?

Какъ, бывая чрезъ нее во всемъ тѣлѣ несліянно,
Ты, неосязаемый, всего меня обоготворяешь?—

Скажи и не отошли меня печальнымъ и скорбнымъ.

О дерзость! о несмысліе! о неразумныя рѣчи!

Какъ не трепещешь ты такъ дерзко вопропать объ
этомъ?

Какъ не сознаешь, что спрашиваешь о томъ, что тебѣ
извѣстно?

Но дерзаешь говорить о Богѣ, какъ бы искушая,
И какъ бы невѣдущій, притворяясь, вопрошаешь Меня
о томъ, что знаешь,

Желая со (всею) ясностію описать всѣмъ свое знаніе.

Но однако, будучи человѣколюбивъ, Я снисхожу къ тебѣ
И снова (стану) учить тебя, такъ говоря тебѣ слѣдующее:

Я по естеству невыразимъ, будучи невмѣстимъ,

Неоскудѣвающъ, непрístupенъ, невидимъ для всѣхъ,

Неприкосновенъ, неосязаемъ и по существу неиз-
мѣненъ;

Одинъ въ единой вселенной и одинъ со всѣми
Познающими Меня во тьмѣ сей жизни,
Но внѣ всего міра, внѣ видимыхъ (вещей),
Внѣ чувственнаго свѣта, и солнца, и тьмы,
И мѣста мученія и страшной кары,
Въ которое попали гордые рабы,
Злобно поднявшіе выю противъ Меня—Владыки (своего).
Я неподвиженъ, ибо гдѣ Меня нѣтъ,
Чтобы черезъ перемѣщеніе я достигъ Своего мѣста?
И и присподвиженъ безгранично,
Ибо куда ты пойдешь искать Меня, чтобы найти Меня
тамъ?

Небо, какъ ничто, произведено словомъ Моимъ;
Солнце, звѣзды и земля какъ бы малымъ подѣліемъ
для Меня

Были, и все прочее также, что видишь ты.
Ангелы, видящіе славу славы, а не самое естество (Мое),
Задолго прежде нихъ произведены Мною.
Ибо (лишь) только помыслилъ Я произвести (небесныя)
силы,

И онѣ тотчасъ предстали, славословя державу Мою.
Ты же, сѣдящій въ той самой юдоли изгнанія,
Куда ниспали всѣ первые преступники:
Т. е. Адамъ и съ нимъ Ева, праматерь твоя,
И злой діаволь, ихъ обольстившій,
Гдѣ глубокая тьма, гдѣ великій ровъ,
Гдѣ змѣи, всегда жалящіе васъ въ пятю,
Гдѣ плачь, горе и непрестанное рыданіе,
Гдѣ всякая тѣснота, безпокойство и печаль,
Смерть вмѣстѣ и тлѣніе всѣхъ васъ содержитъ,
Какъ ты остаешься спокойнымъ и беззаботнымъ? какъ
нерадишь, скажи Мнѣ?

Какъ не печешься о злыхъ (дѣлахъ), которыя ты въ
мірѣ содѣлалъ?

И не цѣнишь высоко одного только покаянія?
И не стараешься показать его истиннымъ?
И не вопрошаешь о немъ съ великою мольбою?
И тщательно не изслѣдуешь, какъ тебѣ исправить его,
Дабы чрезъ него по человѣколюбію Моему могъ
Получить ты и великое оставленіе беззаконій твоихъ?

Но, оставивъ его, спрашиваешь о томъ, что превыше
естества,

Изслѣдуешь то, что на небесахъ, лучше же и не то (даже),
Но испытujesz (самое) естество Мое, Того, Кто произ-
вель,

Какъ сказано, небо и все (прочее), какъ ничто ¹⁾,
И хочешь познать то, что касается Меня, какъ никто
другой не зналъ.

О диво! о произволеніе человѣческое!
Ибо хотя и порицалъ Я тебя, но Я напротивъ и хвалю
тебя,

Потому что и ты—Мое дѣло и твореніе.
Какъ ты, образованный изъ земли, изъ глины и праха,
На ней держимый и съ нсю живущій,
Все вмѣняешь въ ничто и даже считаешь какъ бы
тѣнью?

И минуя все, ищешь Меня одного,
Желаешь говорить обо Мнѣ, рассказывать про Меня
И смотрѣть на Меня, если возможно, въ продолженіе
всей жизни,

Не отвѣдывая ни сна, ни пищи и питья,
И не заботясь совершенно объ одеждѣ тѣлесной?
Но какъ бы деревьями и пнями, стоящими вдоль пути,
Такимъ считаешь все славное въ мірѣ,
Опуская (его), какъ ничто, на пути жизни,
И не обращаясь (вокругъ) окомъ ума
И не позволяя душевнымъ очамъ взирать на (все) это,
Но воображаешь Меня и обо Мнѣ однимъ помнишь,
И любишь Меня, какъ никто изъ находящихся съ тобою?

Ибо кто о имени Моемъ радуется сердцемъ
И возбуждается тотчасъ къ любви и желанію?
Кто, услышавъ многократное упоминаніе обо Мнѣ,
Прослезился отъ души, имѣя въ мысляхъ Меня одного?
Кто со тщаніемъ възыскалъ познанія и соблюденія

¹⁾ Въ изданномъ греческ. текстѣ слѣдующіе стихи читаются такъ:

Удержись, смертный человѣкъ, ибо это не полезно тебѣ.

Итакъ, вѣруй, что Я—свѣтъ и пр.

Но въ П. р. находимъ здѣсь большую вставку, занимающую около двухъ листовъ. Въ своемъ переводѣ мы помѣщаемъ и эту вставку. Такимъ образомъ дальнѣйшіе стихи взяты изъ рукописи.

Божественныхъ словъ или заповѣдей Моихъ?
Кто счелъ Меня, какъ ты, Богомъ надъ всѣми,
И немедленно пожелалъ служить Мнѣ одному,
И ради того родителей и братій и домъ,
Землю и вмѣстѣ сродниковъ, и сосѣдей, и друзей
Такъ презрѣлъ и такъ приступилъ ко Мнѣ,
Какъ бы никогда не видѣлъ никого изъ нихъ
И не зналъ на землѣ человѣка въ семъ мірѣ,
Но какъ бы пришелъ въ нѣкую чужую страну и городъ,
Гдѣ всѣ—варвары и говорятъ на иномъ языкѣ?
Такъ ты среди близкихъ, знакомыхъ и друзей,
Своихъ и начальниковъ и богатыхъ міра
Живешь и пастроены, находясь среди нихъ.
Но это, считаемое безчувственными пустымъ и мало-
важнымъ,
У Меня, взирающаго на это, велико и высоко.
Кто изъ великихъ земныхъ властей и владыкъ,
Или изъ утверждающихъ на Мнѣ (свое) начальствова-
ніе и царствованіе,
Или изъ изображающихъ лицо Моихъ Божественныхъ
Апостоловъ
Либо помыслилъ, либо могъ соблюсти то,
Чтобы во время исполненія заповѣди Моей и закона
Какъ на одного взирать на всѣхъ: на сродниковъ и
чужихъ,
Богатыхъ вмѣстѣ и бѣдныхъ, славныхъ и безславныхъ,
На вельможъ же вмѣстѣ съ нищими?
Какой судья безпристрастно смотритъ на грабежъ сре-
ди нихъ?
Если бы Я нашелъ душу, соблюдающую это въ мірѣ,
Въ особенности въ настоящемъ поколѣніи и (въ насто-
ящее) время,
То Я прослаблю (такового) наравнѣ съ Апостолами Моими
и пророками,
И онъ возсядетъ со мною въ пришествіи Моёмъ,
Ибо будетъ судить праведно и тогда, какъ на землѣ,
И получить славу судіи живыхъ и мертвыхъ.
Благо—взыскать этого и прочаго съ этимъ,
И, сколько есть силы, соблюдать и точно хранить,
Не изслѣдуя естества Моего, сыне человѣческой,

Ни дѣйствій Духа Моего Святаго,
Какъ Онъ показывается солнцемъ и видится звѣздою,
Появляясь гдѣ-то вдали и поднимаясь выше горъ.
Когда же Онъ скрывается отъ глазъ твоихъ,
То причиняетъ тебѣ неутѣшную скорбь и печаль;
И въ то время, какъ ты полагаешь, что Онъ еще не
явился тебѣ,

Онъ обрѣтается гдѣ-то внутри твоего сердца,
Неожиданно доставляя тебѣ и изумленіе и радость;
И такъ какъ не показывается тебѣ (уже) пламенемъ и
не видится сіяніемъ и огнемъ,
То ты удивляешься и изслѣдуешь.—Ибо не полезно
тебѣ это.

Итакъ ¹⁾, вѣруй, что Я—свѣтъ совершенно неизобра-
зимый,

Весь простой, несложный, нераздѣльный естествомъ,
Неизслѣдимый и вмѣстѣ доступный недоступнымъ обра-
зомъ.

Ибо поистинѣ Я видимъ бываю и человѣколюбно являюсь,
Преобразуясь сообразно воспріятію каждаго изъ людей;
Не со Мною [впрочемъ] это бываетъ,

Но видящіе такъ сподобляются Меня видѣть,
Ибо иначе не могутъ, не вмѣщая больше.

И поэтому одни и тѣ же иногда видятъ (Меня)

Солнцемъ, когда имѣютъ умъ очищеннымъ,

Иногда же звѣздою, когда окажутся

Подъ мракомъ и ночью этого тѣла.

Ибо горѣніе любви дѣлаетъ Меня огнемъ и свѣтомъ,

Потому что когда возжжется въ тебѣ уголь любви,

Тогда и Я, видя ревность сердца твоего,

Оказываюсь въ соединеніи съ тобою, и подаю свѣтъ

И показываюсь какъ бы огнемъ, Я—словомъ создав-
шіи огонь.

Ибо душевныя добродѣтели являются какъ бы веще-
ствомъ,

Охватывая которыя, Божественный свѣтъ Духа

И называется соотвѣтственно подлежащему веществу,

¹⁾ Начиная отсюда и далѣе до конца гимна, подлинный греческій текстъ имѣется и въ печатномъ изданіи.

Ибо собственнаго имени у людей онъ не имѣеть.
Поэтому когда человѣкъ придетъ въ умиленіе и про-
слезится,
Тогда и онъ называется водою, ибо очищаетъ,
И соединяясь со слезами, оmyваетъ всякую скверну.
Когда же плачь угаситъ раздражительность сердца,
При его содѣйствіи, то онъ именуется кротостію.
Возгораясь же опять противъ нечестія,
Что дѣлается чрезъ него же, онъ называется ревностію.
Миромъ же напротивъ, и радостію, и благостію онъ име-
уется,
Потому что плачущему подается и то и другое,
И онъ производитъ въ сердце, какъ бы источникъ,
обильную благодать,
Отъ которой изливается всякое состраданіе и мило-
сердіе,
Истекающее виѣ отъ души на всѣхъ (окружающихъ),
Въ особенности на желающихъ каяться и спастися.
Ибо (хотя) и всѣхъ онъ милуетъ, но этимъ и помога-
етъ,
И содѣйствуетъ, и одобряетъ, и состраждетъ во всемъ,
Соединяясь съ душевнымъ произволеніемъ ихъ;
И усматривая въ (ихъ) умѣ красоту покаянія,
Приобрѣтаетъ къ нимъ болѣе искреннюю любовь.
Смиреніемъ же онъ называется потому, что все мірское,
И даже самую душу, и собственное тѣло,
И всякое совершаемое дѣйствіе человѣкъ считаетъ
Какъ бы ничѣмъ, вкусивъ его сладости
И узрѣвъ неизъяснимую красоту этого свѣта.
Зная это, ты отнюдь болѣе не просилъ бы Меня
Говорить о таковыхъ (вещахъ) или точно изъяснить тебѣ,
Ибо онъ по природѣ невыразимъ и совершенно неиз-
глаголаннъ,
Для людей неизреченнъ, невѣдомъ и для Ангеловъ,
И для всякой иной тварной сущности поистинѣ непо-
стижимъ.
Познай же лучше то, что касается тебя, или гораздо
болѣе себя самого,
И тогда познаешь, что Я совершенно неистижимъ,
И сопрѣбываю и люблю однихъ любящихъ Меня,

И всегда горячо помнящихъ Мои заповѣди,
И никоимъ образомъ не предпочитающихъ имъ чего-
либо скоротечнаго,
Съ каковыми ¹⁾, собесѣдуя, Я и буду сопребывать нынѣ
и во вѣки. Аминь.

XLI.

Точное богословіе о неуловимомъ и неописуемомъ ²⁾
Божествѣ, и о томъ, что Божественное естество, бу-
дучи неописуемо (неограниченно), не находится ни
внутри ни внѣ вселенной, но и внутри и внѣ есть,
какъ причина всего, и что Божество только въ умѣ
уловимо для человѣка неуловимымъ образомъ, какъ
лучи солнца для глазъ ³⁾.

О Троица Создательница всѣхъ, о Единица началь-
нѣйшая!

О Боже мой единый, единымъ по естеству неописуемый,
Непостижимый въ славу, неизъяснимый въ дѣлахъ,
Существо неизмѣнное, о Боже—жизнь всѣхъ!

О превъсшій всѣхъ благъ, о Начало безначальнаго
Слова.

Пребезначальный Боже мой, Который никоимъ обра-
зомъ не произошелъ (*γέγονας*),

Но былъ (*ἦς*) не имѣющимъ начала, какъ найду я всего
Тебя,

Носящаго меня внутри? кто дастъ мнѣ удержать Тебя,
Котораго и я ношу внутри себя? какъ Ты и внѣ тварей,
И напротивъ внутри ихъ, (если) Ты—ни внутри ни внѣ?

Какъ неуловимый, Я ⁴⁾ не внутри, а какъ уловимый,
не внѣ нахожусь;

Будучи же неограниченъ,--ни внутри ни внѣ.

Ибо Творецъ внутри чего (можетъ быть), или же внѣ
чего, скажи мнѣ?

¹⁾ Въ П. р. вмѣсто εἰς, какъ въ печатномъ текстѣ, пишется οἰς.

²⁾ Это послѣднее слово прибавлено въ П. р.

³⁾ Въ П. р. это 23 слово.

⁴⁾ Ясно, что, начиная отсюда, рѣчь идетъ отъ лица Бога—Творца. Въ П. р. около этого стиха приписано въ скобахъ: *λόγος*, т. е. рѣшеніе, отвѣтъ на предыдущіе вопросы.

Я все ношу внутри, какъ содержащій всю тварь,
А нахожусь внѣ всего, будучи отдѣленъ отъ всего.
Ибо Творецъ тварей какъ не будетъ внѣ всего?
Существова прежде всего и наполняя все, какъ испол-
ненный [всѣмъ],
Какъ не буду (существовать) Я, и создавъ (все)? пойми,
о чемъ Я вѣщаю тебѣ.
Создавъ всю тварь, Я отнюдь не перемѣнилъ мѣста
И не соединился съ созданіями. (Если) же Я неогра-
ниченъ,
То гдѣ, скажешь ты, нахожусь Я когда-либо, не тѣлес-
но, говорю тебѣ,
Но, пойми Меня, мысленно? Ища же Меня духовно,
Ты найдешь Меня неограниченнымъ, а потому
опять—нигдѣ,
Ни внутри, ни внѣ, хотя и вездѣ во всемъ,
Безстрастно и неслиянно, а потому внѣ всего,
Такъ какъ Я былъ прежде всего.
Но оставимъ ¹⁾ всю эту тварь,
Какую видишь ты, потому что она не причастна ра-
зума (слова),
И справедливо не имѣетъ близости къ Слову,
Будучи лишена всякаго ума. Итакъ, сродное животное
дадимъ
Слову премудрости, дабы какъ умъ къ премудрости
И слово сродно и близко къ Слову,
Превыше слова; (такъ) и это созданіе имѣло благое
общеніе
Съ Создателемъ, какъ являющееся по образу Создателя
И по подобію. Какое же это я разумѣю животное?
Я сказалъ тебѣ, конечно, о человѣкѣ, словесномъ (ра-
зумномъ) среди безсловесныхъ,
Такъ какъ онъ двоякъ изъ двухъ: чувственнаго и умо-
постигаемаго.
Онъ одинъ среди тварей знаетъ Бога;

¹⁾ Отсюда и до конца гимна Симеонъ слова, повидимому, ведетъ рѣчь отъ своего лица, обращаясь по временамъ съ разъясненіями къ слуша-телю или читателю и отвѣчая на предполагаемыя его возраженія и недоумѣнія.

Для него же одного въ силу ума (*κατά νοῦν*) Богъ уловимъ неувлимо,

Видится невидимо и держится недержимо.

Какъ (это) уловимо и неувлимо? и какъ въ смѣшеніи безъ смѣшенія?

Какимъ образомъ, скажи и изъясни мнѣ это?—Какъ изъясню я тебѣ неизъяснимое?

Какъ изреку неизреченное? Однако внимай, и я скажу. Солнце испускаетъ лучи,—я говорю тебѣ о чувственномъ солнцѣ,

Ибо другого ты еще не увидѣлъ; итакъ, ты смотришь на лучи его,

И они уловимы для глазъ твоихъ; свѣтъ же очей твоихъ Пусть будетъ соединенъ съ твоими очами. Теперь отвѣтъ мнѣ на вопросъ:

Какъ свѣтъ твой соединенъ съ лучами?

Въ несмѣпанномъ ли смѣшеніи, или они слились другъ съ другомъ?

Знаю, ты назовешь (ихъ) и не смѣпанными и признаешь смѣпанными.

Свѣтъ этотъ—скажи мнѣ—и уловимъ, когда глаза открыты И хорошо очищены; но онъ же, если ты закрыешь (ихъ), Тотчасъ и неувлимо: въ слѣпыхъ онъ не пребываетъ,

Зрячимъ же сопредсуетъ; когда же заходить, то и послѣднихъ

Оставляетъ какъ бы слѣпыми, ибо ночью человѣческія Глаза не видятъ. Итакъ, выглядывая чрезъ нихъ, душа Видитъ свѣтъ. А когда нѣтъ свѣта,

Она находится совершенно какъ бы во тьмѣ; когда же восходитъ онъ,

Тогда она видитъ, во-первыхъ, свѣтъ, а во свѣтѣ и все (прочее).

Но имѣя свѣтъ, ты [собственно] не имѣешь, ибо потому и имѣешь, что видишь.

Не будучи же въ состояніи удержать или взять его руками своими,

Ты отнюдь не думаешь, что нѣчто имѣешь. Ты простираешь свои ладони,

Ихъ освѣщаетъ солнце, и ты думаешь, что держишь его.

Я утверждаю, что (тогда) ты имѣешь его; вдругъ ты снова
сжимаешь ихъ,

Но оно не удержиимо, и такимъ образомъ ты опять ни-
чего не имѣешь.

Простое просто удерживается, но его нельзя сжать,
удержавши.

Хотя и тѣломъ по природѣ мыслится этотъ свѣтъ
Видимаго солнца, однако онъ недѣлимъ.

Итакъ, скажи мнѣ, какъ бы ты ввелъ его въ домъ свой?

Какъ можешь удержать, какъ удержиши неуловимое?

Какъ все его приобрѣтешь, отчасти или всецѣло?

Какъ часть его получиши и въ нѣдрѣ сокроешь?

Конечно, скажи мнѣ, (это) никонмъ образомъ и ни-
когда невозможно.

Итакъ, если природу того, о которомъ говорю я, и (ко-
торое) Творецъ повелѣніемъ

Произвелъ, какъ свѣтильникъ, чтобы оно свѣтило всемъ
въ мірѣ,

Ты совершенно не можешь изречь или изслѣдовать,
Какимъ образомъ оно есть тѣло,—не безтѣлесно же оно,
разумѣется?

Какъ оно уловимо неуловимымъ образомъ и какъ смѣ-
шивается безъ смѣшенія?

Какъ чрезъ лучи видимо бываетъ и освѣщаетъ тебя ими?

То, на которое если ты ясно согласишься, то оно
скорѣе ослѣпитъ тебя;

Даже и о свѣтѣ очей твоихъ ты затруднишься сказать мнѣ,

Какъ безъ другого свѣта онъ совершенно не можетъ видѣть?

А соединяясь со всякимъ свѣтомъ, видитъ все, какъ свѣтъ;

Отдѣляясь же отъ (другихъ) свѣтовъ, онъ пребываетъ,
совершенно безстрастнымъ,

Такъ же какъ и соединяясь со свѣтомъ, весь свѣтомъ
бываетъ;

И это соединеніе ихъ невыразимо и несліянно,

Подобно же и отдѣленіе неуловимо;—

То какъ же [можно] всецѣло изслѣдовать природу
Творца всехъ?

Какъ изречь мнѣ? какъ выразить? какъ посредствомъ
слова представить?

Воспринимай все вѣрою, ибо вѣра не сомнѣвается;

Вѣра поистинѣ не колеблется. Однако, какъ говорю я,
Онъ есть все,
Ясно говорю тебѣ—все и никимъ образомъ ничто изъ
всего.

Творецъ всего есть Божественное естество и премудрость;
И какъ вѣдь не будетъ во всемъ то, что есть ничто
изъ всего?

Будучи же причиною всего, Онъ вездѣ есть во всемъ,
И весь все наполняетъ по существу и по естеству,
Равно и по ипостаси Богъ вездѣ есть,
Какъ жизнь и податель жизни. И въ самомъ дѣлѣ
произошло ли что-либо,
Чего Самъ Онъ не произвелъ, (вплоть) до комара, согла-
сь со мною,

И паутины паука? ибо откуда, скажи, таковою
Тканью снабжается тотъ, кто не прядетъ, но неумимо
Каждый день выпрядаетъ, будучи мудрѣ рыбаковъ
И всѣхъ птицелововъ? распростирая свои нити
И издали завязывая ихъ, онъ среди нихъ, наконецъ,
Какъ бы сътъ, тчетъ на воздухѣ западню;
И сидя, самъ поджидаетъ добычу,
Не поймается ли откуда-либо попавшее нѣчто крылатое.
Итакъ, Тотъ, Кто простирается промысломъ даже до
всего этого,

Какъ не есть во всемъ? какъ не находится со всѣми?
Подлинно Онъ и среди всего есть и внѣ всего,
Подлинно, Самъ будучи свѣтомъ, куда бы Онъ скрылся,
наполняющій все?

Если же ты не видишь Его, то познай, что ты слѣпъ
И среди свѣта весь наполненъ тьмою.

Ибо Онъ видимъ бываетъ для достойныхъ, видится же
не вполне,

Но видится невидимо, какъ одинъ лучъ солнца;
И уловимымъ для нихъ бываетъ, будучи по существу
неуловимъ.

Лучъ вѣдь видится, солнце же скорѣ ослѣпляетъ;
И лучъ его уловимъ для тебя, какъ сказали мы, неуловимо.
Поэтому я говорю: кто дастъ мнѣ то, что я имѣю?
Т. е. кто покажетъ мнѣ все то, что я вижу?
Ибо лучъ я вижу, но Солнца не вижу.

Лучъ же не солнцемъ ли для тебя и кажется и видится?
Видя его, я желаю увидѣть и всего Родителя (его).

Такимъ образомъ, видя, я опять говорю: кто покажетъ
мнѣ то, что я вижу?

И наоборотъ, имѣя лучи всѣ внутри дома,
Я снова говорю: гдѣ найду я источникъ лучей?

Лучъ же съ своей стороны другимъ источникомъ во
мнѣ ясно является.

О необычайное чудо чудесъ! Солнце вверху блистаетъ,
Лучъ же солнца напротивъ—на землѣ другимъ солн-
цемъ для меня

Является, и освѣщаетъ поистинѣ подобно первому,
И это есть второе (солнце); имѣя его, я и говорю, что имѣю;
Но созерцая точно также это другое солнце вдали отъ
себя, я кричу:

Кто дастъ мнѣ того, кого я имѣю? ибо они не отдѣлены
другъ отъ друга,

Но и совершенно неразлучны и раздѣлены несказанно.
По сравненію со всѣмъ много ли я имѣю?—зерно одно
или искру,

И желаю получить все, хотя и все, конечно, имѣю.
О чемъ это по сравненію со всѣмъ ты говоришь мнѣ?
какъ надъ неразумнымъ, ты глумишься;

Перестань глумиться надъ мною и не говори: по я все
имѣю,

Хотя отнюдь ничего не имѣю.—Удивляюсь, какъ или
къ чему ты говоришь (это)?

Послушай, снова скажу я: помысли о великомъ морѣ
И нарисуй въ умѣ моря морей и бездну безднъ.

Итакъ, если ты стоишь [лицомъ] къ нимъ

На морскомъ берегу, то, конечно, ты скажешь мнѣ, что
хорошо

Видишь воду, хотя всю отнюдь не видишь.

Ибо какъ бы ты увидѣлъ всю (воду), когда она без-
предѣльна для глазъ твоихъ

И неудержима для рукъ твоихъ?—Сколько видно тебѣ,
конечно, (столько) и видишь ты.

Если бы кто спросилъ тебя: видишь ли ты всѣ моря?
Никкимъ образомъ, отвѣтишь ты. А удержишь ли всѣ
(ихъ) въ горсти?

Нѣтъ, скажешь ты, ибо какъ могу я (держать ихъ)? Но
если бы онъ снова спросилъ тебя:

Не вполнѣ ли ты видишь ихъ?—да, скажешь ты, нѣчто
немногое вижу

И держу морскую воду. Итакъ, въ то время, когда
Ты держишь руку въ водѣ, имѣешь въ рукѣ своей и всё
Въ совокупности бездны, ибо онѣ не раздѣлены другъ
отъ друга;

И не всё, но лишь немного (воды).

Итакъ, по сравненію со всёми много ли ты имѣешь?

Какъ бы каплю одну, скажи; но всёхъ (безднъ) ты
не имѣешь ¹⁾.

Такъ и я говорю тебѣ, что, имѣя, я ничего не имѣю.
Я нищъ, (хотя) и вижу лежащее предо мною богатство;
Когда я насыщусь, (тогда) голоденъ; когда же бѣденъ,
(тогда) богатъ;

Когда пью, (тогда) жажду; и питье весьма сладко;

Одно вкушеніе (его) тысячекратно утоляетъ всякую
жажду.

И я всегда жажду пить, нѣя совершенно безъ насыщенія;
Ибо желаю удержать все и выпить, если бы возможно было,
Всѣ вмѣстѣ бездны; но такъ какъ это невозможно,
То я всегда жажду, говорю тебѣ, хотя въ устахъ моихъ
Всегда находится вода, текущая, изливающаяся и омы-
вающая.

Но, видя бездны, я вовсе не думаю, что пью нѣчто,

Желая удержать всю (воду); и обильно опять имѣя

Всю всёцѣло въ рукѣ своей, я всегда нищъ,

Имѣя съ малымъ (количествомъ) всю, конечно, въ со-
вокупности (воду).

Итакъ, море—въ каплѣ, и въ ней же опять бездны

Безднѣ въ совокупности. Поэтому, имѣя одну каплю,

Я имѣю всё въ совокупности (бездны). Капля же эта
опять,

Которую, говорю тебѣ, приобрѣлъ я, вся нераздѣльна,

Неосязаема, совершенно неуловима, неописуема также,

Неудобозрима вовсе, или она и есть Богъ весь.

¹⁾ Въ II. р. здѣсь прибавлено: *καὶ τοὶ συντιθέμεναι ἔχεις* — въ совокупности, правда, имѣешь.

Если же такъ и такова для меня эта Божественная капля,
То могу ли я думать, что всецѣло имѣю нѣчто? по-
истиннѣ, имѣя, я ничего не имѣю.

Скажу тебѣ снова объ этомъ иначе: (вотъ) съ высоты
свѣтитъ солнце;

Входя въ лучи (его), лучше же обладая лучами,
Я бѣгомъ поднимаюсь вверхъ, (чтобы) приблизиться къ
солнцу.

Когда же, достаточно приблизившись, я думаю прико-
снуться,

Лучъ ускользаетъ изъ рукъ моихъ, и я тотчасъ ослѣ-
пляюсь,

И лишаюсь того и другого, и солнца и лучей.

Ниспавъ съ высоты, я сижу и опять плачу,

Ища прежняго луча. Итакъ, когда я нахожусь въ та-
комъ состояніи,

Онъ (лучъ), весь мракъ ночи разнявши, ко мнѣ,

Какъ вервь, съ высоты небесной нисходитъ.

И тотчасъ хватаюсь за него, какъ за уловимый, и сжи-
маю, (чтобы) удержать,

Но онъ не удержиимъ; однакоже неуловимо

Я держу его и иду вверхъ. Итакъ, когда такимъ об-
разомъ восхожу я,

И лучи совосходятъ (со мною). Превосходя небеса

И небеса небесъ, я опять вижу солнце.

Оно гораздо выше ихъ, но бѣжить ли оно, не знаю,

Или стоять,—не вѣдаю. Дотолѣ я иду, дотолѣ бѣгу,

И между тѣмъ не могу достигнуть. Когда же я прево-
схожу высоты высоту

И бываю, какъ мнѣ кажется, превыше всякой высоты;

Лучи (вмѣстѣ) съ солнцемъ исчезаютъ изъ рукъ моихъ,

И я, падая, несчастный, тотчасъ низвергаюсь во адъ.

Таково дѣло, таково дѣланіе у духовныхъ.

У нихъ непрестанный бѣгъ сверху внизъ и снизу вверхъ:

Когда упалъ, тогда бѣжить, когда бѣжить, то стоять;

Склонившись весь книзу, весь есть вверхъ,

Обтекая же небеса, снова утверждается внизъ.

Начало этого теченія конецъ есть, конецъ же—начало.

Совершенствованіе безконечно, начало же это—опять
конецъ.

Какъ же конецъ?—какъ сказали богословски Григорій:
Озареніе есть конецъ (предѣлъ) всѣхъ возжелѣвающихъ¹⁾,
И Божественный свѣтъ—упокоеніе отъ всякаго созер-
цанія.

Поэтому достигшій видѣнія его упокоивается отъ всего,
И отдѣляется отъ тварей, ибо онъ видитъ Творца ихъ.
Видящій Его внѣ всего есть, одинъ съ Единнымъ,
Ничего изъ всего не видя. Да молчитъ же то, что въ
немъ,

Ибо оно неясно видится и отчасти познается.

Итакъ, ты пораженъ, услышавъ о томъ, что внутри
видимаго.

Если же ты пораженъ этимъ, то какъ не покажусь я
тебѣ баснословомъ,

Изъясняя тебѣ то, что внѣ [видимаго]? Ибо совершенно
неизреченны

И невыразимы вовсе Божественныя (вещи) и то, что въ
нихъ.

Да и (настоящее) слово развѣ (можетъ быть) любовію
принуждаемо говорить

О всѣхъ Божественныхъ и человѣческихъ? Поэтому,
оставивъ Божественныя (вещи)

И повѣдавъ тебѣ нѣчто изъ своихъ [переживаній], я
въ этомъ словѣ покажу тебѣ

Путь и закончу. Познай себя, что ты двоякъ,

И двоякія имѣешь очи, чувственныя и умныя,

Такъ какъ два есть солнца и два также свѣта,

Чувственный и умный. Если ты видишь ихъ, какъ и
созданъ ты

Въ началѣ, то будешь человѣкомъ; если же чувствен-
ное видишь,

А умнаго Солнца—отнюдь нѣтъ, то ты полумертвъ,
конечно.

Полумертвый же и мертвый во всемъ бездѣйственъ.

¹⁾ Преп. Симеонъ разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, слѣдующія слова Григорія Богослова: „гдѣ очищеніе, тамъ озареніе; *озареніе же есть исполненіе желанія* для стремящихся къ предметамъ высочайшимъ“... Oration XXXIX in Sancta lumina MP. gr. t. XXXVI col. 344A; русск. перев. ч. III, стр. 213.

Ибо если бездѣйственъ всякъ не видящій чувственно,
То не тѣмъ ли болѣе не видящій умнаго свѣта міра?
Онъ мертвъ и хуже мертваго: мертвый (ничего) не
чувствуетъ,

Но какое мученіе будетъ имѣть умершій чувствомъ?
Лучше же (сказать) онъ будетъ какъ бы вѣчно умира-
ющимъ въ мукахъ.

Но видящіе Творца развѣ не пребываютъ живыми внѣ
всего?

Ей, они и внѣ всего живутъ и среди всего суть,
И видимы бываютъ всѣми, но не для всѣхъ видимы.
Ощущая настоящее, хотя и находятся они среди всего,
Но бываютъ внѣ всего, являясь превыше чувства къ
нему;

Сочетавшись съ невещественнымъ, они не ощущаютъ
чувственного,

Ибо очи (ихъ хотя) и видятъ, но съ нечувственнымъ
ощущеніемъ.

Какимъ образомъ? скажи мнѣ, скоро скажи. — Какъ ви-
дящій огонь не обжигается,

Такъ и я вижу нечувственно. Ты видишь огонь, каковъ
онъ,

И пламя, конечно, видишь, но не чувствуешь боли;
Но ты находишься внѣ его, и видя, не обжигаешься;
Однако видишь съ ощущеніемъ. То же самое, пойми
меня, испытываетъ

И видящій духовно, ибо умъ (его), созерцая все,
Разсуждаетъ безстрастно. Какую дивную красоту ви-
дитъ онъ!

Но безъ похоти. Итакъ, огонь есть красота,
Прикосновеніе—похоть: если ты не коснешься огня,
Какъ почувствуешь боль?—никомъ образомъ.

Точно также и умъ, пока не возымѣетъ худого жела-
нія, видитъ золото,

Будетъ смотрѣть (на него) совершенно какъ на грязь,
и на славу не какъ на славу,

Но какъ на одинъ изъ воздушныхъ призраковъ,
И на богатство—какъ на (сухія) деревья въ пустынѣ,
Долу лежація (вмѣсто) лоза. Но зачѣмъ пытаюсь я
все это

Разсказывать и изъяснять? Если опытомъ не постиг-
нешь,
То не можешь познать этого. Недоумѣвая же въ по-
знаніи, будешь говорить:
Увы мнѣ, какъ не знаю я этого! увы мнѣ, сколькихъ
благъ я лишаюсь
Въ невѣдѣніи! и будешь стараться познать это,
Дабы называться гностикомъ (вѣдущимъ). Ибо если се-
бя самого ты не знаешь,
Какого рода и каковъ ты, то какъ познаешь Творца?
Какъ наименуешься вѣрнымъ? какъ даже человекомъ
назовешься,
Будучи волкомъ, или звѣремъ, или подобнымъ какому-
либо безсловесному животному?
А то и хуже его будешь, не вѣдая Создавшаго тебя.
Кто, не зная Его, посмѣетъ сказать, что онъ разу-
менъ,
Не будучи (таковымъ)? ибо какъ (разумель) тотъ, кто
лишенъ разума?
Лишенный же разума (слова) находится въ разрядѣ
безсловесныхъ.
Но упасенный людьми, онъ всеконечно будетъ спа-
сень.
Если же не желаетъ, но удаляется въ горы и ущелья,
То добычею звѣрей будетъ, какъ заблудшіи ягненокъ.
Это дѣлай и (объ этомъ), чадце, заботься, да не огна-
дешь.

XLII.

О богословіи и о томъ, что Божественное естество неизслѣдимо и совершенно непостижимо для людей ¹⁾.

Господи Боже нашъ, Отче, Сыне и Душе,
Ты по образу безвидный, для созерцанія же прекрас-
нѣйшій,
Своею неизъяснимою красотою помрачающій всякое
видѣніе,
Прекрасный превыше зрѣнія, ибо Ты превосходишь все,

¹⁾ Въ П. р. 31 слово.

Безколичественный въ количествѣ, видимый для тѣхъ,
кому Ты изволишь,
Сущность пресущественная, невѣдомая и Ангеламъ;
Ибо бытіе Твое они познають изъ дѣйствій Твоихъ.
Вѣдь Ты наименовалъ Себя Самомъ Богомъ поистинѣ
сущимъ (Исх. 3, 14);
Это мы и зовемъ сущностью, называемъ ипостасію,
Воипостаснымъ (*ἐνπλόστατον*) именуя Того, Котораго
никто никогда не видѣлъ,—
Трипостаснаго Бога, единое безначальное Начало.
Иначе же какъ посмѣемъ мы назвать Тебя сущностью,
Или прославлять въ Тебѣ три раздѣльныхъ ипостаси?
И каково соединеніе (ихъ),—кто совершенно уразумѣеть?
Ибо если Отецъ въ Тебѣ, и Ты во Отцѣ Твоемъ,
И отъ Него происходитъ Св. Духъ Твой,
И Самъ Ты, Господи,—Духъ Твой,
Духъ же Господомъ названъ и Богомъ моимъ,
И Отецъ Твой есть и называется Духомъ;
То никто однако ни изъ Ангеловъ, ни изъ людей ни-
когда не видѣлъ,
Ни созерцалъ этого, ни образа не позналъ;
(Да и) какъ изречь (это)? какъ выразить? какъ дерзнуть
наименовать: отдѣленіемъ,
Или соединеніемъ, или сліяніемъ, или смѣшеніемъ,
или раствореніемъ?
Какъ едино (назвать) тремя, три же—однимъ?
И поэтому, Владыко, на основаніи того, что Ты сказалъ
И чему научилъ, всякъ вѣрный вѣруетъ и славосло-
вить державу Твою,
Такъ какъ все въ Тебѣ совершенно непостижимо,
Невѣдомо и невыразимо ¹⁾ для созданій Твоихъ.
Ибо недомысленно уже бытіе Твое,
Такъ какъ Ты существуешь несозданнымъ, равно какъ
и (то, что) Ты родилъ.
Да и какъ созданный уразумѣеть образъ бытія Твоего?
Или рожденія Сына Твоего, Бога и Слова,
Или исхожденія Божественнаго Духа Твоего,

¹⁾ Въмѣсто *ἀνεκφραστα* въ П. р. читается *ἀνεκφορα* — невозможно, сокровенно.

Чтобы и соединеніе Твое онъ позналъ, и раздѣленіе
уразумѣлъ,

И точно изучилъ видъ Твоей сущности?

Никто еще не увидѣлъ ничего Твоего изъ того, о чемъ
я сказалъ.

Ибо невозможно Богу быть инымъ по естеству,

Чтобы и Твоего естества можно было изслѣдовать

Сущность, видъ и образъ, и ипостась также.

Но Ты Самъ въ Себѣ Самомъ существуешь одинъ
только Богъ Троица,

Одинъ зная Себя Самого, Сына Твоего и Духа

И ими одними знаемый, какъ соестественными.

Прочіе же, какъ бы лучи чувственного солнца,

И [то если] они добрѣ видящіе и ясно зрящіе,

Сидя внутри дома, видятъ входящіе,

Солнца же этого совершенно не видятъ;

Такъ свѣтъ славы Твоей, такъ озаренія (Твои),

И ихъ (даже) гадательно, очищеннымъ умомъ

Сподобляются видѣть отъ души Тебя ищущіе.

Тебя же (Самого), каковъ Ты по существу и какого рода,

Или какъ Ты родилъ однажды, или вѣчно рождаешь

И не отдѣляешься отъ рождаемаго отъ Тебя, но Онъ

Весь есть въ Тебѣ, весь все наполняя Божествомъ;

Ты же, Отецъ, весь пребываешь въ Самомъ Сынѣ

И имѣешь исходящаго отъ Тебя Божественнаго Духа,

Всевѣдущаго и (все) исполняющаго; какъ Богъ по су-
ществу,

И Онъ не отдѣляется отъ Тебя, ибо отъ Тебя истекаетъ

(Ты—источникъ благъ, всякое же благо—Сынъ Твой,

Черезъ Духа удѣляющій ихъ всѣмъ достойно,

Благоутробно и челоуѣколюбно, и Ангеламъ и чело-
вѣкамъ),

Никто (говору) никогда ни изъ Ангеловъ, ни изъ лю-
дей не увидѣлъ

Или не позналъ бытія Твоего, ибо Ты—несозданный.

Все же (прочее) Ты произвелъ, и можетъ ли оно знать,

Какъ Ты рождаешь Сына Твоего и какъ всегда источаешь?

И какъ происходитъ отъ Тебя Духъ Твой Божественный?

И Ты отнюдь не рождаешь когда-либо, родивъ, конечно,
однажды,

Ни источая, Ты не потерпѣлъ оскудѣнія или умаленія,
Ибо Ты пребывашъ преисполненнымъ, неоскудѣваю-
щимъ превыше всего,

Весь во всемъ мірѣ, видимомъ и мысленномъ,
И наоборотъ вѣѣ ихъ находишься, Боже мой,
Совершенно не допуская ни приращенія, ни убавленія,
Весь хотя и недвижимый, всегда такъ пребывая,
Но дѣйствіями Ты всегда приснодвиженъ.

Ибо и Ты—Отець имѣешь непрестанное дѣланіе,
И Сынъ Твой содѣлываетъ спасеніе всѣхъ,
И промышляетъ, и усовершенствуетъ, и содержитъ, и питаетъ,
Животворить и возрождаетъ Духомъ Святымъ.

Ибо что видитъ Сынъ Отца творящимъ,
То и Самъ также совершаетъ, какъ сказалъ Онъ (Іоан.
5, 19).

Такимъ образомъ, будучи и недвижимъ и какъ-то
приснодвиженъ,

Ты ни движешься, ни стоишь, ни сидишь наоборотъ;
Но, всегда сидя, совершенно всегда стоишь;
Стоя же, напротивъ весь всегда движешься,
Никогда не переходя, ибо куда Ты уйдешь?

Все, какъ сказано, наполняя и будучи превыше всего,
Въ какое иное мѣсто или страну перейдешь Ты?

Но ты и не стоишь, ибо Ты безтѣлесенъ.
Простой, все наполняющій, совершенно неизобразимый,
Невещественный, неописанный, Ты весь непостижимъ;
И какъ скажемъ мы, что Ты сидишь, или наоборотъ,
что Ты стоишь?

Какъ станемъ утверждать, что Ты возсѣдаешь или на
какомъ престолѣ,

Когда въ рукѣ (Своей) Ты содержишь небо и землю,
И все, что подъ землею, Твоею же держится силою?
Какой престоль вмѣстилъ бы (Тебя) или какого рода
храмина?

Или какъ или гдѣ¹⁾ она построена? или на какихъ
основаніяхъ,

На какихъ столбахъ поднимается?—кто совершенно
уразумѣетъ (Тебя)?

¹⁾ η *ποι* прибавлено въ П. р.; въ печатномъ же текстѣ этого пѣть.

Горе людямъ и всякой тварной природѣ,
Дерзающей изслѣдовать таковое о Богѣ,
Прежде чѣмъ не будетъ она озарена, просвѣщена, пре-
жде чѣмъ не узреть Божественныхъ (вещей),
И не сдѣлается созерцательницей таинствъ Христовыхъ,
Которыхъ даже Павелъ, увидѣвъ, совершенно не могъ
высказать.

О самомъ же Богѣ онъ не удостоился ничего большаго
услышать,

Уразумѣть или совершенно научиться,
Кромѣ того, что Онъ есть сущій Богъ всѣхъ и Созда-
тель,

Творецъ и Податель всѣхъ произведенныхъ (вещей).
Мы же, несчастнѣйшіе, заключенные во тьмѣ,
И совершенно будучи тьмою чрезъ наслажденіе удо-
вольствіями,

И не знающіе самихъ себя, какъ и какимъ образомъ
одержимы бываютъ

Погребенные страстями, слѣпые и мертвые,
Изслѣдуя истинно Сущаго, безначальнаго, несозданнаго
Бога,

Единого безсмертнаго и для всѣхъ невидимаго,

Говоримъ о Богѣ, какъ точно знающіе,

Будучи (сами) удалены отъ Бога.

Ибо если бы соединились съ Нимъ, то никогда не дер-
зали бы

Говорить о Немъ, видя, что все у Него

Неизреченно и непостижимо;

И не только касающагося Его (Самого), но и

Дѣлъ Его въ большей части невѣдомо для всѣхъ.

Ибо кто бы изъяснилъ (даже) то, какъ Онъ образовалъ
меня отъ начала?

Какими руками взявъ персть, Онъ—совершенно безтѣ-
лесный,

И какъ не имѣющій усть, подобно намъ, вдунулъ въ
меня (дыханіе)?

И какъ я сталъ душою безсмертною (Быт. 2, 7)?

Скажи мнѣ, какъ изъ брѣнїа (образовались) кости, нервы,

Мясо, жилы, кожа, волосы,

Глаза и уши, губы и языкъ?

Какъ голосовые органы и твердые зубы
Черезъ дыханіе внятно образуютъ членораздѣльную рѣчь?
Изъ сухого и влажнаго, теплаго и холоднаго вещества,
Черезъ смѣшеніе противоположныхъ (стихій), Онъ со-
дѣлалъ меня живымъ (существомъ).

Итакъ, какъ умъ связанъ съ плотью, и какъ плоть
Страворена съ невещественнымъ умомъ безъ смѣше-
нія и сліянія?

Умъ же и душа, не смѣшиваясь, произносятъ
Внутреннее слово для людей, и остаются такими же
Нераздѣльными, неизмѣнными и совершенно неслит-
ными.

Итакъ, зная, братіе, что это неизяснимо
И для всѣхъ непостижимо—то, что касается насъ,
Какъ не трепещемъ мы изслѣдовать Того, кто изъ не-
сущаго

Сотворилъ насъ таковыми, или помышлять и говорить
О томъ, что превыше слова и превыше ума нашего?

Итакъ, будучи тварями, убойтесь же Творца
И изслѣдуйте однѣ только заповѣди Его;
Старайтесь соблюдать ихъ изо всей вашей силы,
Если хотите сдѣлаться и наслѣдниками той жизни.
Если же вознерадите о Его повелѣніяхъ,
И презрите волю Его, какъ сказалъ Онъ, ¹⁾
И не повѣрите Ему по одному, конечно, слову;
То ни слава, ни достоинство, ни богатство міра сего,
Даже ни знаніе бусе вѣдѣнныхъ наукъ,
Ни сочиненіе, ни составленіе краснорѣчивыхъ словъ,
Ни что другое изъ земныхъ дѣлъ и вещей
Не принесетъ (вамъ) никакой пользы тогда,
Когда все и всѣхъ будетъ судить Богъ мой.
Но то слово Владыки, которое мы презрѣли,
Станетъ тогда предъ лицомъ каждаго въ отдѣльности
И осудитъ всякаго, не сохранившаго его.
Ибо оно не слово праздное, но живое слово Бога
Живаго и пребывающаго во вѣки вѣковъ.

¹⁾ Быть можетъ, св. Отецъ разумѣетъ здѣсь Мѡ. 7, 21; Лук. 12, 47; Мр. 16, 16 или скорѣе всѣ тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ говорится объ исполненіи и неисполненіи воли Божіей и Божественныхъ повелѣній.

Итакъ, судъ будетъ [происходить] такъ, какъ сказалъ
Онъ, ¹⁾

Когда заповѣдь одновременно, увы мнѣ, встрѣтитъ
И обличить вѣрнаго и совершенно невѣрнаго,
Покорнаго и непокорнаго словамъ Владыки,
Того, кто былъ старательнымъ, и нерадиваго.
И такимъ образомъ отдѣлены будутъ неправедные отъ
праведныхъ,

Непокоривые отъ совершенно послушныхъ Христу,
Любящіе нынѣ міръ сей отъ боголюбцевъ,
Жестокосердные отъ благосердныхъ, и отъ милостивыхъ
Немилостивые; и станутъ всё они вмѣстѣ
Обнаженными отъ богатства, чести и власти, которыми
Насладились въ мірѣ, и сами себя, увы мнѣ, осудятъ,
Ставъ самосудьями дѣлъ своихъ;
И услышатъ: отыдите, малые и великіе,
Не покорившіеся Мнѣ Владыкѣ—Человѣколюбцу.
Какового праведнаго осужденія да избавимся мы, Вла-
дыко,

И да улучимъ часть овецъ Твоихъ, Слове,
Туне, какъ не имѣющіе надежды спасенія
Отъ дѣлъ и осужденные, нынѣ и во вѣки.

XLIII.

О богословии и о томъ, что сохранившіе образъ (Бо-
жій) попираютъ злыя силы князя тьмы; прочіе же,
у которыхъ жизнь проходить въ страстяхъ, нахо-
дятся въ его власти и царствѣ ²⁾.

Свѣтъ—Отець, свѣтъ Сынъ, свѣтъ и Духъ Святой.
Смотри, что говоришь ты, брате, смотри, чтобы не по-
грѣшить.

Ибо три суть одинъ свѣтъ, одинъ не раздѣленный,
Но соединенный въ трехъ лицахъ неслитно.
Ибо Богъ весь нераздѣленъ естествомъ,
И существомъ поистинѣ превыше всякой сущности.
Не раздѣляется Онъ ни силою, ни образомъ, ни славою,

1) Въ П. р. здѣсь стоятъ не *εἶπον*, какъ въ изданномъ текстѣ, а *εἶλεν*.

2) Въ П. р. 33 слово.

Ни видомъ, ибо весь Онъ простой и созерцается (какъ)
свѣтъ.

Въ Нихъ лица—едино, три ипостаси—едино,
Ибо три въ единомъ, лучше же три едино.
Три эти—одна сила, три—одна слава,
Три—одно естество, существо и Божество.
Они и суть единый Свѣтъ, (который) просвѣщаетъ міръ,
Не этотъ видимый міръ, да не будетъ,
Такъ какъ не позналъ Его и не можетъ познать
Сей видимый міръ, ни друзья міра,
Ибо любяй міръ сей врагъ Божій бывасть (Іак. 4, 4);
Но человѣка, котораго Самъ Онъ сотворилъ по образу
Своему и по подобію, мы называемъ міромъ (*κόσμος*),
Потому что онъ украшается (*κοσμεῖται*) добродѣтелями,
господствуетъ надъ земными (тварями),
Подобно тому какъ и (Самъ) Онъ имѣетъ власть надъ
вселенной,
И царствуетъ надъ страстями—это и есть то, что по
образу—

И покоряетъ демоновъ, виновниковъ зла,
Попирая великаго древняго дракона,
Какъ ничтожную птичку. А какимъ образомъ—послу-
шай, чадо.

Князь этотъ, падшій чрезъ лишеніе свѣта,
Тотчасъ оказался во тьмѣ, и со всѣми
Вмѣстѣ съ нимъ падшими съ неба (духами) находится
во тьмѣ,

И въ ней, во тьмѣ, говорю, царствуетъ надъ всѣми
Держимыми въ ней бѣсами и людьми.
Всякая душа, не видящая свѣта жизни, свѣтащаго
И днемъ и ночью, мучима имъ бываетъ,
Уязвляема, томима, восхищаема и связываема,
И повседневно искалывается стрѣлами удовольствій,
Хотя и мнить, что сопротивляется и не падаетъ.
Но въ потѣ [лица], съ однимъ великимъ трудомъ и
подвигомъ

Она всегда ведетъ съ нимъ непримиримую брань.
Всякая же душа, видящая Божественный свѣтъ,
Отъ котораго онъ ниспалъ, презираетъ его,
И будучи осіяваема самимъ непреступнымъ Свѣтомъ,

Помираетъ этого князя тьмы, какъ листьѣ,
Ниспадшіе на землю съ високаго дерева;
Ибо силу и власть онъ имѣетъ во тьмѣ,
Во свѣтѣ же дѣлается совершенно мертвымъ трупомъ.

Слыша же о свѣтѣ, внимаѣ, о какомъ свѣтѣ говорю
я тебѣ.

Не подумай, что я говорю объ этомъ солнечномъ свѣтѣ,
Ибо во свѣтѣ его ты видишь многихъ людей,
Согрѣшающихъ, какъ и я, ужасно бичуемыхъ,
Падающихъ и испускающихъ пѣну среди дня,
И невидимо страждущихъ отъ злыхъ духовъ.
И хотя свѣтитъ солнце, но никакой отъ него больше
Пользы не бываетъ тѣмъ, которые преданы бѣсамъ.
Итакъ, я говорю тебѣ не о свѣтѣ чувственнаго солнца,
Ни о дневномъ, да не будетъ, отнюдь ни о свѣтиль-
ничномъ,

Ни о свѣтѣ многихъ звѣздъ и луны,
Вообще не о сіяніи видимой красоты
Я разъясняю тебѣ, что оно всецѣло имѣетъ такое дѣй-
ствіе свѣта.

Ибо чувственные свѣты освѣщаютъ и озаряютъ
Одни только чувственные очи, давая видѣть
Только чувственное, а не мысленное, разумѣется.
Поэтому всѣ, видящіе только чувственное,
Слѣпы умными очами сердца.

Умныя же очи умнаго сердца

И освѣщаться должны умнымъ свѣтомъ.

Ибо если имѣющей тѣлесныя зѣницы угасшими

Весь омраченъ и не знаетъ, гдѣ находится;

То насколько же болѣе тотъ, у кого слѣпо око души,

Омраченъ будетъ и тѣломъ и въ дѣйствіи,

Да и духомъ не будетъ ли почти омертвѣвшимъ?

Итакъ, точно уразумѣй, о какомъ свѣтѣ я говорю
тебѣ.

Ибо не о вѣрѣ говорю я тебѣ, ни о совершеніи дѣлъ,
Ни о покаяніи, ни о постѣ, конечно,

Ни о нестяжаніи отнюдь, ни о мудрости, ни о знаніи,

Даже ни о наукѣ, ибо ничто изъ этого не есть

Свѣтъ ни отблескъ того свѣта, о которомъ говорю тебѣ;

Ни внѣшнее благоговѣніе, ни наружность

Смиренная и простая, ибо все это дѣянiя
И исполненiе заповѣдей: если онѣ хорошо совершаются
И исполняются, какъ Самъ Создатель заповѣдуетъ,
То многообразно изливаются слезы,
(Которыя) или полезны бываютъ или наоборотъ вредны;
Покажѣтъ сами по себѣ, онѣ совершенно бесполезны.
Бдѣнiе же не есть, конечно, только (дѣло) монаховъ,
Но и вообще людей занятыхъ дѣлами.
Женщины—ткачихи, золотари и мѣдники
Болѣе бодрствуютъ, нежели весьма многiе монахи.
И поэтому мы говоримъ, что ничто изъ всѣхъ этихъ
Добродѣтельныхъ дѣянiй не называется свѣтомъ.
Поэтому и собранные во едино всѣ дѣянiя
И добродѣтели безъ исключенiя не суть Божественный

свѣтъ,

Ибо всѣ человѣческiя дѣянiя далеки отъ него.
Впрочемъ и эти дѣянiя, совершаемыя нами,
Называются нашимъ свѣтомъ для живущихъ во злѣ,
Наставляя и ихъ добру (Мѡ. 5, 16);
И та тьма, которая находится во мнѣ и ослѣпляетъ

меня,

Бываетъ свѣтомъ для ближняго и свѣтитъ для видящихъ.
И чтобы ты не подумалъ, что я говорю тебѣ (нѣчто)
невѣроятное,

Послушай, я скажу тебѣ и рѣшенiе загадки:
Положимъ, я пощусь ради тебя, чтобы явиться постя-

щимся,

И хотя этотъ рожонъ въ глазахъ монаховъ является
Какъ бы бревномъ, конечно, воткнутомъ въ нихъ посре-

динѣ (Мѡ. 7, 3—5),

Но ты просвѣщаешься, видя меня (постящимся), если
не осуждаешь меня,

Но совершенно порицаешь себя, какъ чревоугодника;
Ибо этимъ ты наставляешься къ воздержанiю чрева
И явственно обучаешься презирать наслажденiе.
(Или) еще—одѣвшись въ худую и оборванную (одежду)
И ходя вездѣ въ одномъ хитонѣ, я думаю

Снискивать славу и похвалу отъ видящихъ меня
И казаться для нихъ какъ бы другимъ, новымъ апо-
столомъ,

И (хотя) это бываетъ для меня причиною всякаго вреда
И поистинѣ тьмою и густымъ облакомъ въ душѣ моей,
Но видящихъ меня просвѣщаетъ и научаетъ
Презирать уборы и богатство

И одѣваться въ простую и грубую одежду,
Что и есть поистинѣ апостольское одѣяніе.

Такъ и всѣ прочія добродѣтельныя дѣянія
Суть дѣйствія внѣ свѣта, дѣла безъ луча.

Ибо, будучи собраны вмѣстѣ, какъ раньше сказалъ я,
И соединены воедино, добродѣтельныя дѣянія—

Ежели (это) и возможно въ человѣкѣ—

Подобны свѣтильнику, лишенному свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя называть огнемъ одни
уголья,

Даже и (горящіе) еще уголья, или пламенемъ—дрова,
Такъ ни вся вѣра, ни дѣла, ни дѣянія,

Ни исполненіе заповѣдей недостойны называться огнемъ,
пламенемъ

Или Божественнымъ свѣтомъ, ибо въ дѣйствительности
онѣ не суть (свѣтъ).

Но такъ какъ онѣ могутъ воспринять этотъ огонь, при-
близиться къ свѣту

И возжечься чрезъ неизреченное соединеніе,

То это и служить похвалою и славою добродѣтелей.

И ради этого всякое подвижничество и всякія дѣянія

Совершаются нами, чтобы мы, какъ свѣча, приобщились

Божественнаго свѣта, когда душа, какъ одинъ воскъ,

Вся предлагается неприступному свѣту;

Лучше же подобно тому, какъ бумага обмакивается въ
воскъ,

Такъ и душа, утучненная всякими добродѣтелями,

Вся возжеться отъ него, насколько возможетъ увидѣть,

Насколько вмѣститъ ввести въ свою храмину.

И тогда, просвѣщаясь, добродѣтели, какъ приобщившіяся

Божественнаго свѣта, и сами называются свѣтомъ,

Лучше же и онѣ суть свѣтъ, срастворившись со свѣтомъ;

И (какъ) свѣтъ, просвѣщаютъ самую душу и тѣло.

И поистинѣ свѣтятъ, во-первыхъ, тому, кто стяжалъ (ихъ),

А затѣмъ и всѣмъ прочимъ, находящимся во тьмѣ жизни.

Каковыхъ просвѣти, Христе, Духомъ Всесвятымъ

И содѣлай наслѣдниками царства небеснаго,
Со всѣми святыми Твоими нынѣ и во вѣки.

XLIV.

О БОГОСЛОВІИ И О ТОМЪ, ЧТО УМЪ, ОЧИСТИВШИСЬ ОТЪ
ВЕЩЕСТВА СТРАСТЕЙ, НЕВЕЩЕСТВЕННО СОЗЕРЦАЕТЪ НЕВЕЩЕСТВЕННАГО И НЕВИДИМАГО ¹⁾.

Какимъ путемъ мнѣ пойти? на какую стезю уклониться? на какую лѣствицу взойти? какими вратами войти? какъ и въ какомъ чертогѣ открыть дверь? въ какомъ или каковомъ жилищѣ найти Того, Кто въ рукѣ и длани (Своей) содержитъ вселенную? На какую мнѣ гору взойти и съ какой стороны? и какую отыскать тамъ пещеру? или какое болото пройдя, я несчастный сподоблюсь узрѣть и удержать Вездѣсущаго, Неумовимаго и Невидимаго? Въ какую преисподнюю мнѣ низойти, на какое небо взойти и предѣловъ какого моря достигнуть, (чтобы) найти совершенно Неприступнаго, совершенно Безпредѣльнаго и совершенно Неосязаемаго? Скажи, какъ найти мнѣ въ вещественномъ Невещественнаго, въ созданіи Создателя, въ тлѣнномъ Нетлѣннаго? Какимъ образомъ, находясь въ мірѣ, могу стать я внѣ міра? связанный съ веществомъ, какъ соприкоснусь я съ Невещественнымъ? весь будучи тлѣннымъ, какъ соединюсь съ Нетлѣннымъ? (пребывая) въ смерти, какъ совершенно приближусь къ Жизни? какъ, мертвый, приступлю я къ Безсмертному? будучи весь сѣномъ, какъ дерзну прикоснуться къ огню? Однако выслушай теперь и разрѣшеніе этихъ таинствъ.

Прежде чѣмъ сотворено небо, прежде чѣмъ произведена земля, былъ Богъ Троица, одинъ уединенный, Свѣтъ безначальный, Свѣтъ несозданный, Свѣтъ совершенно ненареченный, однако Богъ безсмертный, одинъ безконечный, постоянный, вѣчный и весьма благодѣйный. Хорошо уразумѣй единаго Бога въ началѣ, Троицу пребезначально сущую, превыше всякаго начала, Нензобраимаго, Неизмѣримаго по высотѣ, глубинѣ и широтѣ, не имѣющаго предѣла величія и свѣта. (Въ началѣ) не было ни воздуха, какъ нынѣ, ни

¹⁾ Въ II. р. этотъ гимнъ не уцѣлѣлъ; въ оглавленіи же онъ числится 38 словомъ. Въ л. п. это 25 глава.

тмы не было вовсе, ни свѣта, ни воды, ни ээира, ни чего-либо другого, но былъ одинъ Богъ—Духъ совершенно свѣтовидный и вмѣстѣ всемогущій и невещественный. Онъ сотворилъ Ангеловъ, Начала и Власти, Херувимовъ и Серафимовъ, Господства, Престолаы и неизменваемые чины, служащія Ему и предстоящія со страхомъ и трепетомъ. Послѣ же того Онъ произвелъ небо, какъ сводъ, вещественное и видимое, чувственное и грубое, и какъ одинъ Онъ вѣдаетъ, распростеръ его во мгновение (ока). И вмѣстѣ землю, воды и всѣ бездны посреди него (неба) тою же мыслию одною Онъ сотворилъ такими, какъ и нынѣ мы все видимъ. И внутри (ихъ) остался тотъ невещественный Свѣтъ, непричастный (ничего изъ этого). Небо распростертое, чувственное, какъ сказалъ я, не пресѣкло сіянія невещественнаго Свѣта. Ибо, будучи, какъ сказано, вещественнымъ, оно оказалось внѣ невещественнаго не мѣстомъ, конечно, но природою и сущностью. Вѣдь Невещественный отдѣленъ отъ вещественнаго, не имѣя собственнаго мѣста. Ибо, будучи Самъ неограниченъ, Онъ словомъ въ Себѣ Самомъ все производитъ, и отдѣленный по естеству отъ всѣхъ тварей и все нося въ Себѣ, внѣ всего пребываетъ. Ибо подобно тому, какъ умъ и Ангелъ стѣнами или дверями ни внѣ жилища не бываютъ удаляемы, ни внутри удерживаемы; такъ и Творецъ ихъ никомъ образомъ не находится ни внѣ, ни внутри неба, ни въ иномъ мѣстѣ, но совершенно вездѣ пребываетъ Богомъ, удаленнымъ отъ всего вещественнаго и отъ произведенныхъ Имъ тварей. Итакъ, небо сотворено было вещественнымъ и, различаясь по природѣ отъ невещественнаго свѣта, оставалось какъ бы большимъ домомъ безъ свѣта; но Владыка вселенной возжегъ солнце и луну, дабы для чувственныхъ (созданій) они и свѣтили чувственнымъ образомъ. Онъ далъ (намъ) въ руки даже и (такой родъ) свѣта, удивительно извлекаемый изъ желѣза и кремня, который свѣтилъ бы и ночью. (Самъ) же Онъ далекъ отъ всякаго (вещественнаго) свѣта, и будучи свѣтлѣе свѣта и блистательнѣе (всякаго) сіянія, нестерпимъ для всякой твари. Ибо какъ при свѣтѣ солнца не видно звѣздъ; такъ если и Владыка солнца восхоцетъ возсіять, то никто живой не стерпитъ Его восхода. Поэтому онъ совокупилъ умъ съ вещественнымъ прахомъ и всѣхъ насъ людей помѣстилъ среди

вещественнаго, дабы мы, твердою вѣрою и соблюденіемъ заповѣдей снова очистивъ невещественный умъ, который мы залили мракомъ преступленія чрезъ пожеланіе вещественныхъ страстей и вкушеніе удовольствій, въ вещественномъ невещественно узрѣли тотъ невещественный Свѣтъ, который, я сказала, пребезначально былъ Богомъ, (Свѣтъ) невидимый для чувственныхъ и вещественныхъ очей и непреступный для умныхъ очей сердца. Въ самомъ дѣлѣ, дивлюсь я, какимъ образомъ душа, будучи вся невещественна и имѣя умное око свѣта, пользуется однако чувственнымъ образомъ и тѣлесными очами, какъ бы двумя окнами, и выглядывая чрезъ нихъ, видитъ все видимое, и поворачиваясь обратно, невещественнымъ образомъ созерцаетъ мысленное и невещественное; будучи же неизреченнымъ образомъ ¹⁾ удерживаема посреди нетлѣннаго и тлѣннаго, однимъ она влечется внизъ къ удовольствіямъ и страстямъ, другимъ же окрыляясь къ небу, понуждается пребывать тамъ; однако низвлекается и снова горячо стремится всегда возноситься, желая отъ видимаго быть небошественной (и видѣть подъ собою все, что ощущается зрѣніемъ) ²⁾. Ибо, смотря на все въ этомъ мірѣ, какъ на сѣти, она боится всецѣло ступить или сѣсть на землю, чтобы, будучи удержанной, не увязнуть, конечно, въ нихъ и не сдѣлаться добычею дикихъ звѣрей. Такова жизнь благочестивыхъ, вѣрныхъ и всѣхъ святыхъ, которой всѣмъ должно подражать, дабы съ ними (также) предстать непорочными Судіи всѣхъ, Христу Богу, и быть общниками славы и царства Его во вѣки.

XLV.

О точнѣйшемъ богословіи и о томъ, что не видящій свѣта славы Божіей хуже слѣпыхъ ³⁾.

О щедролубивый Боже мой, Творче мой, возсіяй мнѣ болѣе непреступнымъ свѣтомъ Твоимъ, дабы исполнить радо-

¹⁾ Въ л. п. *singulari quodam modo* — единственнымъ въ некоторомъ образѣ.

²⁾ Слова въ скобахъ ваяты изъ л. п.

³⁾ Въ П. р. этотъ гимнъ стоитъ подъ тѣмъ же числомъ, что и въ печатномъ изданіи, но онъ извѣстенъ тамъ только по заглавію; самый же текстъ гимна утраченъ. Въ л. п. это 32 глава.

стию сердце мое. Ей, не гнѣвайся, ей не остави (меня), но озари свѣтомъ Твоимъ душу мою, ибо свѣтъ Твой (это)—Ты, Боже мой. Въ самомъ дѣлѣ, Ты хотя и называешься многими и различными именами, но Самъ Ты—едино. Это же Единое для всякой природы невѣдомо, невидимо и неизъяснимо, Которое, будучи уясняемо (чрезъ сравненіе), называется всякими именами). Итакъ, это Единое есть триипостасное Естество, единое Божество, единое царство, единая сила, ибо Троица есть едино. Вѣдь Троица едина—Богъ мой, а не три. Однако это Единое есть три по ипостасямъ, однороднымъ другъ другу по естеству, равномошнымъ и совершенно единосущнымъ, съ одной стороны неслитно превыше ума соединеннымъ, съ другой наоборотъ нераздѣльно раздѣляемымъ, въ единомъ три, и въ трехъ едино. Ибо единъ есть сотворившій все Иисусъ Христосъ съ безначальнымъ Отцомъ и собезначальнымъ Духомъ Святымъ.

Итакъ, Троица есть совершенно нераздѣльное единство: въ единомъ три, и въ трехъ едино; лучше же три эти едино, и едино наоборотъ—три. Разумѣй, поклоняйся и вѣруй нынѣ и во вѣки. Ибо это Единое, когда явится, восіаеетъ и озаритъ, когда сообщится и преподастся, то бываетъ всякимъ благомъ. Поэтому оно и называется нами не однимъ, но многими (именами): свѣтомъ, миромъ и радостію, жизнью, пищей и питіемъ, одѣяніемъ, покровомъ, скиніей и божественнымъ жилищемъ, востокомъ, воскресеніемъ, упокоеніемъ и купелію, огнемъ, водою, рѣкою, источникомъ жизни и потокомъ, хлѣбомъ и виномъ, и общимъ услажденіемъ вѣрныхъ, роскошнымъ пиromъ и наслажденіемъ, которымъ мы таинственно наслаждаемся, поистинѣ солнцемъ незаходимымъ, звѣздой вѣчно сіяющей и свѣтильникомъ, свѣтящимъ внутри душевной храмины. Это Единое есть и многое, Оно и разрушаетъ и созидаетъ. Это Единое Словомъ произвело все и Духомъ силы содержитъ все это. Это Единое изъ ничего создало небо и землю, дало (имъ) бытіе и неизреченно составило. Это Единое волею (одною) сотворило солнце, луну и звѣзды—чудо новое и необычайное. Это Единое повелѣніемъ (своимъ) произвело четвероногихъ, гадовъ и звѣрей, всякій родъ пернатыхъ и все въ морѣ (живущее), какъ все мы видимъ. Наконецъ, Оно сотворило и меня, какъ царя, и все это дало мнѣ для служенія, какъ рабовъ, рабски исполняющихъ мои по-

требности. Итакъ, (въ то время какъ) все (прочее) сохранило и доселѣ хранить повелѣніе этого Единого, Бога, говорю, всѣхъ, одинъ я несчастный оказался неблагодарнымъ, непризнательнымъ и непослушнымъ Богу, создавшему меня и изобильно подавшему всѣ эти блага. Преступивъ заповѣдь, я сдѣлался непотребнымъ и оказался, жалкій, хуже всѣхъ скотовъ, хуже звѣрей, гадовъ и птицъ. Уклонившись отъ праваго и божественнаго пути, я жалкимъ образомъ потерялъ данную мнѣ славу, совлекся свѣтлой и божественной одежды, и родившись во тьмѣ, нынѣ лежу въ ней, не зная, что я лишень свѣта. Вотъ, говорю, солнце свѣтитъ днемъ, и я вижу его, съ наступленіемъ же ночи я возжигаю для себя свѣчи и свѣтильникъ, и вижу. И (кто) другой изъ людей имѣеть [въ этомъ отношеніи] что-либо большее меня? Ибо такъ (только), конечно, люди и (могутъ) видѣть въ семь мірѣ, и (иначе или) болѣе этого никто изъ людей не видитъ. Говоря это, я лгу, глумлюсь надъ собою, самого себя прельщаю, Спасителю, и противорѣчу себѣ, не желая познать себя, что я слѣпъ, не желая трудиться, не желая прозрѣть, не желая, осужденный, признать свою слѣпоту.

Кто же видѣлъ Бога, свѣтъ міра?—говорю я, и говорю, Владыко, совершенно безчувственно, не разумѣя, что худо мыслю и говорю. Ибо говорящій, что онъ совершенно не видитъ и не созерцаетъ свѣта Твоего, а тьмѣ болѣе утверждающій, что это и невозможно—видѣть, Владыко, свѣтъ Божественной славы Твоей, отвергаетъ всѣ Писанія Пророковъ и Апостоловъ и слова Твои, Иисусе, и домострительство. Ибо если, возсіявъ съ высоты, Ты явился во тьмѣ и припелъ въ міръ, Благоутробне, восхотѣвъ подобно намъ челоуѣколюбно пожить съ людьми, и неложно сказалъ, что Ты свѣтъ міра (Іоан. 8, 12; 9, 5), мы же не видимъ Тебя; то (развѣ) не слѣпы мы совершенно и не являемся ли, Христе мой, еще болѣе жалкими, чѣмъ слѣпые?—Подлинно такъ, поистинѣ мы мертвые и слѣпые, потому что не видимъ Тебя—животворящаго Свѣта. Слепцы не видятъ чувственнаго солнца, но и живутъ, Владыко, и какъ-то движутся. Ибо оно не даруетъ жизни, но только (возможность) видѣть. Ты же, будучи всѣми благами, всегда даешь ихъ рабамъ Твоимъ, видящимъ свѣтъ Твой. Такъ какъ Ты—жизнь, то и подаешь жианъ со всѣми другими, говорю, благами, которыми Самъ Ты являешься.

Имѣющій Тебя поистинѣ обладаетъ въ Тебѣ всѣмъ. Да не лишусь же и я Тебя, Владыко, да не лишусь Тебя, Творче, да не лишусь Тебя, Благоутробне, я презрѣнный и странникъ. Ибо странникомъ и припелецемъ здѣсь, какъ благоугодно было Тебѣ, я сдѣлался не произвольно, не по своей волѣ, но по благодати Твоей я позналъ себя самого странникомъ между этими видимыми (вещами); умно озаренный Твоимъ свѣтомъ, я позналъ, что Ты переводишь человѣческій родъ въ невещественный и невидимый міръ и поселяешь (въ немъ), раздѣляя и распредѣляя достойнымъ обитанія, каждому сообразно тому, какъ сохранилъ онъ, Спасе, Твои заповѣди. Поэтому молю и меня учинить съ Тобою, хотя и много согрѣшилъ я, болѣе всѣхъ людей, и достоинъ муки и казни. Но прими меня, Владыко, припадающаго, какъ мытаря и блудницу, хотя и не одинаково я плачу, хотя и не такъ же отираю, ноги Твои Христе, власами своими, хотя и не подобно воздыхаю и рыдаю. Но Ты изливаешь милость, точишь благоутробіе и источаешь благодать, имиже и помилуй меня. (О Ты, руками и ногами на крестѣ пригвожденный и въ ребра копіемъ прободенный, о Ты милосерднѣйшій) ¹⁾, помилуй и избави меня отъ огня вѣчнаго, сподобивъ меня отнынѣ добръ послужить Тебѣ, тогда же неосужденно стать предъ Тобою и быть воспринятымъ внутрь чертога Твоего, Спасе, гдѣ я буду радоваться съ Тобою, благимъ Владыкою, неизреченною радостію во всѣ вѣки.

XLVI.

О созерцаніи Бога или вещей Божественныхъ, о необычайномъ дѣйствіи Духа Святаго и о свойствахъ (*περὶ τῶν ἰδίων*) Святой и единосущной Троицы. И о томъ, что не достигшій вступленія въ царство небесное не получить никакой пользы, хотя бы онъ былъ и внѣ адскихъ мукъ ²⁾.

Что это содѣлано Тобою во мнѣ,

О всевиновный Боже и Царю?

Ибо что мнѣ сказать или что помыслить?

¹⁾ Слова въ скобкахъ взяты изъ л. п.

²⁾ Въ л. п. этого гимна совершенно нѣтъ, а въ П. р. онъ извѣстенъ только въ оглавленіи, какъ 50 слово.

Хотя и велико видимое мнѣ чудо,
Но оно невѣдомо и невидимо для всѣхъ.
Какое же это (чудо)?—скажи мнѣ. Достоверно скажу:
Тьмою и тѣнью, чувственнымъ и чувствомъ,
Вещественною тварью, кровью и плотію
Держимъ я, несчастный, и (съ ними) смѣшанъ, Спасителю.
Находящагося же въ нихъ несчастно и жалостно,
Меня обнимаетъ ужасъ, когда я хочу сказать [о томъ
чудѣ].

Я вижу умно, но *гдѣ, что и какъ*—не знаю.
Ибо совершенно невыразимо, *какъ* я [вижу].
Гдѣ же [вижу]— это, думается мнѣ, и извѣстно и не-
извѣстно:

Извѣстно потому, что во мнѣ (нѣчто) видится,
И наоборотъ вдали показывается;
Однакоже и неизвѣстно, такъ какъ оно вводитъ меня
Въ (нѣкое) мѣсто, никоимъ образомъ и совершенно ни-
гдѣ (не находящееся),

И производитъ во мнѣ забвеніе чувственного,
И обнаженнымъ отъ всего вещественнаго и видимаго
И (даже) отъ тѣла внѣ изводитъ меня.

Что же производитъ во мнѣ это.
Что и вижу я, сказалъ, и не могу высказать?
Однако слушай и уразумѣешь эту вещь.

Итакъ, она совершенно недержима для всѣхъ,
А для достойныхъ и уловима, и сообщима,
И преподаваема, бывъ совокуплена неуловимо,
И соединена съ чистыми неслитно,
И срастворена въ несмѣсномъ смѣшеніи—
Вся со всѣми непорочно живущими.
Она свѣтитъ во мнѣ наподобіе лампы,
Скорѣе она видится сперва на небѣ,
Будучи неизмѣримо выше небесъ,
Видится весьма неясно, незримо;
Когда же я съ трудомъ възыщу (ее)
И неотступно стану просить, чтобы возсіяла,
То она или яснѣе видится тамъ же,
Отдѣляя меня отъ дольняго
И неизреченно соединяя со свѣтлостію ея,
Или вся сполна внутри меня показывается.

(Какъ) шаровидный, тихій и Божественный свѣтъ,
Безобразный и безвидный, во образъ безобразномъ
Видимый и говорящій мнѣ слѣдующее:
Зачѣмъ ты ограничиваешь Мое присутствіе небесами
И тамъ ищешь Меня, думая, что Я (тамъ) обитаю?
Зачѣмъ полагаешь, что Я нахожусь на землѣ
И разглашаешь, что Я пребываю со всѣми,
Опредѣляя, что Я вездѣ нахожусь?
Итакъ, это „вездѣ“ приписываетъ Мнѣ величину,
Но Я совершенно не имѣю величины,
Ибо знай, что естество Мое превышаетъ величины;
А то „на землѣ“ показывать ограниченіе,
Но Я, конечно, совершенно неограниченъ.
Ты слышалъ вѣдь, что Я пребываю со святыми,
Самъ весь существомъ (Своимъ) ощутительно,
Черезъ созерцаніе и даже приобщеніе,
Со Отцомъ Моимъ и Божественнымъ Духомъ,
И явно почиваю въ нихъ?
Итакъ, если ты скажешь, что Мы вмѣстѣ сопребываемъ
въ каждомъ,
То сдѣлаешь (изъ Насъ) многихъ, раздѣливъ на мно-
гихъ;
Если же скажешь, что одинъ, то какъ одинъ и тотъ же
въ каждомъ,
Лучше же какъ этотъ одинъ и вверху и внизу?
Какъ одинъ и тотъ же будетъ сопребывать со всѣми?
Какъ все исполняющій будетъ обитать въ одномъ?
Находясь же въ одномъ, какъ будетъ и все наполнять?
Послушай о неизреченныхъ таинствахъ неизречен-
наго Бога,
(Таинствахъ) предивныхъ и совершенно невѣроятныхъ.
Есть Богъ истинный, поистинѣ есть.
Это исповѣдуютъ всѣ благочестивые.
Но Онъ ни что не есть изъ того, что мы вообще знаемъ,
Даже ни что изъ того, что знаютъ Ангелы.
Въ этомъ [мірѣ] Богъ, говорю, ни что не есть,
Ни что изъ всего, какъ Творецъ всего,
Но превышаетъ всего. Ибо кто бы могъ сказать,
Что́ есть богъ, т. е. чтобы сказать,
Что онъ есть то-то или то-то? я совершенно не знаю,

Какой Онъ, каковъ, какого рода или Онъ различенъ.
Итакъ, не зная Бога, каковъ Онъ
По образу и виду, по величинѣ и красотѣ,
Какъ я изъясню Его дѣйствія:
Какъ Онъ видится, будучи невидимъ для всѣхъ?
Какъ пребываетъ со всякой тварной природой?
Какъ обитаетъ во всѣхъ святыхъ?
Какъ наполняетъ все и нигдѣ не наполняется?
Какъ Онъ превыше всего и вездѣ находится?
Вѣдь этого никто совершенно не можетъ сказать.

Но о Ты, котораго никто изъ людей совершенно не
видѣлъ,

О Всещарю, единый преблагоутробный,
Благодарю тебя отъ всего сердца своего,
Что Ты не презрѣлъ меня, во тьмѣ долу
Лежащаго, но коснулся меня Своею Божественною рукою,
Увидѣвъ которую, я тотчасъ возсталъ, радуясь,
Ибо она сіяла свѣтлѣе солнца.
Я старался удержать ее, несчастный,
Но она тотчасъ исчезла изъ глазъ моихъ.
И я снова весь оказался во тьмѣ,
Упалъ на землю, плача и рыдая,
Валяясь и тяжело вздыхая,
Желая снова увидѣть Твою Божественную руку.
Ты простеръ ее и явился мнѣ яснѣе,
И я, обнявъ, облобызаль ее.
О благодать, о великое благоутробіе!
Творецъ далъ (мнѣ) поцѣловать руку,
Содержащую все (свою) силую.
О дарованіе, о неизреченный даръ!
И снова Создатель взялъ ее обратно,
Испытывая, конечно, произволеніе мое,
Люблю ли я ее и ея Подателя,
Презираю ли все, предпочитая ее,
И пребываю ли въ любви къ ней.

Я тотчасъ оставилъ міръ и то, что въ мірѣ,
Закрывъ всѣ вмѣстѣ чувства:
Очи, уши, носдри, ротъ и уста,
Умеръ для всѣхъ сродниковъ и друзей,
Ей, поистинѣ я умеръ волею,

И взыскалъ одну только руку Божию.
Она же, увидѣвъ, что я такъ сдѣлалъ,
Тайно коснувшись руки моей, взяла (ее)
И повела меня, находящагося среди тьмы.
Ощутивъ (это), я съ радостію послѣдовалъ:
Быстро бѣжалъ я ночью и днемъ,
Шествуя бодро и со усердіемъ.
Идя же, напротивъ я былъ недвижимъ,
И тогда болѣе успѣвалъ (простирается) впередъ.
О таинства, о побѣдныя награды, о почести!
Когда такимъ образомъ я бѣжалъ среди ристалища,
Та неизреченная рука (Божія) настигла (меня)—
Такъ какъ мой святой отецъ молился—
И коснувшись жалкой головы моей,
Дала мнѣ вѣнецъ побѣды,
Лучше же (сама) она стала для меня вѣнцомъ.
Видя ее, я ощутилъ неизреченное веселіе,
Неизреченную радость и благодуніе.
Ибо какъ (мнѣ было) не (радоваться), побѣдивъ весь
міръ,

Посрамивъ князя міра сего
И отъ руки Божіей Божественный вѣнецъ,
Лучше же саму руку Владыки всѣхъ
Получивъ, о чудо, вмѣсто вѣнца?
Изливая свѣтъ, она видѣлась мнѣ невестственно,
Непрестанно и невечерне.
Она простирала мнѣ какъ бы сосецъ
И сосать молоко нетлѣнія
Обильно давала мнѣ, какъ сыну Божию.
О сладость, о неизреченное наслажденіе!
Она и чашею Божественнаго Духа
И безсмертнаго потока сдѣлалась для меня,
Отъ которой причастившись, я насытился тою пищею
Небесной, которою одни Ангелы
Питаются и сохраняются нетлѣнными,
(Являясь) вторыми свѣтами чрезъ причастіе перваго
(Свѣта).

Такъ и мы всѣ Божественнаго и неизреченнаго
Естества сдѣлались причастниками,
Чадами Отца, братіями же Христа,

Крестившись Всесвятымъ Духомъ.

Но, конечно, не всё мы познали благодать,
Озареніе и приобщеніе, потому что не (всѣ)
Такимъ образомъ родились, но это едва
Одинъ изъ тысячи или десятка тысячъ
Позналъ въ таинственномъ созерцаніи;
Всѣ же прочіе дѣти—выкидыши,
Не знающіе Родившаго ихъ.

Ибо какъ дѣти (*νεαροί*), крестившись водою
Или и огнемъ, совершенно не ощущаютъ (того);
Такъ и они, будучи мертвы (*νεκροί*) по невѣрію
И скудны по причинѣ недѣланія заповѣдей,
Не знаютъ, что съ ними было;
Такъ какъ - страшное диво, чтобы прельщенной вѣрою
Мнить себя сыномъ Божиимъ
И не знать Отца своего.

Итакъ, если ты говоришь, что вѣрою знаешь Его,
И думаешь, что вѣрою являешься сыномъ Божиимъ;
То пусть и воплощеніе Бога будетъ „вѣрою“,
А не дѣломъ, скажи, Онъ содѣлался человѣкомъ
И не чувственно родился.
Если же поистинѣ Онъ сталъ сыномъ человѣческимъ,
То и тебя, конечно, сыномъ Божиимъ Онъ дѣлаетъ на
(самомъ) дѣлѣ.

Поэтому если Онъ не призрачно содѣлался тѣломъ,
То и мы, конечно, не мысленно (дѣлаемся) духомъ.
Но какъ Слово поистинѣ было плотію,
Такъ и насъ Оно неизреченно преобразуетъ
И поистинѣ содѣлываетъ чадами Божиими.
Пребывъ неизмѣннымъ въ Божествѣ, Слово
Сдѣлалось человѣкомъ чрезъ воспріятіе плоти;
Сохранивъ неизмѣннымъ человѣкомъ по плоти и по
душѣ,

Оно и меня всего содѣлало Богомъ.
Воспринявъ мою осужденную плоть,
Оно облекло меня во все Божество.
Ибо, крестившись, я облекся во Христа,
Не чувственно, конечно, но умно.
И какъ не—Богъ по благодати и усыновленію
Тотъ, кто съ чувствомъ, знаніемъ и созерцаніемъ

Облекся въ Сына Божія?
Если Богъ-Слово въ невѣдѣннн сдѣлался
Человѣкомъ, то естественно слѣдуетъ думать,
Что и я въ невѣдѣннн сдѣлался Богомъ.
Если же въ вѣдѣннн, дѣйстви и созерцаннн
Богъ былъ всѣмъ человѣкомъ;
То должно мудрствовать православно,
Что и я весь чрезъ общенн сь Богомъ,
Сь чувствомъ и знаннемъ, не существомъ,
Но цо причастню, конечно, сдѣлался Богомъ.
Подобно тому какъ Богъ неизмѣнно родился
Человѣкомъ въ тѣлѣ и виденъ былъ всѣмъ,
Такъ неизреченно и меня Онъ рождаетъ духовно
И, (хотя) я остаюсь человѣкъ, дѣлаетъ меня Богомъ.
И какъ Онъ, видимый во плоти,
Не былъ знаемъ народомъ, что Онъ Богъ;
Такъ и мы [видимся такими], какими были для всѣхъ,
О чудо, видимыми, конечно, человѣками,
Тѣмъ же, чѣмъ стали мы по Божественной благодати,
Мы обыкновенно не бываемъ видимы многими,
Но однимъ тѣмъ, у которыхъ очищено око души,
Мы являемся, какъ въ зеркалѣ;
Не очистившимся же ни Богъ, ни мы
Не бываемъ видимы, и для нихъ совершенно невѣроятно,
Чтобы мы когда-либо всецѣло содѣлались таковыми.
Ибо невѣрные—тѣ, которые утверждаютъ
На одной вѣрѣ безъ дѣлъ.
Если же пока не невѣрные, то совершенно мертвые,
Какъ показалъ Божественный Павелъ ¹⁾.
Не окажись же невѣрнымъ, но скажи мнѣ и мудро
отвѣчай:

Что изъ этихъ двухъ предпочтешь ты:
Мертвую ли вѣру, лишенную дѣлъ,
Или невѣрнн сь дѣлами вѣры?
Конечно, ты скажешь: какая польза (χρης) дѣлъ
Безъ правой и совершенной вѣры?
А я напротивъ возражу тебѣ: какая непременно
Польза вѣры безъ дѣлъ?

¹⁾ Быть можетъ, св. Отецъ разумѣетъ здѣсь Ефес. 2, 1—5 или II Кор. 4, 4.

Итакъ, если ты желаешь познать то, о чемъ мы прежде сказали,

И сдѣлаться Богомъ по благодати,
Не словомъ, не мнѣніемъ, не мыслию,
Не одною только вѣрою, лишенною дѣлъ,
Но опытомъ, дѣломъ и созерцаніемъ
Умнымъ, и таинственнѣйшимъ познаніемъ;
То дѣлай, что Христосъ тебѣ повелѣваетъ
И что Онъ ради тебя претерпѣлъ.
И тогда ты увидишь блистательнѣйшій свѣтъ, явившійся
Въ совершенно просвѣтленномъ воздухѣ души,
Невещественнымъ образомъ ясно (увидишь) невеще-
ственную сущность,
Всю поистинѣ проникающую сквозь все,
Отъ нея же (души)—сквозь все тѣло, такъ какъ душа
находится

Во всѣмъ (тѣлѣ) и сама безтѣлесна;
И тѣло твое просіяетъ, какъ и душа твоя.
Душа же съ своей стороны, какъ возсіявшая благодать,
Будетъ блистать подобно Богу.
Если же ты не станешь подражать смиренію,
Страданіямъ и поруганіямъ Создателя
И не пожелаешь претерпѣть ихъ,
То либо мысленно, лучше же чувственно
Ты (самъ) остался, о безуміе,
Во мракѣ и тартарѣ своей плоти,
Которая есть тлѣніе. Ибо что иное,
Какъ не смерть въ безсмертномъ сосудѣ [быть]
Заключеннымъ (въ немъ), конечно, на вѣки,
Лишаясь всѣхъ благъ, которыя во свѣтѣ,
И самого свѣта? я вѣдь не говорю уже
О преданіи огню и скрежету
Зубовъ, и рыданію и червю,
Но (объ одномъ) обитаніи въ тѣлѣ, какъ въ бочкѣ,
Послѣ воскресенія, какъ и прежде этого,
И (чтобы) никуда ни внѣ не выглядывать,
Ни внутрь совершенно не воспринимать свѣта,
Но лежать такимъ образомъ, лишаясь
Всѣхъ здѣшнихъ наслажденій и будущихъ,
Какъ и прежде сказалъ я. Итакъ, скажи, слушатель,

Говорящій: я не хочу быть
Внутри самого царствія,
Ни наслаждаться тѣми благами,
Но мнѣ бы только быть внѣ мученія
И хотя бы не принять совершенно огненнаго испытанія.
Какая тебѣ будетъ польза (отъ этого), какъ сказалъ я?
Отвѣчай мнѣ, мудрѣйшій, и скажи:
Полагаешь ли ты, что есть или будетъ
Другое большее наказаніе?

Да не будетъ; въ самомъ дѣлѣ, ты утверждаешь, что,
будучи однимъ,

Ты и будешь тогда находиться въ мукахъ и мучиться.
Вѣдь если бы ты сказалъ, что и духовное тѣло
Тогда получишь, то развѣ можетъ душа
Быть заключена въ немъ, какъ въ бочкѣ?

Послушай и поучись, какъ это будетъ.
Подобно тому какъ сѣмя сѣется по роду
Пшеницы, говорю тебѣ, ячменя и прочихъ (злаковъ),
И по роду опять даетъ и всходъ;
Такъ и тѣла умирающихъ
Падаютъ въ землю, какими случится имъ быть.
Души же, разрѣшившіеся отъ нихъ,
Въ будущемъ воскресеніи мертвыхъ
Каждая изъ нихъ по достоинству находятъ
Покровъ полный свѣта или тьмы.
Чистыя и приобщившіяся свѣта,
И возжегшія свои свѣтильники
Будутъ, конечно, въ невечернемъ свѣтѣ;
Нечистыя же, имѣющія очи сердца
Слѣпыми и полными тьмы,
Какъ увидятъ Божественный свѣтъ?
Никоимъ образомъ—скажи. Итакъ, отвѣтъ мнѣ,
Когда онѣ (станутъ) просить по смерти, кто услышитъ
ихъ,

И отверзетъ имъ очи, увы мнѣ,
Когда онѣ добровольно не хотѣли прозрѣть
И возжечь душевный свѣтильникъ?
Поэтому ихъ ожидаетъ безиросвѣтная тьма.
Тѣла же, какъ сказали мы, равно
Тлѣютъ и гніютъ и у святыхъ,

Но возстають, какими они посѣяны.
Пшеница чистая, пшеница освященная—
Святые сосуды Святаго Духа,
Такъ какъ они были наичистѣйшими,
То и возстають также прославленными,
Сіяющими, блистающими, какъ Божественный свѣтъ.
Вселившись въ нихъ, души святыхъ
Возсіяють тогда свѣтлѣе солнца,
И будутъ подобны Владыкѣ,
Божественные законы Котораго онѣ сохранили.
(Тѣла) же грѣшныхъ также возстають (такими),
Какими и они посѣяны въ землю:
Грязевидными, зловонными, полными гнѣенія,
Сосудами оскверненными, плевелами зла,
Совершенно мрачными, какъ содѣлавшія дѣла тмы
И бывшія орудіями всевозможнаго
Зла лукаваго сѣятеля.
Но и они возстають безсмертными
И духовными, однако подобными тмѣ.
Несчастныя же души, соединившись съ ними,
Будучи и сами мрачны и нечисты,
Сдѣлаются подобными діаволу,
Какъ подражавшія дѣламъ его
И сохранившія его повелѣнія.
Съ нимъ онѣ и будутъ помѣщены въ неугасимомъ огнѣ,
Бывъ преданы тмѣ и тартару;
Лучше же онѣ низведены будутъ
По достоинству, соразмѣрно тяжести
Грѣховъ, которые каждый носитъ,
И тамъ будутъ пребывать во вѣки вѣковъ.
Святые же напротивъ, какъ сказали мы,
Поднявшись каждый на крыльяхъ (своихъ) добродѣ-
телей,
Взыдутъ въ срѣтеніе Владыки,
И они каждый по достоинству:
Какъ кто предуготовилъ себя, конечно,
Такъ ближе или дальше и будетъ отъ Создателя,
И съ нимъ пребудетъ въ безконечные вѣки,
Играя и веселясь непостижимымъ веселіемъ.

Аминь.

XLVII

О БОГОСЛОВИИ И О ТОМЪ, ЧТО НЕ ИЗМѢНИВШЕМУСЯ ЧРЕЗЪ ПРИЧАСТІЕ СВ. ДУХА И НЕ СДѢЛАВШЕМУСЯ СЪ ПОЗНАНІЕМЪ БОГОМЪ ПО УСЫНОВЛЕНІЮ НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО УЧИТЬ ЛЮДЕЙ (ВЕЩАМЪ) БОЖЕСТВЕННЫМЪ. ¹⁾

Кто утѣшитъ скорбь сердца моего? сказавъ—скорбь, я показалъ любовь (*пѣѳон*) къ Спасителю. Любовь же эта есть дѣйствіе Духа, или лучше существенное Его присутствіе, ипостасно (*ἐνυλοβάτως*) видимое внутри меня, (какъ) свѣтъ. Свѣтъ же этотъ несравнимъ и весь невыразимъ. Кто отдѣлится (и разлучитъ) меня отъ чувственныхъ (вещей), отъ которыхъ я избавился однажды и скрылся отъ нихъ, ставши внѣ міра? ²⁾ кто дастъ мнѣ тишину и спокойствіе отъ всего, дабы я насытился красотой и созерцаніемъ Того, непостижимость Котораго воспламеняетъ (во мнѣ) эту любовь (*τὸν πόθηον*)? ипостасная же любовь (*ἐνυλοβάτως πόθος*) есть нѣсколько постижимое [въ Немъ]. Ибо любовь (*ἀγάπη*) есть не имя, но Божественная сущность, сообщимая и непостижимая и совершенно Божеская. Сообщимое постижимо, а что выше его, то—никоимъ образомъ. Поэтому я и сказалъ тебѣ, что та любовь (*τὸν πόθηον*) постижима и что она ипостасна, какъ сообщимая и постижимая. Ибо все постижимое и сообщимое есть, конечно, сущность ипостасно сообщимая и точно также постижимая, такъ какъ не имѣющее сущности и есть ничто и называется (ничѣмъ). Божественное же и несозданное естество пресущественно, такъ какъ оно превосходитъ сущность всего тварнаго; называясь пресущественнымъ, оно однако имѣетъ сущность (*ἐνοῦσιος*) и ипостась (*ἐνυλοβάτως*), будучи мыслимо превыше всякой сущности и совершенно несравнимо съ тварной ипостасью, ибо оно все неограниченно по природѣ. Неограничиваемое же какъ ты назовешь ипостасью? а не имѣющее ипостаси есть ничто; какъ же оно общимо мнѣ?

¹⁾ Въ л. п. 37 глава; въ П. р. по оглавленію это 52 слово, которое, конечно, утрачено.

²⁾ Въ л. п.—quando mundum sub pedibus habui—когда міръ у меня былъ подъ ногами.

Если же ты не вѣришь, то я приведу тебѣ свидѣтелемъ Павла, утверждающаго, что и то и другое вѣрно. Ибо когда онъ говоритъ, что имѣеть внутри Христа, говорящаго и вѣщающаго ему Пресвятымъ Духомъ, то утверждаетъ, что Божество сообщимо и ограничиваемо, Которое (однако) присутствовало въ немъ неограниченно и непостижимо. Когда же представляетъ обитающимъ во свѣтѣ непреступномъ и свидѣтельствуешь, что Оно никогда не было видимо человѣкомъ (I Тим. 6, 16); тогда показываетъ неограниченность (Его) и непостижимость. Ибо какъ онъ приобщился или всецѣло прикоснулся того, Кого никто изъ людей никогда не видѣлъ?—никоимъ образомъ, конечно,—скажешь ты мнѣ, если ты не желаешь спорить (со мною). Когда жѣ опять онъ говоритъ тебѣ: „Богъ (древле прежде) рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія“ внутри меня (II Кор. 4, 6), то какого иного Бога, скажи, даетъ разумѣть тебѣ, какъ не Того, Который обитаетъ во свѣтѣ непреступномъ, и Котораго никоимъ образомъ никто изъ людей никогда не видѣлъ? Ибо Самъ пресущественный, будучи исперва несозданнымъ, воспринялъ плоть и видимъ былъ для меня сотвореннымъ, Самъ всего меня, (Имъ) воспринятаго, дивно обоживъ. Вѣруешь ли этому, скажи мнѣ, и ничуть ли не сомнѣваешься? Итакъ, если Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, какъ вѣруешь ты, обожилъ меня—человѣка, котораго Онъ воспринялъ, то я, содѣлавшись Богомъ по усыновленію, вижу Бога по естеству, Того, Кого никто изъ людей никогда не могъ, да и совершенно не можетъ увидѣть. Тѣ же, которые восприняли Бога дѣлами вѣры и, бывъ возрождены Духомъ, наименовались Богами, видятъ Его Самого—Отца ихъ, всегда обитающаго во свѣтѣ непреступномъ, имѣя Его обитателемъ, живущимъ въ нихъ самихъ, и сами (взаимно) обитаютъ въ Немъ—совершенно непреступномъ.

Это есть истинная вѣра, это дѣло Божіе, это печать христіанъ, это Божественное общеніе, это сопричастіе и Божественный залогъ, это есть жизнь, это царство, это одѣяніе, это хитонъ Господень, въ который облакаются крещаемые вѣрою, не въ невѣдѣніи, говорю тебѣ, и не въ безчувствіи, но чрезъ вѣру съ чувствомъ и знаніемъ, чтобы ты не сказалъ, что я (лишь) вѣрую, что облекся во Христа. Я не говорю: вѣруй этому, но дѣло вѣры (и утвержденіе вѣры, и правое исповѣданіе

вѣры)¹⁾ и несомнѣнное совершенство [полноту] вѣры имѣй, оттого что ты съ чувствомъ и знаніемъ облекся во Христа, сіяющаго, блистающаго славою Божества и въ яснѣйшемъ свѣтѣ всего тебя измѣняющаго, (между тѣмъ какъ) ты неизмѣнно остаешься двойкимъ изъ того и другого: по усыновленію Богомъ, по природѣ же весь являешься (ничѣмъ инымъ, какъ) человѣкомъ. Когда же ты содѣлаешься таковымъ, какъ сказалъ я тебѣ, тогда приходи и стань съ нами, о брате мой, на горѣ Божественнаго вѣдѣнія и Божественнаго созерцанія, и мы услышимъ вмѣстѣ Отчій гласъ.

Увы, насколько лишены мы Божественнаго достоинства! насколько удалены отъ жизни вѣчной! Сколь небо отстоитъ отъ земли преисподнихъ и несчастнымъ образомъ нѣкогда тамъ удержанныхъ, настолько или даже болѣе все мы поистинѣ отстоимъ отъ достоинства Божія и Божественнаго созерцанія, хотя, сверхъ ожиданія, говоримъ, что обитасмъ съ Нимъ и имѣемъ въ себѣ пребывающимъ и обитающимъ всего Того. Кто живетъ въ неприступномъ свѣтѣ; и сидя въ преисподней, хотимъ (еще) философствовать о томъ, что надъ землею и на небѣ, и превыше небесъ, какъ точно знающіе, и рассказывать (о томъ) всемъ и называться знатоками (*γροστικολοί*)²⁾ и основательными богословами и тайниками неизреченныхъ (откровеній), что и есть, конечно, признакъ безчувствія. Въ самомъ дѣлѣ, неужели не безчувственъ и даже болѣе того тотъ, кто, родившись несчастно въ преисподней и обитая въ совершенномъ мракѣ настоящаго міра, и не узрѣвъ свѣта будущаго вѣка, который совершенно возсіялъ на землѣ и непрестанно сіяетъ, утверждаетъ, что знаетъ и разумѣетъ то, что на небѣ, и видитъ все тамошнее, и прочихъ (тому) учить? Ибо подобно тому, какъ слѣпецъ, захотѣвшій спорить со зрячими и утверждать, что эта монета—мѣдная, и эта печать (кого-то) другого, [а не царя], и (вычеканенныя) на монетѣ буквы означаютъ то-то и то-то, поистинѣ былъ бы необычайнымъ чудинцемъ для слышащихъ и видящихъ, что монета эта—золотая и весьма звонкая, и печать поистинѣ

¹⁾ Слова въ скобкахъ взяты изъ л. п., гдѣ прибавлено: *et fidei confirmationem, et fidei tesseram...*

²⁾ hoc est—поясняетъ это слово латинскій переводчикъ—*vi seu facultate cognoscendi praediti.*

царская, показывающая (ничуть) неподдѣльный образъ царя, а начертаніе означаетъ его имя; такъ (то же самое) и съ нами бываетъ, но мы не допускаемъ, чтобы нѣчто (подобное) могло случиться, и никого не стыдимся: ни самихъ святыхъ ни Ангеловъ, сверху взирающихъ на наши (дѣла). Но на насъ исполняется слово Господне, говорящее, что видящіе не видятъ, и опять слышащіе затыкаютъ скорѣе душевныя уши, и отиудь не слышать глаголовъ Духа (Мѣ. 13, 13). Хотя тѣлесными, плотскими ушами они и слышать, но духовныя уши сердца имѣютъ покрытыми, и совершенно не могутъ слышать Бога. Ибо они никоимъ образомъ не въ состояніи снять съ самихъ себя покрывала гордости и нечувствія, потому что сами на себя возложили его добровольно и хотятъ (имѣть) очи и уши покрытыми, и потому думаютъ, что видятъ и слышатъ. Если же кто скажетъ имъ, послушайте, чада мои, снимите покрывало съ сердець вашихъ (II Кор. 3, 15), то они раздражаются за эти самыя слова, что онъ назвалъ ихъ не отцами, но чадами, и возымѣвъ къ нему отъ этихъ словъ (тѣмъ) большую ненависть, не могутъ понять находящуюся въ нихъ страсть, лучше же—страсти, помрачающія умъ и сердце и удаляющія отъ Бога уже воспринятыхъ (Имъ). Рабы самоумнѣнія и гордости, добровольно ставшіе (ими) и отдавшіеся въ плѣнъ, они всегда исполняютъ свою волю; оставивъ Божіи законы, они сами себѣ суть законъ, и не Богу, но себѣ самимъ они служатъ, о дерзость, вмѣсто славы Божіей лица своей (славы) и стараясь создать ее всякими дѣлами и способами. Итакъ, слава Христова есть крестъ и страсти, которыя Онъ подъялъ ради насъ, дабы насъ прославить. Но они не хотятъ этого претерпѣть, какъ Онъ претерпѣлъ, и отказываются сдѣлаться причастниками славы Божіей¹⁾, предпочитая, о це-

¹⁾ Дальнѣйшія слова до конца гимна взяты изъ л. п. Въ греческ. же текстѣ тиорейей пр. Спмеода, изданномъ въ *Ev Sborof* 1886, за этими словами слѣдуетъ другая половина гимна совершенно иного содержанія, чѣмъ первая, механически по какому-то недосмотру присоединенная сюда. Содержаніе этой второй половины ясно показываетъ, что это совершенно особый гимнъ, извѣстный въ П. р. какъ 54 слово, сохранившееся только въ заглавіи. Дабы оставить гимны до конца подъ той же нумераціею, что и въ вышеназванномъ греческ. изданіи, вторую половину 47 гимна мы помѣщаемъ въ настоящемъ переводѣ непосредственно за послѣднимъ 55 гимномъ этого изданія, подъ номеромъ 56-мъ.

честіе, славу отъ людей, и избирають добровольное отлученіе отъ Бога. Но Ты, Христе мой, избавь надѣющихся на Тебя отъ гордости и сквернаго пристрастія къ суетной славѣ, и содѣлайъ причастниками Твоихъ страданій и славы, и сподоби насъ быть нераздѣльно Твоими нынѣ и въ будущіе вѣки вѣковъ. Аминь.

XLVIII.

Кто есть монахъ и какое его дѣланіе. И на какую высоту созерцанія возшелъ этотъ Божественный Отецъ ¹⁾).

Монахъ—тотъ, кто не смѣшивается съ міромъ
И съ однимъ Богомъ непрестанно бесѣдуетъ;
Видя (Его), онъ и (Имъ) видимъ бываетъ и, любя,—
любимъ,

И содѣлывается свѣтомъ, неизреченно сіяющимъ.
Будучи прославляемъ, онъ (тѣмъ) болѣе считаетъ себя
нищимъ,

И принимаемый въ домахъ ²⁾), является какъ бы стран-
никомъ.

О совершенно необычайное и несказанное чудо!
Отъ безмѣрнаго богатства я бѣденъ,
И обладая многимъ, думаю, что ничего не имѣю,
И отъ обилія водъ, говорю, я жажду.
Кто дастъ мнѣ то, что я изобильно имѣю?
И гдѣ найду я Того, Кого повседневно вижу?
Какъ удержу я то, что и внутри меня есть,
И внѣ міра, ибо оно совершенно невидимо?
Имѣющій уши слышать да слышитъ,
Правильно понимая слова неученаго.

¹⁾ Въ II. р. 3 слово; въ л. п. 4 глава.

²⁾ *Kai prosomelobimenos, os xenos lellei.* Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ стихѣ, мысль св. Отца движется по контрасту. Латинск. же переводъ представляется намъ очень отдаленнымъ: *et conciliata sibi multorum amicitia instar hospitis ac peregrini est*—я списалъ себѣ расположеніе въ дружбу многихъ и пр.

XLIX.

МОЛЕНИЕ КЪ БОГУ, И КАКЪ ЭТОТЪ ОТЕЦЪ, СОЕДИНЯЯСЬ СЪ БОГОМЪ И ВИДЯ СЛАВУ БОЖІЮ, ВЪ НЕМЪ САМОМЪ ДѢЙСТВУЮЩУЮ, ПРИХОДИЛЪ ВЪ ИЗУМЛЕНІЕ ¹⁾).

Какъ я внутри себя поклоняюсь Тебѣ и какъ вдали Тебя созерцаю?

Какъ въ себѣ усматриваю и на небѣ вижу Тебя?
Ты одинъ знаешь, дѣлающій это и сіяющій, какъ ²⁾
Солнце, невестественно въ моемъ вестественномъ сердцѣ.
Ты возсіявшій мнѣ свѣтомъ славы Твоей, Боже мой,
Черезъ Апостола Твоего и ученика и раба,
Всесвятаго Симеона, Самъ и пынѣ возсіяй мнѣ
И научи Духомъ пѣть ему гимны,
Новые вмѣстѣ и древніе, Божественные и сокровенные,
Дабы чрезъ меня дивились знанію Твоему, Боже мой,
(Псал. 138, 6)

И (тѣмъ) болѣе проявлялась великая премудрость (Твоя),
И всѣ, услышавъ, восхвалили Тебя, Христе мой,
Такъ какъ и я говорю новыми языками по благодати Твоей.

Аминь, да будетъ, Господи, по волѣ Твоей.

Я болѣзную, и страдаю смиренною душою своею,
Когда внутри ея явится ясно сіяющій свѣтъ Твой.
Любовь (*ὁ λόφος*) называется у меня болѣзнію (*λόφος*)
и является

(страданіемъ, оттого что я не могу всего Тебя объять
И насытиться, насколько мнѣ желательнo, и [потому]
я въздыхаю.

Однако, такъ какъ я вижу Тебя, то для меня довольно
и этого,
(Что) и будетъ (мнѣ) славою, и радостію, и вѣнцомъ
царствія,

И превыше всего сладостнаго и вождельнаго въ мірѣ;
Это покажетъ меня и подобнымъ Ангеламъ,
А быть можетъ, и большимъ ихъ содѣлаетъ меня, Вла-
дыко.

¹⁾ Въ II. р. 7 слово; въ л. п. этого гимна пѣтъ.

²⁾ Этого стиха пѣтъ въ II. р.

Ибо ¹⁾ если Ты невидимъ для нихъ существомъ
И естествомъ непрístupенъ, мнѣ же Ты видишься
И совершенно смѣшиваешься со мною сущностью есте-
ства (Своего),
Ибо онѣ не отдѣлены въ Тебѣ и совершенно не раз-
дѣляются,
Но естество (есть) существо Твое и существо—естество;
То поэтому, причастившись плоти Твоей, я приобщаюсь
естества (Твоего)
И поистинѣ бываю участникомъ существа Твоего,
(Дѣлаясь) соучастникомъ и даже наследникомъ Божества
И бывая въ тѣлѣ выше безтѣлесныхъ,
Я полагаю, (что) и сыномъ Божиимъ содѣлываюсь, какъ
сказалъ Ты
Не къ Ангеламъ, но къ намъ, Богами такъ (насъ) назвавъ:
„Азѣ рѣхъ: Бози есте и сынове Вышняго вси“ (Псал.
81, 6; Иоан. 10, 34).
Такъ какъ Ты содѣлался человѣкомъ, будучи Богомъ
по естеству,
Неизмѣнно и несліянно, пребывъ тѣмъ и другимъ,
То и меня, человѣка по природѣ, содѣлалъ Богомъ
По усношленію и по благодати Твоей чрезъ Духа
Твоего,
Чуднымъ образомъ, какъ Богъ, соединивъ раздѣленное.

L.

ОБЩЕЕ ПАСТАВЛЕНІЕ СЪ ОБЛИЧЕНІЕМЪ КО ВСѢМЪ: ЦАРЯМЪ,
АРХІЕРЕЯМЪ, СВАЩЕННИКАМЪ, МОПАХАМЪ И МІРЯНАМЪ,
ИЗРЕЧЕННОЕ И ИЗРЕКАЕМОЕ ОТЪ УСТЪ БОЖІИХЪ ²⁾).

О Христе, подай мнѣ слова мудрости,
Слова вѣдѣнія и Божественнаго разумѣнія,
Ибо ты знаешь безсиліе моего слова
И непричастность (мою) ко виѣшней наукѣ.
Ты знаешь, что Тебя одного я имѣю

¹⁾ Этотъ стихъ и слѣдующіе за нимъ 4 стиха взяты изъ П. р.; въ печатномъ текстѣ гимна ихъ нѣтъ.

²⁾ Въ л. п. нѣтъ этого гимна, равно какъ и въ П. р.; въ послѣдней онъ извѣстенъ только по заглавію въ оглавленіи гимновъ, какъ послѣднее 58 слово.

Жизнiю, и разумомъ (словомъ), и знанiемъ, и мудростiю,
Спасителемъ, Богомъ и защитникомъ въ жизни,
И дыханiемъ смиренной души моей.
Я странникъ и бѣденъ словомъ;
Ты же—надежда моя и помощь моя,
Ты похвала, богатство мое и слава.
Ты отъ мiра восхотѣлъ, Слове,
Но благоутробiю воспринять меня страннаго,
Недостойнаго, ничтожнаго и худшаго
Всякаго человѣка и всякаго безсловеснаго животнаго.
Потому и уповаю я на милость Твою,
И прошу Тебя, и припадаю, и говорю:
Дай правое слово, дай силу, дай мнѣ крѣпость
Сказать ко всѣмъ посвященнымъ Тебѣ
И служащимъ Тебѣ, Царю всѣхъ,
Сказать тайносовершителямъ, и начальникамъ, и слу-
жителямъ,

Мнящимъ, что они видятъ Тебя и служатъ,
И подлинно работаютъ Тебѣ, какъ Владыкѣ.
Всѣ люди: цари и вельможи,
Священники, епископы, монахи и разночинцы,
Не сочтите недостойнымъ послушать гласа
И словъ моихъ—человѣка ничтожнаго,
Но откройте мнѣ уши сердца (вашею)
И услышите и уразумѣйте, что говорить
Богъ всѣхъ и прежде всѣхъ вѣковъ,
Неприступный, единый Вседержитель,
Въ рукъ Котораго дыханiе всего существующаго.

Цари, вы хорошо дѣлаете, что ведете войны про-
тивъ язычниковъ,

Если сами не творите языческихъ
Дѣлъ и обычаевъ, совѣтовъ и рѣшенiй
И многими дѣлами своими и словами
Не отвергаетесь меня—Царя вашего.
Лучше вамъ было бы хранить Мои слова
И право соблюдать всѣ заповѣди Мои,
Въ блаженной нищетѣ
Проводя безмятежную жизнь.
Ибо какая вамъ польза защищать мiръ
Отъ смерти и временнаго рабства,

Самимъ же повседневно быть рабами
Страстей и бѣсовъ чрезъ дѣла (свои)
И наслѣдниками огня неугасимаго.
Ибо хороши всѣ дѣла, какія кто ни дѣлаетъ
Ради Меня и состраданія
И милосердія къ ближнему,
Если прежде всего онъ себя самого милуетъ,
И слова Мои хранить со всякимъ тщаніемъ,
И показываетъ искреннее раскаяніе
Въ томъ, что сдѣлано (имъ), безъ сомнѣнія, раньше,
И послѣ не возвращается болѣе къ тому,
Но пребываетъ (твердымъ) въ Моихъ Владычныхъ сло-
вахъ

И истинныхъ законахъ и повелѣніяхъ;
И такъ безъ нарушенія дѣлаетъ все
Даже до смерти, ни однимъ словомъ,
Ни одной чертой изъ написаннаго
Не пренебрегая. (Вотъ) это—Мнѣ жертва,
Это Мнѣ вниманіе и приношеніе, и даръ;
Безъ этого же вы—хуже язычниковъ.

Епископы—предсѣдатели, разумѣйте!
Вы—отпечатокъ Моего образа,
Вы достойно поставлены собесѣдовать со Мною,
Вы имѣете предвозлежаніе надъ всѣми праведниками,
Какъ именующіеся учениками Моими¹⁾
И носящіе Мой Божественный образъ;
Вы даже надъ малѣйшимъ общимъ собраніемъ
Восприняли такую власть,
Какую получилъ Я отъ Отца—Слово,
Которое воплотилось, будучи Богомъ по естеству
И содѣлавшись двойкимъ въ дѣйствованіяхъ,
Воляхъ и естествахъ также;
Я, Который нераздѣльно и неслитно есмь
Богъ, и наоборотъ человѣкъ и Богъ.
Какъ человѣкъ, Я сподобилъ (васъ) держать Меня ва-
шими руками,
Какъ Богъ же, Я совершенно

¹⁾ ὡς ὄντες εἰς ὄνομα τῶν μαθητῶν μου—какъ носящіе имя Моихъ учениковъ, т. е. апостольское званіе.

Неуловимъ для бранныхъ рукъ,
И невидимъ для не видящихъ,
И неприступенъ, [когда бываю] закланнмъ за всѣхъ,
Я—двойкй въ одной иностаси.
Изъ епископовъ есть такіе, которые по причинѣ этого
Превозносятся надъ всѣми малѣйшими,
Какъ надъ презрѣнными и внизу сѣдящими.
Изъ епископовъ есть такіе, которые далеки отъ этого
достоинства,
Не изъ тѣхъ, у которыхъ со словомъ согласуется и
жизнь,
Являясь печатію ихъ Боговдохновеннаго
Ученія и Боговѣщанія,
Но изъ тѣхъ, у которыхъ жизнь противоположна слову,
И которымъ невѣдомы страшныя Мои и Божественныя
(тайнства):
Они думаютъ, что держать [въ евхаристіи] хлѣбъ, ко-
торый есть огонь,
И, какъ простой, презираютъ Мой хлѣбъ,
И мнятъ, что видятъ и ѣдятъ кусокъ (хлѣба),
Не видя Моей невидимой славы.
Изъ епископовъ есть многіе изъ немногихъ,
Которые высоки и смиренны
Худымъ и противнымъ смиреніемъ,
Которые гонятся за славою человѣческою,
А Меня—Творца всѣхъ презираютъ,
Какъ ницаго и презрѣннаго бѣдняка;
Они недостойно прикасаются къ Моему тѣлу
И, ища превосходства надъ многими,
Незванно входятъ внутрь Моего святилища,
И (внутри) чертога неизреченныхъ [тайнствъ]
Вступаютъ безъ хитона
Благодати Моей, которой они никомъ образомъ не
восприняли,
[Приступая] къ тому, на что и совнѣ взирать имъ не
подобаетъ;
Но Я долготерплю, (будучи) весьма человѣколюбивъ.
Входя же, они бесѣдуютъ со Мною, какъ съ другомъ,
И не пребывая тамъ въ страхъ, какъ рабы,
Показываютъ себя близкими [Мнѣ лицами].

Не разумѣя Моей благодати,
Они и за другихъ (еще) ходатайствовать общаются,
Будучи сами повинны во многихъ грѣхахъ.
Совнѣ хорошо одѣвая тѣло,
Они кажутся блистающими и видятся чистыми;
Дупси же хуже грязи и тины,
Лучше же (хуже) всякаго смертоноснаго яда
Имѣютъ эти лукавые праведники.
Ибо какъ нѣкогда Иуда предатель,
Принявъ хлѣбъ отъ Меня недостойно,
Съѣлъ его, какъ часть обыкновеннаго хлѣба,
И потому сатана вопиель
Въ него тотчасъ и безстыднымъ предателемъ
Меня—учителя (своего) содѣлалъ,
Воспользовавшись имъ, какъ слугою и рабомъ,
И исполнителемъ своей воли;
Такъ случается въ невѣдѣніи и съ тѣми,
Которые недостойно, дерзко и самоадѣянно
Прикасаются къ Моимъ Божественнымъ тайнамъ.
Въ особенности (таковы) возвышающіеся на престолахъ
надъ святыми ¹⁾,
Надъ жертвенникомъ и священствомъ,
Имѣющіе совѣсть и прежде поврежденную
И послѣ того совершенно осужденную;
Они, входя въ Мой Божественный дворъ,
Безстыдно стоять во святилищахъ,
Открыто разговаривая предо Мною
И совершенно не видя Моей Божественной славы,
Которую если бы видѣли они, то не дѣлали бы этого
И (даже) въ преддверія Моего Божественнаго храма
Такъ дерзко не смѣли бы войти.
Итакъ, что все это, что написано,
Истинно и вѣрно, всякій желающій (можетъ) узнать
Изъ тѣхъ самыхъ дѣлъ, которыя мы іереи творимъ;
И отнюдь не найдя никакой лжи,
Убѣдятся и признаетъ,
Что Самъ Богъ чрезъ меня изрекъ это,
Если (только) онъ не кто-либо изъ творящихъ это

¹⁾ т. е. надъ вѣрующими.

И не старается хитрыми словами разсѣять
И скрыть (свой) собственный стыдъ,
Который предъ Ангелами и людьми
Будеть открытъ тѣмъ, Кто откроетъ
„Тайная тьмы“ (I Кор. 4, 5), Господь Богъ всѣхъ.
Кто изъ насъ, нынѣшнихъ іереевъ,
Предочистивъ себя отъ беззаконій,
Такъ дерзнулъ (приступитъ) ко священству?
Кто могъ бы сказать это съ дерзновеніемъ,
Что онъ презрѣлъ славу земную
И ради одной небесной священнодѣйствуетъ?
Кто довольствовался однимъ только необходимымъ
И не утаилъ чего-либо, (принадлежащаго) ближнему?
Кого совѣсть своя
Не осуждала за взятки,
Черезъ которыя онъ старался сдѣлаться и сдѣлать [свя-
щеннослужителемъ],
Купивъ или продавъ благодать?
Кто не предпочелъ друга предъ достойнымъ,
Поставивъ скорѣе недостойнаго?
Кто не старается своихъ близкихъ
Друзей сдѣлать епископами,
Чтобы пользоваться властію во всемъ
Чуждомъ? вѣдь это (еще одно) изъ посредственныхъ
(дѣлъ),
Считающееся даже безгрѣшнымъ тѣми,
Которые вмѣшиваются въ дѣла другой церкви.
Кто по просьбѣ мірскихъ (людей):
Вельможъ, друзей, богатыхъ и начальниковъ
Не рукоположилъ (кого-либо) и вопреки достоинству?
Поистинѣ нѣтъ нынѣ никого изъ
Всѣхъ ихъ, имѣющаго чистое сердце,
Кого бы не колола совѣсть,
Такъ какъ онъ непременно сдѣлалъ одно изъ того, о
чемъ я сказалъ.

Но мы всѣ безстрашно грѣшимъ,
Не заботясь ни о пресѣченіи зла,
Ни добра не дѣлая;
Поэтому и не каемся,
Погрузившись во глубину золь

И безчувственно пребывая въ этомъ.
Ибо, не вкусивъ Божественной славы,
Мы не можемъ презрѣть земную славу.
Любовь же къ славѣ, говорю, человѣческой
Совершенно не позволяетъ душѣ ни смиряться,
Ни добровольно порицать себя самое.
Если это такъ, то какъ, скажи мнѣ,
Гоняющійся за славою человѣческою
И нуждающійся въ тлѣнномъ богатствѣ,
Желающій имѣть множество золота,
И ненасытный въ похищеніи,
И злопамятный къ тѣмъ, которые не часто даютъ,
Дерзнетъ сказать, что имѣеть Бога обитателемъ (въ себѣ)?

Не воспринявшій же Христа
И Его Отца и Духа Святаго,
Извѣстно живущаго и ходящаго,
Единого Бога въ сердцѣ своемъ,
Какъ покажетъ истинное служеніе?
Отъ кого иного онъ научится смиренію?
Или какъ наставленъ будетъ Божественной волѣ?
Кто будетъ ходатаемъ для него или примирить (его) съ Богомъ?

И представить непостыднымъ служителемъ
Единому чистому и непорочному Богу,
На Котораго Херувимы не смѣютъ воззрѣть,
И Который непреступенъ для всѣхъ Ангеловъ?
Кто укрѣпитъ его безгрѣшно править
И неосужденно священнодѣйствовать
Страшную службу непорочной жертвы?
Какой Ангель, какой человѣкъ можетъ
Изречь это или возможетъ сдѣлать?
Ибо я говорю и свидѣтельствую всѣмъ:
(Никто не заблуждайся и не обольщайся словами)
Кто прежде не оставитъ міра
И отъ души не возненавидитъ (всего) мірскаго,
И искренно не возлюбитъ единого Христа,
И ради Него не погубитъ душу свою,
Не заботясь ни о чемъ для человѣческой жизни,
Но какъ бы ежечасно умирая,

Не будетъ много плакать о себѣ и рыдать,
И не будетъ имѣть желанія только къ Нему одному,
И чрезъ многія скорби и труды
Не сподобится воспринять Божественнаго Духа,
Котораго далъ Онъ Божественнымъ Апостоламъ,
Дабы чрезъ Него изгнать всякую страсть,
И легко исправить всякую добродѣтель,
И стяжать обильные источники слезъ,
Откуда очищеніе и созерцаніе души,
Откуда познаніе Божественной воли,
Откуда просвѣщеніе Божественнымъ озареніемъ
И созерцаніе непреступнаго свѣта,
Откуда безстрастіе и святость
Дается всѣмъ сподобившимся
Видѣть и имѣть Бога въ сердцѣ,
И быть Имъ хранимыми и хранить
Неповрежденными Его Божественныя заповѣди;
Тотъ да не дерзнетъ принимать священство
И предстоительство надъ душами или стать началь-
никомъ.

Ибо какъ Христосъ Богу Отцу Своему
И приносится и Самъ Себя приноситъ;
Такъ и насъ Самъ Онъ и приноситъ
И Самъ же опять и принимаетъ насъ.
Ибо [иначе] въ судъ и въ осужденіе будетъ
Предиріятіе таковыхъ дѣлъ;
(Это) хуже убійства, хуже прелюбодѣянія и блуда
И всѣхъ другихъ грѣховъ.
Всѣ эти (грѣхи) нынѣ совершаются противъ людей,
Ибо мы грѣшимъ, конечно, другъ противъ друга.
Торгующій же нагло Божественными [тайнствами]
И продающій благодать Духа
Грѣшитъ, конечно, противъ Самого Бога.
Ибо представляющій лицо Слова
И жить долженъ такъ, какъ Оно,
И, послѣдуя Ему, такъ говорить:
Лисицы, безъ сомнѣнія, имѣютъ норы,
И всѣ птицы—гнѣзда,
Я же не имѣю, гдѣ главу приклонить (Мѣ. 8, 20).
Ибо сподобившійся быть служителемъ Христовымъ

Самъ совершенно не долженъ имѣть ничего своего,
Ни пріобрѣтать чего-либо мірскаго,
Кромѣ необходимаго для тѣла и только;
Все же прочее принадлежитъ бѣднымъ и странникамъ,
И его церкви [въ которой онъ служитъ].
Если же напротивъ онъ дерзнетъ для своихъ расходовъ
Безвременно пользоваться этимъ со властію
И принадлежащее странникамъ раздавать сродникамъ,
И строить дома, и покупать поля,
И набирать толпу рабовъ;
То, увы, какой судъ (ожидаетъ) его?
Безъ сомнѣнія, онъ подобенъ челоуѣку,
Все приданое жены своей
Худо расточившему по неразумію,
Который, будучи схваченъ и не имѣя (чѣмъ) уплатить,
Когда съ него требуютъ для нея денегъ, конечно,
Для возмѣщенія его супруги,
Предается въ темницу на заключеніе.
Такъ будетъ и съ нами, священниками и священно-
служителями,
Которые ради себя самихъ и сродниковъ и друзей
Злоупотребляютъ церковными доходами
И совершенно не пекутся о бѣдныхъ,
Но строятъ дома, бани, монастыри, бапни,
Даютъ приданое и устраиваютъ браки,
Церкви же свои, какъ чужія,
Презираютъ и нерадятъ о нихъ.
Отлучаясь на долгое время,
Мы прожигаемъ въ чужой странѣ,
Оставляя женъ своихъ вдовыми
И не имѣя о нихъ никакого попеченія.
Иные же (изъ насъ) пребываемъ въ нихъ и живемъ
Не потому, чтобы насъ удерживала любовь къ нимъ,
Но чтобы только жить отъ богатыхъ доходовъ
Съ нихъ и роскошествовать.
О красотѣ же души невѣсты Христовой
Кто изъ насъ іереевъ заботится?
Укажи мнѣ (хотя) одного только, и я удовольству-
юсь имъ.

Но горе намъ, священникамъ, монахамъ,

Епископамъ и священнослужителямъ седьмого вѣка ¹⁾,
Такъ какъ законы Бога и Спасителя
Мы попираемъ, какъ ничего не стоящіе.
И если бы гдѣ оказался одинъ малый предъ людьми,
Предъ Богомъ же великій, какъ познанный Имъ,
Не снисходящій къ нашимъ страстямъ,
То онъ тотчасъ прогоняемъ бываетъ, какъ одинъ изъ
злодѣевъ,

И изгоняется нами изъ (нашей) среды,
И отлучаемъ бываетъ отъ собранія, какъ нѣкогда
Христосъ нашъ—(отъ синагоги) тогдашними
Архіереями и грозными іудеями,
Какъ Самъ Онъ сказалъ ²⁾ и всегда говорить то
Яснымъ гласомъ величія Своего.
Но есть Богъ, Который вознесетъ его
И восприметъ какъ въ нынѣшней жизни,
Такъ и въ будущей, и прославить
Со всѣми святыми, которыхъ Онъ возлюбилъ.

Но что говорить и къ намъ Слово?
Тѣ изъ монаховъ, которые мните (себя) ревностными,
Изобразите благочестіемъ внутреннее,
Тогда и внѣшнее, конечно, предо Мною чисто будетъ ³⁾.
Ибо это будетъ на пользу вамъ
И видящимъ ваши добрыя дѣла,
А то вождельно для Меня, Творца всѣхъ,
И для умныхъ и Божественныхъ чиновъ Моихъ.
Если же вы украшаете внѣшнее подобіе чловѣка
Одною обычною ему одеждою
И видящимъ васъ кажется любезными
Черезъ внѣшнее упражненіе въ трудахъ,
О любезномъ же Моемъ образѣ совершенно
Не заботитесь, объ очищеніи и украшеніи
Со тщаніемъ, слезами и трудами
Того, чрезъ который для Меня и для всѣхъ вы и
являетесь

Людьми, понятно, разумными и Божественными;

¹⁾ т. е. седьмого тысячелѣтія отъ сотворенія міра.

²⁾ Св. Отецъ разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, Мѣ. 18, 10.

³⁾ Ср. Мѣ. 23, 26.

То поистинѣ вы уподобляетесь предо Мною гнѣющимъ
гробамъ,

Какъ нѣкогда фарисеи, какъ сказалъ Я,

Говоря и обличая ихъ безуміе:

Совиѣ вы блистаете, будучи внутри гнилы, полны

Мертвыхъ костей и исполнены въ гниломъ

Сердцѣ злыхъ помышленій, словъ,

Страстей, мыслей и лукавой заботы (Мѣ. 23, 27—28).

Ибо кто изъ васъ възыскалъ этого:

Поста, говорю, жестокаго житія, трудовъ,

Запущенныхъ волосъ, желѣзныхъ веригъ,

Власяницы, множества мозолей на колѣняхъ,

Твердаго ложа, сѣна для постланія ложа

И всякаго другого злостраданія въ жизни?

(Все) это хорошо, если хорошо совершаемо бываетъ,

[Какъ принадлежность] умнаго и сокровеннаго дѣланія

Вашего, со знаніемъ, мудростію и разумомъ;

Если же—безъ него, то что великаго въ этомъ вы по-
лагаете,

Мня себя нѣчѣмъ, будучи ничѣмъ;

Безъ внутренняго дѣланія вы подобны, пожалуй, про-
каженнымъ,

Одѣвшимся въ свѣтлыя одежды къ обману видящихъ
(ихъ).

Но привѣтствуя всѣхъ внѣшнихъ [пожеланіемъ] радо-
ваться,

Ревностно старайтесь стать [дѣлателями] одного

Внутренняго дѣланія, съ потомъ и трудами

Въ божественныхъ добродѣтеляхъ и священныхъ под-
вигахъ,

Дабы явиться предо Мною дѣвственниками въ мысляхъ,

Просвѣщенными всякимъ разумѣніемъ,

И соединиться со Мною—Словомъ въ словѣ

Премудрости Моей и вѣдѣнія лучшаго.

Все множество священнаго народа Моего,

Иди поспѣшно ко Мнѣ, Владыкѣ своему,

Иди и разрѣшись отъ узъ міра сего;

Возненавидь всякій обманъ чувствъ,

Скоро бѣги отъ этихъ причинъ зла:

Похоти зрѣнія и плоти,

Гордости мысленной и житейской (I Иоан. 2, 16).
Знай, что (все) неправедное въ мірѣ,
Ведеть къ гибели воспользовавшагося
Имъ страстно или пристрастно въ жизни,
И несчастно дѣлаеть врагомъ Моимъ.
Воспріими въ сердцѣ любовь къ Моимъ
Божественнымъ вещамъ—вѣчнымъ благамъ,
Которыя, воплотившись, Я приготовилъ тебѣ, какъ другу,
Дабы ты всегда былъ со Мною, неизреченно свечеряя
На трапезѣ царствія Моего
Небеснаго со всѣми святыми.
Познай себя самого, что ты смертенъ и тлѣнень,
Будучи малымъ останкомъ жизни на свѣтѣ,
И что ничто не послѣдуетъ за тобою изъ того, что есть
въ мірѣ

Блестящаго или увеселительнаго и пріятнаго,
Когда ты отойдешь отсюда къ тамошнимъ селеніямъ,
Кромѣ однихъ только дѣлъ, содѣланныхъ
Тобою въ жизни, злыхъ или добрыхъ.
И познавъ тлѣнность и смертность всего
И оставивъ долнее, иди горѣ, Я зову тебя
Къ Себѣ—Богу всего и Спасителю,
Дабы ты поистинѣ жилъ во вѣки вѣковъ
И наслаждался благами Моими,
Которыя Я приготовилъ любящимъ Меня
Всегда, нынѣ и во вѣки. Аминь.

LI.

О томъ, что славные земли и гордые богатствомъ
прельщаются тѣнью видимаго; презрѣвшіе же настоя-
щее необманчиво дѣлаются причастниками Божествен-
наго Духа ¹⁾.

Видя меня, Владыко, злословимаго вѣрными,
Какъ обольстителя и прежде обольщеннаго,
Такъ какъ я говорю, что по челоуѣколюбію Твоему
И по молитвамъ отца моего я получилъ Духа Святаго,
Помилуй и даруй (мнѣ) слово, знаніе и мудрость,
Чтобы всѣ противящіеся мнѣ познали,

¹⁾ Въ П. р. 32 слово; въ л. п. нѣтъ этого гимна.

Ни всѣхъ находящихся въ мірѣ твореній Создателя.
Ибо кто познаетъ Творца, прежде чѣмъ не увидитъ Его,
Въ разумѣ, какъ разумный, въ умѣ же умно
И въ умномъ чувствѣ мысленно усматривая (Его)?
Кто видящій духовно чрезъ Божественнаго Духа,
Будучи таинственно озаряемъ и вмѣстѣ наставляемъ,
Пришелъ къ нѣкому неясному познанію Творца?
Ибо такъ очищающійся сподобится получить
Яснѣйшее познаніе, какъ говоритъ все Писаніе.

Тѣ же, (живущіе) въ страстяхъ, какъ сказали я, нося
безуміе, какъ одежду,

И облекшись въ самомнѣніе, какъ въ славу,
Утѣшаются и смѣются надъ прочими,
И играютъ съ тѣнями по подобію щенковъ.

Если [последнимъ] ты бросишь орѣхъ, и онъ, покотив-
шись, загремитъ,

То они подскакиваютъ, хватаются, ослабляются на него
И съ нимъ валяются и вмѣстѣ играютъ;

И если кто протянетъ предъ ногами (ихъ) веревку,
То они свертываются [въ клубокъ] и, падая и про-
тягивая

Вверхъ лапы, бываютъ причиною смѣха для всѣхъ
Видящихъ (ихъ) людей, во время ихъ паденія.

Такъ и тѣ безчувственно утѣшаютъ бѣсовъ

Таковыми же дѣяніями своими и нравами.

Итакъ, скажи мнѣ на вопросъ, какъ полагаешь ты,

Могутъ ли таковыя повѣдать инымъ о таинствахъ Бо-
жійхъ?

Какъ будутъ они просвѣщены свѣтомъ вѣдѣнія хотя
отчасти

И другимъ сообщать, либо праведно произведутъ

Правый судъ съ истиннымъ рассужденіемъ,

Будучи облечены во тьму, какъ въ одежду,

Съ чувствомъ (являясь) безчувственными и мертвыми
среди жизни?

Но о вы, боголюбцы, послушайте реченій

Истинныхъ и дивныхъ, которыя уста Господни

И прежде изрекли и нынѣ всѣмъ изрекаютъ:

Если вы не отложите славы, если не отвергните бо-
гатства,

Если совершенно не совлечетесь пустого самомнѣнія,
Если не сдѣлаетесь послѣдними изъ всѣхъ въ дѣлахъ
И въ самыхъ помыслахъ, лучше же въ представленіяхъ,
Считая себя самихъ послѣдними изъ всѣхъ;
То не стяжете ни источниковъ слезъ, ни очищенія плоти,
Или не увидите, какъ это совершается.
Итакъ, плачьте о себѣ самихъ, кайтесь
И повседневно проливайте горячія слезы,
Дабы омыть умныя очи сердца
И увидѣть тотъ Свѣтъ, возсіявшій въ мірѣ,
Который, сіяя, вопіетъ и зоветъ: „Азъ—свѣтъ міру“
(Іоан. 8, 12; 9, 5)

Былъ, есмь и буду, и хочу быть видимымъ.
Ибо для того Я и въ мірѣ пришелъ тѣлесно,
Единый содѣлавшись двоякимъ и единымъ также
оставшись,
Чтобы вѣрно поклоняющіеся Мнѣ, видѣнному, (какъ)
Богу,

И хранящіе заповѣди Мои невидимо
Просвѣщались и умно тайнонаучались славѣ
Страшнаго Божества Моего и воспринятой (Мною) плоти,
И точно уразумѣвая двойственность естества,
Несомнѣнно воспѣвали Меня тогда, какъ единаго Бога.
Ибо иначе невозможно хорошо познать домостроитель-
ство Мое

И снисхожденіе Мое, и придти въ страхъ,
И поклониться Мнѣ, какъ Богу, бывшему во образѣ че-
ловѣка

И несказанно пребывшему Богомъ,—
Двумъ нераздѣльнымъ, (какъ) единому ипостасію, а не
естествомъ.

Итакъ, Я есмь единъ, Богъ совершенный и человекъ
Всесовершенный, всецѣлый: плоть, душа, умъ и Слово,
Весь человекъ и Богъ въ двухъ сущностяхъ,
Двухъ также естествахъ, двухъ дѣйствованіяхъ
И двухъ воляхъ, и въ единой ипостаси,
Богъ вмѣстѣ и человекъ, единъ есмь отъ Троицы.
Увѣровавшіе ¹⁾, что Я такъ существую и познаю,

¹⁾ Въ П. р. поставлено причастіе настоящаго времени--вѣрующіе.

И чрезъ очищеніе прилежаніемъ и покаяніемъ
Возмогшіе увидѣть (Меня) въ чистомъ сердцѣ
И быть тайно наученными умно Моему домостроительству
Сами возлюбятъ Меня отъ всего сердца,
Сами же будутъ хранить и всѣ заповѣди Мои,
Изумленные Моимъ безмѣрнымъ благоутробіемъ;
Сами они и сопребывать будутъ со Мною и общниками
славы
Отца Моего будутъ во вѣки вѣковъ.

ЛII.

Блестящее изслѣдованіе о мысленномъ раѣ и о древѣ
жизни въ немъ ¹⁾).

Благословенъ Ты, Господи, благословенъ Ты единый, благословенъ благоутробный, преблагословенный, давший въ сердцѣ моемъ свѣтъ заповѣдей Твоихъ и насадившій во мнѣ древо жизни Твоей. Ты показалъ меня другимъ раемъ въ видимомъ: въ чувственномъ—мысленномъ, мысленномъ же съ чувствомъ, ²⁾ (и другимъ духомъ ³⁾), ибо Ты соединилъ съ душою (моею) иного Духа Твоего Божественнаго, Котораго и вселилъ во утробѣ моей. Это древо жизни истинно есть одно. На какой землѣ оно будетъ насаждено, т. е. въ душѣ челоуѣка, и (если) укоренится въ сердцѣ, то скоро показываетъ раемъ, наиблестяще украшеннымъ всякими прекрасными растеніями, деревьями и различными плодами, испещреннымъ цвѣтами и благоухающими лиліями. Это же есть смиреніе, радость, миръ, кротость, состраданіе, плачь, дожди слезъ и необычайное услажденіе въ нихъ, свѣтъ благодати Твоей, сіяющій всѣмъ находящимся въ раю. Ты—чапа, изливающая мнѣ токи жизни Твоей и обильно подающая глаголы Божественнаго вѣдѣнія. Если же Ты не восхоцешь, но (напротивъ) отымешь это, то я становлюсь безумнымъ и, какъ камень, безчувственнымъ. (Какъ) труба никогда не дастъ звука безъ вдыханія, такъ и я безъ Тебя—какъ бездуш-

¹⁾ Въ л. п. 34 глава; въ П. р. этотъ гимнъ не сохранился, такъ какъ въ оглавленіи онъ числится 47 словомъ.

²⁾ νοῦτον δ' ἐν αἰσθησεί; въ л. п. in intellectualibus autem sensibilem—въ мысленномъ же чувственнымъ.

³⁾ Эти слова взяты изъ л. п.

ный. Тѣло безъ души совершенно не можетъ дѣйствовать; такъ и душа безъ Духа Твоего не можетъ ни двигаться, ни соблюдать заповѣди Твои, Спасителю, ни видѣть Тебя не можетъ, ни предстоять Тебѣ, ни разумно воспѣвать славу Твою, о Боже мой! Поэтому я и вспію, поэтому и зываю къ Тебѣ, Который вверху находишься со Отцомъ и (внизу) съ нами, не однимъ дѣйствованіемъ, какъ разсуждаютъ нѣкоторые, и не одною волею или силою только Твоею, какъ думаютъ многіе, но (даже) и сущностію, если только позволительно говорить или мыслить о сущности въ Тебѣ, единый безсмертный и пресущественный. Ибо если Ты поистинѣ совершенно неизъяснимъ ¹⁾, невидимъ, непреступенъ, недомысленъ, неприкосновенъ, неосязаемъ и весь непостижимъ, Спасителю, то какъ мы наименуемъ Тебя? какъ посмѣемъ назвать Тебя сущностію и какого рода и какую? Ибо поистинѣ Ты, о Боже мой,—ничто изъ всего (существующаго въ природѣ), но всё дѣла Твои произведены изъ ничего, одинъ только Ты несотворенъ, одинъ безначаленъ, Спасителю,—Троица Святая и честная, Богъ всяческихъ. И ты показалъ намъ свѣтъ Твоей непорочной славы, который и нынѣ непрерывно подавай мнѣ, Спасителю. Дай мнѣ всегда чрезъ него, какъ бы въ зеркалѣ, видѣть (и созерцать) Тебя, Слово, и хорошо (узнѣть и) уразумѣть неизъяснимую красоту Твою, которая, будучи совершенно недомысленна, болѣе чѣмъ поражаетъ умъ мой, приводить въ изступленіе мысли мои и возжигаетъ въ сердцѣ моемъ огонь любви къ Тебѣ; онъ же, содѣлываясь пламенемъ Божественнаго желанія, яснѣе показываетъ мнѣ славу Твою, Боже мой. Поклоняясь ей, молю Тебя, Сыне Божій, дай мнѣ и нынѣ и въ будущемъ (вѣкѣ) непрестанно имѣть ее и чрезъ нее вѣчно созерцать Тебя—Бога. Не дай мнѣ, Владыко, суетной славы міра сего, ни богатства гибнущаго, ни талантовъ золота, ни высокаго престола, ни пачальства надъ этими тлѣнными (вещами); соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, (дабы и я также сдѣлался смиреннымъ и кроткимъ) ²⁾. И если это служеніе мое я прохожу не къ пользѣ (своей), не къ благоугожденію Твоему и почитанію, то бла-

¹⁾ Въ л. п. нѣтъ слѣдующихъ словъ до: то какъ...

²⁾ Слова въ скобахъ изъ л. п.

говори (миѣ) сподобиться его ¹⁾, и оплакивать одни только грѣхи свои, и имѣть попеченіе объ одномъ праведномъ судѣ Твоемъ и о томъ, какъ я буду отвѣчать (Тебѣ), много разъ Тебя прогнѣвлявшій.

Ей, Пастырю сострадательный, добрый и кроткій, хотящій всѣмъ вѣрующимъ въ Тебя спастися, помилуй и услыши эту мольбу мою: не прогнѣвайся и не отврати лица (Твоего) отъ меня, но научи меня исполнять Твою волю. Ибо я не ищу, чтобы была моя воля, но Твоя, дабы и я послужилъ Тебѣ, Милостиве. Заклинаю Тебя, помилуй (меня), по естеству милостивый (Псал. 85, 15), и сотвори полезное жалкой душѣ моей, ибо Ты—Богъ человѣколюбивый, одинъ несозданный, безконечный, поистинѣ всемогущій, Ты—жизнь всѣхъ и свѣтъ всѣхъ возлюбившихъ Тебя и Тобою, Человѣколюбче, весьма возлюбленныхъ. О если бы и меня къ нимъ сопричель Ты, Владыко, и содѣлалъ общникомъ и сонаслѣдникомъ Твоей Божественной славы! Ибо Тебѣ подобаеъ слава, Отцу съ собезначальнымъ Сыномъ и Божественнымъ Духомъ во вѣки вѣковъ.

III.

МОЛЕНІЕ И МОЛИТВА ПРЕПОДОБНАГО КЪ БОГУ О (ДАРОВАНИИ ОТЪ) НЕГО ПОМОЩИ ²⁾.

Владыко Христе, Владыко Душеспасе, Владыко Боже всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ силъ, какъ Творецъ всего, что на небѣ и превыше неба и всѣхъ небесъ, равно и того, что на землѣ и подъ землею. Ты—Господь и Богъ и Владыка (всего) этого, Ты въ рукѣ Своей содержишь тварь, такъ какъ ею объемлешь все. Рука Твоя, Владыко, есть та великая сила, которая, исполняя волю Отца Твоего, производитъ, содѣлываетъ, творить и управляетъ нашими (дѣлами) неизреченнымъ образомъ. Итакъ, она и меня нынѣ, произведя изъ небытія, привела къ бытію. Я же, родившись, былъ въ этомъ мірѣ совершенно невѣдущимъ Тебя, благаго Владыку.

¹⁾ Въ л. п. адѣсь нѣсколько иначе: *ut eo abdicatus, tantummodo etc.*—чтобы я, отказавшись отъ него, оплакивалъ только и пр.

²⁾ Въ л. п. 24 глава; въ П. р. и этотъ гимнъ не удѣлѣлъ, такъ какъ въ оглавленіи онъ значится 37 словомъ.

Тебя—Создателя моего, Тебя, о Творче мой, и былъ какъ бы слѣпцомъ въ мірѣ и безбожникомъ, не зная Бога моего. Итакъ, Ты Самъ помиловалъ (меня), посѣтилъ и обратилъ, возсіявъ мнѣ во тьмѣ свѣтомъ, и привлекъ меня къ Себѣ Самому, о Создателю! и изведши изъ преисподнѣйшаго рова— тьмы страстей, глубочайшей тьмы похотей и удовольствій житейскихъ, показалъ мнѣ путь и далъ мнѣ вояждя, руководствующаго къ (соблюденію) заповѣдей Твоихъ, послѣдую которому, я жилъ беззаботно и радовался, Слове, неизреченною радостію, видя его послѣдующимъ стопамъ Твоимъ и часто бесѣдующимъ съ Тобою. И даже видя Тебя, благого Владыку, (непосредственно) сопробывающимъ съ вождемъ и отцомъ моимъ (духовнымъ), я возымѣлъ невыразимую, превыше вѣры и надежды, любовь и желаніе (къ Тебѣ). Вотъ я вижу будущее, говорилъ я, пришло царство небесное, и я вижу предъ очами своими тѣ блага, конхъ око не видѣло и ухо не слышало (I Кор. 2, 9); имѣя ихъ, на что еще большее я буду надѣяться? или на чемъ другомъ я покажу свою вѣру, ибо иного большаго сверхъ этого не будетъ? Когда я былъ въ такомъ (состояніи) и утѣшался имъ, Ты взялъ отъ земли, увы мнѣ, отца моего, восхитилъ вояждя моего отъ очей моихъ, Человѣколюбче, и оставилъ меня одного, совершенно сирымъ, совершенно одинокимъ, совершенно лишеннымъ всякой помощи, и предстоятелемъ, увы мнѣ, и пастыремъ стада меня, поистинѣ беззащитнаго странника, Самъ поставилъ, имиже вѣси судьбами. Поэтому нынѣ Тебя (только) я умоляю, прошу и, припадая, взываю: не отвратись, не покинь меня и не оставь, о Владыко мой, меня одного. Ты знаешь трудность шествія по пути этому, знаешь неистовство разбойниковъ, (злоумышляющихъ) противъ насъ, знаешь множество злыхъ звѣрей; Ты знаешь, Христе мой, немощь мою и невѣдніе, которыми одержимъ я, какъ человѣкъ. Однако я совершенно не считаю себя и человѣкомъ, но далеко отстоящимъ отъ людей. Ибо во всемъ я послѣдній изъ всѣхъ и поистинѣ малѣйшій изъ всѣхъ людей. Излей на меня, прошу, Царю и Боже мой, великую Твою милость, которая да восполняетъ, Спасителю, лишенія и недостатки мои и да содѣлаетъ меня человѣкомъ цѣлымъ, совершеннымъ, (неповрежденнымъ), не лишеннымъ ничего необходимаго, и такъ да поставитъ меня предъ Тобою, Слове, неосу-

жденнымъ и непорочнымъ рабомъ Твоимъ, воспѣвающимъ Тебя во вѣки вѣковъ.

LIV

Молитва ко Святой Троицѣ ¹⁾

О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Благо неисчерпаемое, для всѣхъ текущее,
Красота многолюбезная, не имѣющая насыщенія,
Черезъ вѣру одну и сверхъ надежды спаси меня.
О Свѣтъ трисіянный, о Троица Пресвятая,
Троица лицами и Единица существомъ,
Черезъ вѣру одну и сверхъ надежды спаси меня.
Источникъ премудрости, изліяніе святости,
Черезъ вѣру одну и сверхъ надежды спаси меня.
О огонь, очистительный для грѣховъ,
Душу мою очисти отъ прегрѣшеній,
(Душу мою омой отъ невѣдѣнія ²⁾),
Душу мою исхити отъ сквернъ,
Властвуй надъ помышленіями души моеей,
Царствуй надъ представленіями ума (моего) ³⁾,
Покажи меня всесильнымъ царемъ надъ страстями,
Господствомъ ума возсіяй въ сердцѣ моемъ,
Освободи отъ всякаго грѣха,
Просвѣти и украси омраченнаго,

¹⁾ Ея нѣтъ ни въ л. п., ни въ П. р. Въ славянскомъ переводѣ съ незначительными измѣненіями эта молитва имѣется въ слѣдовавшей псалтири старой печати, послѣ молитвъ ко причащенію; мы нашли ее еще въ „Правилѣ ко св. причащенію“ Синодальнаго изданія М. 1890. стр. 170 обор.—174. Въ славянскомъ переводѣ она надписана, какъ „молитва Симеона Метафраста“. Однако въ числѣ молитвъ, извѣстныхъ съ именемъ Симеона Метафраста, этой молитвы мы не находимъ. См. МР. gr. t. 114 col. 130 А. 220—225. Симеона Метафраста и Симеона НБ. раньше иногда смѣшивали, и даже въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ творенія Симеона НБ. ошибочно надписаны одновременно и именемъ Метафраста. См. *ibid.* col. 144 АВ. Такимъ путемъ и настоящая молитва могла быть написана Симеону Метафрасту.

²⁾ Этотъ стихъ, какъ и другіе стихи въ данной молитвѣ, поставленные въ скобахъ, взяты изъ славянск. перевода.

³⁾ Этотъ и предыдущій стихъ въ славянск. переводѣ молитвы читаются такъ: „душу мою удержи отъ помышленій, умъ же воцари надъ разуменіемъ“...

Возри на меня окомъ милостивѣйшимъ,
(Очисти и удобри потемнѣннаго).

О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Ты мнѣ подай свѣтоноснаго Ангела,
Уму помощника, пѣстуна, защитника,
(Хранителя души моей и тѣла),
Руководителя, направляющаго ко спасенію.
Очисти душу мою и плоть,

Ты меня смертнаго содѣлай освященнымъ,
Ты меня устрани отъ земного мудрованія,
Ты иссуши во мнѣ источники злобы,
Ты мнѣ источи дожди слезъ.

Ибо Ты—Богъ сострадательный, благодѣтель,
Незлюбивый ко всѣмъ беззаконновавшимъ,
Весьма доступный для всѣхъ согрѣшившихъ
И долготерпѣливый ко всемъ отвергшимся.

Неправеднымъ и освященнымъ,
Не безпорочнымъ и просвѣщеннымъ ¹⁾

Ты опредѣлилъ спасеніе искупленія.

Ты подаль образы покаянія даже и

Мнѣ нечистому и непотребному,

Мнѣ лукавому и скверному,

Мнѣ помраченному и оскверненному.

Ибо я беззаконничалъ болѣе древнихъ,

Весьма прогнѣвалъ и раздражилъ Тебя;

Свыше числа безчисленныхъ звѣздъ,

Свыше песка морского я согрѣшилъ предъ Тобою;

Нѣтъ (такого) вида зла и лукавства,

Нѣтъ постыдной злобы и порока,

Котораго я не совершилъ во всякое время и (на всякомъ) мѣстѣ,

Душою, помысломъ, словами и дѣлами.

Умножились мои пороки и мерзости,

(Безъ числа умножились мои злодѣянія),

Увеличилось бремя грѣховъ моихъ, (какъ бы желѣзное) ²⁾.

¹⁾ Въ славянск. перев. этотъ стихъ вмѣстѣ съ предыдущимъ читается иначе: „неправедныхъ освящай, не непорочныхъ просвѣщай“...

²⁾ Это прибавленіе къ стиху также заимствовано изъ славянск. перев. молитвы.

Мысленными цѣпями согбена шея моя,
Неизбѣжными узами сжато сердце мое,
Я не могу поднять голову,
И нѣтъ (мнѣ) ослабленія въ совѣсти.
Я недостойно взираю на высоту небесную,
Нестойно попираю прахъ земной,
Нестойно вижу видѣніе смертныхъ,
Нестойно бесѣдую съ ближнимъ.
Ибо я вконецъ разжегъ ярость Твою,
Нестойно воспламенилъ страшный гнѣвъ (Твой),
Весьма прогнѣваль и раздражилъ Тебя,
Содѣлавъ предъ Тобою всякую мерзость,
Ничего не возжелавъ изъ Твоихъ непорочныхъ желаній,
Ничего не возлюбивъ изъ Твоихъ вождѣльныхъ судьбъ,
Ничего не сохранивъ изъ Твоихъ премудрыхъ повелѣній,
Ничего не удержавъ изъ Твоихъ властныхъ глаголовъ.
И нынѣ приклоняю предъ Тобою колѣно сердца моего,
Склоняю главу омраченную,
Склоняю выю непотребную,
Предъ благостію Твоею приклоняю выю,
Благости Твоей приношу моленіе:
Согрѣшилъ я, беззаконничалъ и развратился,
(Согрѣшилъ, сотворилъ неправду и преступилъ запо-
вѣди Твои),
Согрѣшилъ, содѣлалъ неправду и явился осужденнымъ,
Согрѣшилъ, отвергся и не устыдился.
Но умоляю благость Твою,
Но молю незлобіе (Твое).
Но упрашиваю крайнее благоутробіе,
Но зываю къ Тебѣ: спаси и помилуй меня,
Остави множество грѣховъ моихъ,
Остави ужасны долги мои,
Остави многія скверны мои,
Остави всѣ мои мерзости,
И не сокруши меня со грѣхами,
И не умертви меня съ беззаконіями,
Не восхити меня со злыми помыслами,
Не сожги меня съ мерзостями,
Не лиши меня вѣчныхъ благъ,
Не отвергни меня отъ безсмертной трапезы.

Не устрани меня отъ радости святыхъ,
Не лиши меня спасенія моего.
И снова подай мнѣ даръ крещенія--
Монашескій образъ ¹⁾, Божественный и великій,
Ибо прежній я осквернилъ грѣхами,
Прежній сдѣлалъ бесполезнымъ мерзостями.
(Даруй мнѣ покаяніе, Владыко),
Сподоби священнаго причащенія,
Хлѣба жизни и чаши Боготочной крови,
Во изглаженіе многихъ согрѣшеній,
Во избавленіе, въ очищеніе, во спасеніе.
Въ послѣдній же горькій часъ смерти,
Часъ тяжелый и мучительный
Часъ темный и мрачный,
Спаси, сжаляся и помилуй меня;
Душу кротко отдѣли отъ плоти,
Отъ моей негодной плоти,
Мрачную душу покажи просвѣщенною
И избави отъ лукавыхъ бѣсовъ.
Всѣ рукописанія грѣховъ
И записи долговъ моихъ
Разорви, разсыпь въ бездну ада,
Расторгни, испепели, попали до конца.
Попли тогда кроткихъ и свѣтлыхъ Ангеловъ,
Отражающихъ толпы бѣсовъ,
Восхищающихъ душу отъ наказанія,
Сострадательныхъ къ душѣ мучимой,
Возносящихъ (ее) горѣ безъ грѣховъ
Къ трисвѣтлomu и единому Царю ²⁾,
Соединяющихъ ее со всѣми спасаемыми
И сподобляющихъ радости святыхъ.
Въ (качествѣ) посредника пріими благость Твою,
Избранной ходатаицей дай мнѣ благодать Твою,
Благостыню, незлобіе,
Состраданіе и крайнее благоутробіе.

1) Въ славянск. переводѣ вмѣсто--монашескій образъ читается: образъ второго покаянія.

2) Въ славянск. перев. „горѣ возносящія поклонитися престолу огне-образному и просвѣтованному“.

Прими вторую высочайшую ходатаицу—
Радование міра, Матеродѣву—Отроковицу,
Божественную лѣствицу, одушевленный жезлъ и пре-
столь.

Прими ходатаемъ молніеблещущій чинъ:
Престоловъ, Херувимовъ и огненныхъ Серафимовъ,
Господства, Силы, Власти,
Начала, Архангеловъ и Ангеловъ.
Прими ходатаемъ свѣтлаго и свѣтоноснаго
Предтечу Твоего, освященнаго
Прежде пеленъ, провозвѣстника и Богопронувѣдника,
Прежде Владыки возсіявшаго находящимся во тьмѣ.
Прими ходатаями лики святыхъ:
Сонмы пророковъ, патриарховъ, отцовъ,
Апостоловъ и вѣнценосныхъ мучениковъ
И всѣхъ другихъ свѣтоносныхъ святыхъ.
Прими ходатаицей Марію Египетскую,
Человѣка отъ земли, однакоже небожественнаго.
Прими ходатаемъ Онуфрія Великаго,
Обнажившаго тѣло, въ Божественную же одежду
Добрыхъ дѣлъ облекшагося чудно.
Прими ходатаемъ Марка Аѳинянина ¹⁾,
Ефрема Сирина ²⁾ и всѣхъ святыхъ.
Ибо Ты—Богъ сострадательный, благодѣтель,
Богъ кроткій для законопреступничавшихъ,
Богъ подающій искупленіе грѣховъ,
Богъ дарствующій всѣмъ спасеніе.
О если бы же и на мнѣ Ты показалъ благость (Твою)!
О если бы и на меня Ты излилъ токи благоутробія Твоего!
Ибо я законопреступничалъ болѣе всѣхъ,
Отъ самой утробы (матери) и до нынѣшняго времени.

1) Маркъ Аѳинянинъ, вначѣ Маркъ Фрагескій, подобно Онуфрію Велик., полвизаясь въ пустынѣ, вмѣсто одежды имѣлъ власы свои и за необычайно суровые подвиги удостоился и необычайныхъ дарованій. Скопчался онъ 130 лѣтъ около 400 г. Память Марка Аѳинянина 5 апрѣля.

2) Въ славянск. перев. молитвы нѣтъ упоминанія о Маркѣ Аѳинянинѣ и Ефремѣ Сирийцѣ. Всѣ названые въ молитвѣ святые, жизнь которыхъ относится къ IV вѣку (за исключеніемъ Маріи Египетской, жившей въ V—VI вѣкѣ), представляютъ собою величайшихъ подвижниковъ, главнымъ образомъ дѣлателей и учителей покаянія.

Спаси меня вопреки достоинству и сверхъ надежды,
Через одну Твою благодать и благодатьню,
Чтобы я благословлялъ и съ любовью величалъ Тебя,
Дабы благодарилъ и искренно воспѣвалъ;
Въ будущемъ же спасительномъ вѣкѣ
Чтобы и я благословилъ благословеннаго Владыку,
Котораго благословляютъ силы небесныя
Во всѣ неисчислимыя вѣки.

LV.

Другая молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о
святомъ причащеніи ¹⁾).

Отъ скверныхъ устъ, отъ мерзкаго сердца,
Отъ нечистаго языка, отъ оскверненной души
Прими моленіе, Христе мой, и, не отвергнувъ
Ни словъ моихъ, ни обращеній, ни безстыдства,
Дай мнѣ съ дерзновеніемъ говорить то, о чемъ возна-
мѣрился я, Христе мой,
Лучше же научи, что мнѣ должно дѣлать и говорить.
Я согрѣшилъ болѣе блудницы, которая, узнавъ, куда
Ты зашелъ,

Купивъ муро, смѣло пришла помазать
Ноги Твои, Христа моего, Владыки и Бога моего.
Какъ ты не отвергъ Ты, приступившую отъ сердца,
(Такъ) и мною не возгнушайся, Слово, но подай мнѣ
Твои ноги

И держать, и цѣловать, и струею слезъ,
Какъ бы драгоценнымъ муромъ, ихъ дерзновенно по-
мазать.

Омой меня слезами моими, очисти меня ими, Слово,
Остави и грѣхи мои и подай мнѣ прощеніе.
Ты знаешь множество золъ (моихъ), знаешь и язвы мои,
И струпы мои видишь, но и вѣру (мою) знаешь,
И произволеніе видишь, и дыханія слышишь.

¹⁾ Этой молитвы также нѣтъ ни въ II. р., ни въ л. п.; въ греческ. же изданіи твореній Симеона НВ. это послѣдній 55 гимнь, заканчивающій 2-ю часть и вмѣстѣ всю книгу. Въ славянск. переводѣ эта другая молитва преп. Симеона донынѣ печатается во всѣхъ нашихъ молитвословахъ, какъ 6 или 7 молитва ко причащенію.

Не сокрыта отъ Тебя, Боже мой, Творче мой, Искупителю мой,

Ни одна капля слезъ, ни (даже) часть нѣкая капли.

„Несдѣлаемое мое видѣсть очи Твоя“,

И въ книгѣ Твоей не сдѣланное еще

Написано у Тебя (Псал. 138, 16). Виждь смиреніе мое,

Виждь трудъ мой, сколь великъ онъ, и все грѣхи

Остави мнѣ, Боже всяческихъ, дабы я съ чистымъ сердцемъ,

Трепетною мыслию и съ сокрушенною душою

Причастился пречистыхъ Твоихъ и пресвятыхъ тайнъ,

Черезъ которыя обожается и оживляется всякъ ядущій Тебя и пьющій

Отъ чистаго сердца. Ибо Ты, Владыко мой, сказалъ:

Всякъ „ядый Мою плоть и пійи Мою кровь

Во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ“ есмь (Іоан. 6, 56).

Совершенно истинно это слово Владыки и Бога моего,

Ибо причащающійся Божественной и боготворящей благодати

Отнюдь не одинъ есть, но съ Тобою, Христе мой,

Трисолнечнымъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ міръ.

Итакъ, да не останусь и я одинъ безъ Тебя—Жизнодавца,

Дыханія моего, жизни моей, радости моей,

Спасенія міра. Поэтому и приступилъ я къ Тебѣ,

Какъ видишь, со слезами и сокрушенной душою,

Умоляя (о томъ, чтобы) получить мнѣ искупленіе моихъ грѣховъ

И неосужденно причаститься Твоихъ жизнеподательныхъ

И непорочныхъ тайнъ, чтобы Ты пребывалъ, какъ сказалъ,

Со мною несчастнѣйшимъ, дабы обольстителю, найдя меня безъ

Благодати Твоей, коварно не похитилъ меня

И, прельстивъ, не удалилъ отъ боготворящихъ Твоихъ словъ.

Поэтому я припадаю къ Тебѣ и горячо взываю:

Какъ принялъ Ты блуднаго (сына) и блудницу, пришедшую (къ Тебѣ),

Такъ пріими и меня блуднаго и распутнаго, Милостивѣ.
Ибо, приступая къ Тебѣ нынѣ съ сокрушенною душою,
Я знаю, Спасителю, что (никто) другой не согрѣшилъ
предъ Тобою такъ, какъ я,

Ни дѣяній такихъ не содѣлалъ, какія я совершилъ.
Но я знаю также и то, что ни тяжесть преступленій,
Ни множество грѣховъ не превосходятъ великаго
Долготерпѣнія и крайняго человѣколюбія Бога моего.
Но горяча кающихся Ты елсеешь состраданія
И очищаешь, и просвѣтляешь, и дѣлаешь причастни-

ками свѣта,
Безъ зависти содѣлывая (ихъ) общниками Божества
Твоего,

И—что чудно для Ангеловъ и для человѣческихъ умовъ—
Часто бесѣдуешь съ ними, какъ съ искренними друзь-
ями Твоими.

Это-то и дѣлаешь меня дерзновеннымъ, это окрыляетъ
меня, Христе мой,

И я, уповая на Твои обильныя благодѣянія къ намъ,
Радуюсь вмѣстѣ и трепеща, причащаюсь огня,
Будучи сѣномъ и—дивное чудо—несказанно орошаемъ,
Какъ нѣкогда купина неопалимо горѣвшая.

Итакъ, благодарнымъ умомъ, благодарнымъ сердцемъ,
Благодарными членами души и тѣла моего
Я поклоняюсь, величаю и славлю Тебя, Боже мой,
Какъ благословеннаго нынѣ и во вѣки.

LVI.

О томъ, что каждому изъ людей Богъ далъ приро-
жденное и полезное дарованіе чрезъ Духа Святаго,
чтобы дѣйствовать не такъ, какъ самъ онъ желаетъ,
но какъ предопредѣлено отъ Него, дабы не быть без-
полезнымъ среди (членовъ) Церкви Его ¹⁾.

Подобно тому, какъ каждый имѣетъ свой (родъ) дѣятель-
ности, но не самъ отъ себя принялъ (его), а отъ [всѣхъ]
насъ, конечно; ибо мастеръ для всякаго (дѣла), какого бы

¹⁾ Предыдущій 55 гимнъ, какъ сказано уже было, является послѣднимъ въ греческомъ изданіи твор. преп. Симеона НБ. Подлинный текстъ на-

ни пожелалъ, изготовляетъ (свое) орудіе и искусно дѣйствуетъ (имъ); поэтому нельзя жать нивы лопатою, ни плотничать серпомъ, ни строить ножомъ, ни копать пилою, ни шить топоромъ, ни рубить дрова палкою, ни копьемъ не должно пилить, ни мечомъ метать, ни лукомъ рѣзать, но каждымъ (орудіемъ) приспособительно должно пользоваться для каждаго (дѣла); если же ты будешь употреблять ихъ не для того, для чего они сдѣланы, но иначе, то совершенно погибла жизнь твоя и всякое (твое) дѣйствіе; такимъ же образомъ, пойми меня, и Богъ сотворилъ насъ, (чтобы) каждый вѣрній совершалъ въ жизни (свой) дѣла: однихъ Онъ поставилъ учить, другихъ учиться, иныхъ начальствовать надъ многими, другихъ же подчиняться имъ, и однимъ Онъ далъ премудрость, другимъ знаніе и слово, инымъ (далъ) пророчествовать, другимъ говорить языками, инымъ творить чудеса и производить силы, другихъ показалъ предстоятелями,—(все) это духовныя (дарованія). Но назовемъ и иныя дарованія Творца, которыя Онъ далъ людямъ каждому по достоинству: (такъ) одного Онъ сотворилъ крѣпкимъ по тѣлу, другого же болѣе красивымъ, а иного съ лучшимъ голосомъ, чѣмъ другіе. И вообще каждому изъ людей Онъ даровалъ по достоинству (свой) даръ и преимущество, какъ одинъ Онъ знаетъ—Богъ и Творецъ всѣхъ, неизреченнымъ образомъ, для полезной дѣятельности въ жизни. Поэтому каждый пригоденъ не къ тому ремеслу, какого самъ онъ желаетъ, но для какого онъ созданъ, и къ нему онъ имѣетъ природную способность и свойства. И ты можешь увидѣть

стоящаго гимна взять изъ того же греческ. изд. твор. Симеона; но этотъ гимнъ присоединенъ къ концу 47 гимна, о чемъ также было уже упомянуто въ одномъ изъ примѣчаній. Такимъ образомъ, въ греческ. изданіи этотъ гимнъ не имѣетъ особаго заглавія, а также, повидимому, и начала. Въ л. л. этого гимна совершенно нѣтъ, а въ П. р., гдѣ онъ извѣстенъ, какъ 54 слово, для него сохранилось только заглавіе, которымъ мы и воспользовались для своего перевода. Алляцію гимны Симеона НБ. извѣстны были въ томъ же количествѣ и порядкѣ, что и въ П. р. Поэтому и въ приведенномъ имъ оглавленіи гимновъ настоящій гимнъ стоитъ подъ тѣмъ же 54 номеромъ. Замѣчательно, что и у Алляція этотъ гимнъ значится также безъ начала, по съ тѣхъ же словъ, какими онъ начинается и въ греческ. печатномъ текстѣ и которыми онъ непосредственно примыкаетъ къ концу 47 гимна. См. MP, gr. t. CXX, L. Allacius de Symeonum scriptis, col. 304D.

(какъ) пловца, искусно переплывающаго морскія пучины и веселящагося (отъ этого) гораздо болѣе всадника-вздока на быстромъ конѣ, (такъ) и земледѣльца, рѣжущаго плугомъ борозды земли и пару рабочихъ воловъ считающаго гораздо лучшею царской четверни; поэтому онъ и радуется, утѣшается (своими) благими надеждами. Воинъ же наоборотъ себя считаетъ выше всѣхъ земледѣльцевъ и мореплавателей и ремесленниковъ и, какъ обладающій славою, гордится, идя на закланіе и [имѣя] скончаться безвременною смертію. Поэтому ему совершенно несносно будетъ ни грестъ весломъ, ни держать заступъ, ни стать плотникомъ, ни корабельщикомъ, ни земледѣльцемъ или землепашцемъ не пожелаетъ онъ быть. Но каждый, какъ я сказалъ, будетъ дѣйствовать въ томъ (родѣ) дѣятельности, который онъ получилъ отъ Бога. Иначе же человѣкъ совершенно не можетъ въ этой жизни ни сдѣлать что-либо, ни [даже] пожелать начатія (дѣла). Ибо вотъ, снова говорю я тебѣ, о чемъ и раньше сказалъ, какъ никогда невозможно, чтобы (какое-либо) изъ всѣхъ названныхъ орудій само собою пришло въ движеніе для дѣйствія или дѣйствовало безъ руки человѣка, берущаго и изготовляющаго имъ что-либо; такъ и человѣкъ безъ руки Божественной не можетъ помыслить или сдѣлать что-либо доброе. Ибо и меня (также) Художникъ—Слово устроило, каковымъ Само пожелало, и поставило въ мірѣ.

Итакъ, скажи, какъ возмогу я помыслить что-либо, или сдѣлать, или вообще дѣйствовать безъ Божественной силы? Даровавшій мнѣ умъ, какой, конечно, Онъ восхотѣлъ, Самъ даетъ и мыслить о томъ, что знаетъ, (какъ) полезное, и подаетъ мнѣ силу дѣйствовать, что Ему угодно. Итакъ, если я сотворю это (последнее), то Онъ дастъ, конечно, большее и человѣколюбно подастъ мудрствовать и о болѣе совершенномъ. Если же я пренебрегу и этимъ самымъ, немногимъ, то поистинѣ праведно лишусь ввѣреннаго мнѣ отъ Бога--Подателя и сдѣлаюсь бездѣйственнымъ и негоднымъ орудіемъ, какъ не восхотѣвшій творить заповѣди Творца, но предавшійся лѣности и нерадѣнію. Потому и отвержень я отъ рукъ Владыки, ибо, вкусивъ непослушанія къ Нему и непокорности, я изгнанъ изъ истиннаго рая, ставъ далекимъ отъ Бога и отъ рукъ святыхъ.

Итакъ, найдя меня лежащимъ и всего предавшимся без-

дѣйствию въ добрѣ, вселукавый змѣй льстиво содѣлалъ (меня) непотребнымъ чрезъ всякія безчестныя дѣла, которыми я услаждался, казалось, и радовался, вмѣсто чего мнѣ должно было бы печалиться, плакать и рыдать, такъ какъ я добровольно, несчастный, отступилъ отъ того, для чего я созданъ дѣйствовать, и самопроизвольно предалъ себя всему противоестественному, впавъ несчастнѣйшимъ образомъ въ скверныя руки врага, которымъ я всецѣло и держимъ и движимъ, не будучи въ состояніи, жалкій, противиться ему. Ибо какъ бы я могъ противиться, будучи мертвымъ? Хитро обольщенный, я несчастный сдѣлался органомъ всякаго порока, всякаго беззаконія и искуснымъ орудіемъ злого дѣланія. Ибо, держа меня въ рукѣ и сильно влеча, онъ (змѣй) осквернилъ меня злодѣянїями и всевозможными нечистотами, ввергнувъ меня въ острыя зловонія и заставивъ, о безчувствіе, увеселяться ими: хищенїями, завистію и неправедными смертоубійствами, ругательствами, гнѣвомъ и, говоря кратко—во всякомъ видѣ порока онъ напелъ меня дѣйствующимъ, лучше же самъ воспользовался мною, хотя и не хотѣлъ я. Съ тѣхъ поръ вѣдь, какъ я добровольно отвергся руки Бога и святыхъ Его, меня похитилъ страшный князь-душетлитель и держалъ меня въ рукѣ своей, и несмотря на то, что я хотѣлъ, не могъ болѣе не совершать (дѣль) его, но дѣйствовалъ по зѣмъ его желанїямъ. Ибо мечъ не можетъ противорѣчить держащему, но гдѣ ни пожеласть держащій, (тамъ) и пользуется имъ.

Сотворившій же меня Богъ, прирѣвъ свыше и увидѣвъ меня держимымъ въ рукѣ тирана, сжалился и исхитилъ меня изъ руки его, и снова ввелъ въ Божественный рай, въ виноградникъ Свой, и предалъ меня въ руки земледѣльцевъ—святыхъ, чтобы я совершалъ Божественныя (дѣла), воздѣлывалъ добродѣтели, хранилъ заповѣди и не двигался безъ руки святыхъ, дабы дѣлатель зла, снова найдя меня пребывающимъ внѣ святой руки (Божїей), не похитилъ и опять не заставилъ меня совершать (дѣла) его. Итакъ, тѣ добрые и сострадательные земледѣльцы, воспринявъ меня и взявъ въ свои руки всю мою волю, повелѣли мнѣ немедленно упражняться въ смиренїи и покаянїи и непрестанно плакать. Ибо хранящіе, чадо, сказали они мнѣ, эти три (добродѣтели) и пребывающіе въ добромъ ихъ дѣланїи вскорѣ, какъ бы

не замѣчая, возводятся къ славѣ, очищенію, безстрастію и Божественному созерцанію, и не бываютъ болѣе улавливаемы руками ненавистника, но получаютъ отъ Бога прощеніе всѣхъ грѣховъ и вмѣстѣ всѣхъ согрѣшеній, и такимъ образомъ содѣлываются сынами Вышняго и Богами по благодати и благопотребными орудіями, совершающими всякое добро; лучше же (сказать) Божественные земледѣльцы наставляютъ и другихъ на дѣянія поистинѣ благія, на дѣла спасенія.

Повѣривъ имъ, послушайте всѣ, и сотворивъ, и въ руки этихъ земледѣльцевъ и рабовъ Божіихъ по повелѣнію Его всего себя предавъ, я пашель все (это) непреложно сбывшимся на мнѣ, и изумился, и кричу всѣмъ, громогласно взывая и увѣщаывая и говоря (ибо я не могу погребти этого молчаніемъ): тѣ, которые чувствуете, что находитесь внѣ рукъ Божіихъ и святыхъ Его, бѣгите, поспѣшите и прилѣпите къ нимъ нерасторжимо, вѣрю и горячею любовію и всецѣлымъ произволеніемъ, отбросьте всякое мудрованіе и свою волю, и въ руки ихъ предайте души свои, какъ бездушныя орудія, помимо ихъ ничего совершенно не творя, не двигаясь и не дѣйствуя. Мудрованіе же ихъ да будетъ вашимъ (мудрованіемъ), а также и святая воля ихъ да исполняется вами, какъ воля Божія. И такимъ образомъ, пройдя краткимъ и совершенно непреткновеннымъ путемъ, вы будете друзьями Бога Вышняго и въ немного дней сдѣлаетесь наслѣдниками царства небеснаго и неизреченныхъ благъ. Ибо вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ взойдете на этотъ правый путь, вы будете сопричислены ко всѣмъ святымъ, и Онъ всѣхъ васъ содѣлаетъ блаженными.

И обо мнѣ, болѣе всѣхъ смертныхъ согрѣшившемъ и прощедшемъ этимъ жесткимъ, узкимъ, краткимъ и безопаснымъ путемъ, изводящимъ на широту жизни вѣчной, какъ показавшемъ вамъ (его), помолитесь всѣ, добродотно пожелавшіе шествовать по нему и ревностно слѣдовать по стопамъ Христа, дабы и я и вы оказались испорочно ходящими имъ до конца жизни; да и тѣ (также), которые желаютъ увидѣть Христа,—дабы вмѣстѣ съ радостію оставивъ тѣла, пошли мы къ тамошнему покою и къ райскому простору, и явились наслѣдниками той жизни. И неразлучные съ Богомъ и всѣми святыми во Христѣ—Единородномъ Сынѣ и Богѣ—Словѣ съ Божественнымъ Духомъ, мы пребудемъ со Св. Троицею нынѣ и всегда и во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

LVII.

О томъ, что СМЕРТЬ КАСАЕТСЯ И БОЛѢЕ КРѢПКИХЪ ПО ПРИРОДѢ ¹⁾).

Изумительную новость услыхалъ я:
Природа невещественная, крѣпчайшая камня,
Равная (такъ) называемому адаманту, поддалась.
Тотъ, кого не укрощалъ ни огонь, ни желѣзо,
Сдѣлался воскомъ, бывъ сплетенъ со свинцомъ ²⁾.
Теперь я вѣрю, что малая капля воды
Отъ времени долбитъ крѣпость камня;
И поистинѣ (нѣтъ) ничего неизмѣннаго въ жизни.
Да не подумаетъ кто-либо отсюда, что я оболщаю.
Горе тому, кто смотритъ на скоротечныя (блага) сей
жизни,
Какъ на удержимыя, и услаждается ими;
Онъ убѣдится въ томъ, въ чемъ и я несчастный.
Ночь разлучила меня отъ сладчайшаго брата,
Прервавъ нераздѣльный свѣтъ (нашей) любви.

LVIII.

Какъ этотъ Божественный Отецъ, видя славу Божию, былъ дѣйствуемъ Св. Духомъ. И о томъ, что Божество находится внутри и внѣ всего (мира), но Оно и уловимо и неуловимо для достойныхъ; и что мы—домъ Давидовъ; и что Христосъ и Богъ, содѣлывающийся многими нашими членами, есть одинъ и тотъ же и пребываетъ нераздѣльнымъ и неизмѣннымъ ³⁾.

Когда Ты открываешь Себя, Владыко всяческихъ, и яснѣе показываешь славу лица Твоего, я весь трепещу, созерцая

¹⁾ Этотъ гимнъ взятъ изъ П. р., гдѣ онъ помѣщенъ какъ 10 слово. Подъ тѣмъ же номеромъ онъ извѣстенъ и въ л. и. Въ греческ. изданіи твор. преп. Симеона НВ. нѣтъ какъ этого, такъ и трехъ остальныхъ гимновъ; подлинный текстъ ихъ доселѣ не изданъ. Настоящій гимнъ написанъ преп. Симеономъ, очевидно, по поводу внезапной смерти одного изъ близкихъ и дорогихъ ему лицъ.

²⁾ *ἐπιλεχθεὶς τῷ μόλιβδῳ*—здѣсь разумѣется, очевидно, какой-то роль смерти чрезъ свинецъ.

³⁾ Этотъ гимнъ взятъ также изъ П. р., гдѣ, какъ и въ л. и., онъ помѣщенъ подъ номеромъ 15-мъ.

Тебя вверну, насколько доступно мнѣ низкому по природѣ, и объять страхомъ и изумленьемъ говорю: все Твое, Боже мой, превосходитъ мое пониманіе; ибо я нечистъ и совершенно недостойнъ взирать на Тебя, чистаго и святаго Владыку, Котораго боятся Ангелы и съ трепетомъ служатъ (Ему), и отъ лица Котораго трясется (и трепещетъ) вся тварь. Когда же, сказавъ это, я сомкну очи, т. е. долу обращу умъ свой, не будучи въ состояніи видѣть или созерцать непокровеннаго Твоего зрака, тогда плачу, лишаясь красоты Твоей, Бже мой, и не вынося удаленія отъ Тебя, единаго Человѣколюбца. Ты же плачущаго и рыдающаго всего меня, о диво, озаряешь (свѣтомъ), и я поражаюсь и еще болѣе плачу, дивясь благоутробію Твоему ко мнѣ блудному. Тогда, видя великое неблагообразіе тѣла (своего) и достоинство жалкой души моей (и пораженный умомъ отъ этого созерцанія, я восклицаю:) ¹⁾ кто я, о Боже и Творче всего, и что я сдѣлалъ вообще доброе въ жизни, или какую заповѣдь Твою я когда-либо въполнѣ сотворилъ, что Ты прославляешь меня презрѣннаго такую славою? И почему или ради чего Ты удостоилъ меня жалкаго днемъ и ночью озарять такимъ (свѣтомъ)? Въ самомъ дѣлѣ, жаждалъ ли я когда-либо, ища Тебя, Царю мой? злопострадалъ ли чрезъ законы Твоихъ заповѣдей? потерпѣлъ ли искушенія и бичеванія, какъ всѣ претерпѣвшіе это святые отъ вѣка, чтобы и меня, Христе, причисливъ къ нимъ, спасъ Ты, не ²⁾ безъ дѣлъ вѣдь Ты сопричтешь (къ нимъ) и спасешь меня? Хотя и весьма человѣколюбивъ Ты, какъ Создатель людей, (однако) я слышу Іакова, говорящаго ³⁾, что вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 20), и трепещу наказанія, ожидающаго, безъ сомнѣнія, тамъ меня— презрѣннаго (человѣчка). Итакъ, какимъ образомъ, Владыко, я могу надѣяться, какъ вѣрный, быть причтеннымъ къ тѣмъ, которые прежде поработали (Тебѣ), когда я ни одной Твоей заповѣди никогда не соблюдаю? Но я знаю, что Ты все можешь, все дѣлаешь, что хочешь: Ты и послѣднимъ, Владыко, даешь, какъ и первымъ, и (что особенно) дивно—сперва

¹⁾ Слова въ скобкахъ взяты изъ л. п.

²⁾ Въ л. п. нѣтъ этого предложенія.

³⁾ Такъ въ л. п., но въ рукописномъ греческ. текстѣ Патмосск. кодекса здѣсь почему-то стоитъ: *ἀκόσμη Παύλου*.

послѣднимъ изъ этихъ первыхъ [т. е. изъ послѣднихъ]. Когда я говорю Тебѣ это, Творцу міра, прежде вверху являющемуся, и нѣкогда сокрытому отъ меня, и послѣ всего мнѣ окружающему лучами; внезапно усматриваю всего Тебя во мнѣ, Того, Который прежде являлся вверху, но снова скрылся, подобно тому какъ солнце, (покрытое болѣе тонкими) облаками, сокращаетъ лучи. Какъ оно доступно тогда для видящихъ и словно лучше видится для всѣхъ; такъ и Ты, неприступный, бываешь доступенъ мнѣ, сокрывшись внутри меня, бывая видимъ, какъ знаешь Ты, для моихъ умныхъ очей, мало-помалу возрастая, все яснѣе являясь и все болѣе блистая. Въ другой же разъ Ты снова для меня совершенно неприступенъ. Поэтому и величаю я непостижимость Твою и благость Твою и громогласно зываю къ Тебѣ: слава прославившему такъ естество наше, слава безмѣрному снисхожденію Твоему, Спасе, слава могуществу Твоему, слава благоутробію, слава Тебѣ, что, пребывая непреложнымъ и неизмѣннымъ, Ты весь недвижимъ, (хотя) и приснодвиженъ, весь внѣ твари, но весь и во всей твари, весь наполняешь все, будучи весь и внѣ всего; Ты—превыше всего, Владыко, превыше всякаго начала, превыше всякой сущности¹⁾, превыше естества природы, превыше всѣхъ вѣковъ, превыше всякаго свѣта, Спасителю, превыше умныхъ существъ, потому что и они суть Твое, лучше же—мысли Твоей дѣло. Въдѣ Ты—ничто изъ всего, но превысшій всего; ибо Ты причина существующаго, какъ Творецъ всего. И потому Ты отдѣленъ отъ всего, мыслимый гдѣ-то вверху, превыше всего существующаго, невидимый, неприступный, неуловимый, неприкосновенный и, будучи непостижимъ, пребываешь неизмѣннымъ. Являясь же совершенно простымъ, Ты (однако весь) разнovidенъ; и вообще умъ (мой) не можетъ уразумѣть разнообразія славы и великолѣнія красоты Твоей.

Итакъ, не будучи ничѣмъ изъ всего, какъ превысшій всего, Ты, Который находишься внѣ всего, какъ Богъ всего, невидимый, неприступный, неуловимый и неприкосновенный, Ты Самъ содѣлался смертнымъ, вопель въ міръ и для всѣхъ явился доступнымъ чрезъ воспріятіе плоти. Ты (даже) по-

¹⁾ Въ греческ. текстѣ *ἄσλαν*, но это, конечно, опяска; надо читать *ὀβόσαν*, такъ какъ въ л. ц. стоитъ *essentiam*.

знанъ былъ смертнымъ во славѣ Божества (Твоего) и, совершенно неуловимый, сдѣлался уловимымъ для нихъ и, для всѣхъ невидимый, весь былъ видимъ (ими), и они видѣли славу Божественнаго Божества Твоего; одни вѣрные— (видѣли) и видятъ; всѣ же невѣрные, увидѣвъ Тебя—Свѣтъ міра, остались слѣпыми. Итакъ, вѣрные и тогда и теперь— всегда Тебя видятъ и имѣютъ съ собою, Тебя—Творца всяческихъ, сопребывающаго и обитающаго (съ ними) во тьмѣ сей жизни, какъ солнце неприступное, какъ неугасимый свѣтильникъ, который совершенно не объемлется тьмою, но всегда просвѣщаешь видящихъ Тебя. А такъ какъ Ты находишься, какъ сказано, внѣ всего, то и тѣхъ, которыхъ просвѣщаешь, Ты дѣлаешь внѣ видимаго; и подобно тому, какъ Ты, пребывая тамъ вверху со Отцомъ Твоимъ, несомнѣнно, и съ нами весь Самъ находишься и ¹⁾, будучи опять въ мірѣ, невмѣстимъ для міра, ибо, находясь Самъ во всемъ, Ты являешься превыше всего; такъ и насъ, рабовъ Твоихъ, находящихся среди чувственныхъ и видимыхъ (вещей), Ты изводишь и, осіяваемыхъ свѣтомъ Твоимъ, (всещѣло) совозносишь съ Собою горѣ, и дѣлаешь изъ смертныхъ безсмертными; и мы, оставаясь тѣмъ, чѣмъ и были, дѣлаемся по благодати Твоей сынами, подобными Тебѣ, и Богами, видящими Бога. Итакъ, кто не прибѣгнетъ къ Тебѣ, единому Человѣколюбцу? кто не послѣдуетъ Тебѣ? кто изъ любви не скажетъ: вотъ, бросивъ все, мы послѣдуемъ Тебѣ, сострадательному, кроткому и благоутробному Владыкѣ, всегда ожидающему нашего обращенія и не хотящему смерти согрѣшившихъ Тебѣ (Иезек. 33, 11), (Который) и нынѣ совершаешь въ насъ страшное, о чемъ слыша, (какъ) имѣющемъ быть ²⁾ нѣкогда въ домѣ Давидовомъ, мы дивимся, что бы это могло быть ³⁾? Домъ Давидовъ это—мы, какъ сродники его (Давида); ибо Самъ Ты, Творецъ всего, сдѣлался сыномъ его, мы же—сыны Твои по благодати. Ты сродникъ нашъ по плоти, а мы (Твои)—по Божеству Твоему. Ибо, воспринявъ плоть, Ты далъ намъ Божественнаго Духа, и мы всѣ вмѣстѣ стали единымъ домомъ Давидовымъ по свойству Твоему и по родству къ

¹⁾ Дальнѣйшихъ словъ нѣтъ въ л. п. до: такъ и насъ...

²⁾ *гивмева*, в. л. п. *futura*.

³⁾ Псал. 121,5; ср. третій антифонъ 1-го гласа.

Тебѣ. Итакъ, Ты Господь Давида (по Духу),¹⁾ а мы всѣ (сыны Давида)²⁾, Твое Божественное сѣмя. Соединяясь же, мы дѣлаемся единымъ домомъ, т. е. всѣ мы сродники, всѣ мы братья Твои. И какъ не страшное чудо? или какъ не содрогнется всякъ, размышляющій объ этомъ и взвѣшивающій это, что Ты пребываешь съ нами нынѣ и во вѣки, и дѣлаешь каждаго жилищемъ и обитаешь во всѣхъ, и Самъ являешься жилищемъ для всѣхъ, и мы обитаемъ въ Тебѣ: каждый изъ насъ въ отдѣльности съ Тобою, Спасителю, весь со всѣмъ, и Ты (взаимно) съ каждымъ въ отдѣльности, одинъ съ однимъ находишься, и превыше насъ весь пребываетъ единымъ? Итакъ, Ты и нынѣ совершаешь въ насъ все ужасное. Что же ужасное?—выслушайте немного изъ многого. И хотя все то, о чемъ мы сказали (доселѣ), болѣе чѣмъ изумительно, однако послушай теперь и объ еще болѣе ужасномъ, чѣмъ то.

Мы дѣлаемся членами Христовыми, а Христось нашими членами. И рука (у меня) несчастнѣйшаго и нога моя—Христось. Я же жалкій—и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христось³⁾, ибо Божественное Божество, согласись со мною, нераздѣльно; двигаю ногою, и вотъ она блистаетъ, какъ и Онъ. Не скажи, что я богохульствую, но прими это и поклонись Христу, таковымъ тебя содѣвающимъ. Ибо если и ты пожелаешь, то сдѣлаешься членомъ Его. И такимъ образомъ всѣ члены каждаго изъ насъ въ отдѣльности сдѣлаются членами Христовыми и Христось—нашими членами; и всѣ неблагообразные (члены) Онъ сдѣлаетъ благообразными, украшая ихъ красотою и славою Божества (Своего); и мы вмѣстѣ (съ тѣмъ) сдѣлаемся Богами, сопребывающими съ Богомъ, совершенно не усматривая неблагообразія въ тѣлѣ (своемъ), но всѣ уподобившись всему тѣлу—Христу, а каждый изъ насъ—членъ (его), весь Христось есть⁴⁾.

1) Въ л. п. вставлено *in spiritu*.

2) Тоже взято изъ л. п.

3) Въ л. п. нѣсколько иначе: „Я ли двигаю рукою?—и Христось также, вѣдь рука моя это Онъ, конечно“....

4) Въ л. п.: „и каждый будемъ имѣть всего Христа нашимъ членомъ. Ибо, одинъ сдѣлавшись многими (членами), Онъ остается нераздѣльно

Итакъ, узнавъ, что таковы всѣ, ты не утрашился или не постыдился [признать], что и палець мой—Христось и дѣтородный членъ?—Но Богъ не устыдился сдѣлаться подобнымъ тебѣ, а ты стыдишься стать подобнымъ Ему?—Не Ему подобнымъ стыжусь я сдѣлаться, но чтобы Онъ (сталъ) подобнымъ постыдному члену; я заподозрѣлъ, что ты изрекъ хулу.—Худо, слѣдовательно, ты понялъ [меня], ибо не это—постыдное ¹⁾. Члены Христовы суть и скрытые (члены), ибо они бывають покрываемы; и потому они важнѣе прочихъ (I Кор. 12, 22—24), какъ незримые для всѣхъ, сокрытые члены Сокровеннаго, отъ Котораго въ Божественномъ сочетаніи дается и сѣмя Божественное, ужасно вообразившееся въ Божественный образъ, (дается) отъ Самого Божества, ибо (отъ) всего (Божества) весь Богъ Тотъ, Кто соединяется съ

единымъ; каждая же часть въ отдѣльности есть весь Христось“. Дальнѣйшій текстъ подлинника опущенъ въ л. п.

¹⁾ Объ этомъ и Павелъ говоритъ: Возьму ли убо уды Христовы, сотворю уды блудящи?“ (I Кор. 6, 15). Ибо никто другимъ членомъ не соединяется съ блудящею. И такъ какъ Христось былъ совершеннымъ человекомъ, какъ и совершеннымъ Богомъ, то, имѣя и эти члены, Онъ удостоилъ (ихъ) нетлѣнія и обоженія чрезъ самое соединеніе и общеніе. И тѣ, которые отъ св. крещенія облеклись во Христа и сохранили образъ (Божій), или всавратили его чрезъ покаяніе, имѣють эти члены, дѣтородный удъ, говорю, и ятра, мертвыми для грѣха, чрезъ животворную мертвость, и самихъ улосгоевными Божественнаго естества и названными членами Христовыми. Усмотрѣвъ эту славу въ себѣ самомъ (см., напримѣръ, XXVIII гимнъ, 123—124 стр. настоящ. перевода) и увидѣвъ всего себя всецѣло обоженнымъ, святой (Отець) открываетъ неизреченное соединеніе Бога съ вѣрными людьми, бывающее по причинѣ крайней любви Божіей къ нимъ, о которомъ, продолжая (рѣчь), онъ говоритъ: „Итакъ, если ты облечся во всего Христа всею своею плотію, то ты безъ стыда будешь помышлять о всемъ томъ, о чемъ говорю я“. И такъ какъ вѣрные всею плотію облакаются во всего Христа, то святые не живутъ болѣе во плоти, но въ духѣ, „понеже Духъ Божій [по словамъ ап. Павла] живетъ въ васъ... Аще же Христось въ васъ, плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради“ (Рим. 8, 9—10). Поэтому „всякъ, иже въ Немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ“, какъ говоритъ возлюбленный (ученикъ) (I Иоан. 3, 6), и оцъ не плоть есть, но одинъ духъ со Христомъ. Ибо подобно тому, какъ прильпившійся женѣ есть одна плоть съ нею, какъ говоритъ Павелъ, такъ и „прильпившійся Господеву одинъ духъ есть“ съ Нимъ (I Кор. 6, 16—17).

Это примѣчаніе, переведенное съ греческаго, ваято изъ копіи Патмосск. рукописи, гдѣ оно въ видѣ сдѣлано помѣщено на ряду съ текстомъ гимна.

нами, о страшное таинство! и поистинѣ бываетъ бракъ, деизреченный и Божественный. Онъ сочетаетсяъ, снова скажу я объ этомъ, съ каждымъ рѣ отдѣльности, и каждый по причинѣ удовольствія соединяется со Владыкою. Итакъ, если ты облекся во всего Христа всею своею плотію, то ты безъ стыда будешь помышлять о всемъ томъ, о чемъ говорю я. Если же вовсе нѣтъ, или ты душою своею (только) облекся въ малый покровъ пречистаго хитона, Христа, говорю; то всѣ прочіе члены, будучи въ ветхомъ одѣяніи, въ одномъ, конечно, мѣстѣ, и стыдятся. Имѣя же совершенно нечистое тѣло, или лучше—облекшись въ нечистое, какъ ты не будешь краснѣть? Когда я говорю это ужасное о святыхъ членахъ, и вижу великую славу, и просвѣщаюсь умомъ, когда (даже) и плоть (моя) несмысленная радуется; ты видишь свою плоть оскверненную, припоминаешь свои непристойныя дѣянія, и умъ твой, какъ червь, всегда пресмыкается въ нихъ. Потому ты и приписываешь Христу и мнѣ стыдъ и говоришь: не стыдно ли тебѣ [говорить] о постыдномъ, лучше же—низводить Христа въ постыдные члены? Я же снова говорю тебѣ: усмотри Христа и въ (женскихъ) ложеснахъ и помысли о томъ, что въ ложеснахъ, и о томъ, Кто вышелъ изъ ложеснъ, (которыя) прошелъ и Богъ мой, изойдя оттуда. И что бы ты могъ найти еще большее сверхъ того, о чемъ я сказалъ, что воспринялъ и Онъ къ нашей славы, дабы, подражая Ему, никто не стыдился, ни говоря о томъ, что Онъ претерпѣлъ, ни самъ (то) претерпѣвая? Онъ былъ весь человѣкъ и поистинѣ весь Богъ; Онъ единъ, нераздѣленъ, всеконечно совершенный человѣкъ, и Онъ же самый и Богъ есть, весь во всѣхъ членахъ. Такъ было и нынѣ (бываетъ) въ послѣднія времена.

Св. Симеонъ Благоговѣйный, Студить¹⁾, (вотъ) онъ не стыдился членовъ всякаго человѣка, (не стыдился) ни видѣть нѣкоторыхъ обнаженными, ни (самъ) быть видимымъ обнаженнымъ. Ибо онъ имѣлъ всего Христа и самъ весь былъ Христомъ, и всѣ свои члены и члены всякаго другого, по одному и всѣ (вмѣстѣ), онъ всегда созерцалъ, какъ Христа, и оставался недвижимымъ, невредимымъ и безстрастнымъ, какъ самъ будучи всецѣло Христомъ, (такъ) и усматривая Христа во всѣхъ крестившихся и облекшихся во всего Христа.

¹⁾ Духовный отецъ преп. Симеона НВ.

Если же ты, будучи нагимъ, (когда) плоть (твоя) прикоснется къ плоти, дѣлаешься женонеистовымъ, какъ оселъ или какъ конь; то зачѣмъ дерзаешь клеветать на святаго и изрекаешь хулу на Христа, соединившагося съ нами и давшаго безстрастіе святымъ рабамъ своимъ? И въ самомъ дѣлѣ, Онъ бываетъ женихомъ, (какъ) слышишь ты повседневно, а невѣстами—души всѣхъ тѣхъ, съ которыми соединяется Творецъ и онъ съ Нимъ взаимно, и (тогда) происходитъ бракъ. Сочетаваясь съ ними духовно, богоприлично, Онъ отнюдь не растлѣваетъ (ихъ), да не будетъ, но если и растлѣнными воспринялъ и соединился съ ними, то немедленно дѣлаетъ (ихъ) нетлѣнными. И онъ, видя прежде оскверненное растлѣніемъ все святымъ, нетлѣннымъ и совершенно исцѣленнымъ, прославляютъ Благоутробнаго, возлюбляютъ Прекраснаго и всецѣлою любовію всѣ прилѣпляются къ Нему; лучше же, воспринявъ святое сѣмя, какъ мы сказали, онъ внутри себя имѣютъ всего вообразившагося Бога. Что же не истина ли это, отцы? не право ли изрекли мы о Божественныхъ вещахъ? не подлинное ли [ученіе] Писаній я безспорно повѣдалъ?

Итакъ ¹⁾, если Ты облекся въ срамоту плоти Твоей, ни ума не обнажившись, ни души не совлекшись, (если) Ты, покрытый тьмою, не могъ видѣть свѣта ²⁾; то что я сотворю Тебѣ? какъ выкажу Тебѣ благоговѣніе? какъ, увы мнѣ, введу (Тебя) въ домъ Давидовъ? Ибо онъ неприступенъ для нерадивыхъ, какъ я, весь невидимъ для слѣпыхъ, подобныхъ мнѣ, совершенно далекъ отъ невѣрныхъ и лѣнивыхъ, далекъ отъ всѣхъ злыхъ, отъ всѣхъ міролюбцевъ, отъ тщеславныхъ же онъ такъ несравненно удаленъ, какъ (если бы былъ) превыше высоты небесной или глубже глубины бездны. Да и кто вообще или какимъ образомъ взлѣзетъ на небо? или снѣдетъ подъ землю, (чтобы) изслѣдовать бездны? и какъ, взыскавъ, возмогу я найти жемчужину, малѣйшую, какъ горчичное зерно? Но, о чада, соберитесь, о матери прїидите, о отцы, предварите, прежде чѣмъ не придетъ конецъ; и со мною всѣ восплачьте и возрыдайте о томъ, что, воспринявъ

¹⁾ Это и далѣе до конца гимна имѣется и въ л. п.

²⁾ Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о крестныхъ страданіяхъ Христа, во время которыхъ солнце померкло.

малыми Бога въ крещеніи, лучше же—младенцами содѣлав-
шись сынами Божиими, мы, согрѣшивъ, вскорѣ были извер-
жены внѣ, изъ дома Давидова, не восчувствовавъ этого; и
потечемъ чрезъ покаяніе, ибо чрезъ него вступаютъ всѣ
изверженные; иначе же невозможно ни войти внутрь, не
заблуждайтесь, ни видѣть того, что въ немъ совершилось,
и нынѣ совершается, и въ безконечные вѣки, во Христѣ,
Богѣ моемъ, Которому подобааетъ всякая слава, честь и покло-
неніе нынѣ и во вѣки. Аминь.

LIX.

Послание къ монаху, вопрошавшему (св. Отца): какъ
ты отдѣляешь Сына отъ Отца, мыслию (*ἐπινοία*)
или дѣломъ? Въ немъ найдешь богатство богословія,
опровергающаго его (вопрошателя) хуленіе ¹⁾.

Ты возсіялъ и явилъ свѣтъ славы (Твоей),
Неприступный свѣтъ существа Твоего, Спасе,
И просвѣтилъ омраченную душу,
Лучше же ту, которая есть тьма отъ грѣха,
Какъ потерявшую природную красоту,
И какъ бы изъ ада возвелъ лежащую,
И даль увидѣть свѣтъ Божественнаго дня,
И озаряться лучами Солнца,
И самой сдѣлаться свѣтомъ, о великое чудо!
[Чему] не вѣрятъ не презрѣвшіе
Славы человѣческой, какъ Ты заповѣдалъ.
Ибо они не вкусили Божественной славы,
Которую Ты, Боже мой, даль и нынѣ даешь
Тѣмъ, которые отъ души и всецѣлымъ произволеніемъ

¹⁾ Этого гимна или посланія, написаннаго стихами, нѣтъ ни въ л. п.,
ни въ греческ. печатномъ изданіи твор. Симеона НБ. Въ П. р. оно помѣ-
щено подъ именемъ 21 слова, откуда оно и взято. Это то самое посланіе,
которое Симеонъ написалъ патриаршему синкеллу Стефану, митрополиту
Никомидійскому, предложившему однажды Симеону именно этотъ во-
просъ: „какъ ты отдѣляешь Сына отъ Отца?“... См. объ этомъ въ житіи
Симеона. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія его посланіе помѣщено цѣли-
комъ; по крайней мѣрѣ оно находится въ рукописи Аэонск. Пантелеимо-
нова монастыря № 764 (см. каталогъ Ламброса т. II, стр. 428, № 6271), съ
которой сдѣлана нами рукописная копія житія Симеона.

Взыскали Тебя—вѣчную славу,
Тебя воистинну Бога прославленнаго,
Увидѣть Котораго не дано громкой славѣ.
Удостоившійся же всегда видѣть Тебя
Достигъ, конечно, ангельскаго достоинства,
Хотя и связанъ по природѣ плотью.
Если же и Ты восхотѣлъ пребывать у него, ¹⁾
Не предпочтя остаться въ Себѣ,
То Ты исполнилъ Твое домостроительство,
Содѣлавъ тлѣннаго подобнымъ Тебѣ
Богомъ, Ты—Богъ пребезначальный,
Сопребывающій естествомъ съ Богомъ собезначальнымъ,
Сыномъ и Словомъ, рожденнымъ отъ Тебя,
Который не мыслию отдѣляется отъ Тебя,
Но дѣломъ неотдѣлимъ отъ Тебя.
Если же и отдѣляется Онъ, то не естествомъ,
А скорѣе ипостасію или лицомъ;
Ибо дѣломъ — [свѣйственно говоритъ] нечестивымъ и
безбожнымъ,
Мыслию же—совершенно омраченнымъ.
Въ самомъ дѣлѣ, (если) умъ имѣетъ слово, рождающееся
Непрестанно, конечно, то какъ же оно отдѣлено?
Если же Оно (Богъ-Слово) дѣйствительно рождается и
происходить,
То и отдѣлено, въ ипостасномъ Словѣ,
Но и пребываетъ внутри родившаго,
Т. е. внутри Отцаго лона, должно думать,
И проходить чрезъ весь міръ,
И все все наполняетъ безъ Отца,
И съ Отцомъ Само все находится;
Переходитъ же Оно, конечно, дѣйствіями,
И пережоденіе (Его) мыслится чрезъ озареніе.
Ты слышалъ вѣдъ, что Оно и ходитъ и пребываетъ
[на мѣстѣ],
И отвращаетъ лицо и обращаетъ (*βλέπειν*),
Нисходитъ и опять восходитъ,
Приходитъ и обратно улетаетъ,
И многое другое, (касающееся) Божественнаго дѣйствія,

¹⁾ Св. Отецъ разумѣетъ здѣсь, очевидно, Іоан. 14, 21. 23.

Возвѣщаютъ всѣ Еожественныя Писанія,
Что изрекъ Всесвятый Духъ,
Неизреченно испедеши отъ Отца
И чрезъ сына ниспосланный людемъ:
Не невѣрнымъ, не славолюбцамъ,
Не риторамъ, не философамъ,
Не тѣмъ, которые изучили эллинскія сочиненія,
Не тѣмъ, которые прочли внѣшнія писанія,
Не тѣмъ, которые упражнялись въ сценическихъ пред-
ставленіяхъ (*επιχοὶν βίον*),
Не тѣмъ, которые говорятъ много и красно,
Не тѣмъ, которые произносятъ великія имена,
Не тѣмъ, которые приобрѣли дружбу славныхъ,
Не тѣмъ, которые содѣйствовали дѣйствовавшимъ без-
честно,
Не тѣмъ, которые приглашаютъ и приглашаемы бываютъ,
Не тѣмъ, которые потѣшаютъ и потѣшаются;
Но нищимъ духомъ и жизнію,
Чистымъ сердцемъ и тѣломъ,
Стяжавшимъ простое слово и еще болѣе простую
Жизнь и простѣйшій образъ мыслей,
Бѣгающимъ славы, какъ огня геенскаго,
И отъ души ненавидящимъ льстецовъ,
Ибо Духъ не принимаетъ лести
И не выносить слышать о томъ, чего нѣтъ;
Взирающимъ на одну только славу души
И на спасеніе всѣхъ братій
И (даже) въ маломъ сердечномъ движеніи
Не питающимъ сочувствія къ чему-либо мірскому,
Къ похваламъ, напимѣрь, или славѣ человѣческой,
Или всякому другому удовольствію или страсти.
Ибо они мертвы, смиренны духомъ и сердцемъ,
Кротки и ревнители о Господѣ.
Они нечестивы для нечестивыхъ ¹⁾
И благоуханіе жизни для избранниковъ Господнихъ ²⁾.
Они (даже) и блудники для блудныхъ сердцемъ
И равноангельные для дѣвственныхъ душою.

1) Ср. I Кор. 9, 20—22.

2) Ср. II Кор. 2, 15—16.

Они и среди славы смиренны
И въ бѣдности славны,
Они нищету считаютъ какъ бы царствомъ
И царство какъ бы нищетою.
Они, вкушая (пищу), находятся въ воздержаніи
И, постясь, насыщаются всякимъ видомъ (ея).
Они не спиходятъ къ неправдѣ
И не могутъ презрѣть угнетеннаго
И притѣсняемаго богатыми.
Они не стыдятся лица человѣческаго,
Ибо видятъ лицо Господне.
Они не смягчаются сердцемъ чрезъ дары
И не презираютъ закона справедливости,
Ибо имѣютъ неотъемлемое богатство
И все, что въ мірѣ, считаютъ какъ бы навозомъ.
Имѣя учителемъ Духа, они
Не нуждаются въ наученіи отъ людей,
Но, озаряемые свѣтомъ Его,
Соверцаютъ Сына, видятъ Отца
И поклоняются Троицѣ лицами,
Единому Богу, соединенному естествомъ несказанно.
Отъ Отца же опять они тайно изучаются,
Что Сынъ рождается нераздѣльно, какъ Онъ одинъ
знаеть.

Я же не могу изречь (этого), ибо если бы могъ,
То слово, конечно, могло бы выразить то, что превыше
слова и ума,

И все то, что вверху, стало бы внизу.
Ибо если бы тварь изучила Творца
И всего уразумѣла, каковъ Онъ,
И могла высказать словомъ и написать;
То дѣло стало бы лучше дѣлателя.

Оставь, человѣкъ, содрогнись, смертный по природѣ,
И помысли, что ты произведенъ изъ небытія
И, вышедши изъ матерней утробы,
Увидѣлъ міръ, произведенный прежде тебя.
И если ты можешь познать высоту неба,
Или показать, какова сущность
Солнца, луны и звѣздъ,
Гдѣ они утверждены и какъ совершаютъ теченіе,

Будучи бездушными и безчувственно двигаясь;
Или если бы ты узналъ границу и мѣру, пироту и
величину

Самоѣ земли, изъ которой самъ ты взять,
И на чемъ она ходить,
И что это опять такое, или гдѣ оно совершаетъ свой
ходъ;

Если бы ты позналъ (все) это и для каждаго въ от-
дѣльности нашель предѣлъ;

И если бы ты исчислилъ песокъ морской,
И могъ распознать природу себя самого,
И изъяснить это дѣло премудрости [Божіей];
Тогда ты уразумѣлъ бы и Самого Творца,
Какъ въ Троицѣ—Единица несліянно,
И въ Единицѣ—Троица нераздѣльно.

Взыщи Духа, будь внѣ міра,
Не дай очамъ сна совершенно
И не заботься о настоящей жизни,
Плачь и рыдай о томъ времени, которое ты потерялъ;
Быть можетъ, ты умолишь Бога, и Онъ дастъ (тебѣ),
Какъ прежде далъ видѣть міръ
И солнце и дневной свѣтъ,
Такъ и нынѣ сподобить озарить,
И показать тебѣ умный міръ,
И просвѣтитъ тебя трисолнечнымъ свѣтомъ.
Когда же его ты увидишь, тогда познаешь и то, о чемъ
говорю я,

Тогда уразумѣешь благодать Духа,
Что Онъ, и отсутствуя, присутствуетъ силою,
И присутствуя, невидимъ въ Божественномъ ествѣ,
Но и вездѣ есть и нигдѣ.

Ибо если станешь искать, чтобы чувственно увидѣть
Его,

То гдѣ ты найдешь (Его)?—нигдѣ, конечно, долженъ
сказать ты.

Если же возможешь умно прозрѣть,
Лучше же—(когда) Онъ озарить умъ твой
И откроетъ зѣницы сердца твоего,
Тогда ты не будешь отрицать, что Онъ вездѣ есть,
Но чрезъ Него ты всему научишься,

Хотя бы ты былъ неученымъ и простецомъ.
Если же ты не позналъ, что око
Ума твоего отверсто и увидѣло свѣтъ,
И не ощутилъ еще Божественной сладости;
Если не просвѣщенъ ты Божественнымъ Духомъ,
Если не плакалъ безпечальными слезами,
Если не увидѣлъ, что умъ твой омытъ,
И не позналъ, что сердце твое очищено
И просіяло свѣтлыми отблесками;
И (если) неожиданно не напелъ ты Христа внутри себя,
И не пришелъ въ изумленіе, увидѣвъ Божественную
красоту,

И не забылъ человѣческой природы,
Всего себя видя измѣненнымъ;
То какъ, скажи, не трепещешь ты говорить о Богѣ?
Какъ, будучи самъ весь плотію
И не содѣлавшись еще духомъ, какъ Павелъ,
Смѣешь философствовать или говорить о Духѣ,
Который, (какъ) слышишь ты, не обитаетъ въ таковыхъ,
Какъ и Слово, потому что они суть плоть (Быт. 6, 3)?
Написалъ же я это для того, чтобы ты зналъ, какъ
я вѣрую,

И если пожелаешь ты, то повѣришь мнѣ и опечалишься.
Ибо поистинѣ если ты не имѣешь того сокровища,
Котораго міръ не можетъ вмѣстить,
Если ты не получилъ еще славу рыбарей,
Пріявшіе которую поистинѣ восприняли Бога;
То оставишь міра и то, что въ мірѣ,
И, вскочивъ на ноги, потечешь, прежде чѣмъ не заклю-
чатся

Для тебя врата жизни и здѣшняго зрѣлища,
И окончится праздникъ сей жизни,
И омрачится солнце и звѣзды,
И прейдетъ земля и отверзется адъ,
И наступитъ всякая тьма и хаосъ.
И тогда узнаешь ты, любезная душа, и извѣдаешь,
Что не имѣющіе Божественнаго Духа,
Свѣтлаго въ умѣ, наподобіе свѣтильника,
И обитающаго въ сердцѣ неизъяснимо,
Отсылаются въ вѣчную тьму.

Ибо и Духъ есть Господь,
И Богъ Отецъ Господа—Духъ,
Одинъ, конечно, Духъ, ибо Онъ не раздѣляется.
Имѣющій Его поистинѣ имѣеть трехъ,
Но неслиянно, хотя и нераздѣльно.
Ибо есть Отецъ, и какъ Онъ будетъ Сыномъ,
Вѣдь Онъ по существу перожденный?
Есть и Сынъ, и какъ Онъ сдѣляется Духомъ?
Духъ же есть Духъ, и какъ Онъ явится Отцомъ? ¹⁾
Отецъ есть Отецъ, потому что всегда Онъ—родитель.
Какъ же бываетъ это вѣчное роженіе,
Что (Сынъ) совершенно не отдѣляется отъ Отца
И весь происходитъ неизъяснимо,
Всегда пребывая въ Отчемъ лонѣ
И всегда происходя неизреченно?
Сынъ вѣчно видится въ Отцѣ:
Родившись, Онъ пребываетъ неразлучнымъ,
Происходя, Онъ не отдѣляется отъ корня;
Но и отдѣльно является нераздѣльнымъ,
И будучи соединенъ весь съ Отцомъ живымъ,
И Самъ есть жизнь, доставляя всѣмъ жизнь.
Что есть Отецъ, то и Сынъ,
И что Сынъ, то и Отецъ также.
Видя Сына, я вижу и Отца,
Равно и Отецъ видится съ Сыномъ;
Однако одинъ раждаетъ, другой же рождается,
И отдѣльно отъ Отца есть то, что Онъ есть.
Что же Онъ есть, скажи и изъясни всѣмъ людямъ?—
Богъ безначальный, какъ и Творецъ всѣхъ,
Такъ какъ Онъ былъ и будетъ ²⁾
Богомъ равнымъ Отцу по существу и по естеству,
И по власти, и по образу воистину, и по виду,
И по времени Онъ еще не былъ безъ Отца.
Какъ Онъ происходитъ?—какъ слово изъ ума.
Какъ отдѣляется?—какъ голосъ отъ слова.
Какъ Онъ воплотился?—какъ слово написанное.

¹⁾ По другой рукоп. (Афонской Пантелеимоновской № 764)—Сыномъ.

²⁾ По другой рукоп.—Онъ не произошелъ и не будетъ происходить:
Онъ Богъ, равный Отцу...

Бывъ низведенъ отъ вышнихъ къ нижнимъ,
Я опечалился чрезъ себя самого,
И оплакивалъ родъ человѣческой;
Такъ какъ, ища необычайныхъ доказательствъ,
[Люди] приводятъ человѣческія
Понятія и вещи и слова,
И думаютъ, что изображаютъ Божественное естество,
То естество, котораго никто ни изъ Ангеловъ, ни изъ
людей

Не могъ ни увидѣть, ни наименовать.
И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно было бы назвать Твор-
ца всѣхъ?

Вѣдь имена и вещи и слова—
Все произошло по повелѣнію Бога.
Ибо и имена положилъ Онъ дѣламъ (Своимъ),
Каждой вещи свое названіе;
Не всѣмъ же—Самъ, но далъ, чтобы и твари
Въ свою очередь (своимъ) дѣламъ полагали имена:
И одна другую и называетъ и называема бываетъ ¹⁾.
Его же имя намъ еще не извѣстно,
Кромѣ (имени) „Сущій“ неизреченный Богъ, какъ ска-
заль Онъ (Исх. 3, 14).

Итакъ, если Онъ неизреченъ, если не имѣетъ имени;
Если невидимъ, если сокровенъ;
Если неприступенъ, если одинъ Онъ превыше слова,
Превыше представленія не только человѣческаго,
Но и--невещественныхъ умовъ;
Ибо Онъ положилъ тьму покровомъ (Своимъ) (Псал. 17, 12),
И потому все прочее находится во тьмѣ,
И одинъ только Онъ, какъ свѣтъ, внѣ тьмы;
То какъ ты вводишь ²⁾ о Немъ понятіе (*ἐπίνοια*)?
Или ты дѣломъ увидѣлъ отдѣленнаго ³⁾?
Откуда же и какъ прошелъ ты чрезъ тьму,
Одинъ отдѣлившись отъ всѣхъ тварей?
Если же это не свойственно тебѣ, но другому,

¹⁾ По другой рукоп.—и одна другою или одно другимъ называемо бываетъ.

²⁾ Въ другой рукоп.—какъ ты вводишь самое понятіе?

³⁾ См. заглавіе этого гимна.

То, удивляюсь, кому же?—спрашиваю тебя, чтобы научиться,
Ангелу или кому-либо другому изъ невестественныхъ
[умовъ]?

Да и не читаль ли ты, что и лица
И ноги они имѣють покровенными
Благоговѣйно и прилично Божественными крылами?
Если эти нѣкія крылья ты будешь понимать
Не (иначе, какъ) покровъ отъ неприступной славы,
Ибо не естество (Божіе) они видять, но славу славы;
То какому же человѣку—посмѣешь сказать ты?
Іоанну или великому Павлу?
Но одинъ взываетъ и всѣмъ проповѣдуетъ,
Что ремня одного или ремешка
Обуви онъ не можетъ развязать (Лук. 3, 16).
Другой же, когда возпелъ на третье небо
И послѣ того взять былъ въ рай,
Не сказалъ ли тебѣ одному чего-либо частнымъ образомъ,
Что ты скрылъ и нынѣ желаешь возвѣстить?
Ибо мы не слышали, чтобы и онъ
Что-либо сообщилъ объ этомъ письменно,
Но и онъ громогласно говорить:
Я слышалъ глаголы, которыхъ не могу изречь (II Кор.
12, 4);

Обитаеть же Богъ въ неприступномъ свѣтѣ (I Тим. 6, 16).
Итакъ, Іоаннъ не развязываетъ ремня
И недостойнъ развязать ремешка одного,
Павель не могъ изъяснить глаголовъ,
Которые онъ слышалъ, называя ихъ неизреченными;
Кто же [послѣ этого] изслѣдовалъ такъ Бога,
И остался неопалимымъ отъ неприступнаго свѣта?
И, проникнувъ въ это обиталище [Бога],
Узрѣлъ самое естество Владыки,
Чтобы нѣчто большее Іоанна и Павла
Дерзнулъ онъ, несчастный, сказать?
Ибо кто не содрогнется и кто не восплачетъ
Объ ослѣпленіи и омраченіи нынѣ говорящихъ
И вводящихъ новую и поистинѣ странную ересь,
Низвергающую въ одну пропасть всѣхъ,
Вопрошающихъ и вопрошаемыхъ.

Ибо мыслию ли они отдѣляютъ Слово
Или дѣломъ—эломудренно заблуждаются,
Съ той и другой стороны попадая въ ересь.
Вѣдь (отдѣлять) дѣломъ значитъ разсѣкать Слово (отъ
Отца),

Мыслию же—наоборотъ сливать Его,
Какъ бы Оно совершенно не отдѣлялось.

Содрогнись, человѣче, познай себя самого,
Повѣдай о себѣ, повѣдай, если ужъ хочешь нѣчто (по-
вѣдать);

Быть можетъ, и ты, какъ Давидъ, воззовешь,
Говоря: дивна для меня премудрость Твоя
И вѣдѣніе Твое, Боже мой (Псал. 138, 6).

Ей, оставь любопытство,

Отложи богохульные слова

И скажи прежде, какъ намъ спастись;

Затѣмъ скажи, какъ самъ ты спасся,

Чтобы не оказалось, что ты учишь насъ (только) словомъ,

Но и дѣломъ показываешь усерднѣйшими,

Если ты не намѣренъ самого себя наказать

И осудить, какъ не дѣлавшій того, о чемъ говоришь,

И чрезъ то стать выше словъ,

Какъ никогда не положившій таковыми начала.

Положи сперва камень въ основаніе,

Ибо на воздухѣ не строится зданіе.

Сотвори заповѣди Христа—Камня,

Строителя Божественной Церкви,

Новыхъ людей—словесныхъ овецъ.

Сдѣлай и скажи, созидавая на этомъ Камнѣ,

Лучше же—самъ созидайся на Камнѣ.

Онъ да будетъ для тебя и пастыремъ,

И архитекторомъ, и основаніемъ жизни.

Какая нужда въ кровлѣ прежде основанія?

Сперва основаніе и тогда кровля:

Дѣланіе съ познаніемъ, и [только] такимъ образомъ
созерцаніе.

Какъ прежде сбора винограда хочешь ты пить вино?

Оно не вмѣщается въ ветхомъ мѣшкѣ.

Какъ прежде посѣва думаешь ты собирать снопы

И другимъ сообщать пустоту?

Если хочешь, иди, не уклоняясь отъ пути,
Но научись глубинѣ судебъ
Человѣческихъ, какъ одни счастливо живутъ,
И безъ сомнѣнія, злые и невѣдущіе Бога,
А другіе несчастны, знающіе Бога
И Богомъ однимъ знаемые;
Одни бѣдны и, вѣроятно, неблагодарны,
Другіе же несутъ нищету съ благодарностію,
А иные и богаты и злобно непризнательны;
Иные же, похищая и поступая несправедливо,
Думаютъ, что Богу служатъ чрезъ это,
И многое другое, что видишь ты повседневно,
Что смертные дѣлаютъ и наоборотъ переносятъ;
И Богъ, Творецъ всѣхъ, терпитъ,
Да не сочли бы Его какъ-нибудь несправедливымъ без-
законнымъ

Или подобныя мнѣ малодушные.
Поучись еще Божественному суду,
О томъ днѣ и часѣ, въ который
Всѣ мы обнаженными предстанемъ
Предъ судилищемъ Бога моего и Спасителя,
И за здѣшнія дѣянія и слова,
Помышленія и вмѣстѣ намѣренія
Получимъ достойное возмеядіе.
Повѣдай, кто будетъ тамъ дерзновеннымъ
И кто напротивъ посрамленнымъ?
Можешь ли говорить объ этомъ безъ опыта?
Послѣ же этого внимай и творенію,
Ибо другую бездну ты найдешь въ немъ.
Взгляни на небо, солнце и звѣзды,
Посмотри на землю—мать и могилу
Всѣхъ насъ, происшедшую по повелѣнію [Божію].
Придя же сюда, повѣдай о смерти,
Философствуй о многомъ неизбѣжномъ
И полезномъ для друзей и вмѣстѣ для сродниковъ,
Для богатыхъ такъ же, какъ и для славныхъ.
И если ты со всѣми будешь толковать [объ этомъ],
То тебѣ станетъ говорить (даже) до смерти,
И по смерти это принесетъ тебѣ пользу.
Взгляни затѣмъ на окружающій міръ:

На находящіяся внутри его породы всевозможныхъ
животныхъ,

На пестрый видъ пергатыхъ
И вмѣстѣ на голоса м.ленькихъ птичекъ,
На широту, величину и границы моря;
Подивись, изумись и скажи въ отвѣтъ:
О глубина богатства и вѣдѣнія Божественнаго!
О (глубина) премудрости Твоей, всемилостивый Боже мой!
Здѣсь-то и смирись чрезъ внѣшніе (предметы);
Собравши умъ, вникни въ себя самого,
Лучше же—философствуй о себѣ самомъ и о томъ,
что относится къ тебѣ;
И что бы ни видѣлъ ты, найди въ видимыхъ (вещахъ)
Въ каждой учителя себѣ въ добродѣтели
Или изображеніе порочной страсти,
Дабы изъ величія и красоты тварей
Познать ты непостижимую премудрость
Божію и мысленную брань,
Которую предызобразилъ Создатель всѣхъ.
И, какъ змѣя, стяжи, конечно, мудрость,
Ядъ же злобы изблюй.
Какъ конь, бѣги на пути отъ зла,
Ржать же, разумѣется, къ женскому полу ты не будешь.
Ты станешь кошкой, стерегущей мысленную мышь,
Но отнюдь не похищающей принадлежащаго ближнему
И не смотрящей на долю братій твоихъ.
Но и [будучи] мышью, противныхъ мышей ты будешь
Гнать, конечно, изъ своего дома.
Волкомъ не будешь ты, но отъ волковъ бѣги,
Лучше же—сдѣлайся собакою Владыки,
Всею своею яростію дыша противъ нихъ
И выслѣживая пути Владыки твоего;
Доколѣ не найдешь ты и не достигнешь
Божественную добычу, не обратись вспять
И не сдѣлайся добычею мысленныхъ звѣрей.
Подражай зайцу, если не можешь собакъ,
И, стяжавъ Христа скалою и прибѣжищемъ своимъ,
Скройся тамъ, гдѣ (совершенно) ¹⁾ нѣтъ страха.

¹⁾ Это слово прибавлено въ друг. рукоп.

Либо, какъ олень, взойди на горы,
Убѣгая отъ рукъ охотниковъ;
Или расправь (крылья), какъ хорошая птица,
И пари надъ всѣми сѣтями,
Подъ крыльями же разумѣй святую любовь,
Безъ которой никуда не уйдешь.
Подражай жребяти, носящему Творца (Мѡ. 21, 7),
Будь воломъ, влекущимъ Божественный плугъ
И рѣжущимъ сладкую борозду слова.
Всему подражай, кромѣ худого:
Худое (дѣло)—лисица, живущая лицемѣриемъ,
Которая (въ дѣйствительности) одно, а показывается
другимъ;
Ибо она притворяется, (будто) издохла, дабы похитить
что-либо.
(Нѣчто) страшное—медвѣдица: если гдѣ-либо и на мечъ
она наткнется,
То не останавливается, разрывая свою рану,
До тѣхъ поръ, пока сама не издохнетъ отъ нея.
Худое—свинья, жрущая ненасытно,
Худое—аспидъ, ибо онъ затыкаетъ уши,
Худо (все) худое, и если, желая изслѣдовать его,
Ты и избѣгать постарайся, любезная душа,
То поистинѣ обрѣтешь истинную мудрость.
Шествуй путемъ, о если бы шелъ ты къ лучшему,
И вмѣстѣ со всѣми (тварями) позналъ и себя самого!
Когда я спрашиваю, тогда ты отвѣчаешь мнѣ
Словомъ, конечно, которое произносишь и которое я
воспринимаю.
Есть ли оно въ тебѣ, переходя и ко мнѣ,
Или оно оставляетъ тебя лишеннымъ слова?
Я знаю вѣдь, ты скажешь ¹⁾, что оно и ко мнѣ пе-
решло
И все остается въ тебѣ, не отдѣлившись отъ тебя.
Скажи мнѣ объ этомъ и оставь нынѣ Бога,
Чтобы вся вмѣстѣ тварь, вострепетавъ, не пала
И не раздробила твою тучную плоть,
И не сокрушила твою плотяную душу,

¹⁾ По другой рукоп.—И одинъ я вѣдь знаю, что...

И не попала она огнемъ ума твоего,
Который вдается въ бесполезное и пустое занятіе ¹⁾.
Ибо ни дѣломъ ни мыслию
Нераздѣльное Слово не отдѣляется (отъ Отца).
Вѣдь тотъ, кто заключенъ внутри дома,
Но имѣеть умъ, блуждающій внѣ,
Не остался въ домѣ безъ ума,
Но и съ нимъ и внѣ (его), конечно, находится.
Итакъ, это отдѣленіе чѣмъ ты наименуешь?
Дѣломъ назовешь или мыслию—скажешь?
Если мыслию, то какъ весь онъ (умъ) находится внѣ?
Если же дѣломъ, то какъ—внутри дома?
Но что, конечно, значить этотъ примѣръ
Въ сравненіи съ превосходящимъ умъ и мысль Сло-
вомъ?

Ибо посланное отъ Отца Слово,
Низойдя (на землю) и вселившись въ утробу Дѣвы,
Все было и во Отцѣ и все во чревѣ,
Будучи невмѣстимо и во всей (вселенной).
Не сократившись, не умалившись, конечно, Оно вошло
все [во чрево]

И, оставшись неизмѣннымъ, приняло образъ раба,
И, родившись, по всему сдѣлалось человѣкомъ,
Все пройдя (матернюю) утробу и придя въ міръ,
И все опять возвратившись туда, откуда не отлучилось.
Итакъ, мыслию или дѣломъ произошло это?
Могъ ли бы ты совершенно смѣло сказать (это) о томъ,
что неизреченно для всѣхъ
Ангеловъ и Архангеловъ и для всякой тварной при-
роды?

И въ самомъ дѣлѣ, оно поистинѣ мыслится, но не вы-
сказывается всецѣло

И отнюдь не постигается умомъ совершенно.
Какимъ образомъ Онъ—Богъ и человѣкъ, и наоборотъ
человѣкъ и Богъ?

И Сынъ есть Отца, весь нераздѣльный отъ Него,
И, произойдя въ міръ, сдѣлался (сыномъ) Дѣвы,

¹⁾ Буквально: ни къ чему полезному пускающагося въ пустое про-
странство.

И остался, какъ сказано, невмѣстимымъ для всѣхъ?
Мыслию, скажи, или дѣломъ (*πράγματι*)?—конечно, те-
перь ты замолчишь;
Ибо хотя бы и хотѣлъ сказать, умъ твой не дастъ слова,
И многорѣчивый языкъ твой останется празднымъ.
Если же ты пожелаешь бы назвать Божественное есте-
ство вещью (*πράγμα*),
То скажи, конечно, и какого рода, ибо я не знаю.
Слава Тебѣ, Отче и Сыне и Св. Душе,
Божество неописанное, нераздѣльное естествомъ.
Тебѣ въ Духъ Святомъ всѣ мы поклоняемся,
Имѣющіе Духа Твоего и отъ Тебя получившіе (Его);
И, видя славу Твою, не любопытствуемъ,
Но въ Немъ (Духъ) созерцаемъ Тебя, нерожденнаго Отца,
И отъ Тебя рожденное и происходящее Слово;
(Итакъ) ¹⁾, поклоняемся нераздѣльной и неслиянной
Троицѣ
Во единомъ Божествѣ, и началѣ, и силѣ. Аминь.

LX.

Путь къ созерцанію Божественнаго Свѣта ²⁾.

Кто хочетъ узрѣть оный Свѣтъ,
Тотъ долженъ слѣдующее въ сердцѣ хранить:
[Блюстись отъ] тѣлесныхъ страстей и непотребныхъ
сквернь,

¹⁾ Слово это взято изъ друг. рукоп.

²⁾ Стихи настоящаго гимна представляютъ не что иное, какъ эпиграмму къ извѣстному слову преп. Симеона НБ. „о трехъ образахъ вниманія и молитвы“, найденную нами въ греческой рукописи 14 в., принадлежащей библиотекѣ одного изъ Афонскихъ монастырей—Ксеофа, № 36, *αλλῆς* 560 (см. описаніе этой рукописи въ каталогѣ Ламброта т. I, № 738, стр. 64—65). Надъ этой эпиграммой въ рукописи помѣщено заглавіе слова: *τοῦ αὐτοῦ* (т. е. Симеона НБ.) *μέθοδος τῆς ἱερᾶς προσεχῆς καὶ προσοχῆς*—путь священной молитвы и вниманія. Въ переводѣ же эпиграмма или этотъ послѣдній гимнъ написанъ по собственному нашему усмотрѣнію. Эти же самые стихи съ именемъ Симеона НБ. находятся въ рукописи 15 в. монастыря Ивера № 713 (см. каталогъ Ламброта т. II, № 4833) и въ рукоп. 16 в. № 423 Московск. Синод. библиот. (см. описаніе архим. Владимира); ср. также *Ἱεροσόλυμ. βιβλιοθήκη* Попадопуло-Керамевса т IV, стр. 245.

Божбы и всякаго гнѣва и возмущенія,
И разсѣянія и памятозлюбія,
И совершенно людей не судить;
А быть въ самомъ помыслѣ и сердцѣ
Чистѣйшимъ отъ плотскихъ сквернъ,
Кроткимъ, смиреннымъ, спокойнымъ,
Откровеннымъ и чадомъ мира,
Воздержнымъ въ пищѣ и питіи
И неослабно заниматься молитвой;
Началомъ же и концомъ во всемъ этомъ
Имѣть главу добродѣтелей—любовь.

Алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ двухъ выпускахъ словъ преп. Симеона Нового Богослова и въ переводѣ гимновъ.

Римская цифра I означаетъ первый выпускъ, II—второй выпускъ *), а римскою цифрою III условно обозначается переводъ гимновъ. Арабскія цифры вездѣ означаютъ страницы.

А.

Адамъ. О сотвореніи Адама I, 367 и сл. Адамъ былъ созданъ съ тѣломъ нетлѣннымъ, однакожъ вещественнымъ, а не духовнымъ еще, и былъ поставленъ Творцомъ, какъ царь безсмертный надъ нетлѣннымъ міромъ I, 370. Какъ только созданъ былъ Адамъ, такъ получалъ и благодать Божію I, 464. Послѣ грѣхопаденія благодать отступила отъ него I, 22. 167. 202. 301—302. О грѣхопаденіи Адама и его слѣдствіяхъ I, 23. 370 — 373. II, 144.—148. Преступленіе Адама заключалось въ гордости I, 21. 268. 308—и невѣріи II, 150. Какъ великъ былъ грѣхъ Адама? I, 21—22. Черезъ невѣріе Адамъ потерялъ духовное вѣдѣніе и ниспалъ въ плотское, страстное знаніе I, 226. Черезъ грѣхопаденіе Адамъ сталъ глухъ, слѣпъ и безчувственъ ко всему духовному I, 294—295. Приговоръ Божій Адаму I, 22. За понесенное въ жизни наказаніе и раскаяніе Адамъ прославленъ Богомъ въ послѣдствіи паче прежняго II, 149. О первомъ и второмъ Адамѣ (Христѣ) I, 31. 148. 252. 219. 375; ср. III, 149—150. *См. грѣшникъ, очи.*

Ангелы. О сотвореніи Ангеловъ III, 179. 206. Ангелы суть вторые свѣты III, 214. Они неподвижны на зло I, 23—почему? I, 301—302. Ангелы не знали перваго пришествія Господня на землю, тѣмъ болѣе имъ невѣдомо второе пришествіе I, 410. Ангелы, имѣвшіе Бога въ разумѣ, увидѣвъ паденіе сатаны, обогатились еще большимъ познаніемъ и свѣтомъ Св. Троицы III, 126. Ангелы видятъ лишь лучъ славы или славу славы, а не самое естество Божіе III, 81. 179. 278. Ангелы познаютъ Бога изъ дѣйствій Божіихъ III, 195. Дѣло Ангеловъ—славословіе II, 282.

Антоній Великій. Во время гоненія Антоній оставялъ пустыню I, 426. О духовномъ дѣланіи его II, 346—347.

Апостолы *см. огонь, отцы св., пришествіе.*

Арсеній Великій. О его духовномъ дѣланіи II, 347—348.

*) Оба выпуска цитируются по второму изданію: I вып. Москва 1892; II вып. Москва 1890; съ дѣломъ же совпадаютъ страницъ перваго изданія: I М. 1870; II М. 1882.

Бдѣніе не есть только дѣло монаховъ, но и вообще людей занятыхъ дѣлами III, 203. О бдѣніи, какъ подвигѣ или средствѣ для стяжанія благодати I, 151—152. 357—358.

Безмолвіе есть совершеннѣйшая изъ подвижническихъ добродѣтелей II, 427. Оно хранитъ добродѣтели и посягаетъ всевозможныя бесполезныя корни III; 88. Каково должно быть дѣланіе безмолвника? II, 428—430. Безмолвіе не есть бездѣйствіе II, 431—433. Не всѣ безмолвствующіе знаютъ цѣль безмолвія и его таинство II, 432. Оставляющіе безмолвіе ради богоугожденія не борются болѣе съ демонами II, 433—434.

Безпечность. Вредъ бездѣйствія и безпечности II, 19.

Безстрастіе. Въ чемъ состоитъ истинное безстрастіе? II, 562. О безстрастіи тѣла и души II, 398. 524. Безстрастіе достигается не сразу II, 281. Возможно ли для человѣка совершенное безстрастіе? II, 339. 381—382. 524. Оно есть даръ Божій II, 464. Ради него бываетъ всякое дѣланіе подвижническое II, 382. Кто преподбѣждаетъ всѣ страсти и достигаетъ безстрастія? II, 171. Каковъ безстрастный человѣкъ? II, 387—389. 392. 395—396. 545. 567—568. О безстрастіи могутъ говорить только безстрастные, одержимые же страстями не въ силахъ понять его II, 396—398. Имѣющіе безстрастіе любятъ его и бываютъ любимы отъ него II, 397. Святыхъ много, а безстрастныхъ немного II, 398. 401. Не соединившись всецѣло съ любовію, человѣкъ не можетъ быть безстрастнымъ II, 419. Безстрастный видитъ въ себѣ чудо кушныи II, 461. Къ безстрастію не приближается страсть, какъ тѣма къ свѣту III, 63. Кто возлюбилъ безстрастіе, тотъ приобрѣлъ жизнь III, 127. У безстрастнаго тѣло совершенно мертво, но не бездушно III, 127; ср. II, 563 (*см. плоть, тѣло*). О духовномъ, безстрастномъ зрѣніи и слышаніи III, 69. 89—90. 193. Свойственъ же безстрастному стыдъ? III, 263.

Благо. Богъ есть всякое и единственное благо III, 36. Богъ Отецъ—источникъ благъ, всякое же благо—Сынъ, чрезъ Духа удѣляющій ихъ всѣмъ по достоинству, Ангеламъ и людямъ III, 196. Благо высшее для насъ это—благодать Христова I, 332. Какіхъ благъ сподобляются содѣлавшіеся совершенными? II, 419. 404—405. III, 167—169 (*см. терпѣніе*). Чрезъ неисполненіе заповѣдей всякій самъ себя лишаетъ божеств. благъ II, 557. Блага небесныя непостижимы III, 57. Вѣчныя блага суть Отецъ, Сынъ и Духъ Святый—Троица Святая III, 77. *См. Сынъ Божій*.

Благобытіе есть нѣчто высшее бытія I, 327. Оно есть плодъ Св. Духа I, 327—328 (*см. законъ*). Благобытіе потеряно человѣкомъ въ Адамѣ и возвращено намъ чрезъ Христа I, 27. Цѣль всѣхъ подвиговъ — сохранить дарованное намъ благобытіе I, 30. Отъ Св. Троицы мы имѣемъ какъ бытіе, такъ и благобытіе II, 90. I, 30.

Благодать есть духовная сила, просвѣщающая и укрѣпляющая душу I, 134. Благодать есть умная сила Духа Святаго, даруемая

туне по одной вѣрѣ, а не за дѣла I, 301 (*ср. спасеніе*). III, 137. Благодать Божія, за вѣру подаемая, есть милость Божія I, 171. 172. Познаніе истины христіанской (I Тим. 2, 4) и сама истина (Іоан. 1, 17) не что иное есть, какъ сія самая благодать I, 172. О великомъ и таинственномъ дарѣ благодати I, 326. Благодать животворить душу, какъ бы душа души I, 45. 138—139. Благодать сама по себѣ неоскудѣвающая, но въ человѣкѣ она или умножается или умалется I, 467. Возгораясь въ душѣ, благодать даетъ ощутить себя въ духѣ (*ср. огонь*) I, 332 (*см. чувство*). Благодать Св. Духа никому не дается безъ откровенія и умнаго зрѣнія ея II, 46—47. Благодать отступаетъ сокровенно, не давая человѣку чувствовать того I, 467. Кому Богъ подаетъ благодать? I, 164. 168—169. Благодать подается по мѣрѣ вѣры I, 170. 265. Отчего благодать отступаетъ отъ человѣка? I, 162—163. 201. Какіе признаки полученія благодати? I, 149—150. 153—154. 161. 204—205. 247. 258. 463. Признакъ обнаженія отъ благодати I, 260. О дѣйствіяхъ благодати Св. Духа на душу I, 139. II, 15. Всякому всеми средствами необходимо взыскать благодать I, 318; *ср.* I, 203—204 (*см. подвиги*). Безъ благодати человѣкъ не можетъ ни помыслить, ни сдѣлать ничего добраго I, 46—47. 53—54. III, 254. Безъ благодати невозможно спастись I, 149. Безъ благодати душа не можетъ противиться діаволу I, 138. Безъ благодати никто не можетъ ни грѣха избѣжать, ни исполнить заповѣди Божіи, ни отражать демоновъ I, 168. 182. 204. 261. Благодать есть основаніе всякой добродѣтели I, 168—170. 310. Кто не получилъ благодати Христовой и не позналъ ее умно присущею въ душѣ своей, тотъ тщетно носить имя христіанина I, 171. 204. 466. Никому невозможно спастись другимъ образомъ, какъ только получивъ божественную благодать I, 172. Ради дарованія намъ благодати Христовъ пришель на землю, распялся и умеръ I, 167. 201—202. Блага вышшаго для насъ, т. е. благодати Христовой, (впервые) сподобляется душа чрезъ св. крещеніе I, 332. 202. Какимъ образомъ благодать подается послѣ крещенія? I, 203—204. Благодать не только даетъ прощеніе грѣховъ, но и силу впрередъ не грѣшнить I, 211. Имѣющій въ себѣ благодать имѣетъ жизнь вѣчную I, 216—217 (*ср. царство небесног.*). Благодать есть врачевство отъ душевной смерти и мысленное воскресеніе изъ мертвыхъ I, 225. Благодать Св. Духа освобождаетъ человѣка отъ всѣхъ страстей и обновляетъ по душѣ и по тѣлу II, 132. 457. Имѣющие въ себѣ благодать Божію ею всему научаются и съ нею вся могутъ II, 387. Благодать Св. Духа есть брачная одежда II, 394. Чрезъ благодать Св. Духа мы содѣлываемся чадами Божіими II, 415. Благодать имѣетъ цѣлю приводить родъ человѣческой къ обоженію II, 476—477. Благодать Св. Духа дается душѣ, какъ обрученіе и залогъ II, 534—535. Это обрученіе Св. Духа неизяснимо II, 536. III, 269—270. Благодать воспринимается по мѣрѣ очищенія сердца и обратно II, 537 (*см. зло, сердце*). Сокровище благодати соблюдается въ душѣ исполненіемъ всѣхъ зацо-

вѣдѣй I, 453 (см. *сокровище*). II, 537. Благодать Св. Духа возсіяваетъ въ душѣ, какъ свѣтъ III, 85. Имѣющей благодать Св. Духа стяжалъ честную Троицу III, 166. 271. I, 396. Божеств. свѣтъ Духа (т. е. благодать), не имѣя собственного имени, называется разными именами соответственно внутреннему состоянію челоука III, 182—183. Благодать и дѣла I, 49. 196. 200. 326—327. II, 65—66. 464 (ср. *побѣда*). Благодать и свобода I, 235—236. 362—363. II, 362 (ср. *самовластіе, терпѣніе*). См. *врачество, Духъ Св., исповѣдь, истина, крещеніе, причащеніе, прощенье, священство, спасеніе*.

Благочестіе это—истинная христіанская вѣра I, 248. 314. Благочестіе настоящее состоятъ не въ томъ только, чтобы не дѣлать зла, но и не помышлять о немъ II, 562. Мѣра смиренія есть мѣра благочестія и мѣра гордыни—мѣра нечестія I, 310—311.

Блаженство, заповѣди блаженства. Какъ ревностно подвизающей восходить на высоту обоженія и блаженства? II, 384—385. Почему будущ. блаженство святыхъ будетъ полнымъ и всеоцѣршеннымъ? I, 478—479. Какимъ образомъ должно сличать свое душевное состояніе съ заповѣдями блаженства I, 33—36. II, 204—208. 359—360. См. *крещеніе*.

Блудная похоть—самый злой врагъ дѣйственности Св. Духа I, 292.

Богатство. Нельзя цѣнестя и богатство и крестъ I, 194. О суетности богатства III, 64—65. Въ чемъ состоятъ истинное богатство? III, 66—67.

Боговѣдніе (богопознаніе). Боговѣдніе—истинный свидѣтель благочестія и обратно I, 52; ср. II, 380. Есть пять видовъ познанія о Богѣ I, 259. Истинное боговѣдніе рождаетъ смиренномудріе I, 272 (ср. *смирненіе*). Отъ кого и какимъ путемъ вѣрующіе научаются боговѣднію? II, 70. 72. 82—83. Насколько возможно намъ познать Бога? II, 100. Познать Бога невозможно инымъ способомъ, кромѣ точнаго исполненія заповѣдей и созерцанія свѣта II, 101. 116. Истинное боговѣдніе не подается посредствомъ обученія и вѣдшей премудрости II, 328—329. Какимъ путемъ можно достигнуть боговѣднія? II, 88. 343. Безъ благодати Св. Духа невозможно познать Бога, а тѣмъ болѣе учить другихъ... II, 455—456. Открываясь разумной душѣ, Богъ познается всѣми вмѣстѣ чувствами ея I, 474. 476 (см. *чувство*). Чѣмъ болѣе кто познаетъ Бога, тѣмъ болѣе оскудѣваетъ въ знанія всего прочаго II, 553. Богъ познается достойными, насколько открывается имъ II, 560—561. Для тварей невозможно знать Творца такъ, какъ Онъ Самъ Себя знаетъ III, 125—126. 268—269 (см. *Творецъ*). Познаніе Бога для всего существующаго есть жизнь III, 126. Для славныхъ, богатыхъ и гордыхъ невѣдомъ ни Богъ, ни творенія Божіи, для совлекшихся же этого чрезъ Св. Духа дается яснѣйшее познаніе Творца III, 238—240. См. *Духъ Святый, умъ*.

Богонаученіе. Вселяясь въ человѣка, Богъ научаетъ его всему не словомъ, а дѣломъ и опытомъ II, 134. 317. О мужахъ богонаученныхъ II, 545. 551. 555. III, 269—270. Имѣя учителямъ Духа, они не нуждаются въ наученіи отъ людей, будучи научаемы Богомъ неизреченнымъ тайнамъ II, 101. III, 268. *См. Духъ Святый, Писаніе (II, 551), созерцаніе.*

Богopodobіе. Ради богopodobія человѣка Богъ сдѣлался человѣкомъ I, 32. Подобіе Богу проявляется въ добродѣтеляхъ, въ особенности же въ человѣколюбіи I, 31—32. 264. Черезъ пріятіе благодати христіанинъ приходитъ въ богopodobіе I, 182. Соединяясь съ Богомъ духовно и тѣлесно, человѣкъ содѣлывается богopodobнымъ, какъ бы тріипостаснымъ по благодати—изъ тѣла, души и Божественнаго Духа I, 228—229. II, 386—387. Богъ содѣлываетъ подобными Себѣ рождающихся отъ Него I, 446. *См. образъ Божій, печать Христова.*

Богородица. Какъ изъ ребра Адама Богъ создалъ жену, такъ послѣ изъ Приснодѣвы и Богородицы Маріи заимствовали плоть Свою I, 374—375. Въ самой вещи Матерію Христа есть Пресв. Богородица, а мы, если закотимъ, можемъ сдѣлаться матерію Его и братіями по благодати (*с.м. святые*) I, 397. Всѣ святые суть сыны Богородицы, рабы Ея и сродники, и по какой причинѣ? I, 398—399.

Богословствованіе. О тѣхъ, которые говорятъ о Богѣ и изсѣдуютъ отцовъ Церкви не ради пользы духовной, а чтобы стяжать похвалу отъ слушателей и именоваться богословами II, 76. Вѣрно богословствовать можетъ только тотъ, кто исполняетъ заповѣди I, 89—91. Не должно никому богословствовать съ однимъ лжеименнымъ знаніемъ, не получивъ благодати Св. Духа II, 85. 92. 393. Крайне несмысленъ тотъ, кто, не очистившись, цокупается богословствовать II, 87—88. 89. Чтобы богословствовать, должно прежде родиться духовно II, 93. Кто воспріялъ Бога въ себя, тотъ и самъ будетъ богословствовать и добръ пойметъ всѣ богословія II, 366—367. 551. Кающемся не идетъ богословствованіе и наоборотъ II, 552—553. Не узрѣвшему Божеств. свѣта и не сдѣлавшемуся Богомъ по усыновленію не позволительно учить другихъ и богословствовать III, 222.

Богъ, Божество. Богъ есть Духъ невидимый, безсмертный, неприступный, немысленный I, 446. III, 157. Богъ есть свѣтъ безпредѣльный, и что въ Богѣ, и что отъ Бога свѣтъ есть II, 106—107. I, 228. II, 72. III, 182. 208. (*с.м. свѣтъ*). И тѣ, которые сподобляются узрѣть Бога, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ II, 318. III, 138. Но Онъ далекъ отъ всякаго вѣщественнаго свѣта, будучи свѣтлѣе свѣта и блистательнѣе всякаго сіянія III, 206. Богъ несравненно выше всего сотвореннаго I, 25. Богъ есть источникъ и податель всякаго блага I, 146. 178. 472. III, 196. 209—210. Божество едино, являясь же великимъ благомъ, называется многими именами III, 208 (*ср. члство*). Божество есть единое существо и три ипостаси I, 260. III, 154. Надлежитъ знать,

что Богъ есть, но дерзко и безмысленно доискиваться, что Онъ есть I, 260. II, 76. 93. Неполезно изслѣдовать естество Божіе III, 181—182. 179—180. Насколько и какъ позволено намъ говорить о Богѣ? II, 80—81. 76. Божественное естество совершенно неизреченно и недомыслимо II, 78. Оно непостижимо не только для людей, но и для Ангеловъ II, 99. III, 195—199. Не только существо Божіе непостижимо, но даже и дѣла Его III, 198. Богъ совершенно неизяснимъ и пресущественъ III, 242. Однако Онъ имѣть сущность III, 221. Лица Божія не удостоились увидѣть даже Моисей III, 165,—а естества Божія не удостоились ни узрѣть, ни познать даже Иоаннъ Предтеча и ап. Павелъ III, 273. 198. Различіе между Богомъ и человѣкомъ неизмѣримо велико I, 260. III, 175. 238. Богъ выше всякаго ума, имени и слова и не есть ничто изъ всего существующаго II, 100. 105. III, 212. Ни имени Бога, ни естества Его никто изъ людей не позналъ III, 154. Имя Божіе намъ еще неизвѣстно, кромѣ имени „Сущій“; Богъ неизреченъ и не имѣетъ имени III, 272. Бога никакое слово не въ состояніи выразить, только умъ скватываетъ Его чрезъ любовь III, 170. Богъ по естеству невыразимъ III, 178. 183. Богъ не находится ни внутри, ни внѣ тварей, но вездѣ во всемъ III, 184—185. 188. 206. 259. Божество видимо и уловимо для человѣка только отчасти, какъ одинъ лучъ солнца или какъ капля изъ моря III, 186—191. 196. *См. видѣніе Бога, отцы св., Творецъ, Троица.*

Болѣзнь. Первоначальная, коренная болѣзнь это—глѣніе, проція болѣзни—вторичныя I, 66—67. О болѣзняхъ души и ея уврачеваніи I, 64—65. Заболѣвшій душою не чувствуетъ своей болѣзни I, 269. Какъ тьма не проходитъ безъ свѣта, такъ и болѣзни души—безъ Христа II, 305—306. *См. умъ.*

Бракъ Божественный. Какъ въ новомъ заветѣ совершился таинственный бракъ Божій? I, 392—394. Какъ съ каждымъ вѣрнымъ Христось сочетается пренепорочнымъ бракомъ? I, 394—396. III, 262—263. Сочетаваясь съ душами духовно, богоприлично, Христось содѣлываетъ ихъ нетлѣнными, и онѣ имѣютъ внутри себя всего Бога III, 264. *Ср. Церковь.*

Брань. Жизнь всѣхъ людей есть брань III, 52—53. Ради чего демоны ведутъ брань противъ насъ? I, 356. II, 233. Внутренняя брань демонская гораздо страшнѣе внѣшнихъ браней II, 238. Никому нельзя пзбавиться отъ нея II, 238—239. Какъ надо вести духов. брань со врагами? III, 141. Душа, не видящая Божеств. свѣта, ведетъ съ княземъ тьмы непримиримую и безуспѣшную брань III, 201. Въ видимыхъ вещахъ Творецъ предызобразилъ мысленную брань III, 276. *См. самовластіе.*

Будущая жизнь. Все будущее неизяснимо и недомыслимо I, 405. Въ будущ. жизни не будетъ иного мѣста упокоенія, кромѣ Бога или царства небеснаго III, 120—123 (*см. царство небес.*). О состояніи нраведниковъ и грѣшниковъ въ будущей жизни I, 244. 383. 411—413. III, 120—123. Святые будутъ знать другъ

друга въ будущ. жизни I, 405—418 (см. особенно стр. 411. 413. 417. 418). Въ настоящей жизни начало будущей славы и мученія II, 49. *См. святые.*

Бѣдность и скудость опредѣлены Богомъ челоѣкѣ, какъ неизбежное временное наказаніе I, 71—72. Старающіеся во что бы то ни стало избѣгать ихъ идутъ противъ Бога и поддаются вѣчному наказанію I, 71—72. Истинному христіанину нельзя быть безъ лишеній и нуждъ I, 72 (*ср. искушенія*).

В.

Василій Великій. Упомянаніе о немъ I, 427. 428. III, 167. Ссылки на его творенія II, 123. 126.

Видѣніе Бога. О томъ, что для желающихъ еще въ настоящ. жизни возможно видѣть Бога I, 300—301. II, 340—341; ср. I. 43. Доказательства этого изъ св. Писанія II, 110—113. III, 31—32. Всякій чистый сердцемъ въ настоящей еще жизни узрѣваетъ Бога II, 111. III, 31. Преп. Симеонъ говоритъ это не изъ вымысла, а по опыту собственнаго созерцанія II, 115—116. Дѣло это и было, и есть, и будетъ возможнымъ для всѣхъ тѣхъ, кои творятъ заповѣди Господни II, 58—59. Достойные, еще находясь въ тѣлѣ, ясно видятъ Бога, отнюдь не въ привидѣніи или воображеніи ума, но самую истинною божественнаго и страшнаго дѣла III, 36. Вѣрные всегда видѣли и видятъ Бога и имѣютъ Его съ собою, Творца вслѣдствіи, сопробывающаго и обитающаго съ ними во тѣмѣ сей жизни, какъ солнце непреступное и какъ неугасимый свѣтильникъ III, 260; ср. III. 266. 175. Но никому невозможно увидѣть Бога всего явля всецѣло, я почему? III, 74—75. 81—82. 170 (*см. Богъ, созерцаніе, Творецъ*). Какимъ образомъ можно увидѣть Бога? I, 322—324. 197. Какъ обыкновенно челоѣкъ узрѣваетъ Бога? II, 59, 117—118. Какъ никто прежде рожденія не видѣлъ отца своего, такъ никто изъ людей не увидитъ Бога, если прежде не родится отъ Него II, 341. Почему мы не видимъ умно Господа и не созерцаемъ свѣта Божества Его? I, 300—301. Кто видѣлъ и видитъ Св. Духа и Христа? II, 121. Если адсь еще мы сподобимся узрѣть Христа—этотъ Божественный Свѣтъ, то не умремъ во вѣки I, 180—181. *См. плачь, прелесть, свѣтъ, умъ.*

Вниманіе такъ неразлучно должно быть связано съ молитвой, какъ тѣло съ душою II, 179. I, 156—8. Отъ брани вниманія съ помыслами зависитъ жизнь и смерть души II, 180. Богъ требуетъ отъ насъ лишь того, чтобы сердце наше было очищаемо посредствомъ вниманія II, 190—191; ср. II, 521.

Возсозданіе, возстановленіе. Христосъ возстановилъ челоѣческое естество I, 148. 397. II, 35. О таинствѣ возсозданія рода челоѣческаго и о таинствѣ обновленія душъ челоѣческихъ I, 397. Это возсозданіе подается въ купели крещенія I, 24. 221. 225. **Какимъ образомъ** возстановляется въ челоѣкѣ разумное достоинство? (*см. царство небес. I, 364*). *См. крещеніе.*

Воля. Одна есть воля плоти, другая—Духа и иная—души III, 45. Насколько слаба воля человѣка въ дѣлѣ спасенія? I, 362. Кто не творить воли Божіей, а только свою собственную, тому не только нельзя спастись, но и невозможно быть вѣрнымъ и имѣловать истиннымъ христіаниномъ I, 488. Крестъ не что иное есть, какъ отсѣченіе своей воли II, 220. Кто творить волю рабовъ Божіихъ, тотъ творить волю Божию II, 309. О совершенномъ отсѣченіи своей воли I, 451. II, 354. 382—384. 567. III, 23. Оно вмѣняется у Бога въ мученичество III, 38. 87. 145—146. Кто отсѣкаетъ свою волю, тому Богъ даруетъ Свою волю, дѣлая ее неизгладимою въ сердцахъ его II, 542.

Воплощеніе (домостроительство воплощенія). Въ чемъ состоитъ и какъ совершилось великое таинство домостроительства или воплощенія Сына Божія? I, 79. 167. 261. 374—375. III, 27—28. 108. 259—260. Какую неизреченную благодать Богъ проявилъ въ немъ? I, 393 (см. *Давидъ*). Богъ сдѣлался человѣкомъ ради поднятія смерти I, 247. Сынъ Божій воплотился ради дарованія намъ благодати I, 79. 167. 261. 317. II, 207—и ради обоженія человѣка I, 88. 466. II, 109. 547 (см. *обоженіе*). Воспринявъ плоть, Онъ далъ намъ Божественнаго Духа I, 375—376. 398. III, 31. 133. 260. Дѣло воплощенія Сына Божія неизреченно и непостижимо для всѣхъ Ангеловъ и для всякой тварной природы III, 278. Какимъ образомъ это таинство совершается въ каждомъ христіанинѣ? I, 377—378. См. *Сынъ Божій*.

Воскресеніе. О смерти тѣла прежде физической смерти и о воскресеніи душъ прежде воскресенія тѣлъ II, 316—317. 563. Воскресеніе души въ сей жизни есть соединеніе ея съ Духомъ Святымъ или со Христомъ I, 47. 256. 345. Что означаютъ слова: Воскресеніе Христово видѣвше, а не вѣровавше? I, 346. Воскресенію Христову вѣрять премногіе, но чисто зрять его немногіе I, 346. Когда и какъ воскресеніе Христово мысленно совершается въ насъ? I, 255—257. 344—347. II, 357; ср. III, 168—169. О всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ I, 25. 380—381. 484. II, 278. Тогда плоть будетъ поглощена душою I, 55. Какими будутъ воскресшія души и тѣла праведниковъ и грѣшниковъ? III, 218—219. II, 54—55. См. *святые, тѣло, умъ*.

Врачевство. лечебница, врачъ. Не будучи уврачеванъ душою, человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ исполнять волю Божию I, 225. Объ уврачеваніи больного естества нашего I, 66—67. Наши духовныя немощи можетъ уврачевать единый Врачъ душъ и тѣлесъ—Христосъ I, 67. 121. 124; ср. III, 19. Врачевство отъ нихъ одно—пріятіе благодати Божіей или Духъ Святой I, 123. 127; ср. III, 62. Лечебница для больного естества человѣческаго и врачъ и врачевство—все Христосъ Господь I, 214. См. *умъ*.

Время. Настоящее время есть время трудовъ, а будущее—время вѣнцовъ III, 35. См. *купля*.

Вѣдѣніе. Черезъ невѣріе Адамъ потерялъ духовное вѣдѣніе и созерцаніе Бога и впалъ въ плетское, страстное вѣдѣніе, которое

есть тьма невѣдѣнія и для котораго непонятно духовное, божество. вѣдѣніе I, 226—228. Чему подобно духовное вѣдѣніе? I, 442 (см. *Писаніе*). Кѣмъ и какъ открывається для насъ дверь этого вѣдѣнія? I, 444. II, 70. Смиреніе и христоподражательное житіе— путь восхожденія на высоту духов. вѣдѣнія II, 88. *См. боговъдѣніе, познаніе, свѣтъ, созерцаніе, умъ.*

Вѣра, невѣріе. О вѣрѣ, какъ начальной добродѣтели I, 451. II, 409. III, 202. Вѣра употребляется въ семи значеніяхъ I, 167—168. Мы ячего не можемъ принести Богу для спасенія, кромѣ вѣры I, 297—298. Вѣра во Христа есть новый рай I, 240. Надобно вѣровать не только во Христа, но и Христу, т. е. всѣмъ словамъ Его I, 262. II, 244—245. Мѣра вѣры и невѣрія обнаруживається въ исполненіи заповѣдей I, 265. Кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ творить Его заповѣди и наоборотъ I, 324—325. О вѣрѣ, надеждѣ и любви I, 402—403. 404 II, 5, 112, 414. Вѣра и дѣла; неразрывная связь между ними I, 168, 170—171, 266, 408. Почему вѣра безъ дѣлъ мертва? I, 325, 347—348. II, 15. Вѣру не только безъ богоугодныхъ дѣлъ, но имѣющую еще и дѣла ненавистныя Богу надлежитъ называть не мертвою вѣрою, а безвѣріемъ и нечестіемъ II, 357. Вѣра вмѣстѣ съ дѣлами выше знаменій и чудесъ I, 435. Какой вѣры требуетъ отъ насъ Богъ? I, 403—404. Въ чемъ состоитъ истинная вѣра во Христа? II, 508. Какъ она приводитъ къ отреченію отъ міра? II, 509. Когда было удобнѣе вѣровать во Христа, во время ли Его земной жизни или въ настоящее время? I, 424—426 (см. *Сынъ Божій II, 424*). Вѣра и знаніе II, 82. Плодъ вѣры есть святой и невечерній свѣтъ II, 336. Невѣріе отгоняеть Божество. Духа III, 149; ср. III, 238—239. Невѣры, маловѣры или полувѣры не видятъ и не могутъ видѣть кровенной силы вѣры нашей I, 347. *См. терпѣніе.*

Вѣрный, невѣрный. Вѣрнымъ именуется и есть тотъ, кому вѣрена благодать Св. Духа I, 25—26, 80, 168, 263—264, 330, 463. Кто есть истинно вѣрный и кто невѣрный? I, 205, 216—217, 222—223, 262—263, 323, 404. II, 47, 451. Вѣрность заповѣдямъ служить чертою раздѣленія между вѣрнымъ и невѣрнымъ I, 223. Каковъ тотъ, кто истинно вѣрующій? I, 435—441. Много ли истинно вѣрующихъ? III, 215. *См. воля, познаніе, христіанинъ, Церковь.*

Г.

Гнѣвъ и похоть суть главнѣйшія страсти I, 135. Вначалѣ они не были страстями, а сдѣлались таковыми вслѣдствіе растлѣнія ума (см. *умъ*) I, 219—220.

Гордость есть первый грѣхъ, источникъ и корень всякаго зла и причина паденія человѣка I, 361, 146, 357. Она—причина и корень всѣхъ грѣховъ и всѣхъ страстей душевныхъ I, 146. II, 430. Гордость есть величайшее зло, ложь, слѣпота, край безумія и пр. I, 268, 270. Гордость рождается отъ невѣдѣнія себя самого I, 268—269, 273. Какимъ образомъ дѣволъ поддерживається въ

человѣкъ гордость? II, 449. Гордый есть больной, безчувственный I, 269. Нечистъ предъ Господомъ не всякій грѣшникъ, но высокосердый I, 310—311 (*ср. благочестіе*). Почему Богъ гордымъ не даетъ благодати? I, 141. *См. кротость, немощь*.

Григорій Богословъ. Упомянаніе о немъ III, 167. Ссылки на его слова и изреченія I, 55. 389. II, 365. 385. 423. 529. III, 192. Выдержки изъ его твореній I, 429—430. II, 27. 53.

Грѣхъ для души то же, что болѣзнь для тѣла I, 63. Грѣхъ есть смерть II, 174. Всякій грѣхъ не оплаканный и не исповѣданный есть смертоносная рана II, 239. 305. Когда человекъ уязвляется грѣхомъ, то сквозь эту язвину, какъ червь, входитъ въ него диаволь II, 339 (*с.м. зло, покаяніе II, 339*). О силѣ надъ нами первороднаго грѣха II, 396. 423; *ср. III, 18—19. 55. 179*. Грѣхъ совершается и по нашей волѣ и не по нашей I, 125—126. Грѣхъ всегда является предъ нами, какъ обманчивая приманка I, 126. Диаволь смѣсилъ съ естествомъ человѣческимъ законъ грѣха I, 251. Человѣкъ любитъ грѣхъ не самъ отъ себя, а по дѣйству сатаны I, 283—284. Почему естеству человѣческому свойственно нынѣ грѣшить? I, 301. Человѣкъ терпитъ непонятное насиліе отъ грѣха и диавола; въ какое жалкое и неестественное состояніе пришелъ онъ отъ этого I, 303—305. 200. Воздержаніе отъ грѣха есть не дѣло человѣка, а благодати Божіей I, 328—329. Когда человекъ дѣлается удобовидимымъ на зло? I, 465. Четырьмя образами грѣшить человекъ I, 127—128. Мы много согрѣшаемъ, не зная того II, 223. Грѣхомъ является не только дѣло грѣховное, но и мысль и желаніе II, 20. 164. 235—236. 261. О такъ называемыхъ малыхъ грѣхахъ I, 451. II, 169—170. 236. Грѣхи наши, какъ стѣна, отдѣляютъ насъ отъ Бога II, 84.

Грѣшникъ. Каковыми всѣ мы рождаемся отъ праотца Адама? II, 151—152; *ср. I, 295—296*. Грѣшникъ не знаетъ и не чувствуетъ болѣзней души своей I, 63—64. Разные виды грѣшниковъ; всѣ они грѣшатъ потому, что не имѣютъ страха Божія I, 245—246. Тѣ, которые грѣшатъ, не суть чада Божіи и не восприняли еще Христа I, 247; *ср. I, 258*. Доколѣ мы грѣшимъ, ложно называемъ Бога Отцомъ нашимъ, имѣя диавола властителемъ своимъ и нося въ себѣ черты подобія ему I, 251. *См. будущ. жизнь, воскресеніе, муки, судъ, Церковь*.

Д.

Давидъ царь. Безмѣрное снисхожденіе Божіе въ воплощеніи Сына Божія отъ Дщери Давида—двоюкаго преступника I, 393. Какимъ образомъ всѣ вѣрующіе во Христа являются единымъ домомъ Давидовымъ? III, 260—261 (*ср. Церковь*). Какъ снова вступаютъ въ него всѣ изверженные? III, 264—265.

Дарованія духовныя. Отличіе ихъ отъ добродѣтелей II, 464. Каждому по достоинству дано отъ Бога свое духовное, а равно и естественное дарованіе III, 253. Какія духовныя дарованія

Богъ подаетъ христіанину? I, 145—146. Въ комъ умножается духовное дарованіе и кто теряетъ его? I, 330—331. Нерадивый не можетъ получить дарованій Св. Духа II, 267. Богъ гнѣвается, когда кто скрываетъ данное ему духов. дарованіе II, 471. I, 94—95. *См. чувство.*

Діаволь, демоны. Діаволь—злой духъ мысленный I, 205,—злая умная сила, отъ Бога отступившая I, 217,—мысленный растлитель I, 136. Кружа умъ человѣка, діаволь растлѣваетъ правые помыслы I, 154. 156. 170. Міродержитель—діаволь играетъ міромъ, какъ малую птичкою II, 177. Когда и какъ онъ сдѣлался княземъ міра? I, 303. Почему діаволь называется княземъ міра и княземъ тьмы? II, 375—376. Много лѣтъ воюя противъ людей, діаволь сдѣлался многоискуснымъ въ этомъ воеваніи; онъ воюетъ пятію кознями I, 355—357. Что сдѣлалъ діаволь своими кознями? III, 73. Какъ онъ всѣхъ людей прельщаетъ и уязвляетъ? III, 52—53. Избавиться отъ него невозможно иначе, какъ только чрезъ Господа I. X. I, 357. Надъ кѣмъ властвуетъ князь тьмы и какаѧ душа презираетъ и попираетъ его? III, 201—202. На кого можетъ дѣйствовать діаволь? I, 205. Діаволь не выноситъ въ человѣкѣ соприсутствія славы или благодати Божіей III, 100. 134. Почему демоны побѣждаютъ человѣка? I, 302. Какъ діаволь старается обнажить душу человѣка отъ благодати Божіей? I, 132. Какимъ образомъ демоны дѣйствуютъ на душу человѣка? I, 220—221. Какъ діаволь улавливаетъ душу въ рабство себѣ? I, 134—135. 137; ср. I, 152. Отчего крѣпнеть царство діавола и каковы члены этого царства? I, 253. О тираніи демоновъ надъ тѣми, которые впадаютъ въ ихъ руки I, 279—280. Съ укрѣпленіемъ грѣховнаго навыка сатана весь входитъ въ человѣка и завладѣваетъ имъ I, 283—284. Почему душа человѣческая можетъ стать хуже бѣсовъ? II, 29; ср. I, 237. III, 175. Преображаясь въ ангела свѣта, діаволь не можетъ однако сообщить радости и мира II, 430—431. О малодушіи, расслабленіи, страхованіи и уныніи отъ бѣсовъ II, 520—521. *См. грѣхъ, зло, страсти.*

Добро, добрыя дѣла. Въ человѣкѣ и послѣ паденія остались нѣкоторыя естественныя добрыя качества I, 140. Недостаточно не дѣлать зла, но надобно дѣлать и добро I, 182. Невозможно спастись съ одною вѣрою безъ дѣлъ I, 433—434. Все доброе въ вѣрующемъ производитъ Христосъ: Онъ есть въ немъ и воюяй, и побѣждай, и моляйся, и благоговѣнствуяй и пр. I, 49. 131 (*ср. поѣзда*). Безъ Христа невозможно сдѣлать ничего истинно добраго I, 273. 153. Безъ помощи Божіей человѣкъ, какъ орудіе безъ мастера, не можетъ ни помыслить, ни сдѣлать ничего добраго III, 254. Добрыя дѣла и добродѣтели, совершаемыя безъ благодати Божіей, вмѣняются Богомъ ни во что I, 169. Всѣ наши добрыя дѣла и подвиги необходимы не для Бога, но для насъ I, 159—160. При совершеніи ихъ должно смотрѣть не на количество сдѣланнаго, но на то, пріятно ли оно Богомъ I, 160—161. Добро бываетъ добромъ только по волѣ III, 86. Не хотя, **ниче**

въ мірѣ не сталъ добрымъ III, 116—117. Какими дѣлами должно служить и благоугождать Богу? III, 142—143. *См. въра, подвиги, спасеніе.*

Добродѣтель есть не что иное, какъ исполненіе воли Божіей I, 47—48. Всякое доброе дѣло, бывающее по заповѣди Божіей, называется добродѣтелию II, 464. Всѣ добродѣтели подобны тѣлу, ногами котораго является смиренномудріе, а главою любовь I, 206—207. О взаимной связи между добродѣтелями II, 359—361. Основныя добродѣтели суть: смиреніе, любовь и разсужденіе II, 226. Главныя заповѣди и добродѣтели заключаютъ въ себѣ всѣ частныя заповѣди и добродѣтели II, 551. Добродѣтельная жизнь справляется не иначе, какъ силою Божіею I, 259; ср. I, 264. Кто не стяжетъ добродѣтелей, тотъ не искоренитъ и страстей II, 295; ср. II, 296—297. Какъ ямѣющій стать сосудомъ благодати, человѣкъ долженъ быть составленъ изъ всѣхъ добродѣтелей I, 451—452. II, 313. Добродѣтели стяжаются кровію II, 359. Всѣ добродѣтели являются долгомъ, а не заслугой II, 174. Добродѣтели сами по себѣ не даютъ освященія душѣ I, 162. Всѣ добродѣтели суть путь къ свѣту, а не самый свѣтъ II, 455. III, 202—204. Чему подобны добродѣтели безъ благодати Св. Духа? II, 67—68. 304. 537. Каждая вещь въ мірѣ, каждая тварь должна учить человѣка добродѣтели или предостерегать отъ страсти III, 276—277. Полный перечень добродѣтелей, дѣлающихъ человѣка мужемъ совершеннымъ II, 409 сл. I, 451. *См. подвиги, путь.*

Долготерпѣніе Божіе. Такъ какъ Богъ послѣ будетъ судить, то нынѣ весьма долготерпѣливъ III, 52.

Домостроительство *см. воплощеніе, Сынь Божій, Троица.*

Духовный отецъ, духовникъ *см. отецъ духовный.*

Духоносцы. Кто и каковы они? II, 565. III, 267—268. Духоносцы говорятъ отъ Духа II, 121—122. Что вѣщаетъ въ нихъ Духъ Святыи и какими дѣлаетъ ихъ? III, 40. *См. обоженіе, святые, совершенство.*

Духъ Святыи есть жизнь вѣчная, Богъ вѣчный, исходящій изъ вѣчнаго Бога и Отца I, 26. II, 95. 105. III, 39. Духъ Святыи есть сѣмя Христа и царство небесное II, 202 (*см. царство небесное*). Божеств. Духъ есть любовь III, 31. Духъ Святыи животворитъ душу, какъ душа тѣло I, 310. 317. II, 305 (*ср. благодать*). Вселяясь въ насъ, Духъ Святыи содѣлываетъ насъ новыми и живыми изъ ветхихъ и мертвыхъ II, 305; ср. I, 317. Онъ одинъ творитъ вѣрующихъ сынами Божіими II, 452 (*см. обоженіе*). Много есть яводовъ воздѣйствій Св. Духа I, 36. О плодахъ Св. Духа I, 29 (*см. дарованія духов.*). Какъ ямѣющій драгоценные камни знаетъ ихъ видъ и величину, такъ и ямѣющій плоды Св. Духа знаетъ силу каждаго изъ нихъ и у кого они есть II, 336—337. Духъ Святыи созерцается не чувственно, но какъ умный свѣтъ I, 174. Какъ Онъ приходитъ и дѣйствуетъ на человѣка? I, 174. На кого Христосъ обильно излилъ и нынѣ изливаетъ Духа Святаго? III, 106. 267. Духъ Святыи не пребываетъ въ нечувственныхъ I, 330.

Онъ ощутительно обиталъ въ мученикакъ II, 49. Духъ Святый будетъ непрестанно пребывать во святыхъ нъ вѣкъ вѣка II, 121. Духъ Святый, отверзая умъ нашъ, научаетъ познанію объ Отцѣ и Сынѣ II, 70. 72. 73. Возводя умъ на небеса, Духъ Святый открываетъ ему тайны Божіи II, 89—90. Безъ Св. Духа никто не можетъ ни самъ научиться богопознанію, ни другихъ научить II, 455. Черезъ Св. Духа вѣрующій всему научается, хотя бы онъ былъ неученымъ и простецомъ III, 269—270. 147—148. Что такое хула на Духа Святаго? II, 126—127. 474. *См. Сынъ Божій, Троица.*

Душа есть умная сила, единичная, простая, приснодвижная I, 220. 126—127. Душа человека есть словесный образъ Слова III, 146. Душа человѣческая—сила, единая между видимымъ невидимая, между тѣлеснымъ—мысленная; начиная быть здѣсь, она не престаётъ здѣсь, но переходитъ вгуды, яко безсмертная I, 242. II, 558. О состояніи души въ тѣлѣ и внѣ тѣла I, 242—243. Душа и умъ созданы отъ Бога по естеству неизмѣнными, но по своей волѣ склоняются къ добру или ко злу I, 350 (*см. измѣненія*). Душа находится во всемъ тѣлѣ и управляетъ имъ II, 386. О соединеніи души съ тѣломъ I, 44—45. II, 386. 558; ср. III, 206—207 (*см. умъ*). Находясь среди нетѣльнаго и тѣльнаго, душа влечется то къ небу, то къ землѣ III, 207. О трехъ силахъ или частяхъ души: разумной, желательной и раздражительной I, 134—135. II, 93—94. 480. 513. О нормальномъ и ненормальномъ ихъ состояніи II, 409—411. Душа безъ Духа Божія такъ же бездѣйствительна, какъ тѣло безъ души III, 242 (*см. благодать, Духъ Святый, смерть*). Признаки „живой“ души I, 47—48. Отчего душа заболѣваетъ? I, 220. Отчего она надмеается и разсѣивается? III, 64. О состояніи души по смерти I, 179—180. Ничего въ мірѣ не должно предпочитать пользѣ души III, 143. Что значить „погубить“ душу свою и что значить „обрѣсти“ ее? I, 175—176. *См. слово, умъ.*

Дѣланіе. О тѣлесномъ и духовномъ дѣланіи I, 197. 290—292. II, 431. Внѣшнее дѣланіе со всѣми его подвигами хорошо лишь при внутреннемъ, сокровенномъ дѣланіи; въ противномъ случаѣ оно—ничто III, 235—236. Каково дѣланіе, бывающее у духовныхъ? (*см. совершенство*) III, 191. *См. святые.*

Е

Евхаристія *см. причащеніе.*

Единеніе съ Богомъ. О всецѣломъ единеніи съ Богомъ или со Христомъ, бывающемъ дѣломъ и опытомъ, съ чувствомъ, видѣніемъ и созерпаніемъ II, 10. 101. 418, III, 83—84. 261. Это единеніе такое же, какъ единеніе Сына Божія съ Отцомъ I, 229. 385. 387. II, 473 (*ср. причащеніе*)—и какъ единеніе мужа съ женою I, 388 (*см. бракъ, Церковь*). III, 92. Богъ не имѣетъ общенія съ неправедными, страстными и злыми II, 20. Когда человекъ обнавится отъ всего и сдѣлается единымъ, тогда Богъ, Единый

найдя одного, соединяется съ нимъ и обожаетъ его III, 104. Какъ Христосъ воображается въ вѣрующемъ, и какъ тотъ видитъ и ощущаетъ Его въ себѣ? II, 59, 336. О плодахъ таинственного общенія со Христомъ I, 273. Черезъ крещеніе и причащеніе Христосъ вселяется и существенно соединяется съ вѣрными, какового единенія не было въ ветхомъ заветѣ III, 109. *См. святые, сокровище: ср. сдруженіе съ Богомъ.*

Епископъ. О достоинствѣ и власти епископовъ III, 228. Какимъ долженъ быть принимающій на себя апостольское достоинство? II, 460—462. Насколько пребываніе съ Господомъ предпочтительнѣе епископскаго сана и какъ опасно прилечь на себя насеніе душъ человѣческихъ? II, 368—372. Характеристика современныхъ преп. Симеону епископовъ III, 229—230. *См. настоятель, пастырь, священство.*

Ересь. Отдѣляющіе Сына Божія отъ Отца дѣломъ или мыслию въ томъ и другомъ случаѣ впадаютъ въ ересь III, 273—274. Какое ходячее людское мнѣніе извращаетъ всѣ Божества. Писанія и все домостроительство, являясь хуже всѣхъ ересей? (*см. прелесть*) I, 426, 431. II, 127 (*ср. святъ III, 209; чувство II, 47*).

Ж.

Жертва, искупительная жертва. Страданія и смерть Христа были искупительной жертвой за грѣхъ Адама I, 24, 319. Принесли Себя въ жертву искупленія, Сынъ Божій опять даровалъ человѣку благодать I, 201—202. Значеніе Его искупительной жертвы для умершихъ прежде Его пришествія и для родившихся послѣ пришествія Христова I, 311—312. Есть двѣ жертвы, за которыя Богъ милуетъ всякаго человѣка и весь міръ I, 270—272. Въ чемъ состоятъ истинная жертва, припомененіе и даръ Богу? III, 228.

Жизнь (земная, духовная, вѣчная). Вся жизнь человѣка есть борьба со смертію I, 269. О разныхъ образахъ жизни; во всякомъ изъ нихъ преобразена жизнь, ведома по Богу II, 539. Какъ въ обыкновенной, такъ и въ духовной жизни при единствѣ цѣли замѣчается различіе служеній II, 539. Главнѣйшее наше дѣло--бoguудная жизнь I, 326. Нѣтъ ничего лучше въ мірѣ жить духовною жизнью, довольствуясь необходимымъ I, 178. Жизнь въ Богѣ превосходитъ всѣхъ благъ міра сего II, 65. Воспринявъ въ крещеніи новую духов. жизнь, надобно и чувствомъ ощутить эту таинственную жизнь I, 315. Что есть вѣчная жизнь? II, 481; ср. I, 26. Вѣчная жизнь покупается произвольною смертію II, 359. *См. Душъ Святый, тайны, терпѣніе.*

З.

Законъ. Вначалѣ въ рай человѣкъ не имѣлъ нужды въ наученіи и законѣ, ни писанномъ, ни духовномъ, такъ какъ былъ святъ I, 28. Послѣ же того, какъ человѣкъ согрѣшилъ, сталъ слѣпъ, вышелъ изъ ума и обезсмыслилъ, ему и данъ былъ законъ, что-

бы показывали, что хорошо и что худо I, 28—29. После пришествия Христова человекъ сдѣлался какъ бы свѣтомъ и снова не нуждается болѣе ни въ какомъ писанномъ законѣ, потому что Божественная благодать Иисуса Христа плодоприноситъ ему благодѣяніе, т. е. любовь, радость, миръ и пр. I, 29. Вѣтхій законъ не могъ врачевать душу отъ страстей II, 141. Какъ Христосъ исполнилъ законъ и пророковъ? II, 141. Будучи двойкѣ, человекъ нуждается и въ двойномъ законѣ III, 37 (*см. заповѣди*). О живущихъ выше закона II, 317—318.

Залогъ. Начатки или залоговъ будущихъ благъ избранные и святыя получаютъ еще отсель, въ настоящ. жизни, все же обѣтованное получаютъ по смерти II, 54. 118—119. 419. 478. Залогъ и печать отсюда еще дается деснымъ овцамъ III, 119. Залогъ царствія — Божеств. Духъ III, 35. Благодать Всесвятаго Духа дается душамъ вѣрующимъ, какъ обрученіе и залогъ; сравненіе души съ невѣстой, обрученной жениху II, 534—535.

Заповѣди, понимаемыя духовно, составляютъ духовный законъ, который посредствомъ тѣла исполняется тѣлесно III, 37. Всѣ заповѣди Христовы даны намъ въ противность грѣхамъ II, 141. „Храни заповѣди Божіи, или лучше сказать, храни себя самого посредствомъ заповѣдей“ I, 240; ср. I, 452—453. Кто считаетъ заповѣди Христа неисполнимыми, тотъ клеветаетъ на Него; всѣ заповѣди Христовы легки и исполнимы даже среди міра I, 263. II, 26. 30. 39—40. Почему должно соблюдать всѣ заповѣди, не презирая ни одной, даже малѣйшей I, 451—456. Не творящій заповѣдей Христовыхъ въ каждомъ преступленіи заповѣди отрицается Христа, а творящій наоборотъ—исповѣдуетъ Его I, 266—267. Кто преступаетъ хотя одну заповѣдь Христа, тотъ не вѣруетъ въ Него и самъ себя лишаетъ жизни вѣчной I, 323—325. Кто нарушаетъ заповѣдь Божію, тотъ, хотя бы міръ спасъ, самъ не спасется, но будетъ чуждъ Богу и далекъ отъ овецъ Христовыхъ III, 148. Преступающій заповѣди врагъ себѣ и Богу I, 41. 255. II, 376—377. Иное есть бояться Бога и иное и исполнять заповѣди Его, иное—негрѣшеніе и иное дѣланіе заповѣдей II, 400—401. Безъ Божеств. силы человекъ никакъ не можетъ исполнить заповѣдей I, 124. 127. Таковая сила сообщается въ таинствахъ крещенія, причащенія и покаянія I, 461—462. Заповѣди Божіи суть: свѣтъ и жизнь II, 511. Невозможно увидѣть свѣтъ заповѣдей тѣмъ, которые преступаютъ ихъ II, 333. О силѣ заповѣдей Божіихъ, когда ихъ исполняютъ II, 503. Исполнители заповѣдей по мѣрѣ ревности въ исполненіи ихъ воспримутъ такую или иную мѣру созерцанія Бога II, 101. О воздаяніи за исполненіе заповѣдей и наказаніи за нарушеніе ихъ II, 441. *См. добродѣтель, орудіе, Писаніе, человеколюбіе.*

Здравіе души состоитъ въ томъ, чтобы не жаждать никакого грѣха I, 146 (*см. царство Божіе*). Оно есть свобода отъ трехъ главныхъ страстей I, 214. Здравіе душевное не достигается собственными нашими трудами, оно есть плодъ христіанской вѣры

и подается благодатию Св. Духа I, 68. II, 304—305. Какой самый видный признак здравия души? I, 68. Здравие души должно быть главною заботою для человѣка въ настоящей жизни I, 125. Всё подвиги бываютъ ради здравія души, т. е. исцѣленія ея отъ страстей, иначе они тщетны I, 216. 124. Въ царство небесное войдутъ только здравыя души I, 124. *См. радость.*

Зло, злой. По естеству никто никогда не бывалъ злымъ: Богъ не есть Творецъ тварей злыхъ, но добрыхъ зѣло II, 257. Все болѣе и болѣе связывая себя грѣхами, мы чрезъ грѣховную привычку дѣлаемся какъ бы естественно злыми II, 229. По мѣрѣ дѣлаемаго зла человѣкъ имѣетъ въ себѣ и бѣса, малаго, или великаго, или многихъ, а по мѣрѣ добродѣтели—такую или иную благодать Божию (*ср. сокровище*) I, 206. *См. грѣхъ, дьяволъ, крещеніе.*

Знаніе *см. отдѣліе, вѣра, наука, познаніе.*

И.

Игуменъ *см. настоятель.*

Измѣненія (души, ума и тѣла). Какія измѣненія и отъ чего бываютъ въ душѣ и въ умѣ? I, 348—350. О переизмѣнахъ въ тѣлѣ, естественныхъ и отъ демоновъ I, 352—353. Тѣсная связь между измѣненіями души, ума и тѣла I, 354. Причины этихъ измѣненій понимаютъ одни только подвизающіеся въ добродѣтели, а измѣненія въ умѣ разуміютъ одни безстрастные и совершенные I, 353. По причинѣ всѣхъ этихъ каждодневныхъ измѣненій всякому необходимо установить норму своей жизни для безпречаственнаго прохожденія добродѣтелей I, 335.

Искушеніе *см. жертва.*

Искушенія (и скорби). Христіанину крайне потребно и спасительно подпадать искушеніямъ и скорбямъ I, 73—74. Въ искушеніяхъ и скорбяхъ благодарить Бога для насъ такъ же потребно, какъ дышать воздухомъ I, 74. Какъ желѣзо безъ огня, такъ и душа не можетъ очиститься безъ искушеній и скорбей I, 194. Желаящіе быть со Христомъ причастниками Его славы и царства должны съ радостію переносить всякія искушенія, поношенія и безчестія I, 456—460. Никому нельзя войти въ царство небесное другимъ способомъ, какъ только тѣсными вратами искушеній и скорбей I, 195. Кто можетъ безпечально передосить искушенія и скорби? II, 544. *См. терпѣніе.*

Исповѣдь. Чрезъ исповѣданіе грѣховъ, молитву, благословеніе и возложеніе рукъ священника приходитъ благодать Св. Духа и подается разрѣшеніе грѣховъ I, 116. 203—204. 225. 462. Пока кто не стяжаетъ свѣта Св. Духа, не можетъ руководить другихъ, принимать чужіе помыслы и исповѣдывать II, 68. О власти вѣзати и рѣшити: чьимъ достояніемъ она является? II, 322—323. 430. 434—435 (*см. священство*). Посредствомъ исповѣди избираютъ себя духовнаго отца I, 114—115. *См. отецъ духов., оброчаніе съ Богомъ.*

Источеніа. Отъ какихъ причинъ бываютъ ночныя истеченія? II, 551—552.

Истина. Отчего человекъ потерялъ истину и обреченъ на искаженіе ея? I, 307—308. Когда и какимъ образомъ она снова обрѣтается нами? I, 308. Истина—отъ Бога, въ словѣ Божіемъ содержитсяъ и благодатью Христовою постигается, и какимъ именно путемъ? I, 307. Истина есть не другое что, какъ благодать Христова I, 201. 172. Истина Божія есть паче ума и слова человѣческаго, Богъ непреложный, сый и живый II, 109.

Іоаннь Златоустъ. Упомянутое о немъ I, 427. III, 167. Ссылки на слова Златоуста I, 297. II, 142.

Іоаннь Лѣствичникъ. Ссылки на его писанія II, 196. 272. Выдержки изъ нихъ I, 143. II, 189.

К.

Кончина міра. Доколѣ не наполнится вышній міръ, т. е. тѣло Церкви не сдѣлается полнымъ, доколѣ не придетъ и конецъ I, 389 и слѣд. Какъ во время потопа вода потопила всѣхъ людей, такъ и при кончинѣ міра огонь, подобно морю огненному, покроетъ всю землю II, 154.

Красота Божественная изумляетъ всякій умъ, поражаетъ сердце, узалиетъ душу, приводитъ въ изступленіе мысли и возжигаетъ внутри огонь любви къ Богу III, 94. 242. Еще о неизъяснимой и неизреченной красотѣ лица Божія или Божества славы III, 55—56. 68. 111. 112. 126. 131. Она помрачаетъ всякое видѣніе и превосходитъ зрѣніе III, 194. *См. созерцаніе.*

Крестъ—знаменіе общаго спасенія, содружества человекъ съ Богомъ I, 26. Крестъ—величіе, слава и сила христіанъ I, 26. Демоны боятся образа креста I, 26. Крестъ, по мѣрѣ благоговѣнія къ нему, даетъ душѣ крѣпость, силу, смыслъ и божество, мудрость I, 27. Крестъ слѣдуетъ за подвигами самоотверженія; подъ нимъ разумѣются скорби, искушенія и самая произвольная смерть за Христа II, 220. *См. боли.*

Крещеніе. Въ крещеніи мы очищаемся водою, сратворенною съ Духомъ Святымъ, получаемъ благодать Духа, оживотворяемся душами и являемся какъ бы воскресшими изъ мертвыхъ I, 24. Крещенные помазуются муромъ I, 24. Кунель крещенія есть бани пакыбѣтія, истиннаго обновленія и всецѣлаго возсозданія падшаго естества человѣческаго I, 225. 221. Возрождаетъ человекъ Духомъ Святымъ, крещеніе возсоединяетъ его съ Богомъ, возстановляетъ всѣ душевныя силы и приводитъ крещаемого въ состояніе первозданнаго Адама I, 309—310. III, 37. Тотчасъ по крещеніи душа человекъ принимаетъ благодать Христову и чрезъ нее въ ней воображается Христосъ I, 464. Крещаемые солекаются прежняго растлѣнія грѣховнаго, какъ ветхой одежды, облакаются во Христа и содѣлываются сынами Божіими по благодати I, 448. 190. 299—300. II, 45. Во Христа же они облакаются не въ невѣдѣніи, не въ безчувствіи, но съ чувствомъ и знаніемъ III, 221.

Кто чрезъ крещеніе облечся во Христа, тотъ не можетъ грѣшить I, 329. Крещеніе имѣетъ великую силу, дѣлая удобовѣжныхъ на зло неподвижными или по крайней мѣрѣ неудобовѣжными на зло и удобовѣжными на добро I, 461; ср. 465, для каковой цѣли Христосъ даровалъ намъ и таинство причащенія I, 462 (ср. *заповѣди*). Чрезъ крещеніе мы освобождаемся отъ рабства грѣху и діаволу, дѣлаемся свободными и вступаемъ подъ охраненіе св. Ангеловъ II, 153. Однако въ крещеніи мы не получаемъ еще совершенной благодати II, 533. III, 37. Какowymi являются младенцы послѣ крещенія и отчего они скоро лишаются благодати сыноположенія? II, 442—444. Благодать крещенія человѣкъ теряетъ обыкновенно въ юности I, 176. 464. Блаженны умершіе тотчасъ послѣ крещенія, но еще болѣе блаженны свято пожившіе послѣ крещенія I, 48. Принявшіе крещеніе и недостойно его прожившіе будутъ осуждены болѣе некрещенныхъ III, 36.

Кротость и смиреніе—признаки примиренія души съ Богомъ I, 80. Кротость и смиреніе показываютъ близость человѣка къ Богу, а гордость и гнѣвливость—наоборотъ I, 272. *См. блаженство, смиреніе.*

Купля духовная. Что значитъ искупать время? (объясн. Еф. 5, 16) I, 285—290 (*см. терпѣніе*). Что значитъ искупать разумность души, цѣломудріе тѣла и пр.? I, 290—292. Когда и какъ покупается многоцѣнный бисеръ Духа I, 292. III, 32 и слѣд.

Л.

Лукавство есть корень и источникъ грѣха, оно есть сѣмя лукаваго сѣятеля, прозирающее весьма много вѣтвей злобы III, 25.

Любовь есть глава всѣхъ добродѣтелей I, 184. II, 414—415. III, 280. Первой изъ всѣхъ добродѣтелей, царицей и госпожей ихъ является любовь; она всѣмъ ямъ глава, одежда и слава III, 31. Ею удомостроительствована вѣра наша, на ней основана надежда и безъ нея ничто изъ сущаго не происходило и никогда не произойдетъ II, 5. У любви много именъ и дѣлъ много, но существо ея одно и для всѣхъ совершенно неопостижимо II, 5. Любовь есть дѣйствіе Духа, или лучше—существенное Его присутствіе III, 220. Любовь—не имя, но Божественная сущность III, 220. Любовь есть Христосъ и Богъ нашъ II, 415; ср. II, 559—560. III, 88. Христосъ наименовался и есть самосущая и ипостасная любовь II, 367. 500. 502. Любовь есть Божественный Духъ и всеосвершающій свѣтъ III, 27. Она есть огонь и свѣтъ III, 29 (*см. огонь*). Заповѣдь о любви—самая великая и важная I, 183. 184. Любовь выше всего; безъ нея ни одна изъ добродѣтелей, ни всѣ оныя вмѣстѣ не принесутъ никакой пользы III, 28—29. Безъ любви никуда не уйдешь III, 277. Безъ любви всѣ труды тщетны и бесполезны II, 8. Безъ нея тщетны пять самыхъ великихъ дарованій (1 Кор. 13, 1—3), и почему? I, 184—185. Безъ любви никоимъ образомъ невозможно спастись, и почему? III, 30. Любовь есть конецъ закона, наставница пророковъ, сшественница

Апостоловъ, сила мучениковъ, вдохновеніе отцовъ и учителей, совершенство всѣхъ святыхъ II, 7. Въ любви, которая имѣетъ двѣ ступени, совмѣщается весь законъ, ветхій и новый I, 185. Кто не имѣетъ любви, тотъ не можетъ быть признанъ ученикомъ Христовымъ или христіаниномъ; а кто стяжалъ одну только любовь, тотъ востекъ на самый верхъ совершенства I, 183. III, 88. Любовь есть престолъ херувимскій, носящій Бога I, 207. Любовь не есть дѣло удобоисправимое и вещь легко обрѣтаемая I, 183. III, 88. Любовь боготворящая есть даръ, таинственно подаваемый достойнымъ III, 88. Плодъ любви произрастаетъ на дрѣвѣ страха, которое ею же искореняется III, 26—27. Любовь изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ, но никто не можетъ ни видѣть ее, ни получить, если не сохранить твердой вѣры во Христа и не совершить всѣхъ добродѣтелей II, 415. Совершенная любовь приходитъ послѣ явленія въ насъ Христа Спасителя II, 112. Въ душѣ человѣка не можетъ быть любви, если въ ней нѣтъ вѣры и упованія II, 112 (см. *вѣра*). Какъ въ душѣ христіанина рождается любовь ко Христу? I, 132. II, 61—63. Любить Христа значить исполнять Его заповѣди I, 181. Кто всему предпочитаетъ любовь Божію, въ душѣ того она день ото дня множится и бываетъ въ немъ чудомъ чудесъ II, 64. Пребывая внѣ міра, любовь восхищаетъ туда и умъ и душу человѣка III, 27. 29—30. Любовь къ Богу превосходить и затемняетъ всякую человѣческую любовь и желаніе II, 368. 425—427. III, 68; ср. III, 105. Какими содѣлываются тѣ, которые стяжали любовь главою себѣ? II, 416. Въ сердцахъ святыхъ, безстрастныхъ любовь не умаляется и не прекращается II, 422. Св. любовь всѣхъ вѣрныхъ—святыхъ отъ первыхъ до послѣднихъ проникаетъ, соединяетъ и связываетъ въ златую цѣпь II, 559—560. Какую любовь должно имѣть ко всѣмъ вѣрнымъ? II, 525. До любви ко всѣмъ и ко врагамъ человѣку никакъ невозможно самому додуматься, если не изольется прежде въ душу его любовь Божія II, 417—418. Любящій враговъ и молящійся о нихъ въ короткое время достигаетъ великаго преслѣянія II, 513. Корень любви—смиреномудріе I, 184—185 (см. *добродѣтель, смиреніе*). О внутренней связи между ними I, 207. Изъ какихъ признаковъ познается истинная любовь къ Богу и ближнимъ? II, 286. Ублаженіе тѣхъ, которые стяжали любовь II, 5—6. Примѣры великой любви II, 10—11.

Любостяжаніе. Блага земныя Богъ создалъ для общаго пользованія, но любостяжаніе лишило весьма многихъ пользованія ими I, 188.

М.

Марія Египетская. Краткая передача житія ея, и какъ спаслась она, если не творила милостыни тѣлесной? I, 187. Еще упоминаетъ о ней II, 290.

Маркъ Подвижникъ. Нѣкоторыя главы изъ его книги о духов. законѣ II, 22—23.

Мертвость, мертвый духовно. О признакахъ духовн. мертвости I, 325. 255—257. III, 82. 86. Какъ тѣло безъ души не можетъ жить, такъ и душа наша безъ Духа Святаго мертва II, 305. Кто не воспринялъ Св. Духа, тотъ мертвъ III, 149. Душа бываетъ мертва и безчувственна, доколѣ не соединится со Христомъ I, 345. Пока тѣло живо, душа бываетъ мертва и неподвижна на всякую заповѣдь Божию II, 515. О совершенной мертвости души I, 135. Если мы не восприняли чувства вѣчной жизни, то мы мертвы II, 48. Мертвые душею не суть христіане, но невѣрные I, 258. Всѣ мы, какъ грѣшныя, умерли и мертвы II, 305. Большинство людей, будучи безчувственны ко всему, являютъ мертвыми прежде смерти и во адѣ содержимыя III, 238. О духовно мертвыхъ, слѣпыхъ, глухихъ: они ходятъ и живутъ, но какъ скоты III, 149. Мертвымъ невозможно пріять жизнь иначе, какъ чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ II, 15. Духовно мертвыи безчувственъ къ Божеств. слову II, 284. Таковой не только не можетъ творить волю Божию, но даже и услышать ее II, 308. *См. нечувствіе, чувство.*

Милостыня, раздаяніе имущества. О милостынѣ, какъ одномъ изъ средствъ для спасенія I, 151—152. 357—358. Какимъ образомъ прежде всего должно исполнять заповѣдь о милостынѣ (Мѡ. 25, 35—36. 40)? какъ исполнили ее подвижники, удалявшіеся въ пустыни, и кто не исполняетъ ее? I, 185—191; ср. I, 231. II, 52—53. Хороши всѣ дѣла, дѣлаемые ради Бога и милосердія къ ближнему, если человекъ прежде всего себя самого милуетъ III, 228. Почему Христосъ заповѣдуетъ намъ милостыню? I, 191—193. Для спасенія недостаточно одного раздаянія имѣнія, но надобно всего себя принести въ жертву Богу I, 194—197; ср. III, 32—33. Не будетъ намъ никакой пользы отъ раздаянія имущества и путешествій ко св. мѣстамъ, если не очистимся покаяніемъ и слезами и не получимъ благодати Св. Духа II, 139—140. 200—202. Милостивымъ дѣлаетъ милостивость сердечная II, 205—206. Спасаетъ не однократное дѣло милосердія къ бѣднымъ, но всегдашнее, по всю жизнь, милостивое отношеніе ко всѣмъ II, 548—550. Почему Господь усвоаетъ Себѣ лицо каждаго бѣднаго? II, 549. Только милостивые, все раздавшіе бѣднымъ, суть надежные обладатели имущества III, 64—65.

Міръ, міряне. Богъ сотворилъ два міра, видимый и невидимый II, 558. 565. Что такое безтѣлесный міръ? III, 122. „Міръ“ есть не воля міра, а грѣхи, пристрастіе къ вещамъ и страсти II, 162; ср. II, 382. III, 16. О суетности міра III, 65; ср. III, 113. Мы имѣемъ въ себѣ „міръ“ живымъ I, 39. Что значить „возненавидѣть міръ“? I, 40. Какимъ образомъ вѣра во Христа приводитъ къ отреченію отъ міра? II, 508. Чего должно остерегаться и что дѣлать желающему удалиться отъ міра? II, 509—510. Въ чемъ состоитъ истинное удаленіе отъ міра? II, 161. 163. Кому подобенъ распявшійся или умершій міру? II, 316. 563. О животворномъ умертвіи міру II, 358—359. Почему вѣрующіе побѣждаютъ міръ?

II, 480. Христосъ опредѣлялъ заповѣди для всѣхъ вообще, а не особо для монаховъ и особо для мірянъ I, 109. Не для монаховъ только, но и для мірянъ возможно всегда каяться и плакать, молиться и преусиловать во всѣхъ добродѣтеляхъ II, 142. *См. заповѣди, рай, тварь, Творецъ, человекъ.*

Менсей *см. Богъ, Симеонъ Богоугодный.*

Молитва есть бесѣдованіе съ Богомъ I, 78. Виды молитвы I, 78—79. Прежде надлежитъ научиться, какъ должно молиться и чего просить въ молитвахъ I, 158. А для этого нужно много времени и труда I, 76. О пользѣ молитвы и какова должна быть молитва? I, 76—77. 156—158. Какъ для тѣла необходимо потребенъ воздухъ, чтобы дышать, такъ для души необходимо непрестанное поминаніе о Богѣ, т. е. молитва I, 77. Молящійся долженъ сознать, о чемъ молится, и сообразовать свою жизнь со словами молитвы I, 249—250. 252—253. Нѣтъ грѣха больше, какъ молиться безъ страха Божія и благоговѣнія I, 77—78. 81—82. 249. Молиться не устами только, но и умомъ невозможно безъ просвѣщенія Св. Духа I. 82. 363. II, 568: почему? I, 154—156 (*ср. умъ*). Восемь классовъ лицъ, пуждающихся въ молитвѣ Церкви I, 141—142. Молиться о ближнемъ нужно сообразно съ его душевнымъ состояніемъ, иначе молитва не будетъ услышана Богомъ I, 142—145. Почему Богъ не всегда подаетъ намъ просимое? I, 145. О силѣ молитвы Иисусовой I, 265. II, 188—189. Есть три образа вниманія и молитвы, которыми душа возвышается или низвергается II, 179 (*см. вниманіе*). Признаки первого образа (престной) молитвы II, 180—181. Признаки второго образа молитвы (бывающей лишь въ головѣ) II, 182—183. Почему первый и второй образъ молитвы не приводятъ къ преспѣянію? II, 189—191. Третій образъ (сердечной, благодатной) молитвы связанъ съ совершеннымъ послушаніемъ духов. отцу и отреченіемъ воли II, 183—184. Для достиженія его необходимо храненіе во всемъ чистой совѣсти II, 184—185. Этотъ образъ молитвы состоитъ въ несходномъ пребываніи ума въ сердцѣ во время молитвы II, 185—186. Этимъ молитвеннымъ дѣланіемъ занимались всѣ св. отцы II, 186—187. Безъ него невозможно установиться на одной добродѣтели, а съ нимъ легко стижать всѣ II, 186—187. Какъ можно научиться ему? II, 187—188. Каковъ правильнѣйшій путь молитвеннаго дѣланія? II, 189—190. Началомъ его непременно должно быть укрощеніе страстей II, 189. О непрестанной умной молитвѣ I, 451. II, 237. 281. 409. III, 23. Стяжавшій се имѣть исполненными всѣ заповѣди о молитвѣ II, 551. О многословіи и немногословіи въ молитвѣ II, 568. О молитвѣ: Отче нашъ II, 569. Примѣръ молитвеннаго правилца I, 277. *См. псалмопѣніе.*

Молчаніе—одна изъ добродѣтелей, въ особенности необходимая для монаха I, 451. II, 211. III, 23.

Монахъ, монашество, монастырь. Воспріятіе ангельскаго образа—второе преденіе покаянія I, 465. Монахи суть лица, всту-

пившія во втория соглашенія и завѣты съ Богомъ II, 234. Каковымъ должно быть монаху и каково его дѣланіе? III, 91—93. 224. Истинный монахъ никоимъ образомъ не одиночекъ, тогда какъ всѣ прочіе люди напротивъ одиноки, и почему? III, 91—92. Какіе обѣты даетъ монахъ? II, 232. Какъ предавшійся на мученичество, онъ до смерти долженъ пребывать въ злостраданіяхъ, держась одной любви къ Богу III, 144 (*см. мученики*). Отрекшись отъ міра и своей воли, монахъ не имѣетъ болѣе власти надъ собою III, 145. Для чего монахъ вступаетъ въ монастырь? II, 247. Монахи должны жить въ монастырѣ, какъ бы на уединенномъ островѣ III, 145. Принявъ монашество, мы (монахи) надѣли только одеждою воиновъ Христовыхъ, но не сдѣлались еще таковыми II, 299. Доколѣ не получимъ здравія души (безстрастія), мы подобны скорѣе разнымъ больнымъ и недужнымъ, лежащимъ въ больницахъ и страннопріимницахъ, чѣмъ работающимъ Господу II, 303—304. Монашеская (истинно-духовная) жизнь—искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ II, 209. Какъ монахъ долженъ вести себя въ храмѣ? II, 197—198. 209—211. Монахъ долженъ понуждать себя къ тому, чтобы ни одна служба не проходила у него безъ слезъ II, 210. Какъ монахъ долженъ вести себя во время трапезы? II, 213—217. Монахамъ данъ законъ строгаго воздержанія не только на время поста, но и на все время жизни II, 288; ср. II, 511—512. Пристрастіе къ мелкимъ вещамъ дѣлаетъ монаховъ врагами Богу II, 164. Какъ чрезъ пристрастіе къ роднымъ врагъ старается отвести монаха отъ спасительнаго пути? II, 241. 249—253; ср. III, 144—145. О монахахъ благочестивыхъ только по виду II, 262—263. О ложной любви и ложномъ братскомъ общеніи между монахами II, 263—264. *См. міръ, новоначальный, прекословіе.*

Мощи. Отчего мощи святыхъ источаютъ исцѣленія? I, 54.

Мудрованіе плотское не даетъ жить по Богу I, 291, заставляетъ насъ не желать никакого лишенія и злостраданія II, 354. *См. уль.*

Мудрость, премудрость. О мудрости міра сего и о премудрости Божіей III, 127. Всѣ твари вѣщаютъ о премудрости Творца III, 276 (*ср. Творецъ* II, 423). Усовершенствовавшіеся въ божественномъ вѣдѣніи стремятся и другихъ расположить къ добродѣланію и истинному вѣдѣнію II, 546—547. Кто не положилъ начала премудрости отъ страха Божія, тотъ буй, слѣпъ и мертвъ I, 324. Вышняя мудрость не постигаетъ танихъ Божіихъ ѱ ея ученики—людей богонаученныхъ I, 221—222. II, 328—330. 545. Мнѣншіи быти мудрымъ никогда не проникнетъ въ тайны Божіи, если прежде не смирится и не сдѣлается въ чувствахъ сердца своего буинь II, 544. *См. наука, Писаніе, познаніе, страхъ, тайны.*

Муки адскія, вѣчныя. Мы не для вѣчнаго мученія рождаемся въ міръ сей, ибо адскій огонь уготованъ діаволу и прочимъ демонамъ I, 53 (*ср. радость*). Не родившихся духовно ожидаетъ вѣчная мука II, 445. При второмъ пришествіи Христовомъ грѣш-

никовъ обьметъ великій страхъ и трепеть, неопиcуемая скорбь и мука I, 486—487. Не имѣющіе въ умѣ и сердцѣ Божеств. Духа будутъ отосланы въ вѣчную тьму III, 270. Не видящій умнаго свѣта и умершій чувствомъ будетъ какъ бы вѣчно умирающимъ въ мукахъ III, 193. Никто не знаетъ, каковы будутъ адскія муки III, 57. Откуда будутъ проистекать загробныя мученія грѣшниковъ? I, 52. Одно обитаніе во мракѣ своей плоти, какъ въ бочкѣ, будетъ для нихъ хуже всякаго наказанія III, 217—218. Опаляемые и осуждаемые своею совѣстію, грѣшники будутъ имѣть неизреченное мученіе и невыразимую скорбь во вѣки III, 123. Пропасть, имѣющая отдѣлять праведниковъ отъ грѣшниковъ, для попадающаго въ нее будетъ ужаснѣе всякой пытки и муки III, 120. Мученія грѣшниковъ будутъ соответствовать тяжести ихъ грѣховъ III, 219. *См. будущ. жизнь, огонь, страхъ.*

Мученики, мученичество. О сорока мученикахъ и о мученикѣ Евстратіи II, 49 (*см. Духъ Святый*). Какимъ образомъ желающимъ можно каждодневно проходить подвигъ мученичества? II, 49—51. Ежечасно умирающіе своею волею суть мученики по одному произволению, безъ гонителей, огня и мечей III, 145—146. *См. воля, монашъ.*

Н.

Надежда. Вѣра сочетана съ надеждою, а надежда сопутствуетъ любви II, 112 (*см. вѣра, любовь*). Кто не удостовѣряется въ спасеніи въ сердцѣ своемъ благодатію Св. Духа, тотъ никогда не стяжетъ непостыдной надежды II, 278; ср. III, 129. *См. плачь.*

Наказаніе. Когда согрѣшитъ душа, Богъ наказываетъ тѣло (обьясн. I Кор. 5, 5) I, 283. Временное наказаніе челоуѣка смертію не отмѣнено до скончанія вѣка, а вѣчныя наказанія за грѣхи отмѣняются, но только въ семь вѣкѣ I, 319—321. *См. муки, тлѣніе.*

Настоятель монастыря, игумень. О трудности и отвѣтственности настоятельскаго служенія II, 463. III, 130. Настоятель монастыря долженъ имѣть всѣ добродѣтели и особенно благодатныя дарованія II, 463. Какими качествами онъ долженъ отличаться? II, 466—467. Объ учительской, пастырской и прочихъ обязанностяхъ настоятеля II, 465—469. Къ каждому изъ братіи настоятель долженъ относиться соответственно его духовному преспѣванію и положенію въ монастырѣ II, 465. 468. Не только безмолвникъ, но и настоятель надъ многими (епископъ ли, игумень, или діаконъ) долженъ быть по заповѣди Божіей (Мѣ. 6, 25. 32) безпечаленъ относительно житейскихъ потребностей II, 522—523. *См. пастырь.*

Наука. Ни мудрость, ни знаніе, ни даже наука не есть Божественный свѣтъ или отблескъ этого свѣта III, 202. На судѣ Божиемъ ничто изъ земныхъ дѣлъ и вещей не принесетъ никакой пользы, даже ни знаніе буре вѣшнихъ наукъ III, 199. *См. умъ.*

Небо. О сотвореніи видимаго, вещественнаго неба III, 199—180.

206. *См. Творецъ.*

Невъдѣніе, какъ густое покрывало, лежитъ на умныхъ очахъ миролюбцевъ I, 108; ср. II, 387. О великомъ невѣданіи и невѣрніи безчужденныхъ христіанъ III, 83; ср. I, 347. *См. вѣдѣніе, покаяніе, тьма.*

Невѣріе *см. Адамъ, стѣра, невѣдѣніе, прелесть.*

Немощь. Каковы немощи падшаго естества нашего? I, 122. 124. Самое хотѣніе человѣка спастись Богъ смѣсилъ съ немощью, чтобы избѣжать ему даже слѣда гордыни I, 361. *См. болѣзнь, грѣхъ.*

Нестязательность. Какова истинная нестязательность? II, 307. О нестиязаніи, какъ одной изъ добродѣтелей I, 171. 451. II, 409. 455. III, 202.

Нечувствіе, безчувствіе. Люди не чувствуютъ своей великой болѣзни I, 134. 243—244. Въ какомъ ослѣпленіи и нечувствіи мы находимся? II, 229. 324; ср. II, 11. Совершенное нечувствіе хуже отчаянія II, 242. Нечувствіе есть смерть души I, 269. Заболѣвающій душою не чувствуетъ своей болѣзни, но чѣмъ болѣе разболѣвается, тѣмъ болѣе становится нечувствительнымъ I, 269. Не облекшійся умно во Христа безчувственъ и слѣпъ II, 517. Если, облекаясь во Христа и призащаясь, мы не чувствуемъ этого и не видимъ Его, какъ свѣтъ міра, то чѣмъ мы отличаемся отъ мертвыхъ? II, 55—56. 123—124; ср. III, 94—95. Покрывало нечувствія лежитъ не на сердцахъ только невѣрныхъ евреевъ, но и всѣхъ не творящихъ заповѣдей Евангелія II, 132; ср. III, 223. Душа человѣка, вступившаго на путь спасенія, перво-на-перво свидѣтель это покрывало нечувствія II, 131. *См. гордость, грѣшникъ, мертвость.*

Нищета духовная, нищѣ духомъ *см. блаженство, смиреніе.*

Новоначальный монахъ. Предостереженія вступившему въ монастырь II, 511—512. Новоначальный монахъ долженъ во всемъ предать себя въ волю духовнаго отца своего II, 512—513. Какова должна быть повседневная жизнь новоначальнаго монаха? II, 209—218. Наставленія новоначальному монаху или путь восхожденія къ совершенству III, 87—88. 89—90. Новоначальному не полезно раздавать милостыню II, 512. *См. плачь, помыслы, совершенство, созерцаніе.*

0.

Обоженіе. Достигнуть мѣры возраста исполненія Христова и сдѣлаться Богами по благодати—вотъ та одна цѣль, для которой мы и родились людьми I, 53. Богъ такъ сильно желаетъ сдѣлать насъ изъ людей Богами, что для того только и сошелъ на землю и воплотился II, 314. Приведеніе человѣка и всего христіанскаго народа къ обоженію—такова о насъ воля Божія II, 477. Сынъ Божій для того сдѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы насъ человѣковъ содѣлать сынами Божиими II, 547. Онъ содѣлался человекомъ на тотъ конецъ, чтобы насъ содѣлать Богами II, 109.

Богъ не для того содѣлался человѣкомъ, чтобы только вѣровали въ Него и поклонялись Ему, но чтобы и мы содѣлывались общниками Божескаго естества I, 466. Приобщившись человѣчества, Онъ преподалъ намъ причастіе Божества Своего I, 375—376. II, 506. III, 75--76 (*ср. воплощеніе*). Воспринявъ человѣческое естество, Христосъ обожилъ его и возвелъ на высоту славы Своей III, 28. 221. Будучи Богомъ по естеству и неимѣнно сдѣлавшись человѣкомъ, Онъ человѣка по природѣ чрезъ Духа Святаго содѣлалъ Богомъ по усмнвленію и по благодати III, 226. Какъ Христосъ содѣлался подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха, такъ и мы содѣлаваемся подобными Ему по благодати I, 297--298; ср. I, 366—367. Вселяясь въ насъ, Богъ претворяетъ, возсоздаетъ и преобразуетъ насъ по образу Божества Своего II, 336. Показывающихъ вѣру отъ дѣлъ Христосъ боголѣпно измѣняетъ, дѣлаетъ неглѣпными, безсмертными, чадами Божіими и наследниками Богу, Своими же братьями и сопасѣдниками и Богами по благодати II, 416. III, 44. 108. 260. Духъ Святыи переплавляетъ ихъ, возобновляетъ, обезтѣниваетъ по душѣ и по тѣлу, дѣлаетъ новою тварію и Богами по благодати, совершенно подобными Христу III, 148. 151. Таковыя содѣлываются богоносными, богоподобными, сынами Божіими, свѣтомъ и солицами, свѣтищими въ мірѣ II, 483. III, 41. 45. Ставъ Богами по усмнвленію, они видятъ Бога по естеству, имѣютъ Его обитателемъ въ себѣ и сами въ Немъ обитаютъ III, 221. Таковыя дѣлаются членами Христовыми и Христосъ ихъ членами III, 261. Они не суть болѣе господа надъ самими собою, но органы Духа Святаго, въ нихъ обитающаго II, 489. По смерти они будутъ сопревивать съ Богомъ, какъ Боги; нынѣ же они въ томъ только уступаютъ Ему, что связаны тѣломъ, которое бываетъ для нихъ какъ бы темницею III, 93—94. 108. По воскресеніи они будутъ подобны не Ангеламъ только, но Самому Владыкѣ Ангеловъ, Христу Господу II, 58; ср. II, 554. Пріявше область быть чадами Божіими содѣлываются и навсегда погомъ пребываютъ Богами по благодати, и никогда уже не перестанутъ быть таковыми I, 376. Соединившись съ душою, Богъ дѣлаетъ ее всю Божественнымъ свѣтомъ и Богомъ, и она блистаетъ подобно Богу II, 360. III, 217. Повѣдать о обоженной душѣ такъ же невозможно, какъ и о природѣ Божества III, 105. Ставъ весь огнемъ по душѣ, обоженный человѣкъ и тѣлу передаетъ отъ стяжанаго внутри свѣтоблистанію подобно тому, какъ огонь передаетъ свое дѣйство желѣзу II, 365. Причащаясь Божественнаго свѣта, и тѣло бываетъ огнемъ по причастію и просіяваетъ, какъ и душа II, 312. III, 217 (*см. Симеонъ НВ.*). Тогда Богъ, душа и тѣло составляютъ единаго человѣка, созданнаго по образу Трипостаснаго Божества и удостоившагося быть Богомъ по благодати II, 385—387. Какъ Слово не призрочно и не въ невѣдѣніи сдѣлалось человѣкомъ, такъ и человѣкъ дѣлается Богомъ по благодати не словомъ или мыслію, но дѣломъ, опытомъ, съ умнымъ созерцаніемъ и таинственнѣйшимъ

познаемъ Ш, 215—217. Весь измѣняясь, обоженный остается однако неизмѣнно двоякимъ—Богомъ по благодати, по природѣ же человѣкомъ Ш, 222; ср. Ш, 21—22. Таковой избавляется отъ страстей, но не отъ естественныхъ тѣлесныхъ потребностей II, 538. Достиженіе обоженія не только освобождаетъ отъ страстей и сами святы бываютъ, но и на всѣхъ вѣрныхъ смотрятъ, какъ на святыхъ, облеченныхъ во Христа и сдѣлавшихся Христами II, 457 (ср. *Симеонъ Благоговѣнный III, 263*). Взятіе Иліи на небо и преложеніе Еноха были лишь символами и образами новозавѣтнаго обоженія человѣка, которое несравненно превосходитъ первыхъ Ш, 107—109. Что должно дѣлать, чтобы сдѣлаться Богомъ по благодати? Ш, 217. Сдѣлавшись человѣкомъ, Христосъ не сдѣлалъ тогда же чрезъ это всѣхъ людей Богами, но только чрезъ вѣру и соблюденіе Его заповѣдей, чрезъ крещеніе и причащеніе св. Тайнъ Онъ всѣмъ даетъ жизнь, т. е. Божественнаго Духа Своего Ш, 39. I, 297—299. *См. причащеніе, спасеніе, тварь, умъ.*

Образъ Божій. Какъ Богъ единъ есть и въ то же время является всякимъ благомъ, такъ и человѣкъ въ единой душѣ имѣетъ и умъ, и слово, и единое чувство, совмѣщающее въ себѣ всё чувства I, 472—474. Сотворивъ насъ по образу и подобию Своему, Богъ благоволилъ хотя примратно показать намъ то, что выше насъ, чрезъ то, что въ насъ самихъ: какъ душа, умъ и слово сотворены въ человѣкѣ одновременно и всё три вмѣстѣ едино суть, будучи одного естества и существа; такъ и Богъ, Творецъ образа, выну тріипостасенъ, и въ единосущной и единочестной Троицѣ ни одно лицо не было прежде другого II, 83—84. Троечастная душа есть образъ св. Троицы: сосуществованіе, равночестность, неслитность и нераздѣльность души, ума и слова и ихъ взаимоотношеніе являются образомъ совѣтнаго, единосущнаго, неслияннаго и нераздѣльнаго бытія Отца, Сына и Св. Духа съ Ихъ личными свойствами II, 93—98. Ш, 146—147. Чрезъ образъ Божій человѣкъ только и является человѣкомъ, разумнымъ и Божественнымъ Ш, 235. Какъ Богъ имѣетъ власть надъ вселенной, такъ и человѣкъ господствуетъ надъ земными тварями и царствуетъ надъ страстями Ш, 201. Кто не властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ не бываетъ по образу и подобию Божию I, 68. Послѣ грѣхопаденія человѣкъ пересталъ быть по образу и подобию Божию и началъ быть по образу и подобию діавола I, 45 (ср. *царство Божіе*). *См. богоподобіе, обоженіе, человѣкъ.*

Оглашенный. Оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрнаго, но и всякаго, кто не зритъ славы Господа II, 335.

Огонь Божественный, геенскій. Богъ есть огонь, который всюду обходитъ, ища себѣ вещества, т. е. добраго сердца и произволенія, чтобы пасть внутрь его и возжечься II, 311. Ш, 15—16. Каковъ этотъ Божественный огонь? Ш, 16 (ср. *святъ III, 49*). Онъ не опалаетъ душу, однакоже возгарается не безъ восчувствія его душою II, 311. Онъ и увеселяетъ и пламя любви нестерпи-

мое возжигаетъ III, 49 99. Веществомъ для Божественнаго огня являются добродѣтели, страсти же угасаютъ его III, 17. Онь возгорается въ насъ посредствомъ дѣланія заповѣдей I, 38. Какъ Божеств. огонь бываетъ уловимъ для души и соединяется съ нею? III, 17—18. Сначала онь пожигаетъ въ душѣ вещество страстей, а потомъ, существенно соединяясь съ нею, начинаетъ свѣтити въ ней, дѣлая и ее свѣтомъ по причастію II, 311—312. III, 23. О чудномъ дѣйствіи въ человѣкѣ Божественнаго огня любви III, 99; ср. III, 44. 176. Этотъ Божественный огонь паучаетъ всякому вѣдѣнію духовному и премудрости, какъ научены имъ Апостолы и богоносные отцы II, 312—313; ср. III, 23. Какимъ образомъ можно воспринять искру отъ Божественнаго огня или драгоценную жемчужину? III, 22—23. Всѣхъ людей имѣетъ испытывать огонь I, 441. Огонь геенскій не можетъ жечь никого, кромѣ тѣхъ, которые перейдутъ въ другую жизнь, имѣя неуравновѣянную душу I, 125. Тернія и волчцы грѣха—предвозвѣщенія огня адскаго II, 20. Для находящихся во тмѣ страстей Божественный свѣтъ явится огнемъ нестерпимымъ; явится же онь не весь духовно, но какъ бы безтѣлесно—тѣлесно, какъ являлся Христосъ ученикамъ по воскресеніи II, 37. *См. кончина міра, муки, сердце, судъ.*

Опытъ. Душа долгимъ опытомъ навѣиваетъ право зрѣть и право шествовать I, 221. Невидимыя Божественныя вещи невозможно изучать одними словами, но надлежитъ со многими болѣзнями и трудами подвизаться прити въ состояніе созерцанія ихъ и паучиться понимать ихъ изъ дѣланій и опытовъ II, 136; ср. III, 192—194. 275. Одинъ лишь Духъ Божій дѣломъ показываетъ ихъ тому, съ кѣмъ соединится III, 103. Озаренный Имъ всему научается, уразумѣваетъ благодать Духа и узрѣваетъ сокровенныя таинства подобно тому, какъ прозрѣвшій слѣпецъ или какъ вошедшій въ темный домъ со свѣчю III, 269—270. 103—104. Преп. Симеонъ предлагаетъ на опытъ убѣдиться въ силѣ словъ его относительно таинства причащенія (*см. причащеніе I, 482*) и крещенія I, 482. III, 221—222. *См. богонаученіе, видѣніе Бога, единеніе съ Богомъ, обоженіе, отцы св., смиреніе, созерцаніе, сокровище, царство Божіе, чувство.*

Орудіе, оружіе. Члены вѣрующихъ должны быть оружіями Христовыми, иначе они дѣлаются оружіями діавола I, 306. Господь далъ намъ запсвѣди, какъ нѣкоторыя орудія, посредствомъ которыхъ Онь возсоздастъ и обновляетъ насъ I, 408. Какъ мастеръ для всякаго дѣла изготовляетъ свое орудіе, такъ и каждый человѣкъ созданъ Богомъ, какъ орудіе для извѣстнаго рода дѣятельности III, 253. Какъ орудіе не можетъ дѣйствовать безъ руки человѣка, такъ и человѣкъ—безъ руки Божіей III, 254. Погрязшій въ страстяхъ является всецѣло орудіемъ діавола и, находясь въ рукѣ его, какъ мечъ въ рукѣ держащаго, не можетъ противиться ему III, 255.

Откровеніе *с.м. боговѣдѣніе, богонаученіе, Павелъ ап.* (1, 470—482), *Писаніе, тайны.*

Отреченіе отъ міра *с.м. міръ.*

Отсѣченіе воли *с.м. воля.*

Отець духовный, духовникъ. Духовный отець—экономъ благодати I, 138. Опытный духовникъ подобенъ искусному врачу II, 390—391. Кто можетъ быть духовнымъ отцомъ и о самозванныхъ учителяхъ II, 446—448. 453—454. Страстный не можетъ разсуждать дѣлъ братіи безстрастно, какъ слѣпой не можетъ видѣть чувственныхъ вещей II, 457. Безъ благодати Св. Духа нельзя быть учителемъ и руководителемъ другихъ II, 455—457. Какъ дѣтямъ невозможно зазмѣняться и родиться безъ отца, такъ невозможно родиться и свыше тому, кто не имѣетъ духов. отца, рожденнаго свыше II, 445. Прибѣгшему къ покаянію и желающему научиться евангельскому житію должно взыскать опытнаго духовнаго отца, безрастнаго и свитаго II, 129. 516—517. Ища себѣ духовнаго отца, надо усердно заботиться о томъ, чтобы найти истиннаго ученика Христова, а не прелестника I, 98—99. Идущимъ спасенія Богъ всегда помогаетъ въ этомъ случаѣ I, 99—101. Но самому безъ помощи Божіей невозможно найти себѣ истиннаго учителя I, 102. Призваки истинныхъ и ложныхъ учителей I, 104—106 (*ср. учитель*). Безъ духовнаго отца и учителя человѣку невозможно соблюсти, какъ должно, заповѣди Божіи и не быть уловлену сѣтями діавола I, 108. Духовнаго отца должно почитать, какъ Апостола Христова и какъ Самого Христа I, 118—120. Слова духов. отца должно принимать, какъ бы они исходили изъ устъ Божіихъ, помни, что отъ исполненія ихъ—жизнь, а отъ преслушанія смерть II, 129—130. *См. исповѣдь, послушаніе, прекословіе, священство.*

Отцы святые. Боговдохновенному ученію мы отъ начала научены Апостолами Христовыми и божественными отцами II, 90. Богоносные отцы и учителя пришли Божеств. огонь и, быль научены имъ, пожгли и уничтожили всѣ ереси II, 313. Въ св. отцахъ обильно возсіяла благодать Св. Духа, разогнавшая тьму ересей; ихъ богомудрыя писанія донынѣ свѣтятъ паче лучей солнца I, 427. Богословы нашей Церкви въ своемъ ученіи изложили только то, что служить къ обличенію ересей, а не то, что изъясняло бы Божеское естество II, 99. Богомудрые отцы говорятъ и утверждаютъ лишь то, что познали прежде изъ опыта, чѣмъ просвѣтились въ умѣ отъ блаженнаго безстрастія II, 398. Богопроевѣщенныя отцы ничему не учили и ничего не передали намъ, чего сами прежде не исполнили на дѣлѣ II, 4. 459; ср. II, 332. Упомянаніе о преп: Антоніи, Савѣѣ и Евиміи I, 426. II, 200. Перечень нѣкоторыхъ другихъ отцовъ—подвижниковъ, оставившихъ писанія II, 187. *См. богословствованіе, молитва.*

Очи тѣлесныя, умныя. Такъ какъ существуетъ два солнца и два свѣта и самъ человѣкъ двоякъ, то онъ имѣетъ и двоякія очи, чувственныя и умныя III, 192. Тѣлесными очами невеще-

ственная душа пользуется, какъ бы двумя окнами Ш, 207. Послѣ грѣхопаденія у Адама омрачились умныя очи и онь, прозрѣвъ плотскими очами, началъ смотрѣть на все видимое страстно I. 226. Умныя очи открываются благодатію Св. Духа II, 446. Стяжавшій повилъ очи и новыя уши не смотрѣть на чувственное чувственно, но духовно, какъ на образъ вещей невидимыхъ, и слушаетъ онь лишь единое живое слово Божіе II, 133. III, 89—90; ср. II, 553. Видѣть такимъ образомъ есть чудо изъ чудесъ III, 90. Кто смотрѣть и слушаетъ духовно, тотъ изъ словъ человѣка и даже по виду лица его распознаетъ состояніе души его II, 325—326; ср. II, 342 (*см. чужство*). *См. безстрастіе, причащеніе, слѣпота, умъ.*

П.

Павель апостоль—уста Христовы I, 164. II, 59. таинникъ небесныхъ вещей III, 150. Что такое тѣ неизреченныя глаголы, которые слышалъ ап. Павель? I, 470 и слѣд. (471—472. 475. 477. 482). *См. Богъ, Оекла.*

Пастырь. Пасеніе словесныхъ овецъ есть дѣло многоспасительное, какъ завершеніе любви, но не слѣдуетъ всякому необдуманно братья за него II, 372. Въ чемъ оно должно состоять? (объясн. Іоан. 21, 15—17) II, 373—374. Никому не должно пскать предстоительства надъ другими и кому и когда можно принять его? II, 378—380. Горе тѣмъ, которые берутся пасти словесныхъ овецъ, не имѣя благодати Христовой и не видя въ себѣ плодовъ Духа II, 459—460. Лучше быть хорошимъ пасомымъ, чѣмъ пастыремъ надъ не желающими III, 113—117. Пастырь долженъ учить и наставлять, но никого не принуждать III, 116. *См. епископъ, настоятель, священство.*

Печаль. О печали (по Бозѣ), какъ одной изъ добродѣтелей, необходимой для стяжанія благодати III, 23. II, 274. Любителю Бога даже малое лишеніе созерцанія доставляетъ такую же печаль, какую испытываетъ душа грѣшника при разлученіи съ тѣломъ II, 538—539. *См. плачь, покаяніе.*

Печать Христова, подобіе Христу. Пастыреначальникъ Христовъ печатлѣетъ овецъ Своихъ печатію Своею (*см. залогъ*), и надъ душами, запечатлѣнными ею, не властвуетъ смерть и діаволь I, 33. Послѣдній не выноситъ видѣть въ христіанинѣ знака печати Христовой I, 33. III, 100; ср. III, 134. Эта печать есть знаменіе благодати Св. Духа, осіяніе Духа Святаго I, 32. 36; ср. III, 221. Проявляется же она въ отпечатлѣніи въ душѣ блаженствъ Христовыхъ I, 33—37. 39. Въ будущ. жизни христіанинъ не будетъ испытуетъ, совершалъ ли онь какіе-либо подвиги и добрыя дѣла, но имѣетъ ли онь какое-либо подобіе Христу, и если не имѣетъ, то не будетъ допущенъ и въ царство небесное I, 30—31. 264 (*ср. христіанинъ*). Въ чемъ заключается подобіе Христу? I, 31—32. Оно водворяется чрезъ исполненіе заповѣдей: кто

исполняетъ заповѣди Христа, тотъ бываетъ по подобію Его, потому что въ немъ воображается Христосъ I, 264. А надъ кѣмъ не восцарствовалъ Христосъ чрезъ добродѣтели, тотъ не подобенъ Ему и недостойнъ войти въ царство небесное I, 32. См. *царство небесное*.

Писаніе Божественное. О пользѣ изслѣдованія Писанія I, 285. П, 236—237. Оно является для насъ врачевой наукой I, 66, духовнымъ зеркаломъ II, 43. 204. Внутри его сокрыты помышленія благодати Св. Духа I, 285. Евангеліе Христово и прочія Божественныя Писанія имѣютъ внутри себя сокрытую вѣчную жизнь и неизреченныя блага небесныя I, 443. Читать Писаніе не насъ зависитъ, понимать читаемое—не всецѣло отъ насъ, но и отъ благодати Божіей, удерживать же въ умѣ и помнитъ понятое есть дѣло одной благодати Божіей I, 75. Немногіе правильно разумѣютъ смыслъ Божественныхъ Писаній II, 525. Омраченныя страстями извращаютъ и вкривъ перетолковываютъ все Писаніе, не будучи въ состояніи понять ничего божественнаго и духовнаго I, 228. То, что писано въ книгахъ Писанія, открывается не всѣмъ читающимъ его, а только тѣмъ, которые отъ всей души покаались и добръ очистились II, 86. Читаемое въ Писаніи настоящимъ образомъ познается лишь тогда, когда дѣломъ исполняется II, 308. Кому непозволительно читать Божественное Писаніе, а тѣмъ болѣе входить въ храмъ Божій и стоять съ вѣрными? II, 452—453. Знаніе Божественныхъ Писаній подобно сундуку, крѣпко-ка-крѣпко замкнутому, котораго невозможно открыть никакою человѣческою мудростію I, 442. Въ буквѣ Писанія сокрыты Божественныя таинства, которыя открываются только Богомъ или Духомъ Святымъ и не иначе, какъ чрезъ дѣланіе заповѣдей и добродѣтелей I, 444—445. Сила Божественныхъ Писаній недоступна полагающимъ на одно изученіе и знаніе ихъ безъ точнѣйшаго соблюденія заповѣдей I, 445. 447. Кому подобенъ заучившій на память всѣ Писанія, но не вкусившій сладости ихъ? I, 443—444. 447. Таковой, хотя бы онъ имѣлъ все Писаніе въ устахъ, не можетъ постигнуть таинственную и Божественную славу и силу, сокрытую въ немъ, если не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ и не сподобится получить Утѣшителя, Духа истины I, 447. Потребны многія слезы, великій страхъ, большое терпѣніе и непрестанная молитва, чтобы открылась намъ сила хотя одного Владычняго слова и мы познали великія таинства, сокрытыя въ малыхъ словахъ II, 237. Сознательно имѣющій въ себѣ дающаго человѣкамъ вѣдѣніе Бога и стяжавшій собесѣдникомъ Того, Кто вдохновлялъ писавшихъ Божественныя Писанія, все прошелъ святое Писаніе, собралъ всю могущую отъ чтенія его произойти пользу и не имѣетъ уже нужды въ чтеніи книгъ, но самъ является для другихъ вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны, написанныя пергомъ Божіимъ въ немъ II, 551.

Плачь, слезы. Отъ самаго рожденія человѣку свойственно плакать и напротивъ неестественно не плакать, не рыдать и не

проливать слезы; откуда это видно? Слезы суть неотлучные спутники нашей жизни. Какъ ястіе и питіе потребны для тѣла, такъ слезы для души I, 430; ср. II, 12. Отъ вѣка не слыхано, чтобы безъ слезъ очистилась какая-либо душа, согрѣшившая послѣ крещенія I, 429. Какъ невозможно безъ воды вымыть загрязненное платье, такъ и душу очистить отъ скверны грѣховныхъ безъ слезъ II, 268. Безъ плача и слезъ не можетъ быть ни истиннаго покаянія, ни смиренія, ни стяжанія Св. Духа, ни созерцанія Бога и боговѣднія II, 529—530. 269—270; ср. I, 35. 37. Безъ слезъ душа не можетъ ни очиститься, ни взойти на высоту созерцанія и увидѣть свѣтъ или Бога I, 197; ср. III, 233 Кто хочетъ отбѣжъ страсти и стяжать добродѣтели, тотъ можетъ достигнуть этого только плачемъ и слезами II, 270. Плодъ дѣланія заповѣдей есть умиленное сокрушеніе съ плачемъ, которое приносятъ плоды всѣхъ добродѣтелей и есть царица добродѣтелей II, 268. Блаженный плачь есть царь и восначальникъ всѣхъ добродѣтелей II, 271. Плачь рождается отъ нищеты духовной или смиренія, которое онъ же питаетъ и возвращаетъ I, 34—35. II, 131; ср. II, 530. 562. Слезы суть первый плодъ покаянія II, 276. Отъ плача и смиренія исходитъ въ сердцѣ утѣшеніе и радость, съ которою возрастаетъ несомнѣнная надежда спасенія II, 530. I, 35. Но мнимое смиреніе и плачь безъ смиренія лишены сладости Духа и не имѣютъ твердой надежды II, 530—531. Плачь имѣетъ двоякое дѣйствіе: какъ вода, онъ омываетъ скверну страстей и, какъ огонь, воспламеняетъ въ сердцѣ любовь къ Богу II, 531; ср. III, 98—99. О плодахъ плача I, 35—37. 41—42. 178—179. III, 233. Какую пользу смиреніе и плачь приносятъ новоначальнымъ? II, 531—532. Возможно ли плакать каждодневно? I, 429—430. II, 204—205. 270. 424. Кто не плачетъ каждодневно, показываетъ разстройство души и гибель ея отъ гланда I, 430. Отъ чего происходитъ то, что иной несоро и нелегко приходитъ въ сокрушеніе и плачетъ, а иной скоро и легко? II, 257—259 (*см. произволеніе*). Не можетъ воспріять плача тотъ, кто всегда пространно питаетъ чрево II, 266. По словамъ Симеона Студита (Благоговѣйнаго), человекъ долженъ съ плачемъ прожить всю жизнь, съ плачемъ и умереть, если хочетъ спастись I, 430. Человекъ долгъ имѣть ни единого дня въ продолженіе всей своей жизни не пропускать безъ слезъ, и если не имѣетъ ихъ, то искать ихъ отъ всей души, пока живъ II, 273. Нѣтъ пользы поплакать однажды, потому что это не можетъ насъ очистить; должно плакать каждый день, не переставая, до конца жизни, какъ повелѣлъ намъ Господь (Мф. 5, 4; Лук. 6, 21) II, 277. Христосъ сказалъ: блаженни плачущіе, а не плакавшіе, т. е. тѣ, которые всегда, каждый день и каждый часъ плачутъ II, 204—205. Всегдашнее покаяніе съ горькими слезами рождаетъ покаяніе чистое, превращающее горькія слезы, въ сладкія, вселяющія въ сердце непрестанное радованіе II, 277 (*см. умиленіе*). О радостотворномъ плачѣ или о сладостныхъ

беспечальныхъ слезахъ I, 35. 429. II, 12. 86. 531; ср. II, 500. 504. III, 99. Повседневный плачь слаще пищи и питья; онъ прежде всего удаляетъ отъ міра и научаеъ познанию преходящаго и пребывающаго III, 88. Сами по себѣ безъ благодати Св. Духа слезы совершенно бесполезны III, 203. Непрестанныя слезы очищаютъ душу отъ всякихъ любленій и пристрастій и дѣлаютъ ее жилищемъ Всевѣтаго Духа I, 35. 196. О чудномъ дѣйствіи непрестанныхъ слезъ I, 36—37. Когда слезы очистятъ душу и изгладятъ всѣ ея грѣхи, тогда приходитъ въ нее благодать Св. Духа и еще болѣе напалетъ ее сладостію слезъ умиленія, коими душа мысленно питается, все болѣе крѣпнеть и умножаетъ плоды Духа I, 198 (ср. *чистота*). О спасительномъ дѣланіи плача: плачь и слезы должно держать, какъ заповѣдь Божию, и со вниманіемъ хранить ихъ въ сердцѣ I, 431; ср. II, 204—205 (ср. *монахъ*). Проливающей слезы вмѣсто крови является мученикомъ III, 71. *См. милостыня, помыслы, причащеніе, Симеонъ НБ.*

Плѣть. Земляная, страстная плоть связываетъ нашу душу и дѣлаеъ ее неподвижной къ исполненію заповѣдей II, 402. Она порабощаетъ насъ закону грѣховному II, 403. Когда плоть сдѣлается мертвою (міру), тогда она оставляетъ насъ жить прочее безъ всякаго съ своей стороны осажденія и препятствія II, 317. *См. воскресеніе, тѣло, умъ.*

Побѣда, побѣдитель. Въ подвигахъ вѣры и благочестія побѣждаетъ не дѣйствующій, а страдающій и претерпѣвающій до смерти I, 331. Христосъ, бивъ расиць и вкусивъ смерть, побѣдилъ убійць Своихъ и міръ и теперь удѣляетъ отъ побѣдной силы Своей тѣмъ, которые страдаютъ за Него; таково таинство христіанства, ибо не самъ всякъ входитъ въ рай, но Христосъ со всякимъ, т. е. всякій чрезъ Божество. благодать I, 331—332. Въ духовной брани членами вѣрующихъ, какъ оружіями, побѣждаетъ Самъ Христосъ; Онъ есть воитель и побѣдитель I, 306—307; ср. *добро*.

Подвиги. Христосъ желаетъ, чтобы мы, восчувствовавъ крайнюю бѣдственность своего состоянія, понуждали Его подвигами и злостраданіями избавить насъ отъ ада I, 199—200. Такъ какъ послѣ крещенія мы впади въ грѣхи и потеряли первую благодать, то необходимо собственнй нашъ трудъ, чтобы избавиться отъ грѣховъ и опять воспріять благодать Божию I, 200 (ср. *покаяніе* I, 313). Весь подвигъ христіанина долженъ быть обращенъ па то, чтобы стяжать Духъ Христовъ и принести плоды Духа I, 30. Всякое подвижничество и добродѣланіе бываетъ ради того, чтобы душа приобщалась Божественнаго свѣта III, 294. Душѣ христіанина предлежатъ два великіе подвига: первый—чтобы получить благодать Св. Духа, второй—чтобы не лишиться ея; послѣдній болѣе тяжкій подвигъ предлежатъ душѣ до послѣдняго издыханія I, 50—51 (ср. *благодать*). Великому прежде всего должно подвизаться для того, чтобы получить благодать Божию, безъ которой тщетна всякій трудъ I, 203. Кто же подвизается не съ тою одною цѣлю,

чтобы или получить благодать чрезъ крещеніе или возвратить ее чрезъ покаяніе, по думаетъ, что совершаетъ славныя добродѣтели и цѣнными сами по себѣ добрыя дѣла, тотъ тщетно утруждаетъ себя I, 171—172. Тщетны всѣ подвиги, если они совершаются не ради того одного, чтобы освободиться отъ страстей и приобщиться святости Божіей I, 150—153; ср. I, 31. Діаволь и демоны иногда даже содѣйствуютъ подвигамъ, только бы человекъ не совершалъ ихъ ради означенной цѣли I, 152. Всѣ добрыя дѣла и подвиги сами по себѣ безъ благодати—ничто I, 310. II, 66 (*см. добро, добродѣтель*). Всѣ подвиги суть средства для двухъ великихъ цѣлей: умилостивленія Бога и благодаренія I, 358—359. Тѣ же, которые совершаютъ ихъ не для этихъ двухъ цѣлей, а просто лишь какъ добрыя дѣла, грѣшатъ и умираютъ грѣшниками I, 359. Что бываетъ съ тѣми, которые подвизались хотя и долго, но своевольно и съ гордостію? II, 248—249. Совершаемые нами разные подвиги служатъ для нашего же собственнаго блага, но не доставляютъ еще никакаго блага другимъ, а тѣмъ болѣе Богу II, 300—301. Въ какія времена удобнѣе было подвизаться, во времена ли древнихъ св. отцовъ или въ позднѣйшія? I, 426—427. *См. должаніе, здравіе, сдруженіе съ Богомъ, умъ.*

Познаніе. Объ убожествѣ нашего познанія и рѣчи III, 127. Каждому надлежитъ знать Бога, себя самого и демоновъ I, 222. Господь по мѣрѣ вѣры и повиновенія Ему даетъ вѣрнымъ душамъ чистое и вѣрное умное зрѣніе, т. е. знаніе того, что есть истинно добро и что зло I, 223. Что необходимо для этого умнаго зрѣнія?—(сравненіе его съ тѣлеснымъ зрѣніемъ) I, 222—223. 223—224. Великій невѣрный и почитающій себя мудрымъ, ничего не знаа, думаетъ, что знаетъ и мудрствуетъ право; хотя онъ и знаетъ что-либо, но не добръ, что хуже всякаго невѣдющаго II, 87. Тѣ, которые не сложили здраваго ума и чувствъ душевныхъ, не имѣютъ изсужденія для различенія даже дѣлъ человѣческихъ, а не тольк Божественныхъ; между ними нѣтъ никого, кто-бы могъ добръ видѣть и различать вещи, какъ онъ есть вопстину II, 326 (*см. чувство*). Если мы не разоримъ стѣну грѣховъ нашихъ покаяніемъ, то не только Бога не возможемъ познать, но не познаемъ даже и того, что мы человекъ II, 84. 86. *См. вѣдѣніе, вѣра, боговѣдѣніе, истина, просвѣщеніе, самопознаніе, умъ.*

Покаяніе есть познаніе грѣховъ своихъ II, 174. Покаяніе есть второе крещеніе и почему? II, 128. 13. III, 37. Благодать крещенія возвращается намъ въ покаяніи, которое теперь осталось для насъ единственнымъ путемъ ко спасенію I, 175. 312. Безъ покаянія не спасся бы ни одинъ человекъ I, 241. 299. II, 65. 137. Почему послѣ грѣхопаденія человеку дано Богомъ покаяніе? I, 86. Богъ положилъ посреди рая, т. е. сонма вѣрующихъ, древо покаянія, чтобы испадающіе отъ жизни вѣчной возвращались къ ней еще въ свѣтлѣйшей славѣ I, 241. Чрезъ таинство исповѣди и покаянія Богъ далъ каждому власть возставать отъ паденія грѣховнаго и приходитъ въ прежнюю или еще большую

слезу I, 299. Съ какою любовію Богъ принимаетъ кающагося грѣшника? II, 40—41. Въ чемъ должно проявляться истинное покаяніе и примѣры его I, 274—275. Для получения прошенія грѣховъ, кромѣ искренняго раскаянія, отъ кающагося требуется еще твердое намѣреніе не впадать болѣе въ тѣ же грѣхи I, 275; ср. III, 52. Весь подвигъ своей кающейся долженъ обратить на утѣху своихъ духовныхъ немощей I, 121. Почему трогательное очищеніе чрезъ покаяніе соединено съ трудами и потами? I, 313. Каковъ истинный образъ покаянія? II, 172—175. 195—197. Кто истинно кается, тому Богъ подаетъ здравіе души и бодрость сердца его превращаетъ въ неизреченную радость и веселіе II, 175—176 (*см. нѣтъ II, 277*). Какимъ образомъ покаяніе врачуетъ грѣховную язву? II, 339. Чрезъ покаяніе совершается отмытіе скверны грѣховъ, послѣ чего бываетъ прилетіе Св. Духа II, 333. Телота покаянія и слезъ, какъ огонь, сежигаетъ всю грѣховную скверну и дѣлаетъ душу совершенно чистою II, 286. Чрезъ разрѣшеніе грѣховъ въ покаяніи мы опять воспринимаемъ силу Божию на великое добро I, 201 (*см. заповѣди*). Покаяніе разгоняетъ наше невѣдѣніе и приводитъ насъ къ познанію вещей сначала человѣческихъ, а потомъ въ Божескихъ II, 86. Снимая съ ума покрывало невѣдѣнія, покаяніе приводитъ человека въ великій страхъ и смиреніе I, 110. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человека изъ тьмы и вводитъ въ свѣтъ II, 319. По мѣрѣ покаянія человекъ обрѣтаетъ дерзновеніе и присвоеніе къ Богу I, 299. Покаяніемъ должно обновлять себя каждый день и каждый часъ II, 237—238. Хорошо каждодневно каяться, какъ повелѣваетъ заповѣдь: яко слова: покаяйтесь и пр. (Мѣ. 3, 2) возлагаютъ на насъ дѣланіе, не ограничиваемое временемъ, а вседневное II, 533—534; ср. I, 451. *См. исповѣдь, отецъ духовн., судъ, титимія.*

Помыслы. Въ чемъ заключается причина неостоянства помысла человѣческаго? I, 242. Каково у человека состояніе помысла здѣсь, такова будетъ участь души тамъ I, 242. Отъ растлѣнія въ помыслахъ можно освободиться только силою Господа нашего I. X. I, 151—152. Подвижникъ долженъ воздерживаться не только отъ дѣлъ злыхъ, но и отъ помысловъ II, 513—514. Лукавыя и срамныя помыслы суть сѣти, оутѣвляющія души улаждающихся ими I, 450. Худые помыслы для ума то же, что покровъ на глаза; не освободившись отъ нихъ, нельзя увидѣть умнаго свѣта. Господа нашего I. X. II, 514. Страстные помыслы надо точно такъ отражать, какъ стрелу заразительнаго воздуха и жало смерти II, 236. Новоначальный монахъ долженъ исповѣдывать помыслы духовному отцу каждый часъ или по крайней мѣрѣ каждый день II, 218. Чрезъ вседневное исповѣданіе помыслы стяжываются сокрушенное сердце и слезы I, 198. *См. постъ.*

Послушаніе истиннѣе есть отличительное свойство разумной природы I, 362. О послушаніи, какъ одной изъ добродѣтелей I, 451. II, 409. III, 23. Какое послушаніе должно имѣть къ духов-

тому отцу своему? II, 221—224. III, 87—88. 89 (*ср. прекословіе*). О необходимости и пользе послушанія духовному отцу II, 519—520. Послушаніе вѣль духовнаго отца порождаетъ отверженіе себя самого и умертвіе міру II, 401—402. Богъ ничему такъ не радуется, какъ скорому послушанію нашему въ исполненіи Его воли II, 510. Повесть о избѣемъ юношѣ Георгіи (*см. Силеонъ ИВ.*), который за одну вѣру и послушаніе духовн. отцу и своей совѣсти сподобился увидѣть Божественный свѣтъ II, 21—25.

Постъ есть законъ и повелѣніе Бога II, 282. О постѣ, какъ подвигѣ или необходимомъ для спасенія средствѣ I, 151—152. 357—358. III, 23. Какіе посты установлены Церковью? I, 277. Постяться должно не въ первую только седмицу великаго поста, но и въ прочія II, 279. Постъ есть начало и основаніе всякаго духовнаго дѣланія II, 281. Постъ—врачъ души; благотворное дѣйствіе его на тѣло и душу II, 280; *ср.* II, 290. Отъ поста укрощается языкъ и останавливается пареніе помысловъ II, 193. 280. Кто живетъ по-евангельски, тому можно питаться всегда и жить однимъ хлѣбомъ и водою, и быть при этомъ еще крѣпче и здоровѣе пространно питающихся II 199. *См. монахъ, эпитимія.*

Похоть *см. блудная похоть, гнѣвъ, страсти, тѣло.*

Праведники *см. будущ., жизнь, воскресеніе, святые, судъ.*

Праздникъ, празднованіе. Въ чемъ состоитъ разумное и богоугодное празднованіе праздниковъ? I, 334. 339—340. Одно видимое, чувственное празднованіе не приноситъ никакой пользы I, 335—336. Духовное значеніе того, что бываетъ въ праздники I, 336—338. Если христіанинъ, какъ должно, будетъ праздновать праздники, то вся жизнь его превратится въ непрерывное празднество I, 343.

Празднореліе—нестественная страсть II, 291. *См. слово.*

Предвѣдніе. Какъ должно понимать Божественное предвѣдніе? I, 235—236. Оно не является причиною побѣды однихъ людей и побѣды другихъ I, 235—237. Богъ отъ союзенія міра увидѣлъ всѣхъ увѣровавшихъ и имѣющихъ увѣровать I, 240—241. *См. предопредѣленіе.*

Предопредѣленіе. Превратное пониманіе Божественнаго предвѣднія и предопредѣленія I, 232. Богъ не опредѣляетъ, чтобы грѣшники, если захотятъ, не имѣли власти покаяться I, 237. Но Онъ отъ вѣка предопредѣляетъ, что всѣ, которые захотятъ увѣровать и креститься и причащаться св. Тавль, будутъ оправданы и сдѣлаются причастниками жизни вѣчной I, 240. Всѣ святые предувѣданы и предопредѣлены, исчислены и писаны по имени на небесахъ I, 391—392.

Прекословіе. Какой вредъ причинитъ себѣ любящій прекословить? II, 515—516. Монахъ никогда до смерти не долженъ прекословить духов. отцу своему II, 518—519.

Прелестъ (прельщеніе). Дьяволъ старается расположить насъ къ тому, чтобы мы въ самопрельщеніи приписывали себѣ то, что принадлежитъ благодати I, 50. Одна изъ главнѣйшихъ его

прелестей—внушить грѣшникамъ, что они дѣлаютъ грѣхъ по собственному произволенію, а не по внушенію и влеченію отъ діавола I, 205—206. Признаки прелестной молитвы II, 180—181. Кто предпочитаетъ чтеніе молитвъ, тотъ находится въ прелести I, 75. О пагубной прелести невѣрія въ то, что и нынѣ возможно воспринять Св. Духа, видѣть Божественный свѣтъ или Бога и быть подобнымъ древнимъ святымъ III, 238; ср. III, 94, 119. II, 451—452. 458. 475—478. *См. отецъ духовный, путь.*

Премудрость *см. мудрость.*

Преспѣяніе души есть преспѣяніе ея въ смиреніи I, 165. Преспѣянію святыхъ въ будущемъ вѣкѣ не будетъ конца полнота свѣта Божія будетъ для нихъ бездной преспѣянія и началомъ безъ конца III, 122. *См. благочестіе, смиреніе, совершенство.*

Пристрастіе. Житейскія попеченія и пристрастія угашаютъ теплоту сердца II, 526. *См. монахъ.*

Притча. Почему Господь училъ въ притчахъ? I, 467—469. Притчи суть образы вещей духовныхъ I, 469. Изъясненіе притчи о зернѣ горчичномъ I, 469—470. III, 34—35. *См. царство небесное.*

Причащеніе. Очищеніе грѣховъ Христосъ даруетъ чрезъ крещеніе, а избавленіе отъ грѣховъ чрезъ причащеніе I, 422. Въ евхаристіи хлѣбъ и вино поистинѣ дѣлаются тѣломъ Христовымъ и кровію наитіемъ Духа и силою Вышшаго III, 129. Хлѣбъ въ ней таинственно есть свѣтъ невмѣстимый и неприсутный, равно какъ и вино таинственно есть свѣтъ, жизнь, огонь, вода живая I, 342. Видимый хлѣбъ и видимое вино въ евхаристіи суть тѣ блага, коихъ око не видѣло и о которыхъ ухо не слышало и умъ человѣчскій не помышлялъ I, 482—483. Отъ естества и существа присносущнаго Отца Своего Христосъ подаетъ святымъ Своимъ въ причащеніи благодать Духа, т. е. Божество, а отъ существа и естества Матери Своей даетъ плоть свою I, 398. Въ таинствѣ причащенія Христосъ преподаетъ намъ собственную обоженную плоть, ту самую плоть, которую Онъ воспринялъ отъ Дѣвы Маріи I, 396. 398—399. 485. Плоть же Его не есть плоть только, но плоть и Богъ нераздѣльно и неслиянно и, какъ плоть, видится тѣлесными очами, а по Божеству видится лишь мысленными очами души II, 56. Вкушая эту плоть, мы имѣемъ внутрь себя всего воплощеннаго Бога, Господа нашего І. Х., Сына Божія и Сына Дѣвы, сѣдящаго одесную Отца I, 396. Причащаясь св. Таинъ, мы существеннымъ образомъ держимъ и вкушаемъ плоть Христа и пьемъ кровь Его, держимъ и вкушаемъ Бога нераздѣльно и неслиянно III, 170—171. Каждая изъ частицъ въ евхаристіи есть весь Христосъ I, 400. Однако чрезъ причащеніе Христосъ не познается сущимъ въ насъ тѣлесно, какъ Онъ былъ въ Пресв. Дѣвѣ, но есть безтѣлесно, и соединяется съ существомъ и естествомъ нашимъ, и обоготворяетъ насъ I, 396. Христосъ обновляетъ и возсозидаетъ причащающихся, прискренно сочетаваетъ съ Собою и, проникая ихъ, какъ огонь желѣзо,

дѣлаеть Богами по благодати; это и есть то, чего желали пророки, цари и праведники до Христа I, 312; ср. III, 22. Черезъ причастіе Христосъ вселяется въ насъ и начинаетъ обитать, какъ свѣтъ, и мы узрѣваемъ славу Божества Его II, 46. Плоть Христа, будучи обоженной и полною жизни, содѣлываетъ ядущіи ея причастниками жизни и безсмертными III, 109. Причащаясь, вѣрующій содѣлывается причастникомъ естества и существа Божія, бываетъ въ тѣлѣ выше безтѣлесныхъ, дѣлается сыномъ Божиимъ, наслѣдникомъ Божества и Богомъ по усновленію и по благодати III, 226. Черезъ причащеніе мы содѣлываемся сотѣлесными и сокровными Христу, бываемъ сродниками Его, плоть отъ плоти Его и кость отъ костей Его, и дѣлаемся сообщниками славы и Божества Его I, 24—25. 341. 377—378. 388. 396; ср. III, 260—262. Черезъ причащеніе мы имѣемъ такое же единеніе и жизнь со Христомъ по благодати, какое Онъ Самъ имѣеть со Отцомъ по естеству I, 484. Кому воспрещается приступать ко св. причащенію? I, 283. Кто недостойнъ причаститься св. Тайнъ? II, 275—276. Когда приступающій причащается достойно и когда недостойно? I, 284—285. 340—341. Достойно причащающійся сподобляется отпущенія грѣховъ, воспріятія жизни вѣчной и дѣлается сыномъ свѣта и дня I, 278. Святыня Божественнаго причащенія являетъ въ такомъ великую силу, сокрушая грѣхъ и очищая душу отъ склонности и похотѣнія ко грѣху I, 283 (см. *заповѣди*). Тѣмъ, которые достойно приступаютъ ко св. Тайнамъ, Христосъ даетъ осязательно чувствовать Свое благодатное присутствіе I, 343. 485. Кто, причащаясь, не ощущаетъ, что зажилъ жизнью безсмертною, тотъ причащается только по видимости I, 342. II, 450; ср. III, 60—61. Христосъ содѣлываетъ въ евхаристіи хлѣбъ тѣломъ Своимъ духовнымъ, которое для недостойныхъ является недержимымъ и неуловимымъ, а кровь Свою—огнемъ непреступнымъ III, 60—61. Чему подвергаются недостойно приступающіе къ причащенію? I, 278. 280—283. Въ нихъ стремительно врывается діаволь и входитъ въ сердце ихъ I, 440. Горе причащаемуся недостойно и горе священнику, удостоивающему причащенія недостойнаго! I, 280—281. Страшному оужденію подлежатъ не только тотъ, кто недостойно причащается тѣла и крови Господа, но и тотъ, кто послѣ причащенія не приноситъ добрыхъ плодовъ, и почему? I, 422—423. О томъ, что никогда не должно бы причащаться пречистыхъ Тайнъ безъ слезъ II, 255—256 и сл. Что должно дѣлать для этого желающему? II, 272. См. *единеніе съ Богомъ, сдруженіе*.

Пришествіе второе. Какимъ образомъ пророки и Апостолы изрекали пророчества о страшномъ днѣ Господнемъ и о второмъ пришествіи Христовомъ? II, 120. Пришествіе Господне и пришло и приходитъ всегда въ вѣрныхъ, и присуще во всѣхъ желающихъ: Христосъ не имѣеть прійти къ намъ, потому что мы не сыны тѣмъ, но сыны свѣта и дня Господня II, 53. Никому невозможно

будеть стерпѣть день пришествія непреступнаго Бога и явленіе славы Его I, 486. *См. Ангелы, мужи, судъ.*

Произволеніе. Всякій человекъ бываетъ сокрушеннымъ и смиреннымъ или жестокосерднымъ и безчувственнымъ не по естеству, но отъ добраго или злаго произволенія своего II, 250. Одного произволенія нашего достаточно, чтобы воззвать насъ на высоту совершенства: гдѣ готово произволеніе, тамъ нѣтъ уже никакого препятствія II, 314; ср. II, 503 (*см. терпѣніе*). Богъ смотритъ болѣе на расположеніе и произволеніе нашихъ душъ, нежели на телесные труды I, 344.

Промыслъ Божій. Отецъ и Сынъ имѣютъ непрестанное дѣланіе и промысленіе о мірѣ III, 197. Различіе промысленія Божія объ Ангелахъ и людяхъ отъ промысленія о прочихъ тваряхъ I, 365. Промыслъ Божій простирается на все твари вплоть до комара и наука III, 188.

Пророкъ. О созерданіи пророковъ I, 474—475. 477. *См. причащеніе, причестіе.*

Просвѣщеніе. Душѣ прежде всего надлежитъ искать свѣта или умнаго просвѣщенія II, 203. Вещей Божественныхъ никому нельзя понять или поминать безъ просвѣщенія Св. Духа I, 75. Получившій просвѣщеніе свѣтне долженъ быть смиреннымъ, милостивымъ къ ближнимъ и сострадательнымъ; иначе оно скрывается и опять оставить его во тьмѣ I, 165—166. *См. молитва, самопознаніе.*

Псалмопѣніе. Душою псалмопѣнія должно быть смиренномудріе, иначе оно тщетно и бесполезно I, 163—164.

Путешествіе ко св. мѣстамъ *см. милостыня.*

Путь спасенія. Каковъ правый, спасительный путь христіанской духовной жизни? I, 315. 362—363. 480—481. Незабвѣнный путь въ царство небесное есть постепенное прохожденіе добродѣтелей (заповѣдей блаженства) въ ихъ естественномъ порядкѣ (*ср. добродѣтели* II, 455. III, 202—204); кто не идетъ имъ, тотъ вѣкъ царскаго пути и находится въ прелести II, 361. Путь восхожденія къ горшему соединить со злостраданіями и трудами II, 540—541. Въ чемъ состоитъ узкій и краткій путь, изводящій къ широтѣ жизни вѣчной? III, 255—256. Наглядное изображеніе царскаго пути и разныхъ приманокъ, отвлекающихъ отъ него II, 247—248. *См. новонаичальній, царство небесное.*

Р.

Рабство, рабъ Божій, рабъ грѣха. Богъ никого не создалъ рабомъ, а всехъ свободными I, 60. О происхожденіи рабства и наемничества I, 217—218. Съ того времени, какъ Адамъ сталъ рабомъ грѣха, все люди до скончанія вѣка рабы суть, кромѣ тѣхъ, которые освобождаемы бываютъ Христомъ I, 61—62. Мы сдѣлались рабами дьявола по своей волѣ и добровольно предаемся ему III, 52—53. Отъ рабства дьяволу не можетъ освободить насъ никакая сила, кромѣ единаго Христа Господа I, 218—219. Богъ

хочеть, чтобы человекъ былъ рабомъ. Его по своей волѣ I, 60 (*ср. служеніе*). Кто суть рабы Божіи или войны Христовы? II, 293 сл. Кто суть вѣрные рабы, кто — лукавые и лѣнныя и кто враги Божіи? II, 299. Можетъ ли думать, что работаетъ Господу, тотъ, кто не увидѣлъ еще Его и не успалъ отъ Него св. волю Его? II, 308; ср. II, 310. Подобно бѣднымъ, получающимъ милостыню, и мы, бѣдные по причинѣ грѣховъ своихъ, не можемъ никогда сказать, что работаемъ Богу, милующему насъ (*см. монахъ*) II, 302. Когда же мы можемъ быть причислены къ работающимъ Господу? II, 303—304. Только сдѣлавшіеся мужами совершенными и сопричислившіеся къ войнамъ Христовымъ справедливо называются рабами Божіими II, 313. *См. дѣволъ, само-властіе*.

Радость духовная. О неизглаголанной радости, для которой одной и рождаются и умираютъ люди I, 52 (*ср. мужи*). Здравіе души приноситъ неизреченную и вѣчную радость, тьмами темъ превосходящую всякія земныя радости II, 175—176. Какое утѣшеніе доставляетъ человѣку сладчайшее вино сокрушенія (умнеленія)? II, 177—178; ср. III, 62—63. Какую радостію и блаженствомъ исполняется тотъ, въ комъ вселяется Богъ? II, 364—365. Свѣтъ лица Божія, возсіявъ въ души, прогоняетъ печаль и производить радость III, 36. Созерцаніе лица Божія есть радость III, 36. Той неизреченной и неизъяснимой радости, какую имѣютъ рабы Христовы, никогда не познаетъ, не пойметъ и не увидитъ никто изъ тѣхъ, которые тѣсно не соединились со Христомъ III, 77—78. *См. плачъ, покаяніе, сокровище*.

Раздаваніе имущества *см. милостыня*.

Разсужденіе *см. добродѣтель*.

Рай. Вначалѣ рай не было, но весь этотъ міръ былъ какъ бы вѣчнымъ раемъ, хотя неестественнымъ и чувственнымъ I, 367—368. Почему Богъ не устроилъ рай въ седьмой день, а послѣ? I, 369—370. Когда и какимъ образомъ душа дѣлается мысленнымъ раемъ? III, 241; ср. II, 541. *См. скорби, тварь*.

Растлѣніе. Со времени паденія Адама растлѣлись всѣ естественныя силы человека I, 136. Когда и какъ растлѣваются тѣло и душа? I, 45—46. Растлѣніе души есть уклоненіе на распутіа отъ прямого и праваго мудрованія I, 45. Послѣ грѣхопаденія вся тварь вмѣстѣ съ человекомъ облачилась отъ Божественнаго свѣта и растлѣлась I, 303. *См. дѣволъ, помыслы, смерть, страсти, умъ*.

Родители. Почему Христосъ говоритъ о ненависти къ родителямъ? II, 444. *См. монахъ*.

С.

Самовластіе, свобода. Самовластіе усматривается въ томъ, чтобы имѣть умъ всегда возвышаемымъ и прилѣпляемымъ къ единому Господу I, 58. Вначалѣ Богъ даровалъ прародителямъ само-

властіе, но такъ какъ они вольною волею послушались діавола, то сдѣлались рабами его, коему и потомки ихъ поработились не по принужденію или насилію, но по собственному желанію II, 34—35 (см. рабъ). Человѣкъ былъ самовластенъ тогда, когда былъ свободенъ отъ грѣха; предавъ же свободу свою, онъ вмѣстѣ со свободою потерялъ и самовластіе и сталъ рабомъ грѣха I, 60. Отъ прежняго самовластія у него ничего не осталось, кромѣ одного желанія и исканія свободы I, 60. 61. 62. Самовластія осталось въ насъ настолькоъ лишь, чтобы всыскать Врача I, 206. Ни естественныя страсти (тѣлесныя потребности), ни душевныя не находятся въ рукахъ человѣческаго самовластія I, 58—59. Человѣкъ нынѣ и свободный вмѣстѣ и рабъ I, 59. Христосъ чрезъ пришествіе на землю освободилъ родъ нашъ отъ дѣйства діавола и чрезъ крещеніе снова возвращаетъ намъ самовластіе II, 152—153. Но и послѣ крещенія мы не прелагаемся изъ естества, оно лишь освобождаетъ насъ отъ тиранинства діавола, но не отнимаетъ свободной воли; послѣ крещенія въ нашей уже состоитъ воля или пребыть въ заповѣдяхъ Христовыхъ или снова возвратиться къ діаволу II, 547—548. Почтивъ насъ самовластіемъ, Богъ не принуждаетъ насъ къ добру, чтобы не нарушить разумнаго достоинства нашего и не низвести насъ въ чинъ безсловесныхъ I, 235—236 (ср. добро, царство Божіе). Быть сохраненнымъ отъ пораженія въ демонской брани не въ нашей состоитъ власти, но остаться въ смерти или не остаться—въ нашей власти II, 239 (см. похѣда). Между людьми никого нѣтъ свободнаго и самовластнаго, кромѣ одного Христа и свободника Христова (освобожденнаго Христомъ) I, 61—62. Признаки несамовластія усматриваются въ черствомъ человѣкѣ, а самовластія—въ небесномъ человѣкѣ I, 62. О свободѣ во Христѣ: какимъ образомъ Христосъ освобождаетъ насъ отъ рабства? I, 62—63. Въ чемъ истинная свобода и кто истинно свободный? I, 218. Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода отъ демоновъ и отъ всѣхъ страстей I, 81. См. *благодать*.

Самомнѣніе—великое зло I, 244. Оно рождается отъ нечувствія и невѣдѣнія I, 230. Славные, богатые и гордые создали себѣ пустое самомнѣніе, какъ жилище, облекшись въ него, какъ въ славу III, 238—239.

Самопознаніе. Всякаго человѣка съ малолѣтства, прежде чѣмъ познаетъ онъ что-либо другое, пужно научать познанію себя самого I, 269. Всякому человѣку необходимо знать себя самого, что онъ—начто; кто не знаетъ этого, того не можетъ спасти Самъ всемогущій Богъ I, 270. Всякій долженъ познать, что онъ Адамъ, чтобы быть Христомъ I, 316. Какимъ образомъ должно постоянно вникать въ себя? II, 203—204 сл. Самопознаніе приводитъ насъ въ глубину смиренія II, 85 (ср. *странничество*). Хорошо познавъ, что онъ созданъ изъ ничего и нагимъ вошелъ въ міръ сей, человѣкъ познаетъ и Творца своего I, 333. Кто не позналъ прежде себя самого, тотъ никакъ не можетъ познать чего-либо изъ духовнаго и божественнаго II, 342—343. Не познавшій себя

самого не может познать и Творца и не смѣетъ наименоваться не только вѣрнымъ, но даже и человѣкомъ III, 194. Трудно познать себя самого, и весьма немногіе знаютъ себя II, 92. Познать себя самого нѣтъ никакой возможности безъ просвѣщенія свыше I, 163—164. *См. свѣтъ, совѣсть, умъ.*

Свобода *см. самовластіе.*

Свѣтъ Божественный. Какъ чувственыя твари нуждаются въ свѣтѣ, такъ и умныя—въ умномъ свѣтѣ, безъ котораго невозможно вести жизнь богоугодную I, 165. Отъ Бога Отца нашего изливается свѣтъ, непреступный для всѣхъ грѣшниковъ, но приступный для праведныхъ, который, возсіявая въ нихъ, бываетъ для нихъ неизъяснимою радостію, миромъ и пр. II, 419. Божественный свѣтъ всегда сіяетъ и сіяетъ въ тѣхъ, которые очистились II, 481. Этотъ Свѣтъ, возсіявшій въ міръ, сіяетъ, вопіетъ и взываетъ: Азъ свѣтъ міру былъ, есмь и буду и хочу быть видимымъ, и для того и въ міръ пришелъ III, 240. Божественный свѣтъ всюду проникаетъ и вездѣ свѣтитъ; при всемъ томъ для душъ невѣрныхъ онъ не виденъ и виденъ только одѣмъ тѣмъ, которые вѣрны Христу I, 222. III, 154. 188. Очень немного такихъ, которые взыскають Божественнаго свѣта и пришли въ ясное созерцаніе его III, 153. Богъ (Свѣтъ) нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не свѣтитъ, какъ только въ тѣхъ душахъ, съ которыми Онъ соединится прежде конца; если же возсіяетъ для другихъ, то какъ огонь непреступный. При всемъ томъ здѣсь и тамъ Свѣтъ для душъ одинъ и тотъ же III, 84. Не есть инъ Богъ, обитающій во свѣтѣ, и инъ свѣтъ—домъ Его, но одинъ и тотъ же есть и домъ и обитающій въ немъ, какъ одинъ и тотъ же есть и свѣтъ и Богъ II, 72. Умный Божественный свѣтъ дѣлаетъ насъ участниками благодати зрѣть Бога; и что такое этотъ свѣтъ? I, 322—323. Онъ есть невещественный лучъ отъ Невещественнаго III, 88. Свѣтъ Божій это—самый Духъ Святой II, 379. 481. III, 39. Таинственно осѣнивъ человѣка, Божественный свѣтъ просвѣщаетъ очи души и явно представляетъ ей благообразіе спасенія и срамоту грѣшника I, 362. Гдѣ слезы съ истиннымъ вѣдѣніемъ, тамъ и осіяніе Божества свѣта, а гдѣ осіяніе сего свѣта, тамъ и дарованіе всѣхъ благъ I, 37. Сокровенный свѣтъ Божественнаго вѣдѣнія, безъ котораго невозможно молиться неразсѣянно, есть нѣкая мысленная сила, собирающая подвижной умъ I, 83. Свѣтъ вѣдѣнія не есть только вѣдѣніе безъ свѣта... этотъ свѣтъ раждаетъ въ насъ вѣдѣніе II, 116. Вѣдѣніе не есть свѣтъ, но свѣтъ есть вѣдѣніе II, 322. Никто не можетъ сказать ничего вѣрнаго о немъ, если не увидитъ напередъ умными очами души своей сего свѣта II, 116. Великое Божественное чудо великаго Свѣта не въ силахъ изречь даже Ангелы III, 20. Душа не выноситъ блистанія непокровеннаго Божественнаго свѣта и прячется подъ покровъ чувственнаго II, 536. Умный свѣтъ Св. Духа, приходящій со всякой тихостію и обрадованіемъ, есть предначатіе вѣчнаго свѣта и блаженства II, 225; ср. II, 439. Мысленный свѣтъ приходитъ ощутительно и съ кѣмъ соединится,

тѣхъ уподобляеть себѣ и дѣлаеть свѣтомъ III, 85—86. О созерцаніи и дѣйствіяхъ Божественнаго свѣта, каковыя онъ видѣтъ и что производитъ въ душѣ? II, 117—118. 439. III, 49. 106—107. 157—158. Онъ видимъ бываетъ, преобразуясь наоборотно воспріятію каждаго изъ людей III, 182. Прежде озаренія Божественнымъ свѣтомъ душа не можетъ познать себя: види же его, познаеть, гдѣ она находится и въ какомъ состояніи III, 18. Кто соединится съ Божественнымъ Свѣтомъ, того Онъ всему научитъ и все откроеть и покажетъ, насколько полезно ему научиться III, 23. Не узрѣвъ неприступнаго свѣта, мы не можемъ ни отъ страстей освободиться, ни стѣлать добродѣтелей, ни осязательно воспріять Духа Святаго, ни узрѣть Бога II, 277. Тѣ, которымъ невѣдомо созерцаніе Божественнаго свѣта, не родились еще на свѣтъ Божій, или лучше сказать—мертвоорожденные выкидыши II, 322. Говорящій, что онъ совершенно не видѣтъ Божественнаго свѣта, а тѣмъ болѣе утверждающій, что это и невозможно, отвергаетъ все Писаніе и домостроительство Христово III, 209 (*ср. ересь, чувство* II, 47). Таковой слѣтъ и мертвъ III, 189. 209. Каковымъ долженъ быть тотъ, кто желаетъ узрѣть Божественный свѣтъ? III, 279—280. Ублаженіе тѣхъ, которые умно узрѣли и воспріняли Божественный свѣтъ II, 57—58. *См. Богъ, видѣніе Бога, послушаніе, созерцаніе, солнце, судъ, Сынъ Божій, тайны, Троица, тѣма, умъ.*

Святость *см. святые, совершенство, спасеніе, чистота.*

Святые. Похвалу святыхъ составляютъ два сія: православная вѣра и добродѣтельное житіе, и третіе—дары Всев. Духа II, 17. О тѣлесномъ и духовномъ дѣланіи святыхъ II, 345 сл. Святые мертвы для міра и міръ мертвъ для нихъ II, 564. 565. Какова жизнь благочестивыхъ, вѣрныхъ и всѣхъ святыхъ? III, 207. Не бываетъ никакого общенія ни у духовныхъ (святыхъ) съ мірекими, ни у мірекихъ съ духовными: между ними такое же раздѣленіе, какъ между свѣтомъ и тьмою II, 564—565. Чему подобны святые, живущіе еще въ мірѣ съ тѣломъ, но преисполненные любви и безстрастія? II, 422. У святыхъ пѣтъ завѣсти II, 114. 334. Никто изъ святыхъ отъ вѣка не дѣлался святымъ, не бывъ просвѣщенъ умомъ отъ Св. Духа II, 447. Не имѣющій Духа Святаго не можетъ именоваться святымъ II, 18. III, 85. Когда человекъ бываетъ святымъ? II, 18. Невозможно въ одинъ часъ сдѣлаться намъ и стать святыми II, 138. Ни Богъ, ни святые не бываютъ видимы для не очистившихся III, 216. Притворяющихся добродѣтельными многіе почитаютъ безгрѣшными и святыми, а воистину святыхъ не отличаютъ отъ прочихъ людей II, 532. Кто можетъ распознать духовнаго и святаго мужа? II, 325. 342 (*с.и. очи*). По какимъ признакамъ познаются святые? II, 337. Всѣ святые воистину суть члены Христа Бога и всѣ въ совокупности, отъ начала міра и до скончанія его, составляютъ единое тѣло (*с.и. Церковь*) I, 383 сл. (*ср. обоженіе*). Всѣ святые изъ рода въ родъ, будучи связуемы любовію, союзомъ Св. Духа, послѣдовательно

составляют пѣкую неудоборазрываему златую цѣпь II, 559—550. Всѣ святые рождались и рождаются отъ Христа I, 338—339. Святые всѣ зачинаютъ и имѣютъ Его въ душахъ своихъ по благодати I, 398 (ср. *Богородица, бракъ*). Хотя Богъ почиваетъ во святыхъ, но и святые въ Богѣ и живутъ и движутся III, 93. Души святыхъ еще въ семь мѣрѣ обновляются, измѣняются и воскресаютъ, а тѣла ихъ сдѣлаются негнѣбными во время всеобщаго воскресенія I, 382—383 (ср. *тѣло*). О будущемъ единеніи святыхъ со Христомъ I, 411—412. Будущая слава святыхъ будетъ такая же, какъ и слава Сына Божія I, 413. Говорятъ, что языкъ невозможно подражать древнимъ святымъ и соблести евангельскія заповѣди,—еретики, богоборцы и антихристы I, 427—428. II, 451—452 (ср. *ересь*). Древніе святые были такіе же люди, какъ и мы, и ничего особеннаго предъ нами не имѣли, кромѣ добраго произволенія и ревности о всякомъ добрѣ, терпѣнія, смиренія и любви къ Богу I, 429. Упомянутіе и перечень нѣкоторыхъ св. жещъ, св. патріарховъ и митрополитовъ II, 156—157. 159. *Ср. будущая жизнь, воскресеніе, предопредѣленіе, совершенство, спасеніе, умъ.*

Священство. О непрерывномъ іерархическомъ преемствѣ священнослужителей въ Церкви I, 97. Не слѣдуетъ никому прежде причащенія Божественной благодати восходить на учительскую кафедру, и почему? I, 466. Прежде должно добрѣ познать таинства Божія и тогда принимать духовныя достоинства и учить другихъ II, 74—75. Кто сѣбѣ духовно, тотъ пусть ни самъ не дѣлается руководителемъ другихъ, ни другого не поставитъ руководителемъ II, 325. О тѣхъ, которые, не зная таинствъ благодати, принимаютъ рукоположеніе и дѣлаются учителями II, 321—322. 393—395. 459—460. Кто не сдѣлался еще ученикомъ, какъ должно, а между тѣмъ восхваляетъ достоинство учителей, тому слѣдуетъ наказаніе въ тысячу разъ большее, чѣмъ разбойникамъ и убійцамъ II, 453. III, 233. 234. Какими качествами должно обладать, чтобы рѣшиться принять на себя достоинство священства? II, 461—462. III, 232—233. Дѣла священнослужителей свойственны безстрастнымъ и служенія ихъ принадлежатъ однимъ св. рабамъ Божиимъ II, 393. Власть визать и рѣшать, священнодѣйствовать и учить есть достоиніе не просто всѣхъ іереевъ (не тѣхъ, которые отъ людей только принимаютъ избраніе и рукоположеніе, покупая его часто за деньги), а тѣхъ, которые священнодѣйствуютъ евангельски, съ духомъ смиренія и живутъ безукорызненною и добродѣтельною жизнью II, 322—323. Какимъ долженъ быть приносящій Богу безкровную жертву? III, 167. 169. Іерей долженъ быть чистъ не только тѣломъ, но и душою, непричастенъ никакому грѣху, смиренъ не только по вѣнному виду, но и по внутреннему настроенію; предстоя св. трапезѣ, онъ долженъ мысленно созерцать Божество, и не только созерцать, но долженъ стяжать и имѣть въ себѣ Христа обязательцемъ II, 569. Чтобы достойно литургисать, должно проводить въ тѣлѣ жизнь какъ бы сверхъ-ангельскую и стать къ Богу бли-

жайшимъ самихъ Ангеловъ III, 130. Велико и страшно и превыше всякой славы и блеска съ чистою совѣстію литургисать св. Троицѣ III, 166. Служитель Христа долженъ и жить такъ, какъ Онъ, и, подражая Ему, быть совершенно нестяжательнымъ III, 233—234. *См. служеніе.*

Сдруженіе съ Богомъ. Сдруженіе Бога съ душою есть сокровенное посѣщеніе ея Богомъ I, 157. Какіе признаки сдруженія души съ Богомъ? I, 157. 161—162; ср. I, 358. Кто сдружился съ Богомъ? II, 207. Состояніе души, достигшей сдруженія съ Богомъ I, 198. Въ молитвѣ и подвигахъ христіанинъ долженъ прежде всего искать сдруженія съ Богомъ I, 161—162. Сдруженіе это достигается посредствомъ вѣры, исповѣди и причащенія св. Таинъ I, 157. 162. *См. единеніе съ Богомъ.*

Сердце сокрушенное и смиренное есть единственная благоприятная Богу жертва, ею спасались, спасаются и будутъ спасаться всѣ грѣшники и всѣ праведники I, 270—271. II, 66. Безъ него тщетны всѣ подвиги и труды; оно есть основаніе восхожденія по лѣствицѣ добродѣтелей, оно причина дара чудотвореній, оно воскресеніе душъ прежде общаго воскресенія I, 272. Сердце чистое есть сердце сокрушенное и смиренное I, 164. Чистымъ сердце дѣлаютъ не одна, не двѣ, не десять добродѣтелей, а всѣ вмѣстѣ; но и онѣ не могутъ сдѣлать его чистымъ безъ воодѣяствія Св. Духа II, 532—533. Чисто сердце у того, кто не только не бываетъ тревожимъ какою-либо страстію, но и не помышляетъ даже ни о чемъ худомъ или мірскомъ, хотя бы и хотѣлъ того, имѣя въ себѣ одну память о Богѣ съ неудержимою любовію II, 562. 563 (*ср. благочестіе*). Когда Божественный лучъ или огонь, упавъ въ сердце, коснется его и возгорится въ немъ, тогда онъ и умъ очиститъ и возведетъ на небо, и сердце освятитъ и сочтаетъ съ Богомъ, сдѣлавъ твореніе нераздѣльнымъ съ Творцомъ III, 23. Для умирающихъ безъ очищенія сердца и узрѣнія Бога сомнительно конечное рѣшеніе II, 277. Никто изъ людей не можетъ имѣть сердца пустымъ, но имѣть въ немъ одно изъ двухъ: или благодать Св. Духа, или лукаваго діавола (*см. сокровище*) II, 337. *См. вниманіе.*

Симеонъ преп., Новый Богословъ. Отношеніе къ нему родителей, братьевъ и друзей, и дивные пути Промысла Божія въ его жизни III, 172—174. О его жизни до принятія монашества II, 21—27. 492. Какъ преп. Симеонъ говоритъ о грѣхахъ юности своей и вообще о своихъ грѣхопаденіяхъ? III, 135—136. 24. 50—51. 128. 132. 171—172. Какъ онъ говоритъ о своемъ обращеніи, о духовномъ отцѣ своемъ и его руководствѣ? II, 31—32. 435—436. 485—486. 492—496. III, 152. 161—164. 244. По молитвамъ его преп. Симеонъ сподобился получить Духа Святаго II, 351—354. 436—437. 478—479. III, 237; ср. I, 94. II, 128. Что говоритъ Симеонъ о своемъ игуменствѣ и священствѣ? III, 244. 113—117. 129—131. II, 473. 569. Какую любовь преп. Симеонъ имѣлъ къ братіи и какъ заботился объ ихъ спа-

сенія? II, 228—229. 292—293. III, 111—112. Какъ онъ искалъ Бога и подвизался? III, 102—103. 176. 213—214; какъ стремился къ уединенію и безмолвію и какъ любилъ Бога? III, 95—97. 105. 225; какъ непрестанно плакалъ? II, 500. Какъ злословили преп. Симеона? II, 119. 340. 457—458. III, 237—238. Что онъ говоритъ о своемъ изгнаніи и злостраданіяхъ и какъ онъ относился къ искушеніямъ и скорбямъ? III, 79—80. 91. 129. II, 41—42. Видѣнія и созерцанія преп. Симеона II, 24—25. 437—439. III, 38—39. 46—47. 70. 118. 131—133. 137—138. 177—178. 211—212 и др. Какъ преп. Симеонъ созерцалъ Бога вначалѣ и пріидя въ совершенство? II, 486—489. Какъ онъ постепенно проходилъ къ болѣе и болѣе совершенному созерцанію Бога II, 495—498. Тайственная бесѣда преп. Симеона съ Богомъ II, 498—499; ср. II, 504. III, 46. Какого высокаго совершенства, славы и обоженія достигъ преп. Симеонъ? II, 496. 500. 505. III, 19—22. 48. 56. 123—124. 127. 175—177. 261; и какъ глубоко онъ смирялся? II, 505—506. III, 132. 175. 227. 244. 247. Какихъ великихъ даровъ и благодѣлій сподобился преп. Симеонъ отъ Бога и какъ онъ благодаритъ за нихъ? II, 482 сл. 491 сл. 503. III, 174—176. Какъ самъ преп. Симеонъ говоритъ о своемъ ученіи? II, 457—458. 475. 477—479; ср. гимны: 2-й, 17, 46 и 51-й. *См. Симеонъ Благоговѣнный, сокровище, страсти.*

Симеонъ преп., Студить или Благоговѣнный—духовный отецъ Симеона НВ. II, 351. 352. 353; ср. II, 435 сл. Своими подвигами онъ превзошелъ древнихъ святыхъ, а терпѣніемъ искушений и скорбей уподобился многимъ великимъ мученикамъ, за что и прославленъ Богомъ, сдѣлался безстрастнымъ и святымъ и удостоился пріять благодать Св. Духа II, 351. 353. 17; ср. II, 435. Симеонъ Благоговѣнный имѣлъ даръ прозорливости II, 435. Какой совершенной чистоты и безстрастіи достигъ онъ? III, 263. Въ какомъ видѣніи онъ показанъ былъ ученику своему Симеону НВ.? II, 25. 485. Последнему Симеонъ Б. общалъ сугубую благодать отъ Бога II, 437 сл.; ср. III, 237—238. Симеонъ НВ. называетъ его Апостоломъ и ученикомъ Христовымъ II, 495. 496. 502. III, 225; а въ одномъ изъ гимновъ (37-мъ) изображаетъ Симеона Б. подъ образомъ Моисея, какъ великаго чудотворца и дерзновеннаго молитвенника предъ Богомъ III, 161—164; ср. III, 214. 244. Симеонъ Б. оставилъ сочиненія, написавъ цѣлую книгу, несмотря на то, что не проходилъ наукъ II, 351. 255 (см. II, 571—593). Изреченія Симеона Б. I, 430 (см. плачь) II, 255. 350—351. 354. 436. Что побуждало преп. Симеона НВ. говорить о своемъ духовномъ отцѣ Симеонѣ Б. и прославлять его? II, 352—353. *См. Симеонъ Н. Б.*

Скорби. Въ раю человекъ не зналъ скорбей, но имѣлъ великое счастье I, 70. Богъ по чрезвычайной любви съ промыслительною цѣлію окружилъ падшаго человека скорбями и бѣдствіями I, 69—70. Богъ посылаетъ намъ прискорбности, чтобы мы научились смиренствовать, а не гордиться I, 270. Христосъ не отмѣнилъ

человѣку перваго наказанія за преступленіе Адама, т. е. смерти и нужды во всемъ, но сообщаетъ силу благодушно переносить всякаго рода лишенія и скорби; поэтому Апостолы, мученики подвижники и все истинные христіане съ радостію переносили, ихъ, прося себѣ лишь терпѣнія I, 72—73. Кто имѣеть смиреніе, тотъ все скорбное переноситъ съ радостію II, 204. Для полученія благодатныхъ благъ надлежитъ возлюбить прискорбность и тѣсноту тѣлесную, великое злостраданіе и искушенія I, 177. *См. искушенія, терпѣніе.*

Слава. Богъ имѣеть славу препрославленную, на которую безъ страха не посмѣеть возрѣть никто изъ небесныхъ чиновъ III, 54 (*ср. Ангелы*). Подъ іею преп. Симеонъ разумѣеть Духа Святаго III, 132. Объясненіе цѣсти: Слава въ вышнихъ Богу I, 234. Во всякомъ добромъ дѣлѣ, словѣ и помышленіи должно имѣть цѣлю угожденіе Богу и славу Его I, 267. Существа разумныя, Ангелы и люди, для того и созданы разумными, чтобы позиавали Творца своего, всегда прославляли и благодарили, не только за себя, но и за прочія твари I, 365. Прославить Бога мы можемъ тѣмъ, чѣмъ и Сыиъ прославлялъ Его, т. е. подражаніемъ страстямъ Христовымъ II, 543—544. Слава Христова есть крестъ и страсти III, 223. Подражаніе имъ дѣлаетъ человѣка причастникомъ славы Христовой II, 356. III, 72, 79; ср. III, 156 (*см. искушенія*). О суетности земной славы и богатства III, 64—65. Мірекая слава безъ всякаго другаго дѣланія есть уже грѣхъ III, 172. Не вкушившій Божественной славы не можетъ презрѣть земную славу; любовь къ славы человеческой не позволяетъ душѣ ни смиригься, ни порицать себя самое III, 232; ср. III, 265. Приблизившійся къ Богу и обожившійся не можетъ пожелать человеческой славы или роскоши, ибо онѣ для него позоръ и безчестіе; слава же его и утѣха и богатство—Богъ Троица III, 69. Ищущіе славы человеческой будутъ осуждены, какъ идолопоклонники, а кто не ищетъ славы, а только принимаетъ ее съ радостію, тотъ будетъ осужденъ, какъ блудникъ II, 20; ср. II, 540.

Сластолюбіе. Навыкъ сластолюбія уничтожается чтеніемъ Божественныхъ Писаній и навывкомъ въ добрыхъ дѣланіяхъ II, 503.

Слезы *с.м. плачь.*

Слово. О нашемъ внутреннѣйшемъ словѣ II, 83. Умъ и душа, не смѣшиваясь, произносятъ внутреннее слово для (другихъ) людей и остаются такими же нераздѣльными, неизмѣнными и совершенно неслитными III, 199. Слова человеческія и слово Божіе I, 470—471. II, 108. Слова сватыхъ суть словеса Божія, а не человеческія, а словеса Божія суть словеса жизни II, 283 (*с.м. тѣло*). Праздное слово не есть только бесполезное слово, но и такое, которое говоримъ, прежде чѣмъ дѣломъ сдѣлали и опытомъ познали то, о чемъ говоримъ I, 413.

Служенію Богу. Въ чемъ состоитъ истинное служеніе и поклоненіе Богу духемъ? I, 147. Мы должны воздавать Богу не только видимое служеніе, но и невидимое—умомъ и помышленіемъ, наи-

болѣе подобающее Ему I, 78. 82. Нежелающаго Богъ никогда не принуждаетъ, но хочетъ, чтобы рабы Его, и наемники, и друзья свободно служили Ему, со страхомъ и любовію III, 144 (*ср. самовластіе*). Прежде времени не слѣдуетъ ни искать, ни принимать никакого служенія (въ Церкви) II, 541—542. Не должно сопротивляться перейти на другое служеніе, если то угодно Богу II, 542. *См. Церковь.*

Слѣпота, слѣпой духовно. О духовной слѣпотѣ I, 230. II, 446—447. 514—515. Всѣ тѣ, которые видятъ только тѣлесными очами и только этотъ чувственный свѣтъ, слѣпы суть II, 446. III, 202. Слѣпой умными очами не можетъ знать ни самого себя, ни состоянія своего, ни тѣмъ паче Бога II, 446. Слѣпой въ отношеніи къ одному Богу слѣпъ и во всемъ, а видящій въ единомъ Богѣ видитъ черезъ Него и себя, и все, и всѣхъ II, 517. 327. Сидящіе во тьмѣ удовольствій, видя, не видятъ Божественной славы и, слыша, не разумѣютъ заповѣдей Божиихъ III, 69. Грѣховная сѣверпа причиняетъ духовную слѣпоту и здѣсь и тамъ лишаетъ Божественнаго свѣта III, 94. Подобно слѣпцамъ, не видящимъ солнца, и грѣшники въ будущей жизни не будутъ видѣть Божественнаго свѣта, будучи лишены Божественнаго познанія и чувства III, 123. *См. Адамъ, гордость, законъ, мертвость, нечувствіе.*

Смерть. Такъ какъ человекъ имѣетъ тѣло и душу, то смертей у него двѣ: одна смерть души, другая—смерть тѣла, равно какъ и два безсмертія—душевное и тѣлесное I, 22. Какъ смерть тѣла есть отдѣленіе отъ него души, такъ смерть души есть отдѣленіе отъ нея Св. Духа I, 23. 44 (*см. благодаръ, Духъ Св.*). Смерть и тѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и раставнію души (я показатель ихъ) I, 44. Тѣло прежде раставилось и потомъ умерло, а душа наоборотъ I, 44—45 (*см. раставніе*). Удаленіе души отъ Бога есть смерть для нея II, 233. Послѣ пришествія Христова смерть не отмѣнена, но поправа и бывасть презираема I, 48. Послѣ же всеобщаго воскресенія она совсѣмъ будетъ упразднена и поглощена благодатію I, 56. Смерть есть заключеніе жизни и послѣ нея наступитъ состояніе бездѣятельности, когда никто не можетъ сдѣлать ничего ни добраго, ни злого III, 119. О памяти смертной II, 526—527. III, 23. Она есть виновница смиренія III, 88. Говорить и разсуждать о смерти всѣмъ полезно и спасительно III, 275. *См. грѣхъ, тлѣніе.*

Смиреніе, смиренномудріе. Смиреніе есть царица добродѣтелей; отъ него исчезаютъ всѣ страсти, съ коими прогоняется и полчище демоновъ III, 25. Посредствомъ смиренія Христова христіане дѣлаются царями: царствуютъ и господствуютъ надъ страстями и демонами I, 273. Смиреніе есть причина жизни и безсмертія I, 273. Смиреніе есть какъ бы некрадомая сокровищница, устроемая въ томъ умѣ, который поситъ убѣжденіе, что только силою благодати Христовой имѣются въ немъ добрыя качества I, 31—32. Добродѣтели могутъ быть твердыми только тогда, когда основа-

ніемъ своимъ онѣ имѣють смиреніе (*см. добродѣтели*) II, 450. Смиреніе—несказанная красота нашихъ душъ, для которой нѣтъ мѣни и только по опыту она вѣдома тѣмъ, кто стяжалъ Христа обитателемъ въ себѣ, ибо смиреніе—это Самъ Онъ; для тѣхъ же, кто имѣеть хотя нѣкоторое самомнѣніе, смиреніе совершенно невѣдомо III, 58. Господь нашъ I. X. для того и смирилъ Себя даже до крестной смерти, чтобы вѣрующіе въ Него заимствовали отъ Него смиреніе I, 272—273. Христіанствъ не стяжавшій смиренія Христова, такъ чтобы оно составляло какъ бы естественное его свойство, далеко отъ Христа I, 273. Правая и совершенная мѣра (для человѣка) есть мѣра смиренія или нищеты духовной, чтобы, не отчаяваясь въ себѣ совершенно, никого въ мірѣ не считать худшимъ себѣ, и потому плакать всегда и рыдать и все видимое презирать III, 57; ср. I, 109. Глубина смиренія должна соответствовать мѣрѣ грѣховъ человѣка I, 271. Отецъ смиренія есть умъ, просвѣщенный благодатію Христовою и ясно видящій немощь свою I, 273. Какимъ образомъ человѣкъ приходитъ въ глубину смиренія? II, 343—344; ср. I, 110—111. Иное—говорить смиренныя слова, и иное—имѣть смиренное мудрованіе; въ нашей власти помыслить о томъ и то дѣлать, что располагаетъ насъ къ смиренію, но само св. смиреніе есть даръ Божій II, 399. Гдѣ истинное смиреніе, тамъ и глубина смиренномудрїи, а гдѣ смиренномудрїе, тамъ и возсіянїе Св. Духа (*ср. чистота*) и Богъ съ премудростію и вѣдѣніемъ тайнъ Его, тамъ царство небесное и сокровенныя сокровища боговѣдѣній съ чувствомъ духовной нищеты I, 35 (*ср. божовѣдѣніе*). Смиренномудрїе есть главнымъ образомъ разумность, тогда какъ гордыня наоборотъ I, 270. Смиренномудрїе есть познаніе и сознаніе своей человѣческой немощи I, 163. О плодахъ смиренномудрїи II, 66—67; ср. III, 160. Всякое дѣло, дѣлаемое не со смиренномудрїемъ и духовнымъ разумомъ, каково бы оно ни было, не приноситъ человѣку никакой пользы II, 297. Насколько человѣкъ сокрушается и смиряется, настолько онъ просвѣщенъ благодатію I, 165; ср. I, 161 (*ср. благочестіе, кротость, преспыаніе*). *См. любовь, плачь, сердце.*

Совершенство, совершенствованіе. Какъ исполняющій заповѣди постепенно восходитъ на высоту совершенства? II, 131—136. Состояніе человѣка на высотѣ созерцація и совершенства I, 198. II, 177—178. 419. 557. Изъ какихъ добродѣтелей составляется духовное тѣло совершеннаго о Христѣ возраста? II, 408—417. Этого возраста не имѣеть завершенїи; полнота его есть смерть за Христа и заповѣди Его II, 417. Полнаго совершенства свѣтили намъ никогда невозможно достигнуть II, 138. Такъ какъ совершенствующимся невозможно найти конца свѣта, то очищеніе у нихъ бываетъ безконечнымъ: сколько бы они ни очистились, имъ всегда будетъ казаться только начало очищенія III, 42. У мужей духовныхъ непрестанный бѣгъ сверху внизъ и снизу вверхъ, ибо совершенствованіе безконечно III, 191. Святые, здѣсь во плоти живущіе и туда въ Богѣ преставившіеся, хорошо знаютъ, что

совершенствованіе ихъ будетъ безконечнымъ и преспѣваніе въ славѣ вѣчнымъ III, 122 (см. *преспѣваніе*). Тѣ, которые показываютъ себя мужами совершенными, не содѣлавшись таковыми, подобны дѣтямъ, одѣвающимъ оружія войновъ II, 420—421. Неполезно толковать о послѣднихъ степеняхъ совершенства новоначальнымъ и одержимымъ еще страстями II, 561. См. *безстрастіе, благо, духоносцы, царство Божіе*.

Совѣсть должно хранить чистою въ отношеніи къ Богу, къ духовному отцу своему и къ другимъ людямъ, а также и къ вещамъ міра, чтобы она ни въ чемъ насъ не обличала II, 185 (см. *молитва*). Излѣдующему себя самого совѣсть непременно скажетъ настоящую истину, если онъ не одержимъ клеченіемъ и гордостію I, 409—410.

Созерцаніе. Когда и какимъ образомъ душа приходитъ въ созерцаніе мысленнаго свѣта? I, 414—417. Какъ стоящій на берегу моря видитъ только малую часть водъ, такъ и сподобившійся узрѣть Бога видитъ не всю бездну славы Его, а лишь столько, сколько возможно для него II, 554. III, 189—190. Удостойвшіеся созерцать Бога видятъ лишь свѣтъ славы Божіей или Божественныя озаренія подобно тому, какъ сидящіе внутри дома видятъ проникающіе въ него солнечныя лучи, самого солнца не видя III, 186—189. 196; ср. III, 265. Восхищеніе ума или экстазъ (воступленіе) во время созерцанія бываетъ не у совершенныхъ, но у новоначальныхъ, и почему? I, 413—414 сл. О созерцаніи новоначальныхъ и пребывающихъ въ состояніи созерцанія долгое время I, 416—417 (см. *тайны*). Преуспѣвающіе въ духовномъ совершенствѣ, будучи просвѣщаемы благодатію, видятъ мысленно славу Господа и научаемы бываютъ вѣдѣнію за вѣдѣніемъ, восходя отъ созерцанія сущаго къ познанію сверхсущаго II, 555. 417. Какъ созерцаютъ Бога пришедшіе въ совершенную добродѣтель? II, 488—480 (ср. *Симеонъ НБ*). Достигшій высоты созерцанія приходитъ въ совершенное невѣдѣніе (того, что вѣдъ Бога) II, 555—556. Соединившись съ Богомъ вѣрою и познавъ Его чрезъ дѣланіе добродѣтелей, умъ приходитъ въ созерцаніе и видитъ дивныя и преславныя чудеса: становясь самъ свѣтомъ, онъ въ трезвенно бодрственномъ состояніи видитъ Свѣтъ всяческихъ, т. е. Бога, то вдали отъ себя, то внутри себя и пр. I, 173; ср. III, 49 (см. *Симеонъ НБ*). Усокровиществовавшіе въ себѣ Христа незримо созерцаютъ красоту Его, видя простой свѣтъ Божества Его, недержимо держатъ Его и пр.; насытятся же Его видѣніемъ, красотою и сладостію они никогда не могутъ II, 425. Созерцаніе мысленнаго свѣта вождѣлннѣ всей вселенной III, 47 (см. *радость*). Монахъ, восшедшій на высоту духовнаго созерцанія, подобенъ бѣдняку, приближенному царемъ и обогащенному имъ II, 524—525. Для любителя Бога, ясно выдащаго неизреченныя блага, даже малое лишеніе созерцанія кажется смертію II, 538—539; ср. II, 425—427. Созерцающіе Божественный свѣтъ бываютъ внѣ міра и даже внѣ тѣла, оказываясь же оцять

въ мірѣ и вспоминая о созерцаніи, они плачуть и сѣтуютъ, какъ грудное дитя, желая слова насытиться небеснымъ хлѣбомъ III, 112—113; ср. III, 192—193. 260. Удостоившіеся узрѣть Бога созерцаніе называютъ вѣдѣніемъ и наоборотъ, равно и слухъ—зрѣніемъ и обратно I, 474 сл. (с.м. пророкъ, чувство). Какъ въ зданіи не бываетъ кровли безъ основанія, такъ и прежде дѣланія заповѣдей не можетъ быть созерцанія III, 274. Если мы допустимъ хотя малый помыслъ невѣрія или двоедущія или самаго мѣньшую страсть и не презримъ совершенно настоящую жизнь, будучи готовы даже на мученичество, то никогда не придемъ въ созерцаніе и опытное познаніе таинства Божіихъ II, 60. С.м. видѣніе Бога, свѣтъ, совершенство.

Сокровище. Кто трудами и дѣланіемъ заповѣдей стяжалъ благое сердце, тотъ имѣетъ въ себѣ все Божество, которое есть благое сокровище; а тѣ, которые не очистили сердецъ своихъ посредствомъ слезъ и покаяній, имѣютъ живущимъ внутри себя діавола, который есть злое сокровище II, 338—339; ср. I, 206. II, 424. Богъ не только видимъ бываетъ и созерцается, но и преподается и обитаетъ, какъ невидимое, недержимое и неосязаемое сокровище, скрытое въ нѣдрѣ, котораго ни воръ не можетъ отнять, ни разбойникъ похитить III, 97. Въ комъ вселится Богъ, тотъ сознательно носить внутри себя Создателя всяческихъ, какъ сокровище невыразимое, неизлаголанное и пр., какъ свѣтъ, превысшій всякаго свѣта II, 363—364. Кто обогатился небеснымъ сокровищемъ—пришествіемъ и вселеніемъ въ него Христа, тотъ опытно знаетъ, какую радость получилъ отъ этого II, 554; ср. III, 97. Сокровище благодати соблюдается въ насъ точнѣйшимъ соблюденіемъ всѣхъ заповѣдей и, будучи соблюдаемо, насъ самихъ блюдетъ совершенно невредимыми I, 453. О неизреченномъ сокровищѣ, которое преп. Симеонъ самъ нашель и другимъ похваливаетъ II, 478—479.

Солнце. Есть два свѣтила: свѣтило чувственное и видимое—солнце, дающее свѣтъ для очей тѣлесныхъ, и свѣтило умное, Солнце правды, Господь нашъ І. Х., подающій свѣтъ умнымъ очамъ I, 223—224. 421. III, 192. И что есть для видимаго и чувственного солнце, то—для невидимаго и мысленнаго Богъ II, 53. 558. Различіе между ними и ихъ дѣйствіями II, 558—559; ср. III, 42—43. Христосъ есть умное Солнце, просвѣщающее только разумныя души II, 324. Будучи Солнцемъ скрытымъ для всякой смертной природы, Богъ восходитъ въ Своихъ рабахъ, бывая видимъ ими и содѣлывая ихъ свѣтомъ III, 41. 42—43. Кто умомъ своимъ и сердцемъ всегда смотритъ на умное Солнце правды, тотъ ничего уже изъ земного воображать не можетъ, но во всемъ видитъ единаго Бога II, 568.

Сновидѣнія. Чѣмъ душа занята наяву, о томъ мечтаетъ она и во снѣ II, 566. У кого бывають истинныя сновидѣнія и у кого ложныя? II, 566—567.

Опасеніе наше состоитъ въ томъ, что явился великій Свѣтъ

будущаго вѣка, на землю сошло царство небесное или пришелъ Царь всѣхъ и пр. Ш, 77. Черезъ какое чудное средство Господь совершилъ и совершаетъ дѣло спасенія нашего? II, 152—153. Христосъ алчетъ и жаждетъ едиааго спасенія всѣхъ человѣковъ, которое есть удаленіе отъ всякаго грѣха и дѣланіе всѣхъ заповѣдей и добродѣтелей I, 186; ср. II, 480. Предъ нами находятся два противоположныхъ предѣла: жизнь и смерть, и два міра: настоящій, видимый и привременный, и будущій, невидимый и вѣчный, и два противоположныхъ дѣйствателя въ нихъ: Богъ и диаволь; что же намъ надлежитъ дѣлать для спасенія? II, 375. Цѣль всѣхъ по Богу живущихъ и спасеніе всякой души заключается въ томъ, чтобы благоугодить Христу Богу и примириться съ Богомъ Отцомъ чрезъ пріятіе Духа Святаго; безъ этого тщетенъ всякій трудъ и суетно всякое дѣланіе наше II, 539—540. Спасеніе всѣхъ состоитъ въ единой, милости Божіей I, 128—129. 131. 133. 361. Всѣ скончавшіеся въ святости и добродѣтели даромъ спасены, а не за добрыя дѣла, и тѣ, которые скончались послѣ сего, всѣ даромъ спасены будутъ II, 65. Въ чемъ проявляется участіе человѣка въ дѣлѣ спасенія? I, 361—362. Спасеніе возможно для человѣка лишь тогда, когда онъ содѣлается правымъ и причастится святости Божіей I, 129—130. Никому невозможно спастись безъ твердой вѣры въ Бога и въ слова Божія и безъ любви къ Богу и людямъ I, 168; ср. Ш, 41. Христосъ не можетъ помиловать никого изъ тѣхъ, которые хотя вѣруютъ въ Него, но не познали прежде, что самая-то благодать Христова и есть милость и спасеніе. Никому невозможно другимъ образомъ спастись, если онъ не получитъ Божественной благодати, имѣющей обожить его или сдѣлать Богомъ по благодати I, 172; ср. II, 127—128. Невозможно спастись одними тѣлесными добродѣтелями безъ любви и благодати Св. Духа II, 15. Какъ тѣ, которые думаютъ спастись безъ труда, не спасутся, такъ и тѣ, которые чаютъ устроить спасеніе своимъ умомъ и своими силами I, 360—361. Спасутся одни пріобщившіеся Божеству Христова... а спасающіеся суть святые всѣ Ш, 76. Въ чемъ спасеніе всѣхъ спасающихся или единственный путь спасенія? Ш, 41. *См. заповѣди, покаяніе, путь спасенія, умъ, чувство.*

Стефанъ Новый, преподобномученикъ. О гоненіи, бывшемъ во время св. Стефана Новаго I, 426—427.

Странничество, странникъ. Познаніе себя самого убѣждаетъ человѣка въ томъ, что онъ странникъ для всего земнаго и тѣмъ гаче для небеснаго I, 333. Въ чемъ состоитъ истинное странничество? II, 211—212; ср. Ш, 88. Оно—одна изъ добродѣтелей II, 409. О странникахъ міра, что они суть Божіи, потому и не завидитъ ихъ міръ Ш, 152—153.

Страсти не врождены естеству человѣческому I, 219. Злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣховныхъ суть тьма II, 51; ср. Ш, 38. Отъ страстей происходитъ пареніе и помраченіе въ головѣ, и ослѣпляются умныя очи Ш, 153 (*см. тьма*). Тотъ, у кого умъ

омраченъ и чувства всё страстны, подобенъ больному глазами... таковой не можетъ сознать, что боленъ, и не допускаетъ даже, чтобы можно было стать выше страстей I, 447—448. Одержимые страстями самую болѣзнь почитаютъ здоровьемъ и, будучи убѣждены, что человѣку невозможно совершенно очиститься отъ страстей, не вѣрятъ, чтобы кто-либо былъ безстрастенъ II, 339. 391. 398. 452. Страсти приводятъ въ движеніе бѣсами, и подь бѣсовскими воздѣйствіями растлѣваются сердца II, 137—138. Черезъ страсти, демоны приобрѣтаютъ власть надъ нами II, 295. Чему подобна тиранія злыхъ похотей и страстныхъ влеченій, и какъ Господь освобождаетъ человѣка отъ нихъ? II, 402. Преп. Симеонъ, говоря о своихъ страстяхъ, изображаетъ ихъ подь образомъ звѣрей III, 106—107. 111. 155. Впрочемъ душа не можетъ быть насильно увлекаема къ нимъ I, 351. О страстяхъ естественныхъ (тѣлесныхъ) и душевныхъ I, 58—59 (см. *самовластіе*). Страстей ищетъ не тѣло, но душа посредствомъ тѣла, находя то себѣ пріятнымъ I, 351. О трехъ главнѣйшихъ страстяхъ: сластолюбіи, сребролюбіи и славолюбіи, поработающихъ человѣка діаволу I, 150. Какъ онѣ естественно рождаются въ человѣкѣ? I, 208—210. Какова сила и тиранія этихъ страстей? I, 211. Онѣ суть сѣти діавола и узы міра I, 210. 213. Обычно человѣкъ обладаемъ бываетъ какою-либо одною изъ трехъ страстей преимущественно, но не исключительно, а между тѣмъ осуждаетъ обладаемыхъ другою страстію I, 215—216. Только облеченный во Христа или хранящій благодать силенъ пребыть непорабощеннымъ отъ этихъ трехъ страстей I, 210. Кто обладаемъ каждою или одною какою изъ нихъ всецѣло, тотъ не имѣетъ общенія съ Богомъ—Пресв. Троицею, хотя бы онъ несъ всякія злостраданія и подвиги I, 150. Порабощенный этимъ тремъ страстямъ или хотя одной изъ нихъ не можетъ самъ освободиться отъ нихъ, хотя бы и хотѣлъ, потому что освобожденіе это въ рукахъ Іисуса Христа, Сына Божія, получившаго на то власть отъ Отца Своего I, 150—151. 209—210 (см. *самовластіе*). Кто порабощенъ хоть одной страсти, тотъ не можетъ повиноваться заповѣди Господней, ея запрещающей, имѣя надъ собою другого господина I, 449. Никто изъ обладаемыхъ какою-либо страстію, хотя бы то малѣйшею, не можетъ имѣть Христа живущимъ въ себѣ чрезъ благодать Св. Духа II, 51. Всякій, оскверненный какою бы то ни было страстію, не имѣетъ одѣянія брачнаго и изгоняется изъ царства небеснаго I, 402. И одной страсти достаточно, чтобы ввергнуть насъ въ адъ II, 169. Если человѣкъ искренно возлюбитъ Бога и будетъ твердо стоять въ этой любви, то никакая страсть не возобладаетъ имъ I, 352. Для преодоленія страстей и грѣховныхъ навыковъ надо стяжать противоположныя имъ добродѣтели I, 276; ср. II, 295 (см. *добродѣтель*). Человѣкъ можетъ побѣждать страсти, но (самъ) не можетъ искоренить ихъ, такъ чтобы не только не дѣлать зла, но и не помышлять о немъ (ср. *сердце*) II, 562. См. *безстрастіе, здравіе души, плачь, подвиги, смиреніе, тьма, христіанинъ*.

Страхъ Божій—одна изъ добродѣтелей I, 451. II, 409. Нѣтъ ничего болѣе и совершеннѣе страха Божіа II, 27. Какъ понимать изреченіе: начало премудрости страхъ Господень? I, 322. Какое дѣйствіе имѣеть на челоѵка страхъ Божій и страхъ суда? II, 178. 527. III, 26—27. Имѵющій страхъ Божій обращаетъ въ бѣгство демоновъ и не боится злыхъ людей, которыхъ онъ изумляетъ своимъ мудрованіемъ II, 522. Какую пользу приноситъ челоѵку страхъ вѣчныхъ мукъ? II, 528—529. Когда и какъ въ душѣ челоѵка провозрастаетъ страхъ Божій? III, 25—26. *См. грѣшникъ, любовь, мудрость.*

Судъ. Слово о будущемъ судѣ неудобозыяснимо II, 33. О второмъ пришествіи и судѣ I, 383. Что такое страшный день Господень? II, 33—34. Явленіе Божества Христова бываетъ судомъ для тѣхъ, кому Оно являемо бываетъ II, 35. День Господень откроется для одержимыхъ невѣріемъ и тьмою страстей, а не для сыновъ свѣта и дня, которые нынѣ, крепясь слезами, судимы бываютъ Божественнымъ огнемъ и Духомъ II, 36—37. Есть два обличенія: одно здѣсь во спасеніе, а другое тамъ въ осужденіе; въ чемъ состоятъ то и другое? II, 319. Кто здѣсь, въ настоящей жизни, бываетъ судимъ судомъ покаянія, тому нечего бояться другого какого истязанія II, 319. Но для не хотящихъ быть нынѣ судимыми, тогда откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, дѣйствомъ котораго они и будутъ раскрыты предъ лицомъ Бога и предъ всѣмъ прочимъ II, 319. Чему тогда подобно будетъ состояніе грѣшниковъ? II, 319—320. Тогда каждое дѣло, доброе и худое, каждое слово и каждый помысль со времени рожденія до смерти будутъ явны во всякомъ челоѵкѣ II, 320. Какъ будетъ происходить судъ?—слово Господне осудитъ тогда всякаго, не сохранившаго его... грѣшники сами себя осудятъ, ставъ самосудьями дѣлъ своихъ III, 199—200. Какимъ образомъ грѣшники будутъ отдѣлены отъ праведныхъ? III, 75. 200; ср. I, 412. На страшномъ судѣ грѣшникамъ Богъ противопоставитъ праведниковъ, которые и осудятъ ихъ, и какимъ именно образомъ? II, 159—160. 165. 168. Богъ осудитъ грѣшниковъ за то, что не просили у Него благодатной силы не грѣшить I, 301—302. *См. наука, страхъ.*

Сынъ Божій, Богъ-Слово, Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Образъ Отца есть Сынъ, а образъ Сына—Духъ Святый I, 480. О вѣчномъ неизыяснимомъ рожденіи Сына отъ Отца и совершенномъ равенствѣ Его Отцу III, 271. II, 94. 76—80. О говорящемъ, что Отецъ прежде Сына, такъ какъ Онъ больше Сына и виновникъ Его II, 76—78. Отецъ есть виновникъ Сына въ такомъ же смыслѣ, какъ говоримъ, что умъ есть виновникъ слова, источникъ—потока, корень—вѣтвей II, 78. Сынъ Божій рождается отъ Отца нераздѣльно и неизреченно, какъ Онъ одинъ знаетъ III, 268. Слово не отдѣляется отъ Отца ни мыслію, ни дѣломъ, а лишь ипостасію или лицомъ III, 266. 277—278. Оно происходитъ отъ Отца, какъ слово изъ ума, отдѣляется отъ Него, какъ

голосъ отъ слова, а воплотилось Оно, какъ слово написанное III, 271. Почему Духъ Святой называется устами, а Сынъ—Словомъ? I, 471. Сынъ Божій видится и совершается Духомъ Святымъ, и ни Сынъ никому не открывается безъ Духа, ни Духъ безъ Сына I, 480. Единородный Сынъ Божій, пришедши на землю, воплотился, воспринявъ совершенное челоѳчество, чтобы быть совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ челоѳкомъ... И се челоѳкъ! другого такого не было, нѣтъ и не будетъ I, 23. 394. Слово содѣйствиємъ Духа и благоволеніемъ Отца (*ср. Троица*) содѣлалось неизмѣнно совершеннымъ челоѳкомъ; будучи по естеству Богомъ несозданнымъ, Оно неизреченнымъ образомъ сдѣлалось сотвореннымъ и, обоживъ воспринятое, въ двухъ дѣйствіяхъ и двухъ воляхъ показало двойное чудо: видимаго и невидимаго, держамаго и недержамаго, явившагося, какъ тварь, среди всѣхъ тварей III, 27—28 (*с.м. воплощеніе*). Христосъ такъ тѣсно соединилъ въ себѣ Божество съ челоѳчествомъ, что два сіи, крайне разстояющіяся, стали единымъ лицомъ, хотя пребывали несміянными и несмѣшанными I, 29. Краткое изложеніе ученія о лицѣ Христа и совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія (домостроительствѣ Христовомъ) I, 167—168. 261. Христосъ есть единъ, Богъ совершенный и челоѳкъ всесовершенный, всецѣлый: плоть, душа, умъ и Слово, весь челоѳкъ и Богъ въ двухъ сущностяхъ, двухъ естествахъ, двухъ дѣйствованіяхъ и двухъ воляхъ, и въ единой ипостаси, Богъ вмѣстѣ и челоѳкъ, единъ отъ Троицы III, 240. 228—229. Христосъ воспринялъ все челоѳческое къ нашей славѣ; Онъ былъ весь челоѳкъ и поистинѣ весь Богъ... весь во всѣхъ членахъ III, 263. Христосъ оживотворилъ и обожилъ воспринятую Имъ душу, пречистое же тѣло Свое хотя и сдѣлалъ Божескимъ, но носилъ его тлѣннымъ и грубо вещественнымъ; поэтому оно и умерло; послѣ же воскресенія Его и тѣло воскресло нетлѣннымъ I, 376. Христосъ есть Богъ, Властитель, Судія и Царь всяческихъ, Творецъ свѣта и Господь жизни, Свѣтъ неизреченный и непреступный I, 244. Христосъ есть свѣтъ міра, не чувственно видимый, но мысленно созерцаемый I, 324. I, 180—181. 224. II, 51. 53. 55 (*с.м. свѣтъ, солнце*). Христосъ хотя называется свѣтомъ и солнцемъ, но есть выше свѣта и солнца, какъ Творецъ и Владыка свѣта и солнца. Онъ есть жизнь и Животворецъ, есть истина, правда и освященіе, простъ, несложенъ, благъ—Онъ есть всякое благо и превышаетъ всякаго блага II, 324. О земной жизни Господа I. X. и Его страданіяхъ II, 61—63. О страданіяхъ Христа и о подражаніи имъ II, 355—356. III, 78—79 (*с.м. слава*). О домостроительствѣ Христовомъ, совершенномъ Его крестною смертію I, 24—25. III, 45—46 (*с.м. жертва*). О Божественныхъ дѣйствіяхъ Слова III, 266. Христосъ говорить и теперь во всемъ мірѣ, какъ во время Апостоловъ, и въ дѣйствіяхъ Своихъ Онъ таковъ же есть и нынѣ, какъ былъ въ древнее время I, 424. Христосъ дивенъ въ красотѣ и сладости Своей I, 173. III, 94 (*ср. красота, радость*). Пріемлющіе въ себя Христа не вождѣлѣ-

виаютъ уже ничего другого и не любятъ ничего земного, ибо имѣютъ самого Бога, источника и подателя всякаго блага I, 178. Христосъ для вѣрующихъ въ Него бываетъ всѣмъ и всякимъ благомъ не только въ будущей жизни, но и въ настоящей II, 53—54. 306. 479—480. I, 478. III, 35; ср. I, 490. По различнымъ дѣйствіямъ въ насъ Онъ называется то здравіемъ, то свѣтомъ, то жизнію и пр. II, 306. 324—325. Христосъ вѣчно пребудеть съ праведными и они съ Нимъ. *См. добро, Духъ Святый, любовь, молитва, побѣда, Троица, Церковь.*

Т.

Тайнояденіе. О судѣ Божіемъ за тайнояденіе и о необходимости блюстись отъ него II, 282.

Тайны, таинства. Подъ таинствами (тайнами вѣры) преп. Симеонъ разумѣетъ то, что всѣ видятъ, но не (всѣ) постигаютъ II, 138 (*ср. твореніе II, 423*). О таинствѣ Пресв. Троицы (*см. Троица*) I, 24. II, 43. О великомъ таинствѣ воплощенія Христова I, 167. 308. II, 321—322. О таинствѣ воскресенія I, 343 сл. О таинствѣ возсозданія рода человѣческаго и спасенія всего міра (воплощенія) и о таинствѣ обновленія душъ человѣческихъ (возрожденія, обоженія) I, 397. О сокровенныхъ тайнахъ царства небснаго (*см. человекъ*) I, 293 сл. О великомъ таинствѣ христіанства I, 312—314 (*см. христіанство*). О таинствѣ благодати II, 321. О другихъ тайнахъ христіанской вѣры I, 27. 407. 414. 441. II, 245. 322. 343. О таинствѣ христіанской жизни I, 161. О тайнѣ истинно-духовной жизни, которой не могла познать вел мудрость міра сего I, 221—222; ср. I, 315 (*ср. безмолвіе*). О таинствѣ обоженія чловѣка II, 385. Это послѣднее невѣдомо для всѣхъ одержимыхъ страстями III, 148—149. Господь положилъ тьму покровомъ тайнъ Своихъ, и потребенъ нѣкій великій свѣтъ Всесв. Духа для уразумѣнія ихъ I, 406; ср. II, 89—90. III, 272. Что требуется для того, чтобы придти въ созерцаніе и опытное познаніе тайнъ Божіихъ? (*см. созерцаніе*) II, 60. Невозможно познать сокровенныя тайны Божіи одною человѣческою мудростію безъ откровенія свыше отъ Господа: онѣ открываются посредствомъ умнаго созерцанія Божественною благодатію. Знаніе сихъ тайнъ есть достояніе тѣхъ людей, которыхъ умъ каждадневно просвѣщается Духомъ Святымъ ради чистоты душъ ихъ II, 330. 335. По мѣрѣ духовнаго возрастанія, т. е. преспѣванія въ дѣланіи заповѣдей, христіанинъ все болѣе очищается и просвѣщается, и сподобляется видѣть откровенія великихъ тайнъ, коихъ глубины не видѣлъ никогда и совершенно не можетъ видѣть никто изъ тѣхъ, кои не восподвизались придти въ такую чистоту II, 133; ср. II, 366. Когда чловѣкъ долгое время пребудеть въ состояніи созерцанія Божественнаго свѣта, то этотъ свѣтъ входитъ внутрь души его и, просвѣщая его, открываетъ ему таинство за таинствомъ и чудо за чудомъ, для описанія коихъ не достало бы ни

бумаги, ни чернилъ, ни времени I, 417. Умъ Христовъ открываетъ обоженнымъ тайны, которыхъ не можетъ выразить въ словѣ языкъ человѣческой II, 416. При какомъ условіи мнѣншійся быти мудрымъ можетъ проникнуть въ тайны Божіи? (см. *мудрость*) II, 544. См. *богосаученіе, Духъ Святой, Писаніе, священство, смиреніе, созерцаніе. умъ, христіанство.*

Тварь. Земля и вся тварь вначалѣ была детлвною и создана Богомъ въ чинѣ рай I, 370. 371. 378. 381. Послѣ грѣхопаденія всѣ твари отказались повиноваться человѣку, но Богъ повелѣлъ твари оставаться въ повиновеніи и, сдѣлавшись тлвною, служить тлвному человѣку I, 372—373 (см. *растльнїе*). Послѣ люди непотребными дѣлами осквернили землю, воздухъ, небо и все сущее подъ небомъ, особенно когда обоготворили тварей I, 374. Какимъ образомъ тварь будетъ обновлена Богомъ? I, 379. Объясненіе Рим. 8, 20—21 (суетѣ тварь повинуся не волею, но за Повинувшаго ю на упованіи) I, 380—381. Обновленная тварь будетъ подобна воскресшему тѣлу человѣка и сдѣлается нѣкимъ невещественнымъ, духовнымъ, нетлвнымъ, неизмѣннымъ и вѣчнымъ обиталищемъ праведниковъ I, 381—382. Что есть „новая тварь“, о которой говоритъ Апостоль (2 Кор. 5, 17)? II, 123. I, 259. Какимъ образомъ Духъ Святой всецѣло возсоздаетъ, возобновляетъ человѣка и дѣлаетъ новою тварію? III, 151. См. *Творецъ.*

Творецъ, твореніе. О величіи и славѣ Творца III, 54. Созданію никоимъ образомъ невозможно уравниваться съ Создателемъ, твари настолько же различаются отъ Творца, насколько колесница и пила отъ своего мастера III, 81—82. Тварь не можетъ всецѣло узрѣть или постигнуть Творца, но видитъ и познаетъ Его лишь настолько, насколько дано ей отъ Творца III, 54. 82. II, 82. 84. (см. *богослѣдствїе, видѣнїе Бога, созерцаніе*). О различіи между Творцомъ и тварями и объ единеніи между Нимъ и чувственно-разумными существами III, 82—84. О сотвореніи міра невидимаго и видимаго III, 206. I, 367—369. Небо, какъ ничто, произведено словомъ Творца, солнце, звѣзды и земля были какъ бы малымъ подѣліемъ для Творца, Ангелы же задолго до нихъ произошли въ силу одной Божественной мысли III, 179. Художное Слово Бога живописало въ твореніи, какъ на нѣкоей дицацѣ, то, что имѣло быть послѣ въ дѣлѣ спасенія или возсозданія нашего II, 423; ср. III, 276. См. *человѣкъ.*

Терпѣніе—основаніе добродѣтелей II, 380. О терпѣніи искушенной, какъ добродѣтели II, 412. III, 23. Болѣеся Бога съ радостію терпѣть обучительныя наказанія Отца своего, пребывавъ въ отеческомъ домѣ; когда же воспитаются они, Отецъ даетъ въ руки ихъ всѣ блага II, 408. Претерпѣвающіе въ настоящей жизни скорби и искушенія однимъ терпѣніемъ искупаютъ время своей жизни, чрезъ смерть тѣлесную покупая себѣ жизнь вѣчную I, 288—289. Помощію небольшого терпѣнія и малаго добраго произволенія или, лучше сказать, помощію Бога живаго мы возсоздаемся и обновляемся II, 503. О дарѣ вѣры и дарѣ терпѣнія I,

330—331. Христiане вѣроу и терпѣнiемъ наслѣдуютъ обѣтованiя Божiи I, 331. *См. скорби.*

Тлѣнiе. Слова и опредѣленiя Божiи дѣлаются закономъ естества; поэтому и опредѣленiе Божiе Адаму тлѣнiя и смерти стало закономъ естества, вѣчнымъ и неизмѣннымъ I, 319. Послѣ того, какъ человекъ сталъ естественно тлѣннымъ и смертнымъ, даже доднесь ни одинъ человекъ не явился нетлѣннымъ и безсмертнымъ I, 318. Всякій человекъ съ перваго дня рожденiя подлежитъ тлѣнiю и смерти, сила которыхъ возрастаетъ съ возрастомъ, если человекъ возрастаетъ и въ худости I, 317—318. Какъ Адамъ былъ причиною тлѣнiя и смерти для всѣхъ людей, такъ Христосъ, новый Адамъ, сталъ началомъ нашего возрожденiя къ нетлѣнiю и безсмертiю I, 375. *См. растлѣнiе, смерть.*

Трапеза *см. монахи, тѣло.*

Троица Святая. Прежде всего пребезначально существовалъ Богъ—Троица, Духъ совершенно свѣтовидный, всемогущий и невещественный III, 205—206. Единая Троица есть едино Божество; Троицею Оно называется по лицамъ или ипостасямъ, и поелику Богъ нераздѣльно раздѣляется на три лица, неслитно соединенныя во едино, то и называется Богъ—Троица II, 80. Св. Троица есть единый Богъ, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, нераздѣлимый II, 80. Тринностасный Богъ есть единый Духъ, равномогущий, единопрестольный, единосущный II, 106. Краткое изложенiе догмата о Св. Троицѣ I, 260. II, 102—103. О рожденiи отъ Отца Сына Божiя и исхожденiи Духа Святаго II, 94. 98. Отецъ, Сынъ и Духъ Святый суть отдѣльные лица и никоимъ образомъ не могутъ стать однимъ другимъ III, 271. II, 73. Какъ мы призываемъ въ молитвахъ и какими именами называемъ Отца, Сына и Духа Святаго? II, 103—104. Бытiе Троицы невозможно помыслить или представить, если удалить отъ Ней какую-либо одну изъ трехъ ипостасей II, 94—95. 96—97. III, 147. 154. Въ каждомъ изъ трехъ лицъ Св. Троицы мысленно созерцаются и другiя два II, 98; ср. III, 56. Что есть одно лицо Св. Троицы, то же суть и другiя два; ибо лица Св. Троицы тождественны и созерцаются въ единомъ ествѣ, и существѣ, и царствѣ. II, 73. Ни одно лицо Св. Троицы не было прежде другого, но всѣ три лица равно безначально сосущи и совѣчны II, 80,—единосущны и равночестны II, 103. 96. Въ отношенiи къ нераздѣльной и неслитной Троицѣ невозможно ни помыслить, ни сказать: первое, второе, третье, или большее, или меньшее; къ Ней неприложимы мѣры и степеня II, 78. 76. Во Св. Троицѣ нѣтъ никакого отлособленiя и неравенства II, 106. Едино есть естество единого тринностаснаго Божества, единосущное, равномогущное, единовольное, соприсносущное, собезначальное, неслитное и нераздѣльное II, 104. Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—сiи три лица Божества—единакъ есть Богъ, который раздѣляется нераздѣльно по ипостасямъ и единится неслитно по единости единого естества, весь единый въ трехъ ипостасяхъ и весь троиный въ пресущной единости II, 104.

Троица есть совершенно нераздѣльное единство: въ единомъ три и въ трехъ едино III, 208. Въ Троицѣ Единица несліянно, и въ Единицѣ—Троица нераздѣльно III, 269. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Пресв. Троица есть Богъ тріипостасный, Отець, Сынъ и Духъ Святый, но какъ есть и что есть Св. Троица, сего мы не вѣдаемъ II, 84. Что есть Божество Троицы по существу, по виду, по величію и по единенію, это ни для людей недомыслимо, ни для Ангеловъ непостижимо II, 99. Никто ни изъ Ангеловъ, ни изъ людей никогда не видѣлъ и не позналъ образа несозданнаго бытія Божія, или рожденія Сына Божія, или исхожденія Св. Духа III, 195—196. Никто не можетъ добръ и полно постигнуть умомъ и выразитъ словомъ догматы о Пресв. Троицѣ II, 329. 80. Отець, Сынъ и Духъ Святый суть единъ свѣтъ, тріипостасный въ единомъ и единый въ трехъ, существующій нераздѣльно въ трехъ несліянныхъ лицахъ III, 153—154. 137,—единый свѣтъ Св. Троицы, нераздѣльно троико раздѣляемый III, 125. Свѣтъ—Отець, свѣтъ Сынъ, свѣтъ Духъ Святый; три сѣи единъ Свѣтъ, безвременный, нераздѣльный, несліянный, вѣчный, несозданный и пр., Котораго ни одинъ человекъ не могъ никогда увидѣть, прежде очищенія, и не могъ получить, прежде узрѣнія; ибо прежде надлежитъ увидѣть Его и потомъ многими подвигами стяжать II, 48. III, 200. Всѣ три лица—Отець, Сынъ и Духъ суть единый Свѣтъ, Который свѣтитъ во тьмѣ, т. е. въ мірѣ семъ II, 44. О Трисвятномъ, Трисолнечномъ или Трисіяннымъ Свѣтѣ III, 137. 245. 251. Тріипостасный Свѣтъ выше всякаго свѣта, всякаго слова и разума, неизреченъ, недомыслимъ и неприступенъ I, 416. Ученіе о Св. Троицѣ въ ветхозавѣтномъ Писаніи (Быт. 1, 1. 3; Ис. 32, 6) II, 74. Евангелистъ Іоаннъ въ началѣ своего евангелія (Іоан. 1, 1—5) открываетъ таинство нераздѣльной Троицы II, 43. Христосъ лежалъ во гробѣ три дня ради таинства Пресв. Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадалъ одинъ Онъ—Сынъ, однако домостроительство это есть дѣло Пресв. Троицы I, 24. Троица создала все, Она сотворила въ мірѣ по плоти для спасенія нашего Слово и Сына Отчяго, нераздѣльнаго отъ Отца и Духа III, 108. *См. благо, благобытіе, благодать.*

Тщеславіе. Тщеславный не вноситъ истиннаго смиренія и самъ не можетъ смириться II, 512. 515.

Тьма, мракъ. Богъ положилъ тьму покровомъ Своимъ (Ис. 17, 12), и потому все прочее находится во тьмѣ и одинъ только Онъ, какъ свѣтъ, въ тьмѣ III, 272. 55. 84. Чрезъ грѣхонаденіе прародители впали въ мрачнѣйшій мракъ и сдѣлались рабами князя тьмы II, 35. Прародительская тьма—плотское и страстное вѣдѣніе I, 226. Въ человекѣ, невѣдущемъ Бога, бываетъ совершенное отсутствіе свѣта, полная темнота и мракъ II, 490. Потерявъ природную красоту, душа человека сдѣлалась тьмою отъ грѣха III, 265; ср. III, 84. Похоть страстей поистинѣ есть тьма, а любовь къ Богу—свѣтъ III, 68. Всѣхъ людей, мысли которыхъ прилѣпляются къ чувственнымъ предметамъ, эти послѣдніе покры-

вають густою тьмою III, 21. Погружающихся въ грѣховную тьму она и имѣе содержитъ и будетъ содержать узниками во вѣки вѣкомъ III, 55 (ср. *умъ*). См. *невѣдѣніе, покаяніе, слѣпота, страсти*.

Тѣло по естеству превратно и текуче: оно состоитъ изъ четырехъ противоположностей I, 350. III, 199. Тѣло наше сложено изъ многихъ и притомъ неодинаковыхъ частей, которыя составлены изъ четырехъ стихій: земли, воды, огня и воздуха I, 126—127. 220. II, 558. Оно страдаетъ (заболѣваетъ) отъ излишества или оскудѣнія какой-либо изъ нихъ I, 220 (см. *измѣненія*). Тѣло само по себѣ не имѣетъ ни воли, ни произволенія, ни даже движенія I, 350. Первоначально душа господствовала надъ тѣломъ, и въ немъ не было похотей I, 351. Кто умерщвится міру и воскреснетъ душою, у того тѣло не имѣетъ уже болѣе никакого движенія или воспоминанія о своихъ похотѣніяхъ, но бываетъ для нихъ совершенно мертво и бездыханно. Таковой человѣкъ нерѣдко забываетъ даже самыя естественныя потребности II, 317 (ср. *безстрастіе, плоть*). О восхищеніи съ тѣломъ изъ міра III, 127. 107—108. 112; ср. II, 438. III, 46. 20. 138. Тѣла святыхъ при жизни ихъ по временамъ бывають причасты благодати Св. Духа, какъ желѣзо огня, дѣлаея свѣтлыми, особенными отъ всѣхъ другихъ тѣлъ (ср. *обоженіе*); но смерти же они предаются тлѣнію и иныя разлагаются и превращаются въ прахъ, а другія не разлагаются, но сохраняють признаки и тлѣнія и негтлѣнія, пока не облечутся въ совершенное нетлѣніе во время всеобщаго воскресенія. Почему именно такъ бываетъ? I, 377—378. Тѣла умирающихъ, какъ сѣмя, падаютъ въ землю, какими случится имъ быть, и возстають, какими посеяны. И у святыхъ тѣла тлѣють и гніють, но возстають прославленными, сіяющими и блистающими, какъ Божественный свѣтъ; тѣла же грѣшныхъ возстають грязевидными, зловонными, полными гніенія и пр., но и они возстають безсмертными и духовными, однако подобными тѣмъ III, 218—219. Воскресшее тѣло человѣка будетъ не такимъ, какимъ было тѣло первозданнаго Адама, т. е. вещественнымъ, чувственнымъ, измѣляемымъ, но несравненно превосходящимъ, духовнымъ и непреложнымъ, какимъ было тѣло воскресшаго Господа I, 381. III, 153. Насыщеніе вещественными яствами можетъ растлѣть и душу и тѣло, а словеса святыхъ (читаемыя за трапезой) просвѣщаютъ умъ, освящаютъ душу, а чрезъ нее передають освященіе и тѣлу, дѣлая его болѣе здоровымъ и крѣпкимъ II, 283. См. *Адамъ, воскресеніе, душа, наказаніе, Сынъ Божій, Церковь*.

У.

Умиленіе. Плодъ дѣланія заповѣдей есть умиленное сокрушеніе съ плачемъ, а оно приносить плоды всѣхъ добродѣтелей (см. *плачь*) II, 268. Умиленіе—живительное питіе, увеселяющее ду-

шевные и тѣлесныя чувства и подающее жизнь Ш, 62. II, 177—178 (ср. *радость*). Отчего иные легко приходятъ въ умленіе и плачуть, а другіе нѣтъ? II, 256 сл.

Умъ есть око души или сердца I, 417. II, 514. 562, — владычественное души II, 91. Объясненіе словъ: свѣтильникъ тѣлу есть око (Лук. 11, 34) II, 69. Для насъ непостижимо, какъ умъ связанъ съ плотью, и какъ плоть срастворена съ невещественнымъ умомъ, безъ смѣшенія и слиянія III, 199. Для чего именно Богъ совокуплялъ умъ съ прахомъ, помѣстивъ насъ среди вещественнаго? III, 206—207. Умъ нашъ приснодвиженъ и не можетъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи II, 19. Черезъ преступленіе Адама умъ потерялъ здравіе и растлился, а за нимъ и прочія силы души; у падшаго человека умъ, желаніе и чувство получили извращенное направленіе I, 219—221. Круженіе ума (разсѣянность) есть первая и величайшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ: она есть большая и кривая стѣна, мѣшающая уму нашему приближаться къ Богу; это омраченіе души есть начало кромѣшной тьмы адской I, 84—85. 134 (ср. *помыслы*). Эта болѣзнь обща всему роду человѣческому, какъ общи всѣмъ тлѣніе и смерть I, 85. Грѣхъ умомъ есть причина всѣхъ прочихъ грѣховъ, словомъ и дѣломъ, поэтому прежде всего должно заботиться объ урочеваніи ума I, 84—84. Нерѣдко эта болѣзнь ума скорѣе врачуется въ простѣйшихъ и неученыхъ, нежели въ ученыхъ и умудренныхъ наукою; поэтому первые, очевидно, лучше послѣднихъ и ближе къ Богу I, 85. Умъ нашъ не можетъ достойно поклоняться Богу, если не будетъ урочеванъ Христомъ I, 147. Какъ птица не можетъ летать безъ крыльевъ, такъ и уму нашему востечь на небеса и познать тайны Божіи безъ Духа Святаго II, 89—90. Тщетны всѣ подвиги, если не урочеванъ умъ Христомъ I, 147. Умъ невещественъ и безтѣлесенъ и не удерживается стѣнами, но удерживается благодатію Св. Духа и стоитъ неподвижно въ естественномъ своемъ чинѣ и бесѣдуетъ съ Богомъ II, 431 (ср. *молитва*). Когда Божественная благодать осѣнитъ душу человека, тогда умъ его, бывший до того непостояннымъ и разсѣяннымъ, устанавливается и собирается въ себя I, 358—359 (ср. *истина* I, 307). Каждому по мѣрѣ исправленія ума его дается мѣра вѣдѣнія или познанія какъ себя самого, такъ и Бога I, 85. Умъ, урочеванный благодатію, есть великое и дивное благо: это воскресеніе души прежде воскресенія тѣла, это исправленіе вселенной I, 147—148. 85. Имѣющій здравый и совершенный умъ ясно созерцаетъ и разумѣетъ всѣ чудеса отъ закона Божія, солекается перстнаго человека и облачается во образъ небснаго, т. е. Христа I, 148. Когда умъ нашъ освободится отъ лукавыхъ помысловъ и страстей, тогда мы не захотимъ уже низойти въ прежнее рабство грѣха и плотскаго мудрованія II, 171. Умъ святыхъ не оскверняется даже и тогда, когда случится ему обратить вниманіе на нечистыя и мерзкія страсти II, 389—390. Какимъ образомъ умъ дѣлается способнымъ къ воспріятію озареній и,

очищается, утончается и соединяется съ Божественнымъ свѣтомъ? (*ср. сердце*) III, 23. Погружаясь въ Божественный свѣтъ, умъ просвѣтляется и дѣлается свѣтомъ, и называется умомъ Христовымъ III, 69. Кто имѣеть въ себѣ свѣтъ Христовъ, свѣтящій въ умѣ его, о томъ говорится, что онъ имѣеть умъ Христовъ II, 69. Тѣ, которые поистинѣ сдѣлались монахами и соединились съ Богомъ, воспринимають умъ Христовъ, т. е. совершенно неживыя уста и языкъ, посредствомъ котораго они бесѣдуютъ съ Богомъ—Отцомъ III, 92. Умъ Христовъ это—Духъ Христовъ, т. е. благодать Всесвятаго Духа, просвѣщающая и подающая духовное, божественное вѣдѣніе I, 227. II, 416 (*см. тайны*). Что такое умъ обоженный? I, 37—38. Кто стижеть обоженный умъ, тотъ становится властителемъ земли, и все земное трепещеть предъ нимъ I, 132. Око души, умъ, когда ничто не мѣшаетъ его созерпанію (когда очистится сердце), чисто въ чистомъ свѣтѣ видятъ Бога II, 562. Каковымъ становится умъ у человѣка, восшедшаго на высоту созерданія? II, 556. Кто умретъ, имѣя ослѣпленный умъ, тотъ и по смерти не узритъ Солнца правды, но изъ тьмы переселится во тьму и навѣки будетъ отлученъ отъ Бога III, 119—120. *См. Богъ, диаволь, Духъ Св., душа, измѣренія, слово, человекъ, чувство.*

Уныніе *см. диаволь.*

Ученый *см. умъ.*

Учитель. Кто учитъ другихъ, тотъ и себя учитъ тому же и первый долженъ и дѣлать то III, 114. Не должно вѣрить всякому человѣку, который называетъ себя духовнымъ, но прежде слѣдуетъ удостовѣриться, согласны ли слова и дѣла его съ ученіемъ св. отцовъ II, 90. *См. отецъ духовный, священство.*

Х.

Храмъ. Кто недостойнъ переступать порогъ храма Божія? I, 258. II, 335 (*ср. оглашенный, Писаніе*). *См. монахъ.*

Христіанинъ. Богъ отъ всякаго христіанина прежде всего требуетъ, чтобы онъ во всякое время помнилъ грѣхи свои и каялся въ нихъ (*ср. вниманіе*) и чтобы умолялъ Его о дарованіи ему благодатной силы и помощи не грѣшить I, 133—134; ср. II, 521 (*см. судъ*). Одинъ тотъ есть настоящій христіанинъ, кто не только исповѣдуетъ Христа Господомъ своимъ, но творить и волю Его I, 265 (*ср. воля*). Если найдется христіанинъ, который ходитъ стезями грѣха, то такой не христіанинъ, ибо христіанинъ есть и имепуется просвѣщеннымъ, а таковой не видитъ стремнинъ, т. е. не видитъ зла чисто, значить—не имѣеть и свѣта I, 421—422. 224. Такъ какъ всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творить и не можетъ согрѣшати (I Иоан. 3, 9), то христіанину надлежитъ всегда и помышлять, и говорить, и дѣлать одно доброе I, 88 (*ср. крещеніе* I, 329). Если Христосъ для того явился на землю, чтобы разрушить дѣла діавола (I Иоан. 3, 8), которыя суть всякій грѣхъ, то

что пользы именоваться христіанами и дѣлать дѣла діавола? I, 69. Всякій христіанинъ долженъ видѣть и чувствовать свое внутреннее состояніе, здоровъ-ли онъ по душѣ или боленъ, и если не чувствуетъ этого, то все носить имя христіанина I, 65 (см. *чувство*). Истинный христіанинъ тотъ, кто, воспринявъ благодать Божію и ощутивъ ее въ духѣ, возненавидѣлъ мірскія похоти и началъ со всякою радостію и усердіемъ исполнять заповѣди Христовы I, 149. Кто поработенъ страстямъ, тотъ не христіанинъ, а рабъ грѣха и діавола I, 150. Христіанинъ возделѣваетъ только благъ Божіихъ, а кто не таковъ, тотъ не сдѣлался еще христіаниномъ I, 219—220. Тѣ, которые ищутъ человѣческой славы и жаждутъ богатства и утѣхъ, такіе суть язычники, а не христіане настоящіе, по слову Господа (Лук. 12, 30) I, 488. Кто не живетъ благочестно, какъ заповѣдуетъ Христось, тотъ то же, что нехристь и безбожникъ; такой далекъ отъ благодати Божіей и все носить имя христіанина I, 255. 326. Тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощутительно (ср. *благодать*) и не знаетъ спасительной силы христіанства I, 204. 213. 258—259. Каковы характеристическія черты и признаки христіанъ? II, 12—13. Христіанину надлежитъ имѣть подобіе Отцу своему, т. е. Христу, чрезъ плоды Духа и не имѣть подобія лукавому діаволу посредствомъ грѣховныхъ страстей I, 252. Какъ великій ученикъ познается по учителю своему, такъ и христіанинъ познается по подражанію Христу, т. е. по любви (см. *любовь*) I, 183. Каковъ небесный человѣкъ—Христось, таковымъ именно долженъ быть и христіанинъ III, 150. Кто родился духовно и знаетъ Отца своего и узрѣлъ славу вселившагося въ него Единороднаго Сына Божія, тотъ воистину христіанинъ есть II, 46. Какимъ образомъ Христось содѣлываетъ человѣка настоящимъ христіаниномъ и вѣрнымъ? I, 263—264. Нѣтъ никакой пользы именоваться только христіанами: имя христіанина и вѣра христіанская становятся собственностію тѣхъ, которые живутъ по закону Христову I, 248. Тѣмъ же, которые не живутъ по-христіански, лучше бы не носить этого имени или даже лучше бы имъ не родиться, потому что, родясь между христіанами и не имѣя въ себѣ ничего христіанскаго, она большому подвергнутся мученію, нежели нечестивце I, 248. Показываясь только міру христіанами, мы похожи на актеровъ и подиравшающихся блудницъ II, 12. Много ли истинныхъ христіанъ? II, 29. III, 215. См. *бѣдность, вѣрный, искушенія, жертвовать, скорби, смиреніе*.

Христіанство. Сокровенное отъ начала міра таинство христіанства состоитъ въ стяжаніи благодати Божіей или въ томъ, что душамъ вѣрующимъ вѣры ради, а не за добрыя дѣла, сообщается въ таинствахъ мысленная сила Божества Христова, внутренне измѣняющая и обожающая ихъ I, 172. 212. 312—313. 331—332 (см. *побѣда*); ср. I, 258—259. 326. 347. Наибольшая часть изъ

крещеныхъ, именуемыхъ христіанами, не анають этого таинства христіанства I, 313.

Христось см. *Сынъ Божій, врачество, добро, побѣда, Церковь.*
Хула на Духа Св. см. *Духъ Святый.*

Ц.

Царство Божіе, небесное. Для имѣющихъ разумъ нѣтъ ничего болѣе великаго, нѣтъ другого блага ни на землѣ, ни на небѣ, кромѣ царствія Божія I, 489 (см. *ниже* III, 97. 33). Царство небесное есть Духъ Святый или благодать Св. Духа II, 202. 208. 348. 471. Оно есть Самъ Богъ II, 367. Царство небесное, находящееся внутри вѣрующаго, есть Отецъ, Сынъ и Духъ III, 169. Царство Божіе въ насъ есть, когда Богъ бываетъ въ единеніи съ нами благодатию Пресв. Духа, что и было до грѣхопаденія Адама, послѣ котораго Богъ удалился отъ насъ и вмѣстѣ съ Нимъ и царство Его I, 250. Христось пришелъ для того, чтобы открыть Богу входъ въ насъ и царство Его вселить въ насъ, что и совершается въ таинствахъ крещенія и покаянія, для каковыхъ отъ насъ требуется покаяніе I, 250. Какого царства вѣлеть намъ искать Господь и какъ Онъ царствуетъ надъ совершенными? I, 488—489. Здѣсь, въ сей жизни поведѣно намъ изыскать и обрѣсти царство небесное I, 231. III, 34—35. По ученію Христа, Апостоловъ и учителей (отцовъ) Церкви отсюда еще должно воспринять намъ царство небесное, т. е. Духа Святаго и Самого Христа, если только мы желаемъ спастись III, 31—32. Надлежитъ человѣку здѣсь еще на землѣ родиться свыше и увидѣть царствіе Божіе, т. е. увидѣть, что въ немъ царствуетъ Богъ; если же здѣсь еще не воцарится въ душѣ Христось и не сдѣлаетъ ее здоровою, то заключень для нея входъ въ царство небесное I, 214. Кто не стяжетъ царства небеснаго прежде смерти, тотъ и по смерти окажется внѣ его I, 230—231. 450. 480. II, 472. Надлежитъ Христу царствовать въ каждомъ человѣкѣ, дабы могло быть восстановлено въ немъ разумное достоинство I, 364. Потому Христось и называется Царемъ и Господомъ, что царствуетъ господствуетъ надъ вѣрными, содѣвая въ нихъ и чрезъ нихъ, что Ему благоугодно I, 363; ср. I, 489. Будучи Царемъ всѣхъ тварей, Богъ надъ одними людьми хочетъ царствовать по волѣ ихъ, не нарушая ихъ самовластія I, 365; ср. III, 114—115. Христось царствуетъ надъ нами истиною, кротостію и правдою I, 32. 488. Признаки души царствуемой Богомъ суть: кротость, правда, истина, смиренномудріе, благоговѣнство, незлобіе и пр. I, 366. Къ кому приходитъ царство Христово, тѣхъ оно дѣлаетъ равноангельными I, 252. Признакъ и доказательство истиннаго присутствія внутри насъ царства небеснаго это—то, что мы не похотствуемъ никакихъ првременныхъ благъ міра сего и удовольствій, но гнушается ими, какъ мерзостію, и такъ же отвращаемся отъ нихъ, какъ отъ зловонія. А кто имѣетъ пристрастіе къ чему-либо,

изъ нихъ, тотъ ни видѣлъ царства небеснаго, ни обонялъ благоуханія его, ни вкушалъ сладости его I, 33—34. 151. Царство небесное тогда бываетъ собственно нашимъ, когда мы въ чувствѣ души удостовѣрены, что стяжали уже его и вѣрно имѣемъ богатства его, такъ что чувствуемъ безъ всякаго сомнѣнія, что находимся внутри его, и веселямся, наслаждаясь его благами I, 33. Надъ кѣмъ воцарился Богъ, тотъ умнымъ чувствомъ души долженъ ощущать это или опытомъ познать благодать Божества, которое въ немъ царствуетъ, и дѣломъ являть плоды Духа... I, 250—251. Если душа не восчувствуетъ, что царствіе Божіе пришло въ нее и воцарилось въ ней, нѣтъ ей надежды спасенія I, 366. Въ царство небесное принимаются (или его принимаютъ) только здравыя души, имѣющія подобіе Христу I, 124. 214. 31—32. 264. Въ царство небесное одинъ путь, это—любовь или путь заповѣдей Христовыхъ II, 4—5. Безъ трудовъ, подвиговъ и потовъ, безъ самопринужденія, самоутѣшенія и прискорбностей невозможно приять Духа Святаго или войти въ царство небесное II, 348 (см. *искушенія*). Если богатому неудобно вникнуть въ царствіе небесное, то властителю и совѣтъ невозможно, и какому властителю? I, 487. Доколѣ мы служимъ діаволу посредствомъ злыхъ дѣлъ, далеки бываемъ отъ Бога и царствія Его и ложно называемъ Его Богомъ и Отцомъ нашимъ, имѣя діавола властителемъ надъ собою, и отцомъ, и богомъ своимъ, коего и черты подобія носимъ въ себѣ I, 251. Что значить—приблизится царство небесное? I, 239; ср. II, 122. О драгоценной жемчужинѣ или маломъ горчичномъ зернѣ (т. е. царствѣ небесномъ), которое драгоценнѣе и превосходитъ всѣхъ тварей и вещей, какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ III, 97. О евангельской блудницѣ, разбойникѣ и блудномъ сынѣ: за что они получили эту жемчужину, превосходнѣйшую цѣлаго міра? III, 33—34 (см. *огонь*). Какъ одно небо, такъ существуетъ и одинъ чертогъ и одно царство, видъ котораго, т. е. видъ Бога, нѣтъ и не будетъ никакого иного упокоенія III, 76. 120—121. I, 392. См. *залогъ, печать Христова, путь спасенія, смиреніе*.

Церковь Божія какою была въ древнія времена, такою пребываетъ и нынѣ I, 114; ср. I, 97. 111—112. Церковь есть тѣло Христово и невеста Христова I, 389. 390. Христосъ есть какъ глава Церкви, такъ Онъ же Самъ есть опять и храмъ ея, какъ и Церковь есть храмъ Христовъ... I, 390. III, 76. Церковь есть храмъ, градъ, міръ Царя Бога I, 390. Какое единеніе, общеніе, освоеніе и сродненіе имѣетъ жена съ мужемъ и мужъ съ женою, такое же единеніе и сродненіе имѣетъ и Христосъ со всею Церковію, какъ съ единою женою... Но единеніе это бываетъ боголюбиво, что и недомыслимо и неизреченно I, 388. Равно и Церковь единится съ любимымъ ею Богомъ и прильпляется къ Нему такъ, какъ тѣло прильплено къ своей головѣ, и безъ Него, какъ безъ главы своей, не можетъ жить истинною и вѣчною жизнію I, 388—389. Всѣ святые отъ начала міра и до скончанія его составляютъ

единое тѣло Церкви Христовой и суть члены его I, 384. 389—390 (ср. *Давидъ—домъ Давидовъ*). Это тѣло не есть еще вполнѣ цѣлое, и когда оно сдѣлается таковымъ? I, 390—392 (см. *кончина міра*). О различныхъ служеніяхъ въ Церкви I, 384. 386—387. Церковь Христова—Владычье и Божественное тѣло безъ пятна и порока и безъ всякой морщины, каковыми должны быть вѣрные III, 76. Если грѣшники и теперь извергаются изъ Церкви, лучше же лишаются созерцанія вещей божественныхъ, то тѣмъ болѣе въ будущей жизни они не соединятся со всенепорочнымъ тѣломъ Божиимъ и не содѣлаются членами Христовыми III, 76. Являясь святыми членами Святаго Господа, мы не страшимся однако предавать ихъ сквернымъ демонамъ для постыдѣйнаго грѣха III, 68.

Цѣломудріе—одна изъ добродѣтелей I, 451. См. *чистота*.

4.

Человѣкъ. Въ видимомъ твореніи нѣтъ ничего выше человѣка I, 25. Сколько душа честиѣ тѣла, столько разумный человѣкъ лучше и выше всего міра II, 543. Человѣкъ двоякъ и состоитъ изъ двухъ естествъ: души и тѣла I, 22. 66. 302. II, 213. 565. III, 185. Изъ всего видимаго и мысленнаго только одинъ человѣкъ созданъ отъ Бога двоякимъ... онъ есть животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видѣть видимое твореніе и познавать мысленное II, 558. Будучи сотворенъ Богомъ, какъ царь надъ видимымъ міромъ, человѣкъ посягъ въ себѣ характеристическія черты обоихъ міровъ—одного въ своей видимой части, а другого въ части мысленной—въ душѣ и въ тѣлѣ II, 558. Каждый изъ насъ создается Богомъ, какъ второй міръ, большой внутри малаго сего видимаго міра II, 423. Почему человѣкъ называется міромъ? III, 201. Какъ образъ Божій, человѣкъ сроденъ и близокъ къ Творцу (см. *образъ Божій*); онъ одинъ среди тварей знаетъ Бога, и для него одного въ силу ума его Богъ уловимъ неувовимо, видится невидимо и держится недержимо III, 185—186. Будучи смертенъ и тлѣненъ, человѣкъ является малымъ останкомъ жизни на свѣтѣ III, 237. Зачинаясь такъ невзрачно, человѣкъ—это разумное животное бываетъ потомъ такимъ дивнымъ существомъ, которое мнится быти Богомъ всего видимаго въ силу разумности своей I, 323. О сотвореніи человѣка и его назначенія I, 367—369. 294. II, 35. 83—84. Первое изъ нихъ непостижимо для насъ и неизяснимо III, 198—199. Каковымъ былъ первозданный человѣкъ? I, 28. (*О грѣхопаденіи см. Адамъ*). Какимъ сталъ человѣкъ чрезъ грѣхопаденіе и какимъ снова сдѣлался со времени пришествія Христа? I, 29 (см. *законъ*). 294—298. Что значить перстный человѣкъ и небесный человѣкъ? (объясн. I Кор. 15, 47) I, 293—299. III, 149—151. Каковъ тотъ и другой? I, 62. Пока кто не освободился еще чрезъ Іисуса Христа отъ діавола, пусть и не думаетъ, что онъ настоящій человѣкъ I, 252. Люди для того раждаются въ міръ сей, чтобы просла-

влять и благодарить Бога, зная, что всякое добро отъ Него I, 49. 51 (*ср. обожение*). Для того мы, люди, и созданы отъ Бога разумными, чтобы прославляли Его, благодарили и любили... II, 29. I, 365. Какъ разумное существо, человекъ и дѣйствовать во всемъ долженъ разумно I, 359—360. Человеку предлежитъ выборъ между двумя противоположностями (*см. спасеніе*) II, 375. *См. Богъ, самопознаніе*.

Человѣколюбіе. Богъ человѣколюбивъ, но къ тѣмъ, которые чувствуютъ Его человѣколюбіе, чтутъ Его и благодарятъ II, 367—368. Человѣколюбіе Божіе нисколько не послужитъ въ пользу тѣмъ, которые не каются и не соблюдаютъ заповѣдей Его во всей точности II, 235. Въ добродѣтели человѣколюбія проявляется подобіе Богу I, 32.

Честь. Истинная честь состоитъ въ томъ, чтобы почитать всѣхъ, Бога же прежде всего и заповѣди Его стязавать себѣ, какъ богатство, претерпѣвая за нихъ всякія безчестія III, 65—66.

Чистота. Нѣтъ пользы отъ одной тѣлесной чистоты безъ прочихъ добродѣтелей II, 137. 139. Гдѣ глубокое смиреніе, тамъ и слезы обильныя, а гдѣ есть это, тамъ есть и присѣщеніе Св. Духа, подѣ дѣйствіемъ Котораго является всякая чистота и святость II, 562. Въ чемъ состоитъ чистота сердца? (*см. сердце*) II, 562—563. *См. тайны*.

Чревоугодіе. Въ какой мѣрѣ кто работаетъ чреву, въ такой лишаетъ себя вкушенія духовныхъ благъ и наоборотъ II, 515; ср. II, 266 (*см. плачь*).

Чувство духовное. Подобно тому, какъ тѣло чувствуетъ боль, такъ и душа должна духовнымъ чувствомъ чувствовать свою бользнь I, 64. Видѣть и чувствовать есть естественное свойство живыхъ; поэтому кто не видитъ и не чувствуетъ духовно добра и зла, которое прибываетъ въ него и выбываетъ изъ него, тотъ еще мертвъ и не просвѣщенъ лучами умнаго Солнца I, 65—66. Какъ голый тѣломъ, надѣвая одежду, чувствуетъ то и видитъ; такъ и обнаженный душою, облакаясь во Христа, чувствуетъ то и познаетъ. Если же не чувствуетъ, во что онъ облекся, то онъ не живъ, ибо только мертвые не чувствуютъ, когда ихъ одѣваютъ II, 109—110. Въ душѣ есть свои чувства II, 387. Дарующій намъ то, что выше чувства, даетъ намъ благодатію Св. Духа и другое чувство выше чувства, чтобы мы чувствовали имъ чисто и ясно дары Его и дарованія, кои выше чувства II, 553. Выше чувства воспаряющее чувство бываетъ нечувствіемъ всего того, что въ Бога II, 553. Въ отношеніи къ тѣлесному чувство раздѣляется на пять чувствъ (*см. образъ Божій*), въ отношеніи же къ духовному оно пребываетъ всецѣло единымъ чувствомъ, имѣя съ собою и въ себѣ пять чувствъ, поскольку всѣ они едино суть I, 473. Поэтому когда единый Богъ отрывается единой разумной душѣ, то въ одно и то же время ощущается всеми вмѣстѣ чувствами ея, какъ единое и вмѣстѣ всякое благо, которое и видимо бываетъ ею, и слышимо, и услаждаетъ вкусъ, и благоухаетъ для обонія, осязается и пр.

I, 474. Въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ слышательное и зрительное чувство есть одно и то же I, 476. Духовнаго нельзя чувствовать, но пріиди прежде въ созерцаніе его I, 345—346. Духовныя блага воспринимаются въ откровеніи, чувствѣ и созерцаніи I, 419—или съ чувствомъ и сознаніемъ, съ опытнымъ удостовѣреніемъ и духовнымъ созерцаніемъ II, 446 (*ср. единеніе съ Богомъ, крещеніе, причащеніе*). Ни умъ безъ чувства не проявляетъ своихъ дѣйствій, ни чувство безъ ума II, 563. Удостовереніе въ дѣйственности спасенія одно—это духовное чувство благодати Всевятаго Духа, подаваемой въ таинствахъ I, 465 (*ср. надежда*). Душа не есть безчувственное вещество, но существо чувствующее и разумное; поэтому она въ самомъ началѣ чувствуетъ и сознаетъ возгорніе въ себѣ Божественнаго огня (т. е. благодати Св. Духа) II, 311. Невозможно имѣть въ себѣ Духа Святаго безъ живаго и осязательнаго чувства благодати Св. Духа II, 109; *ср.* II, 490—491. I, 332 (*ср. благодать*). Кто утверждаетъ, что каждый изъ вѣрующихъ получаетъ и имѣетъ Духа, не сознавая и не чувствуя того, таковой богохульствуетъ II, 47 (*ср. ересь, святъ* III, 209). Объ ощущеніи духовной жизни (*ср. жизнь*) I, 315. О чувствѣ вѣчной жизни (*ср. мертвость*) II, 48. Какъ тотъ, кто слышъ на одно, слышъ и на все, и кто глухъ на одно, глухъ и па все, такъ то же бываетъ и въ отношеніи къ духовной жизни... и наоборотъ, кто имѣетъ (духовное) чувство къ одному, т. е. къ Богу, тотъ имѣетъ чувство и ко всему Божескому и чувствуетъ, кто каковъ есть въ семъ отношеніи. Будучи въ Богѣ, онъ въ Немъ видитъ все: себя самого, другихъ и все прочее. У кого открылись духовныя чувства, тотъ разумѣетъ, о чемъ здѣсь говорится, а кто не разумѣетъ, у того не здравы душевныя чувства, тотъ есть еще плоть и кровь или какъ бы скотъ несмысленный II, 327; *ср.* II, 517. *Ср. нечувствіе, царство Божіе.*

Чудеса. Творящій знаменія не можетъ спастись ради знаменій только сихъ и чудесъ, если не имѣетъ и дѣлъ праведныхъ I, 435. *Ср. въра.*

3.

Экономъ. Съ какимъ опасствомъ должно проходить послушаніе эконома? II, 523.

Экстазь (изступленіе) *ср. созерцаніе.*

Эпитимія. Необходимость и значеніе эпитимій для согрѣшающихъ послѣ крещенія I, 312. На кого не слѣдуетъ возлагать тяжелыхъ эпитимій и къ кому должны быть примѣняемы каноническія эпитимія? I, 313—314. Объ уврачевательныхъ эпитиміяхъ I, 463. Какъ должно молиться кающемуся, какой держать ему постъ и что еще исполнять (примѣръ эпитимій) I, 277—278.

Ю.

Юродство. Кто, будучи безстрастнымъ, кажетъ себя міру страстнымъ, какъ дѣлали многіе изъ древнихъ отцовъ, тотъ прехваленъ и преблаженъ II, 9; ср. III, 267. Быть какъ бы несмысленнымъ, нищимъ, заброшеннымъ, презираемымъ отъ всякаго чловѣка и почитаемымъ за какого-либо помѣшаннаго—вотъ чрезъ что можно умертвиться міру, пожить сокровенною о Христѣ жизнью и узрѣть Бога обитающимъ въ насъ II, 354.

Ѳ.

Ѳекла св., первомученица. Съ какою любовію она послѣдовала за ап. Павломъ? II, 428.

П О П Р А В К И.

- Стран. 1, строки 7—8 сверху *исправить переводъ и вмѣсто*: которые, благодаря и пр. *читать*: которые со здравымъ разумомъ окрѣпили и душевными чувствами.
- Стр. 2, строка 21 снизу послѣ слова: прежде—*вставить*: ясно, а въ слѣдующей строкѣ *опустить*: вдали.
- Стр. 4, строка 6 сверху *вмѣсто*: божественно-великаго *читать*—божественнаго.
- Тамъ же, строки 14—15 сверху *вмѣсто*: „все въ ней и пр. *слѣдуетъ читать*: „она просто и неограниченно предвосхитила въ себѣ все существующее, по причинѣ и пр.
- „ 17 сверху *вмѣсто*: Премудрости—*надо поставить*: Промыслительницы.
- „ 6 снизу *вмѣсто*: пририсовывая—*читать* предѣлывая.
- Стр. 6, строка 5 сверху *вмѣсто*: поучаются—*надо*: поучатся.
- Тамъ же, 7 сверху *вмѣсто*: Будучи дѣйствительно и пр. *слѣдуетъ читать*: Въ самомъ дѣлѣ, будучи исполненъ и пр.
- „ 18 снизу *вмѣсто*: благо—*слѣдуетъ*: Благо.
- „ 14 „ *вмѣсто*: свѣтъ „ лучъ.
- „ 11—12 „ *вмѣсто*: простирая умные токи и пр. *надо читать*: возвыщаетъ мысленные умы, какъ законно и священноприлично послѣдующіе Ему“³⁾).
- „ 7—8 „ *вмѣсто*: Симеонъ не изслѣдовалъ и пр. *читать такимъ образомъ*: Симеонъ сокровенное въ Божествѣ превыше ума и естества воспѣвалъ (въ гимнахъ), не изслѣдуя и въ священномъ благоговѣніи ума, какъ говорить и пр.
- Стр. 7, строка 6 сверху послѣ: которая—*вставить*: по причинѣ крайняго очищенія.
- Тамъ же, 10 сверху и слѣд. *вмѣсто*: Черезъ это она и пр. *читать*: Поэтому они дивнымъ образомъ являлись для современниковъ поэтами—составителями пѣсней, гимновъ и божественныхъ мелодій; содѣлывались же они обычно такими и пр.
- „ 18 снизу *вмѣсто*: высшаго—*слѣдуетъ*: крайняго.
- „ 17—16 „ *вмѣсто*: Кто расположенъ и пр. *надо читать*: Любезный (читатель) пусть убѣдится въ сказанномъ изъ письменнаго документа и пр.
- Стр. 8, строки 10—11 сверху *вмѣсто*: воспѣвають его совершен-

нѣйшимъ образомъ—*слѣдуетъ читать*: въ собственнѣйшемъ смыслѣ воспѣвають его.

Тамъ же примѣчаніе подь цифрою 4) *опустить*.

Стр. 9, строка 2 сверху *вмѣсто*: когда нѣкоторые—*читать*: которые только.

Тамъ же, 3 сверху и слѣд. послѣ слова: богоборчества—*поставить занятую*, а слѣдующія слова *исправить въ такомъ видѣ*: не износя этого для многихъ, пока былъ (и являлся) въ живыхъ, и слѣдуя въ этомъ великому Діонисию, который и пр.

„ 6—5 снизу *вмѣсто*: которые не знаютъ, что означаетъ иногда и пр. *надо читать*: которые никогда не знали, что значить дѣяніе и пр.

Стр. 10, строки 9—11 сверху *вмѣсто* благодарованный ей благодѣтельный законъ и пр. *слѣдуетъ читать*: изначала благодарованное ей благо, которое и пр.

Тамъ же, 11 снизу *вмѣсто*: къ тому самому благодѣтельному закону всѣхъ вещей—*должно читать*: къ самому изначальному Благу всѣхъ благъ.

„ 9 снизу *вмѣсто* оттуда—*надо*: отъ Него и примѣчаніе подь цифрою 5) *опустить*.

„ 3 „ *вмѣсто*: невѣрія—*слѣдуетъ*: невѣдѣнія.

Стр. 11, строки 3—4 сверху *вмѣсто*: крайнюю чистоту—*надо*: крайнее очищеніе.

Тамъ же, 13 сверху *вмѣсто*: ясности—*слѣдуетъ*: свѣтлости.

„ 14 „ *вмѣсто*: того благодѣтельнаго закона всѣхъ вещей—*должно читать*: самаго изначальнаго Блага всѣхъ (благъ).

„ 3 снизу *вмѣсто*: можетъ показаться вполне возможнымъ—*надо читать*: покажется благопріемлемымъ.

Стр. 12, строки 3—4 сверху и сл., начиная со слова: чтобы тѣ, которымъ попадутся и пр., *исправить такимъ образомъ*: чтобы тѣ, которымъ въ первый разъ попадутся онѣ, или сдѣлались лучшими, наконецъ, ставъ выше зависти и клеветы, и прославили, насколько возможно и пр.

Тамъ же, 1—2 снизу *вмѣсто*: пусть я въ руки не берутъ и пр. *надо читать*: и въ руки не брали бы (этихъ гимновъ) и не изслѣдовали и пр.

Стр. 13, въ примѣчаніи 1-мъ строки 3—2 снизу *вмѣсто*: такъ какъ св. Отецъ и пр. *слѣдуетъ выразиться иначе*: такъ какъ она заканчивалась бы тогда славословіемъ въ нѣсколько иной формѣ.

Стр. 105, строки 14—15 сверху *опустить слова*: (всякое другое), а равно и 2-е примѣчаніе, въ которомъ дано неправильное толкованіе мыслей преп. Симеона. *Данное мѣсто слѣдуетъ изяснить* въ связи съ слѣдующими словами: и въ первомъ и во второмъ случаѣ св. Отецъ разумѣеть любовь къ Богу, но въ первомъ случаѣ—высшую степень ея, превышеестественную любовь, понуждаясь любить ко-

III

торую, онъ терялъ и ту любовь, какую имѣлъ, т. е. естественную, доступную человѣческой природѣ.

Стр. 133, стихъ 13 сверху (19—20 строка) *исправить въ такомъ видѣ*: Послушай теперь говорю тебѣ, о страшныхъ (дѣлахъ) двоюкаго Бога ¹⁾, бывшихъ и пр.

Тамъ же примѣчаніе 1-е *замѣнить* другими словами: т. е. Христа, Богочеловѣка, а примѣчаніе 2-е совершенно *опустить*.

Стр. 195, стихъ 4 снизу во второй половинѣ (5—4 строки) *исправить такимъ образомъ*: равно какъ и родиль Ты (несозданно).

Стр. 276, стихъ (и строку) 15 снизу *слѣдуетъ читать такъ*: Стань кошкой и пр., а стихъ 10 снизу *читать такимъ образомъ*: Не будь волкомъ, но отъ волковъ бѣги.

Стр. 277, стихъ 10 снизу (строку 12) *исправить слѣдующимъ образомъ*: И тогда на вопросъ ты отвѣтишь мнѣ словомъ, конечно, я пр.

IV

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
10	1	снйзу	несообщими
12	4	сверху	они
15, примѣч. 3-е,	4	сверху	бобов
20	6	снйзу	грабѣ
34	16	сверху	ни
42	5	"	славою
Тамъ же	6	"	похвалъ людскихъ
44, примѣч. 2-е	"	"	похвалами людскими
45	15	сверху	ругло
57	3	"	Рим. 7, 14
68	11	"	Рим. 8, 14
81	11	"	Обольстившихъ
83, стихъ 8,	10	"	(Обольстившихъ)
Тамъ же, стихъ 10,	14	"	любовь
100	12	снйзу	моего
107	9	"	Моего
Тамъ же	6	"	Ты
114	12	"	Жизни
118	6	"	жизни
125	9	"	мию
126	5	сверху	амѣя
130	10	снйзу	амѣя
133, стихъ 13,	20	сверху	амѣя
140	16	снйзу	амѣя
147	8	сверху	амѣя
159	2	снйзу	амѣя
166, стихъ 11,	12	сверху	амѣя
172	18	"	амѣя
174	3	снйзу	амѣя
181	4	"	амѣя
183, стихъ 14,	17	"	амѣя
192, стихъ 7,	10	"	амѣя
212	2	"	амѣя
Тамъ же	1	"	амѣя
213	11	сверху	амѣя
Тамъ же, стихъ 13,	14	"	амѣя
219	2	снйзу	амѣя
242	18	"	амѣя
261, примѣч. 4-е,	2	"	амѣя
262, примѣч. 1-е,	8	сверху	амѣя
267	4	"	амѣя
268	9	снйзу	амѣя
270, стихъ 12,	13	"	амѣя
271	10	сверху	амѣя
273	1	снйзу	амѣя

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О гимнахъ преп. Симеона Новаго Богослова . I—XXXII	
Никиты Ствѣата, монаха и пресвитера Студійскаго монастыря, на книгу божественныхъ гимновъ предодобнаго Отца нашего Симеона.	1
Начало божественныхъ гимновъ, т. е. введеніе	13
I. О томъ, что божественный огонь Духа, коснувшись душъ, очистившихся слезами и покаяніемъ, охватываетъ ихъ и еще болѣе очищаетъ; освѣщая же помраченныя грѣхомъ части ихъ и врачуетъ раны, онъ приводитъ ихъ къ совершенному испѣленію, такъ что онѣ блистаютъ божественной красотой.	15
II. О томъ, что страхъ рождаетъ любовь, любовь же, будучи Божественнымъ и Святымъ Духомъ, искореняетъ изъ души страхъ и остается въ ней одна.	24
III. О томъ, что Духъ Святой пребываетъ въ тѣхъ, которые сохранили чистымъ святое крещеніе, отъ осквернившихъ же его Онъ отстуетъ.	36
IV. Кому Богъ являеся, и кто чрезъ дѣланіе заповѣдей приходитъ въ доброе состояніе?	41
V. Четверостишія преп. Симеона, показывающія его любовь (<i>ἔρωτα</i>) къ Богу	44
VI. Увѣщаніе къ покаянію, и какимъ образомъ воля плоти, сочетавшись съ волею Духа, содѣлываетъ человека богоподобнымъ?	44
VII. Согласно съ природою одно только Божество должно быть предметомъ любви и вождельнія; кто пріобщился Ему, тотъ сдѣлался причастнымъ всѣхъ благъ.	47
VIII. О смиренія и совершенствѣ.	48
IX. Кто живетъ, не въдая еще Бога, тотъ есть мертвый среди живущихъ въ познанія Бога; и кто недостойно причащается (св.) Тайнъ, для того неумовно бываетъ божественное тѣло и кровь Христова.	59
X. Исповѣданіе, соединенное съ молитвой, и о сочетаніи Духа Святаго съ безстрастіемъ.	62
XI. О томъ, что для всякаго человека, досаждаемаго и злостраждущаго ради заповѣди Божіей, (само) это безчестіе за заповѣдь Божію является славой и честію; и діалогъ (разговоръ) ко своей душѣ, научающій неисчерпаемому богатству Духа.	63

- XII. О томъ, что желаніе и любовь къ Богу превосходятъ всякую любовь и всякое человѣческое желаніе; умъ же очищающихся, погружаясь въ свѣтъ Божій, весь обожается, и потому называется умомъ Божиимъ. 68
- XIII. Изъявленіе благодарности за дары Божіи, и какимъ образомъ въ Отцѣ, пишущемъ это, дѣйствовалъ Духъ Святой? Также наставленіе, изреченное отъ (лица) Божія о томъ, что должно дѣлать, чтобы получить спасеніе спасающихся. 70
- XIV. Тѣ, которые отсюда уже чрезъ причастіе Духа Святаго сочетались съ Богомъ, и по преставленіи изъ сеіи жизни, будутъ тамъ сопробывать съ Нимъ во вѣки. Если же вѣтъ, то противоположное будетъ съ тѣми, которые являются иными. 72
- XV. Благодареніе за изгнаніе и скорби, которыя претерпѣлъ (св. Отецъ) во время гоненія на него 78
- XVI. Всѣ святые, будучи озаряемы, просвѣщаются и видятъ славу Божію, насколько возможно человѣческой природѣ видѣть Бога 80
- XVII. Соединеніе Всесвятаго Духа съ очистившимися душами происходитъ съ яснымъ чувствомъ, т. е. сознаниемъ; и въ которыхъ (душахъ) это бываетъ, тѣ Онъ содѣлываетъ подобными Себѣ, свѣтовидными и свѣтомъ. 82
- XVIII. Алфавитъ въ двустипіяхъ, побуждающій и наставляющій недавно удалившагося отъ міра восходить къ совершенной жизни. 87
- XIX. Наставленіе монахамъ, недавно отрекшимся міра и того, что въ мірѣ; и о томъ, какую должно имѣть вѣру къ отцу своему (духовному). 89
- XX. Каковымъ должно быть монаху, и какое его дѣланіе или преспѣаніе и восхожденіе? 91
- XXI. Объ умномъ откровеніи дѣйствій Божественнаго свѣта и объ умномъ и Божественномъ дѣланіи добродѣтельной жизни. 95
- XXII. Божественныя вещи ясны (и открыты) однимъ только тѣмъ, съ которыми чрезъ причастіе Духа Святаго весь со всеми соединился Богъ. 101
- XXIII. Озареніемъ Духа Святаго прогоняется въ насъ все страстное, какъ тьма отъ свѣта; когда же Онъ сокращаетъ лучи Свои, мы подвергаемся нападенію страстей и злыхъ помысловъ. 106
- XXIV. О томъ, что иногда и учитель, заботясь объ исправленіи ближняго, увлекаемъ бываетъ въ находящуюся въ томъ слабость страсти. 110
- XXV. Кто отъ всей души возлюбилъ Бога, тотъ ненавидитъ міръ. 113
- XXVI. О томъ, что лучше быть хорошимъ пасомымъ, чѣмъ быть пастыремъ надъ не желающими; ибо не будетъ

VII

- никакой пользы тому, кто, стараясь другихъ спасти, самъ себя погубить чрезъ предостоятельство надъ ними. 113
- XXVII. О Божественномъ озареніи и просвѣщеніи Духомъ Святымъ; и о томъ, что Богъ есть единственное мѣсто, въ которомъ всё святыя по смерти имѣютъ упокоеніе; отпавшій же отъ Бога (нигдѣ) въ другомъ мѣстѣ не будетъ имѣть упокоенія въ будущей жизни. 117
- XXVIII. Исполненныя любви къ Богу слова Отца показываютъ здѣсь, какое измѣненіе произошло въ немъ, какъ онъ, вконецъ очистившись, соединился съ Богомъ и изъ какого какимъ сталъ. Къ концу онъ, богословствуя, говорить (еще) и объ Ангелахъ. 123
- XXIX. Содѣлавшійся причастникомъ Духа Святаго, будучи восхищаемъ Его свѣтомъ или силою, возвышается надъ всѣми страстями, не терпя вреда отъ приближенія ихъ. 126
- XXX. Благодареніе Богу за дары, которыхъ (св. Отецъ) удостоился отъ Него. И о томъ, что достоинство священства и игуменства страшно даже для Ангеловъ . 128
- XXXI. О бывшемъ св. Отцу видѣніи Божественнаго свѣта, и какъ Божественный свѣтъ не объемлется тьмою въ тѣхъ, кто, изумляясь величію откровеній, помнитъ и человеческую немощь и осуждаетъ себя самого. . 131
- XXXII. Здѣсь Отецъ съ изумленіемъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Бога, подобно апостоламъ Стефану и Павлу. 136
- XXXIII. Благодареніе Богу за бывшія отъ Него благодаренія; и просьба научить, ради чего содѣлавшимся совершенными попускается (терпѣть) искушенія отъ бѣсовъ; и объ отрекающихся отъ міра—наставленіе, изреченное отъ лица Божія. 139
- XXXIV. Что значить выраженіе „по образу“, и справедливо человѣкъ признается образомъ Божиимъ. И о томъ, что любящій враговъ, какъ благодѣтелей, является подражателемъ Бога, а потому, содѣлавшись причастникомъ Духа Святаго, онъ бываетъ Богомъ по усновленію и по благодати, будучи познаваемъ одними тѣми, въ которыхъ дѣйствуетъ (тотъ же) Духъ Святой. 146
- XXXV. Просительная и вмѣстѣ благодарственная молитва (св. Отца) къ Богу за излитыя на него (благодаренія). 152
- XXXVI. Богословіе о единствѣ во всемъ тринностнаго Божества; и какъ (св. Отецъ), смиряя себя, (этимъ исповѣданіемъ) носрамляетъ самомиѣніе мнящихъ о себѣ, что они ничто 153
- XXXVII. Ученіе съ богословіемъ о дѣйствіяхъ святой любви, т. е. самого свѣта Духа Святаго. 157

VIII

- XXXVIII. Учение съ богословіемъ, въ которомъ (говорится) о священствѣ и вмѣстѣ о безстрастномъ созерданіи 164
- XXXIX. Благодареніе и исповѣданіе съ богословіемъ, и о дарѣ и причастіи Св. Духа. 169
- XL. Благодареніе съ богословіемъ и о тѣхъ дѣйствіяхъ, по которымъ наименована Божественная благодать Духа. 177
- XLI. Точное богословіе о неуловимомъ и неопикуемомъ Божествѣ, и о томъ, что Божественное естество, будучи неопикуемо (неограниченно), не находится ни внутри, ни внѣ вселенной, но и внутри и внѣ есть, какъ причина всего, и что Божество только въ умѣ уловимо для человѣка неуловимымъ образомъ, какъ лучи солнца для глазъ. 184
- XLII. О богословіи и о томъ, что Божественное естество неизслѣдимо и совершенно непостижимо для людей. 194
- XLIII. О богословіи и о томъ, что сохранившіе образъ (Божій) попираютъ злыя силы князя тьмы; прочіе же, у которыхъ жизнь проходитъ въ страстяхъ, находятся въ его власти и царствѣ. 200
- XLIV. О богословіи и о томъ, что умъ, очистившись отъ вещества страстей, невещественно созерцаетъ Невещественнаго и Невидимаго. 205
- XLV. О точнѣйшемъ богословіи и о томъ, что не видящій свѣта славы Божіей хуже слѣпыхъ. 207
- XLVI. О созерданіи Бога или вещей Божественныхъ, о необычайномъ дѣйствіи Духа Святаго и о свойствахъ (*περὶ τῶν ἰδίων*) Святой и единосущной Троицы. И о томъ, что не достигшій вступленія въ царство небесное не получить никакой пользы, хотя бы онъ былъ и внѣ адскихъ мукъ. 210
- XLVII. О богословіи и о томъ, что не измѣнившемуся чрезъ причастіе Св. Духа и не сдѣлавшемуся съ познаниемъ Богомъ по усновленію непозволительно учить людей (вещамъ) Божественнымъ. 220
- XLVIII. Кто есть монахъ и какое его дѣланіе? И на какую высоту созерцанія возшелъ этотъ Божественный Отецъ? 224
- XLIX. Молсіе къ Богу и какъ этотъ Отецъ, соединяясь съ Богомъ и видя славу Божію, въ немъ самомъ дѣйствующую, приходилъ въ изумленіе? 225
- L. Общее наставленіе съ обличеніемъ ко всѣмъ: царямъ, архіереямъ, священникамъ, монахамъ и мірянамъ, изреченное и изрекаемое отъ устъ Божіихъ. 226
- LI. О томъ, что славные земли и гордые богатствомъ прельщаются тѣнью видимаго; презрѣвшіе же на-

IX

стоящее необманчиво дѣлаются причастниками Божественнаго Духа.	237
LIII. Блестящее изслѣдованіе о мысленномъ раѣ и о древѣ жизни въ немъ.	241
LIII. Моленіе и молитва Преподобнаго къ Богу о (дарованіи отъ) Него помощи.	243
LIV. Молитва ко Святой Троицѣ.	245
LV. Другая молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о святомъ причащеніи.	250
LVI. О томъ, что каждому изъ людей Богъ далъ прирожденное и полезное дарованіе чрезъ Духа Святаго, чтобы дѣйствовать не такъ, какъ самъ онъ желаетъ, но какъ предопредѣлено отъ Него, дабы не быть бесполезнымъ среди (членовъ) Церкви Его.	252
LVII. О томъ, что смерть касается и болѣе крѣпкихъ по природѣ.	257
LVIII. Какъ этотъ Божественный Отецъ, видя славу Божию, былъ дѣйствуемъ Св. Духомъ. И о томъ, что Божество находится внутри и внѣ всего (міра), но Оно и уловимо и неуловимо для достойныхъ; и что мы—домъ Давидовъ; и что Христось и Богъ, содѣлывающійся многими нашими членами, есть одинъ и тотъ же и пребываетъ нераздѣльнымъ и неизмѣннымъ.	957
LIX. Посланіе къ монаху, вопрошавшему (св. Отца): какъ ты отдѣляешь Сына отъ Отца, мыслію (<i>ἐπινοία</i>) или дѣломъ? Въ немъ найдешь богатство богословія, опровергающаго его (вопросателя) хуленіе.	265
LX. Путь къ созерцанію Божественнаго Свѣта.	279
Алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ двухъ выпускахъ словъ преп. Симеона Новаго Богослова и въ переводѣ гимновъ	1—66
Поправки	I—III
Замѣченныя опечатки.	IV
Оглавленіе.	V—IX

Преподобный Симеон
новый богослов
Творения
Том 3.

Репринтное издание

Ответственная за издание Г. Ф. Соколова

Подписано в печать с оригинал-макета 12.02.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумига
типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5. Усл. кр. отг. 24,5. Заказ 33
Заказное.

Малое предприятие «Принтэкс»

141200, г. Пушкино Московской обл., ул. Некрасова, 18.

Областная книжная типография, 320091, г. Днепрпетровск, ул. Горького, 20